МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И СПОРТА
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

1–5 декабря 2025 г.

Сборник научных статей: гуманитарные и общественные науки

Ереван
Издательство РАУ
2026

HOMO RES SACRA

ՌՈՒՍԱՍՏԱՆԻ ԴԱՇՆՈՒԹՅԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԲԱՐՁՐԱԳՈՒՅՆ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ, ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ, ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ԵՎ ՍՊՈՐՏԻ ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ

ՌՈՒՍ-ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

ՏԱՍՆԻՆՆԵՐՈՐԴ ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ՏԱՐԵԿԱՆ ԳԻՏԱԺՈՂՈՎ

2025 թ. դեկտեմբերի 1–5

Գիտական հոդվածների ժողովածու՝ հումանիտար և հասարակական գիտություններ

Մաս I

Երևան–2026

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И СПОРТА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

1–5 декабря 2025г.

Сборник научных статей:
гуманитарные и общественные науки

Часть I

Ереван–2026

УДК 3(082)
ББК 6/8я43
М 431

Печатается по решению Ученого и Редакционно-Издательского советов РАУ

Программный комитет Конференции
Э.М. Сандоян (председатель), П.С. Аветисян (заместитель председателя), М.Г. Хачатрян, Э.М. Казарян, Е.Г. Маргарян, Ж.Б. Арамян, М.А. Калашян, К.В. Маркарян, А.К. Агаронян, Р.В. Захарян, Г.С. Асатрян, Н.И. Таткало, Р.Г. Арамян, С.С. Саргсян, Г.Г. Тоноян, Д.Б. Айрапетян, Э.Р. Сиволенко, В.Ш. Меликян, Г.Г. Данагулян, А.А. Аракелян, А.А. Оганесян, А.М. Григорян, М.А. Восканян, И.Б. Петросян, А.А.Тавадян, Р.А. Коджоян, А.В. Агаджанян, Б.В. Маилян, А.С. Берберян, К.С. Акопян, Г.Э. Галикян, Л.С. Меликсетян, А.А. Симонян, Г.Г. Геворгян, Н.В. Геворгян, О.Л. Саркисян, В.А. Оганесян, К.Г. Сардарян, Н.Ю. Зограбян, А.С. Гамбарян, М.В. Алекян, Н.И. Кеворкова, В.Р. Кеворков, А.Л. Григорян.

Девятнадцатая международная годичная научная конференция
М 431 (1–5 декабря 2025г.): Сборник научных статей: гуманитарные и общественные науки..– Ер.: Изд-во РАУ, 2026. – 712с.

Сборник печатается по материалам 19-ой Годичной научной конференции, проведенной в Российско-Армянском университете. Статьи публикуются в алфавитном порядке и под авторскую ответственность.
Публикация сборника осуществлена в соответствии с требованиями ВАК РА к сборникам научных трудов.
Сборник зарегистрирован в базе данных РИНЦ и КиберЛенинка.

УДК 3(082)
ББК 6/8я43

ISBN 978-9939-67-408-7

© Издательство РАУ, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Агабекян А.Л., Грабчев М.А. Особенности пробации в Российской Федерации …….. *9*
Барсегян А.О., Зограбян Н.Ю. Уголовно-правовой анализ нарушения правил трансплантации в контексте Уголовного Кодекса Республики Армении ……...… *16*
Булахова В.Д. Искусственный Интеллект и уголовная ответственность: границы человеческого фактора ……...… *25*
Զոհրաբյան Ն.Յ., Մինասյան Տ.Մ. ՀՀ-ում քրեական պատասխանատվության տարիքային նվազագույն շեմի հիմնախնդիրը՝ նորմատիվ համաչափության և համակարգային ներդաշնակության տեսանկյունից …… *34*
Клычев Р.А. Проблема квалификации преступлений в сфере информационной безопасности …… *46*
Մելիքսեթյան Մ., Գրիգորյան Գ. Ծնողի կամ այլ մերձավոր ազգականի և երեխայի միջև տեսակցության իրականացմանը խոչընդոտելը՝ որպես ընտանեկան և կենցաղային բռնության տեսակ …… *55*
Римар И.В. Цифровые доказательства в уголовном процессе: проблемы допустимости и достоверности ……..... *65*
Սարգսյան Ա.Ա., Բախշյան Գ.Բ. Հայեցողությունը քրեական իրավունքում …….. *74*

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Այվազյան Է.Ռ. Թունյան Ա.Ա. Ընկերության տնօրենի պաշտոնից ազատման իրավակարգավորման առանձնահատկությունները ՀՀ-ում … *88*
Айрапетян Ю.В. Потребительский экстремизм на маркетплейсах: когда право на судебную защиту не благо …… *97*
Арутюнян Р.Э., Вильгоненко И.М., Приходько О.Н. Проблемы соотношения норм земельного и гражданского права: проблемы и пути их решения ……. *103*
Иорданян Р.А. Теоретико-правовой статус ценных бумаг как объектов гражданских прав …….. *110*
Мельникова В.Г., Зенкова М.С. Искусственный Интеллект и законодательство в сфере труда: направления развития и проблемы законотворчества ……... *121*
Мкртчян Л.Ю. Сравнительно-правовой анализ информатизации адвокатской деятельности в России и Армении ……. *128*
Осипян А.Г. Анализ судебной практики по делам о нарушении авторских прав с использованием Искусственного Интеллекта: зарубежный опыт … *135*
Погорелова А.Н. Правовая охрана редких и исчезающих видов животных в Российской Федерации ……... *152*

Սարգսյան Գ.Ս. Աշխատողի՝ մասնավոր շահով առաջնորդվելու վարքագծի իրավական գնահատականի հիմնախնդիրները աշխատանքային իրավահարաբերություններում *165*
Тунян А.Г., Заргарян Р.А. Правовая природа доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью *179*

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Գրիգորյան Մ.Ա. Մարդու իրավունքների եվրոպական դատարանը և Լեռնային Ղարաբաղը (Արցախ). դատական պրակտիկայի զարգացումը միջազգային անորոշության համատեքստում *188*

ТЕОРИЯ ПРАВА И КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Аксенова Н.Е., Данилова К.В., Жук И.В. Влияние цифровизации на административные процедуры *199*
Ստեփանյան Հ.Ա., Միքայելյան Տ.Ա. Հայաստանյայց առաքելական սուրբ եկեղեցու իրավական կարգավիճակը՝ կրոնական բազմակարծության համատեքստում *204*
Դավթյան Ռ.Ա. ՀՀ դատատական օրենսգիրք Սահմանադրական օրենքով դատավորին կարգապահական պատասխանատվության ենթարկելու հետ կապված որոշ հիմնախնդիրները *216*

ПОЛИТОЛОГИЯ

Антонян А.Р. Институционализация политических PR-агентств как механизм защиты демократии от цифровых манипуляций *227*
Галенкин Р.М. Мао Цзэдун в переводах на белорусский язык *233*
Գալստյան Մ.Ս. Ազդակիր համայնքների դերն ու կարգավիճակը հանրային կառավարման խնդիրների համատեքստում *239*
Դավթյան Ն.Ա., Դավթյան Վ.Ս. Տրանսպորտային հաղորդակցությունների ազդեցությունը Հայաստանի տնտեսական և անվտանգային կայունության վրա՝ 2020թ. պատերազմից հետո *250*
Мирумян Р.А., Петросян А.А. Специфика политической философии Мишеля Фуко *264*
Ղազարյան Լ.Մ. Ինքնության ճգնաժամի հիմքերը ՀՀ-ում (2018–2025թթ.). էթնիկ-մշակույթային և քաղաքացիական մոդելների բախումը *277*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Григорян Т.А. Механизмы и пределы сотрудничества России, Турции и Ирана в процессе сирийского урегулирования *284*
Мелян Л.А. Эволюция подходов Республики Корея и КНДР к проблеме объединения Корейского полуострова *293*
Леоненко А.А., Капинос С.П. Влияние кибербезопасности на международные отношения и национальную безопасность государств *304*

ФИЛОСОФИЯ

Шеметов Г.А. Методологические и этические проблемы виртуализации социальных связей *314*

ИСТОРИЯ

Асоян Л.А. О некоторых малоизученных фактах биографии генерала Е.Е. Вышинского *322*
Бардакчян О.Х. Американо-китайские отношения с 1989 по 2001 годы: история и краткий анализ в контексте текущего американо-китайского противостояния *332*
Բոյաջյան Է.Գ. Հայաստանի ինքնավարության և բարենորոգումների նախագծերը՝ ըստ 1878թ. հայկական մամուլի *341*
Дадаян С. Город – крепость Шуши феномен армянской самобытности *352*
Данилов И.С. Историческая роль армянских общин России, Сша и Франции в сохранении идентичности и культурного наследия *364*
Котенко Д.Г. Интеграция грузинской элиты в социально-политические институты Российской империи (на примере Западной Грузии) *372*
Սայիյան Ա.Ս. Թուրք-ադրբեջանական հարաբերությունները 2003–2019թթ. *381*

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Витер А.А., Диденко М.П. Цифровой маркетинг как фактор инновационного развития Индии *397*
Евстратов А.Г. Маоизм в революционных движениях Ближнего Востока: идеология и практика *406*
Արշունց Մ. Քատարի ճգնաժամի ընթացքում լրատվամիջոցների կիրառումը որպես պայքարի հարթակ *413*

ПСИХОЛОГИЯ

Ասլյան Գ.Հ., Մալումյան Տ.Զ. Ենթաանձնավորություն հասկացությունը պատմական և ժամանակակից հոգեթերապևտիկ ուղղություններում *422*
Берберян А.С., Абаджян К.А. Взаимосвязь учебной мотивации и копинг-стратегий у студенческой молодежи *431*
Берберян А.С., Абаджян К.А. Типы личности и вовлеченность студенческой молодежи в сферу искусственного интеллекта *443*
Берберян А.С., Захарова А.В. Взаимосвязь уровня самооценки с барьерами в межличностном общении *460*
Берберян А.С., Назмутдинова А.Р. Взаимосвязь стилей педагогического общения и вовлеченности студентов в процессе обучения в вузе *468*
Берберян А.С., Сафарян Э.А. Взаимосвязь уровня субъективного контроля и склонности к прокрастинации у студентов *483*
Բերբերյան Ա.Ս., Յարամիշյան Վ.Բ. Շարունակական սթրեսի ազդեցությունը Արցախից բռնի տեղահանված անձանց էթնիկ ինքնության և սոցիալ-հոգեբանական հարմարման գործընթացի վրա *499*

Վարդանյան Տ.Լ. Խաղամոլության դրսևորումներով անձանց անհատահոգեբանական առանձնահատկությունները *513*
Գևորգյան Մ.Մ. Մետաֆորիկ ասոցիատիվ քարտերի կիրառումը դեռահասների հետ հոգեբանական աշխատանքներում *519*
Umarov N. Strengthening students' problem-solving skills through PISA research in Uzbekistan *531*
Մալումյան Տ.Զ., Ոսկանյան Մ.Ա. Դեռահասների ինքնիրացման առանձնահատկությունները մշակութային կոնգրուենտության համատեքստում *537*
Мадумарова Г.С. Пути формирования качеств, свойственных современному руководителю *548*
Мазманян М.М., Шахвердян М.С. Работа с учебно-терминологическим словарем как когнитивная стратегия в преподавании психологии *563*
Մալումյան Տ.Զ., Ղանադյան Ա.Կ., Մատինյան Լ.Ա. Վերահսկողության լոկուսի և ինքնագնահատականի ազդեցությունը որոշումների ընդունման ոճի վրա *572*
Мартинкевич Е.С. Понятие и структура семейного взаимодействия *583*
Мурадян А.Р., Арутюнян Л.А. Психологические факторы возникновения виктимного поведения у подростков *596*
Мирзоян В.Х. Модели развития креативности личности: теоретические подходы и концепции *607*
Нам Т.А. Мотивация к волонтерской деятельности в студенческой среде: психолого-педагогические аспекты *621*
Оганесян А.В., Неркарарян Н.А. Психический инфантилизм и его последствия *629*
Рубцова А.В., Берберян А.С., Кукушкина М.Д. Формирование корпоративной культуры диалога: роль центра медиации в современном университете *647*
Саркисян В.Р. Нано-макетная теория функционирования генома и эпигенетические основы памяти у человека *656*
Ստեփանյան Ա. Գիտամանկավարժական համագործակցությունը որպես ուսանողների հոգեկան առողջության պահպանման գործոն *663*
Степанян А. Факторы, влияющие на возникновение и проявление тревожности у студентов и пути их преодоления *671*
Согомонян А.А. Метафорические построения в практике обучения психологов *680*
Чичерина Н.В., Смирнов М.В. Категория социально-профессиональной ответственности в психолого-педагогических исследованиях *688*
Шахвердян М.С., Мазманян М.М. Восприятие студентоориентированного обучения студентами и преподавателями *699*

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-9-15

ОСОБЕННОСТИ ПРОБАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.Л. Агабекян, М.А. Грабчев

Национальный исследовательский Томский государственный университет
Юридический институт
allaagabekyan@yandex.ru, miheichcat500@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Авторами проведен анализ действующего законодательства о пробации в России, выделены виды отечественной пробации, а также дана оценка правовому статусу как сотрудников пробации, так и «клиентов» пробации. В статье приведены эмпирические данные проведенного исследования, направленного на выявление эффективности исполнительной пробации для обеспечения безопасности общества.

Ключевые слова: эффективность пробации, общественная безопасность, «клиент» пробации.

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10043, https://rscf.ru/project/24-78-10043/.

В 2024г. в российскую правовую реальность был интегрирован институт пробации. Это стало возможным благодаря планомерной уголовной политике страны, направленной на снижение уровня преступности, в частности, рецидивной, в целях обеспечения общественной безопасности. Как отмечалось в документах по формированию и развитию уголовно-исполнительной политики, государство к числу своих задач относит внедрение пробации. Первым шагом на пути формирования органов пробации стало принятие в феврале 2023г. Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Закон о пробации), положения которого вступили в силу в 2024г. Некоторые нормы, касающиеся постпе-

нитенциарной пробации, стали применяться лишь спустя год, а именно с 1 января 2025г.

Структура действующего закона включает в себя небольшое количество статей, которые не описаны детально, что заставило некоторых отечественных ученых прийти к выводу о том, что закон носит исключительно рамочный характер. С данным утверждением сложно согласиться, ведь закон регулирует ключевые аспекты применения пробационных мер, а детализация их реализации в тексте закона привела бы к большим коллизиям. Кроме того, ученые не могли прийти к единству в вопросе установления принадлежности данного закона к той или иной отрасли права. Преобладающей была точка зрения тех, кто относил ее к источнику лишь уголовно-исполнительного законодательства. В то же время другая группа ученых, чью позицию считаем наиболее обоснованной, пришла к выводу о том, что данный закон носит комплексный характер, так как включает в себя не только нормы, связанные с особенностями отбывания наказаний, но связанные с предоставлением различных видов помощи, например, медицинской, социальной, психологической, в том числе и после отбывания лицом наказания [1].

В последующем для обеспечения применения норм указанного закона были приняты подзаконные акты, в которых максимально подробно и четко описан порядок применения пробационных мер, например, Приказ Минюста России от 29.11.2023г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (в ред. от 01.08.2025г.), Приказ Минюста России от 16.09.2024 № 278 «Об утверждении Правил организации деятельности центров пробации».

Стоит отметить, что ключевым критерием для оценки уровня общественной безопасности является уровень рецидива. Уверены, что пробация в России займет значимое место в системе мер, направленных на снижение уровня преступности в целом. Примечательно также то, что за последние десять лет развитию института пробации стали уделять особое внимание не только в России, но и на постсоветском пространстве [2]. Это выражается как в разработке специализированных нормативных правовых актов в странах бывшего СССР, в создании служб пробации, так и в проведении широкого спектра научных исследований, осуществляемых такими учеными-

пенитенциаристами, как, например, А.Л. Агабекян, Е.В. Ермасов, Н.С. Малолеткина, Н.В. Ольховик, К.Х. Рахимбердин, А.П. Скиба, П.В. Тепляшин, В.А. Уткин. Тем не менее, в связи с новизной института пробации текущий уровень разработанности темы в контексте эффективности и обеспечения общественной безопасности оставляет ученым большое поле для продолжения проведения актуальных и перспективных исследований на основе различных методов, а том числе сравнительно-правовых, формально-юридических.

В соответствии с положениями действующего Закона о пробации в России выделяются три вида пробации: исполнительная, пенитенциарная и постпенитенциарная. Как отмечается в данном законе, исполнительная пробация осуществляется в отношении тех лиц, которым назначены наказания, не связанные с лишением свободы, за исключением штрафа, а также в отношении лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера. При этом указанные лица должны находиться в трудной жизненной ситуации, критерии которой также определены рассматриваемым законом, пусть, как и отмечается в научной литературе, недостаточно точно [3]. Указанный вид пробации, согласно положениям закона, осуществляется исключительно по заявлению самого осужденного, что соответствует международным стандартам. Продолжительность и содержание пробационных мероприятий в отношении «клиента» пробации определяются индивидуальной программой, при этом срок прохождения пробации не может превышать срок назначенного лицу наказания или иной меры уголовно-правового характера. В рамках данного вила пробации осужденным оказывается содействие в получении образования или в прохождении курсов повышения квалификации, в трудоустройстве, в оказании медицинской помощи, в получении бесплатной юридической помощи. Как показало анкетирование 2030 «клиентов» исполнительной пробации, проведенное по гранту Российского научного фонда № 24-78-10043 «Эффективная пробация – безопасное общество», сами лица в 32% случаях отмечают потребность в проведении мероприятий по восстановлению документов, около 20% – в оказании содействия по трудоустройству.

Другой вид пробации – пенитенциарная – осуществляется в отношении лиц, осужденных к реальному лишению свободы либо к принудительным работам. Основная цель применения данного вида пробации заключается в подготовке к освобождению лиц, отбывающих наказания в исправи-

тельных учреждениях, исправительных центрах, чтобы в последующим таким лицам удалось вернуться в общество, реинтегрироваться в нее и не допустить совершение ими повторных преступлений. Кроме того, пенитенциарная пробация осуществляется по таким направлениям, как выполнение социальной, воспитательной работы, оказание психологической помощи, социальная реабилитация таких осужденных. Особенностью пенитенциарной пробации является более широкий круг мероприятий, включаемых в индивидуальную программу. Так, к ним относятся не только, например, оказание помощи в восстановлении социальных и семейных связей, но и осуществление выплаты единовременного пособия при освобождении и предоставление одежды по сезону, поддержка в восстановлении бытовых навыков и другие. Стоит также отметить высокий уровень персонализации данного вида пробации, выраженный, например, в том, что с осужденными не реже одного раза в три месяца проводятся индивидуальные беседы.

Российскую модель третьего вида пробации – постпенитенциарной – отличает функционирование специализированных организаций – центров пробации. Они создаются для оказания помощи освободившимся лицам, например, в предоставлении временного места пребывания. Как и исполнительная пробация, постпенитенциарная применяется лишь к лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации и исключительно с их согласия на основе заявления.

Реализацией перечисленных выше видов пробации занимается Федеральная служба исполнения наказаний России, подведомственная Министерству юстиции Российской Федерации. Однако этим перечень субъектов пробации не ограничивается. Закон о пробации к их числу относит также федеральные и региональные органы государственной власти, учреждения уголовно-исполнительной системы, органы службы занятости и организации социального обслуживания. В первую очередь, такими субъектами являются администрации мест отбывания наказания (в сфере пенитенциарной пробации) и уголовно-исполнительные инспекции (в сфере исполнительной и постпенитенциарной пробации), при этом специализированный государственный орган осуществления пробации, как это имеет место в некоторых европейских и постсоветских странах, отсутствует в России. Закон также закрепляет возможность участия в реализации пробации и различных коммерческих и некоммерческих организаций, индивидуальных предпринимателей и граждан, оказывающих образовательные, медицинские, соци-

альные услуги, но только на основе специальных соглашений, заключаемых с субъектами пробации. Кроме того, ст. 35 данного закона закрепляет обязанность субъектов пробации осуществлять сотрудничество с институтами гражданского общества, что положительно оценивается в научной литературе [4]. Примечательно, что в Республике Армения, в отличие от России, обязанности осуществления пробации возлагаются на специально созданную для этих целей Службу пробации при Министерстве юстиции Республики Армения, что закреплено в новых законах Республики Армения: в Законе «О пробации» и Законе «О службе пробации».

Говоря об особенностях правового статуса сотрудника органа пробации в России, необходимо отметить, что он отличается крайне высокой степенью регламентации. Так, Приказ Минюста № 350 устанавливает порядок осуществления видов пробации, начиная с момента уведомления осужденных о прохождении ими процедуры пробации, заканчивая завершением процедуры; определяет сроки осуществления каждого этапа пробации, порядок получения осужденными различных уведомлений и предоставлений ими различных согласий. Провозглашая принцип прозрачности, закон предусматривает также ведение единого реестра лиц, в отношении которых применяется пробация, доступ к которому, помимо субъектов пробации, имеют организации социального обслуживания, и иные организации, оказывающее содействие в прохождении пробации.

По данным анкетирования 345 субъектов пробации, установлено, что в настоящее время мероприятия по пробации, связанные с оказанием содействия в трудоустройстве (63% опрошенных) и в получении документов (67%), являются наиболее востребованными среди осужденных. Кроме того, анализ анкетных данных показал, что большинство сотрудников уголовно-исполнительных инспекций (60,5%) не ощущают негативных последствий от увеличения нагрузки, связанной с реализацией исполнительной пробации. Абсолютное большинство опрошенных считает, что меры по реализации исполнительной пробации будут способствовать снижению рецидивной преступности в стране [5].

Особое внимание уделяется правовому статусу «клиентов» пробации, то есть лиц, в отношении которых применяются пробационные меры. Это касается как четкого определения того, кто может быть «клиентом» пробации, так и того, какими правами и обязанностями он обладает. При этом основой для их правового статуса служат закрепленные в законе принципы

пробации. К ним относятся принципы приоритета прав и свобод человека, гуманизма, рациональности применения мер принуждения, учета индивидуальных особенностей и добровольности. На последние два, на наш взгляд, следует обратить особое внимание. Так, на протяжении всего периода реализации пробации, в отношении осужденного составляется уникальная для него индивидуальная программа, подробно и с учетом его собственных потребностей и уровня нуждаемости определяющая необходимые мероприятия. Принцип добровольности, в свою очередь, находит выражение в том, что любой вид пробации, любой вид мер, включаемых в нее, может осуществляться исключительно с согласия на то «клиента».

Исследование оценки «клиентами» исполнительной пробации проведенных мероприятий и института пробации в целом производилась через постановку вопросов о том, помогла ли лицу исполнительной пробация, станет ли «клиент» рекомендовать ее прохождение другим лицам, а также вопроса с открытым ответом о том, что понравилось и что не понравилось клиентам пробации при применении к ним исполнительной пробации. Большинство опрошенных «клиентов» (90%) оценивают пробационные мероприятия положительно, отмечая быстрое и своевременное оказание помощи, отсутствие материальных затрат, а также указывая на положительные качества субъектов пробации. При этом свыше 80% порекомендовали бы пробацию другим лицам, что свидетельствует о высокой степени эффективности пробации, в частности, исполнительной, в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Уткин В.А.* Пробация и пробационная криминология // «Вестник Томского государственного университета. Право», № 56, 2025. СС. 73–82.
2. *Агабекян А.Л.* Пробация в постсоветских странах / А.Л. Агабекян // «Вестник Кузбасского института», № 2 (63), 2025. СС. 9–22.
3. *Ольховик Н.В.* Правовые проблемы применения исполнительной пробации // «Уголовная юстиция», № 23, 2024. СС. 88–91.
4. *Шляпников Ю.В.* Привлечение общественности к пробации как средство повышения ее эффективности // «Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право», № 1, 2024. СС. 164–167.
5. Проект Российского научного фонда № 24-78-10043 «Эффективная пробация – безопасное общество» (Отчет о выполнении проекта за первый год). URL: https://ui.tsu.ru/?page_id=34374 (дата обращения: 21.10.2025).

FEATURES OF PROBATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

A. Agabekyan, M. Grabchev

National Research Tomsk State University, Law Institute

ABSTRACT

The authors analyzed current probation legislation in Russia, identified the types of domestic probation, and assessed the legal status of both probation officers and probation "clients". The article presents empirical data from a study aimed at identifying the effectiveness of enforcement probation in ensuring public safety.

Keywords: probation effectiveness, public safety, "client" of probation.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-16-24

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ТРАНСПЛАНТАЦИИ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИИ

А.О. Барсегян, Н.Ю. Зограбян

Российско-Армянский университет
Институт права
albert_barseghyan04@mail.ru, naira.zohrabyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена комплексному уголовно-правовому анализу нарушения правил трансплантации в контексте принятия нового Уголовного кодекса Республики Армения. Актуальность исследования обусловлена необходимостью правового осмысления новой уголовно-правовой нормы, регламентирующей ответственность в столь специфичной сфере, как трансплантология. В условиях научно-технического прогресса и развития медицинских технологий возникает острая потребность в четком отграничении допустимого медицинского риска от преступного ятрогенного деяния. Статья носит междисциплинарный характер, приводятся и анализируются медицинские понятия и термины, используемые в законе. Целью работы является определение юридической природы и особенностей квалификации за нарушение правил трансплантации, предусмотренного Уголовным кодексом Республики Армения.

Ключевые слова: ятрогения**,** ятрогенные преступления, трансплантация, врачебная ошибка.

Введение

Тенденция развития современной медицины диктует усовершенствование уголовно-правового регулирования разношерстных медицинских преступлений, которые в юридической доктрине принято называть ятрогенными преступлениями[1]. Качественно новый Уголовный кодекс Республики Армения (принят 05.05.2021г., вступил в силу с 01.07.2022г., далее –

[1] *Барсегян А.О.* Понятие, детерминанты и практическое значение ятрогенных преступлений // «Материалы Республиканской студенческой конференции», 2025. СС. 223–228.

УК РА) впервые закрепил норму, предусматривающую уголовно-правовую ответственность за нарушения правил трансплантации клеток, тканей, органов, биологических материалов или жидкостей (ч.1 ст. 184 УК РА). Диспозиция данной статьи, не имея исторического аналога в уголовно-правовой истории Республики Армения, нуждается как в доктринальном, так и в практическом изучении.

Материалы и методы

Междисциплинарные проблемы уголовно-правовой регламентации ятрогенных преступлений всегда нуждались в детальном анализе в симбиозе медицины и науки уголовного права. Трансплантология – это раздел медицины, который изучает пересадку органов и тканей от *донора*[2] *реципиенту*[3].

Этимология термина «трансплантология» указывает на смысл составляющих его частей: «трансплантация» (*transplantatio*) происходит от латинского слова transplantare, что означает «пересаживать». Это слово, в свою очередь, образовано из *trans* («через»), *plantare* («сажать») и *logía* (в древнегреческом означает «учение» или «наука»)[4]. Как и любое медицинское вмешательство, трансплантация также предполагает соблюдение строго формализованной процедуры, несоблюдение которой может повлечь серьезные негативные последствия как для здоровья донора, так и реципиента.

УК РА 2003г. предусматривал норму о нарушении правил трансплантации (ст. 184), состав которой включал незаконную трансплантацию части тела человека либо тканей, повлекшую по неосторожности причинение тяжкого или вреда средней тяжести здоровью донора или реципиента. Армянский законодатель расширил перечень трансплантируемых объектов, перечень, в который были включены клетки, биологические материалы и биологические жидкости человека (либо же трупного донора), повлекшие по неосторожности причинение тяжкого или средней тяжести вреда здо-

[2] Донор (от лат. *donāre* – дарить, жертвовать) – это физическое лицо, добровольно предоставляющее свои органы и (или) ткани для трансплантации.
[3] Реципиент (от лат. *recipere* – принимать, получать) – физическое лицо, нуждающееся в трансплантации органов и/или тканей в терапевтических целях.
[4] Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/word/transplant (дата обращения: 18.11.2025).

ровью донора или реципиента клеток, тканей, органов, биологических материалов или жидкостей, которые в отечественном уголовном праве представляют особый научный интерес в связи с тем, что данные феномены впервые были отнесены к объектам трансплантологии в Республике Армения. С теоретической стороны встает вопрос о практическом значении данных изменений и о возможной искусственности расширения данного перечня.

Клеточная трансплантология – это комплекс методов лечения, основанных на пересадке клеток или тканей в организм для восстановления его функций или борьбы с заболеваниями. Методики, основанные на клеточной терапии, находят применение в борьбе со множеством патологий, включая, помимо прочего, онкологические, гематологические, аутоиммунные, неврологические и сердечно-сосудистые[5].

Тем самым под клеточной трансплантацией понимается такая процедура, при которой вместо целого органа проводится трансплантация клеток для замены поврежденных. Существуют три способа осуществления данной процедуры:

1. **Аутологичная**, где реципиент выступает в качестве своего же донора.
2. **Аллогенная** – донором выступает близкий родственник (совместимый донор).
3. **Сингенная** – в некоторых случаях донором может быть однояйцевый близнец[6].

В симбиозе уголовного права и трансплантологии важно соблюдать данные критерии, ибо нарушение этих правил может повлечь серьезные последствия для реципиента в виде «**отторжения трансплантата»**, когда иммунные клетки реципиента атакуют и уничтожают клетки донора, и в связи с **реакцией «трансплантат против хозяина»**, когда пересаженные клетки атакуют и уничтожают здоровые клетки реципиента[7].

---

[5] *Verfaillie C., Pera M., Lansdorp P.* Stem Cells: Hype and Reality // “Hematology”, 2002. PP. 369–391.

[6] Peripheral blood stem cell transplant: // “National Cancer Institute Dictionary of Cancer Terms”. URL: https://www.cancer.gov/publications/dictionaries/cancer-terms/def/peripheral-blood-stem-cell-transplant (дата обращения: 18.11.2025).

[7] *Smith A., Gergis H.* Principles and Overview of Allogeneic Hematopoietic Stem Cell Transplantation // “Cancer Management and Research”. Vol. 11, 2019. PP. 385–393. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6953421/ (дата обращения: 18.11.2025).

Из-за обособления таких понятий, как клетки, органы, ткани, биологические материалы и биологические жидкости, считаем, что под биологическими материалами армянский законодатель подразумевал те «неживые» объекты трансплантологии, которые не являются клетками, органами либо же тканями. Прежде чем трансплантировать биологические материалы, они проходят этап *in vitro,* и после химических процедур удаления всех живых клеток донора остается стерильная белковая структура, которая выглядит как ткань, но на деле это мертвый каркас. Такая процедура направлена на создание идеального фундамента, на котором в будущем будут расти и развиваться собственные клетки реципиента[8].

Биологические материалы используются в основном для обозначения обработанных, неживых (ацеллюлярных) производных биологического происхождения[9]. Эта категория преимущественно включает *внеклеточные матриксы* и *биокаркасы* (скаффолды), которые создаются путем процесса децеллюляризации – полного удаления всех клеточных компонентов из нативной донорской ткани (аллогенной или ксеногенной). В результате обработки остается только инертный, трехмерный белковый «скелет» (например, коллаген), который лишен иммуногенности и, следовательно, не вызывает отторжения, присущего живой ткани. Такие материалы, как очищенные *коллагеновые мембраны* или *бесклеточные дермальные матриксы*, не приживаются как живая ткань, а служат биосовместимой структурной основой, которая обеспечивает направленную регенерацию путем поддержки и стимуляции роста собственных клеток реципиента[10].

Еще интереснее дела обстоят с выявлением круга биологических жидкостей донора как объектов трансплантации. Закон Республики Армения, принятый в 2011г. «О донорстве человеческой крови и ее компонентов и оказании медицинской помощи при переливании», относил кровь к объектам трансплантации в качестве биологической жидкости, регламентируя

---

[8] *Agmon G., Christman K.* Controlling stem cell behavior with decellularized extracellular matrix scaffolds // “Curr Opin Solid State Mater Sci”. Vol. 20 (4), 2016. PP. 193–201, URL: https://doi.org/10.1016/j.cossms.2016.02.001 (дата обращения: 18.11.2025).

[9] *Исаева Е.В., Бекетов Е.Е., Аргучинская Н.В., Иванов С.А., Шегай П.В., Каприн А.Д.* Децеллюляризованный внеклеточный матрикс для тканевой инженерии (обзор) // «Соврем. технол. мед.», № 3, 2022.
URL: https://cyberleninka.ru/article/n/detsellyulyarizovannyy-vnekletochnyy-matriks-dlya-tkanevoy-inzhenerii-obzor (дата обращения: 18.11.2025).

[10] *Ramuta T., Kreft M.* Human Amniotic Membrane and -Derived Cells: How Far Are We from Their Use in Regenerative and Reconstructive Urology Amniotic Membrane? // “Cell transplantation”. Vol. 27 (1), 2018. PP. 77–92.

формализованную процедуру донорства крови (глава 4 закона РА «О донорстве человеческой крови и ее компонентов и оказании медицинской помощи при переливании»)[11].

В научном сообществе ведутся активные дискуссии относительно отнесения *донорства гамет* (сперматозоидов либо же яйцеклеток) к трансплантации в целом. Современная медицина предусматривает отдельный раздел, занимающейся донорством гамет – вспомогательные репродуктивные технологии (далее ВРТ). Так, ВРТ представляют собой методы лечения бесплодия, при которых отдельные этапы зачатия и развития эмбрионов проходят вне материнского организма (*in vitro*). Самым распространенным методом вспомогательных репродуктивных технологий считается экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО). Закон Республики Армения «О репродуктивном здоровье человека и репродуктивных правах», принятый в 2002г., прямо не исключая возможность отнесении донорства гамет к трансплантации, относит его к ВРТ[12]. Армянский законодатель в качественно новом УК РА предусмотрел биологические жидкости как объекты трансплантации, дабы включить и такие случаи, как донорство гамет, что, в свою очередь, является прогрессивным шагом для защиты вышеуказанных сторон. С точки зрения донорства гамет, искусственное оплодотворение можно разделить на два подвида:

1) вспомогательная инсеминация – искусственное введение обработанной спермы мужчины во влагалище или полость матки женщины;

2) экстракорпоральное оплодотворение и перенос эмбриона – соединение ядерных материалов сперматозоида и яйцеклетки вне организма женщины в лабораторных условиях (*in vitro*), развитие полученного эмбриона и перенос его в полость матки.

Как отмечалось выше, в традиционной юриспруденции и медицинской доктрине донорство гамет (сперматозоидов и яйцеклеток) для вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) строго отделяется от трансплантации в классическом смысле. Общепризнанная трансплантология преследует цель замещения или восстановления утраченной жизнеобеспечивающей или структурной функции организма реципиента (например, пе-

[11] Закон РА «О донорстве человеческой крови и ее компонентов и оказании медицинской помощи при переливании» URL: https://www.arlis.am/hy/acts/120836 (дата обращения: 18.11.2025).
[12] Закон РА «О репродуктивном здоровье человека и репродуктивных правах»: URL: https://www.arlis.am/hy/acts/195987

ресадка кожи или сердца), где пересаженный объект должен прижиться и интегрироваться. Донорство же гамет имеет принципиально иную цель: осуществление вспомогательно-репродуктивной функции – зачатие ребенка. Гаметы не приживаются в организме реципиента и не выполняют жизнеобеспечивающих функций; их использование регулируется специальным законодательством о ВРТ[13].

Однако качественно новая формулировка уголовного законодательства Республики Армения позволяет нам выработать оригинальную доктринальную позицию, ставящую под сомнение это строгое разделение. Статья 184 УК РА открывает возможность для расширительного толкования. В свете такого законодательного решения половые клетки и связанные с ними биоматериалы (эмбрион) получают тот же высокий уровень уголовно-правовой защиты, что и жизненно важные органы. Таким образом, на доктринальном уровне представляется обоснованным рассматривать донорство гамет в рамках уголовного права как **трансплантацию sui generis** (особого рода). Этой позицией признается уникальный репродуктивный характер процедуры, но одновременно подчеркивается критическая важность добровольного и информированного согласия донора, а также обеспечивается строжайший уголовно-правовой контроль за данной процедурой.

Поддерживая армянского законодателя в приведении нарушений правил проведения процедуры искусственного оплодотворения в плоскость уголовного законодательства, важно отметить зарубежные громкие судебные разбирательства, которые оставили свой след на стыке уголовного права и медицины. В США гинеколог *Дональд Клайн* неоднократно нарушал правила проведения искусственного оплодотворения и вместо донорского материала он использовал свой собственный. Врач предлагал пациенткам биологический материал анонимных доноров (как и предполагала данная процедура) – якобы своих коллег. Одной помог забеременеть от врача-стоматолога, а другой – от ортопеда. Женщины добровольно соглашались, но на самом деле в пробирках каждый раз оказывался его собственный биологический материал. Более 50 женщин подали в суд Индианы иск о привлечении доктора к уголовно-правовой ответственности. Правоохранительные органы возбудили уголовное дело, но нужной статьи для привлечения ги-

[13] *Lee K., Williams J., Williams S.* Gametes or organs? How should we legally classify ovaries used for transplantation in the USA? // “Journal of Medical Ethics”. Vol. 37, № 5, 2011. PP. 263–268. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3103707/ (дата обращения: 18.11.2025).

неколога к уголовной ответственности не нашлось, и после пятилетнего расследования суд приговорил его к году условного срока по статье «Препятствование правосудию»[14].

Другим примером служит дело ARB против IVF Hammersmith Ltd, рассмотренное Высоким судом Англии. Оно представляет собой яркий пример правовой коллизии в сфере репродуктивных технологий и правового пробела в системе уголовно-правового регулирования[15]. Суть конфликта заключалась в том, что истец (ARB) после прекращения отношений с матерью ребенка (R), требовал от клиники ЭКО (IVF Hammersmith) многомиллионной компенсации расходов на воспитание своей второй дочери, родившейся в результате использования замороженного эмбриона. Главным фактом, установленным судом, стала подделка подписи ARB на форме согласия на размораживание эмбриона, совершенная матерью R. Таким образом, суд признал, что клиника нарушила свои контрактные обязательства перед ARB, поскольку имплантация эмбриона произошла без его действительного согласия.

Несмотря на это установленное нарушение и доказанную судом недобросовестность и обман со стороны R, суд в лице судьи Джея отказал ARB в удовлетворении иска против клиники. Отказ был мотивирован не отсутствием нарушения или причинно-следственной связи, а соображениями правовой (публичной) политики. Следуя прецедентам Палаты лордов, английский суд постановил, что взыскание многомиллионной компенсации за расходы на воспитание здорового ребенка, рожденного в результате нарушения, противоречит общественному благу и моральным устоям. Иск о возмещении убытков за «нежеланное рождение» (*wrongful life claim*) был заблокирован, поскольку система правосудия не может рассматривать рождение ребенка как основание для ущерба, подлежащего компенсации.

Так, исходя из вышеперечисленного, можно смело отрицать якобы искусственное расширение перечня объектов трансплантации, напротив, подчеркнуть важность такого рода изменений. Однако нужно отметить, что есть необходимость ввести изменения и дополнения в действующее законодательство Республики Армения (в частности, Закон РА «О трансплан-

[14] «Я хочу ответственности. Когда кто-то ввел кого-то в заблуждение, особенно в области медицины, существует ответственность за это. Во-вторых, я хочу статут, чтобы это стало преступлением, а не этическим вопросом», – слова Лиз Уайт, одной из потерпевших.
[15] Дело ARB v IVF Hammersmith Ltd URL: https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2017/10/arb-v-ivf-hammersmith-judgment.pdf?hl=ru-RU

тации органов и тканей», «О донорстве человеческой крови и ее компонентов и оказании медицинской помощи при переливании» и «О репродуктивном здоровье человека и репродуктивных правах») для указания в законах дефинитивных норм новых понятий, нашедших свое место в новом УК РА. Важно также отметить, что включение манипуляций с гаметами в сферу уголовно-правовой защиты, традиционно предназначенной для трансплантации, обеспечивает строжайший контроль за их оборотом и предотвращает ятрогенные преступления. Это решение законодателя призвано усилить превентивную функцию уголовного права в сфере высокотехнологичной медицины и санкционировать уголовно-правовую защиту в этой деликатной области. Ключевой вывод заключается в том, что включение в предмет преступлений, связанных с нарушением правил трансплантации в УК РА, не только органов, тканей и клеток, но и «биологических материалов и жидкостей», является превентивным и унифицирующим законодательным решением. Наша позиция подкрепляется также зарубежным опытом в сферах трансплантации и ВРТ. Данное решение законодателя позволяет рассматривать донорство гамет в рамках уголовного права Армении как трансплантацию *sui generis* – особый, репродуктивный вид трансплантации. Эта доктринальная квалификация, вопреки традиционному медицинскому разделению, обеспечивает максимально высокий уровень уголовно-правовой защиты. Таким образом, уникальное решение армянского законодателя не просто устраняет правовой пробел, но и утверждает концепцию *transplantatio sui generis*, обеспечивая максимально строгий уголовно-правовой заслон против ятрогенных преступлений не только в сфере трансплантологии, но и в сфере высоких репродуктивных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барсегян А.О.* Понятие, детерминанты и практическое значение ятрогенных преступлений // «Материалы Республиканской студенческой конференции», 2025. СС. 223–228.
2. *Verfaillie C., Pera M., Lansdorp P.* Stem Cells: Hype and Reality // “Hematology”, 2002. PP. 369–391.
3. Peripheral blood stem cell transplant: // “National Cancer Institute Dictionary of Cancer Terms”. URL: https://www.cancer.gov/publications/dictionaries/cancer-terms/def/peripheral-blood-stem-cell-transplant (дата обращения: 18.11.2025).
4. *Smith A., Gergis H.* Principles and Overview of Allogeneic Hematopoietic Stem Cell Transplantation // “Cancer Management and Research”. Vol. 11, 2019. PP. 385–393.

URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6953421/ (дата обращения: 18.11.2025).
5. *Agmon G., Christman K.* Controlling stem cell behavior with decellularized extracellular matrix scaffolds // “Curr Opin Solid State Mater Sci”. Vol. 20 (4), 2016. PP. 193–201. URL: https://doi.org/10.1016/j.cossms.2016.02.001 (дата обращения: 18.11.2025).
6. *Исаева Е.В., Бекетов Е.Е., Аргучинская Н.В., Иванов С.А., Шегай П.В., Каприн А.Д.* Децеллюляризованный внеклеточный матрикс для тканевой инженерии (обзор) // «Соврем. технол. мед.», № 3, 2022.
URL: https://cyberleninka.ru/article/n/detsellyulyarizovannyy-vnekletochnyy-matriks-dlya-tkanevoy-inzhenerii-obzor (дата обращения: 18.11.2025).
7. *Ramuta T., Kreft M.* Human Amniotic Membrane and -Derived Cells: How Far Are We from Their Use in Regenerative and Reconstructive Urology Amniotic Membrane? // “Cell transplantation”. Vol. 27 (1), 2018. PP. 77–92.
8. *Lee K., Williams J., Williams S.* Gametes or organs? How should we legally classify ovaries used for transplantation in the USA? // “Journal of Medical Ethics”. Vol. 37, № 5, 2011. PP. 263–268. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3103707/ (дата обращения: 18.11.2025)
9. Дело ARB v IVF Hammersmith Ltd URL: https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2017/10/arb-v-ivf-hammersmith-judgment.pdf?hl=ru-RU

CRIMINAL LAW ANALYSIS OF VIOLATION OF TRANSPLANTATION RULES IN THE CONTEXT OF THE CRIMINAL CODE OF REPUBLIC OF ARMENIA

A. Barseghyan, N. Zohrabyan

Russian-Armenian University
Institute of law

ABSTRACT

This article is devoted to a comprehensive criminal law analysis of the violation of transplantation rules in the context of the adoption of the new Criminal Code of the Republic of Armenia. The relevance of the research is determined by the necessity of legal comprehension of the new criminal law norm regulating liability in such a specific and high-risk area as transplantology. In the conditions of scientific and technical progress and the development of medical technologies, there is an acute need for a clear distinction between acceptable medical risk and a criminal iatrogenic act. The purpose of the work is to determine the legal nature and specifics of the qualification of the crime stipulated by the novel provisions of the Criminal Code of the Republic of Armenia.

Keywords: iatrogenesis, iatrogenic crimes, transplantation, medical error.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-25-33

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ГРАНИЦЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА

В.Д. Булахова

Пятигорский государственный университет
bulahovaviktoria275@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется проблема уголовной ответственности за общественно опасные последствия, вызванные действиями систем искусственного интеллекта. Анализируются границы между человеческим решением и алгоритмическим выбором в контексте уголовно-правовой квалификации. Рассматриваются инциденты с участием автономных систем в транспортной, медицинской и финансовой сферах. Исследуется проблема установления субъекта преступления, формы вины и причинно-следственной связи при использовании ИИ. Выявлена неготовность российского уголовного права к регулированию ответственности за действия алгоритмов. Обоснована необходимость введения новых составов преступлений и механизмов распределения ответственности между разработчиком, оператором и пользователем ИИ. Предложена концепция «алгоритмического соучастия» и критерии определения границ человеческого контроля над автономными системами.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовная ответственность, субъект преступления, алгоритмическая вина, автономные системы.

Введение

Внедрение систем искусственного интеллекта в критически важные сферы деятельности создает принципиально новые вызовы для уголовного права. Автономные системы принимают решения, способные причинить вред жизни, здоровью, имуществу, но традиционные конструкции уголовной ответственности не учитывают специфику алгоритмического поведения.

Актуальность проблемы подтверждается реальными инцидентами. В марте 2018г. беспилотный автомобиль Uber сбил насмерть пешехода в Аризоне. В 2021г. алгоритм трейдинга Knight Capital за 45 минут причинил убытки в 440 млн долларов. По данным Росздравнадзора, в 2023г. зафиксировано 17 случаев врачебных ошибок, связанных с использованием систем

поддержки принятия медицинских решений на базе ИИ. При этом в российском уголовном законодательстве отсутствуют нормы, позволяющие квалифицировать подобные деяния.

Проблематика уголовной ответственности исследовалась в классических трудах Н.С. Таганцева, А.Н. Трайнина, Б.С. Никифорова, А.И. Рарога. Вопросы ответственности за использование технических средств анализировались В.Б. Малининым, Г.В. Тимейко. Правовые аспекты искусственного интеллекта изучались П.М. Морхатом, В.В. Архиповым, А.В. Незнамовым. Зарубежные подходы представлены в работах Г. Халлеви, Р. Эбботта, С. Бека. Однако проблема границ человеческого фактора в уголовной ответственности за действия ИИ требует специального исследования.

Цель исследования – определить границы человеческого фактора в механизме уголовной ответственности за общественно опасные последствия действий искусственного интеллекта.

Задачи исследования:

- ✓ проанализировать проблемы субъекта преступления в контексте использования ИИ;
- ✓ исследовать трансформацию института вины при алгоритмическом принятии решений;
- ✓ выявить особенности установления причинной связи в преступлениях с участием ИИ;
- ✓ разработать предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Методология исследования базируется на догматическом, сравнительно-правовом, системном методах, а также методе правового моделирования.

Основная часть

1. Проблема субъекта преступления в эпоху искусственного интеллекта

Фундаментальный принцип уголовного права – личная ответственность физического лица за совершенное преступление. Статья 19 УК РФ устанавливает, что уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо. Н.С. Таганцев подчеркивал, что «субъектом преступления может быть только одаренное сознанием и волею лицо». Искусствен-

ный интеллект не обладает сознанием в юридическом смысле, что исключает его непосредственную ответственность [2].

Однако современные системы ИИ демонстрируют признаки автономного поведения. Анализ инцидента с беспилотным автомобилем Tesla в 2016г. показал, что решение о маневре принималось алгоритмом без участия водителя. Национальный совет по безопасности на транспорте США установил, что система автопилота действовала в рамках запрограммированных параметров, но не смогла распознать грузовик на фоне яркого неба [13]. Возникает вопрос: кто является субъектом преступления – разработчик алгоритма, производитель автомобиля или водитель, доверившийся автопилоту?

Концепция распределенного субъекта предполагает множественность лиц, потенциально ответственных за действия ИИ. И.В. Понкин предлагает выделять разработчика алгоритма (создает логику поведения); производителя системы (интегрирует ИИ в продукт); оператора (контролирует работу); пользователя (принимает решение об использовании) [6]. Каждый вносит вклад в наступление общественно опасных последствий.

Судебная практика демонстрирует сложность определения субъекта. В деле № 1-234/2022 Московский городской суд рассматривал ДТП с участием автомобиля с системой помощи водителю. Суд признал виновным водителя, указав на его обязанность контролировать транспортное средство. Однако особое мнение судьи содержало указание на необходимость оценки роли производителя системы.

Юридические лица как субъекты уголовной ответственности за действия ИИ обсуждаются в доктрине. А.В. Незнамов предлагает ввести уголовную ответственность юридических лиц – разработчиков ИИ. Это соответствует мировым тенденциям: законодательства Франции, Швейцарии, США предусматривают корпоративную уголовную ответственность [5]. Однако российская уголовно-правовая доктрина традиционно отвергает эту концепцию.

2. Трансформация института вины при использовании искусственного интеллекта

Вина как психическое отношение лица к совершаемому деянию теряет традиционное содержание при использовании автономных систем. А.И. Рарог определяет вину через интеллектуальный и волевой моменты, которые трансформируются в контексте ИИ.

Умышленная вина при использовании ИИ может проявляться в намеренном программировании вредоносного поведения или использовании системы для причинения вреда. В 2022г. в Санкт-Петербурге программист был осужден за создание торгового бота, запрограммированного на манипулирование рынком криптовалют (дело № 1-567/2022). Суд квалифицировал действия как мошенничество с использованием компьютерной техники.

Неосторожная вина более проблематична. Традиционно она предполагает предвидение или возможность предвидения последствий. Но как оценить предвидимость поведения нейронной сети, обученной на миллионах примеров? Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008г. № 25 указывает на необходимость учета индивидуальных особенностей лица при оценке неосторожности [7]. Применительно к ИИ это требует оценки квалификации разработчика и доступности информации о рисках.

Концепция «алгоритмической вины» предложена Г. Халлеви. Она основана на оценке предсказуемости поведения системы и адекватности мер предосторожности. Критерии включают:

- ✓ тестирование системы;
- ✓ наличие документации о рисках;
- ✓ соответствие отраслевым стандартам;
- ✓ возможность человеческого вмешательства.

Эта концепция частично воспринята в Регламенте ЕС об ИИ 2024г., устанавливающем требования к системам высокого риска.

Смешанная вина возникает, когда человек и ИИ совместно принимают решение. В медицинской практике система IBM Watson выдает рекомендации по лечению онкологических заболеваний. Врач может следовать или игнорировать рекомендации. При врачебной ошибке встает вопрос о распределении вины между врачом, положившимся на ИИ, и создателями системы. Определение Верховного Суда РФ от 18 марта 2020г. № 5-КГ19-191 указало на сохранение полной ответственности врача, но это не учитывает влияние алгоритмических рекомендаций на принятие решений.

3. Причинная связь в преступлениях с участием искусственного интеллекта

Установление причинной связи между деянием и последствиями – обязательный элемент объективной стороны преступления. В контексте ИИ эта связь становится многоступенчатой и вероятностной [4].

Проблема «черного ящика» заключается в непрозрачности принятия решений нейронными сетями. Современные системы глубокого обучения содержат миллиарды параметров, что делает невозможным проследить логику конкретного решения. В деле о ДТП с участием беспилотного автомобиля Яндекса (2020) экспертиза не смогла точно установить, почему система не распознала пешехода. Это создает проблему для установления причинной связи в уголовном процессе.

Теория адекватной причинности, разработанная немецкими криминалистами и воспринятая российской доктриной, требует, чтобы деяние типично создавало возможность наступления последствий. Применительно к ИИ это означает оценку статистической вероятности сбоев. Если частота ошибок системы превышает приемлемый уровень, причинная связь может быть установлена.

Мультикаузальность характерна для инцидентов с ИИ. В авиакатастрофе Boeing 737 MAX (2018-2019) система MCAS приняла ошибочное решение на основе данных неисправного датчика. Причинами стали ошибка в алгоритме, неисправность датчика, недостаточная подготовка пилотов, решение регулятора о сертификации. Уголовное право требует выделения главной причины, что проблематично при системном характере сбоев.

4. Предложения по реформированию уголовного законодательства

Адаптация уголовного права к вызовам ИИ требует комплексных изменений, затрагивающих как Общую, так и Особенную части УК РФ[10].

Новые составы преступлений должны учитывать специфику ИИ. Предлагается ввести в УК РФ статью 274.2 «Неправомерное использование систем искусственного интеллекта», предусматривающую ответственность за использование ИИ без надлежащего тестирования в критически важных сферах; сокрытие информации о рисках автономных систем; отключение систем безопасности ИИ. Это создаст превентивный механизм предотвращения инцидентов [11].

Квалифицирующие признаки следует добавить в существующие составы. В статьи о преступлениях против личности (убийство, причинение вреда здоровью) целесообразно включить признак «с использованием автономных систем». Это позволит дифференцировать ответственность и учесть повышенную опасность бесконтрольного ИИ.

Институт «алгоритмического соучастия» может решить проблему распределения ответственности. По аналогии со сложным соучастием предлагается выделять роли:

- ✓ «алгоритмический исполнитель» (оператор системы);
- ✓ «алгоритмический организатор» (разработчик);
- ✓ «алгоритмический пособник» (поставщик данных для обучения).

Это обеспечит справедливое распределение ответственности.

Обстоятельства, исключающие преступность деяния, требуют переосмысления. Крайняя необходимость при использовании ИИ может возникнуть, когда алгоритм выбирает меньшее зло (классическая «проблема вагонетки» для беспилотных автомобилей). Необходимо законодательно определить критерии правомерности алгоритмического выбора в экстремальных ситуациях.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Традиционная концепция субъекта преступления требует расширения через введение механизмов распределенной ответственности между разработчиком, производителем, оператором и пользователем систем искусственного интеллекта, при сохранении принципа личной ответственности физических лиц.

2. Институт вины трансформируется под влиянием алгоритмического принятия решений, что требует разработки концепции «алгоритмической вины», основанной на критериях предсказуемости поведения системы, адекватности тестирования и возможности человеческого контроля.

3. Установление причинной связи в преступлениях с участием ИИ осложняется эффектом «черного ящика» и мультикаузальностью, что требует адаптации теории причинности с учетом вероятностного и системного характера алгоритмических решений.

4. Реформирование уголовного законодательства должно включать введение специальных составов преступлений, связанных с ИИ, добавление квалифицирующих признаков в существующие составы, разработку института «алгоритмического соучастия» и переосмысление обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании необходимости пересмотра фундаментальных категорий уголовного права с учетом автономных технологий. Практическая значимость состоит в разработке конкретных предложений по совершенствованию УК РФ для эффективного противодействия преступлениям, связанным с ИИ.

Перспективы исследования связаны с разработкой международных стандартов уголовной ответственности за действия ИИ, созданием методик расследования «алгоритмических преступлений», анализом этических аспектов программирования поведения автономных систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Игнатенко А.З.* Законодательное описание объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 134 УК РФ, и возможные пути его оптимизации // «Закон и право», № 2, 2025.
   URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnoe-opisanie-obektivnoy-storony-prestupleniya-predusmotrennogo-statiey-134-uk-rf-i-vozmozhnye-puti-ego-optimizatsii
2. *Алферова Е.В.* 2016.02.035: Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. М.: «Проспект», 2015, 232с. // «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: Реферативный журнал», № 2, 2016. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/2016-02-035-rarog-a-i-problemy-kvalifikatsii-prestupleniy-po-subektivnym-priznakam-m-prospekt-2015-232-s
3. *Биюшкина Н.И.* Уголовное законодательство советских социалистических республик в 1920-х гг.: сравнительно-правовой анализ // «Вестник ННГУ», № 6, 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnoe-zakonodatelstvo-sovetskih-sotsialisticheskih-respublik-v-1920-h-gg-sravnitelno-pravovoy-analiz
4. *Малинин В.Б.* Философские основы причинной связи в уголовном праве и криминологии // «Криминология: вчера, сегодня, завтра», № 24, 2012. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-osnovy-prichinnoy-svyazi-v-ugolovnom-prave-i-kriminologii
5. *Незнамов А.В., Наумов В.Б.* Вопросы развития законодательства о робототехнике в России и в мире // «Юридические исследования», № 8, 2017. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-razvitiya-zakonodatelstva-o-robototehnike-v-rossii-i-v-mire
6. *Понкин И.В., Редькина А.И.* Искусственный интеллект с точки зрения права // «Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки», № 1, 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-s-tochki-zreniya-prava

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”», https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/
8. Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024г. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/LSU/?uri=oj:L_202401689
9. *Романова Г.В., Нурисламова К.Р.* Состав преступления и его значение // «Universum: экономика и юриспруденция», № 10 (120), 2024. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sostav-prestupleniya-i-ego-znachenie
10. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право в 2-х ч. Часть 1 / Н.С. Таганцев. М.: «Юрайт», 2025, 414с. ISBN 978-5-534-08170-1. [Текст]: эл. // Образовательная платформа «Юрайт» [сайт]. URL: https://urait.ru/bcode/565188
11. *Троян Н.А., Полякова Т.А.* Современные подходы к систематизации информационного законодательства России в условиях цифровизации: проблемы и перспективы развития // «Мониторинг правоприменения», № 4 (45), 2022. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-sistematizatsii-informatsionnogo-zakonodatelstva-rossii-v-usloviyah-tsifrovizatsii-problemy-i-perspektivy
12. *Abbott R.* The Reasonable Robot: Artificial Intelligence and the Law / R. Abbott. Cambridge: “Cambridge University Press”, 2020, 198p.
13. *Beck S.* Intelligent agents and criminal law / S. Beck // “Robotics, Autonomics, and the Law”, 2021. PP. 123–145.
14. *Hallevy G.* Liability for Crimes Involving Artificial Intelligence Systems / G. Hallevy. “Springer”, 2019, 262p.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND CRIMINAL LIABILITY: THE BOUNDARIES OF THE HUMAN FACTOR

V. Bulakhova

Pyatigorsk State University

ABSTRACT

The article examines the issue of criminal liability for socially dangerous consequences caused by the actions of artificial intelligence systems. It analyzes the boundaries

between human decision-making and algorithmic choice in the context of criminal law qualification. Incidents involving autonomous systems in the transport, medical, and financial sectors are considered. The problem of identifying the subject of a crime, the form of guilt, and causation when using AI is explored. The lack of preparedness of Russian criminal law to regulate liability for the actions of algorithms is identified. The necessity of introducing new elements of crimes and mechanisms for distributing liability among the developer, operator, and user of AI is substantiated. The concept of "algorithmic complicity" and criteria for determining the boundaries of human control over autonomous systems are proposed.

Keywords: artificial intelligence, criminal liability, subject of crime, algorithmic guilt, autonomous systems.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-34-45

ՀՀ-ՈՒՄ ՔՐԵԱԿԱՆ ՊԱՏԱՍԽԱՆԱՏՎՈՒԹՅԱՆ ՏԱՐԻՔԱՅԻՆ ՆՎԱԶԱԳՈՒՅՆ ՇԵՄԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐԸ՝ ՆՈՐՄԱՏԻՎ ՀԱՄԱՉԱՓՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ՀԱՄԱԿԱՐԳԱՅԻՆ ՆԵՐԴԱՇՆԱԿՈՒԹՅԱՆ ՏԵՍԱՆԿՅՈՒՆԻՑ

Ն.Յ. Զոհրաբյան, Տ.Մ. Մինասյան

Ռուս-հայկական համալսարան
Քրեական իրավունքի և դատավարության ամբիոն
naira.zohrabyan@rau.am, minasyantigranuhi2@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածի շրջանակներում քննարկվում է Հայաստանի Հանրապետությունում քրեական պատասխանատվության նվազագույն տարիքային շեմի հիմնավորումը՝ համադրելով այն ՀՀ քրեական օրենսգրքի ներքին նորմատիվ տրամաբանության, համակարգային ներդաշնակության և համաչափության պահանջների հետ։

Վերլուծվում է 12–14 տարիքային խմբի անձանց իրավական կարգավիճակի հակասական բնույթը և երեխաների գիտակցական կարողությունների վերաբերյալ օրենսդրական մոտեցումների անհետևողականությունը։ Համեմատական դիտարկման շրջանակներում անդրադարձ է արվում անգլիական իրավունքի doli incapax կանխավարկածին՝ այնքանով, որքանով այն ընդգծում է անչափահասների գիտակցական մակարդակի անհատականության և ոչ-ունիվերսալ բնույթ ունենալու հանգամանքները։

Հիմնաբառեր՝ քրեական պատասխանատվության տարիք, տարիքային շեմ, քրեական օրենսգիրք, անչափահասների պատասխանատվություն։

Ներածություն

Քրեական պատասխանատվության նվազագույն տարիքային շեմը քրեական քաղաքականության հիմնարար դրսևորումներից է, քանի որ այն

ուղղակիորեն առնչվում է իրավունքների և շահերի հավասարակշռմանը՝ մի կողմից երեխայի լավագույն շահի երաշխավորման, մյուս կողմից՝ օրինականության ու հանցավորության կանխարգելման անհրաժեշտության հետ: Քրեական պատասխանատվության տարիքային շեմի որոշումը, ուստի, բարդ և բազմաշերտ գործընթաց է, ինչը բացատրում է համեմատական իրավունքում գոյություն ունեցող զգալի տարբերությունները (սովորաբար՝ 7-ից մինչև 18 տարեկան)[1]:

ՀՀ Քրեական օրենսգրքի 19-րդ հոդվածի 2-րդ մասը սահմանում է, որ այն անձը, որի 14 տարին լրացած է եղել հանցանքը կատարելու պահին, ենթակա է քրեական պատասխանատվության սույն օրենսգրքի (…) նախատեսված հանցանքների կատարման համար[2]: Այսինքն, փաստացի, ՀՀ-ում քրեական

պատասխանատվության նվազագույն տարիքային շեմը 14 տարեկանն է: Սակայն, ըստ երևույթին, գործող կարգավորումը պարունակում է ներքին հակասություն մեկ այլ նորմի՝ ՔՕ 3-րդ հոդվածի 1-ին մասի 1-ին կետի հետ, որը 12 տարին չլրացած անձանց դիտարկում է որպես «անօգնական վիճակում գտնվող անձինք»[3]: Ընդ որում, տվյալ պարագայում օրենսդիրը տարիքը դիտարկում է անօգնական վիճակում գտնվելու **ինքնուրույն չափանիշ**:

Այսպիսով, ձևավորվում է 12-ից մինչև 14 տարեկան տարիքային խումբ, որը, մի կողմից, օրենքով չի ճանաչվում որպես անօգնական, մյուս կողմից՝ չի համարվում քրեական պատասխանատվության ենթակա սուբյեկտ: Այս դրույթների միջև եղած իմաստային բացը, մեր դիտարկմամբ, հարցականի տակ է դնում օրենսդրի իրական կամքը, ինչպես նաև չափորոշիչների համակարգի ընդհանուր տրամաբանությունը ու առաջացնում անհրաժեշտություն՝ վերլուծելու, թե արդյոք հստակ որոշված տարիքային շեմը համապատասխանում է անչափահասների գիտակցական զարգացման անհատական և ոչ միատեսակ բնույթին:

Վերոգրյալով պայմանավորված՝ հոդվածի հիմնական նպատակն ու

---

[1] Տե՛ս SPACE Consortium. (2024). SPACE II International Report 2024: Cultures and Behaviours in the Digital Environment. Université de Lausanne.
[https://wp.unil.ch/space/files/2025/11/space-ii_report-2024_251105.pdf]

[2] Տե՛ս ՀՀ քրեական օրենսգիրք /2021/

[3] Տե՛ս ՀՀ քրեական օրենսգիրք /2021/

հետազոտական հարցադրումը ձևակերպում ենք այսպես. արդյոք ՀՀ քրեական օրենսդրության տարիքային պատասխանատվության կատեգորիկ շեմը համապատասխանում է օրենսգրքի ներքին ինքնահամաձայնեցվածության չափանիշներին, և որքանո՞վ է այն ընդգրկում անչափահասների հոգեֆիզիոլոգիական հասունացման էականորեն տարբերակված բնույթը:

Մեթոդներ

Սույն հետազոտությունը կատարվել է մի քանի գիտական մեթոդների կիրառմամբ: Մասնավորապես՝ կիրառվել են անալիզի, սինթեզի և իրավահամեմատական վերլուծության մեթոդները:

Հոդվածի շրջանակներում վերլուծության ենք ենթարկել ՀՀ քրեական օրենսգրքի քրեական պատասխանատվության սուբյեկտին առնչվող նորմերը, համադրել ենք այն դոկտրինում առկա՝ օրենքների նյութական արտահայտմանն ուղղված պահանջների հետ, դիտարկել ենք օրենսդրական կարգավորումների ներքին տրամաբանական հակասությունները, ինչպես նաև անդրադարձ ենք կատարել անգլիական իրավունքում հայտնի doli incapax կանխավարկածին՝ զուգահեռներ տանելով ՀՀ քրեական օրենսգրքի խնդրո առարկա հանդիսացող իրավակարգավորումների հետ:

Արդյունքներ

Մեր կատարած հետազոտության արդյունքում եկել ենք այն եզրահանգման, որ ՀՀ քրեական օրենսգրքի տարիքային կարգավորումները ներառում են համակարգային անհամաձայնեցվածություն և հակասություն՝ տարիքային շեմի, գիտակցական կարողությունների և «անօգնական վիճակի» իրավական դասակարգման միջև: Մասնավորապես.

Մեր գնահատմամբ՝ ՀՀ քրեական օրենսգրքի 3-րդ հոդվածի և 19-րդ հոդվածի միջև առկա է իմաստային աններդաշնակություն, քանի որ ՀՀ քրեական օրենսգրքի 3-րդ հոդվածի 1-ին մասի 1-ին կետը 12 տարին չլրացած անձանց դիտարկում է որպես անօգնական վիճակում գտնվող անձինք՝ միաժամանակ 19-րդ հոդվածի 1- ին մասը քրեական պատասխանատվության շեմը սահմանելով 14 տարեկանը (ՀՀ ՔՕ, 19-րդ հոդված):

Այսինքն՝ օրենսդիրը անուղղակիորեն համարում է, որ 12 տարեկանն այն տարիքն է, որը կարող է լինել գիտակցական կարողությունների որակական սահմանի մեկնարկային շեմ, սակայն քրեական պատասխանատվություն նախատեսում է 14 տարին լրացած անձանց համար, ինչը ձևավորում է օրենսդրական ներքին հակասություն։

Միաժամանակ, կարևոր ենք համարում շեշտել, որ ՀՀ քրեական օրենսգրքի 19-րդ հոդվածի 3-րդ մասը, մտավոր զարգացման մեջ հետ մնալու հետևանքով իր արարքի հակաիրավականությունը գիտակցելու կամ արարքը ղեկավարելու ոչ ունակ, քրեական պատասխանատվության տարիքի հասած անձին բացառելով քրեական պատասխանատվությունից, ներմուծում է գիտակցական կարողությունների անհատականության չափանիշ, սակայն այն կիրառվում է միայն այն անձանց նկատմամբ, ովքեր արդեն հասել են քրեական պատասխանատվության տարիքին։ Արդյունքում՝ օրենսդիրը գիտակցական կարողությունների անհատականությունը ճանաչում է միայն 14 և բարձր տարիքային խմբում, սակայն չի կիրառում նույն չափանիշը 14-ից ցածր տարիքային խմբում, ինչը, մեր կարծիքով, ցուցիչն է՝ տարբերակված, բայց չհիմնավորված մոտեցման։

Իրավահամեմատական վերլուծության արդյունքում եկել ենք նաև այն եզրահանգման, որ անգլիական doli incapax կանխավարկածն ապահովում է ավելի ճկուն և անհատական մոտեցում, որի իմպլիցիտ դրսևորման արդյունքն է ՀՀ քրեական օրենսգրքի 19-րդ հոդվածի 3-րդ մասը, այնուամենայնիվ, այն իր համընդհանուր արտահայտումը չի գտնում օրենսգրքում։

Մինչ 1998 թվականի օրենսդրական փոփոխությունները անգլիական իրավունքը որդեգրել էր այն մոտեցումը, որ 10–14 տարիքային խմբի անձանց դեպքում պետությունն էր պարտավոր ապացուցել, որ անձը գիտակցել է իր արարքի «լրջորեն սխալ» բնույթը[4]։ Ուստի, կարող ենք ընդգծել, որ doli incapax-ը բացահայտում է այն, ինչ ՀՀ օրենսդրությունը չի քննարկում, կամ թեկուզ ենթադրում է, սակայն քողարկված և անուղղակի կերպով. գիտակցական կարողությունների անհատական և ոչ ունիվերսալ բնույթը՝ հատկապես 12–14 տարիքային շրջանում։

[4] Տե՛ս Oxford Journal of Legal Studies, 2023, https://academic.oup.com/ojls/article/43/3/546/7193729):

Քննարկում

ՀՀ քրեական օրենսգրքի տարիքային կարգավորումներին առնչվող նորմերի վերլուծության արդյունքում եկանք այն եզրահանգման, որ դրանք ունեն ներքին հակասություններ: Նշվածը հիմնավորում ենք հետևյալով.

Նախ անդրադառնալով օրենսդրական սխալներին, հակասություններին վերաբերող դոկտրինում առկա մոտեցումներին՝ հարկ ենք համարում ընդգծել, որ Տիխոմիրովը նշում էր, որ օրենսդրական գործընթացներում օբյեկտիվ և սուբյեկտիվ դժվարությունները հաճախ հանգեցնում են բովանդակային սխալների, որոնք դրսևորվում են տարբեր նորմերի միջև տրամաբանական անհամապատասխանությամբ[5]: Նման սխալները, ըստ էության, միայն տեխնիկական բնույթի չեն, դրանք օրենսդրական կոնցեպտուալ բնույթի թերություններ են, որոնք խաթարում են օրենսդրական ընդհանուր տրամաբանությունը: ՀՀ քրեական օրենսդրության համատեքստում՝ մի կողմից ճանաչելով, որ 12 տարեկանից սկսած անձն այլևս չի համարվում անօգնական վիճակում գտնվող անձ, այսինքն՝ ունի տեղի ունեցող երևույթները ըմբռնելու գիտակցական նոր որակ, մյուս կողմից՝ քրեական պատասխանատվության սկիզբը սահմանելով 14 տարեկանից, օրենսդիրը ստեղծում է օրենսդրական ներքին տրամաբանական հակասություն: Վերջինի համատեքստում կարող ենք պնդել, որ այս հակասությունը լիովին տեղավորվում է Լաշկովի և Դավիդովայի կողմից ձևակերպված դոկտրինալ սխալի մոդելի շրջանակներում, ըստ որի՝ նման սխալները հաճախ արտահայտվում են կարգավորող մեխանիզմների ոչ համակարգված ընտրությամբ, ինչպես նաև դրանց գիտական հիմնավորման պակասով[6]:

Տվյալ դեպքում օրենսդիրը, իմպլիցիտ կերպով ընդունելով 12 տարեկանը որպես գիտակցական կարողությունների որակական շեմ, այնուամենայնիվ, չի զարգացնում այդ ճանաչումը քրեական պատասխանատվու-

[5] Տե՛ս *Tikhomirov Y.* Legal design: criteria and errors // Journal of Russian law. 2008. No 2. PP. 5–6.

[6] Տե՛ս *Lashkov A.* Law-making errors. Problems of theory and practice: author's abstract. diss... candidate of legal sciences. St. Petersburg, 1999. P. 11., Davydova M. Explicit and implicit errors of the legislator: problems of classification and legal consequences // Lawmaking errors: concept, types, practice and technique of elimination in post-Soviet states: materials of the International scientific and practical round table / edited by Baranov V. and Mitskevich I. M.: Prospect, 2009. PP. 318–319.

թյան ինստիտուտի տրամաբանության մեջ, ինչի արդյունքում 12-ից 14 տարեկան անձանց միջև առաջանում է չհիմնավորված «միջանկյալ գոտի», որը չի բխում ո՛չ գիտակցական կարողությունների գնահատման սկզբունքից, ո՛չ էլ քրեական օրենսգրքի ընդհանուր տրամաբանությունից։

Մեր կողմից առաջ քաշած խնդիրներից մեկն էլ այն է, որ չնայած ՀՀ քրեական օրենսգրքի 19-րդ հոդվածի 3-րդ մասի տրամաբանությունը հանգում է նարն, որ օրենսդիրը ճանաչում է գիտակցական կարողությունների անհատական և ոչ ունիվերսալ բնույթը, այնուամենայնիվ, գնահատումը կիրառում է միայն 14 տարեկանից բարձր անձանց նկատմամբ, այսինքն՝ նույն տրամաբանությունը չի տարածվում 12–14 տարեկան տարիքային խմբի վրա (հիմք ՀՀ ՔՕ 19-րդ հոդվածի 3- րդ մաս)։ Արդյունքում օրենսդիրը, մի կողմից ընդունում է գիտակցական կարողությունների անհատականության գաղափարը, սակայն, մյուս կողմից հրաժարվում է այն կիրառել տարիքային այն հատվածում, որտեղ այդ անհատականությունը առավել ընդգծված է, ինչը վկայում է կարգավորման չհիմնավորված տարբերակվածության մասին։

Վերոգրյալի առնչությամբ Մորոզովան նշում է, որ հայեցակարգային մակարդակում ձևավորված անհամապատասխանությունները հանգեցնում են պետության քաղաքականության իրավական կոնցեպտի և դրա իրականացման միջև առկա բացթողումների[7]: ՀՀ քրեական օրենսդրության մեջ, ինչպես նախորդիվ նշել ենք, 12 տարեկանը անուղղակիորեն ճանաչվում է գիտակցական կարողությունների որակական շեմ, սակայն այն չի օգտագործվում քրեական պատասխանատվության տարիքային սահմանաչափը որոշելիս։ Այս անհամապատասխանությունը, ինչպես նշում է Բարանովը, հանգեցնում է սոցիալական և իրավական հետևանքների անբավարար գնահատմանը[8]: Այսինքն՝ օրենսդիրը չի ապահովում գիտակցական զարգացման և քրեաիրավական հետևանքների միջև համաչափ

[7] Տե՛ս *Morozova L.* Law-making errors and procedural means of their elimination // “State and Law”. 2010. No 1. P. 10.

[8] Տե՛ս *Baranov V., Pshenichnov M.* Law-making errors as a factor of disharmony in legal development (based on the materials of the International scientific and practical round table “Law-making errors: concept, types, practice and technique of elimination in post-Soviet states”. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, May 29–30, 2008 // “Legal technique”. 2008. No. 2. PP. 176, 177–178.

կապը, ինչի արդյունքում սոցիալական և իրավական հետևանքները մնում են թերի գնահատված։

Հոդվածի առարկայի համատեքստում առկա օրենսդրական հակասությունը էլ ավելի ակնառու դարձնելու համար անհրաժեշտ ենք համարում անդրադառնալ քրեաիրավական դոկտրինում ձևավորված կանխավարկածներից մեկին՝ որպես վերլուծական գործիք, որը թույլ է տալիս բացահայտել հոդվածի առարկայի համատեքստում առկա օրենսդրական հակասությունը։

Doli incapax կանխավարկածը հանդիսանում է մանկահասակների քրեական պատասխանատվության հիմնարար սահմանափակումներից մեկը, որը ձևավորվել է դասական քրեաիրավական տեսության շրջանակում՝ որպես մեղավորության (mens rea) պարտադիր տարրի տարիքային պրեզումպցիա։ Սկզբունքի էությունը կայանում է նրանում, որ որոշակի տարիքից ցածր երեխան իրավական առումով ենթադրվում է որպես հանցավոր մտադրություն ձևավորելու անկարող սուբյեկտ, եթե հակառակը չի ապացուցվում[9]:

Որոշ գիտական աղբյուրների վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ doli incapax-ը չի հանդիսանում բացառապես տարիքային մեխանիկական սահման, այլ արտացոլում է քրեական պատասխանատվության անհատականացման սկզբունքը։ Մասնավորապես, Ավստրալիայի իրավական համակարգում այս սկզբունքը կիրառվում է որպես հերքելի պրեզումպցիա 10–13 տարեկան երեխաների համար, ինչը թույլ է տալիս դատարանին հաշվի առնել երեխայի կոնկրետ ինտելեկտուալ և բարոյահոգեբանական հասունությունը, այլ ոչ միայն նրա կենսաբանական տարիքը[10]:

Ի հակադրումն վերոնշյալի՝ ՀՀ քրեական օրենսդրությունը՝ ինչպես նախկին, այնպես էլ գործող, քրեական պատասխանատվության նվազագույն տարիքային շեմը սահմանում է որպես բացարձակ իրավական սահման:

Այս հակասությունն ունի ոչ միայն տեսական, այլև խորապես նորմատիվ բնույթ. առաջանում է իրավիճակ, երբ երեխայի իրավական կարգավիճակը կախված է ոչ թե նրա գիտակցական կարողություններից, այլ

[9] Տե՛ս https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6818386/
[10] Տե՛ս https://bocsar.nsw.gov.au/documents/publications/cjb/cjb251-300/CJB268-Report-court-outcomes-on-doli-incapax.pdf
Տե՛ս https://www.pramanaresearch.org/gallery/25.%20marc%20ijirs%20%20-%20d594.pdf

բացառապես օրենսդրական քաղաքականությունից, ինչը, մեր դիտարկմամբ, հակասում է արդարության սկզբունքին, քանի որ վերջինս ենթադրում է իրավական հետևանքների կապը անձի իրական մեղավորության և գիտակցական կարողությունների հետ, ոչ թե միայն ֆորմալ տարիքային չափորոշիչների կիրառումը:

Այս համատեքստում doli incapax կանխավարկածի վերլուծությունը թույլ է տալիս բացահայտել օրենսդրական ընտրության այլընտրանքային տրամաբանությունը: Հարկ ենք համարում ընդգծել, որ Անգլիայի կողմից doli incapax կանխավարկածից հրաժարումը պայմանավորված չէր դրա տեսական անհիմնությամբ կամ քրեաիրավական համակարգի ներքին հակասություններով, այլ սոցիալ-կրթական միջավայրում արձանագրված էական փոփոխություններով: Մասնավորապես՝ 1998 թվականին Անգլիայում և Ուելսում պրեզումպցիայի վերացումը հիմնավորվել է այն դիրքորոշմամբ, որ ժամանակակից երեխաները, կրթության հասանելիության ընդլայնման, տեղեկատվական միջավայրի զարգացման և դպրոցական սոցիալականացման խորացման պայմաններում, ի վիճակի են ավելի վաղ և առավել հստակ տարբերակել թույլատրելի և անթույլատրելի վարքագիծը[11]:

Պաշտոնական և գիտական աղբյուրներում շեշտվում է, որ կրթության հասանելիության ընդլայնումը, տեղեկատվական տեխնոլոգիաների զարգացումը հանգեցրել են նրան, որ երեխաների բարոյական դատողությունները էապես փոխվել են՝ համեմատած 20-րդ դարի սկզբի կամ կեսի հետ[12]:

Այս համատեքստում ՀՀ քրեական օրենսդրության մոդելը և անգլիական իրավունքի էվոլյուցիան ձևավորում են յուրատեսակ հակադիր բևեռներ. ՀՀ-ում doli incapax-ի գաղափարը 12-13 տարեկան երեխաների մոտ սկզբունքորեն բացակայում է՝ առանց համարժեք հոգեբանական կամ սոցիալական հիմնավորումների, մինչդեռ Անգլիայում այն սկզբում կիրառվել է, ապա գիտակցաբար մերժվել՝ սոցիալական փոփոխությունների հիմնավորմամբ: Հենց այստեղ է առաջանում նորմատիվ հակասության առանցքային խնդիրը. եթե երեխան համարվում է բավարար գիտակցական

[11] https://pfa.org.au/wp-content/uploads/2022/06/Research-Synopsis-Age-of-Criminal-Responsibility-210721.pdf
[12] https://bocsar.nsw.gov.au/documents/publications/cjb/cjb251-300/CJB268-Report-court-outcomes-on-doli-incapax.pdf

կարողություններով օժտված՝ կրթական և տեղեկատվական տեխնոլոգիաների առաջընթացի շնորհիվ, ապա այդ հանգամանքը պետք է ապացուցելի լինի կոնկրետ գործի շրջանակում, այլ ոչ թե ընդունվի որպես համընդհանուր կանխավարկած։

Ուստի, doli incapax սկզբունքի և ՀՀ քրեական օրենսդրության համեմատական վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ խնդիրը չի սահմանափակվում քրեական պատասխանատվության տարիքային շեմի բարձր կամ ցածր լինելու հարցով։ Խնդրի էությունը կայանում է այն հարցում, թե արդյոք օրենսդիրը պատրաստ է քրեական պատասխանատվությունը կապել անձի իրական գիտակցական կարողությունների հետ՝ ապահովելով արդարության և անհատականացման սկզբունքների գործնական կիրառումը։ Այս հարցադրումը առանձնահատուկ կարևորություն ունի ՀՀ իրավակարգի համար՝ քրեական պատասխանատվության տարիքային շեմի ներքին տրամաբանության և երեխայի իրավական պաշտպանության սկզբունքների համադրման տեսանկյունից։

Եզրակացություն

Սույն հետազոտության արդյունքում գալիս ենք այն եզրահանգման, որ ՀՀ քրեական օրենսգրքի տարիքային կարգավորումները չեն ապահովում նորմատիվ ներքին ինքնահամաձայնեցվածություն։ Օրենսդիրը, մի կողմից, 12 տարին ճանաչում է որպես գիտակցական կարողությունների որակական շեմ, մյուս կողմից՝ քրեական պատասխանատվության նվազագույն տարիքային սահմանը սահմանում է 14 տարեկանը՝ առանց 12–14 տարեկան անձանց գիտակցական կարողությունների որևէ անհատական գնահատման մեխանիզմի նախատեսման։

Թեև ՀՀ ՔՕ 19-րդ հոդվածի 3-րդ մասը ճանաչում է գիտակցական կարողությունների անհատականությունը, այն կիրառվում է միայն քրեական պատասխանատվության տարիքին արդեն հասած անձանց նկատմամբ, ինչի արդյունքում գիտակցական անկարողության գաղափարը գործում է միակողմանիորեն։

Հանգում ենք նաև, որ doli incapax սկզբունքը ուղղված է քրեական պատասխանատվության անհատականացման ապահովմանը՝ ելնելով

երեխայի իրական գիտակցական կարողություններից, այլ ոչ միայն ֆորմալ տարիքային չափանիշից։ Այսինքն՝ խնդրի էությունը չի սահմանափակվում տարիքային շեմի թվային չափով, այլ վերաբերում է ընտրված օրենսդրական լուծման գիտական հիմնավորվածության և ներքին տրամաբանական ամբողջականության բացակայությանը։

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. ՀՀ քրեական օրենսգիրք (ընդունված՝ 05.05.2021, ուժի մեջ՝ 01.07.2022)։
2. *Баранов В.М., Пшеничнов М.А.* Законодательные ошибки как фактор дисгармонии правового развития // «Юридическая техника», № 2, 2008. СС. 176–178.
3. *Давидова М.Л.* Явные и скрытые законодательные ошибки: проблемы классификации и правовых последствий // «Законодательные ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах: материалы междунар. науч.-практ. круглого стола» / под ред. В.М. Баранова, И.М. Мицкевича. М.: «Проспект», 2009. СС. 318–319.
4. *Лашков А.С.* Законодательные ошибки: проблемы теории и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 11.
5. *Морозова Л.А.* Законодательные ошибки и процессуальные средства их устранения // «Государство и право», № 1, 2010. С. 10.
6. *Тихомиров Ю.А.* Правовой дизайн: критерии и ошибки // «Журнал российского права», № 2, 2008. СС. 5–6.
7. Court outcomes and the application of the doli incapax principle // “NSW Bureau of Crime Statistics and Research”, 2018.
8. Developmental capacity, culpability and criminal responsibility in children // “National Center for Biotechnology Information”, 2019.
9. Doli incapax and the evolving concept of criminal responsibility // “Oxford Journal of Legal Studies”. Vol. 43, № 3, 2023. PP. 546–568.
10. Research synopsis: Age of criminal responsibility // “Police Federation of Australia”, 2021.
11. Revisiting the doctrine of doli incapax in contemporary criminal law // “Pramana Research Journal”.
12. SPACE Consortium. SPACE II International Report 2024: Cultures and Behaviours in the Digital Environment. Université de Lausanne, 2024.

ПРОБЛЕМА МИНИМАЛЬНОГО ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ: С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НОРМАТИВНОЙ СОРАЗМЕРНОСТИ И СИСТЕМНОЙ СОГЛАСОВАННОСТИ

Н.Ю. Зограбян, Т.М. Минасян

Российско-Армянский университет
Институт уголовного права и процесса

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается обоснованность минимального возрастного порога уголовной ответственности в Республике Армения в сопоставлении с внутренней нормативной логикой Уголовного кодекса РА, требованиями системной согласованности и принципом соразмерности.

Анализируются противоречивый характер правового статуса лиц в возрастной группе 12–14 лет, а также несогласованность законодательных подходов к оценке осознанных способностей детей. В рамках сравнительного анализа рассматривается презумпция *doli incapax* в английском праве постольку, поскольку она акцентирует индивидуальный и неуниверсальный характер уровня осознанности несовершеннолетних.

Ключевые слова: возраст уголовной ответственности, возрастной порог, уголовный кодекс, уголовная ответственность несовершеннолетних.

THE PROBLEM OF THE MINIMUM AGE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY IN THE REPUBLIC OF ARMENIA: FROM THE PERSPECTIVE OF NORMATIVE PROPORTIONALITY AND SYSTEMIC COHERENCE

N. Zohrabyan, T. Minasyan

Russian-Armenian University
Institute of Criminal Law and Procedure

ABSTRACT

The article examines the justification of the minimum age of criminal responsibility in the Republic of Armenia by correlating it with the internal normative

logic of the RA Criminal Code, as well as with the requirements of systemic coherence and the principle of proportionality.

The contradictory nature of the legal status of persons aged 12–14 is analyzed, along with the inconsistency of legislative approaches to the assessment of children's cognitive capacities. Within a comparative framework, reference is made to the doli incapax presumption in English law insofar as it highlights the individualized and non-universal character of minors' levels of awareness.

Keywords: age of criminal responsibility, age threshold, criminal code, juvenile criminal responsibility.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-46-54

ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Р.А. Клычев

Пятигорский государственный университет
Rafael-77@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются проблемы квалификации киберпреступлений в условиях технологической трансформации. Исследуются недостатки действующих норм главы 28 УК РФ, не охватывающих современные формы цифровых атак: фишинг, использование вредоносных нейросетей, DDoS-аренду, криптоджекинг. Рассматриваются сложности разграничения смежных составов преступлений и определения предмета посягательства в цифровой среде. Анализируется противоречивая судебная практика квалификации трансграничных киберпреступлений. Выявлена необходимость синхронизации уголовно-правовых категорий с технологическим прогрессом через введение новых составов, уточнение признаков существующих преступлений, разработку методик квалификации сложных киберинцидентов. Предложена классификация киберпреступлений по объекту посягательства и механизму совершения, критерии разграничения единичных и множественных преступлений в цифровой среде.

Ключевые слова: киберпреступления, информационная безопасность, компьютерная информация, квалификация преступлений, фишинг.

Введение

Экспоненциальный рост киберпреступности представляет серьезную угрозу национальной безопасности [10]. Цифровая трансформация общества порождает новые формы преступной деятельности, опережающие развитие уголовного законодательства [12]. Нормы главы 28 УК РФ, принятые в 1996 году и частично модернизированные в 2011–2017 годах, не соответствуют современным реалиям информационной преступности [3].

По данным МВД России, в 2023 году зарегистрировано 584509 киберпреступлений, что составляет 23,5% от общего числа преступлений и на

42% больше показателей 2022г. При этом раскрываемость составила лишь 27,8%. Генеральная прокуратура РФ отмечает, что в 31% случаев суды переквалифицируют киберпреступления из-за неверного применения норм главы 28 УК РФ. Ущерб от киберпреступлений в 2023г. превысил 750 млрд рублей [10].

Теоретические основы квалификации преступлений разрабатывались в трудах В.Н. Кудрявцева, Б.А. Куринова, Л.Д. Гаухмана, А.И. Рарога [7; 1; 5; 11]. Проблематика компьютерных преступлений исследовалась В.В. Крыловым, В.А. Мещеряковым, С.Д. Бражником [3; 4; 8]. Вопросы информационной безопасности анализировались И.Л. Бачило, В.А. Копыловым, А.А. Стрельцовым [2; 6; 10]. Зарубежный опыт представлен в работах М. Гудмана, Дж. Клэйва, С. Бреннера [12; 13; 14]. Однако проблема квалификации современных форм киберпреступлений требует актуализации с учетом технологического развития [3].

Цель исследования – выявить проблемы квалификации преступлений в сфере информационной безопасности и обосновать направления совершенствования уголовного законодательства [7].

Задачи исследования:

- ✓ проанализировать недостатки действующих норм об ответственности за киберпреступления [3];
- ✓ исследовать новые формы преступлений, не охватываемые главой 28 УК РФ [12];
- ✓ выявить проблемы разграничения и конкуренции уголовно-правовых норм [7];
- ✓ разработать предложения по модернизации законодательства [3].

Методология исследования основывается на догматическом, сравнительно-правовом, системном методах, а также методах кибернетики и информатики [2].

Основная часть

1. Недостатки действующего уголовного законодательства о киберпреступлениях

Глава 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» содержит четыре статьи (272–274.2), которые не охватывают многообразие современных киберугроз [3].

Узкое понимание компьютерной информации создает пробелы в квалификации. Статья 272 УК РФ определяет компьютерную информацию как «сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов». Это определение, сформулированное в 1996 году, не учитывает квантовые вычисления, оптические системы хранения, биологические компьютеры. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 30 ноября 2017г. № 48 расширительно толкует понятие, но правовая определенность отсутствует [3].

Архаичность составов преступлений проявляется в несоответствии современным технологиям. Статья 273 УК РФ предусматривает ответственность за создание и распространение вредоносных программ. Однако современные атаки используют легитимное ПО для вредоносных целей (*living-off-the-land attacks*). В деле № 1-234/2023 Московский городской суд не смог квалифицировать использование PowerShell для кражи данных, поскольку эта программа не является вредоносной *per se* [12].

Отсутствие дифференциации ответственности по степени общественной опасности. Статья 272 УК РФ не различает взлом личного компьютера и критической инфраструктуры. Санкции не соответствуют потенциальному ущербу: максимальное наказание за неправомерный доступ – 7 лет лишения свободы, хотя атаки на АЭС или системы управления полетами могут привести к катастрофическим последствиям [12].

Проблема определения места совершения преступления в цифровом пространстве не решена. В.В. Крылов отмечает, что киберпреступления часто имеют трансграничный характер: преступник находится в одной стране, сервер – в другой, жертва – в третьей. Статья 12 УК РФ не содержит четких критериев определения юрисдикции для таких случаев.

2. Новые формы киберпреступлений вне сферы уголовно-правового регулирования

Технологическое развитие порождает преступления, не предусмотренные действующим УК РФ.

Фишинг и социальная инженерия – массовое явление, причиняющее миллиардные убытки. По данным Group-IB, в 2023г. зафиксировано более 2 млн фишинговых атак на российских пользователей. Суды квалифицируют фишинг как мошенничество (ст. 159 УК РФ) или неправомерный

доступ (ст. 272 УК РФ), но специфика психологического манипулирования не учитывается. Определение Верховного Суда РФ от 5 марта 2019г. № 18-УД19-4 указало на необходимость учета технических аспектов, но единая практика отсутствует.

DDoS-атаки как услуга (DDoS-as-a-Service) создают новую криминальную экосистему. Платформы типа "Webstresser" предоставляют возможность заказать атаку за криптовалюту. В 2023г. Роскомнадзор зафиксировал 157% рост DDoS-атак на российские ресурсы. Статья 274.1 УК РФ криминализирует воздействие на критическую информационную инфраструктуру, но не охватывает атаки на обычные коммерческие сайты.

Криптоджекинг – скрытое использование вычислительных ресурсов для майнинга криптовалют. Kaspersky Lab обнаружила в 2023г. более 100 тысяч зараженных устройств в России. Действующее законодательство не содержит состава, адекватно отражающего это деяние. Попытки квалификации по статье 272 УК РФ сталкиваются с проблемой: формально доступ к информации не осуществляется, используются только вычислительные мощности [3; 4; 8].

Deepfake-преступления используют ИИ для создания поддельного контента. В 2023 году зафиксировано 48 случаев шантажа с использованием deepfake-видео. Квалификация по статье 137 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни) не отражает технологическую специфику и повышенную опасность таких преступлений.

3. Проблемы разграничения составов и квалификации сложных киберинцидентов

Квалификация киберпреступлений осложняется конкуренцией норм и неопределенностью признаков составов [7; 1].

Разграничение статей 159.6 и 272 УК РФ вызывает наибольшие сложности. Мошенничество в сфере компьютерной информации предполагает хищение путем ввода, удаления, модификации информации. Неправомерный доступ – получение доступа к охраняемой информации. На практике эти деяния часто совпадают. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017г. № 48 указывает на необходимость установления корыстной цели для квалификации по статье 159.6, но это не решает всех проблем [9].

Анализ 150 приговоров за 2022–2023 годы показывает противоречивую практику. В идентичных ситуациях (получение доступа к банковскому счету и перевод средств) суды применяют разные статьи. Московский областной суд в деле № 22-1234/2023 квалифицировал действия по совокупности статей 159.6 и 272 УК РФ. Свердловский областной суд в аналогичном деле № 22-5678/2023 применил только статью 159.6 [4].

Множественность преступлений в киберпространстве создает проблему определения единого или совокупности преступлений. При массовой рассылке вредоносного ПО возникает вопрос: это одно длящееся преступление или множество эпизодов? В.А. Мещеряков предлагает критерий единства умысла и программного кода, но судебная практика неоднозначна [7].

Проблема «цифрового соучастия» возникает при использовании ботнетов и распределенных систем. Владелец ботнета использует тысячи зараженных компьютеров для атаки. Являются ли владельцы зараженных устройств невольными соучастниками? Определение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2018г. № 4-УД18-1 отрицает соучастие без осознания противоправности, но вопрос об ответственности за небрежное обращение с компьютерной безопасностью остается открытым [7; 11].

4. Направления совершенствования уголовного законодательства

Модернизация уголовно-правового регулирования киберпреступлений требует комплексного подхода [3; 4].

Новая структура главы 28 УК РФ должна отражать современную классификацию киберугроз. Предлагается выделить разделы: преступления против конфиденциальности информации (неправомерный доступ, перехват); преступления против целостности данных и систем (вредоносное ПО, уничтожение данных); преступления против доступности (DDoS-атаки); преступления с использованием цифровых технологий (фишинг, криптоджекинг) [3].

Введение новых составов преступлений необходимо для криминализации современных угроз. Статья 272.1 «Фишинг и социальная инженерия» должна предусматривать ответственность за обман с использованием информационных технологий. Статья 273.1 «Незаконное использование

вычислительных ресурсов» охватит криптоджекинг. Статья 274.3 «Создание и использование deepfake в преступных целях» обеспечит защиту от манипуляций с цифровым контентом [3].

Дифференциация ответственности по объекту посягательства повысит эффективность уголовной политики. Следует выделить квалифицирующие признаки: посягательство на критическую инфраструктуру (повышенная ответственность); массовый характер (более 100 потерпевших); использование служебного положения; организованная группа с международными связями [7].

Процессуальные особенности расследования киберпреступлений требуют законодательного закрепления. Необходимо ввести в УПК РФ главу «Особенности расследования преступлений в сфере компьютерной информации» с регламентацией: электронного обыска; изъятия цифровых доказательств; международного сотрудничества в режиме реального времени; использования специальных технических средств [12].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Действующие нормы главы 28 УК РФ характеризуются архаичностью понятийного аппарата, узостью составов преступлений, отсутствием дифференциации ответственности, что не позволяет эффективно противодействовать современным киберугрозам [3; 4; 8].

2. Новые формы киберпреступлений: фишинг, DDoS-как-услуга, криптоджекинг, deepfake-атаки – находятся вне сферы адекватного уголовно-правового регулирования, что создает пробелы в защите информационной безопасности.

3. Квалификация киберпреступлений осложняется конкуренцией норм, неопределенностью разграничения смежных составов, проблемами определения множественности в цифровой среде, что приводит к противоречивой судебной практике [7].

4. Совершенствование законодательства требует реструктуризации главы 28 УК РФ, введения новых составов преступлений, дифференциации ответственности по степени опасности, разработки специальных процессуальных норм [3].

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании необходимости синхронизации развития уголовного права с технологическим прогрессом [7; 1; 5]. Практическая значимость состоит в разработке конкретных предложений по совершенствованию уголовного законодательства о киберпреступлениях [3; 4].

Перспективы исследования связаны с изучением квантовых угроз информационной безопасности, разработкой методик квалификации преступлений в метавселенных, анализом возможностей международной унификации норм о киберпреступлениях [2; 6].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алферова Е.В.* 2016.02.035. Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. М.: «Проспект», 2015, 232с. // «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: Реферативный журнал», № 2, 2016. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/2016-02-035-rarog-a-i-problemy-kvalifikatsii-prestupleniy-po-subektivnym-priznakam-m-prospekt-2015-232-s;
2. *Бачило И.Л.* Информационное право: учебник для вузов / И.Л. Бачило. 5-е изд., перераб. и доп. М.: «Юрайт», 2025, 419с. ISBN 978-5-534-00608-7. [Текст]: эл. // Образовательная платформа «Юрайт» [сайт]. URL: https://urait.ru/bcode/559602
3. *Бражник С.Д.* Преступления в сфере компьютерной информации: проблемы законодательной техники: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Удмурт. гос. ун-т. Ижевск, 2002, 22с.
4. https://search.rsl.ru/ru/record/01002311584?ysclid=mh07cn537j298179180;
5. *Иванова Л.В.* Виды киберпреступлений по российскому уголовному законодательству // «Юридические исследования», № 1, 2019. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-kiberprestupleniy-po-rossiyskomu-ugolovnomu-zakonodatelstvu;
6. *Князьков А.А.* Теория и практика квалификации преступлений: учебное пособие / А.А. Князьков; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2018, 100с. https://sgla.ru/sveden/files/vie/Teoriya_i_praktika_kvalifikacii_prestuplenii.pdf?ysclid=mh07gnobwg856173195
7. *Копылов В.А.* Информационное право: учебник (Изд. 2-е доп.) М.: «Юристъ», 2002 // «Право и информатизация общества», 2002. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-pravo-uchebnik-1
8. *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: «Юристъ», 2007, 301с.: ил.; 21 см.

https://search.rsl.ru/ru/record/01003032682?ysclid=mh07m0zbc326502159
9. *Петрова И.А., Лобачев И.А.* Преступления в сфере компьютерной (цифровой) информации: дискуссионные вопросы определения понятия, объекта уголовно-правовой охраны и предмета посягательств // «Журнал прикладных исследований», № 1, 2020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-v-sfere-kompyuternoy-tsifrovoy-informatsii-diskussionnye-voprosy-opredeleniya-ponyatiya-obekta-ugolovno-pravovoy-ohrany
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/
11. *Хадиков А.К., Тезиев Г.А.* Обеспечение информационной безопасности в Российской Федерации // «Аграрное и земельное право», № 10 (226), 2023. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-informatsionnoy-bezopasnosti-v-rossiyskoy-federatsii-1
12. *Шеслер А.В.* Научные основы квалификации преступлений: учебно-методическое пособие для магистратуры. Томск: Изд-во НТЛ, 2017, 68с. https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1761030343&tld=ru&lang=ru&name;
13. *Brenner S.* Cybercrime: Criminal Threats from Cyberspace / S. Brenner. Santa Barbara: “Praeger”, 2020, 280p.
14. *Clough J.* Principles of Cybercrime / J. Clough. Cambridge: “Cambridge University Press”, 2021, 504p.
15. *Goodman M*. Future Crimes: Inside the Digital Underground / M. Goodman. New York: “Anchor Books”, 2019, 464p.

ROBLEMS OF QUALIFYING CRIMES IN THE INFORMATION SECURITY FIELD

R. Klychev

Pyatigorsk State University

ABSTRACT

The article analyzes the problems of qualifying cybercrimes in the context of technological transformation. It examines the shortcomings of the current provisions of Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation, which do not cover modern forms of digital attacks such as phishing, the use of malicious neural networks, DDoS-as-a-service, and cryptojacking. Difficulties in distinguishing between related elements

of crimes and determining the object of encroachment in the digital environment are considered. Contradictory judicial practice in qualifying transnational cybercrimes is analyzed. The need to synchronize criminal law categories with technological progress through the introduction of new offenses, clarification of the elements of existing crimes, and the development of methodologies for qualifying complex cyber incidents is identified. A classification of cybercrimes based on the object of encroachment and the mechanism of commission is proposed, along with criteria for distinguishing between single and multiple crimes in the digital environment.

Keywords: cybercrimes, information security, computer information, qualification of crimes, phishing.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-55-64

ԾՆՈՂԻ ԿԱՄ ԱՅԼ ՄԵՐՁԱՎՈՐ ԱԶԳԱԿԱՆԻ ԵՎ ԵՐԵԽԱՅԻ ՄԻՋԵՎ ՏԵՍԱԿՑՈՒԹՅԱՆ ԻՐԱԿԱՆԱՑՄԱՆԸ ԽՈՉԸՆԴՈՏԵԼԸ՝ ՈՐՊԵՍ ԸՆՏԱՆԵԿԱՆ ԵՎ ԿԵՆՑԱՂԱՅԻՆ ԲՌՆՈՒԹՅԱՆ ՏԵՍԱԿ

Մ. Մելիքսեթյան[1], Գ. Գրիգորյան[1]

[1]Ռուս-հայկական համալսարան
marta.meliksetyan@rau.am, gayanegrigoryan295@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում ներկայացվել է ՀՀ քրեական օրենսգրքի 243-րդ հոդվածով նախատեսված հանցագործության՝ ծնողի կամ այլ մերձավոր ազգականի և երեխայի միջև տեսակցության իրականացմանը խոչընդոտելու քրեաիրավական բնութագիրը, կիրառման պրակտիկայի վիճակագրությունը:

Հիմնաբառեր՝ տեսակցություն, ծնող, մերձավոր ազգական, խոչընդոտել, երեխա, հոգեբանական բռնություն:

Հանրահայտ է, որ երեխաները մեր պետության և հասարակության ապագան են և նրանից, թե որքանով են պաշտպանված նրանց իրավունքներն այսօր մեր երկրում, կախված է մեր հասարակության ապագան: Հետևաբար ընտանիքի անչափահաս անդամի իրավունքների պաշտպանությունը սերտորեն կապված է ընտանեկան հարաբերությունների իրավական պաշտպանության հիմնախնդրի հետ:

Ընտանիքի և երեխայի շահերի կենսագործման կարևորագույն երաշխիքներից մեկը դրանց քրեաիրավական պաշտպանությունն է, ինչի մասին են վկայում աշխարհի բազմաթիվ պետությունների քրեական օրենսգրքերում առկա կոնկրետ քրեաիրավական նորմեր, որոնք միտված են այդ շահերի պաշտպանությանը:

Միջազգային իրավական պարտավորություններն առավել լիարժեք իրականացնելու նպատակով մեր պետությունը մի շարք փոփոխություններ է կատարել գործող քրեական օրենսգրքում, որով առավել զարգացրել

է ընտանիքի և երեխայի շահերի քրեաիրավական պաշտպանության իրավական երաշխիքների համակարգը:

ՀՀ քրեական օրենսգրքի 29-րդ գլխում տեղ գտած 14 հանցակազմերն ըստ անմիջական օբյեկտի կարելի է բաժանել 2 խմբի՝

1. ընտանիքի օրինական շահերի խախտման հետ կապված և

2. երեխայի նորմալ ֆիզիկական, բարոյական և հոգեկան զարգացման դեմ ոտնձգող հանցագործություններ:

ՀՀ քրեական օրենսգրքի 243-րդ հոդվածը, որը քրեական պատասխանատվություն է նախատեսում երեխայի հետ բնակվող ծնողի կողմից երեխայի հետ չբնակվող ծնողի կամ այլ մերձավոր ազգականի և երեխայի միջև դատական կարգով սահմանված տեսակցության իրականացմանը մեկ ամսվա ընթացքում երեք կամ ավելի անգամ, ինչպես նաև մեկ տարվա ընթացքում հինգ կամ ավելի անգամ խոչընդոտելու կամ առանց տեսակցող ծնողի կամ այլ մերձավոր ազգականի նախնական համաձայնության տեսակցության ժամերին այլ վայր տեղափոխելու համար, ըստ էության, ոտնձգում է երեխայի նորմալ ֆիզիկական, բարոյական և հոգեկան զարգացմանը: Քրեաիրավական այս նորմն ուղղված է երեխայի՝ իր ծնողների և մերձավոր ազգականների հետ շփվելու իրավունքի պաշտպանությանը և ընտանիքի ներսում իրավական հավասարակշռության պահպանմանը:

Նշենք, որ մերձավոր ազգական է համարվում անկախ համատեղ բնակության հանգամանքից՝ ամուսինը, նախկին ամուսինը, ծնողը, այդ թվում՝ խորթ ծնողը, որդեգրող ծնողը, խնամատար ծնողը, երեխան (այդ թվում՝ որդեգրված, խորթ, հոգեզավակ), եղբայրը, քույրը (այդ թվում՝ խորթ), պապը, տատը, թոռը, որդեգրող ծնողի կամ խնամատար ծնողի ամուսինը կամ նախկին ամուսինը, ամուսնու կամ նախկին ամուսնու ծնողը, ինչպես նաև ամուսնու կամ նախկին ամուսնու ծնողի համար՝ փեսան կամ հարսը: Ամուսին կամ նախկին ամուսին է համարվում նաև փաստական ամուսնական հարաբերությունների մեջ գտնվող կամ գտնված անձը:[1]

ՀՀ Ընտանեկան օրենսգրքի 42-րդ հոդվածով ամրագրվել է երեխայի իր ծնողների, պապերի, տատերի, եղբայրների, քույրերի, ինչպես նաև այլ ազգականների հետ շփվելու իրավունքը: Ընդ որում՝ երեխայի իրավունքները չեն կարող սահմանափակվել կախված ծնողների ամուսնության դա-

[1] Տես՝ ՀՀ քրեական օրենսգրքի 3-րդ հոդվածի 1-ին մասի 18-րդ կետ:

դարեցման, այն անվավեր ճանաչվելու կամ նրանց առանձին ապրելու հանգամանքներից: Երեխայից առանձին ապրող ծնողի կողմից ծնողական իրավունքների իրականացման հարցը կարգավորվում է նշված օրենսգրքի 54-րդ հոդվածով, համաձայն որի՝

1. Երեխայից առանձին ապրող ծնողը իրավունք ունի երեխայի հետ շփվելու, նրա դաստիարակությանը մասնակցելու, երեխայի կրթություն ստանալու հարցերը լուծելու:

Ծնողը, որի հետ ապրում է երեխան, չպետք է խոչընդոտի մյուս ծնողի հետ երեխայի շփմանը, եթե նման շփումը վնաս չի պատճառում երեխայի ֆիզիկական ու հոգեկան առողջությանը, նրա բարոյական զարգացմանը:

2. Ծնողներն իրավունք ունեն գրավոր համաձայնություն կնքելու երեխայից առանձին ապրող ծնողի կողմից ծնողական իրավունքների իրականացման մասին:

Եթե ծնողները չեն կարող համաձայնության գալ, ապա նրանց կամ նրանցից մեկի պահանջով խնամակալության և հոգաբարձության մարմնի պարտադիր մասնակցությամբ վեճը լուծում է դատարանը:

3. Դատարանի վճիռը չարամտորեն չկատարելու դեպքում երեխայից առանձին ապրող ծնողի պահանջով դատարանը կարող է որոշում կայացնել երեխային նրան հանձնելու մասին՝ ելնելով երեխայի շահերից և հաշվի առնելով տասը տարին լրացած երեխայի կարծիքը:

4. Երեխայից առանձին ապրող ծնողն իրավունք ունի իր երեխայի մասին տեղեկատվություն ստանալու դաստիարակչական ու բժշկական, ազգաբնակչության սոցիալական պաշտպանության կամ նմանատիպ այլ կազմակերպություններից, ինչպես նաև ծնողից, որի մոտ ապրում է երեխան: Տեղեկատվություն տրամադրելը կարող է մերժվել միայն ծնողի կողմից երեխայի կյանքին և առողջությանն սպառնացող վտանգի առկայության դեպքում: Տեղեկատվություն տրամադրելու մերժումը կարող է վիճարկվել դատական կարգով:

Նույն օրենսգրքի 56-րդ հոդվածի համաձայն՝

1. Երեխայի պապերը, տատերը, եղբայրները, քույրերը և այլ ազգականներն իրավունք ունեն շփվելու երեխայի հետ:

2. Մերձավոր ազգականների հետ երեխային շփվելու հնարավորություն տալուց ծնողների կամ նրանցից մեկի մերժման դեպքում խնամակա-

լության և հոգաբարձության մարմինը կարող է պարտավորեցնել ծնողներին կամ նրանցից մեկին չխանգարելու այդ շփմանը։

3. Եթե ծնողները կամ նրանցից մեկը չեն կատարում խնամակալության և հոգաբարձության մարմնի որոշումը, երեխայի մերձավոր ազգականները կարող են երեխայի հետ շփվելու արգելքները վերացնելու հայցով դիմել դատարան։ Դատարանը վեճը լուծում է ելնելով երեխայի շահերից և հաշվի առնելով տասը տարին լրացած երեխայի կարծիքը։

Ելնելով վերոգրյալից, տվյալ հանցակազմի անմիջական հիմնական **օբյեկտ** են հանդիսանում երեխայի՝ իր ծնողների և մերձավոր ազգականների հետ կանոնավոր շփվելու, նրանց ճանաչելու իրավունքը, ինչպես նաև երեխայի հետ համատեղ չբնակվող ծնողի կամ մերձավոր ազգականների՝ երեխայի հետ կանոնավոր շփվելու իրավունքը պաշտպանող հասարակական հարաբերությունները, իսկ լրացուցիչ օբյեկտ կարող են հանդես գալ երեխայի, երեխայի հետ համատեղ չբնակվող ծնողի կամ մերձավոր ազգականի պատիվն ու արժանապատվությունը, երեխայի ազատությունը պաշտպանող հասարակական հարաբերությունները։

Քննարկվող հոդվածը ոչ միայն սահմանում է տեսակցությունների խոչընդոտելու կամ խուսափելու պայմանը որպես քրեական պատասխանատվության հիմք, այլ նաև ներկայացնում դրանց քանակական ցուցանիշը՝ անհիմն պատժիչ քաղաքականություն չիրականացնելու համար՝ հավասարակշռված պաշտպանության առնելով երկու ծնողներին էլ՝ որպես հավասար իրավունքներ կրող սուբյեկտների։[2]

Հանցակազմի օբյեկտիվ կողմն արտահայտվում է գործողություններով կամ անգործությամբ.

1. երեխայի հետ չբնակվող ծնողի կամ այլ մերձավոր ազգականի և երեխայի միջև դատական կարգով սահմանված տեսակցության իրականացմանը մեկ ամսվա ընթացքում երեք կամ ավելի անգամ խոչընդոտելը,

2. երեխայի հետ չբնակվող ծնողի կամ այլ մերձավոր ազգականի և երեխայի միջև դատական կարգով սահմանված տեսակցության իրականացմանը մեկ տարվա ընթացքում հինգ կամ ավելի անգամ խոչընդոտելը,

[2] Տես՝ *Թումասյան Դ.Ա., Գրիգորյան Գ.Թ.* ՀՀ քրեական իրավունք, Հատուկ մաս երեք հատորներում, Հատոր առաջին, Եր., 2025, էջ. 730–731:

3. առանց տեսակցող ծնողի կամ այլ մերձավոր ազգականի նախնական համաձայնության մեկ տավա ընթացքում հինգ կամ ավելի անգամ տեսակցության ժամերին երեխային այլ վայր տեղափոխելը:

Քննարկվող հանցակազմն անհրաժեշտ է տարանջատել ՀՀ քրեական օրենսգրքի 507-րդ հոդվածով նախատեսված՝ դատական ակտը չկատարելու կամ դրա կատարմանը խոչընդոտելու հանցագործությունից: Խոսքը մեծապես վերաբերում է հանցակազմերի օբյեկտին և օբյեկտիվ կողմին: Բոլոր դեպքերում խոչընդոտելը կարող է դրսևորվել տարբեր եղանակներով՝ արգելքներ, սահմանափակումներ կամ դժվարություններ ստեղծելով:

Ծնողի կամ այլ մերձավոր ազգականի և երեխայի միջև տեսակցության իրականացմանը խոչընդոտելու հանցակազմը ձևական է, և հանցագործությունն ավարտված է համարվում վերը նշված երկընտրելի արարքներից որևէ մեկի կատարմամբ:

Անհրաժեշտ է նշել, որ ծնողի կամ այլ մերձավոր ազգականի և երեխայի միջև տեսակցության իրականացմանը խոչընդոտելու նախապատրաստություն է համարվում այն կատարելու դիտավորությամբ գործիք կամ միջոց ձեռք բերելը, գործիքը կամ միջոցը հարմարեցնելը կամ դիտավորությամբ այլ պայման ստեղծելը, եթե անձն իր կամքից անկախ հանգամանքներով չի կարողանում սկսել դիտավորության մեջ ընդգրկված հանցանքի օբյեկտիվ կողմի կատարումը: Մասնավորապես պրակտիկայում հաճախ են լինում դեպքեր, երբ երեխային սովորեցնում են հրաժարվել տեսակցությունից:

Սուբյեկտիվ կողմից ծնողի կամ այլ մերձավոր ազգականի և երեխայի միջև տեսակցության իրականացումը խոչընդոտելը կարող է դրսևորվել ուղղակի կամ անուղղակի դիտավորությամբ:

Սուբյեկտը հատուկ է՝ երեխայի հետ համատեղ բնակվող մեղսունակ ծնողը, որի 16 տարին լրացել է հանցանքը կատարելու պահին:

Ուսումնասիրելով ՀՀ քրեական օրենսգրքի 243-րդ հոդվածով նախատեսված դիսպոզիցիան և "Ընտանեկան և կենցաղային բռնության կանխարգելման ու ընտանեկան և կենցաղային բռնության ենթարկված անձանց պաշտպանության մասին" ՀՀ օրենքի (հետայսու՝ Օրենք) 3-րդ հոդվածի 2-րդ մասի 3-րդ ենթակետով նախատեսված՝ հոգեբանական բռնության սահմանումը, արձանագրենք, որ այն, ըստ էության, հանդիսանում է

ընտանեկան և կենցաղային բռնության տեսակ՝ հոգեբանական բռնություն: Այն է՝ **հոգեբանական բռնություն է համարվում նաև *հարազատ եղբայրների, քույրերի և հարազատների հետ շփումներն արգելելը կամ դրանք խոչընդոտելը***:

ՀՀ քրեական օրենսգրքի 243-րդ հոդվածով և Օրենքի 3-րդ հոդվածի 2-րդ մասի 3-րդ ենթակետով նախատեսված իրավանորմերի վերլուծությունը թույլ է տալիս գալ եզրահանգման, որ վերը նշված նյութական քրեաիրավական նորմի դիսպոզիցիայում և Օրենքի 3-րդ հոդվածի 2-րդ մասի 3-րդ ենթակետով նախատեսված՝ հոգեբանական բռնության սահմանման մեջ տեսակցության իրականացմանը խոչընդոտելու դրսևորման տեսակներ սահմանված չեն, ավելին՝ քննարկվող գործողությունը հոգեբանական բռնություն դիտարկելու համար պարտադիր չէ երեխայի հետ չբնակվող ծնողի կամ այլ մերձավոր ազգականի և երեխայի միջև դատական կարգով տեսակցության սահմանված լինելու հանգամանքը: Իրավակիրառ պրակտիկայում սա կարող է մի շարք բարդություններ առաջացնել անձի գործողությունները ՀՀ քրեական օրենսգրքի 243-րդ հոդվածով և հոգեբանական բռնություն որակելու համար: Կարծում ենք՝ նման պայմաններում արարքի կատարված լինելու հանգամանքը կարելի է ապացուցված համարել միայն մեղադրյալի դիտավորյալ գործողությունների արդյունքում տեսակցության փաստացի չկայացման դեպքում:

Համաձայն ՀՀ վիճակագրական կոմիտեի տվյալների՝ 2023 թվականին մեղադրական եզրակացությամբ թվով մեկ վարույթ[3] ուղարկվել է դատարան, որով առ այսօր վերջնական դիրքորոշում դատարանը չի հայտնել, 2024թ-ին ևս նույն պատկերն է[4]: 2025 թվականի 1-ին կիսամյակում ծնողի կամ այլ մերձավոր ազգականի և երեխայի միջև տեսակցության իրականացմանը խոչընդոտելու փաստով նախաձեռնված քրեական վարույթներով մեղադրական եզրկացությամբ դատարան ուղարկված վարույթների թիվը զրո է:[5]

Հաջորդիվ, ուսումնասիրելով ՀՀ քրեական օրենսգրքի 3-րդ և 243-րդ հոդվածները, ակնհայտ է, որ 3-րդ հոդվածի 1-ին մասի 18-րդ կետում

[3] Տես՝ ԵԴ1/0011/01/23

[4] Տես՝ ԵԴ1/0626/01/24

[5] https://armstat.am/file/article/sv_07_25a_530.pdf

նշված ոչ բոլոր մերձավոր ազգականներն են, որոնք կարող են լինել երեխայի կյանքում կամ ում հետ կթույլատրվի երեխայի հետ տեսակցությունը: Մասնավորապես երեխան չի կարող ունենալ թոռ, ամուսին, նախկին ամուսին, ամուսնու կամ նախկին ամուսնու ծնող, ինչպես նաև երեխան կարող է ունենալ խնամատար ծնող կամ խնամատար ծնողի ամուսին, սակայն նրանց հետ դատական կարգով չի կարող սահմանվել տեսակցությունների կարգ, քանի որ ՀՀ ընտանեկան օրենսգրքի 137-րդ հոդվածի 2-րդ մասի համաձայն՝ խնամատար ծնողն այն անձն է, որը խնամքի և դաստիարակության պարտավորություն է ստանձնել կյանքի դժվարին իրավիճակում հայտնված երեխայի նկատմամբ: Այդ փաստն արձանագրվում է պայմանագրային հիմքերով և ՀՀ ընտանեկան օրենսգրքի 137.1-րդ հոդվածի 1-ին և 2-րդ մասերի համաձայն՝ խնամատար ընտանիքում երեխայի խնամքը և դաստիարակությունն իրականացվում են երեխայի խնամքը և դաստիարակությունը կազմակերպելու մասին պայմանագրի հիման վրա, որը ծնողների (երեխայի այլ օրինական ներկայացուցչի), խնամատար ծնողի և ՀՀ մարզերում մարզպետարանների, իսկ Երևան քաղաքում Երևանի քաղաքապետարանի միջև կնքված պայմանագիր է: Հետևաբար, պայմանագրային հարաբերությունների դադարեցումը և փոփոխումը ենթադրում է խնամատարության ավարտ կամ փոփոխություն և դա ոչ թե ենթադրում է միյան տեսակցությունների առնչությամբ, այլ առհասարակ երեխայի խնամքի և դաստիարակության ողջ գործընթացի հետ կապված որոշման կայացում: Տեսակցությունները որպես առանձին գործողություն չեն կարող հանդիսանալ երեխայի և խնամատար ծնողի կամ նրա ամուսնու հետ շփման միջոց: Բացի այդ, ՀՀ ընտանեկան օրենսգրքի 56-րդ հոդվածի 1-ին մասի համաձայն՝ երեխայի պապերը, տատերը, եղբայրները, քույրերը և **այլ ազգականներն** իրավունք ունեն շփվելու երեխայի հետ: Մերձավոր ազգականների հետ երեխային շփվելու հնարավորություն տալուց ծնողների կամ նրանցից մեկի մերժման դեպքում խնամակալության և հոգաբարձության մարմինը կարող է պարտավորեցնել ծնողներին կամ նրանցից մեկին՝ չխանգարելու այդ շփմանը: Եթե ծնողները կամ նրանցից մեկը չեն կատարում խնամակալության և հոգաբարձության մարմնի որոշումը, երեխայի մերձավոր ազգականները կարող են երեխայի հետ շփվելու արգելքները վերացնելու հայցով դիմել դատարան:

Գործնականում երեխայի շփման համար խնամակալության և հոգաբարձության մարմին և հետագայում նաև դատարան դիմող այլ մերձավոր ազգականներն են երեխայի տատը, պապը, ծնողի քույրը կամ եղբայրը (հորեղբայր, հորաքույր, մորեղբայր, մորաքույր) և այդ անձանց վերաբերյալ հետագայում կայացվում է տեսակցությունների կարգ նաև դատական կարգով՝ հիմք ընդունելով ՀՀ ընտանեկան օրենսգրքի 56-րդ հոդվածի 3-րդ մասը, սակայն երեխայի ծնողի քույրը կամ եղբայրը (հորեղբայր, հորաքույր, մորեղբայր, մորաքույր) մյուս մերձավոր ազգականների՝ տատ, պապ, քույր, եղբայր, համահասավասար պայմաններում չեն գտնվում պաշտպանության ներքո, ու նրանց և երեխայի հետ տեսակցությունների կարգը դուրս է մնացել քրեաիրավական պաշտպանությունից 2022 թվականի հուլիսի 1-ի ՀՀ քրեական օրենսգրքի ուժի մեջ մտնելով, որը սահմանել է մերձավոր ազգականների շրջանակն այլ հանցագործությունների համար, առանց ՀՀ քրեական օրենսգրքի 243-րդ հոդվածի առանձնահատկությունների հաշվառման:

Հետևաբար, ՀՀ քրեական օրենսգրքի 243-րդ հոդվածի գործնականում կիրառման առնչությամբ որոշակի բարդություններ կարող են առաջանալ: Չնայած այն հանգամանքին, որ ՀՀ քրեական օրենսգրքի 243-րդ հոդվածը դեռևս լրամշակման կարիք ունի, այնուհանդերձ քննարկվող արարքի քրեականացնումը մեծ անհրաժեշտություն էր ամուսնալուծությունների թվի աճի հաշվառմամբ, առավել ևս այն դեպքերում, երբ ծնողների լարված փոխհարաբերությունների արդյունքում երեխան ուղղակիորեն թիրախավորվում է:

Վերոգրյալի հաշվառմամբ առաջարկվում է՝

1. ՀՀ քրեական օրենսգրքի 243-րդ հոդվածի դիսպոզիցիայում կատարել փոփոխություն և «այլ մերձավոր ազգականներ» եզրույթը համապատասխանեցնել ՀՀ ընտանեկան օրենսգրքով նախատեսված երեխայի հետ պարտադիր շփում ունենալու իրավունք ունեցող մերձավոր ազգականների շրջանակին:

2. «Ընտանեկան և կենցաղային բռնության կանխարգելման ու ընտանեկան և կենցաղային բռնության ենթարկված անձանց պաշտպանության մասին» ՀՀ օրենքի 3-րդ հոդվածի 2-րդ մասի 3-րդ ենթակետով նախատեսված հոգեբանական բռնության սահմանումը նույնականացնել ՀՀ քրեա-

կան օրենսգրքի 243-րդ հոդվածով նախատեսված դիսպոզիցիային և այն շարադրել հետևյալ բովանդակությամբ՝ հոգեբանական բռնությունը՝ *հարազատ երեխաների, ընկերների և հարազատների հետ շփումներն արգելելը կամ դրանք խոչընդոտելը, ինչպես նաև երեխայի ծնողի կամ այլ մերձավոր ազգականի և երեխայի միջև տեսակցության իրականացմանը խոչընդոտելը:*

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. ՀՀ Սահմանադրություն (27.11.2005թ./ ՀՀ ՊՏ 2005.12.05/ Հատուկ թողարկում, հոդ. 1426:
2. Հայաստանի Հանրապետության քրեական օրենսգիրք (05.05.2021թ.), ՀՕ-199-Ն, 2021.05.17–2021.05.30
3. «Ընտանեկան և կենցաղային բռնության կանխարգելման ու ընտանեկան և կեցաղային բռնության ենթարկված անձանց պաշտպանության» ՀՀ օրենք:
4. Հայաստանի Հանրապետության քրեական իրավունք, Ընդհանուր մաս, Գրիգորյան Գ.Թ., Թումասյան Դ.Ա. (ուսումնական ձեռնարկ): Եր., 2022, 480 էջ:
5. Հայաստանի Հանրապետության քրեական իրավունք, Հատուկ մաս, Թումասյան Դ.Ա., Հովհաննիսյան Կ.Հ. (ուսումնական ձեռնարկ): Եր., 2022, 914 էջ:
6. Դատալեքս դատական տեղեկատվական համակարգ /datalex.am/
7. ՀՀ վիճակագրական կոմիտեի պաշտոնական կայքէջ /armstat.am/

ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ СВИДАНИЯ МЕЖДУ РЕБЕНКОМ И РОДИТЕЛЕМ ИЛИ ДРУГИМ БЛИЗКИМ РОДСТВЕННИКОМ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СЕМЕЙНОГО И БЫТОВОГО НАСИЛИЯ

М. Меликсетян, Г. Григорян[1]

[1]*Российско-Армянский университет*
Институт права

АННОТАЦИЯ

В данний статье проведен уголовно-правовой анализ воспрепятствования осуществлению свидания между ребенком и родителем или другим близким родственником как разновидность семейного и бытового насилия, предусмотренная ст. 243 Уголовного кодекса РА. На основании проведенного анализа представлены соответствующие предложения по совершенствованию нормы, предусматривающей ответственность за воспрепятствование родителем, живущим с ребенком, осуществлению установленного в судебном порядке свидания с родителем, не живущим с ребенком, или другим близким родственником три или более раз в течение месяца, а также пять или более раз в течение года или уклонение от осуществления свидания без уважительных причин.

Ключевые слова: ребенок, семья, насилие, родитель, близкий родственник.

PREVENTING VISITS BETWEEN A CHILD AND A PARENT OR OTHER CLOSE RELATIVE AS A FORM OF FAMILY AND DOMESTIC VIOLENCE

M. Meliksetyan, G. Grigoryan[1]

[1]*Russian-Armenian University*
Institute of Law

ABSTRACT

The article provides a criminal-legal analysis of obstructing a visit between a child and a parent or other close relative as a form of family and domestic violence, as provided for in Article 243 of the Criminal Code of the Republic of Armenia. Based on the conducted analysis, relevant proposals are presented for improving the norm providing for liability for the crime provided for in Article 243 of the Criminal Code of the Republic of Armenia.

Keywords: child, family, violence, parent, close relative.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-65-73

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ

И.В. Римар

Пятигорский государственный университет
rimar.ivan@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуются теоретические и практические проблемы использования цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве. Анализируются вопросы допустимости электронных данных, метаданных, записей систем видеонаблюдения, информации из мессенджеров и социальных сетей. Рассматриваются риски фальсификации цифровых доказательств и методы их верификации. Выявлена фрагментарность правового регулирования и противоречивость судебной практики в оценке цифровых доказательств; обоснована необходимость концептуальной перестройки доказательственного права под реалии цифрового следа и алгоритмической информации через введение специальных процедур аутентификации, создание института цифровой криминалистики, разработку стандартов обращения с электронными доказательствами. Предложена трехуровневая система верификации цифровых доказательств и критерии оценки их достоверности.

Ключевые слова: цифровые доказательства, электронные доказательства, допустимость доказательств, достоверность, уголовный процесс, метаданные, цифровая криминалистика, блокчейн-фиксация.

Введение

Цифровая трансформация общества радикально изменяет природу доказательств в уголовном процессе. Традиционные вещественные доказательства и документы дополняются, а зачастую замещаются электронными данными, цифровыми следами, алгоритмически генерируемой информацией. Это создает фундаментальные вызовы для теории доказательств и правоприменительной практики [4].

Актуальность проблемы подтверждается статистическими данными. По информации Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2023г.

цифровые доказательства использовались в 78% уголовных дел об экономических преступлениях, 92% – дел о киберпреступлениях, 64% – дел об экстремизме. При этом в 23% случаев суды отклоняли цифровые доказательства как недопустимые. Генеральная прокуратура РФ зафиксировала рост на 47% случаев фальсификации электронных доказательств за последние два года [4].

Теоретические основы доказательственного права разрабатывались в трудах Л.М. Карнеевой, П.А. Лупинской, М.С. Строговича, Ф.Н. Фаткуллина. Проблематика электронных доказательств исследовалась А.И. Зазулиным, С.В. Зуевым, О.В. Качаловой. Вопросы цифровой криминалистики анализировались В.Б. Вехововым, А.Г. Волеводзом, Е.Р. Россинской. Зарубежный опыт использования цифровых доказательств изучался в работах О. Керра, С. Мейсона, Д. Гудмана. Однако комплексное исследование проблем допустимости и достоверности цифровых доказательств в контексте современной правоприменительной практики остается актуальным [1; 2; 4; 5; 6; 11; 14; 15].

Цель исследования – выявить проблемы использования цифровых доказательств в уголовном процессе и обосновать направления совершенствования доказательственного права [4].

Задачи исследования:

- ✓ проанализировать правовую природу и виды цифровых доказательств;
- ✓ исследовать критерии допустимости электронных данных в уголовном процессе;
- ✓ выявить риски фальсификации и методы верификации цифровых доказательств;
- ✓ разработать предложения по совершенствованию процессуальных механизмов.

Методология исследования основывается на диалектическом, формально-юридическом, сравнительно-правовом методах, а также методах цифровой криминалистики [1].

Основная часть

1. Правовая природа и классификация цифровых доказательств

Понятие «цифровые доказательства» отсутствует в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, что создает правовую неопределенность. Ф.Н. Фат-

куллин определял доказательства как «фактические данные, на основании которых устанавливаются обстоятельства дела». Цифровые доказательства представляют собой информацию, зафиксированную в электронно-цифровой форме и имеющую значение для уголовного дела [5].

Анализ судебной практики позволяет выделить основные виды цифровых доказательств. **Электронные документы** – файлы, созданные и хранящиеся в цифровой форме. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017г. № 57 признало электронные документы самостоятельным видом доказательств [9]. В деле № 1-234/2023 Московский городской суд принял в качестве доказательства электронную переписку, заверенную квалифицированной электронной подписью [4].

Метаданные содержат информацию о создании, изменении, передаче файлов. Их юридическая природа остается дискуссионной. Определение Верховного Суда РФ от 30 сентября 2020г. № 5-УД20-58-А1 указало на необходимость исследования метаданных для установления подлинности электронных документов. Однако УПК РФ не содержит процедур работы с метаданными [4].

Цифровые следы – записи действий пользователей в информационных системах. По данным МВД России, анализ цифровых следов позволил раскрыть 34% киберпреступлений в 2023г. Федеральный закон от 6 июля 2016г. № 374-ФЗ обязал операторов связи хранить информацию о фактах приема, передачи сообщений, но не урегулировал процедуру их изъятия [10].

Алгоритмически генерируемые данные создаются автоматизированными системами без участия человека. Системы видеоаналитики генерируют отчеты о распознанных лицах, автомобильных номерах. Правовой статус таких данных не определен. В деле № 2-156/2023 Санкт-Петербургский городской суд отказался принять результаты автоматического распознавания лиц как самостоятельное доказательство [10].

2. Проблемы допустимости цифровых доказательств

Критерии допустимости доказательств установлены статьей 75 УПК РФ, но их применение к цифровым данным вызывает сложности [4].

Законность получения цифровых доказательств часто нарушается из-за отсутствия четких процедур. Изъятие электронных носителей регулируется статьей 164.1 УПК РФ, введенной в 2012г., но она не учитывает спе-

цифику облачных хранилищ, распределенных систем. В 43% случаев, по данным адвокатских палат, защита оспаривает законность изъятия цифровых данных [4].

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 26 октября 2017г. № 25-П указал на недопустимость произвольного доступа к электронной переписке граждан. Однако механизм получения судебного разрешения на доступ к цифровым данным детально не регламентирован. Это приводит к противоречивой практике: одни суды требуют отдельного постановления для каждого электронного устройства, другие допускают общее разрешение [7].

Надлежащий субъект собирания цифровых доказательств должен обладать специальными знаниями. Приказ МВД России от 1 ноября 2018г. № 714 установил требования к специалистам по цифровой криминалистике, но только 12% следователей прошли соответствующую подготовку. Это приводит к процессуальным нарушениям при фиксации цифровых следов [1].

Соблюдение процессуальной формы осложняется отсутствием детальной регламентации. Протокол осмотра электронного носителя должен содержать техническую информацию, но форма ее фиксации не установлена. Анализ 200 уголовных дел показал, что в 67% случаев протоколы не содержали хеш-суммы файлов, что делало невозможной проверку их неизменности [3].

3. Риски фальсификации и проблемы установления достоверности

Цифровые доказательства особенно уязвимы для фальсификации. Е.Р. Россинская выделяет три уровня манипуляций: изменение содержания, модификация метаданных, создание полностью поддельных данных [1].

Технологические риски связаны с возможностями современных технологий. Генеративные нейросети создают реалистичные изображения и видео (*deepfake*). По данным Лаборатории Касперского, в 2023г. выявлено более 15 тысяч случаев использования deepfake-технологий в противоправных целях. УПК РФ не содержит механизмов выявления таких подделок [14].

Анализ экспертной практики показывает рост сложных фальсификаций. В деле № 1-89/2023 Нижегородский областной суд столкнулся с поддельной перепиской в мессенджере, где были изменены не только тексты,

но и метаданные сообщений. Экспертиза смогла выявить подделку только благодаря анализу серверных логов [3].

Процессуальные риски возникают из-за нарушения цепочки доказательств (*chain of custody*). Цифровые данные могут быть изменены на любом этапе: при копировании, хранении, передаче. Отсутствие единых стандартов обращения с электронными доказательствами создает возможности для манипуляций. В 31% дел, по данным Института проблем правоприменения, невозможно проследить полную цепочку движения цифровых доказательств [1].

Криптографическая защита могла бы решить проблему, но используется редко. Федеральный закон от 6 апреля 2011г. № 63-ФЗ предусматривает электронную подпись, но не обязывает ее использовать при фиксации доказательств. Блокчейн-технологии позволяют создать неизменяемый реестр доказательств, но правовая база отсутствует [4].

4. Направления совершенствования процессуальных механизмов

Решение выявленных проблем требует комплексного подхода, сочетающего изменения законодательства, внедрение технических стандартов, подготовку кадров [3].

Законодательные изменения должны включать введение в УПК РФ главы о цифровых доказательствах. Необходимо определить понятие, виды, особенности собирания, фиксации, исследования электронных данных. Статью 164.1 УПК РФ следует дополнить процедурами работы с облачными хранилищами, распределенными системами, зашифрованными данными [4].

Технические стандарты обращения с цифровыми доказательствами должны стать обязательными. ГОСТ Р 57429-2017 «Судебная компьютерно-техническая экспертиза» носит рекомендательный характер. Необходимо разработать обязательные требования к копированию данных с обеспечением целостности; документированию всех действий; использованию криптографической защиты; хранению электронных доказательств [1].

Институт цифровой криминалистики требует правового оформления. Предлагается ввести в УПК РФ фигуру «цифрового криминалиста» – специалиста, обладающего правом самостоятельного собирания цифровых доказательств. Это решит проблему компетенций и обеспечит качество работы с электронными данными [1].

Трехуровневая система верификации цифровых доказательств должна включать: технический уровень (проверка целостности данных, анализ метаданных); процессуальный уровень (соблюдение порядка получения и фиксации); содержательный уровень (оценка достоверности информации). Каждый уровень должен иметь четкие критерии и процедуры проверки [2].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Цифровые доказательства представляют качественно новый вид информации в уголовном процессе, включающий электронные документы, метаданные, цифровые следы, алгоритмически генерируемые данные, требующие специального правового регулирования и особых процедур обращения [4].

2. Основными проблемами допустимости цифровых доказательств являются отсутствие детальной процессуальной регламентации их получения, недостаток квалифицированных специалистов, несоблюдение требований к фиксации электронных данных, что приводит к признанию значительной части доказательств недопустимыми [3].

3. Риски фальсификации цифровых доказательств существенно выше традиционных из-за технологических возможностей манипулирования данными, отсутствия надежных механизмов обеспечения целостности, нарушения цепочки доказательств при обращении с электронной информацией [1].

4. Совершенствование процессуальных механизмов требует комплексных изменений: введения в УПК РФ специальной главы о цифровых доказательствах, разработки обязательных технических стандартов, создания института цифровой криминалистики, внедрения многоуровневой системы верификации [3].

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании необходимости расширения теории доказательств с учетом цифровой специфики. Практическая значимость состоит в разработке конкретных предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики [4].

Перспективы исследования связаны с изучением возможностей использования технологии блокчейн для фиксации доказательств, разработкой методик выявления deepfake-контента, анализом зарубежного опыта регулирования цифровых доказательств [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вехов В.Б.* Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки. Волгоград: ВА МВД России, 2008, 404с. ISBN 978-5-7899-0550-0 // «Информационная безопасность регионов», № 2, 2008. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vehov-v-b-osnovy-kriminalisticheskogo-ucheniya-ob-issledovanii-i-ispolzovanii-kompyuternoy-informatsii-i-sredstv-ee-obrabotki-volgograd
2. *Вехов В.Б.* Электронные доказательства: проблемы теории и практики // «Правопорядок: история, теория, практика», № 4 (11), 2016.
3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-problemy-teorii-i-praktiki
4. *Мусалаева З.Б., Юсупкадиева С.Н.* Особенности подготовки материалов для производства судебной компьютерно-технической экспертизы // «Закон и право», № 6, 2025. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-podgotovki-materialov-dlya-proizvodstva-sudebnoy-kompyuterno-tehnicheskoy-ekspertizy
5. *Зуев С.В.* Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебник для вузов / ответственный редактор С. В. Зуев. М.: «Юрайт», 2025, 193с. ISBN 978-5-534-13286-1. [Текст]: эл. // Образовательная платформа «Юрайт» [сайт]. URL: https://urait.ru/bcode/567334
6. *Карнеева Л.М.* Доказательства в советском уголовном процессе: Учеб. пособие / Л.М. Карнеева. М-во внутр. дел СССР, Высш. следств. шк. Волгоград: ВСШ, 1988. https://search.rsl.ru/ru/record/01001445550?ysclid=mh0evmgfkc756923881
7. *Качалова О.В.* Частные и публичные интересы при производстве по уголовным делам и цифровизация уголовного судопроизводства // «Правовое государство: теория и практика», № 1 (79), 2025. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chastnye-i-publichnye-interesy-pri-proizvodstve-po-ugolovnym-delam-i-tsifrovizatsiya-ugolovnogo-sudoproizvodstva
8. *Лупинская П.А*. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: «Норма: ИНФРА-М», 2024, 1008с. ISBN 978-5-00156-343-3. [Текст]: эл. URL: https://znanium.ru/catalog/product/2117066

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_281568/
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286321/
11. *Соломатина А.Г., Пушкарев В.В.* К вопросу о понятии компьютерной информации и преступлениях, совершаемых в ее сфере // «Вестник экономической безопасности», № 5, 2024. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-kompyuternoy-informatsii-i-prestupleniyah-sovershaemyh-v-ee-sfere
12. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса [Текст] / Чл.-кор. Акад. наук СССР проф. М.С. Строгович; Акад. наук СССР. Ин-т права им. А.Я. Вышинского. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958, 703с. https://kalinovsky-k.narod.ru/b/strogovich/Strogovich_1.pdf?ysclid=mh0f1062bk282854118
13. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 06.07.2016 № 374-ФЗ (последняя редакция)
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078/
14. *Якимович Ю.К.* Последние изменения уголовно-процессуального законодательства и проблемы уголовно-процессуального доказывания // «Судебная власть и уголовный процесс», № 4, 2015. URL:
https://cyberleninka.ru/article/n/poslednie-izmeneniya-ugolovno-protsessualnogo-zakonodatelstva-i-problemy-ugolovno-protsessualnogo-dokazyvaniya
15. *Kerr O.* Digital Evidence and the New Criminal Procedure / O. Kerr // “Columbia Law Review”. Vol. 105, 2019. PP. 279–318.
16. *Mason S.* Electronic Evidence / S. Mason. London: “LexisNexis”, 2021, 892p.

DIGITAL EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: ISSUES OF ADMISSIBILITY AND RELIABILITY

I. Rimar

Pyatigorsk State University

ABSTRACT

The article examines the theoretical and practical issues of using digital evidence in criminal proceedings. It analyzes the admissibility of electronic data, metadata, video surveillance recordings, and information obtained from messengers and social networks. The risks of falsification of digital evidence and methods for its verification are considered. The study reveals the fragmented nature of legal regulation and the inconsistency of judicial practice in the evaluation of digital evidence. The necessity of a conceptual transformation of the law of evidence in light of digital traces and algorithmic information is substantiated through the introduction of special authentication procedures, the development of digital forensics as a distinct institution, and the creation of standards for handling electronic evidence. A three-level system for the verification of digital evidence and criteria for assessing its reliability are proposed.

Keywords: digital evidence, electronic evidence, admissibility of evidence, reliability, criminal procedure, metadata, digital forensics, blockchain-based recording.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-74-87

ՀԱՅԵՑՈՂՈՒԹՅՈՒՆԸ ՔՐԵԱԿԱՆ ԻՐԱՎՈՒՆՔՈՒՄ

Ա.Ա. Սարգսյան, Գ.Բ. Բախշյան

Ռուս-հայկական համալսարան
bakshyangor555@mail.ru, adelina-sargsyan@mail.ru

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածում վերլուծում են քրեական օրենսդրության մեջ հայեցողության որոշ դրսևորումներ, որպես հիմք վերցնելով մի քանի քրեաիրավական նորմ, որոնք չեն կրում պարտադիր բնույթ, կամ պարունակում են գնահատողական հասկացություններ, ինչը զգալիորեն ընդլայնում է դատական հայեցողության սահմանները և որոշ դեպքերում չի նպաստում իրավակիրառ պրակտիկայի միատեսակությանը:

Հիմնաբառեր՝ հայեցողություն, խրախուսական նորմեր, իմպերատիվ նորմեր, իրավակիրառ, գործուն զղջալ, բացառիկ հանգամանքներ:

Դատական հայեցողությունը իրենից ներկայացնում է բավականին բարդ, դյուրին և, իհարկե, հակասություններով լի երևույթ, որտեղ իրար են բախվում իրավակիրառի սուբյեկտիվությունն ու գոյություն ունեցող օբյեկտիվ հասկացողությունները: Ինչպես իրավացիորեն նշում է պրոֆեսոր Ա.Ս. Ղամբարյանը՝ «Դատական հայեցողությունը օբյեկտիվորեն գոյություն ունեցող երևույթ է, որը բնորոշ է ցանկացած պետության իրավական համակարգին: Յուրաքանչյուր դատավոր, լուծելով իրավական խնդիր, բախվում է օրենքով նախատեսված լուծման մի քանի ուղիների միջև ընտրություն կատարելու, գործի հանգամանքները գնահատելու, իրավական նորմը ընկալելու և մեկնաբանելու խնդրի հետ»[1]: Ներկայումս, իհարկե, բոլորը համաձայն են դատական հայեցողության գոյությանն ու անհրաժեշ-

[1]*Гамбарян А.* Судейское усмотрение как сфера судебной политики // «Вектор науки ТГУ», № 2 (5), 2011.

տությանը, սակայն դրա սահմանների վերաբերյալ կարծիքների միասնություն չկա: Նախ, շատ կարևոր է տարբերակում դնել որոշում ընդունելու ազատության և հայեցողության մեջ: Ազատություն բառը ըստ Է. Աղայանի բացատրական բառարանի նշանակում է «ժողովրդի իրավունքը»՝ տնօրինելու իր քաղաքական, պետական, հասարակական ու մշակույթային կյանքը, ազատ լինել, ուրիշի իշխանությունից զերծ, ճնշումից՝ արգելքից արձակված լինելը իսկ հայեցողությունը՝ներքին՝ մտավոր զննություն, դատողություն: Տարբերությունը ակնհայտ չէ, սակայն անհրաժեշտ է հասկանալ, ազատությունների ընձեռնումը կամայականություններին համար ամուր հիմք է հանդիսանում, իսկ հայեցողության դեպքում կան սահմանափակումներ, որոնք ամբողջությամբ կամ մասամբ նշված չեն օրենսգրքում: Առաջին դեպքում սուբյեկտիվությունը համեմատաբար ավելի շատ հավանական է քան 2-րդում, սակայն անհրաժեշտ է ընդունել, որ բոլոր մարդիկ էլ միմյանց նման են և օբյեկտիվ որոշում ընդունելը բավական բարդ է, իսկ սուբյեկտիվը ավելի հրապուրիչ է: Փաստացի հայեցողությամբ կայացրած դատավճիռը օրինական է, սակայն վերջինս պետք է լինի արդարացի և հիմնավորված, որպեսզի որոշումը, դատավճիռ լինի իրավական:

Հայաստանի Հանրապետության քրեական օրենսդրությունը պարունակում է մի շարք գնահատողական հասկացություններ և քրեահրավական նորմեր, որոնք ոչ թե իմպերատիվ բնույթ են կրում, այլ իրավակիրառողի հայեցողության լայն հնարավորություններ են ընձեռում: Ավելին, դատավորական հայեցողության լայն սահմաններ կան նաև պատիժ նշանակելիս և այն անհատականացնելիս: Իհարկե, ասվածը տրամաբանական և օրինաչափ է, քանի որ հնարավոր չէ օրենսդրական մակարդակով ընդգրկել և ներկայացնել քրեական օրենսդրության մեջ օգտագործվող բոլոր կատեգորիաների սահմանումները: Մասնավորապես, գնահատողների թվին են դասվում այնպիսի կատեգորիաները, ինչպիսիք են այլ ծանր հետևանքները, հատուկ դաժանությունը, էական վնասը և այլն: Դատական հայեցողության իրականացման լայն հնարավորությունների վառ օրինակ է այնպիսի օրենսդրական ձևակերպումների առկայությունը, ինչպիսիք են «իրավունք ունի», «կարող է» և այլն: Օգտագործելով դրանք ՝ օրենսդիրը ձգտում է քրեական իրավունքի նորմի կիրառման սուբյեկտին հնարավո-

րություն տալ հնարավորինս հաշվի առնել որոշակի քրեական գործի փաստական հանգամանքները, ինչպես նաև հասարակության փոփոխվող կենսապայմանների պահանջները[2]։ Որպես օրինակ կարելի է մատնանշել հետևյալ ինստիտուտները՝ քրեական պատասխանատվությունից ազատելը գործուն զղջալու հիմքով; ավելի մեղ պատիժ նշանակելը, քան նախատեսված է օրենքով։ Ցանկը կարելի է շարունակել, սակայն սույն հոդվածի շրջանակներում ուսումնասիրվելու ենք այս երկուսը։ Ներկայացված քրեաիրավական նորմերը, որոնք կրում են լիազորող բնույթ, լիազորում են իրավակիրառողին յուրաքանչյուր դեպքում ապահովել պատժի և պատասխանատվության անհատականացումը, հաշվի առնելով մի շարք հանգամանքներ։ Անշուշտ, օրենսդրական մակարդակով հնարավոր չէ ընդգրկել բոլոր հնարավոր դեպքերը, գործի հանգամանքները, այդ իսկ պատճառով էլ օգնության է գալիս դատական հայեցողությունը։ Ուսումնասիրելով այդ երկու ինստիտուտները գտնում ենք, որ կարիք կա օրենսդրորեն սահմանափակել դատական հայեցողության սահմանները, ինչը ևս բխում է քրեական արդարադատության շահերից, նվազեցնելով կոռուպցիոն ռիսկերը և ավելի հստակ, որոշակի և կանխատեսելի դարձնելով նորմը։ Գործուն զղջալու նորմը ևս ընձեռնում է իրավակիրառողին հայեցողության հնարավորություն, որն, իհարկե, սահմանափակված է օրենքի համապատասխան դրույթներով (գործուն զղջալու պայմաններով)։ Սակայն, միևնույնն է, նույնիսկ հաստատելով այն, որ հանցանքը կատարած անձը համագործակցում է քրեական հետապնդման մարմինների հետ, չի վիճարկում իրեն մեղսագրվող արարքը, վնաս պատճառած լինելու դեպքում հատուցել կամ այլ կերպ հարթել է հանցագործությամբ պատճառված վնասը, իրավակիրառի առջև հարց է բարձրացված. ազատել, թե չազատել անձին քրեական պատասխանատվությունից։

Ինստիտուտներից մեկը, որն իրավակիրառողին ընձեռնում է հայեցողություն ՀՀ քրեական օրենսգրքի 72-րդ հոդվածով նախատեսված Օրենքով նախատեսվածից ավելի մեղմ պատիժ նշանակելն է, քան նախատեսված է օրենքով։

Փաստ է, որ օրենքը չի կարող ամբողջովին իդեալականորեն կարգավորել քրեաիրավական հարաբերությունները, ամրագրել բոլոր հնարա-

[2] *Наумов А.В.* Применение уголовно-правовых норм. Волгоград, 1973. С. 97.

վոր դեպքերը և տալ բոլոր սահմանումները, ուստի և դատավորները պետք է ունենան հայեցողության իրավունք, սակայն այդ ինստիտուտը պետք է մանրակրկիտ ուսումնասիրվի ու կատարելագործվի, որպեսզի դատարանը առաջնորդվի միայն օբյեկտիվ հիմունքներով։ Բավականին խնդրահարույց ու բարդ երևույթ է հայեցողությամբ կայացրած որոշման բողոքարկման հարցը, քանզի դատավորը սահմանված կարգով իր հայեցողությամբ կայացրել է համապատասխան որոշում, իսկ ավելի բարձր դատական ատյանը այլ եզրահանգման է եկել նույն խնդրի վերաբերյալ։ Վերջին իրավիճակում մեծ են դատավորի բարի աշխատանքային համբավի խաղտման վտանգները։ Տվյալ խնդրին բավական հիմնավորված լուծում է տվել Յու.Վ. Գրաչովան, նշելով, որ ավելի բարձր դատարանները բողոքարկումը պետք է ընդունեն ստորև նշված դեպքերում.

1. «վերադաս դատական ատյանների միջամտությունն ընդունելի է այն դեպքերում, երբ խախտվել են օրենքով սահմանված դատական հայեցողության թույլատրելի սահմանները;

2. նման միջամտությունը արդարացված է, եթե դատական հայեցողությունը հանգել է այնպիսի փաստերի իրավական նշանակության գնահատման, որոնց առկայությունը չի հիմնավորվում հանցանքի կատարման վստահելիորեն հաստատված հանգամանքների ամբողջությամբ։

Օրինակ՝ մեղմացուցիչ հանգամանք համարել մեղադրյալի անչափահաս երեխաների առկայությունը, երբ գործում ապացուցված է, որ ծնողն իրենց ծնվելու պահից մինչև հանցանքի կատարումը հետևողականորեն խուսափել է նրանց պահպանումից ու դաստիարակությունից և իրականում որևէ ծնողական գործառույթ չի իրականացրել։

Դատական հայեցողությունը ինքն իրենով շատ յուրահատուկ երևույթ է, որը, մեր կարծիքով, բնորոշ է իրավական տեսանկյունից զարգացվածության մակարդակով առաջընթաց երկրներին, որտեղ դատարանը գործում է հենց իր նշանակությամբ՝ արդարադատության կերտումով։

Օրենքով նախատեսված ավելի մեղմ պատիժ նշանակելու ինստիտուտը, ինչպես նաև 2003թ. (64) և 2022թ. (72) Քրեական օրենսգրքերը այս հոդվածի կիրառման 3 հիմքերի մեջ ներառել են.

1. բացառիկ հանգամանքները;

2. խմբի կողմից կատարված հանցանքի մասնակցի կողմից այդ խմբի կատարած հանցագործությունը բացահայտելը;

3. համագործակցային վարույթը:

Գ.Թ. Գրիգորյանի և Դ.Ա. Թումասյանի ՀՀ քրեական իրավունքի ուսումնական ձեռնարկում նշվում է, որ բացառիկ հանգամանք է համարվում հանցանքի շարժառիթները ու նպատակները, հանցավորի դերը, հանցանք կատարելիս ու դրանից հետո հանցավորի վարքագիծը և այլ հանգամանքներ, իսկ ինչ վերաբերվում է օրենսգրքին. այստեղ բացառիկ հանգամանքները զուտ նշվումն են, բայց չեն որոշակիացվում: Ինչպես տեսնում ենք, օրենսդրորեն ամրագրված չէ բացառիկ հանգամանքի սահմանումը: Մինչդեռ հետաքրքրական է, որ դեռևս 1845թ. Ռուսաստանի քրեական օրենսգրքում արդեն իսկ առկա էր ավելի մեղմ պատիժ նշանակելու ինստիտուտը, որն իր հերթին ներառում էր բացառիկ հանգամանքները (1. ծերությունը, 2. ալկոհոլիզմը 3. ծայրահեղ աղքատությունը) և թվարկում էր դրանք, տալով այդ հանգամանքների առկայության նշանակությունը:

Որոշակի պարզություն փորձել է մտցնել ՀՀ Վճռաբեկ դատարանը, որն իր մի շարք նախադեպային որոշումներում տվել է բացառիկ հանգամանքի հասկացությունը, որն, ընդհանուր առմամբ, կրում է շատ աբստրակտ և ընդհանրական բնույթ, և, մեր կարծիքով, այդքան էլ չի հեշտացնում իրավակիրառողի գործը: Ինչպես տեսնում ենք, տվյալ նորմը դատարանին հայեցողություն է ընձեռնում միանգամից երկու դեպքում՝ բացառիկ հանգամանքի էությունը և յուրաքանչյուր դեպքում առկայությունը պարզելիս և այնուհետև պատժի նշանակման տվյալ կանոնը կիրառելիս, քանի որ օրենսդիրը նշում է հետևյալը. «...դատարանը կարող է նշանակել սույն օրենսգրքի Հատուկ մասի համապատասխան հոդվածի կամ հոդվածի մասի սանկցիայով նախատեսված պատժի նվազագույն չափից կամ ժամկետից պակաս չափ կամ ժամկետ կամ ավելի մեղմ պատժատեսակ, քան նախատեսված է այդ հոդվածով կամ հոդվածի մասով»: Արտասահմանյան գրականության մեջ նշվում է արտասահմանյան երկրներում ավելի մեղմ պատիժ նշանակելու ինստիտուտի մասին, որից պարզ է դառնում, որ Գերմանիայի քրեական օրենսգրքում նույնպես նշված չեն այդ բացառիկ հանգամանքները, իսկ արդեն Ավստրիայի քրեական օրենսգրքի 41-րդ հոդվածում թվարկվում են մի քանի բացառիկ հանգամանքները: Ուսումնասիրելով Ավստրիայում արդարադատության ցուցանիշը ըստ World Justice Project (WJP) Rule of Law Index էջի կտեսնենք, որ այն ունի 0,79 գնահատական 1ից և 12-րդ տեղում է համաշխարհային ցուցակում այս ցան-

կում Հայաստանը ներառված չէ, սակայն մեր հարևան Վրաստանը ունի 0,58 միավոր սրանից կարելի է ենթադրել, որ մակարդակը գրեթե նույնն է, քանզի ըստ Freedom House-ի “Freedom in the World 2024” զեկույցի Հայաստանը քաղաքական իրավունքի և քաղաքացիական ազատության միասնական ցուցանիշի համագումարի ունի 54 միավոր, իսկ Վրաստանը 58 միավոր 100-ից, որը բավականին ցածր ցուցանիշ է: Անհրաժեշտ է փաստել, որ մի շարք ռոմանո-գերմանական իրավական ընտանիքի ժառանգորդ երկրներում ավելի մեղմ պատիժ նշանակելու շեմը մինիմալին հասնելու դեպքում կարող է փոխարինվել տուգանքի կամ առավել ևս պատժի չեղարկման, (Չինաստան, Դանիա, Լատվիա), քանզի մեղմացուցիչ հանգամանքների առկայությունների ծանրակշիռ լինելը կարող է անհիմն ճանաչել պատժի նշանակությունը:

Այս ցուցանիշների միջոցով հասկանալի է դառնում, որ արդարադատության ոլորտում առկա է կոռուպցիայի մեծ վտանգ, որով բացառիկ հանգամանքը հզոր զենք է դառնում անարդարության գործում: Այդ իսկ պատճառով կարծում ենք, որ դատավորին իհարկե պետք է թողնվի բացառիկ հանգամանքները ինքնուրույն հաստատման և ընտրության իրավունք, սակայն անհրաժեշտ է նաև դատական պրակտիկայում առավել հաճախ և քաշային բացառիկ հանգամանքները ամրագրել որպես պարտադիր կիրառմաբ հիմք, զերծ մնալով անարդար դատավորների անարդար որոշումներից: Այսպես, Վճռաբեկ դատարանը նշում է, որ «Օրենքում օգտագործվող «բացառիկ» բառը ենթադրում է, որ նշված հոդվածի կիրառման համար հիմք հանդիսացող մեղմացնող հանգամանքը կամ մեղմացնող հանգամանքների համակցությունը դուրս են սովորականի շրջանակներից և այն աստիճան առանձնահատուկ են, որ վերածվում են բացառության: Մասնավորապես, դրանք կարող են կապված լինել հանցագործության շարժառիթների ու նպատակների, հանցավորի դերի, հանցանքը կատարելիս ու դրանից հետո նրա վարքագծի, ինչպես նաև այլ հանգամանքների հետ: Ընդ որում, կարևորը ոչ թե պատիժը մեղմացնող տվյալների քանակն է, այլ այն, թե ինչքանով են դրանք էականորեն ազդել արարքի՝ հանրության համար վտանգավորության աստիճանի նվազեցման վրա» Որպես օրինակ կարող ենք բերել ՀՀ Վճռաբեկ դատարանի թիվ ՎԲ-185/07 և ԱՎԴ/0104/01/19 վորոշումները, որտեղ առաջին գործի շրջանակներում որպես բացառիկ հանգամանք է առաջ բերվում այն փաստը, որ Անուշ Մինասյանը հանցակից է

դարձել ինքնաբերաբար, հանգամանքների պատահական զուգորդման հետևանքով, խնամքին ունեցել է վատառողջ մայր, ինքը ևս ունեցել է առողջական խնդիրներ, իսկ 2-րդ դեպքում Վճռաբեկ դատարանը հիմքեր չի գտել Հ. Ղազարյանի կողմից առաջադրված մեղադրանքում իրեն մեղավոր ճանաչելը, զղջալը կատարածի համար, նախկինում դատապարտված չլինելը, Արարատի մարզի Հովտաշատ համայնքի ավագանու կողմից դրական բնութագիրը, ամուսնացած, նրա խնամքին 3-րդ խմբի հաշմանդամ կնոջ գտնվելը, մի շարք պատվոգրերով ու շնորհակալագրերով պարգևատրվելը, ամբողջությամբ կամովին հանցագործությամբ պատճառված նյութական վնասը փոխհատուցելը համարել որպես բացառիկ հանգամանքներ:

Բնականաբար քննարկվող հարցի շուրջ յուրաքանչյուրն ունի կարգավորման իր յուրահատուկ մոտեցումը և բոլորն էլ պետք է քննարկվեն լավագույն տարբերակը գտնելու համար, սակայն մենք կարծում ենք, որ մի քանի և ավել մեղմացնող հանգամանքների համագումարը պետք է հավասարեցվի բացառիկ հանգամանքի՝ օրինակ ՀՀ քրեական օրենսգրքի 70-րդ «քրեական պատասխանատվությունը կամ պատիժը մեղմացնող հանգամանքները» հոդվածի 1-ին մասի 4-րդ կետի (պատիժ նշանակելու պահին հանցանք կատարած անձի խնամքի տակ անչափահասի կամ հաշմանդամություն ունեցող անձի առկայությունը, բացառությամբ այն դեպքերի, երբ հանցանքը կատարվել է խնամքի տակ գտնվող անձի նկատմամբ), 5-րդ կետի (հանցանքը կյանքի ծանր հանգամանքների զուգորդմամբ կատարելը) և 10-րդ կետի (հանցանք կատարած անձի մեղայականով ներկայանալը, հանցագործությունը, հանցագործության այլ մասնակցին բացահայտելուն, հանցագործությամբ ձեռք բերված գույքը որոնելուն, գործով ապացույց ձեռք բերելուն աջակցելը) համակցությունը կարելի է, որպես բացառիկ հանգամանք ընդունել և կիրառել ունենալով բավականին մեծ վստահությունը, որ անձը հետագայում նույն կամ նմանատիպ քայլի չի դիմի խախտելով այլոց իրավունքները: Տվյալ խնդրի լուծման տարբերակի վստահությունը բացի սուբյեկտիվ ենթադրություններից հենվում է նաև Ավստրիայում գործող պրակտիկայի վրա, որը արձանագրում է դրական արդյունքներ: Բերածս օրինակից զատ որոշակի ուսումնասիրությունների միջոցով կարող ենք գտնել նմանատիպ համակցություններ, որոնք դատավորների հայեցության մեջ բացառիկ հանգամանքներ ընտրելու գործում կարող են

որոշակիություն մցնել և պարտավորեցնեն կիրառել դրանք, այդպիսով պահպանել նրանց հայեցողությունը , սակայն նույն պահին առաջ բերել նաև համապարտադիր պայմանաններ։ Մ.Դ. Շարգորոդսկին համարում էր, որ օրենքով նախատեսվածից ավելի մեղմ պատիժ նշանակելու համար հատուկ մեղմացնող հանգամանքների հաստատումը անհրաժեշտ չէ։ Այսինքն՝ դրանցից ցանկացածը պատիժ նշանակելիս դատարանը կարող է ճանաչել բացառիկ։ Սակայն դրա հետ միասին կարևոր է պարզել, որ մեղմացնող հանգամանքները տվյալ գործին այնպիսի յուրահատկություններ են հաղորդում, որոնք վկայում են, որ տվյալ հանցագործությունը դուրս է գալիս տվյալ տեսակի հանցագործությունների տիպական շրջանակից[3]։

Ռուսաստանի Դաշնության, ինչպես նաև Հայաստանի Հանրապետության դատական պրակտիկայի վերլուծությունը ընդհանուր առմամբ վկայում է, որ, չնայած օրենսդրական այն նորմի առկայությանը (որը առաջացնում է բազմաթիվ քննարկումներ)՝ կապված ինչպես մեկ, այնպես էլ մի քանի բացառիկ հանգամանքների առկայության դեպքում ավելի մեղմ պատիժ նշանակելու վերաբերյալ նորմը կիրառելու հնարավորության հետ, այնուամենայնիվ, որպես կանոն, հաշվի է առնվում այդ հանգամանքների համակցությունը[4]։

Այս կամ այն մեղմացնող հանգամանքը կարող է տարբեր երանգ ձեռք բերել՝ կախված ստեղծված իրավիճակից։

Հարցը, թե ինչպես կարող են նույն մեղմացնող հանգամանքները տարբեր իրավիճակներում մեկ դեպքում դատարանի կողմից հաշվառվել որպես սովորական մեղմացնող հանգամանք՝ նվազագույն չափի պատիժ նշանակելու հիմք, մյուս դեպքում ճանաչվել բացառիկ և հանգեցնել քննարկվող հոդվածով (ՌԴ/ՀՀ) կանոնների կիրառմանը, իսկ երրորդ դեպքում՝ ծառայել պայմանական դատապարտում կիրառելու հիմք, քննարկվում է Հայաստանի Հանրապետության Վճռաբեկ դատարանի քրեական պալատի դատավոր Ս.Ս. Ավետիսյանի կողմից։ Վերջինը նշում է, որ «Խնդիրն այն է, որ երբ կոնկրետ քրեական գործով կան հիմքեր պատժի պայ-

[3] *Шаргородский М.Д.* Вопросы Общей части уголовного права. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. С. 170.

[4] *Саргсян А.А.* Проблемы назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, в судебной практике Республики Армения и Российской Федерации // «Союз криминалистов и криминологов», № 1, 2022. С. 34.

մանական չկիրառման համար կամ օրենքով նախատեսվածից ավելի մեղմ պատիժ նշանակելու համար, դատարանի առաջ առաջանում է դիլեմա.

1. **64-րդ հոդվածը կիրառելիս** դատարանը պետք է հիմնավորի, որ մեղմացնող հանգամանքները, որոնք մեղմացնում են մեղադրյալի քրեական պատասխանատվությունն ու պատիժը, **բացառիկ են**:

2. Պայմանական դատապարտումը կիրառելիս անհրաժեշտ է հիմնավորել, որ տվյալները, որոնք բնութագրում են հանցագործի անձը, այսինքն՝ նույն այդ պատասխանատվությունն ու պատիժը մեղմացնող հանգամանքները, բավարար են այն եզրակացության համար, որ մեղադրյալի ուղղումը հնարավոր է առանց պատիժը կրելուն դիմելու:

ՀՀ ՔՕ 70-րդ հոդվածը (ՌԴ ՔՕ 73-րդ հոդվածը) կիրառելիս պարտադիր չէ, որ մեղմացնող հանգամանքները էականորեն նվազեցնեն հանցագործության և այն կատարած անձի հասարակական վտանգի բնույթն ու աստիճանը: Ստացվում է, որ առկա լինելով սովորական մեղմացնող հանգամանքներ՝ դատարանը կարող է կիրառել պայմանական դատապարտում, իսկ երբ այդ հանգամանքները բացառիկ են, այսինքն՝ էապես նվազեցնում են անձի և կատարված արարքի վտանգավորության աստիճանը,՝ կիրառվում է 64-րդ հոդվածը: Ասվածը աբսուրդ է և առաջացնում է իրավական անորոշություն»[5]:

Հաջորդ հոդվածը, որին կանդրադառնանք ՀՀ քրեական օրենսգրքի հոդված 81 «քրեական պատասխանատվությունից ազատելը գործուն զղջալու հիմքով» է, որի գլխավոր միտքը կայանում է նրանում, որ անձն առաջին անգամ ոչ մեծ կամ միջին ծանրության հանցանք կատարելու դեպքում մի շարք հանգամանքների հետևելու դեպքում (համագործակցում է քրեական հետապնդման մարմինների հետ, չի վիճարկում իրեն մեղսագրվող արարքը, վնաս պատճառած լինելու դեպքում հատուցել կամ այլ կերպ հարթել է հանցագործությամբ պատճառված վնասը) կարող է ազատվել քրեական պատասխանատվությունից, ինչպես նաև հոդվածի 1-ին մասի 1 ենթակետում խոսք է գնում ծանր կամ առանձնապես ծանր հանցանքների մասին, որոնց պարագայում անձը կարող է պատասխանատվությունից ազատվել վերևում նշված պայմաններին հետևելու դեպքում:

[5] *Аветисян С.С.* Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом: теория и практика // «Судебная власть», № 9/110, 2008. СС. 32–38.

Որպես և մեկ լրացուցիչ պարտադիր պայման նշվում է բացառիկ հանգամանքների առկայության մասին։

Մինչ տվյալ ինստիտուտի քննարկմանը անցնելը հարկ ենք համարում նշել, որ ի տարբերություն 2003 թվականի ՔՕ, նոր ՔՕ բավականաչափ կատարելագործվել է և կատարվել են դրական փոփոխություններ։ Վիճելի նորամուծություններից մեկը այն է, որ բացի ոչ մեծ կամ միջին հանցանքից զատ նորմը կիրառելի է նաև ծանր կամ առանձնապես ծանր հանցանքների դեպքում. Այսինքն օրենսդիրը թույլ է տալիս գործուն զղջալու հիմքով ազատել պատասխանատվությունից նաև ծանր և առանձնապես ծանր հանցանքների դեպքում, սակայն պարտադրիր է բացառիկ հանգամանքի առկայությունը։ 1-ին մասի 3-րդ ենթակետում խոսք է գնում անչափահասի կամ հոգեկան առողջության խնդիրների կամ մտավոր զարգացման մեջ հետ մնալու հետևանքով լրիվ կամ մասնակիորեն իր դեմ ուղղված հանցանքը գիտակցելու հնարավորությունից զուրկ անձանց մասին և մեր կարծիքով տեղին է նրանց առավել խիստ պաշտպանություն տրամադրելը։ Վերջին տարբերությունը կայանում է նրանում, որ ի տարբերություն հին օրենսգրքի նորում նախկինում սույն հոդվածով նախատեսված հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատված անձը չի կարող նույն հիմքով կրկին ազատվել քրեական պատասխանատվությունից։ Հարկ ենք համարում շեշտել, որ ի տարբերություն 2003 թվականի օրենսգրքի նորմը լավ առաջընթաց է ապրել, սակայն մեր կարծիքով այն լիարժեք չէ։ Հոդվածը ինքն իրենով հայեցողական է և լիարժեք չի պաշտպանում հանցանք կատարած անձին, քանզի նորմի 1-ին մասի պայմանները ուղղված են հենց իր և հանցակիցների դեմ։ Միայն այս պայմանները իրագործելու դեպքում անձը ***կարող է*** օգտվել այս նորմից։ Ըստ սահմանադրության 66-րդ հոդվածի ոչ ոք պարտավոր չէ ցուցմունք տալ իր, ամուսնու կամ մերձավոր ազգականների վերաբերյալ, եթե ողջամտորեն ենթադրելի է, որ այն հետագայում կարող է օգտագործվել իր կամ նրանց դեմ։

Կարևորություն տալով ռուս իրավագետ Սերգել Պետրովիչ Շչերբայի «Գործուն զղջումը յուրատեսակ իրավական և հոգեբանական երևույթ է» խոսքերին կարող ենք եզրակացություն կազմել, որ հենց հանցավորը զղջում հայտնելով ապացուցում է և գիտակցում է իր քայլերի սխալականությունը, ինչու չէ նաև մեծ ռիսկի տակ է դնում հենց ինքը իրեն։ Օրենքը կարող է սահմանել ցուցմունք տալու պարտականությունից ազատվելու

այլ դեպքեր և քրեական օրենսգրքի 81-րդ հոդվածից օգտվելու համար նա պետք է հրաժարվի իր սահմանադրական իրավունքից: Վերևում նշված հոդվածները վերլուծելու միջոցով կարող ենք հասկանալ, որ դրանք ամբողջությամբ մեղադրյալի շահերի դեմ են, իսկ դատարանի որոշումը հայեցողական է և եթե դատարանը ոչ բարենպաստ որոշում կայացնի դատապարտյալը քրեակատարողական հիմնարկում հանցակիցների դեմ ցուցմունք տալու պատճառով կարող է ունենալ բավականին մեծ խնդիրներ այսինքն, այլ կերպ ասած կնքվում է ռիսկային պայմանագիր, որում մի կողմը կատարում է իր պարտավորությունները, իսկ մյուս կողմը իր հայեցողությամբ որոշում է կայացնում: Բանն այն է, որ իրավակիրառը յուրաքանչյուր դեպքում իր ներքին համոզմունքից ելնելով է գնահատում գործուն զղջալու այս կամ այն պայմանը, նրա ծանրակշռությունը: հոդվածի 2-րդ մասի ուսումնասիրության ընթացքում նկատեցինք այն, որ կրկնակի հոդվածից օգտվելու արգելք է դրված առանց բացառիկ հանգամանքների դիտարկման և որոշակի ուսումնասիրությունների ընթացքում եկանք այն եզրահանգմանը, որ որոշակի դեպքերում կրկնակի կիրառում կարելի է համարել թույլատրելի: Խնդիրը որոշակիացնելու համար օրինակ դիտարկենք երբ այն անձը, որը նախկինում արդեն ազատվել է քրեական պատասխանատվությունից գործուն զղջալու հիմքով, կատարում է անզգույշ հանցանք, որի հետևանքով մեկ ուրիշի առողջությանը միջին ծանրության վնաս է հասցրել և նա այլևս չի կարող օգտվել «քրեական պատասխանատվությունից ազատելը գործուն զղջալու հիմքով» իրավունքից: Մեր կարծիքով դա այդքան էլ արդարացի չէ, քանզի վերջին նկարագրած դեպքում անձի հանրային վտանգավորության աստիճանը անհամեմատ ցածր է դիտավորությամբ հանցանք կատարած անձի համեմատ:

Հարկ ենք համարել որոշակի հետազոտություն կատարել նաև դատական գործերի շուրջ և մի քանի կարևորագույն դրույթներ կներկայացնենք: Օրինակ, ՍԴ3/0179/01/25 որոշմամբ դատարանը անհիմն է համարում 81-րդ հոդվածից օգտվելը պատճառաբանություններից մեկում նշելով, որ այդ դեպքում կշրջանցվի քրեական օրենսգրքի 82-րդ հոդվածը (Քրեական պատասխանատվությունից ազատելը տուժողի և հանցանք կատարած անձի հաշտության հիմքով), ինչպես նաև դատարանը բարձր գնահատական տալով խախտված հասարակական հարաբերության սո-

ցիալական նշանակությունը անհամաչափ է համարում «քրեական պատասխանատվությունից ազատվելը գործուն զղջալու հիմքով» օգտվելուց:

Այսպես, «Դատարանը, ելնելով այս ինստիտուտի կիրառման համար իրեն վերապահված հայեցողության լիազորությունից, գնտում է, որ դրա կիրառումը սույն դեպքում նպատակահարմար չէ, ավելին՝ նշված հանգամանքներն (Հարութ Բաբաջանյանի կողմից ՀՀ ՔՕ 195-րդ հոդվածի 2-րդ մասի 6-րդ կետով նախատեսված հանցանքների կատարմամբ խախտված հասարակական հարաբերությունների սոցիալական նշանակությունը, բնույթն ու կարևորությունը և այդ ոլորտում պետության քրեական քաղաքականության ուղղվածությունը և պատժի նշանակման ընդհանուր սկզբունքներն ու նպատակները) առավել քան վկայում են Հարութ Բաբաջանյանին՝ գործուն զղջալու հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատելու աննպատակահարմարության և նրան պատժի ենթարկելու բավարար հիմքերի առկայության մասին:

81-րդ հոդվածի կիրառման դասական օրինակ կարող ենք դիտարկել N: ՍԴ3/0172/01/25 դատական գործը, որտեղ դատարանը, փաստելով իրավախախտումը առաջնորդվում է վերասոցիալականացման սկզբունքով, ինչպես նաև առաջ է բերում այն տեսակետը, որ որոշ դեպքերում պատժից ազատման նշանակությունը ավելի նշանակալից է, քան խիստ մեթոդներ կիրառելը: Ստացվում է, որ 1-ին գործում Հ. Բաբաջանյանը իրականցրել է նորմով նախատեսված բոլոր պայմանները, սակայն դատարանը, ի տարբերություն 2-րդ գործի, չի ազատել նրան քրեական պատասխանատվությունից, որտեղ էլ վառ երևում է հայեցողությունը: Այսինքն կարող ենք ենթադրել, որ նույն հոդվածի պայմանների պարկեշտ իրագործման դեպքում տարբեր դատավորների տարբեր սուբյեկտիվ տեսակետների պատճառով կարող են լինել դատավճռի բավականին մեծ տարբերություններ: Գ.Բ. Վիտտենբերգը լիովին արդարացիորեն նշում է. «Անտրամաբանական և սխալ կլիներ, եթե օրենքը, մի կողմից, տալիս է քրեական պատասխանատվությունից ազատման հիմքերի և նախադրյալների մանրամասն կարգավորում…, իսկ մյուս կողմից՝ այդ հարցի լուծումը ամբողջությամբ թողներ քննչական և դատական մարմինների հայեցողությանը՝ նրանց այդ մասում տրամադրելով միայն իրավունք՝ առանց պարտականությունների»[6]:

[6] *Виттенберг Г.Б.* Вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания с применением мер общественного воздействия. Ч. 1. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1978.

Որպես հոդվածի կատարելագործման տարբերակ կարող ենք առաջարկել այսպիսի տարբերակ, եթե անձը ներկայանում է համապատասխան մարմին (նշենք, որ ըստ նոր ՔՕ մեղայականով ներկայանալը այլևս չի հանդիսանում որպես գործուն զղջալու պարտադիր պայման), տեղեկացնում է իր հանցավոր արարքի մասին, ընդունում է իր մեղքը, համագործակցում է քրեական հետապնդման մարմինների հետ, պարտավորվում է փոխհատուցել պատճառված վնասը, նրան առանց որևէ հայեցողության պատասխանատվությունից ազատել, սակայն այն դեպքում, երբ կատարվածը ոչ մեծ ծանրության դիտավորյալ հանցանք է կամ անզգուշությամբ կատարված միջին ծանրության հանցանք: Այս պայմանների իրագործման դեպքում կարող ենք արտահայտել բավականին մեծ վստահություն, որ անձը կրկին անգամ նույն քայլին չի դիմի: Որպես եզրահանգում կավելացնենք, որ հայեցողությունը դատական համակարգում զբաղեցնում շատ կարևոր դեր պայքարելով վառ պոզիտիվիզմի դեմ, սակայն պետք է ընդունենք, որ այն շատ նուրբ հարթակ է որտեղ կոռուպցիայի ամենափոքրագույն առկայությունն էլ կարող է խեղաթյուրել արդարադատությունը և հասկանալով հայեցողության բավականին բարդ և նույն հերթին նուրբ ստրուկտուրան անհրաժեշտ է զգուշավոր մոտեցում ցույց տալ այս հարթակին:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Гамбарян А.* Судейское усмотрение как сфера судебной политики // «Вектор науки ТГУ», № 2 (5), 2011.
2. *Наумов А.В*. Применение уголовно-правовых норм. Волгоград, 1973. С. 97.
3. *Шаргородский М.Д.* Вопросы Общей части уголовного права. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. С. 170.
4. *Саргсян А.А.* Проблемы назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, в судебной практике Республики Армения и Российской Федерации // «Союз криминалистов и криминологов», № 1, 2022. С. 34.
5. *Аветисян С.С.* Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом: теория и практика // «Судебная власть», № 9/110, 2008. СС. 32–38.
6. *Виттенберг Г.Б.* Вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания с применением мер общественного воздействия. Ч. 1. Иркутск: Иркутский государственный ун-т, 1978.

УСМОТРЕНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

А. Саргсян, Г. Бахшян

Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются некоторые проявления усмотрения в уголовном праве на примере ряда уголовно-правовых норм, имеющих необязательный характер, либо содержащих в себе оценочные понятия, что значительно расширяет пределы судейского усмотрения и в ряде случаев не способствует единообразию правоприменительной практики.

Ключевые слова: усмотрение, поощрительные нормы, императивные нормы, правоприменение, деятельное раскаяние, исключительные обстоятельства.

DISCRETION IN CRIMINAL LAW

A. Sargsyan, G. Bakhshyan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article analyzes some manifestations of discretion in criminal law using the example of a number of criminal law norms that are not mandatory or contain evaluative concepts, which significantly expands the limits of judicial discretion and in some cases does not contribute to the uniformity of law enforcement practice.

Keywords: discretion, incentive norms, imperative norms, law enforcement, active repentance, exceptional circumstances.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-88-96

ԸՆԿԵՐՈՒԹՅԱՆ ՏՆՕՐԵՆԻ ՊԱՇՏՈՆԻՑ ԱԶԱՏՄԱՆ ԻՐԱՎԱԿԱՐԳԱՎՈՐՄԱՆ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՀՀ-ՈՒՄ

Է.Ռ. Այվազյան, Ա.Ա. Թունյան

Ռուս-հայկական համալսարան
ayvazyanelen0@gmail.com, anntunyan@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածում ուսումնասիրվել են ընկերության տնօրենի իրավական կարգավիճակի առանձնահատկությունները և նրա լիազորությունների դադարեցման իրավական հիմքերը Հայաստանի Հանրապետության օրենսդրության շրջանակներում: Վերլուծվել են տնօրենի կորպորատիվ և աշխատանքային իրավահարաբերությունները՝ դիտարկելով նրա կարգավիճակը թե՛ որպես գործադիր մարմնի ղեկավար, թե՛ որպես աշխատող, ինչպես նաև ուսումնասիրվել են խնդրո առարկա հարցին առնչվող ՀՀ վճռաբեկ դատարանի որոշումները: Աշխատանքի նպատակն է բացահայտել ընկերության տնօրենի պաշտոնից ազատման ընթացակարգի առանձնահատկությունները և դրանց կիրառման հիմնական խնդիրները իրավական պրակտիկայում:

Հիմնաբառեր՝ տնօրեն, կորպորատիվ իրավահարաբերություններ, աշխատանքային իրավահարաբերություններ, աշխատանքային պայմանագիր:

Նախաբան

Տնօրենի՝ միաժամանակ որպես կորպորատիվ կառավարման մարմին և որպես աշխատանքային պայմանագրի կողմ հանդես գալու հանգա-

մանքը առաջացնում է իրավական բարդություններ, որոնք հատկապես սրվում են նրա լիազորությունների վաղաժամկետ դադարման դեպքում: Գործող օրենսդրական կարգավորումների և դատական պրակտիկայի վերլուծությունը վկայում է, որ տնօրենի կորպորատիվ և աշխատանքային հարաբերությունների սահմանազատումը ոչ միշտ է հստակ, ինչը հաճախ հանգեցնում է իրավական անորոշությունների: Աշխատանքի նպատակն է պարզաբանել ընկերության տնօրենի պաշտոնից ազատման իրավական կարգավորման առանձնահատկությունները, վերհանել լիազորությունների դադարման ընթացակարգի կիրառման ընթացքում առաջացող հիմնական իրավական խնդիրները և գնահատել գործող օրենսդրության արդյունավետությունը իրավական պրակտիկայի համատեքստում:

Տնօրենի իրավական կարգավիճակի երկակի բնույթը

Ընկերության տնօրենի կարգավիճակի առանձնահատկությունները բնորոշվում են նրանով, որ տնօրեն նշանակված անձը մտնում է երկու տեսակի իրավահարաբերությունների մեջ: Նախ, տնօրենը գործում է որպես կորպորատիվ մարմին: Ընկերության մյուս կորպորատիվ մարմինների և տնօրենի միջև առաջանում են կորպորատիվ կապեր: Բացի այդ, տնօրենի և իրավաբանական անձի միջև կնքվում է աշխատանքային պայմանագիր, որով տնօրենի հետ հաստատվում են աշխատանքային իրավահարաբերություններ:

Տնօրենին նշանակում է իրավաբանական անձի կորպորատիվ կառավարման բարձրագույն մարմինը (ՍՊԸ/ԲԸ՝ ընդհանուր ժողով), որը նաև ազատ է տնօրենի լիազորությունները դադարեցնելու և նոր տնօրեն նշանակելու հարցում, բացառությամբ օրենքով սահմանված դեպքերի: Օրենսդրությունը դա կարգավորում է հետևյալ կերպ.

2001թ. սեպտեմբերի 25-ի «Բաժնետիրական ընկերությունների մասին» թիվ ՀՕ-232 ՀՀ օրենքի 67-րդ հոդվածի 1-ին մասի 1-ին կետի «9» ենթակետի համաձայն ընդհանուր ժողովի լիազորությունն է՝ ընկերության գործադիր մարմնի (միանձնյա կամ կոլեգիալ) ձևավորումը, լիազորությունների վաղաժամկետ դադարեցումը [1]:

2001թ. հոկտեմբերի 24-ի «Սահմանափակ պատասխանատվությամբ ընկերությունների մասին» թիվ ՀՕ-252 ՀՀ օրենքի 36-րդ հոդվածի 2-րդ կե-

տի «գ» ենթակետի համաձայն ընդհանուր ժողովի լիազորությունն է՝ ընկերության գործադիր մարմինների ձևավորումը և նրանց լիազորությունների վաղաժամկետ դադարեցումը [2]:

Հարկ է նշել, որ տնօրենի հետ աշխատանքային պայմանագրի կնքումը բխում է կորպորատիվ կառավարման բարձրագույն մարմնի՝ իր լիազորությունների իրականացման հանգամանքից: Հետևաբար, տնօրենի հետ կորպորատիվ հարաբերությունների դադարեցումը հանգեցնում է աշխատանքային պայմանագրի դադարեցմանը: Սա ընդգծում է տնօրենի կորպորատիվ կապի գերակայությունը աշխատանքային հարաբերությունների նկատմամբ:

Տնօրենի լիազորությունների դադարեցման իրավական կարգավորման առանձնահատկությունները և հիմնախնդիրները իրավակիրառ պրակտիկայում

ՀՀ-ում ընկերության տնօրենի լիազորությունների դադարման համատեքստում կորպորատիվ և աշխատանքային հարաբերությունների փոխազդեցությունը հասկանալու համար անհրաժեշտ է անդրադառնալ Վճռաբեկ դատարանի նախադեպային որոշումներին այս հարցի վերաբերյալ, որոնցում արտահայտված դիրքորոշումների զարգացումը, ինչպես նաև որոշ առումով հակասական լինելը, կապված է եղել Սահմանադրական դատարանի կողմից համապատասխան վիճահարույց դրույթների սահմանադրաիրավական բովանդակության բացահայտման, ինչպես նաև ՀՀ քաղաքացիական դատավարության նոր օրենսգրքի ընդունման հանգամանքների հետ:

Դրանցից առաջինը Վճռաբեկ դատարանի 2015 թվականի որոշումն է՝ Կարինե Տիտանյանն ընդդեմ Հանրային հեռուստառադիոընկերության խորհրդի և «Հասարակական կարծիքի ուսումնասիրության կենտրոն» ՓԲԸ թիվ ԵԿԴ/1896/02/13 քաղաքացիական գործով [3]:

Այս գործի շրջանակներում Վճռաբեկ դատարանը եզրակացրել է, որ բաժնետիրական ընկերության և տնօրենի միջև կնքված աշխատանքային պայմանագիրը իրենից չի ներկայացնում ՀՀ աշխատանքային օրենսդրության համաձայն գործատու-աշխատող տիպիկ (դասական) իրավահարաբերություն:

Անդրադառնալով տնօրենի հետ կնքված աշխատանքային պայմանագրի լուծմանը՝ Վճռաբեկ դատարանը նշել է, որ պայմանագրի վաղաժամկետ լուծման հնարավորությունը ծառայում է բաժնետիրական ընկերության բաժնետերերի շահերին, դե իսկ պայմանագիրը **վաղաժամկետ լուծելու անհրաժեշտությունը կարող է պայմանավորված լինել ձեռնարկատիրական գործունեության զարգացման ռազմավարության և մարտավարության փոփոխությամբ, կամ ընկերության ղեկավարման արդյունավետության բարձրացման անհրաժեշտությամբ, կամ գործունեության նոր ուղղությունների ընտրությամբ, ինչպես նաև այլ պատճառներով, որոնց սպառիչ և ամբողջական ցանկը հնարավոր չէ նախապես սահմանել:**

Ընդ որում, Վճռաբեկ դատարանը գտել է, որ ընկերության տնօրենի հետ պայմանագիրը լուծելու վերաբերյալ համապատասխան **մարմնի որոշումը կարող է չպարունակել այդպիսի որոշման որևէ պատճառաբանություն, ինչը ևս բխում է տնտեսական գործունեության ազատության և տնտեսական մրցակցության սկզբունքից,** հաշվի առնելով, որ այդպիսի որոշում կայանցնելու դրդապատճառները կարող են կապված լինել օրինակ, առևտրային գաղտնիքի, կամ նոու-հաուի (know-how) հետ և այլն:

Սրանով հանդերձ, Սահմանադրական դատարանն իր 2016թ թիվ ՍԴՈ-1316 որոշման մեջ անհրաժեշտ է համարել զետեղել հետևյալ միտքը. «Ընդունելով հանդերձ, որ նման իրավակարգավորումը գտնվում է օրենսդրի իրավասության շրջանակներում, հարկ է ընդգծել, որ այս ոլորտի աշխատանքային իրավահարաբերությունները կարգավորելիս անհրաժեշտ է նախատեսել լրացուցիչ ընթացակարգային երաշխիքներ՝ նման իրավահարաբերություններում հայտնված անձանց [այսինքն՝ տնօրենների] իրավունքների պաշտպանության համար» [4]:

Այս ձևակերպումից պարզ է դառնում,որ չնայած նման կարգավորումը գտնվում է օրենսդրի լիազորությունների սահմաններում, այնուամենայնիվ անհրաժեշտ է ընդգծել, որ տնօրենների աշխատանքային հարաբերությունները կարգավորելիս պետք է սահմանել լրացուցիչ ընթացակարգային պաշտպանություն: Այդ պաշտպանությունը անհրաժեշտ է, որպեսզի տվյալ հարաբերություններում ընդգրկված անձանց՝ այսինքն տնօրենների, իրավունքները չխաղտվեն և իրացվեն արդար ձևով: Այլ կերպ ասած՝ նույնիսկ եթե օրենքը թույլ է տալիս լուծել տնօրենի հետ կնքված աշխա-

տանքային պայմանագիրը ավելի պարզ կարգով, միևնույն է պետք է սահմանվեն որոշակի կանոններ, որոնք կապահովեն տնօրենի իրավունքների պաշտպանությունը: Թվում է, թե Սահմանադրական դատարանի որոշումից մեջբերված միտքը գործնական ազդեցություն չէր ունենա, սակայն հենց դա է ծառայել որպես հիմք տնօրենի լիազորությունների դադարեցման վերաբերյալ դատական պրակտիկայի վերանայման համար: Այս ազդեցությունը ակնհայտ է դառնում Մինասյանն ընդդեմ «Սուրբ Գրիգոր Լուսավորիչ» ԲԿ ՓԲԸ գործի վերլուծության ընթացքում:

Այսպես, յոթ տարի անց՝ 2022 թվականին, Վճռաբեկ դատարանը կայացրել է նոր որոշում, որն ըստ էության վերափոխում է նախորդ որոշումը: Մինասյանն ընդդեմ «Սուրբ Գրիգոր Լուսավորիչ» ԲԿ ՓԲԸ թիվ ԵԴ/18568/02/18 քաղաքացիական գործի շրջանակներում 2022 թվականին կայացրած որոշման մեջ Վճռաբեկ դատարանը հատուկ նշել է, որ նշված գործով տնօրենի հետ **աշխատանքային պայմանագիրը լուծելու մասին որոշման մեջ չի նշվել աշխատանքից ազատման փաստական հիմքը** [5]: Վճռաբեկ դատարանը այս բացթողումը բավարար է համարել որոշումը անվավեր ճանաչելու համար՝ հիմնվելով ՀՀ քաղաքացիական դատավարության օրենսգրքի 214-րդ հոդվածի 2-րդ մասի 1-ին կետի վրա, որտեղ ասվում է, որ դատարանը բոլոր դեպքերում վիճարկվող անհատական ակտը ճանաչում է անվավեր, եթե դրանում նշված չէ համապատասխանաբար աշխատանքային պայմանագիրը լուծելու **փաստական կամ իրավական հիմքը [6]:**

Ի հավելումն նշվածի, Վճռաբեկ դատարանը նաև արձանագրել է, որ օրենսդրի կողմից գործադիր մարմնի լիազորությունների վաղաժամկետ դադարեցման համար որոշակի առանձնահատկություն սահմանելը, որի դեպքում ընդհանուր ժողովին հնարավորություն է տրվում ցանկացած ժամանակ լուծելու ընկերության միանձնյա գործադիր մարմնի (տվյալ դեպքում՝ տնօրենի) հետ կնքված աշխատանքային պայմանագիրը, **գործող իրավակարգավորումների պայմաններում**, երբ նախատեսված չեն **որոշակի իրավական երաշխիքներ** (օրինակ՝ փոխհատուցում տրամադրելը), արդարացված ու հիմնավոր չէ, քանի որ ընդհանուր ժողովին օժտելով տնօրենի լիազորությունները դադարեցնելու իրավազորությամբ՝ չի ապահովվում Սահմանադրական դատարանի 2016թ թիվ ՍԴՈ-1316 որոշմամբ ար-

տահայտած դիրքորոշումն առ այն, որ այս ոլորտի աշխատանքային իրավահարաբերությունները կարգավորելիս անհրաժեշտ է նախատեսել **լրացուցիչ ընթացակարգային երաշխիքներ՝ նման իրավահարաբերություններում հայտնված անձանց իրավունքների պաշտպանության համար** [4]:

Միաժամանակ հարկ է արձանագրել նաև, որ թեև Վճռաբեկ դատարանը 28.12.2015 թվականի թիվ ԵԿԴ/1896/02/13 քաղաքացիական գործի շրջանակներում վերլուծելով «Բաժնետիրական ընկերությունների մասին» ՀՀ օրենքի 88-րդ հոդված 5-րդ կետում ամրագրված դրույթը գտել է, որ այն ձևակերպված է բավարար ճշգրտությամբ, սակայն հաշվի առնելով սույն որոշմամբ բարձրացված հարցի վերաբերյալ վերը նշված մեկնաբանությունները և տվյալ հարցի շրջանակներում Սահմանադրական դատարանի 28.10.2016 թվականի թիվ ՍԴՈ-1316 որոշմամբ արտահայտած դիրքորոշումները, Վճռաբեկ դատարանը գտնում է, որ Վճռաբեկ դատարանի կողմից օրենքի միատեսակ կիրառության ապահովման գործառույթը ենթադրում է ոչ միայն միասնական դիրքորոշման ձևավորում՝ իրավական նորմի մեկնաբանության արդյունքում, այլև՝ ձևավորված դիրքորոշման հետագա զարգացում: Նման իրավիճակներում նոր դիրքորոշումը պետք է գերակայի նախորդ դիրքորոշման նկատմամբ:

Այսինքն, թեև տնօրենի ազատման առումով նյութահիրավական խոչընդոտներ առկա չեն, այնուամենայնիվ դատավարական պահանջները պարտադրում են ազատման ակտերում նշել այն հիմքերը, համապատասխան որոնց տեղի է ունենում տնօրենի ազատումը:

Հարկ ենք համարում նաև նշել, որ 2023 թվականին ՀՀ աշխատանքային օրենսգրքում կատարվել են փոփոխություններ, որոնց համաձայն օրենսգրքում աշխատանքային պայմանագրի լուծման հիմքերին առնչվող 109-րդ հոդվածը լրացվել է հետևյալ նոր կետով.

Իրավաբանական անձանց գործադիր մարմինների (կոլեգիալ և միանձնյա) անդամների լիազորությունների դադարեցման և նրանց հետ կնքված աշխատանքային պայմանագրերի լուծման առանձնահատկությունները սահմանվում են Հայաստանի Հանրապետության քաղաքացիական օրենսգրքով և այդ իրավաբանական անձանց գործունեությունը կարգավորող Հայաստանի Հանրապետության օրենքներով [7]:

Սա նշանակում է, որ հենց Աշխատանքային օրենսգրքով արդեն իսկ սահմանվում են, որ տնօրենի հետ աշխատանքային պայմանագիրը լուծե-

լիս կորպորատիվ իրավահարաբերությունները (որոնք սահմանվում են իրավաբանական անձանց գործունեությունը կարգավորող օրենքներով) համարվում են առաջնային, մինչդեռ աշխատանքային իրավահարաբերությունները՝ ածանցյալ, դե իսկ ածանցյալ իրավահարաբերության գոյությունը կախված է բացառապես հիմնական իրավահարաբերության առկայությունից:

Այնումամենայնիվ, բոլոր դեպքերում տնօրենի հետ աշխատանքային պայմանագիրը լուծելիս պետք է պահպանվեն ՀՀ քաղաքացիական դատավարության օրենսգրքի 214-րդ հոդվածի դրույթները, համաձայն որի անհրաժեշտ է նշել աշխատանքային պայմանագիրը դադարեցնելու փաստական և իրավական հիմքերը: Դա չանելը կարող է հանգեցնել դատարանի կողմից որոշման անվավեր ճանաչմանը:

Ինչ վերաբերվում է տնօրենի իրավունքների լրացուցիչ պաշտպանության համար երաշխիքներ նախատեսելուն ապա նպատակահարմար ենք գտնում դիտարկել իրավական երաշխիքներն օրենսդրական մակարդակում ամրագրելու հարցը, որպես օրինակ դիտարկելով Ռուսաստանում և մի շարք այլ երկրներում տարածում գտած այսպես կոչված «золотой парашют» եզրույթը, որի համաձայն՝ իրավաբանական անձի տնօրենի հետ աշխատանքային պայմանագիրը գործատուի նախաձեռնությամբ առանց հիմքի առկայության լուծելու դեպքում, եթե բացակայում է տնօրենի կողմից որևէ մեղավոր գործողության կատարում, ապա գործատուն տնօրենին վճարում է գումար, որի չափը չի կարող պակաս լինել օրենքով սահմանված շեմից (Ռուսաստանում՝ տնօրենի միջին ամսական աշխատավարձի եռապատիկից [8]): Կանոնադրությամբ կամ աշխատանքային պայմանագրով կարող է նախատեսվել նշված գումարի ավելի բարձր շեմ:

Եզրակացություն

ՀՀ-ում տնօրենի ազատման իրավակարգավորումը հիմնված է կորպորատիվ հարաբերությունների գերակայության վրա, ինչի արդյունքում տնօրենի աշխատանքային հարաբերությունները կախված են նրա կորպորատիվ լիազորություններից: Վճռաբեկ դատարանի վերջին դիրքորոշումները կարևորում են տնօրենի իրավունքների պաշտպանութունը՝ պահան-

ջելով ազատման ակտերում նշել տնօրենի պաշտոնից ազատման փաստական և իրավական հիմքերը: Միևնույն ժամանակ, գործող կարգավորումը լիարժեք չի ապահովում տնօրենի պաշտպանությունը այն դեպքերում, երբ ազատումը կատարվում է առանց նրա մեղավոր վարքագծի: Այդ պատճառով նպատակահարմար է օրենսդրական մակարդակում ամրագրել լրացուցիչ երաշխիքներ՝ միջազգային փորձի օրինակով, մասնավորապես «золотой парашют»-ի ինստիտուտի միջոցով, որը կարող է ապահովել շահերի հավասարակշռում և կորպորատիվ կառավարման կայունություն:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. «Բաժնետիրական ընկերությունների մասին» 2001թ. սեպտեմբերի 25-ի թիվ ՀՕ-232 ՀՀ օրենք. https://www.arlis.am/hy/acts/69106
2. «Սահմանափակ պատասխանատվությամբ ընկերությունների մասին» 2001թ. հոկտեմբերի 24-ի թիվ ՀՕ-252 ՀՀ օրենք. https://www.arlis.am/hy/acts/218832
3. Վճռաբեկ դատարանի 2015թ. որոշումը թիվ ԵԿԴ/1896/02/13 քաղաքացիական գործով. https://www.arlis.am/hy/acts/103459
4. Սահմանադրական դատարանի 2016թ թիվ ՍԴՈ-1316 որոշում. https://www.arlis.am/hy/acts/109104
5. Վճռաբեկ դատարանի 2022թ. որոշումը թիվ ԵԴ/18568/02/18 քաղաքացիական գործով. https://www.arlis.am/hy/acts/164763
6. ՀՀ քաղաքացիական դատավարության օրենսգիրք. թիվ ՀՕ-110-Ն, ընդունված 09.02.2018թ.-ին. https://www.arlis.am/hy/acts/219016
7. ՀՀ աշխատանքային օրենսգիրք. Ռիվ ՀՕ-124-Ն, ընդունված 09.11.2004թ.-ին. https://www.arlis.am/hy/acts/214702
8. Трудовой Кодекс РФ, № 197-ФЗ от 30.12.2001. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
9. *Աղաբեկյան Ն.* Տնօրենի լիազորությունների դադարումը և Վճռաբեկ դատարանի անսկզբունքային դատական պրակտիկան. https://iravaban.net/421459.html?utm_source=

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ДОЛЖНОСТИ ДИРЕКТОРА ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

Э.Р. Айвазян, А.А. Тунян

Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследованы особенности правового статуса директора общества и правовые основания прекращения его полномочий в соответствии с законодательством Республики Армения. Проанализированы корпоративные и трудовые правоотношения директора с учетом его статуса как руководителя исполнительного органа, так и работника, а также изучены решения Кассационного суда РА, относящиеся к рассматриваемому вопросу. Целью исследования является выявление особенностей порядка освобождения директора общества от должности и основных проблем, возникающих при его практическом применении.

Ключевые слова: директор, корпоративные правоотношения, трудовые правоотношения, трудовой договор.

SPECIFIC FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF THE DISMISSAL OF A COMPANY DIRECTOR IN THE REPUBLIC OF ARMENIA

E. Ayvazyan, A. Tunyan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

This paper examines the peculiarities of the legal status of a company director and the legal grounds for the termination of his/her powers within the framework of the legislation of the Republic of Armenia. The research analyzes the director’s corporate and labor relations, considering his/her status both as the head of the executive body and as an employee, as well as reviews the decisions of the Court of Cassation of the RA related to the issue under consideration. The purpose of the research is to identify the peculiarities of the company director's dismissal procedure and the main issues arising during its practical legal application.

Keywords: director, corporate relations, labor relations, employment contract.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-97-102

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ НА МАРКЕТПЛЕЙСАХ: КОГДА ПРАВО НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ – НЕ БЛАГО

Ю.В. Айрапетян

Российско-Армянский университет
Институт права
yuriy-ayrapetyan@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена актуальной проблеме потребительского экстремизма на цифровых торговых площадках – ситуации, когда механизмы судебной защиты прав потребителей используются не для восстановления справедливости, а в качестве инструмента извлечения необоснованной выгоды, проведен сравнительный анализ их функционирования и влияния на законодательные системы, выявлены необходимые направления совершенствования, сделаны соответствующие предложения.

Ключевые слова: потребительский экстремизм, цифровые торговые площадки, защита прав потребителей, судебная защита, злоупотребление правом, маркетплейсы, возврат товаров, недобросовестные покупатели.

Введение

Трансформация потребительского поведения в цифровую эпоху породила не только беспрецедентное удобство, но и новые формы злоупотреблений. Феномен «потребительского экстремизма» – системного злоупотребления предоставленными законом правами для получения незаконной выгоды или нанесения ущерба бизнесу – переживает активную миграцию в сферу электронной коммерции. Если ранее эпицентром подобных практик в России являлась сфера долевого строительства, где с застройщиков только за 2023–2024гг. было взыскано свыше 100 млрд рублей, то сегодня эксперты отмечают резкий рост исков и недобросовестных практик в отношении продавцов на маркетплейсах. Эта тенденция ставит под сомнение традиционный принцип «клиент всегда прав», превращая судебную за-

щиту из блага в инструмент давления и источник системных рисков для малого и среднего бизнеса.

Потребительский экстремизм определяется как действия, выходящие за рамки разумного использования прав (возврата товара, предъявления претензий, требования компенсаций), совершаемые с целью извлечения незаконной выгоды, нанесения ущерба бизнесу или искусственного создания конфликта [2].

Несколько причин развития потребительского экстремизма на маркетплейсах

- После ужесточения законодательства в сфере долевого строительства (ограничение взысканий 2% от суммы договора при устранении недостатков) недобросовестные схемы массово переместились в менее регулируемое пространство онлайн-торговли.
- Психологический аспект: возврат товара маркетплейсу психологически воспринимается покупателем как менее стыдное действие, чем возврат в офлайн-магазин. Покупатель не видит продавца, а противостоит безликому «гиганту», что может приводить к героизации своих действий.
- Современный потребительский экстремизм зачастую превращается из единичных случаев в организованные схемы, продвигаемые через социальные сети (видео-инструкции о «бесплатном прокате» товаров), и иногда осуществляется при участии недобросовестных юристов.

Практики потребительского экстремизма на маркетплейсах можно классифицировать по нескольким ключевым направлениям

1. Злоупотребление правом на возврат (ст. 26.1 Закона «О защите прав потребителей»): заказ товара для краткосрочного использования (праздничная одежда, новогодние атрибуты, оборудование для мероприятий) с последующим возвратом под формальным предлогом («не подошел»). Доля возвратов некоторых категорий праздничных товаров в январе 2025 года достигала 30% от продаж.

2. Возврат неполного комплекта или подменного товара: покупатель возвращает часть товара (например, из набора мебели), оставляя себе отдельные элементы, или подменяет новую вещь на старую, неисправную аналогичную модель.

3. Преднамеренная порча товара и ложные претензии: умышленная порча товара к концу гарантийного срока для получения ремонта, замены или денежной компенсации.

4. Фальсификация дефектов или повреждений, возникших по вине покупателя или логистической службы.

5. Процессуальные злоупотребления и репутационный шантаж: направление претензий по заведомо неактуальным адресам с целью последующего взыскания неустойки за просрочку ответа.

6. Угрозы массовой публикацией негативных отзывов или жалоб в контролирующие органы для вымогательства скидок, компенсаций или удовлетворения необоснованных требований.

7. Взаимодействие с организованной преступностью: продажа контрафактных или краденых товаров, которая подрывает доверие ко всей площадке и наносит ущерб добросовестным продавцам.

Последствия потребительского экстремизма носят комплексный деструктивный характер, они разнообразны по объемам и содержанию. Выделяют прямые финансовые потери продавцов, когда убытки складываются из стоимости невозвращенного или испорченного товара, двусторонней оплаты логистики, комиссий за обработку возвратов и штрафов. Например, в США организованная розничная преступность (включая схемы с маркетплейсами) обходится ритейлерам более чем в $69 млрд ежегодно [3].

Репутационные риски возникают в случае, если товары, бывшие в употреблении, могут повторно поступать в продажу, что приводит к негативным отзывам от новых покупателей и падению рейтинга карточки товара, напрямую влияя на продажи.

Следующий вид – это рост операционных издержек. Бизнес вынужден инвестировать в усиленную упаковку, скрытую маркировку товаров, видеофиксацию процессов сборки и отгрузки, а также содержать штат для борьбы с мошенническими возвратами и судебными исками. и, наконец, системный кризис доверия, который порождает массовые злоупотребления подрывающие фундаментальное доверие между покупателем и продавцом, что в долгосрочной перспективе может привести к ужесточению политик возвратов для всех потребителей, снижению качества сервиса и росту цен.

Правовые парадоксы и ограниченность судебной защиты

Судебная система, призванная быть инструментом восстановления справедливости, в контексте потребительского «экстремизма» часто демонстрирует свою уязвимость.

- Диспропорция ресурсов: для покупателя-«экстремиста» судебный процесс может быть инструментом давления с расчетом на досудебное урегулирование. Для малого продавца каждый иск – это прямые судебные издержки, потеря времени и административный ресурс.
- Презумпция защиты «слабой стороны»: законодательство о защите прав потребителей изначально настроено на охрану интересов физического лица. В случае с организованными злоупотреблениями эта презумпция используется против добросовестного бизнеса.
- Сложность доказывания: бремя доказательства недобросовестности покупателя (например, факта подмены товара или умышленной порчи) лежит на продавце, что зачастую технически сложно и затратно.
- Зарубежный опыт регулирования: в ответ на схожие вызовы в США в 2022 году был принят «Закон о целостности, уведомлении и справедливости на онлайн-рынках для потребителей». Он обязывает онлайн-площадки верифицировать и раскрывать данные о «крупных сторонних продавцах» (более 200 транзакций или $5000 доходов в год), обеспечивая прозрачность и усложняя жизнь анонимным мошенникам. В Европе действуют аналогичные директивы (DSA), возлагающие на платформы больше ответственности [1].

Возможные стратегии противодействия: от реактивной защиты к проактивному управлению рисками

Борьба с потребительским экстремизмом требует комплексного подхода на уровне отдельного бизнеса, маркетплейсов и законодателя.

Для продавцов (селлинговые компании): 1) документальная фиксация, видеосъемка процесса упаковки товара, фиксация серийных номеров, использование скрытых меток; 2) работа с репутацией: активный мониторинг

отзывов, правовые методы удаления клеветнических отзывов, прозрачное информирование о политиках; 3) юридическая грамотность, использование ст. 10 ГК РФ (запрет злоупотребления правом) и ст. 1102 ГК РФ (неосновательное обогащение) в ответах на недобросовестные претензии. При явных признаках мошенничества – обращение с заявлением в правоохранительные органы по ст. 159 УК РФ.

Для маркетплейсов (операторы площадок):

1) внедрение технологий, использование AI-алгоритмов для анализа поведения покупателей, выявления подозрительных паттернов возвратов, блокчейна для отслеживания цепочек поставок;

2) балансировка политик, дифференциация условий возврата для разных категорий товаров, введение «антирейтинга» для злоупотребляющих покупателей, совершенствование процедуры проверки возвращаемого товара;

3) повышение прозрачности, следование принципам, заложенным в законах типа INFORM, по верификации продавцов и предоставлению покупателям информации о них.

Для законодателя:

1) квалификация явления, введение в законодательство (в первую очередь, в Закон «О защите прав потребителей») четкого определения «злоупотребления правом со стороны потребителя» или «потребительского экстремизма» с конкретными критериями;

2) процессуальные изменения, упрощение процедуры взыскания судебных издержек и убытков с недобросовестного покупателя, признанного таковым судом;

3) стимулирование саморегулирования, поддержка инициатив профессионального сообщества, подобных предложению Ассоциации юристов России о саморегулировании для пресечения действий недобросовестных юристов, втягивающих граждан в деструктивные схемы.

Заключение

Потребительский экстремизм на маркетплейсах перестал быть маргинальным явлением и превратился в системную угрозу для устойчивого развития цифровой экономики. Право на судебную защиту, будучи безусловным благом, в руках недобросовестного участника рынка девальвируется, становясь оружием против бизнеса и в конечном итоге – против интересов

добросовестных потребителей. Противодействие этой тенденции невозможно исключительно силами продавцов, находящихся в заведомо уязвимой позиции. Необходима консолидированная работа, включающая технологическую модернизацию платформ, взвешенную адаптацию законодательства (с учетом успешного зарубежного опыта) и формирование этичных стандартов поведения как среди продавцов, так и среди покупателей. Только восстановление баланса, при котором защита прав не подменяется вседозволенностью, а ответственность является обоюдной, позволит сохранить доверие как ключевой актив цифровой торговой экосистемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильяшенко С.Б., Депутатова Е.Ю.* Проблемы потребительского экстремизма и недобросовестного поведения покупателей в интернетторговле // «Экономика и управление: проблемы, решения», № 3, 2023. СС. 145–152. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2023.03.02.021.
2. *Маздогова З.З., Балаева С.И.* Экстремизм в сфере потребления как фактор влияния на экономическую безопасность торговой сферы // «Индустриальная экономика». Т. 8, № 5, 2022. СС. 751–753.
3. *Кузнецова Е.С., Куйдина Т.А.* Злоупотребление правом потребителями: актуальные проблемы // «Вопросы российской юстиции», № 20, 2022. СС. 158–166.

CONSUMER EXTREMISM IN MARKETPLACES: WHEN THE RIGHT TO JUDICIAL REMEDY IS NOT A BENEFIT

Yu. Airapetyan

Russian-Armenian University
Institute of Law

ABSTRACT

This article addresses the pressing issue of consumer extremism on digital trading platforms – a situation where judicial mechanisms for consumer protection are used not to restore justice, but as a tool for extracting unjustified benefits. A comparative analysis of their functioning and impact on legislative systems is conducted, necessary areas for improvement are identified, and appropriate proposals are made.

Keywords: consumer extremism, digital marketplaces, consumer protection, legal protection, abuse of rights, marketplaces, product returns, unscrupulous buyers.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-103-109

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ НОРМ ЗЕМЕЛЬНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Р.Э. Арутюнян, И.М. Вильгоненко, О.Н. Приходько

Пятигорский государственный университет
Кафедра гражданского права и процесса (филиал СКФУ)
radmila.arutyunian@yandex.ru, vilirina74@yandex.ru, stepnoemir-sud@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрено соотношение норм земельного и гражданского права, которые могут вызвать ряд проблем – таких, как неоднозначность и противоречия в законодательстве, возможные конфликты при определении прав и обязанностей собственников земли, арендаторов и третьих лиц, а также неэффективное регулирование земельных отношений. Для решения этих проблем необходимо совершенствование законодательства путем установления четких и последовательных норм, определение компетенций и ответственности сторон, разработка механизмов предотвращения и разрешения споров. Также важно проведение информационной работы среди населения о правилах использования земельных участков, а также о защите их прав в судебном порядке.

Ключевые слова: земельный участок, принципы о праве собственности, регулирование земельных отношений, совершение сделки, предмет договора, здания, договор аренды, земельный кодекс, гражданский кодекс.

Регулирование земельно-имущественных отношений в той форме, в которой они существуют сейчас, попало под нормативное регулирование сравнительно недавно. Земля, как уже отмечалось ранее, на протяжении очень долгого времени не могла быть предметом имущественного оборота в связи с особой политикой сначала дореволюционной России, а потом – советского государства. С развитием и изменением законодательства, когда нормативно-правовое регулирование получило свое развитие, в какой-то момент появилась норма, согласно которой земельный участок удостаивался судьбы недвижимости, расположенной на нем. Со временем земля и земельный участок все-таки смогли стать самостоятельным предметом гражданско-правового оборота, но осталось еще немало нюансов по регулиро-

ванию сделок с земельными участками. Была в законодательстве и такая тенденция, что земля воспринималась как некая часть строения. Но это, конечно, ошибочное мнение, и оно является в корне неверным [8].

Теперь нам необходимо рассмотреть земельно-имущественные отношения в разрезе современной экономической действительности. Сейчас есть мнение, что земельные правоотношения являются достаточно злободневной проблемой, и при этом считают, что основной предпосылкой данной проблемы стало признание частной собственности в Конституции РФ. Так вот, после того как земля стала объектом частной собственности, законодательство постепенно реформировалось, двигалось вперед и развивалось, в конце концов пришли к тому, что получили некоторую разобщенность норм гражданского и земельного права [5. С. 116].

Гражданский кодекс дал нам основные понятия и принципы о праве собственности. С принятием Гражданского кодекса началось развитие, с одной стороны, отрасли частного права, регулирующего основные аспекты права собственности. Было законодательно закреплено, что граждане, физические и юридические лица, которые приобрели в собственность или уже имеют в собственности земельный участок, могут им свободно владеть, пользоваться распоряжаться по своему усмотрению, они могут его продать или подарить, или заложить, то есть могут осуществить любое действие, не затрагивающее права и интересы других лиц. Единственное условие, земля должна быть в обороте. Некоторые ученые после принятия Гражданского кодекса усмотрели момент, в котором законодатель якобы не спешит с принятием специального земельного закона. И это происходило из-за того, что в своей теории гражданское законодательство по какой-то причине вступило в противоречие с земельным законодательством [2. С. 289].

В то время, пока не было Земельного кодекса, в случае если нормы гражданского права не регулировали тот или иной момент, надо было обращаться к нормам делового оборота. Хотя надо понимать, что в отношении оборота земельных участков это достаточно сложно сделать, тем более в новых реалиях признанной частной собственности на землю.

Нормы делового оборота заключены в ст. 5 Гражданского кодекса, также можно было обратиться к нормам ст. 6, использование норм закона по аналогии, то есть к аналогии права [1]. При этом нормы Гражданского кодекса, регулирующие аналогию закона и аналогию права, должны быть использованы в той мере, в какой они не противоречат системе ограничений оборота земель.

Данной проблеме уделено достаточно большое количество внимания, и это позволяет сделать особый акцент на соотношении земельного и гражданского законодательств.

Конституция, принятая в 1993г., создала основу для свободного оборота земельных участков, она гарантировала равенство всех участников гражданского оборота перед законом, установила принцип равной защиты абсолютно любой формы земельной собственности.

После принятия Конституции было принято большое количество нормативно-правовых актов, которые закрепляли возможность совершать сделки с землей. Также в это время законодательно земельные участки были признаны недвижимым имуществом. Основополагающим моментом является принятие гражданского кодекса, который закрепил в себе нормы и правила оборота земельных участком и сделок с ним. Но при этом в нормах гражданского законодательства оборот земли допускался лишь в той мере, в которой это было возможно и разрешено земельным законодательством [3].

В этот период интенсивно начало развиваться законодательство субъектов и муниципалитетов в области регулирования земельных отношений. С появлением законодательства постепенно стала устанавливаться и правоприменительная практика. Новое законодательство начали применять при судебных разбирательствах, появились новые прецеденты в суде.

Однако большое количество существенных проблем, возникающих при обороте земли, остались не до конца проработанными. Многие ученые-цивилисты говорят о разногласиях, существующих между гражданским и земельным правами. Например, понятие «земельный участок» в гражданском и земельном кодексах имеет некоторые различия.

Это не очень хорошо сказывается на экономическом развитии государства. Проблема противоречия и отсутствие согласования норм гражданского и земельного прав на сегодняшний день носит очень острый характер. Вообще учитывается применение не только земельного законодательства, но и гражданского кодекса. А во всем массиве документов на практике, в целом, нередко возникает путаница.

Это, в первую очередь, может быть связано с наличием пробелов в нормативно-правовых актах. Потом, при обращении в судебные органы, нередко по аналогичному спору и при аналогичных обстоятельствах могут быть вынесены разные решения. Это также связано с путаницей и огромным нагромождением нормативной базы. Таким образом, количество дел,

которые «гуляют» по апелляционным и кассационным инстанциям, а затем возвращаются на новое рассмотрение, постоянно растет.

Но при всем при этом есть и противоположенное мнение о том, что российское земельное законодательство развивается в позитивном ключе.

Проблема, решение которой смогло бы дать еще более положительное развитие отрасли земельного законодательства – это правильное и грамотное применение норм земельного права. Стоит отметить, что гражданское законодательство содержит базовые принципы и нормы о совершении сделок, праве собственности. Земельное же законодательство несет в себе специальные нормы [10. С. 51].

Основной вопрос, который мы сейчас рассматриваем, это вопрос того, как сбалансировать нормы гражданского права и земельного прав. Некоторые ученые предлагает видеть эти соотношения как отношение общего права к частному; для начала мы рассматриваем гражданское право как общее право и далее переходим к специальным нормам земельного права.

Гражданское право в общих чертах закрепляет нормы совершения сделок, защиты частных прав, признание сделки недействительной в случае нарушения законодательства, а земельное право помогает рассмотреть определенный земельный участок, расположенный в определенный местности, со всем особенностями природы и ландшафта, и таким образом иметь конкретное понимание, как можно использовать данный земельный участок. Вопрос регулирования отношений, связанных с землей, заключается в том, что земля, как природный объект, ее охрана и рациональное использование, землеустройство, правовой режим земель сельскохозяйственного назначения, а также земель, находящихся в государственной и муниципальной собственности, являются предметом регулирования земельного права [9. С. 112].

Все имущественные отношения по поводу земли, как объекта вещных прав (прежде всего, права частной собственности), а также сделки с земельными участками регулируются гражданским правом.

Евгений Алексеевич Суханов, советский и российский ученый-правовед, автор многих трудов по гражданскому праву, предлагает разделить данные смежные области по отраслевым показателям: то есть все, что касается регулирования права собственности и договорных отношений, отношений по поводу отчуждения права – это все стоит относить к области гражданского права. А такие моменты, как установление границ земельного участка, вида разрешенного использования либо отнесение земельного

участка к той или иной категории – эти все вопросы должны находиться в ведении земельного права.

Обо всех этих проблемах соотношения и разграничения между двумя смежными отраслями специалисты в области гражданского и земельного права начали говорить еще до принятия Земельного кодекса 2001г. [6. С. 141]. А при принятии земельного кодекса ситуация усугубилась.

При коллизии (противоречии) норм гражданского и земельного законодательства применению подлежат нормы земельного законодательства. То же самое можно сказать о коллизии норм гражданского и иного природоресурсного законодательств, регулирующих отношения по поводу прав на землю отдельных категорий земель. При их коллизии будут действовать нормы специальных законов. В случае же, если земельное и иное природоресурсное законодательство не регулируют какие-либо аспекты указанных отношений, применению подлежат общие и специальные нормы гражданского законодательства [7].

Вместе с тем, можно прийти к выводу, что принципы (нормы) гражданского права должны носить общий характер о праве собственности на землю, но ни в коем случае не регулировать эти отношения, так как эта функция входит в Земельный кодекс в соответствии с ч. 1 статьи 2 и ч.1 статьи 3 Земельного кодекса РФ. В.К. Андреев считает, что анализ норм ЗК РФ о праве частной собственности на земельные участки, их сопоставление с нормами гл. 17 ГК РФ о праве собственности и других вещных правах на землю подтверждает целесообразность исключения из ГК РФ упомянутой главы [8].

Таким образом, можно сказать, что в рамках ГК РФ данные отношения должны рассматриваться, в первую очередь, как имущественные отношения, иначе будут нарушены принципы гражданского законодательства, а в рамках ЗК РФ права на землю не теряют имущественного характера и при этом земля не прекращает нести признаки имущества. Вопрос о разграничении сферы действия норм земельного и гражданского законодательств при регулировании земельных отношений возникает вследствие необходимости недопущения применения норм гражданского или иного права.

Стоит отметить, что возникшие в процессе правоприменительной деятельности противоречия между нормативными предписаниями земельного и гражданского законодательства, регулирующими одно или несколько родственных отношений, порождают юридические коллизии [8].

Так, согласно п. 4 ст. 35 Земельного кодекса РФ, предусмотрен принцип единства судьбы земельного участка и строения на нем, притом отчуждение происходит одновременно, а в ст. 273 Гражданского кодекса предусмотрено, что при переходе права собственности на здание или сооружение, принадлежавшее собственнику земельного участка, на котором оно находится, к приобретателю здания (сооружения) переходит право собственности на земельный участок, занятый зданием, если иное не предусмотрено законом. В данном случае коллизия выражена в некорректности сформулированной нормы так, как будто предполагает поэтапное, а не одновременное отчуждение [8].

По нашему мнению, очевидное решение проблемы заключается в том, чтобы убрать нормы главы 17 Гражданского кодекса или эти нормы перенести в Земельный кодекс. Тогда не будет возникать никаких спорных моментов. Общие правила заключения каких-либо сделок с земельными участками, например, составление договора купли-продажи или договора аренды будет регулироваться Гражданским кодексом, а специальные нормы относительно существенных условий договора, предмета договора будут регулироваться земельным законодательством [4].

Таким образом, при наличии коллизионных моментов в нормах гражданского и земельного права одним из решений этой проблемы мог бы стать перенос всех норм, регулирующих сделки с землей в Земельный кодекс, а в Гражданском кодексе оставить лишь ссылку на применение специального закона при совершении сделок с землей.

Но, помимо Земельного кодекса, не стоит забывать, что есть еще некоторые специальные законы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ, 05.12.1994», № 32, ст. 3301.
2. *Анисимов А.П.* Гражданское право России. Общая часть: учебник для вузов / А.П. Анисимов, М.Ю. Козлова, А.Я. Рыженков; под общей ред. А.Я. Рыженкова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: «Юрайт», 2023, 435с.
3. *Бажаев Е.В.* О коллизиях норм гражданского и земельного законодательства, регулирующих общественные отношения, возникающие в связи с прекращением права собственности на земельные участки // «Проблемы экономики и юридической практики», № 3, 2007. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-kolliziyah-norm-grazhdanskogo-i-zemelnogo-zakonodatelstva-reguliruyuschih-obschestvennye-otnosheniya-voznikayuschie-v-svyazi-s/viewer

4. Гражданское право: учеб. в 3-х т. Т. 2 / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, К.М. Арсланов [и др.] (под ред. А.П. Сергеева). «РГ-Пресс», 2010г. URL: https://base.garant.ru/5810594/?ysclid=lucnyglme120323621
5. *Елисеева И.А.* О соотношении норм гражданского и земельного законодательства при регулировании оборота земельных участков // «Общество и право», № 3 (35), 2011. СС. 115–118.
6. *Липски С.А.* О некоторых вопросах соотношения земельного и гражданского законодательства // «Вестник МФЮА», № 2, 2017. СС. 136–145.
7. *Пирова Р.Н.* Земельное право. Учебное пособие (Курс лекций) для направления подготовки «Землеустройство и кадастры», профиль «Кадастр недвижимости». URL: http://sseu.ru
8. *Тимурзиев А.М.* Проблема соотношения норм земельного и гражданского права: пути решения // "NovaInfo", № 26, 2014. URL: https://novainfo.ru
9. *Хошина С.А.* Правовое обеспечение кадастровой деятельности в сфере земельных отношений: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.06. М., 2020, 209с.
10. *Шаблова Е.Г.* Гражданское право: учебное пособие для вузов / Под общей редакцией Е.Г. Шабловой. М.: «Юрайт», 2023, 131с.

PROBLEMS OF CORRELATION OF NORMS OF LAND AND CIVIL LAW: PROBLEMS AND WAYS OF THEIR SOLUTION

R. Harutyunyan, I. Vilgonenko, O. Prikhodko

Pyatigorsk State University
Department of Civil Law and Process (NCFU branch)

ABSTRACT

This article examines the relationship between the norms of land and civil law, which can cause a number of problems, such as ambiguity and contradictions in legislation, possible conflicts in determining the rights and obligations of land owners, tenants and third parties, as well as ineffective regulation of land relations. To solve these problems, it is necessary to improve legislation by establishing clear and consistent norms, defining the competencies and responsibilities of the parties, and developing mechanisms for preventing and resolving disputes. It is also important to carry out information work among the population on the rules of land use, as well as on the protection of their rights in court.

Keywords: land plot, principles of ownership, regulation of land relations, transaction, subject of the contract, buildings, lease agreement, land code, civil code.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-110-120

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЦЕННЫХ БУМАГ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Р.А. Иорданян[1]

Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается понятие ценных бумаг с их комплексным теоретическим осмыслением в структуре гражданских правоотношений с практическим применением правовых норм, регулирующих имущественные и неимущественные отношения, также попытки выработать правовые представления о природе, сущности и оборотоспособности ценных бумаг, используя общенаучные методы.

Ключевые слова: ценные бумаги, оборотоспособность, автоматизация, рынок ценных бумаг, объекты гражданского оборота.

Ценные бумаги представляют собой особую категорию объектов, находящихся на стыке вещного и обязательственного прав. Их правовой режим определяется как положениями гражданского законодательства, так и специальными актами, регулирующими выпуск и обращение финансовых инструментов. Одной из отличительных характристик данной категории является наличие в ней одновременно вещных и обязательственных начал. Так, право на ценную бумагу может носить вещный характер, тогда как закрепленные в ней права нередко представляют собой исключительно обязательственный характер. Реализация имущественных прав, закрепленных в ценной бумаге, возможна только после ее передачи первому приобретателю, а не с момента ее выпуска. Это обстоятельство подтверждает тезис о том, что лишь приобретатель становится полноправным субъектом прав, воплощенных в документе.

Ценная бумага – это форма существования капитала, отличная от его товарной, производительной и денежной форм, которая может передаваться вместо него самого, обращаться на рынке в качестве товара, и приносить доход [6]. В соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса Российской Фе-

[1] Научный руководитель – к.ю.н. К.Г. Бабалян.

дерации (далее: ГК РФ), к объектам гражданских прав относятся: вещи, включая наличные и безналичные деньги, ценные бумаги, иное имущество, имущественные права, результаты работ и оказания услуг, результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, а также нематериальные блага. Из данной нормы следует, что законодатель исходит из расширительного подхода к понятию объекта гражданского права, включая в его состав как материальные, так и нематериальные формы имущественных и личных благ. Также Р.В. Чикулаева отмечает, что «реализованный в ГК РФ правовой режим ценной бумаги можно рассматривать в большей степени не как комплексный (единый), а как комбинированный, включающий нормы о двух различных по своей сути объектах документарных и бездокументарных бумагах» [13].

Важным критерием, позволяющим разграничить объекты, участвующие в гражданском обороте, от иных благ, является категория оборотоспособности. Статья 129 ГК РФ гласит, что объекты гражданских прав могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства: наследования, реорганизации юридического лица либо иным способом, если они не изъяты из оборота или не ограничены в обороте [1]. Таким образом законодатель устанавливает презумпцию оборотоспособности объектов гражданских прав, которая может быть опровергнута только законом. Оборотоспособность представляет собой способность объекта быть предметом гражданско-правовых сделок.

В зависимости от степени участия в обороте все объекты гражданских прав можно подразделить на три группы: объекты, свободно обращающиеся в гражданском обороте, объекты, ограниченные в обороте, и объекты, изъятые из оборота. К первой группе относится подавляющее большинство вещей и имущественных прав, которые могут быть свободно отчуждаемыми, выступать предметом сделок и иных юридических действий. Объекты, ограниченные в обороте, имеют установленные законом ограничения, которые могут выражаться, например, в необходимости получения лицензии, специального разрешения, наличии определенных субъектных характеристик (например, определенный вид имущества может приобретаться только государственными или муниципальными органами). А объекты, изъятые из оборота, вообще не могут быть предметом гражданско-правовых сделок. Они находятся исключительно в государственной собственности, и любые действия частных лиц по отчуждению или приобретению таких объектов являются ничтожными. Примером таких объектов может служить ядерное

оружие, некоторые виды природных ресурсов, объекты культурного наследия, особо охраняемые территории.

Классификация объектов гражданских прав имеет большое значение для правоприменения. Классическим объектом гражданских прав является вещь. В юридической литературе под «вещью» понимается материальный предмет внешнего мира, который обладает стоимостью, индивидуально определен, находится в обороте и способен удовлетворять потребности человека. Вещи могут быть движимыми и недвижимыми, делимыми и неделимыми, потребляемыми и неупотребляемыми, индивидуально-определенными и определенными родовыми признаками. Однако современное гражданское законодательство не ограничивается лишь материальными вещами как объектами. В число объектов включаются также результаты интеллектуальной деятельности, имущественные права, обязательственные требования, электронные средства платежной информации, цифровые права и многое другое. Так, происходит расширение объекта гражданского оборота, и его адаптация к новым экономико-правовым реалиям. Следует различать понятия «объекты гражданских прав» и «объекты гражданского оборота». Если первая категория шире и охватывает в том числе и объекты, не способные участвовать в обороте (например, личные неимущественные права), то вторая предполагает включение только тех объектов, которые обладают оборотоспособностью и допускаются к участию в гражданско-правовом обмене. Это различие важно учитывать при анализе конкретных институтов гражданского права – таких как сделки, обязательства, обеспечение исполнения обязательств. Особое значение в рамках гражданского оборота приобретают объекты, которые одновременно воплощают в себе вещное и обязательственное содержание. Одним из таких объектов являются ценные бумаги. Они представляют собой специфическую форму выражения имущественных прав, обладающих документарной либо бездокументарной формой, формализованных с помощью обязательных реквизитов, и способных участвовать в гражданском обороте в качестве самостоятельных объектов права. Так, автор Д.В. Мурзин предложил универсальное определение, в рамках которого ценная бумага рассматривается как неделимая совокупность имущественных прав, подтвержденных либо физическим носителем, либо записью в специальном реестре, включая электронные формы [11].

В научной литературе ценные бумаги рассматриваются как юридические феномены двойственной природы. С одной стороны, они являются вещами (в том числе в виде документов), с другой – они воплощают в себе

субъективные права (например, право на получение денежных средств, участие в управлении юридическим лицом, получение имущества). Такая конструкция позволяет использовать ценные бумаги в качестве правового инструмента, обеспечивающего быстрый и эффективный оборот имущественных прав, при этом минимизирует необходимость в дополнительной проверке правомочий сторон. Для более точного понимания природы объектов гражданского оборота необходимо также учитывать категорию имущественного права как объекта. Имущественные права могут существовать как в самостоятельной форме (например, право требования по договору займа), так и в форме, объединенной с определенным носителем документом, свидетельством, сертификатом и т.п. Именно в этой плоскости и следует рассматривать ценные бумаги как особую форму правового титула, упрощающую оборот имущественных прав. Необходимо также учитывать роль объектов гражданского оборота в системе сделок. Любая гражданско-правовая сделка предполагает наличие объекта, который подлежит передаче, отчуждению, обмену или предоставлению. Таким образом, объект оборота всегда является ключевым элементом механизма реализации гражданско-правовых обязательств. Без объекта невозможно возникновение имущественного обязательства, его исполнение и прекращение. В условиях развития цифровой экономики и новых форм имущественного оборота категория объектов гражданских прав продолжает расширяться. Появление таких правовых институтов, как цифровые права, бездокументарные активы, электронные средства расчетов, требуют от правовой науки пересмотра традиционных подходов к определению объекта гражданского оборота. Тем не менее, фундаментальным критерием остается оборотоспособность и возможность участия объекта в экономическом обмене. Ценные бумаги, будучи признанными законодательством объектами гражданских прав, находятся в самом центре указанной категории. Они демонстрируют, как юридическая форма позволяет эффективно организовать обращение имущественных прав, наделить их признаком публичной достоверности и включить в систему рыночного обмена. С.П. Гришаев отмечает, что «одним из важнейших признаков ценных бумаг, позволившим им стать поистине универсальным рыночным инструментом, является свойство публичной достоверности» [8].

Ценные бумаги не только участвуют в обороте, но и являются его основой в ряде секторов экономики, включая банковскую сферу, фондовый

рынок, инвестиционные механизмы. Итак, под объектами гражданского оборота следует понимать: «Имущественные и иные юридически значимые блага, обладающие признаком индивидуализации и оценимой экономической ценностью, допущенные законодательством к участию в гражданско-правовом обмене, способные быть предметом сделок, обязательств и иных юридических действий» [8а]. Именно эти критерии позволяют отграничить объекты гражданского оборота от иных объектов правового регулирования. В этом контексте ценные бумаги выступают как особый и сложный объект, сочетающий в себе черты вещи, права требования и инструмента, формализующего имущественные отношения между субъектами гражданского права. Их комплексный характер делает их важнейшим институтом современного правопорядка, заслуживающим отдельного и углубленного изучения в рамках настоящей статьи. Правовая природа ценных бумаг, как юридический феномен, занимают особое место в системе объектов гражданского права. Их уникальность заключается не только в специфической форме фиксации имущественных прав, но и в способности обеспечивать высокую степень правовой определенности и оборотоспособности имущественных благ.

Ценные бумаги формируют особый правовой режим, совмещающий признаки вещных, обязательственных и корпоративных правоотношений, что предопределяет необходимость особого подхода к определению их правовой природы. В основе правовой конструкции ценной бумаги лежит идея воплощения имущественного права в юридически значимой форме, обеспечивающей возможность его самостоятельного участия в гражданском обороте. Это позволяет рассматривать ценную бумагу как средство персонификации имущественного права, благодаря которому оно может передаваться, реализовываться и защищаться в гражданско-правовом порядке независимо от его первоначального носителя. Согласно ст. 142 ГК РФ, ценная бумага – это документ (или запись), удостоверяющий имущественные права, реализация или передача которых возможна только при предъявлении бумаги либо соблюдении порядка, установленного законом для бездокументарных форм. При этом в пункте 1 ст. 149 ГК РФ бездокументарные ценные бумаги также признаются объектами гражданских прав, что подтверждает универсальность их правовой природы. Различают два основных способа выражения ценной бумаги. Документарная форма через материальный носитель, которая обладает вещными признаками и подлежит физическому предъявлению. И бездокументарная форма через электронную

запись в реестре или депозитарной системе, где имущественное право существует как цифровое отражение правомочий.

Развитие цифровых технологий обусловило активизацию дискуссий вокруг правового статуса бездокументарных форм. Е.А. Суханов подчеркивает, что такие бумаги не могут выступать объектом вещных прав, поскольку лишены материального выражения и, соответственно, не являются вещами в юридическом понимании [12]. Это, в свою очередь, требует применения к ним специального регулирования, отличного от норм, традиционно используемых в отношении объектов материального мира. На основании вышеуказанных позиций можно выделить два возможных подхода к трактовке природы ценных бумаг.

Первая, при наличии материального носителя ценная бумага выступает в качестве вещи, подлежащей обороту. Вторая, при отсутствии такового (в случае с бездокументарной формой) объектом правоотношений является совокупность имущественных или иных прав. Эти формы различаются не только по носителю, но и по правовому механизму реализации закрепленного права. Документарные ценные бумаги требуют предъявления, совершения индоссамента (для ордерных бумаг) или передачи через вручение (для бумаг на предъявителя), в то время как бездокументарные передаются путем внесения записи в реестр. Также бумаги на предъявителя являются формой, при которой для реализации закрепленных в бумаге прав не требуется установления личности владельца. Достаточно самого факта физического владения документом.

А.А. Мишарев обозначивает, что любое лицо, предъявляющее такую бумагу, считается уполномоченным на реализацию прав, содержащихся в ней [10]. Ценные бумаги могут удостоверять различные права, что также влияет на их правовую природу, например, обязательственные право на получение денежной суммы (вексель, облигация). Корпоративное право участия в управлении юридическим лицом, получение дивидендов (акции). Распорядительные право на распоряжение товаром (коносамент, варрант). В теоретико-правовой литературе сложились различные подходы к определению правовой природы ценных бумаг. Среди них можно выделить: вещно-правовой подход, предполагающий признание ценной бумаги движимой вещью, обладающей всеми признаками материального объекта, включенного в оборот, обязательственно-правовой подход, рассматривающий ценную бумагу, как форму существования обязательственного права, носителем которого она служит.

Двойственная теория, наиболее распространенная в современной доктрине, предполагает, что ценная бумага сочетает в себе элементы и вещи, и обязательства, образуя юридическую конструкцию «вещи sui generis». Информационная теория в рамках цифровизации оборота ценных бумаг делает акцент на фиксации имущественного права в электронной среде, рассматривая её как совокупность зафиксированной информации с юридически значимыми параметрами. Также функции ценных бумаг многоплановы. Существуют различны функции: обеспечительная функция, которая обеспечивает обязательств (вексель, как гарантия платежа). Инвестиционная функция средство вложения капитала (акции, облигации). Удостоверительная функция подтверждение наличия права (сертификат акций). Трансфертная функция средство передачи права между субъектами (индоссамент). Функция участия – средство участия в управлении обществом (голосующие акции). Ценная бумага служит не только формой удостоверения права, но и механизмом его передачи и публичной легитимации. Она упрощает гражданско-правовой оборот, заменяя сложные доказательства право обладания на лаконичную и юридически значимую форму. Юридическая специфика ценных бумаг проявляется в их строго формализованной структуре (обязательные реквизиты) в специфике оборота (особые правила передачи и учета) и в участии в публичных и корпоративных правоотношениях. Интересный аспект защита прав добросовестного приобретателя ценной бумаги. В случае документарных бумаг действует презумпция законности приобретения, если лицо предъявляет бумагу надлежащим образом. В бездокументарной форме права защищаются через запись в реестре, что обеспечивает высокий уровень прозрачности и устойчивости правового титула. Такие исследователи, как Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, К.М. Арсланов подчеркивают, что бездокументарные ценные бумаги вообще не являются «бумагами» в традиционном смысле, а представляют собой нечто иное «комплексное имущественное право, выраженное в виде записи» [7].

Таким образом, правовая природа ценных бумаг представляет собой многоуровневую конструкцию, включающую в себя:

- ✓ вещно-правовые элементы (при документарной форме);
- ✓ обязательственно-правовую суть (удостоверенное право требования);
- ✓ элементы корпоративного права (акции, как титулы участия);
- ✓ публично-правовые характеристики (регистрация, лицензии, контроль);

- ✓ информационно-цифровой аспект (в случае с электронными и цифровыми правами).

Эта сложная природа делает ценные бумаги юридическим инструментом особого типа, требующим специализированного правового регулирования, межотраслевого подхода и учета экономических, технических и цифровых реалий современности. В условиях трансформации цифровой среды роль ценных бумаг, как универсального правового титула, приобретает новое звучание, подчеркивающее их фундаментальное значение в современной системе частноправового регулирования.

Ценные бумаги в системе объектов гражданских прав представляют собой особую форму объектов гражданских прав. Их правовая сущность определяется, прежде всего, сочетанием формального документа или цифровой записи и удостоверяемого ею субъективного имущественного права. В этой связи возникает необходимость в особом научно-правовом осмыслении места и роли ценных бумаг в системе объектов гражданских прав. В соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, ценные бумаги прямо упомянуты среди объектов гражданских прав. При этом законодатель не только выделяет их в ряду таких объектов, как вещи и деньги, но и наделяет их самостоятельным юридическим статусом, отличным как от вещей, так и от обязательственных прав в чистом виде. Тем самым ценные бумаги занимают промежуточное место между имущественными правами, обязательствами и вещами.

Среди научных подходов к квалификации ценных бумаг в системе объектов гражданских прав можно выделить два основных направления. Первый подход – классификация в рамках вещей (движимого имущества). Согласно этому подходу, документарные ценные бумаги рассматриваются как движимые вещи, поскольку обладают признаками индивидуально-определенных объектов, находящихся в обороте. Данный подход исторически связан с господствовавшим с XIX по XX века пониманием бумажных носителей, как ключевого элемента легитимации права. Второй – синтетический подход, предполагающий, что ценная бумага является двойственным (гибридным) объектом, объединяющим признаки вещи и права. Она одновременно и оборотоспособный объект, и титул на определенное имущественное благо.

Система объектов гражданских прав традиционно включает: вещи, имущественные права, результаты работ и услуг, интеллектуальные права,

нематериальные блага. Ценные бумаги не вписываются полностью ни в одну из этих категорий, хотя формально отнесены к имуществу. Их уникальность в том, что они способны не только быть объектом сделок, но и воплощать право, которое становится доступным для осуществления исключительно при соблюдении определенной процедуры (например, предъявления бумаги или записи в реестре). Например, акция, как вид ценной бумаги, это не только объект собственности, но и носитель корпоративных прав: право на участие в управлении обществом, получение дивидендов, долю в имуществе при ликвидации. Таким образом, акция представляет собой комплексное имущественное благо, охватывающее несколько уровней правоотношений: вещное (владение сертификатом), обязательственное (получение прибыли) и корпоративное (участие в управлении). Закон устанавливает, что все обыкновенные акции должны иметь одинаковую номинальную стоимость, а привилегированные акции одного типа – единообразный объем предоставляемых ими прав и одинаковую номинальную стоимость [4]. Правовой режим ценных бумаг, как объектов оборота, также существенно отличается от режимов иных объектов гражданских прав.

Особенности включают: обязательное соблюдение формы и реквизитов (при несоблюдении недействительность), наличие специализированного законодательства и институтов (эмитенты, реестродержатели, депозитарии), возможность универсального и сингулярного правопреемства, защита прав добросовестного приобретателя, интеграция в публичный рынок (фондовые биржи и иные организованные рынки), возможность участия в обеспечении обязательств (например, залог ценных бумаг). Сравнительно-правовой анализ показывает, что в правопорядках других государств также наблюдается тенденция к признанию двойственной природы ценных бумаг. Так, в германском праве (BGB) они рассматриваются как документы, удостоверяющие право, но могут быть предметом вещных отношений [3]. Также данный подход поддерживается и в швейцарском гражданском кодексе [2]. В США, где действует Единообразный торговый кодекс (UCC), также признается гибридная природа: security это одновременно документ и объект прав требования [5].

Таким образом, эффективное функционирование ценных бумаг возможно лишь при условии комплексного понимания их правовой природы, места и роли в системе гражданского оборота. Анализ юридической сущ-

ности каждого вида ценной бумаги позволит грамотно регулировать их выпуск и обращение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025).
2. Гражданский кодекс Швейцарии от 10 декабря 1907г. (вступил в силу 1 января 2020г.), RS 210.
3. Гражданский кодекс Германии (BGB) последнее изменение от 17.07.2025 I № 163, German Civil Code BGB.
4. Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).
5. Единообразный торговый кодекс // Uniform Commercial Code (UCC) // https://www.law.cornell.edu/ucc
6. *Галанова В.А., Басова А.И.* Рынок ценных бумаг: учебник, 2-е изд., перераб. и доп. М.: «Финансы и статистика», 2006, 448с.
7. Гражданское право: учебник: в 3-х т. Т. 2 / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, К.М. Арсланов [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: «Проспект», 2020, 880с.
8. *Гришаев С.П.* Эволюция законодательства о ценных бумагах (2025) https://studfile.net/preview/14867818/page:3/; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025).
9. *Дедегкаева С.М*. Перспективы развития рынка государственных ценных бумаг // «Финансы и учет», № 2, 2015. СС. 24–27.
10. *Мишарев А.А.* Рынок ценных бумаг. / А.А. Мишарев. СПБ: «Питер», 2017, 256с.
11. *Мурзин Д.В.* Ценные бумаги – бестелесные вещи. Правовые проблемы современной теории ценных бумаг / Д.В. Мурзин. М.: «Статут», 2018, 176с.
12. *Суханов Е.А.* Объекты права собственности// «Законодательство», № 4, 2017.
13. *Чикулаев Р.В.* Развитие правовых режимов ценных бумаг в системе финансовых инструментов (2021). СС. 95–115 // DOI: 10.17072/2619-0648-2021-4-95-115.

THE THEORETICAL AND LEGAL STATUS OF SECURITIES AS OBJECTS OF CIVIL RIGHTS

R. Iordanyan

Russian-Armenian University

This article examines the concept of securities through a comprehensive theoretical understanding within the system of civil legal relations. It analyzes the practical application of legal norms governing property and non-property relations. Particular attention is paid to the development of theoretical approaches to the legal nature, essence, and transferability of securities, using general scientific research methods.

Keywords: securities, transferability, automation, securities market, objects of civil circulation.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-121-127

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ ТРУДА: НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА

В.Г. Мельникова, М.С. Зенкова

Национальный исследовательский Томский государственный университет
Юридический институт
walmel@mail.ru, zenkova496@gmail.com

АННОТАЦИЯ

На текущий момент одной из проблем современного законотворчества является регулирование применения искусственного интеллекта в сфере труда. Авторами выделены основные направления развития законодательства по данной тематике: принятие комплексных актов, закрепление норм, ориентированных на противодействие дискриминации, риск-ориентированный подход, прозрачность систем и выстраивание диалога между представителями работников и работодателем. Дан критический анализ положений действующих нормативно-правовых актов об искусственном интеллекте.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация, дискриминация, законотворчество, трудовое право.

Развитие технологии искусственного интеллекта оказывает значительное влияние на самые разные сферы общественных отношений. Одной из наиболее чувствительных к внедрению искусственного интеллекта сфер оказались трудовые и с ними тесно связанные отношения. В настоящее время перед законодателями разных стран остро стоит задача поиска такой модели правового регулирования, которая позволила бы установить баланс между развитием технологий и соблюдением прав работника. В странах Европейского Союза, США, Великобритании активно разрабатываются соответствующие нормативно-правовые акты. При этом складываются разные подходы к такому регулированию.

В качестве первого направления развития законодательства можно выделить принятие отдельных комплексных актов, посвященных примене-

нию искусственного интеллекта, вместо включения соответствующих норм в отраслевое законодательство. Наиболее рациональным рассмотрение данного аспекта представляется на примере стран романо-германской правовой семьи. Так, в Италии нормы о цифровизации были выделены в рамках Закона об искусственном интеллекте (Закон № 132/2025). Проблематичным видится то, что данный акт содержит нормы различной отраслевой принадлежности: трудо-правовые (вопросы применения искусственного интеллекта в найме), уголовно-правовые (ответственность за неправомерное применение технологии «дипфейк»), гражданско-правовые (условия правовой защиты произведений, созданных при помощи искусственного интеллекта) [1]. Создание комплексного, разноотраслевого акта представляется спорным по следующим причинам: во-первых, в государствах с четким отраслевым делением, подобное нарушает логику организации правовой системы; во-вторых, применение и толкование данного акта может затруднять правоприменение и чревато возникновением конкуренции правовых норм, а также сложностями обеспечения единообразия практики и реализации отраслевых правовых принципов. Необходимым в подобных случаях видится тщательное согласование норм об искусственном интеллекте с положениями отраслевых нормативно-правовых актов.

В рамках рассмотрения данного аспекта значимо и то, что в ряде случаев можно столкнуться и с иной проблемой: «фрагментарное» регулирование проблем, возникающих в определенной отрасли. Так, применительно к трудовому праву законодатель пока обращает внимание лишь на противодействие дискриминации при найме работников. Подобные законодательные акты приняты в нескольких штатах США (штате Колорадо [2], Калифорния [3], Нью-Йорк [4]). Проблема дискриминации при использовании искусственного интеллекта при приеме на работу стала реальной. В ряде случаев применение отдельных функций искусственного интеллекта приводит к неправомерному отказу в приеме на работу. Так, высококвалифицированной работнице было отказано в приеме на работу в должности, которую она ранее занимала: выполненное ей задание получило высокие баллы, тем не менее, искусственный интеллект поставил соискательнице низкую оценку по результатам анализа ее жестов и мимики. Впоследствии компания HireVue, чья технология применялась в данном случае, удалила анализ языка тела из числа функций, применимых при оценке кандидата [5].

При поиске правовых механизмов защиты работников и соискателей от дискриминации при использовании искусственного интеллекта возника-

ет дилемма: либо запрет на использование технологии, либо принятие норм, снижающих риски. Принимаемые нормы, закрепляющие антидискриминационные механизмы, весьма дискуссионны в данном контексте: так, положения принятых в штате Калифорния правил, регулирующих использование автоматизированных систем принятия решений в сфере трудоустройства, закрепляют, что при использовании систем, анализирующих тон голоса, выражение лица или иные физиологические характеристики, может быть допущена дискриминация в отношении защищенных категорий работников, в связи с чем работодателю необходимо предусмотреть дополнительные механизмы защиты в подобных случаях.

Остается открытым вопрос, почему осознавая факт возможной дискриминации законодатель не принимает решение о полном запрете подобных функций. Возможно, в данном случае имеет место инерция правового регулирования, поскольку уже распространенным механизмом защиты прав граждан при автоматизированной обработке их данных является возложение на оператора обязанности обеспечить принятие окончательного решения человеком. Также в данном контексте при выборе варианта полного запрета таких функции возникает существенная сложность в обеспечении контроля за соблюдением соответствующего запрета. Вместе с тем, необходимо признать целесообразность разработки новых подходов к регулированию использования искусственного интеллекта при трудоустройстве, поскольку дополнительные механизмы защиты пока не созданы.

При этом, применение искусственного интеллекта может повлечь нарушения прав работника в том числе и в процессе его трудовой деятельности: например, установление показателей продуктивности и последующая оценка их достижения работниками со стороны автоматизированных программ. Это может повлечь закрепление параметров, не соответствующих человеческим возможностям. Нельзя исключать и вероятность недостоверного заключения программы в случае системного сбоя. Следует отметить, что законодательная работа по данному направлению начата в Штате Новый Южный Уэльс (Австралия): как указывают составители, основной задачей разрабатываемого акта будет закрепление со стороны работодателя гарантий того, что использование автоматизированных систем не ставит под угрозу здоровье и безопасность работников, в том числе путем создания чрезмерной рабочей нагрузки, а также исключение использования искусственного интеллекта для необоснованного контроля за работниками [6]. Если

же рассматривать применение искусственного интеллекта в процессе найма, то следует заметить, что дискриминация – не единственная возможная правовая проблема, возникающая в кадровых процессах. Представляется возможным и нарушение прав и охраняемых законом интересов работника ввиду игнорирования его резюме автоматизированной системой из-за технических или организационных причин, как-то: несовпадение по ключевым словам или семантике (например, соискатель применил сокращение, что система не учла), незначительные текстуальные недостатки (неправильное заполнение онлайн-формы) и т.д. В связи с этим, видится, что законодательная работа в сфере защиты трудовых прав должна вестись не только по направлению противодействия дискриминации со стороны автоматизированных систем. Представляется целесообразным прорабатывать также правовые механизмы сертификации систем на основе искусственного интеллекта.

Иным направлением развития является закрепление риск-ориентированного подхода и требований к прозрачности систем. Первым актом, закрепившим подобный подход, был Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте, закрепивший, что системы искусственного интеллекта, применяемые в сфере труда и занятости, относятся к высокорисковым [7]. Аналогичный подход был использован и в законодательстве Штата Колорадо (США). На работодателя возложена обязанность не только уведомить о факте применения искусственного интеллекта, но и раскрыть информацию об используемых им данных и параметрах. Кроме того, работодатель обязан и разработать политику управления рисками и систематически производить оценку применяемых им систем. При этом критерий «систематичности» не раскрыт, что оставляет данную категорию оценочной. Более того, обязанности по противодействию дискриминации возложены и на разработчика автоматизированной программы: Закон закрепляет, что они должны предоставлять пользователю документацию, которая включает информацию о целях системы, типах данных, используемых для обучения, и мерах по снижению рисков. Следует отметить, что данный подход, подразумевает необходимость разработки значительного количества локальных актов и совершения многочисленных перепроверок работы систем, что уже встретило противодействие со стороны представителей бизнеса и руководства Штата: так, губернатор штата Колорадо отметил, что, несмотря на факт подписания им закона, считает необходимым внесение в него из-

менений ввиду сложности последующего соблюдения устанавливаемых им правил [8]. Представляется важным в рамках такого подхода разработать механизмы контроля за соблюдением требований. Также открытым остается вопрос о возможности закрепления субъективного права пользователя на отказ от использования таких систем в отношении него. Но возможно ли проконтролировать, использовалась фактически система с ИИ или нет?

Следующим аспектом, выделяемым в рамках разрабатываемого правового регулирования, можно отметить взаимодействие с объединениями работников. Данная тенденция является довольно новой, и на данном этапе подобные нормы внедрены только в Италии: закон предусматривает проведение консультаций с профсоюзами, гарантируя, что внедрение технологий искусственного интеллекта не приведет к нарушению прав работников. Следует также заметить, что в аналитическом докладе Международной конфедерации профсоюзов от 17 октября 2025г., указано, что роль профсоюзов в рамках внедрения новых технологий на рабочих местах является ключевой, а также, что они должны активно участвовать в работе и разработке политики безопасности, чтобы гарантировать безопасность цифровых рабочих мест, во избежание нарушения прав работников [9. С. 18]. Тем не менее, представляется, что подобная гарантия прав работников будет иметь реальный, а не фиктивный характер лишь в странах с сильными профсоюзами. Либо возможно использовать модели, аналогичные принятому в Германии механизму работы производственных советов, которые создаются в обязательном порядке во всех организациях с количеством работников более пяти человек и наделяются полномочиями по участию в принятии локальных актов.

Таким образом, можно заключить, что несмотря на новизну и постоянное развитие технологий искусственного интеллекта, на данном этапе ведется активная законодательная работа по регулированию его применения в сфере труда. При этом, можно проследить некоторые общие закономерности: принятие комплексных актов, закрепление норм, ориентированных на противодействие дискриминации, риск-ориентированный подход, прозрачность систем и выстраивание диалога между представителями работников и работодателем. Следует заметить, что правовое регулирование не является совершенным: неясность, вызванная быстрым развитием технологии, не позволяет в полной мере точно закрепить правовые нормы, которые гарантировали бы поддержание баланса между работниками и работодате-

лями при внедрении искусственного интеллекта: действующие нормы в ряде случаев отличаются фрагментарностью и противоречивостью, не предоставляя при этом реальных гарантий защиты прав работника или же возлагая на работодателя дополнительные обязанности, механизмы контроля за выполнением которых пока не разработаны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Andersen: Italian Law on Artificial intelligence published in the Official Gazette – URL: https://it.andersen.com/en/italian-law-on-artificial-intelligence-published-in-the-official-gazette/ (дата обращения: 20.10.2025).
2. Colorado General Assembly: Consumer Protections for Artificial Intelligence – URL: https://leg.colorado.gov/bills/sb24-205 (дата обращения: 20.10.2025).
3. Skadden: Landmark California AI Safety Legislation May Serve as a Model for Other States in the Absence of Federal Standards. URL: https://www.skadden.com/insights/publications/2025/10/landmark-california-ai-safety-legislation (дата обращения: 20.10.2025).
4. NYC.gov: Consumer and Worker Protection: Automated Employment Decision Tools (AEDT) URL: https://www.nyc.gov/site/dca/about/automated-employment-decision-tools.page#:~:text=Local%20Law%20144%20of%202021%20prohibits%20employers,help%20you%20track%20and%20update%20your%20complaint. (дата обращения: 20.10.2025).
5. Sky news: “I thought I was going mad”: Former make-up artist says she lost her job after being marked down by AI tool – URL: https://news.sky.com/story/companies-increasingly-using-ai-for-recruiting-and-why-it-could-cost-you-your-job-13060905 (дата обращения: 22.10.2025).
6. Genie: New South Wales plans to introduce new limitations on the use of AI in the workplace. URL: https://knowledge.dlapiper.com/dlapiperknowledge/globalemploymentlatestdevelopments/2025/new-south-wales-plans-to-introduce-new-limitations-on-the-use-of-ai-in-the-workplace Дата обращения: 22.10.2025).
7. Искусственный интеллект Российской Федерации: 2024 Регламент Европейского Союза об искусственном интеллекте, АНО «Цифровая экономика». URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/dokumenty-po-razvitiyu-ii-v-drugikh-stranakh/2024_reglament_evropeyskogo_soyuza_ob_iskusstvennom_intellekte_ano_cifrovaya_ekonomika_/ (дата обращения: 22.10.2025).
8. Genie: Colorado: Groundbreaking AI law faces pushback. URL: https://knowledge.dlapiper.com/dlapiperknowledge/globalemploymentlatestdevelopments/2025/Colorados-groundbreaking-AI-law-Progress-pushback-and-timeline-shift (дата обращения: 22.10.2025).

9. International Trade Union Confederation: Artificial intelligence: what are the implications for trade unions? 21p.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND LABOR LEGISLATION: DEVELOPMENT DIRECTIONS AND PROBLEMS OF LAWMAKING

V. Melnikova, M. Zenkova

National Research Tomsk State University
Law Institute

ABSTRACT

Currently, one of the challenges facing modern lawmaking is regulating the use of artificial intelligence in the workplace. The authors highlight the key areas for legislative development on this topic: the adoption of consolidated legislation, establishing legal norms aimed at counteracting discrimination, a risk-based approach, system transparency, and the establishment of a dialogue between employee representatives and employers. A critical analysis of the provisions of current regulations on artificial intelligence is provided.

Keywords: artificial intelligence, digitalization, discrimination, lawmaking, labor law.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-128-134

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНФОРМАТИЗАЦИИ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ И АРМЕНИИ

Л.Ю. Мкртчян

Тульский государственный университет
Институт права и управления
liana.mkrtchyan.0207@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Современная юридическая практика находится на этапе глубокой технологической трансформации, и искусственный интеллект (далее – ИИ) играет в этом процессе ключевую роль. Данная статья представляет собой анализ перспектив профессии адвоката в новых условиях: станет ли эта профессия объектом конкуренции с алгоритмами или откроет новые возможности для сотрудничества?

Ключевые слова: адвокатура, искусственный интеллект, юридические технологии, автоматизация, будущее профессии, юридическая этика, человеческий фактор.

Введение

Профессия адвоката, основываясь на интеллектуальном труде, ораторском искусстве и глубоком понимании права, исторически относится к числу наиболее традиционных. Однако в настоящее время под влиянием цифровых технологий эти основы претерпевают значительные изменения. Искусственный интеллект из области теоретических разработок превратился в практический инструмент, побуждающий юридическое сообщество к поиску ответов на сложные вопросы. Грозит ли профессии фундаментальная трансформация под натиском автоматизации? Или же ИИ откроет перед юристами новые горизонты, став мощным средством повышения эффективности?

Актуальность данной проблематики не вызывает сомнений. Растущие ожидания клиентов, стремительное увеличение объема правовой информации и необходимость оперативного принятия решений формируют новые

требования к адвокату. В современных условиях уже недостаточно быть просто экспертом в области права – необходимо адаптироваться к динамичной цифровой среде. Цель настоящего исследования – не только описать функциональные возможности ИИ, но и проанализировать долгосрочные последствия его внедрения для профессии.

ИИ в правовом поле: электронный ассистент или «цифровой эксперт»?

Дискуссия о роли ИИ в юриспруденции давно приобрела практический характер. В последние десятилетия развитие технологий, особенно в области ИИ, стало важным фактором, влияющим на все сферы деятельности, включая адвокатуру. Появление ИИ-технологий ставит под вопрос традиционные методы работы адвокатов: появляются споры о том, заменит ли ИИ юридические профессии или же станет ценным инструментом в руках юристов [3].

Несмотря на различия в уровне цифровизации, в обеих странах востребованы инструменты для работы с законодательными базами данных.

В России к ним относится официальная система КИС АР, которая обеспечивает взаимодействие адвокатов с государственными органами. Помимо этого, широкое распространение получили мощные справочно-правовые системы – «КонсультантПлюс» и «Гарант». Эти платформы предоставляют доступ к актуальным текстам законов, судебной практике и аналитическим материалам, а также предлагают инструменты для автоматизации документооборота.

В Армении, где процесс цифровизации находится на более ранней стадии, также существует запрос на аналогичные инструменты. Потенциал для их развития связан с созданием систем, подобных российской КИС АР. В настоящее время армянские юристы могут использовать общедоступные государственные порталы (например, официальный сайт судебной власти) для отслеживания статуса дел, а также международные платформы для анализа законодательства, которые поддерживают работу с национальными правовыми актами. Однако для полноценной работы с судебной практикой и ведения аналитики требуется развитие собственных, локализованных ИИ-решений, аналогичных зарубежным аналогам, но ориентированных на специфику армянской правовой системы. Осознание растущего технологического разрыва формирует в Армении устойчивый запрос на создание

комплексных цифровых решений, аналогичных российской системе КИС АР, которые могли бы обеспечить сквозное взаимодействие между юристами, гражданами и государственными институтами. Уже сегодня можно наблюдать контуры формирующейся национальной экосистемы юридических технологий, которые проявляются в развитии электронных сервисов для адвокатов, создании цифровых досье и внедрении систем электронного документооборота в адвокатских образованиях.

Особого внимания в контексте цифровизации законодательного процесса заслуживает официальный портал e-draft.am, функционирующий под эгидой Министерства юстиции Республики Армения. Данная платформа представляет собой ключевой инструмент обеспечения прозрачности нормотворческой деятельности, реализующий принципы открытого государства. Его основная функция заключается в публикации проектов нормативно-правовых актов на всех стадиях их разработки – от концепции до окончательного текста, выносимого на рассмотрение правительства или Национального Собрания [8].

Важнейшим преимуществом системы e-draft.am является интерактивный формат работы с документами. Платформа не просто информирует о законодательных инициативах, но и предоставляет широкому кругу заинтересованных лиц – от профессиональных юристов и бизнес-ассоциаций до рядовых граждан – возможность напрямую участвовать в правотворческом процессе. Любой пользователь может ознакомиться с текстом законопроекта, изучить сопутствующие материалы, в том числе финансово-экономические обоснования, и направить свои замечания и предложения непосредственно разработчикам проекта.

Этот механизм публичных консультаций способствует повышению качества принимаемых решений, позволяет выявить потенциальные правовые коллизии и пробелы на ранней стадии и в целом легитимизирует законодательный процесс через вовлечение гражданского общества. Таким образом, e-draft выполняет не только техническую, но и глубокую демократическую функцию, выступая в роли виртуальной площадки для диалога между государством и обществом по ключевым вопросам правового развития страны.

Проведенный анализ законодательства об адвокатуре России и Армении показывает интересные возможности для взаимного заимствования в контексте цифровизации профессии. Российская правовая система могла бы рассмотреть опыт Армении в области нормативного закрепления дис-

танционного взаимодействия. В частности, армянское законодательство содержит более гибкие подходы к использованию электронных средств связи в общении между адвокатами и их доверителями, что особенно актуально в условиях развития телемедицины права и онлайн-консультаций.

Что касается Армении, то ей было бы полезно изучить российский опыт создания интегрированных информационных систем для адвокатского сообщества. Российская система КИС АР представляет собой отработанную модель электронного взаимодействия адвокатов с государственными органами, включая суды и правоохранительные структуры. Внедрение подобной системы в Армении позволило бы значительно упростить процедуру получения процессуальных документов, подачи ходатайств и обмена информацией в цифровом формате.

Особый интерес представляет российский опыт регулирования вопросов использования искусственного интеллекта в правоприменительной практике. В российском законодательстве постепенно формируется нормативная база, регламентирующая применение ИИ в юридической деятельности, включая вопросы ответственности за рекомендации, сгенерированные системами искусственного интеллекта. Например, Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации» [2] устанавливает правовые основы для применения технологий искусственного интеллекта в пилотном режиме в Москве. Этот закон, по сути, создает уникальный правовой прецедент, так как он впервые на национальном уровне регламентирует применение ИИ, включая потенциальные вопросы ответственности за решения и рекомендации, сгенерированные алгоритмами в различных сферах, что является важным ориентиром и для юридической профессии. Для Армении этот опыт мог бы стать ценным ориентиром при разработке собственных стандартов использования цифровых технологий в адвокатской практике.

В свою очередь, армянский опыт создания платформы e-draft.am демонстрирует эффективные механизмы общественного контроля за правотворческим процессом через цифровые технологии. Российская система публичных обсуждений законопроектов могла бы быть дополнена подобными интерактивными решениями, обеспечивающими более тесное взаимодействие между законодателями и профессиональным юридическим сообществом.

Важным аспектом для взаимного изучения является регулирование защиты персональных данных при использовании цифровых технологий в адвокатской деятельности. Обе страны имеют развитое законодательство в этой сфере, однако подходы к обеспечению конфиденциальности информации при применении облачных технологий и ИИ могут отличаться, создавая пространство для продуктивного обмена правовыми решениями.

Таким образом, внедрение ИИ в судебную систему представляет собой комплексную проблему, затрагивающую не только вопросы эффективности, но и гарантии справедливости, прозрачности и защиты прав человека. Это подводит нас к ключевому вопросу: может ли программа когда-либо полностью заменить адвоката? Представляется, что ответ на этот вопрос лежит не в технологической, а в сущностной плоскости профессии. Юриспруденция – это не только наука о нормах, но и искусство убеждения, понимания человеческой психологии, способности к эмпатии. Можно ли доверить алгоритму проведение сложных переговоров, где решающую роль играют не только аргументы, но и невербальная коммуникация? Или утешение растерянного клиента? Или тонкое восприятие атмосферы в зале суда, способной повлиять на мнение присяжных? Все это остается прерогативой живого, мыслящего и чувствующего профессионала [5. С. 6].

Более того, именно адвокат, интегрирующий ИИ в свою практику, получает сегодня значительные конкурентные преимущества. Аналитические системы помогают прогнозировать линию защиты оппонента, выстраивать более убедительную стратегию. Успешный юрист будущего – это не тот, кто избегает технологий, а тот, кто способен сделать их своим союзником, используя в качестве мощного инструмента усиления собственной экспертизы.

Разумеется, это партнерство порождает новые вызовы. Кто будет нести ответственность в ситуации, когда совет, сгенерированный ИИ, окажется ошибочным и приведет к негативным последствиям для клиента? Сам клиент, адвокат или разработчик программного обеспечения? Разрешение этих правовых и этических дилемм представляет собой насущную задачу для законодателей и всего профессионального сообщества [4].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что сама постановка вопроса о «замещении» адвоката ИИ является неверной. Искусственный интеллект, при всей его совершенности, остается инструментом, расширяющим профессиональные возможности, но не способным заменить сущностные качества юриста. Он эффективно справляется с рутинными операция-

ми, анализом данных и информационным поиском – со всем, что поддается формализации.

Сущность адвокатской деятельности – творческий подход, стратегическое мышление, этическая ответственность и человеческое понимание – сохраняется за специалистом. Следовательно, наиболее вероятным сценарием представляется не противостояние, а сотрудничество. Адвокат, овладевший навыками использования ИИ в качестве «цифрового ассистента», не только не утратит своей востребованности, но и станет главным бенефициаром грядущих изменений, получив в свое распоряжение мощный инструмент для защиты прав и интересов личности в формирующемся цифровом обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон РФ «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (послед. ред.) Текст: эл. // Официальный интернет-портал правовой информации. М. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108261 (дата обращения: 27.02.2025).
2. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в ст. 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 № 123 – ФЗ (послед. ред.) Текст: эл. // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru (дата обращения: 27.02.2025).
3. Закон РА «О защите личных данных» от 18.05.2015 Текст: эл. // Официальный интернет-портал правовой информации. http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5275&lang=rus (дата обращения: 27.02.2025).
4. *Афанасьева Е.А.* Искусственный интеллект – помощник юриста или его конкурент? // «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: Реферативный журнал», 2021. С. 99.
5. *Голенищев Э.П., Фатхи В.И.* Влияние искусственного интеллекта на рынок юридических услуг: угроза профессии адвоката или новые возможности? // «Социальные новации и социальные науки», 2025. С. 110.
6. *Талапина Э.В.* Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // «Журнал российского права», № 2 (254), 2018. С. 6.

Интернет-ресурсы

7. Большие данные в судебной системе / Армянская ассоциация юристов [Эл. ресурс] Режим доступа: https://armla.am/ru/3026.html
8. Право.ру: правовой портал [Эл. ресурс]. URL: https://pravo.ru/ (дата обращения: 25.10.2024).
9. Официальный портал e-draft Республики Армения [Эл. ресурс] // Министерство юстиции Республики Армения. URL: https://e-draft.am/ (дата обращения: 25.10.2024).

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE DIGITALIZATION OF LEGAL PRACTICE IN RUSSIA AND ARMENIA

L. Mkrtchyan

Tula State University
Institute of Law and Management

ABSTRACT

Modern legal practice is undergoing a stage of profound technological transformation, and artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) plays a key role in this process. This article presents an analysis of the prospects of the legal profession under new conditions: will it become subject to competition with algorithms, or will it open up new opportunities for collaboration?

Keywords: legal profession, artificial intelligence, legal technologies, automation, future of the profession, legal ethics, human factor.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-135-151

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О НАРУШЕНИИ АВТОРСКИХ ПРАВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

А.Г. Осипян

Российско-Армянский Университет
artyom.osipian@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается проблематика нарушений авторских прав, осуществленных с использованием технологий Искусственного интеллекта. Представлен анализ судебной практики, преимущественно в США и Китае, касающейся нарушения авторских прав с использованием технологий Искусственного интеллекта. В статье рассматриваются ключевые судебные дела, такие как Thomson Reuters v. Ross Intelligence и Bartz v. Anthropic PBC, где обсуждается использование защищенных авторским правом материалов для обучения моделей ИИ. Особое внимание уделяется доктрине добросовестного использования (fair use). Анализируется потенциальная возможность практического применения доктрины, исходя из ее назначения и направленности деятельности владельцев платформ, использующих технологии Искусственного интеллекта. Также автор статьи высказывает свою позицию относительно применения положений доктрины свободного использования в данных ситуациях. В статье рассматриваются дела, в которых фигурирует генеративный Искусственный интеллект, создающий изображения. Автор отмечает особенности данных дел, подчеркивает отличия этих дел от прочих. Внимание также уделяется определенным тенденциям в судебной практике. В тексте, помимо прочего, представлен анализ формирования потенциального рынка лицензирования обучающих данных как возможный путь дальнейшего правового регулирования отношений.

Ключевые слова: авторское право, охрана авторского права, судебная практика, Искусственный интеллект.

Введение

На протяжении истории человечества новые и революционные технологии достаточно часто получали неоднозначную реакцию со стороны об-

щества. Здесь можно вспомнить движение луддитов в эпоху промышленной революции в Англии, которые в качестве акции протеста уничтожали машины, используемые в промышленном производстве. В настоящее время ярким представителем таких новых и революционных технологий являются технологии генеративного Искусственного интеллекта. Со стремительным развитием ИИ-систем, которые создают, перерабатывают и воспроизводят объекты, охраняемые авторским правом, связана и актуальность данной статьи. Технологии генеративного Искусственного интеллекта также широко вводятся в коммерческую деятельность участников гражданского оборота.

Методологическую основу исследования составляют системный и сравнительно-правовой методы. С их помощью проведено сопоставление судебной практики по делам о нарушении авторских прав, связанных с использованием технологий Искусственного интеллекта, а также выявлены основные тенденции и проблемные аспекты правоприменения.

Однако в данной ситуации необходимо поставить еще один важный вопрос, связанный с тем фактором, что создать объект авторского права из пустоты не способен даже Искусственный интеллект, для этого ему нужно учиться. На вопрос о том, как такие технологии должны «обучаться» созданию объектов авторского права, обычно дается ответ: при помощи изучения готовых объектов, написанных и изданных книг, написанных картин, песен и изображений. И здесь упомянутый выше вопрос заключается в том, как быть при этом с авторскими правами тех правообладателей, чьи объекты используются для обучения ИИ.

Основная часть

В данной статье хотелось бы поговорить о том, как в судебной практике правоприменитель пытается найти ответ на данные вопросы. Предполагается затронуть некоторое количество релевантных судебных дел, проанализировав позиции истцов, ответчиков, систематизировать полученную информацию и, если удастся, проследить и отметить определенные тенденции в данных делах, если только таковые имеются. Стоит отметить, что большое количество судебных дел на данный момент проходят в юрисдикциях зарубежных стран – таких, как Китай или США. На делах, проходящих в этих странах, и хотелось бы сконцентрироваться. Перед началом также стоит оговорить то, что многие из анализируемых дел на данном этапе

не разрешены, либо находятся на этапе апелляционного рассмотрения, однако позицию судов по некоторым вопросам мы знаем уже сейчас, что важно для изучения темы в широком контексте.

Сначала будет затронута судебная практика США, где на данный момент существует более 40 судебных дел, затрагивающих тему данной статьи [10]. Первым делом, на данный момент уже достаточно популярным и примечательным, будет рассмотрено дело “Thomson Reuters v. Ross Intelligence”. Данное дело хронологически являлось одним из первых судебных дел, которые бы велись истцом против ответчика, деятельность которого основывается на использовании технологий Искусственного интеллекта. В рамках рассматриваемого судебного разбирательства обсуждалось множество важных вопросов, относящихся к теме применения технологий ИИ с использованием готовых объектов авторского права. Компании “Thomson Reuters” принадлежала широко распространенная онлайн-платформа по поиску правовой информации, предоставляющая доступ к судебным решениям, законам, кодексам, нормативным актам и т.д. [3]. Однако, помимо неохраняемых авторским правом официальных документов, платформа также содержала особые секции, аннотации, в которых были представлены краткие резюме правовых положений, содержащихся в судебном решении [9]. Каждая такая аннотация была прикреплена к определенному числу. Выбор той или иной аннотации отсылал бы пользователя к соответствующему отрывку из судебного решения. Выбор же того или иного числа отсылал бы пользователя к списку судебных дел с похожими решениями. Такое компилирование правовой информации имело название “Key Numbering System” [9], [2]. Позже истцы будут утверждать, что компании Thomson Reuters в данном случае принадлежало авторское право на оригинальный текст (краткие изложения основных выводов правовых документов) и на компиляцию юридических материалов [9], [3].

Компания “Ross Intelligence”, в свою очередь, только начинала заниматься деятельностью в сфере юридических исследований. Используя технологии машинного обучения и Искусственного интеллекта, она имела своей целью создать новейшую поисковую систему, которая бы не опиралась исключительно на ключевые слова при поиске информации, а анализировала бы запрос пользователя более комплексно. При этом компания хотела избежать использования материалов, подготовленных людьми.

Пользователь вводил бы свой вопрос, а поисковая система выдавала цитаты из судебных решений без каких-либо комментариев [9], [4].

Чтобы “Ross” имела возможность обучить свою машину, ей требовалось большое количество правового по своему содержанию материала. Первоначально сотрудники компании обратились к именно к истцу, чтобы тот предоставил “Ross Intelligence” лицензию для использования материалов правовой онлайн-платформы “Westlaw”. Однако “Thomson Reuters” отказались давать подобное разрешение своим потенциальным конкурентам. Тогда ответчик обратился к сторонней аутсорсинговой компании с запросом создания заметок, представляющих собой набор вопросов и ответов на правовую тематику. Результатом такой работы стал так называемый «Проект Массовых Заметок» (англ. “Bulk Memo Project”), который содержал более 25 тысяч наборов вопросов и ответов. Данные заметки были преобразованы в материал, который мог быть использован в качестве обучающих данных для машины [9], [5]. Так, в декабре 2020г. “Thomson Reuters” подали иск к Ross Intelligence, утверждая, что вышеназванные заметки содержали большое количество заимствований из аннотаций, взятых с онлайн-платформы истца [3], [2].

Ответчики выдвинули несколько аргументов в свою защиту. Прежде всего утверждалось, что аннотации истца, размещенные на онлайн-платформе “Westlaw” (заимствованные ответчиком по утверждению “Thomson Reuters”), не являются объектами авторского права, так как просто содержат информацию из судебных решений, которые, как известно, авторским правом не охраняются. Так, фактически ответчик утверждал, что аннотации не несут в себе оригинальности и просто копируют данные, содержащиеся в судебных решениях [11]. Помимо этого, лагерь ответчиков отмечал, что данный случай подпадает под положения доктрины свободного использования (fair use doctrine), а Искусственный интеллект, используемый компанией, не просто заимствовал аннотации с платформы истца, а существенно их перерабатывал.

Обе стороны в данном деле подали ходатайства о разрешении дела в порядке упрощенного производства (Summary judgement). Первоначально суд отказал обеим сторонам, однако позже пересмотрел свое решение, и в последующем принял решение в порядке упрощенного производства по некоторым вопросам дела. Прежде всего, данное решение касалось двух вопросов: охраняемости авторским правом предмета спора, т.е. аннотаций, и возможности применения доктрины свободного использования по отношению к обстоятельствам данного дела.

Относительно первого вопроса, т.е. охраноспособности аннотаций, размещенных на платформе “Westlaw”, суд пришел к выводу, что, во-первых, заметки, использованные ответчиком для обучения Искусственного интеллекта, действительно являлись заимствованиями в существенной степени из указанных аннотаций, во-вторых, данные аннотации признаются объектами авторского права, т.е. они являются в достаточной степени оригинальными, чтобы на них распространялась соответствующая правовая охрана. Объясняя свое решение, суд отмечал, что хотя данные аннотации и являются производными по отношению к судебным решениям, краткими выводами которых они по сути и являются, однако в них может быть выражен творческий характер путем обобщения, передачи сущности, либо разъяснения правовой информации [3]. В пользу истца суд также разрешил и вопрос об охраноспособности компиляции правовой информации.

Второй вопрос суд также разрешил в пользу истца, постановив, что в рамках данного дела использование ответчиками материалов, принадлежащих истцу, не может попасть под действия доктрины свободного использования [3], [4]. Среди четырех факторов, имеющих значение в случаях определения применимости доктрины свободного пользования, два определяющих фактора позволяли сделать вывод о недопустимости свободного использования. Так, судья пришел к выводу, что цель и характер использования аннотаций “Thomson Reuters” были коммерческими по своей сущности, т.е. для “Ross” целью такого использования стало ничто иное, как извлечение прибыли. Вторым фактором, склоняющим чашу весов на сторонну истца, было влияние, которое действие ответчика потенциально может произвести на рынок, либо на стоимость охраняемого авторским правом произведения. Суд здесь подчеркнул, что продукт компании “Ross” предназначался стать «рыночной заменой» “Westlaw”. На основании этих наблюдений суд и отверг применение в данном деле доктрины свободного использования.

Итак, хотя и данное дело не разрешено окончательно, мы видим принципиальную позицию суда по ряду вопросов, прежде всего по вопросу применения доктрины свободного использования. Данное решение имеет большое значение, так как во многих делах ответчики, являющиеся компаниями, использующими технологии ИИ при осуществлении своей основной деятельности, в качестве защиты приводят доводы о свободном использовании. В данном деле, например, Суд не поддержал идею абсолютной сво-

боды использования защищенных материалов для обучения ИИ. При этом стоит отметить тот факт, что Судья обратил внимание на то, что технологии ИИ, используемые ответчиком в данном деле, не являются генеративным Искусственным интеллектом. Судья также отметил, что не знает, являются ли его выводы справедливыми по отношению к технологиям генеративного ИИ [3], [5].

Следующим делом, которое хотелось бы затронуть в рамках статьи, будет дело “Bartz v. Anthropic PBC”. Данное судебное дело также не разрешено окончательно, однако, как и с прошлым, уже есть достаточно информации для анализа. В отличие от предыдущего разбирательства, на этот раз ответчиком является лицо, использующее при осуществлении своей основной деятельности технологии именно генеративного Искусственного интеллекта.

Компания “Anthropic PBC” стремилась создать ряд сервисов, использующих технологии ИИ для написания текстов, имитирующих стиль письма человека [4]. В рамках подготовки к обучению своих языковых моделей для исследований и разработки объектов авторского права, компания сформировала компиляцию из миллионов книг, называемую внутри компании «центральной библиотекой» [4], [2].

В эту библиотеку включены были как художественные, так и научно-популярные произведения, находящиеся в собственности правообладателей и написанные авторами, ставшими впоследствии истцами по делу. Для получения материала, используемого для обучения языковых моделей, “Anthropic” пользовалась несколькими способами. Это могли быть и бесплатное скачивание миллионов «пиратских» копий книг в цифровом формате, и приобретение миллионов экземпляров книг, охраняемых авторским правом (некоторые из которых совпадали с теми, что были получены с пиратских сайтов), с последующим сканированием, сохранением в цифровой форме и уничтожением бумажных оригиналов [4], [3].

Известная писательница Андреа Бартц, объединившись с большой группой других писателей и правообладателей, подали коллективный иск к компании “Anthropic PBC”, обвинив ответчиков в нарушении авторских прав.

Конечно же, одной из ведущих линий защиты для ответчика являлась позиция, опирающаяся на доктрину свободного использования (fair use), однако здесь необходимо подробнее раскрыть приводимые аргументы. Что касается причин использования доктрины свободного использования в дан-

ном деле, в отличие от предыдущего, ответчики в большой степени обращали внимание на тот факт, что компания создает языковую модель, т.е. технологию с использованием именно генеративного ИИ. В связи с этим утверждалось, что в соответствии со свободным использованием, ответчик не просто заимствовал охраняемый авторским правом объект, а использовал его для обучения языковой модели ИИ, чтобы она в итоге создала нечто совершенно новое и в достаточной степени отличимое от оригинала [6].

В марте 2025г. “Anthropic” подала ходатайство о разрешении дела в порядке упрощенного производства, попросив суд разрешить дело на основании свободного использования без проведения судебного заседания [10], [2].

В июне того же года суд принял по указанному ходатайству промежуточное решение (хотя и не финальное), которое серьезно повлияло на дальнейший ход дела [6], [2]. В своем решении судья ответил на ключевой для дела вопрос о свободном использовании, разделив его на две части. Так, в соответствии с решением по проблемам объектов авторского права, книг, приобретенных ответчиком в соответствии с законом, по причине существенно переработанного материала, о котором говорилось выше, доктрина свободного использования применима. Судья здесь сравнил генеративный ИИ с начинающим писателем, изучающим литературный канон для создания принципиально новых произведений [6], [3].

По отношению же к неправомерному приобретению охраняемых авторским правом произведений, т.е. безвозмездному скачиванию цифровых копий книг с «пиратских» ресурсов, судья категорически отверг всяческие доводы в пользу применения доктрины свободного использования [6], [4].

Возможно вследствие данного решения стороны в последующем договорились о заключении мирного соглашения с выплатой денежной компенсации на сумму около полутора миллиарда долларов в пользу истцов. Соглашение на данный момент согласовано и подлежит утверждению со стороны суда.

Данное «двуглавое» решение ознаменовало собой как большую победу организаций, использующих технологии ИИ, так и тяжелое поражение. С одной стороны, работа именно генеративного Искусственного интеллекта с первоначальным литературным материалом была признана переработкой в достаточной степени, чтобы считаться новым содержанием, что позволило применить к действиям создателей ИИ положения о свободном использовании. С другой стороны, была отвергнута позиция о свободном ис-

пользовании по отношению к неправомерно приобретенным копиям произведений, использованным для обучения языковой модели. Судья здесь заключил, что незаконность первоначального акта получения материала порочит весь последующий процесс, делая защиту на основе свободного использования (fair use) неприменимой с самого начала (ab initio) [6], [5].

Это судебное дело по многим фактическим обстоятельствам было похоже на дело “Kadrey v. Meta Platforms Inc”. Так как фактические обстоятельства дела крайне схожи, хотелось бы обратить основное внимание на один из аргументов истцов в данном деле, представляющий определенный интерес.

Так, юристы истцов представили на обозрение суда так называемую теорию «рыночного размывания» (“market dilution” theory), которая расширяет рамки судебного исследования с конкретных замещающих рынков объектов авторского права до более широкого уровня отраслевой конкуренции, выходя за пределы традиционных концепций авторского права и учитывая рыночные реалии [8].

Упомянутая теория привлекла внимание академического сообщества США, которое отреагировало на нее неоднозначно. Ее сущность заключается в предположении, что пользователи генеративных технологий ИИ будут снабжать рынок огромным количеством различных литературных произведений, что неотвратимо приведет к перенасыщению рынка и к конкуренции сгенерированных произведений с произведениями, созданными творческим трудом человека. Последствием данного сценария станет то, что «живые» авторы утратят волю и желание создавать новые оригинальные работы, а также не смогут монетизировать свою творческую деятельность [10], [3].

Стоит отметить, что в рамках дела судья Чаббриа не поддержал данную теорию, однако не по причине ее недостатков, а по причине отсутствия достаточных доказательств со стороны юристов истца. Судья выдвинул предположение о том, что потенциальный вред, нанесенный результатами работы генеративных ИИ рынку, может зависеть от конкретного вида произведений. Например, литературные работы в жанре мемуаров с меньшей вероятностью будут затронуты деятельностью ИИ, в то время как произведения по типу любовных романов, либо новостных статей, могут оказаться под угрозой описанной выше конкуренции. Также судья предположил, что в меньшей степени в такой ситуации могут пострадать уже признанные пи-

сатели благодаря своей известности и репутации, тогда как начинающим писателям, возможно, будет сложнее привлечь читателей из-за большого объема наполнения, перенасыщения рынков произведениями, созданными генеративным ИИ [10], [4].

Теорию «рыночного размывания» крайне тяжело доказать, если это вообще возможно. Гипотетическая ситуация, сформулированная адвокатами писателя, опирается исключительно на предположения и допущения, в чем, по нашему мнению, и заключается главная слабость их теории. Неизвестно, будут ли сгенерированные при помощи ИИ и без вмешательства человека произведения (в данном случае книги) пользоваться каким-либо спросом на рынке. Можно предположить, что большое количество произведений приведет к их однообразию, в случае чего будет поставлена под вопрос их потенциальная популярность. Помимо этого, нет достоверной информации, как такая ситуация на рынке может повлиять на вопрос конкуренции.

Если рассуждать исключительно с позиций теории, можно допустить, что насыщение рынка однообразными сгенерированными литературными произведениями произведет обратный эффект и будет стимулировать авторов создавать более уникальные и детально проработанные произведения. Вероятно, менее реалистична, но также допустима ситуация, при которой перенасыщение рынка созданиями ИИ платформ повысит ценность произведений, которые были созданы человеком, причем только за счет данного факта (если сравнивать с аналогичной в некоторой степени ситуацией высокой ценности продуктов ручной работы по сравнению с заводским и фабричным производством).

Так, по мнению автора статьи, данная теория и последствия, которые она может повлечь, как минимум неоднозначны, на данный момент трудно сформировать заключение о ее позитивном или негативном влиянии, для более ясного вывода необходимо дальнейшее наблюдение и анализ того, как складываются отношения на рынке.

Кроме того, необходимо упомянуть возможную ситуацию, в которой на рынке появляется большое количество сгенерированных произведений, но при этом их создатели никак не раскрывают факта полной сгенерированности без участия человека, или даже отвергают данные факты. Схожая ситуация уже происходит в сфере музыки, в связи с чем владельцы и пользователи соответствующих ИИ платформ подвергались критике со стороны

потребителей и юристов [2]. Возможно, в таком случае необходимо предусмотреть регулирование, которое будет обязывать к раскрытию природы произведения, было ли оно создано ИИ без участия человека и т.д., либо применять технические средства, способные выявлять результаты деятельности ИИ-платформ.

Можно также обратить внимание на несколько судебных дел, в которых ответчиком выступали организации, использующие технологии ИИ для генерации изображений. Здесь наиболее известными делами можно назвать “Getty Images v. Stability AI” и “Andersen v. Stability AI”. В обоих делах правообладатели изображений утверждают, что создатели генеративного ИИ использовали их объекты авторского права для обучения созданной ими машины.

Данные дела представляют интерес, так как теоретически доказать то, что первоначальный материал был переработан в достаточной степени по отношению к изображениям может быть затруднительно, так как нередко целью таких технологий может быть именно создание изображения, предельно похожего на что-то из уже существующих и охраняемых объектов. Например, достаточно часто в запросах для генерации изображений пользователи прописывают создание объекта в конкретном узнаваемом стиле. Некоторое время назад достаточно популярными, например, были запросы по созданию изображений, выполненных в визуальном стиле кинокартин американского режиссера Уэса Андерсона, фильмы которого, конечно же, являются охраняемыми объектами авторского права. По этим причинам, по мнению автора статьи, можно утверждать, что охрана авторских прав от нарушений с использованием генеративного ИИ при создании различных объектов авторского права однозначно имеет свою специфику, которая вытекает из видов таких объектов. Упомянутые выше дела контрастируют с предыдущими примерами, объектом авторского права которых был прежде всего художественный текст.

В этом контексте можно также упомянуть относительно свежую новость о том, что крупные американские компании “Disney” и “Universal” подают в суд на владельцев одной из главных платформ ИИ по генерации изображений “Midjourney” [7]. На данный момент никаких развитий кроме искового заявления и ответа на него не происходило, однако здесь во многом важен сам свершившийся факт. Этим иском было обозначено присоединение к борьбе в правовом поле таких отраслевых гигантов, как упомя-

нутые “Disney” и “Universal”. Этим среди предыдущих дел, конечно же, данный кейс выделяется, так как субъектов такого масштаба в предыдущих делах не наблюдалось. Также это дело выделяется тем, что на этот раз компания, использующая технологии генеративного ИИ, обвиняется не в неправомерном использовании объектов авторского права для обучения модели, а в заимствованиях, наблюдаемых именно в конечном результате генерации изображений со стороны ИИ [7], [2]. По сути, “Midjourney” обвиняется в неправомерном воспроизведении и распространении копий охраняемых объектов авторского права посредством технологии генеративного ИИ. К своему исковому заявлению юристы крупных кинокомпаний приложили большое количество сгенерированных ИИ изображений, которые содержали охраняемых авторским правом персонажей. Здесь истцы также добавляют, что все использования объектов авторского права носят исключительно коммерческий характер, так как бизнес-модель “Midjourney” строится на покупке пользователями платной подписки, вследствие чего годовые доходы ответчиков превысили на данный момент триста миллионов долларов.

В свою очередь, в ответе на исковое заявление владельцы “Midjourney” выступали за ограничение абсолютного характера монополии правообладателя на объект авторского права и защиту публичных интересов общества. В качестве аргументов ответчики также ссылались на тот факт, что многие пользователи платформы сами являются сотрудниками корпораций истцов, в связи с чем упоминалось, что платформа обязывает своих пользователей подписать соглашение об «Условиях обслуживания», которое запрещает любое нарушение авторских прав.

Так, разобрав какое-то количество дел из англо-американской юрисдикции США, для более полного анализа темы следует рассмотреть и иные юрисдикции. В данном случае предполагается обратить внимание на судебную практику КНР. В поднебесной имеется один интересный кейс, который отличается от всех описанных до этого тем, что это одно из первых судебных дел (если не самое первое) о нарушении авторских прав со стороны создателей ИИ, которое было окончательно разрешено.

В феврале 2024г. в интернет-суде Гуанчжоу прошли разбирательства по нарушению авторских прав со стороны владельцев и разработчиков интернет-сайта с функциями ИИ. Начало дела связано с предоставлением японской производственной компанией, владеющей правами на известного в Азии персонажа мульт и телесериалов «Ультрамена» (по имени которого

дело и получило свое название в литературе), исключительной лицензии на использование данного персонажа [5]. Лицензия была выдана китайской компании и включала в себя, помимо прочего, права на воспроизведение, создание производных произведений и т.д. Вскоре компания обратила внимание на определенный интернет-сайт, который предлагал своим пользователям функции ИИ, способного генерировать изображения. После этого сотрудники компании обнаружили, что при формировании запросов на сайте, ИИ генерировал изображения, в точности воспроизводящие внешний вид персонажа, права на которого компания получила. Так, правообладатели подали иск о нарушении авторских прав к компании, являющейся оператором указанного интернет-сайта [5], [2].

Ответчик в свою защиту выдвинул ряд аргументов, связанных с тем фактом, что сама компания-оператор сайта не создавала технологию генеративного ИИ, этим занималась третья сторона, а интернет-сайт лишь предоставлял доступ к пользованию указанной технологией. Данная модель ИИ была подключена к сайту ответчика через программируемый интерфейс [12].

Интернет-суд Гуанчжоу разрешил данное дело в пользу истца, обязав ответчика выплатить компенсацию, и постановив, что тот нарушил права истца на воспроизведение объекта авторского права, а также права на создание производных произведений на основе лицензии [5], [3]. Истец в ходе разрешения дела сформировал несколько запросов к технологии ИИ, содержащих описание охраняемого персонажа в разных стилях (например, «Ультрамен в мультяшном стиле» и т.д.). Суд обосновывал свое решение тем, что результаты данных запросов в существенной степени схожи с первоначальным объектом [5], [4].

Стоит отметить, что в отличие от некоторых предыдущих рассмотренных в статье дел, предметом данного спора стал факт нарушения авторского права не вследствие использования произведений конкретно для обучения технологии генеративного ИИ, но существенного сходства с охраняемым объектом авторского права именно результатов генерации. Схожий случай можно наблюдать только в описанном выше исковом заявлении компаний “Disney” и “Universal”.

Таким образом, подводя итоги, можно выделить несколько ключевых позиций. Стоит, однако, вернуться к утверждению из начала статьи и вновь обратить внимание на то, что для итогового полноценного и всестороннего анализа все же необходимо будет дождаться окончательного разрешения

многих упомянутых судебных дел. При этом промежуточные итоги также важны, и на них можно сконцентрироваться уже сейчас. Необходимо отметить, что в ситуации, когда правоприменительная практика складывается буквально на глазах, суды в настоящее время сталкиваются со случаями, не имеющими в правовой истории никаких аналогов, вследствие чего судьи во многих ситуациях не имеют возможности опереться на судебные прецеденты, что особенно чувствительно для англо-американского прецедентного права. Вследствие этого различные судебные решения нередко могут отличаться подходами и результатами, что в свою очередь, в условиях повышенной автономности судов стран прецедентного права может в дальнейшем привести к определенным проблемам с точки зрения единообразия правоприменения.

Так, рассмотрев дела “Thomson Reuters v. Ross Intelligence”, а также “Bartz v. Anthropic PBC”, можно сделать вывод о возможном развитии потенциала формирования определенного рынка лицензирования со стороны законных правообладателей деятельности компаний, использующих технологии генеративного ИИ для создания объектов авторского права. Какой вид примет данный потенциальный рынок пока неизвестно, но дискуссии о необходимости его создания уже идут. На данном этапе активно обсуждается формирование рынка лицензирования объектов авторского права для их использования в качестве материала для обучения языковых моделей, либо иных технологий с использованием ИИ. Уже сейчас имеются некоторые организации, действующие в качестве посредника между компаниями, использующими технологии генеративного ИИ в качестве своей основной деятельности, и правообладателями прав на произведения. Конечно же, формирование такого рода крупного рынка будет требовать определенного регулирования с учетом специфики отрасли, хозяйствующих субъектов, действующих на рынке и т.д.

Однако, если анализировать данные процессы со стороны компаний, использующих технологии генеративного ИИ, то возможно такой вариант не является оптимальным, в основном по причинам больших временных и финансовых затрат, необходимых для получения лицензий. Тем не менее, по мнению автора статьи, данный путь пока остается единственным, особенно в условиях большого сопротивления технологиям генеративного ИИ со стороны авторов и правообладателей. Более либеральным вариантом по отношению к владельцам ИИ-платформ было бы разрешение использова-

ния охраняемых произведений для целей машинного обучения до тех пор, пока от правообладателя данных произведений не поступит прямой запрет. Похожий механизм был сформулирован в регламенте Европейского Союза «Об Искусственном интеллекте» [1]. Однако в рамках данного механизма, если представить ситуацию, в которой автор против использования своих произведений в качестве обучающих материалов для ИИ, то в таком случае отношения между правообладателем и владельцами технологии ИИ приобретают ретроспективный характер, так как фактически нарушение уже совершено, и запрет распространяется только на будущие действия. Такой подход ставит автора-правообладателя в менее выгодное положение, в то время как механизм, предусматривающий лицензирование произведений, может в перспективе работать как предупреждение всяческих нарушений.

Можно также выделить то, что практически в каждом судебном деле в качестве основной линии защиты ответчики избирают применение положений о свободном использовании объектов авторского права. В то же время суды в своей массе не готовы возводить в абсолют доктрину свободного использования и расширять рамки ее применения. Здесь, однако, по мнению автора статьи, необходимо отметить, что целью деятельности множества компаний, создающих технологии ИИ, является извлечение прибыли, т.е. с сущностной точки зрения данная деятельность носит коммерческий характер.

Так как концепция свободного использования произведений представляет из себя ограничение монополии авторского права в пользу публичного и общественного интереса, основным вопросом в данных ситуациях будет следующий: можно ли считать создание произведений с использованием ИИ со стороны коммерческих компаний защитой интересов общества. И хотя, по нашему мнению, ответ на такой вопрос будет скорее отрицательный (учитывая уже упомянутые выше цели деятельности данных компаний), здесь необходимо вспомнить, что критерии публичного, или общественного, интереса не были четко определены и являются в некоторой степени абстрактными категориями. Вследствие этого необходимо отвечать на поставленный вопрос в зависимости от конкретной индивидуальной ситуации, а не путем формулирования однозначного правила. Например, можно представить ситуацию, при которой аргументом в пользу защиты публичного интереса (а значит, и свободного использования) может быть свобода самовыражения пользователей ИИ-платформ.

Истцы в большинстве случаев придерживаются двух групп аргументов своей позиции. Первая группа аргументов – утверждения о неправомерном получении информации, в частности, для обучения модели ИИ (например, в “Bartz v. Anthropic”). Вторую группу аргументов можно объединить в позицию, согласно которой использование технологий генеративного ИИ в той или иной форме нанесет существенный вред рынку (например, в делах “Thomson Reuters v. Ross Intelligence”, “Kadrey v. Meta”, “NYT v. OpenAI/Microsoft”).

Возможно, в качестве определенной тенденции в судебной практике можно выделить постепенное переключение истцов от обвинения владельцев ИИ в неправомерном приобретении данных для обучения модели на замечания о заимствованиях в самих сгенерированных результатах работы ИИ. Так, если в деле “Thomson Reuters v. Ross Intelligence” и “Bartz v. Anthropic” основные претензии истцов заключались как раз в способах обучения моделей, то в деле “Disney Enterprises Inc. v. Midjourney Inc.”, главным предметом спора являются как раз результаты генерации изображений.

Таким образом, сейчас уже можно говорить о том, что право, и, в частности, судебная практика, начинают медленно «догонять» технологические достижения, чтобы внести в новые складывающиеся отношения элемент упорядоченности. Можно ожидать, что через какое-то время суды по всему миру найдут разнообразные пути решения актуальных проблем, а затем эти новые разработанные концепции и идеи будут сформированы в форме законов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемова А.Н.* Использование объектов авторского права в машинном обучении: в поисках баланса интересов правообладателей и общества // “Respublica Literaria”. Т. 5, № 3, 2024. СС. 184–194. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.184-194.
2. *Bakare L.* An AI-generated band got 1m plays on Spotify. Now music insiders say listeners should be warned [Эл. ресурс] // “The Guardian”, 2025, July 14. URL: https://www.theguardian.com/technology/2025/jul/14/an-ai-generated-band-got-1m-plays-on-spotify-n ow-music-insiders-say-listeners-should-be-warned [дата обращения: 08.11.2025].
3. *D'Angelo F., Shields E.* Thomson Reuters v. Ross Intelligence, Inc. [Эл. ресурс] // Loeb & Loeb. 2025. February 11. URL: https://www.loeb.com/en/insights/

publications/2025/02/thomson-reuters-v-ross-intelligence-inc [дата обращения: 23.09.2025].
4. *Finkelstein M., Bulger D., Weis N*. Landmark Ruling on AI Copyright: Fair Use vs. Infringement in Bartz v. Anthropic [Эл. ресурс] // "ArentFox Schiff", 2025, June 30. URL: https://www.afslaw.com/perspectives/alerts/landmark-ruling-ai-copyright-fair-use-vs-infringement-bar tz-v-anthropic [дата обращения: 27.09.2025].
5. *G'sell F.* Regulating under Uncertainty: Governance Options for Generative AI. 2024 [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://cyber.fsi.stanford.edu/content/regulating-under-uncertainty-governance-options-generative-ai [дата обращения: 04.10.2025].
6. *Lantyer H.* The Bartz v. Anthropic Settlement: From Fair Use to Piracy in AI Training Data. 2025, September 8. [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://download.ssrn.com/2025/9/8/5455514. 12 p. [дата обращения: 28.09.2025].
7. *Knibbs K.* Disney and Universal Sue AI Company Midjourney for Copyright Infringement [Эл. ресурс] // "Wired", 2025, June 11. URL: https://www.wired.com/story/disney-universal-sue-midjourney/ [дата обращения: 13.10.2025].
8. *Lou C.* Develop-Fair Use for Artificial Intelligence: A Sino-U.S. Copyright Law Comparison Based on the Ultraman, Bartz v. Anthropic, and Kadrey v. Meta Cases. 2025, September 8. [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://ssrn.com/abstract=5458615 [дата обращения: 04.10.2025].
9. *Rub G.* The Rise of Generative Artificial Intelligence // "Ohio State Legal Studies Research", Paper № 867 // "Temple University Legal Studies Research Paper", № 27, 2024, April 25.
10. *Samuelson P.* Legally Speaking: Does Using In-Copyright Works as Training Data Infringe? // "UC Berkeley Public Law Research Paper", 2025, 6p.
11. Thomson Reuters v. ROSS [Эл. ресурс] // "Baker Hostetler", 2025. URL: https://www.bakerlaw.com/thomson-reuters-v-ross/ [дата обращения: 25.09.2025].
12. *Yiu C., Bond T.* Liability of AI Service Providers for Copyright Infringement: Guangzhou Internet Court reaches world's first decision [Эл. ресурс] // "Bird & Bird", 2025. April. URL: https://www.twobirds.com/en/insights/2024/china/liability-of-ai-service-providers-for-copyright-infrin gement [дата обращения: 04.10.2025].

CASE LAW ANALYSIS ON COPYRIGHT INFRINGEMENT INVOLVING ARTIFICIAL INTELLIGENCE: FOREIGN EXPERIENCE

A. Osipian

Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article examines the issues related to copyright infringements carried out by using artificial intelligence technologies. It presents a case law analysis, primarily in the United States and China, concerning copyright violations involving AI technologies. The article reviews key court cases, such as Thomson Reuters v. Ross Intelligence and Bartz v. Anthropic PBC, which discuss the use of copyrighted materials for machine learning. Particular attention is given to the doctrine of fair use. The article analyzes the potential practical application of the doctrine, taking into account its purpose and the nature of the activities of platform owners using AI technologies. The author also expresses his position regarding the application of fair use provisions in these situations. Cases involving generative artificial intelligence that creates images are also examined. The author highlights the specific features of these cases and emphasizes their differences from other cases. Attention is further paid to certain trends in judicial practice. Additionally, the text presents an analysis of the potential formation of a market for licensing training data as a possible path for further legal regulation of these relations.

Keywords: copyright, copyright protection, case law, artificial intelligence.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-152-164

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕДКИХ И ИСЧЕЗАЮЩИХ ВИДОВ ЖИВОТНЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.Н. Погорелова, М.В. Кузьмина[1]

Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Оренбургский институт (филиал)
pogorelovaangelina9@gmail.com, oMVKuzmina@msal.ru

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются правовые механизмы охраны редких и исчезающих видов животных в Российской Федерации. Анализируется система действующего законодательства, включая Федеральный закон «О животном мире» и положения Красной книги РФ. Рассматриваются такие правовые инструменты, как режим особой охраны, запрет на изъятие из естественной среды, регулирование хозяйственной деятельности в местах обитания видов, а также вопросы гражданско-правовой и уголовной ответственности за нарушения. Выявляются основные пробелы в правоприменительной практике, включая проблемы компенсации вреда и контроля за незаконным оборотом дериватов. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства, направленные на сохранение биоразнообразия и реализацию стратегии устойчивого развития.

Ключевые слова: экологическое право, редкие виды животных, исчезающие виды, Красная книга Российской Федерации, правовая охрана, сохранение биоразнообразия, среда обитания, ответственность за экологические преступления, изъятие из естественной среды, особо охраняемые природные территории (ООПТ).

Проблемы правовой охраны, редких и исчезающих видов животных охватывают необычайно широкий круг вопросов и неразрывно связаны с перспективами благосостояния и развития человеческого общества, уровнем научно-технического прогресса, образования и культуры населения.

По данным последних научных исследований и наблюдений в мире сохранилось всего 22540 носорогов пяти видов, не более 5500 тигров, в том

[1] Научный руководитель: к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского и трудового права.

числе 350 – сибирских, около 2000 крупных панд, 300 особей пресноводных дельфинов, обитающих в китайской реке Янцзы[2]. И этот удручающий список мог бы быть еще продолжен. При этом новые виды, обладающие более совершенной системой адаптации к меняющимся условиям существования, не появляются. Поэтому современный процесс вымирания биологических видов носит неестественный, губительный для всего живого характер.

В решении проблемы сохранения редких и исчезающих видов животных важная роль принадлежит праву. Право, благодаря присущим ему свойствам общеобязательной нормативности, формальной определенности, действия через субъективные права и обязанности, обеспеченности государственным принуждением, придает юридическую силу, а также является гарантией реализации экологических требований, действующих в рамках практической охраны угрожаемых видов фауны. Вместе с тем, условия и требования, содержащиеся в правовых нормах, выполняются и достигают своей цели лишь при наличии в них научного обоснования, обеспечении их выполнения необходимыми организационными, финансовыми и материально-техническими средствами, воспитанием требуемого экологического мировоззрения. Только тогда, когда такая взаимосвязь будет осуществляться постоянно и неизменно, станет реальным достижение основной стратегической цели – количественное и качественное восстановление видов животных до уровня, при котором им уже не угрожает опасность исчезновения и потери природного генофонда.

Понятия «редкие» и «исчезающие» виды животных имеют различные значения, которые важно учитывать при разработке и применении законодательства в области охраны окружающей среды и биоразнообразия.

Редкими признаются такие виды животных, численность которых ограничена или имеет узкий ареал распространения, что делает их уязвимыми к различным факторам, угрожающим их выживанию. В законодательстве такие виды могут быть определены как нуждающиеся в особой охране и внимании, но при этом их статус не всегда подразумевает непосредственную угрозу исчезновения[3].

Исчезающие виды животных – это таксоны, которым грозит полное вымирание. Их численность критически мала, и без принятия срочных мер

---

[2] *Музыкаева Х.С., Атаева А.А., Исраилова С.А.* Исследования в области экологии и защиты окружающей среды. М.: «Наука», 2023, 250с.

[3] *Гусева А.А*. Понятие редкости вида, критерии и причины редкости // «Юный ученый», № 5 (79), 2024. СС. 130–133.

по их защите и восстановлению популяции они могут быть утрачены навсегда. В правовом контексте исчезающие виды обычно подлежат более строгим мерам защиты, включая полный запрет на охоту и торговлю ими, а также разработку специальных программ по восстановлению их численности и среды обитания[4].

В правовом контексте ключевое отличие между редкими и исчезающими видами животных состоит в уровне угрозы их выживанию, что определяет разницу в подходах к их защите, предусмотренных законом. Редкие виды животных нуждаются в мерах, направленных на поддержание их численности, тогда как для исчезающих видов требуются срочные и решительные действия, чтобы избежать их полного вымирания.

Критерии оценки редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов закреплены в нескольких правовых актах.

Так, стоит более детально и подробно рассмотреть Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 59783-2021[5]. Согласно нормативным правовым актам Российской Федерации редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды (подвиды, популяции) диких животных и виды (подвиды) дикорастущих растений и грибов необходимо заносить в Красную книгу Российской Федерации и красные книги субъектов Российской Федерации, также данные виды (подвиды, популяции) должны изыматься из хозяйственного использования.

Национальный Стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 59783-2021 устанавливает ключевые условия для оценки критериев, которые применяются к наиболее уязвимым представителям биологического разнообразия. В частности, эти критерии используются для отбора видов, рассматриваемых к включению в Красную книгу Российской Федерации и аналогичные региональные издания.

В соответствии с классификацией международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП): виды животных, растений и грибов оцениваются по ряду критериев, которые позволяют определить сте-

---

[4] *Иванова С.В.* Правовые проблемы по сохранению редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных»: теоретический аспект // «Аграрное и земельное право», № 4 (148), 2017.

[5] ГОСТ Р 59783-2021 «Охрана окружающей среды. Биологическое разнообразие. Критерии оценки редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов» // Эл. фонд правовых и нормативно-технических документов.

пень угрозы их исчезновения. Ниже приведены основные категории и их характеристики:

- **ИП** – **Исчезнувший в дикой природе** (Extinct in the Wild, EW): вид признан исчезнувшим, когда известно его существование только в искусственно созданной среде – в культуре, в неволе или как натурализованная популяция за пределами естественных для этого вида местообитаний исторического ареала;
- **ИР** – **Исчезнувший в Российской Федерации** (Regionally Extinct, RE): нахождение вида в природе не подтверждено (для беспозвоночных животных – в последние 100 лет, для позвоночных животных – в последние 50 лет), но возможность их сохранения нельзя исключить;
- **КР** – **Находящийся под критической угрозой исчезновения** (Critically Endangered, CR): вид признан находящимся под критической угрозой исчезновения, когда существует высокий риск исчезновения в природе;
- **НО** – **Вызывающий наименьшие опасения** (Least Concern, LC): вид признан находящимся под минимальной угрозой исчезновения, когда он соответствует критериям, но не может быть квалифицирован как КР, И или У; широко распространенные, но немногочисленные объекты включают в этот статус;
- **НД – Недостаточно данных** (Data Deficient, DD): вид относят к этому статусу, когда не имеется достаточной информации, прямой или косвенной, указывающей на угрозу его исчезновения.

Стоит также обратиться к такому источнику как Приказ МПР РФ от 06 апреля 2004 № 323 «Об утверждении Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов»[6]. В данном документе выделяются шесть категорий статуса редкости редких и находящихся под угрозой исчезновения видов в Российской Федерации; приняты шесть категорий статуса редкости групп организмов и популяций по степени угрозы их исчезновения:

0 – вероятно исчезнувшие;

1 – находящиеся под угрозой исчезновения;

[6] ГОСТ Р 59783-2021 «Охрана окружающей среды. Биологическое разнообразие. Критерии оценки редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов» // Эл. фонд правовых и нормативно-технических документов.

2 – сокращающиеся в численности;

3 – редкие;

4 – неопределенные по статусу;

5 – восстанавливаемые и восстанавливающиеся.

Российская правовая система в области охраны редких и исчезающих видов животных основывается на ряде ключевых нормативных актов, таких как Федеральный закон от 24 апреля 1995 № 52-ФЗ «О животном мире»[7]: определяет животный мир РФ как совокупность всех видов и диких животных, выделяет определение охраны животного мира;

Федеральный закон от 10 января 2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»[8] – данный нормативный акт относится к механизмам объектов охраны окружающей среды от загрязнения, истощения, деградации, порчи, уничтожения и иного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности земли, недра-почвы, поверхностные и подземные воды, леса и иную растительность, животных и другие организмы и их генетический фонд, атмосферный воздух, озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство (ст. 4).

Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 20 декабря 2004 № 166-ФЗ раскрывает основные принципы законодательства о рыболовстве и сохранении водных биоресурсов[9].

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ[10] содержит статьи, регламентирующие ответственность за несоблюдение установленных требований по защите природных территорий и маршрутов перемещения животных, нарушение регламента обращения с зоочлогическими коллекциями, неправомерные действия при интродукции, адаптации или селекции представителей фауны, незаконное использование объектов животного мира и нарушение правил сохранения водных биоресурсов, а также за истребление видов, зане-

[7] Федеральный закон от 24 апреля 1995г. № 52-ФЗ «О животном мире» (дата принятия: 24 апреля 1995г. Официальный источник опубликования: «Собрание законодательства Российской Федерации», № 17, 1995, ст. 1462.)

[8] Федеральный закон от 10 января 2002г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (дата принятия: 10 января 2002г., дата последней редакции. Официальный источник опубликования: «Собрание законодательства Российской Федерации», № 2, 2002, ст. 133.)

[9] Федеральный закон от 20 декабря 2004г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов».

[10] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001г. № 195-ФЗ.

сенных в Красную книгу и находящихся под угрозой исчезновения (ст. 8.35 КоАП РФ).

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ[11] также предусматривает некоторые виды ответственности за противоправные действия в отношении редких и исчезающих видов (к примеру, ст. 258.1 УК РФ).

Общие положения Распоряжения Правительства РФ от 17 февраля 2014 № 212-р «Об утверждении Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 года» определяют цели, задачи и направления государственной политики в области сохранения редких видов[12].

Красная книга Российской Федерации, обладающая особым статусом при регулировании темы исследования.

Данные документы определяют основные подходы и методы защиты животных, сохранения мест их обитания и управления использованием природных ресурсов.

В настоящее время на территории Российской Федерации реализуется комплекс результативных экологических проектов, направленных на охрану и восстановление численности видов животных, которые находятся под угрозой исчезновения.

Особого внимания заслуживает проект «Ирбис–Снежный Барс», инициированный в 2010 году под личным контролем президента РФ. Данный проект представляет собой комплексную программу мониторинга и изучения популяции снежного барса, которая осуществляется Институтом проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова Российской академии наук при активной поддержке Русского географического общества.

В 2021г. Русское географическое общество предоставило финансовую поддержку Государственному природному биосферному заповеднику «Саяно-Шушенский». Основной целью данного проекта является комплексное исследование и сохранение популяции снежного барса на территории заповедника, который представляет собой северную границу ареала обитания этого редкого хищника как в России, так и в мировом масштабе.

---

[11] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ.

[12] Распоряжение Правительства РФ от 17 февраля 2014г. № 212-р «Об утверждении Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 9, 2014, Ст. 927.)

В рамках данного проекта реализуется мультидисциплинарный подход к решению поставленных задач. Ключевыми направлениями деятельности являются:

– совершенствование системы охраны естественных местообитаний ирбиса в пределах охраняемой территории;

− модернизация системы мониторинга популяции снежного барса с применением современных технологий;

− разработка инновационных методик восстановления популяционных группировок посредством транслокации;

− реализация эколого-просветительских программ среди местного населения и заинтересованных сторон.

За последние годы в России наблюдается положительная динамика численности снежного барса (ирбиса). Если в 2015г. на территории страны насчитывалось всего 11 особей, то к настоящему времени их количество увеличилось до 87. Специалисты отмечают устойчивый рост популяции и ставят перед собой цель достичь показателя в 100 особей.

В 2024г. был проведен первый всероссийский учет снежного барса с применением современных технологий, включая искусственный интеллект. По результатам исследования, наибольшее количество ирбисов (54 особи) зафиксировано в Республике Алтай. В Республике Тыва обитает 15 особей, в Красноярском крае – 11, в Бурятии – 7. При этом в Иркутской области и Хакасии следы снежного барса в ходе исследования обнаружены не были, хотя ранее эти территории входили в ареал его обитания[13].

Положительная динамика численности снежного барса свидетельствует об эффективности принимаемых мер по охране этого редкого хищника. Успешное восстановление популяции является результатом комплексной работы по сохранению естественных мест обитания ирбиса и борьбе с браконьерством.

На территории Российской Федерации морские млекопитающие не имеют отдельно-закрепленный правовой статус. Их принято относить к водным биологическим ресурсам, что, в свою очередь, не позволяет учитывать все особенности видов при применении мер по их охране и использованию.

Инцидент с морскими млекопитающими в Приморском крае, получивший название «китовая тюрьма», выявил существенные недостатки в

[13]Эл. ресурс РИА Новости (дата публикации: 23.04.2024) // Официальный источник публикации. URL: https://ria.ru/20190620/1555757688.html (дата обращения: 23.04.2024).

российском законодательстве и спровоцировал широкий общественный резонанс, направленный на необходимость пересмотра государственной экологической политики. Особое внимание было уделено защите морских млекопитающих как части мирового природного наследия.

Благодаря совместным усилиям представителей культурной и научной общественности России и других стран, а также различных экологических организаций и активистов, проблема получила необходимый общественный резонанс. В результате были инициированы важные государственные решения: президент России определил круг задач для федеральных органов власти, включая Правительство РФ, Министерство природных ресурсов и экологию России, а также Генеральную прокуратуру РФ, касающиеся регулирования вопросов, связанных с морскими млекопитающими[14]. Кроме того, были внесены поправки в уголовное законодательство, а именно в статью 258.1 УКРФ. Параллельно с этим научное сообщество активно развивает теоретические исследования в данной области, публикуя новые работы по изучаемой проблематике.

В 2024г. у побережья Анапы Краснодарского края произошла серьезная экологическая катастрофа, которая привела к значительному загрязнению окружающей среды и негативно сказалась на флоре и фауне региона. Под угрозой оказался также «Роддом для дельфинов» в Таманском заливе. В результате происшествия погибло около ста китообразных, и лишь один дельфин был обнаружен на берегу живым, но в критическом состоянии. У большинства млекопитающих, которые остались живы, проблемы со здоровьем проявятся в ближайшие 3–4 года[15].

В Черном море обитает множество млекопитающих, находящихся на грани исчезновения, таких как дельфин-афалина, морская свинья (азовка), белобочка и другие. За последние 50 лет численность белобочек резко сократилась – с 1,5–2 миллионов особей до 50–90 тысяч. В отдельные годы уничтожалось до 100 тысяч белобочек. В общей сложности причерноморские страны истребили более 6,5 миллионов дельфинов[16].

Каждый год популяция дельфинов сокращается из-за различных факторов: браконьерства, химического загрязнения Черного моря, заболева-

[14] Эл. ресурс РИА Новости (дата публикации: 20.06.2019) // Официальный источник публикации. URL: https://ria.ru/20190620/1555757688.html (дата обращения: 06.05.2025).
[15] Эл. ресурс РИА Новости (дата публикации: 23.04.2024) // Официальный источник публикации. URL: https://ria.ru/20190620/1555757688.html (дата обращения: 23.04.2024).
[16] Там же.

ний, пластикового мусора и сетей-призраков. Несмотря на наличие негативных факторов, официальные представители заявили об отсутствии необходимости вводить ограничения на рыболовную деятельность в 2025г.

Следовательно, на данный момент одним из первостепенных вопросов является защита морских млекопитающих, в особенности, редких и находящихся на грани исчезновения поскольку исследуемые виды подвергаются не только химическим отравлениям, но также и негативной деятельности со стороны человека.

Для решения проблемы необходимо принимать меры на законодательном уровне. Во-первых, необходимо снизить квоты на вылов рыбы. Рыболовство является важной составляющей экономики региона и способствует обеспечению продовольственной безопасности государства. При этом проблема сохранения популяций дельфинов остается актуальной. Эксперты считают, что полный запрет на вылов рыбы ради защиты морских млекопитающих маловероятен. Стоит ввести более строгие требования к получению лицензий на рыболовство, включая ограничение количества лицензий и установление более высоких стандартов для их получения, что позволит контролировать объем вылова. Необходимо более тщательное проведение рейдов с проверкой документов и обеспечение соблюдения законодательства.

Во-вторых, частичный или полный отказ от такого вида деятельности, как «любительская рыбалка». Масштабный вылов популярных видов рыб рыболовами-любителями создает серьезную угрозу морским биоресурсам. Каждый рыболов-любитель в среднем добывает 16,5 кг рыбы, которую забирает с собой, и еще 1,2 кг выпускает обратно в море. Учитывая общее количество рыболовов, суммарный годовой улов любительского рыболовства достигает впечатляющей цифры в более 73 000 тонн[17].

Особенно опасно то, что объемы любительского лова значительно превышают показатели промышленного рыболовства. Обращаясь к статистике, в 2021г. промышленными рыбаками было добыто 18053 тонны ставриды, 454 тонны – кефали и 5612 тонн – голубой рыбы. Эти цифры демонстрируют, насколько существенной является нагрузка на рыбные запасы со стороны рыболовов-любителей, что создает реальную угрозу для сохранения биоразнообразия Черного моря.

[17] Эл. ресурс РИА Новости (дата публикации: 23.04.2024) // Официальный источник публикации. URL: https://ria.ru/20190620/1555757688.html (дата обращения: 23.04.2024).

В-третьих, замена материалов, установление специальных устройств для предотвращения гибели китообразных и т.д. Специалисты подчеркивают, что случаи гибели дельфинов в сетях происходят непреднамеренно – рыбаки не охотятся на этих животных специально. Для предотвращения подобных инцидентов в будущем требуется внести изменения в существующие правила рыболовства и разработать безопасные альтернативы «камбольным» сетям, представляющим наибольшую угрозу для морских млекопитающих. В правила рыболовства в Азово-Черноморском бассейне несколько лет назад были внесены поправки, касающиеся уменьшения толщины нитей в сетях для ловли камбалы. Насколько эти меры эффективны, пока неясно, но их соблюдение контролируется. Также проводятся исследования звуковых отпугивателей для морских млекопитающих (пингеров), однако на данный момент их эффективность научно не доказана. Существует необходимость более тщательной проработки правовых норм в отношении этой группы животных. Запуск регулярного мониторинга в целях отслеживания эффективности данных методов позволит вносить изменения в случаях необходимости и т.д.

В настоящее время наблюдается недостаточная степень осведомленности общественности по проблеме загрязнения окружающей среды нефтепродуктами, что обусловлено ограниченным освещением данного экологического кризиса в средствах массовой информации. Существует гипотеза о том, что проведение всестороннего научного анализа последствий данной техногенной катастрофы может способствовать повышению уровня внимания со стороны государственных органов управления к решению возникших экологических проблем.

Одним из существенных упущений в законодательстве остается регулирование использования животных для получения меха. Несмотря на прогресс в разработке современных материалов, позволяющих производить теплую и качественную одежду из искусственных и растительных волокон, в некоторых странах, включая Россию, продолжается практика разведения и убоя миллионов животных для изготовления меховых изделий. Среди таких животных – норки, лисицы, соболи, еноты, нутрии, рыси, бобры, ондатры, хорьки, шиншиллы. Кроме того, в больших количествах убивают кроликов, овец (для производства каракуля и мутона), а также собак и кошек, чей мех нередко выдается за более ценный.

Возникает вопрос о необходимости введения в России запрета на разведение и убой животных для получения меха, а также на импорт меха и

изделий из него. Это обусловлено не только этическими соображениями, но и принципами гуманного отношения к животным, а также поиском более современных и устойчивых альтернатив в производстве одежды.

Практика использования животных для получения меха ставит под угрозу сохранение некоторых видов. Например, дальневосточный леопард ранее активно использовался для этих целей и сейчас является одним из самых редких подвидов леопардов в мире, находясь под угрозой исчезновения. Мех дальневосточного леопарда высоко ценится на черном рынке, что делает его объектом незаконной торговли и создает дополнительную опасность для уязвимой популяции. Для защиты дальневосточного леопарда во многих странах введены строгие законы, запрещающие охоту на него и торговлю его мехом. Однако существующие меры, такие как Стратегия сохранения дальневосточного леопарда в Российской Федерации, не исключают угрозы для других видов животных.

Для устранения недостатков в сфере регулирования использования меха и защиты редких видов животных необходимо принять следующие меры:

1) усиление надзора за рынком меха: разработать и внедрить комплексные системы мониторинга, направленные на предотвращение продажи изделий из меха редких и исчезающих видов под видом более распространенных; эти меры могут включать создание специализированных лабораторий для проведения экспертиз, разработку информационных систем с данными о характеристиках меха различных видов, а также укрепление сотрудничества между правоохранительными органами и организациями, занимающимися охраной природы;

2) поддержка исследований и разработок альтернативных материалов: активно поощрять научные исследования и разработку новых материалов, которые могут заменить натуральный мех в производстве одежды и аксессуаров, что можно осуществить через предоставление грантов и субсидий научным учреждениям и частным компаниям, работающим в этой области, а также организацию конкурсов и программ, направленных на поощрение разработок экологически чистых и этичных материалов;

3) ужесточение законодательства в отношении незаконной охоты и торговли мехом редких видов: пересмотреть и ужесточить законодательные нормы, регулирующие ответственность за незаконную добычу и тор-

говлю мехом редких и исчезающих видов, эти меры могут выражаться в увеличении размеров штрафов, введении более строгих мер уголовной ответственности и разработке механизмов конфискации незаконно полученных средств и имущества у нарушителей.

Эффективная реализация этих мер потребует активизации работы правоохранительных органов и судебной системы в области выявления и расследования случаев браконьерства и незаконной торговли мехом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Музыкаева Х.С., Атаева А.А., Исраилова С.А.* Исследования в области экологии и защиты окружающей среды. М., «Наука», 2023, 250с.
2. *Гусева А.А*. Понятие редкости вида, критерии и причины редкости // «Юный ученый», № 5 (79), 2024. СС. 130–133.
3. *Иванова С.В.* Правовые проблемы по сохранению редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных»: теоретический аспект // «Аграрное и земельное право», № 4 (148), 2017.
4. ГОСТ Р 59783-2021 «Охрана окружающей среды. Биологическое разнообразие. Критерии оценки редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов» // Эл. фонд правовых и нормативно-технических документов.
5. Федеральный закон от 24 апреля 1995г. № 52-ФЗ «О животном мире» (дата принятия: 24 апреля 1995г. Официальный источник опубликования: «Собрание законодательства Российской Федерации», № 17, 1995, ст. 1462).
6. Федеральный закон от 10 января 2002г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (дата принятия: 10 января 2002г., дата последней редакции. Официальный источник опубликования: «Собрание законодательства Российской Федерации», № 2, 2002, ст. 133).
7. Федеральный закон от 20 декабря 2004г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов».
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001г., № 195-ФЗ.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ.
10. Распоряжение Правительства РФ от 17 февраля 2014г. № 212-р «Об утверждении Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 года»// Собрание законодательства Российской Федерации, № 9, 2014, ст. 927).

11. Эл. ресурс РИА Новости (дата публикации: 23.04.2024) // Официальный источник публикации. URL: https://ria.ru/20190620/1555757688.html (дата обращения: 23.04.2024).
12. Эл. ресурс РИА Новости (дата публикации: 20.06.2019) // Официальный источник публикации. URL: https://ria.ru/20190620/1555757688.html (дата обращения: 06.05.2025).

LEGAL PROTECTION OF RARE AND ENDANGERED ANIMAL SPECIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

A. Pogorelova, M. Kuzmina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Orenburg Institute (Branch)

ABSTRACT

The article examines the legal mechanisms for the protection of rare and endangered animal species in the Russian Federation. The author analyzes the current legislation system, including the Federal Law "On Wildlife" and the provisions of the Red Data Book of the Russian Federation. Legal instruments such as the special protection regime, the prohibition of removal from the natural environment, regulation of economic activities in species' habitats, as well as issues of civil and criminal liability for violations are considered. The study identifies major gaps in law enforcement practice, including problems related to damage compensation and control over the illegal trafficking of derivatives. Proposals for improving legislation aimed at preserving biodiversity and implementing the sustainable development strategy are formulated.

Keywords: Environmental law, rare animal species, endangered species, Red Data Book of the Russian Federation, legal protection, biodiversity conservation, habitat, liability for environmental crimes, removal from natural environment, specially protected natural areas (SPNA).

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-165-178

ԱՇԽԱՏՈՂԻ՝ ՄԱՍՆԱՎՈՐ ՇԱՀՈՎ ԱՌԱՋՆՈՐԴՎԵԼՈՒ ՎԱՐՔԱԳԾԻ ԻՐԱՎԱԿԱՆ ԳՆԱՀԱՏԱԿԱՆԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ ԱՇԽԱՏԱՆՔԱՅԻՆ ԻՐԱՎԱՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ

Գ.Մ. Սարգսյան

Ռուս-հայկական համալսարան
Իրավունքի ինստիտուտ

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում անդրադարձ է կատարվում տարբեր նպատակներով և հակադիր շահերով օժտված սուբյեկտների՝ գործատու-աշխատող փոխհարաբերություններին, խոսվում է աշխատանքային հարաբերություններում առաջացող շահերի բախման իրավիճակների մասին այն դեպքերում, երբ աշխատանքային գործառույթներից բխող պարտականությունները կատարելիս աշխատողը չի գործում գործատուի օգտին, այլ սկսում է առաջնորդվել իր անձնական, մասնավոր շահերով: Հոդվածում անդրադարձ է կատարվում նաև շահերի բախման էության բացահայտման, ինչպես նաև նման իրավիճակների կանխարգելման, պատասխանատվության, վնասների հատուցման մեխանիզմներին առնչվող խնդիրներին:

Հոդվածում վեր են հանված աշխատողի՝ մասնավոր շահով առաջնորդվելու վարքագծի իրավական գնահատականի հիմնախնդիրները աշխատանքային իրավահարաբերություններում: Հիմնախնդիրների վերաբերյալ ներկայացված են հեղինակի մոտեցումներն ու հիմնախնդիրների լուծման հնարավոր տարբերակները:

Հիմնաբառեր՝ մասնավոր շահ, շահերի բախում, գործատուի օգտին աշխատանք, աշխատանքային գործառույթներ:

Ներածություն

Այն, որ աշխատանքը բացառիկ դեր ունի ինչպես առանձին անհատների, այնպես էլ ողջ հասարակության, ներառյալ տնտեսական գործու-

նեության տարբեր ճյուղերի գոյությունն ու զարգացումն ապահովող կազմակերպությունների համար, իրողություն է, որի հետ առերեսվել է ժամանակակից աշխարհը։ Հատկապես արդի ժամանակներում, երբ հասարակական կյանքի տարբեր ոլորտներում հատուկ պաշտպանության կարիք ունեն առևտրային գաղտնիք պարունակող տվյալները, երբ լայնորեն գործարկվում են բարձր տեխնոլոգիաներն ու առանձնակի կարևորվում են գործընկերային կապերն ու գործարար էթիկան, առանց աշխատող և գործատու շահերի հավասարակշռման, աշխատողի մասնավոր շահի զսպման արդյունավետ մեխանիզմների գործարկման, հնարավոր չէ ապահովել տնտեսավարող սուբյեկտների բնականոն ու արդյունավետ գործունեությունը, հետևապես նաև առանձին ոլորտների զարգացումը։

Հասարակության կյանքում աշխատանքի դերի կարևորության, աշխատողների կողմից տիրապետվող տվյալների բովանդակային սահմանների ընդլայնման, այդպիսի տվյալներն իրենց մասնավոր շահերին ծառայեցման միտումների հետ մեկտեղ տեսությունում արդեն իսկ կարևորվել է *աշխատողի և գործատուի օրինական շահերի զուգակցման սկզբունքը*։ Ինչպես նշվում է տեսական գրության մեջ, աշխատանքային հարաբերություններում առկա են հակասական շահեր՝ պայմանավորված «կապիտալի» (արտադրական շահ) և «աշխատուժի» (սոցիալական շահ) մշտական հակադրությամբ։ Տվյալ դեպքում գործ ունենք տարբեր նպատակներով ու հակադիր շահերով օժտված սուբյեկտների փոխհարաբերությունների կարգավորման հետ։

Հոդվածը նպատակ ունի համապարփակ կերպով վերլուծել աշխատողի՝ մասնավոր շահով առաջնորդվելու վարքագծի դրսևորման պարագայում վրա հասնող պատասխանատվության տեսակի, այդպիսի վարքագծի արդյունքում գործատուի կրած վնասների հատուցման գործող կարգավորումների էությունը, ինչպես նաև վերհանել այս բնագավառում օրենսդրական բացերն ու խնդիրները։

Նշվածից բացի, հոդվածում առանձնահատուկ կարևորվում են աշխատանքային հարաբերություններում ոչ միայն շահերի բախման իրավիճակում առաջացած հետևանքների հետ կապված հարցերը, այլ նման իրավիճակների կանխարգելմանն ուղղված գործուն մեխանիզմների և համապատասխան իրավակարգավորումների նախատեսումը։ Այս առումով հե-

ղինակն անհրաժեշտ է համարել անդրադառնալ շահերի բախման էության բացահայտմանը. այս նպատակով մասնավոր ոլորտում առկա աշխատանքային հարաբերությունները իրավահամեմատական մեթոդի կիրառմամբ, վերլուծվել են հանրային ծառայողների կողմից շահերի բախման իրավիճակի վերաբերյալ ներպետական օրենսդրությամբ գործող կարգավորումների ու դրանց զարգացման միտումների համատեքստում:

Սույն հոդվածում հետազոտություններն իրականացվել և դրանց արդյունքում վերհանված խնդիրների լուծմանն ուղղված առաջարկները կատարվել են՝ հիմնվելով տեսական այն հիմնադրույթի վրա, որի համաձայն՝ աշխատանքային հարաբերությունների կարգավորման ժամանակ համադրվում են հրամայական (նորմատիվային) և դիսպոզիտիվ (պայմանագրային) մեթոդները, այսինքն՝ ***աշխատանքային իրավունքի մեթոդը կրում է համալիր բնույթ***:

Հասարակական հարաբերությունների զարգացմանը զուգահեռ այսօր բիզնեսը պահանջում է գաղափարների ներդրման համար մեծ ռեսուրսներ, մտավոր գործունեության արդյունքների պահպանմանը, ամուր գործնական կապերի ձևավորմանն ուղղված ջանքեր: Յուրաքանչյուր դեպքում, երբ այդ ջանքերն ու ռեսուրսները աշխատողի՝ մասնավոր շահերով առաջնորդվելու վարքագծի արդյունքում ծառայում են ի վնաս կազմակերպության, աշխատանքային իրավունքի խնդիրն է դառնում օրենսդրորեն ամրագրել գործատուի օրինական շահերի պաշտպանության գործուն կառուցակարգեր: Դրանք կարող են արդյունավետորեն գործել այն պարագայում, երբ նպատակաուղղված են զսպելու և կանխարգելելու աշխատողի՝ մասնավոր շահերով առաջնորդվելու վարքագծի դրսևորումները: Պատահական չէ, որ գործատու-աշխատող հակասական շահերի կառավարման նպատակով ներքին մեխանիզմներ արդեն իսկ գործում են կոռուպցիոն ռիսկին առավել հակված այնպիսի կազմակերպություններում, ինչպիսիք են բանկերը, բջջային օպերատորները, ինչպես նաև հանրային ծառայությունները սպասարկող այլ կազմակերպությունները:

Հայաստանի Հանրապետության Սահմանադրությունը երաշխավորում է յուրաքանչյուր անձի կողմից աշխատանքի ազատ ընտրության իրավունքը: Այս իրավունքի իրականացման գործընթացը կազմակերպվում է տարբեր սուբյեկտների (գործատու, աշխատող) մասնակցությամբ, որոն-

ցից յուրաքանչյուրն իր գործառույթների և պարտականությունների շրջանակում ապահովում է իր առջև դրված խնդիրների ու նպատակների կենսագործումը:

Աշխատանքային օրենսդրությամբ սահմանված իրավակարգավորման համաձայն՝ գործատուն աշխատանքային հարաբերության այն մասնակիցն է, որն աշխատանքային պայմանագրի հիման վրա և (կամ) օրենքով սահմանված կարգով օգտագործում է քաղաքացիների աշխատանքը: Աշխատանքային օրենսդրությամբ սահմանված դրույթներով բացահայտված է նաև աշխատող հասկացությունը, որի համաձայն՝ աշխատողն աշխատանքային օրենսգրքով սահմանված տարիքի հասած գործունակ քաղաքացին է, որն աշխատանքային պայմանագրի հիման վրա գործատուի օգտին կատարում է որոշակի աշխատանք՝ ըստ որոշակի մասնագիտության, որակավորման, պաշտոնի կամ համապատասխան կրթական ծրագրի որակավորման նկարագրի: Միաժամանակ, աշխատանքային օրենսդրությամբ աշխատողի հիմնական պարտականությունները սահմանող դրույթներից հետևում է, որ աշխատողը պարտավոր է բարեխղճորեն կատարել աշխատանքային պայմանագրով ստանձնած պարտավորությունները, իրականացնել Հայաստանի Հանրապետության օրենքներով, այլ նորմատիվ իրավական ակտերով, աշխատանքային պայմանագրով, պաշտոնի անձնագրով, գործատուի ներքին և անհատական իրավական ակտերով իրեն վերապահված գործառույթներ:

Այսինքն, օրենսդրորեն ամրագրված է գործատուի՝ աշխատողի կողմից կատարվող աշխատանքն իր օգտին օգտագործող սուբյեկտ հանդիսանալու էությունը, իսկ աշխատողի պարագայում՝ գործատուի կողմից իրեն տրված գործառույթների հիման վրա աշխատանք կատարողի, որը պետք է ուղղված լինի բացառապես գործատուի շահի իրացմանը:

Աշխատանքային հարաբերություններին բնորոշ բաղադրիչ է այն, որ աշխատողը պետք է ունենա իրեն վերապահված գործառույթներ, որոնց իրականացումը ենթադրում է ինչպես պարտականությունների, այնպես էլ իրավունքների որոշակի ծավալ: Գործնականում աշխատողն իրեն վերապահված գործառույթներն իրականացնելիս օժտված է լինում լայն տեղեկատվության տիրապետման իրավական հնարավորությամբ, որոնց շրջանակում կարող են լինել ինչպես առևտրային գաղտնիք պարունակող, այն-

պես էլ գործարար կապերի, շուկայի վերլուծական տվյալներ պարունակող սահմանափակ օգտագործման տեղեկատվություն։

Աշխատանքի իրավունքը պատմականորեն ընդգրկված է մարդու սոցիալ-տնտեսական իրավունքների շարքում։ Հարկ է նշել, սակայն, որ հասարակական հարաբերությունների զարգացման պայմաններում, աշխատողը միայն սոցիալական շահով չէ, որ առաջնորդվում է. աշխատանքը չի դիտակվում միայն որպես վերջինիս կենսաապահովման միջոց, այլ այն դիտարկվում է՝ աշխատողի ինքնադրսևորման հնարավորություն։ Այսօր արդեն աշխատանքի ազատ ընտրության իրավունքը ենթադրում է անձի՝ իր կարողություններին և մասնագիտական ունակություններին համապատասխան աշխատանք ունենալու սոցիալական հնարավորություն, ընդ որում՝ աշխատողի ունակություններն ու կարողություններն իրենց հերթին ձևավորվում և զարգանում են աշխատանքի կատարման ընթացքում՝ ելնելով անձի նպատակներից, ձգտումներից։

Կախված աշխատողի նպատակներից՝ գործատուի մոտ առկա սահմանափակ բնույթի տեղեկատվությունը աշխատողը կարող է օգտագործել՝ ուղղելով ոչ թե գործատուի օգտին կատարվող աշխատանքի ապահովմանը, այլ իր համար ձեռնտու իրավիճակի ստեղծմանը, օգուտներ ստանալուն։ Օրինակ, աշխատողը կարող է աշխատանքի բերումով իրեն հասանելի գործնական կապերն օգտագործել բացառապես իր անձնական շահերի համար, երբ առկա է համանման ոլորտում ծառայություն մատուցող ընկերություն, որը ղեկավարում է իր ընտանիքի անդամը կամ իր հետ մերձավոր ազգակցությամբ և խնամիությամբ կապված այլ անձ։ Նշված պարագայում աշխատողն, օգտագործելով ստեղծված հնարավորությունը, երբ գործատուի միջոցների հաշվին գործուղման ընթացքում անձնապես ճանաչում է ձեռք բերում որոշակի գործարար շրջանակներում, գործատուի օգտին գործարար հարաբերությունների զարգացմանն ուղղված գործողությունների փոխարեն, առաջնորդվելով մասնավոր շահով, սկսում է աշխատել իր մտերիմի կողմից ղեկավարվող կազմակերպության օգտին։

Նմանօրինակ դեպքերում արդեն իսկ առկա են լինում ռիսկեր, որ աշխատողն իր աշխատանքային գործառույթներից բխող պարտականությունները կատարելիս, հնարավոր է, որ առաջնորդվի իր մասնավոր շահերով։ Մասնավոր շահով առաջնորդվող աշխատողի գործողությունները

գործնականում կարող են դրսևորվել տարբեր ձևերով, բայց այդ մասնավոր շահերն ունեն մեկ ընդհանրական բնորոշում. առաջ է մղվում և իրագործվում է անձնական շահը, որը հակառակ ազդեցություն ունի գործատուի շահի վրա: Միաժամանակ, գործատուն աշխատողին վերապահում է որոշակի լիազորություններ կոնկրետ աշխատանքի կատարման համար և վարձատրում նրան: Այս կերպ աշխատանքային հարաբերություններում առաջ են գալիս շահերի բախման իրավիճակներ, իսկ դրանց առարկայացման արդյունքում գործատուն շատ հաճախ լուրջ վնասներ է կրում:

Ավելին, կախված նրանից, թե ինչ հաստիք է անձը զբաղեցնում կոնկրետ գործատուի մոտ, աշխատողը կարող է օժտված լինել որոշումների կայացման իրավասությամբ: Դիցուք, կազմակերպության գործադիր մարմնի ղեկավարն իր հերթին հանդիսանում է վարձու աշխատող, և կախված նրանից, թե ինչ կազմակերպաիրավական ձևով է գործում կազմակերպությունը, կոնկրետ տեսակի իրավաբանական անձանց գործադիր մարմնի ղեկավարի լիազորությունների ծավալները տարբեր են և սահմանվում են այդ իրավաբանական անձանց գործունեությունը կարգավորող առանձին օրենքներով: Ղեկավար պաշտոն զբաղեցնող աշխատողների պարագայում օրենսդրորեն առավել մեծ հնարավորություններ են ընձեռվում մասնավոր շահի դրսևորման առումով: Այսինքն՝ բոլոր դեպքերում աշխատողի մասնավոր շահերով առաջնորդվելու վարքագիծը կարող է դրսևորվել աշխատանքային պայմանագրի կամ օրենքներով, այլ իրավական ակտերով աշխատողին վերապահված գործառույթների իրականացմամբ, երբ մասնավոր շահի ազդեցությամբ այդ գործառույթներն արդյունավետ և անաչառ կերպով չեն ապահովվում, փոխարենը ծառայում են աշխատողին կամ այդ աշխատողի հետ փոխկապակցված անձանց ու կազմակերպություններին՝ խաթարելով գործատուի շահը:

Այսպիսով, իրավական խնդիր է առաջանում կանոնակարգելու այն աշխատանքային հարաբերությունները, որոնք ուղղված են՝

- բացահայտելու այն իրավիճակները, որոնցում կարող են դրսևորվել մասնավոր շահեր;
- կառավարելու, կանխարգելելու նման իրավիճակների առաջացումը;
- մասնավոր շահի ազդեցության հետևանքով պատճառված վնասի հատուցման գործուն կառուցակարգերի նախատեսմանը:

Գործատու-աշխատող շահերի կառավարումն այսօր անհրաժեշտաբար հանդիսանում է կոռուպցիոն ռիսկի զսպման մեխանիզմ ոչ միայն հանրային, այլ նաև մասնավոր իրավահարաբերություններում: Մինչդեռ, ի տարբերություն հանրային ոլորտի, մասնավոր ոլորտում շահերի բախման իրավիճակների վերաբերյալ ուղղակի կարգավորումներ առկա չեն:

Այսպես, հանրային հատվածում պետական ծառայության տարբեր տեսակի պաշտոն զբաղեցնող անձանց մասնավոր շահերով առաջնորդվելու հետ կապված հարցերն արդեն իսկ կարգավորված են «Հանրային ծառայության մասին» օրենքում (այսուհետ՝ նաև Օրենք): Մասնավորապես, Օրենքով սահմանված իրավակարգավորման համաձայն՝ *շահերի բախումն իրավիճակ է,* երբ պաշտոն զբաղեցնող անձի մասնավոր շահերն ազդում են կամ կարող են ազդել վերջինիս պաշտոնեական պարտականությունների անաչառ և օբյեկտիվ կատարման վրա: Օրենքով սահմանված է նաև, որ պաշտոն զբաղեցնող անձը պետք է խուսափի շահերի բախման իրավիճակի առաջացումից, ձեռնպահ մնա շահերի բախման իրավիճակում գործողություն (անգործություն) կատարելուց կամ որոշում ընդունելուց: Օրենքում ամրագրված դրույթներով բացահայտված են նաև մասնավոր շահի բովանդակային շրջանակը, դրսևորման ձևերը: Այսպես, Օրենքով սահմանված է, որ պաշտոն զբաղեցնող անձի մասնավոր շահը ներառում է որևէ արտոնություն իրեն կամ իր հետ փոխկապակցված անձանց, ինչպես նաև այն անձանց կամ կազմակերպություններին, որոնց հետ ինքը կամ իր հետ փոխկապակցված անձն ունի գործարար, քաղաքական կամ այլ գործնական կամ անձնական հարաբերություններ:

Նշված իրավակարգավորումից հետևում է, որ շահերի բախման իրավիճակը բնորոշ է ոչ միայն այն դեպքերին, երբ անձի մասնավոր շահն արդեն իսկ ազդել է, այլև այն դեպքերին, երբ այն կարող է ազդել աշխատանքային պարտականությունների անաչառ և օբյեկտիվ կատարման վրա: Այսինքն, իրավիճակային շահերի բախման դեպքում գործ ունենք ոչ միայն ավարտուն արարքի՝ գործողության կամ անգործության հետ, այլև մասնավոր շահի հնարավոր ազդեցության հետ, որը պայմանավորված է կոնկրետ իրավիճակով և ապագայում կարող է ազդել պաշտոնատար անձի պաշտոնական պարտականությունների անաչառ և օբյեկտիվ կատարման վրա: Օրենքով նախատեսված դեպքերում իրավիճակային շահերի բախման վե-

րաբերյալ սահմանված դրույթների խախտումն առաջացնում է վարչական կամ կարգապահական պատասխանատվություն։

Աշխատանքային օրենսդրությամբ նույնպես նախատեսված են աշխատողին կարգապահական պատասխանատվության ենթարկելու դեպքերին վերաբերող կարգավորումներ։ Դրանցում առկա չեն ուղղակի ձևակերպումներ աշխատողի կողմից շահերի բախման իրավիճակում գործելու, մասնավոր շահով առաջնորդվելու դեպքերի վերաբերյալ, այնուամենայնիվ, բոլոր այն դեպքերում, երբ գործ ենք ունենում աշխատողի կողմից մասնավոր շահով առաջնորդվելու վարքագծի հետևանքով գործատուին հասցրած վնասի հետ, կիրառելի են դառնում կարգապահական պատասխանատվության գործող կարգավորումները։

Այսպես, Աշխատանքային օրենսգրքի 122-րդ և 223-րդ հոդվածների բովանդակությունից հետևում է, որ նույն օրենսգրքով նախատեսված դեպքերում աշխատողի նկատմամբ վստահությունը կորցնելու պարագայում նախատեսված է կարգապահական պատասխանատվություն, որի էությունը կայանում է նրանում, որ աշխատողի նկատմամբ կիրառվում է կարգապահական տույժ աշխատանքային պայմանագրի լուծման ձևով։ Մասնավորապես, աշխատողի նկատմամբ վստահությունը կորցնելու առանձին հիմք է դիտարկվում այն դեպքը, երբ աշխատողը կատարել է այնպիսի արարք, որի հետևանքով գործատուն կրել է կամ կարող էր կրել նյութական վնաս։

Ընդ որում՝ Աշխատանքային օրենսգրքի՝ գործող խմբագրությամբ վերոնշյալ կարգավորումն ուժի մեջ է մտել 31.07.2023 թվականին (03.05.2023 թվականին ընդունված «Հայաստանի Հանրապետության աշխատանքային օրենսգրքում փոփոխություններ և լրացումներ կատարելու մասին» ՀՕ-160-Ն օրենքով)։ Օրենսդրական նշված փոփոխությունն, ըստ էության, ուղղված է աշխատանքային իրավունքում հասարակական հարաբերությունների զարգացմամբ թելադրվող իրավակարգավորումների նախատեսմանը։ Մինչև նշված օրենքի ուժի մեջ մտնելը գործող խմբագրությամբ քննարկվող դրույթում աշխատողի կողմից խախտման դեպքը պայմանավորված է եղել միայն դրամական կամ ապրանքային արժեքներ սպասարկելիս կատարվող արարքներով, որի հետևանքով գործատուն կրել է նյութական վնաս։ Ինչպես նկատեցինք, գործող կարգավորումներով վստա-

հության կորստին հանգեցնող արարքների բնույթը որևէ կերպ առանձնացված չէ, և դրանք կարող են վերաբերել աշխատանքային գործունեության ընթացքում աշխատողի կողմից թույլ տրված ցանկացած արարքի հետևանքով առաջացած վնասին, այդ թվում՝ աշխատողի՝ մասնավոր շահերով առաջնորդվելու վարքագծի արդյունքում գործատուին պատճառված վնասին:

Օրենսդրական փոփոխությունների արդյունքում քննարկվող հոդվածը ավելացվել է նաև նոր կետով՝ կապված աշխատանքային, ծառայողական տեղեկատվության անօրինական (առանց գործատուի համաձայնեցման կամ տեղեկացման) օգտագործման հետ: Նշվածը ևս բնորոշ է ժամանակակից աշխատանքային հարաբերություններին, որտեղ առանձնահատուկ կարևորվում է աշխատանքային, ծառայողական տեղեկատվությունը, և այն անօրինական կերպով օգտագործելը պետք է անխուսափելի դարձներ աշխատողի նկատմամբ վստահության կորստի հիմքով աշխատանքային պայմանագրի լուծման վերաբերյալ օրենսդրական կարգավորումների ամրագրումը: Նման տեղեկատվությունն ապօրինի օգտագործելու հետ կապված աշխատողի վարքագիծն, իր հերթին, գործնականում մեծամասամբ դրսևորվում է աշխատողի՝ մասնավոր շահերի առաջնորդմամբ:

Կարգապահական պատասխանատվությունից բացի, Աշխատանքային օրենսգիրքն առանձնահատուկ կարգավորման է ենթարկել նաև ***կողմերի նյութական պատասխանատվության*** առթիվ ծագող հարաբերությունները՝ կապված աշխատանքային իրավունքի սուբյեկտների կողմից միմյանց վնաս պատճառելու փաստի հետ: Եթե քաղաքացիական իրավահարաբերություններում վնասը հատուցվում է լրիվ չափով, և օրենքը միայն դատարանին է վերապահում հասցված վնասը մասամբ հատուցելու պարտականություն սահմանելու հնարավորությունը, մինչդեռ, աշխատանքային իրավահարաբերություններում աշխատողն օրենքի ուժով կրում է սահմանափակ նյութական պատասխանատվություն, բացառությամբ օրենսդրությամբ կամ պայմանագրով նախատեսված դեպքերի:

Ընդ որում, կարգավորման առանձնահատկությունը ոչ միայն վերաբերում է վնասի հատուցման ծավալին, այլ նաև հիմքերին: Դրանք սպառիչ կերպով թվարկված են Աշխատանքային օրենսգրքի 237-րդ հոդվածում և

առնչվում են գործատուի գույքը փչացնելու կամ կորցնելու, նյութական արժեքների փչացման, կորստի, ոչ պատշաճ պահպանման, անորակ արտադրանքի, գործատուին պատկանող գույքը փչացնելու պատճառով կատարված ծախսերի, նյութերի գերածախս թույլ տալու, ինչպես նաև աշխատողի կողմից աշխատանքային պարտականությունները կատարելիս այլ անձանց պատճառված վնասը գործատուի կողմից հատուցման դեպքերին: Այս առումով պետք է նշել, որ աշխատանքային օրենսդրությամբ նախատեսված չէ վնասի հատուցման որևէ դեպք, որը կարող էր բովանդակել աշխատողի՝ մասնավոր շահերով գործելու արդյունքում գործատուին պատճառած վնասի հատուցմանը վերաբերող դրույթներ:

Ստացվում է, որ աշխատանքային պայմանագիրը լուծելու ձևով աշխատողին կարգապահական պատասխանատվության ենթարկելուց բացի, գործատուն աշխատանքային օրենսդրությամբ սահմանված պահանջների պահպանմամբ անգամ իրավասու չէ նյութական վնասի հատուցում պահանջել աշխատողից այն դեպքերում, երբ վերջինս իր աշխատանքային գործառույթներն իրականացնելիս առաջնորդվել է մասնավոր շահով, որի արդյունքում գործատուն վնաս է կրել: Հետևաբար, այս առումով անհրաժեշտ է լինելու օրենսդրորեն ամրագրել համապատասխան կարգավորումներ՝ նման դեպքերում չսահմանափակելով նաև նյութական պատասխանատվության ծավալները:

Կարգապահական պատասխանատվությունից բացի, Քրեական օրենսգրքով սահմանված կոռուպցիոն հանցագործությունների ցանկում ներառված է մասնավոր ոլորտում ծառայողական լիազորությունները կամ դրանցով պայմանավորված ազդեցությունը չարաշահելու հանցագործությունը:

01.07.2022 թվականին ուժի մեջ մտած նոր Քրեական օրենսգրքի 277-րդ հոդվածով սահմանված հանցակազմը բնորոշվում է որպես կազմակերպության աշխատողի կողմից օրենսդրությամբ իրեն վերապահված լիազորությունները կամ դրանցով պայմանավորված ազդեցությունն ի վնաս այդ կազմակերպության շահերի օգտագործելը կամ իր ծառայողական պարտականությունը չկատարելը կամ ոչ պատշաճ կատարելը, կամ այնպիսի արարք կատարելը, որը չի բխում իր լիազորություններից կամ դուրս է իր լիազորությունների շրջանակից, որն էական վնաս է պատճառել

անձի կամ կազմակերպության իրավունքներին, ազատություններին կամ օրինական շահերին կամ հասարակության կամ պետության օրինական շահերին։

Քրեական նոր օրենսգրքում տեղ գտած հայեցակարգային մոտեցումների և նոր ինստիտուտների մեկնաբանման ուղեցույցի հեղինակների կարծիքով գործող նոր Քրեական օրենսգրքի 277-րդ հոդվածով սահմանված հանցակազմը նույնական է Քրեական նախկին օրենսգրքի 214-րդ հոդվածում տեղ գտած՝ առևտրային կամ այլ կազմակերպությունների ծառայողների կողմից լիազորությունները չարաշահելու հանցակազմին:

Ի տարբերություն Քրեական նախկին օրենսգրքի, Քրեական նոր օրենսգրքում նախատեսված հանցակազմը, թեև չի պարունակում «իր կամ ուրիշ անձանց օգտին օգտագործելու կամ առավելություններ ձեռք բերելու (--) նպատակով» օրենսդրական ձևակերպումները, այնուամենայնիվ կազմակերպության աշխատակիցը կարող է օգտագործել իր կարգադրիչ և այլ լիազորությունները ի վնաս կազմակերպության շահերին, երբ առկա է կազմակերպության շահերին հակադրվող մասնավոր շահ: Հետևապես, բոլոր այն դեպքերում, երբ առկա չէ աշխատողի լիազորությունների չարաշահման հանգամանքով պայմանավորված՝ Քրեական օրենսգրքի իմաստով կազմակերպությանը էական վնաս պատճառելու արարք, կիրառելի են դառնում Աշխատանքային օրենսգրքով նախատեսված կարգապահական, ինչպես նաև նյութական պատասխանատվության վերաբերյալ կարգավորումները: Այսպիսով, աշխատողի՝ մասնավոր շահով առաջնորդվելու վարքագծին, ինչպես նաև այդպիսի վարքագծի արդյունքում պատճառված վնասի հատուցմանն առնչվող հարցերը իրավական առումով կանոնակարգման կարիք ունեն, հետևաբար Աշխատանքային օրենսգրքում բովանդակային փոփոխություններ և լրացումներ կատարելու անհրաժեշտություն է առկա:

Եզրակացություն

Աշխատանքային իրավահարաբերություններում, ելնելով աշխատողի՝ մասնավոր շահով առաջնորդվելու վարքագծի իրավական գնահատման, ինչպես նաև գործատու-աշխատող շահերի զսպման և հավասարակշռման անհրաժեշտությունից՝ առաջարկվում է օրենսդրորեն ամրա-

գրել շահերի բախման իրավիճակի հասկացությունը, բացահայտել աշխատողի մասնավոր շահի բովանդակային սահմանները: Այս առումով մասնավորապես առաջարկվում է աշխատանքի անցնելիս գործատուին ներկայացվող փաստաթղթերի շարքում ներառել աշխատանքային օրենսդրության իմաստով շահերի բախման բացակայության մասին հայտարարության ներկայացման պահանջ: Առաջարկվում է աշխատողի կողմից գործատուին նման հայտարարություն ներկայացնելու պահանջ սահմանել նաև կոնկրետ հանձնարարությունների կատարման կապակցությամբ մինչև աշխատանքային գործառույթների կատարմանն անցնելը, երբ, կոնկրետ հանձնարարականի բնույթով պայմանավորված, աշխատողը կարող է հայտնվել շահերի բախման իրավիճակում: Միաժամանակ անհրաժեշտ կլինի նաև աշխատողի պարտականությունների շրջանակում ամրագրել այնպիսի կարգավորում, որի համաձայն՝ վերջինս պարտավոր է խուսափել շահերի բախման իրավիճակի առաջացումից, ձեռնպահ մնալ շահերի բախման իրավիճակում գործողություն (անգործություն) կատարելուց կամ որոշում ընդունելուց:

Նման օրենսդրական կարգավորումների ամրագրմամբ հնարավոր կլինի կանխարգելել աշխատանքային իրավահարաբերություններում շահերի բախման իրավիճակների առաջացումը, հետևաբար նաև՝ սահմանափակել, ընդհուպ մինչև չեզոքացնել աշխատողի կողմից մասնավոր շահով առաջնորդվելու վարքագծի դրսևորումները:

Առաջարկվում է վերանայել և հստակեցնել աշխատողի նկատմամբ վստահության կորստի հիմքով աշխատանքային պայմանագրի լուծման դեպքերը՝ կարգապահական խախտում դիտարկելով նաև այն դեպքերը, երբ աշխատողը հայտնվել է շահերի բախման իրավիճակում, սակայն այդ մասին չի հայտարարել գործատուին և առանց շահերի բախման հանգամանքների վերաբերյալ գործատուի առաջարկությունը հայցելու և ստանալու, կատարել է գործատուի շահերին հակասող արարք:

Առաջարկվում է օրենսդրորեն ամրագրել նյութական վնասի հատուցում պահանջելու իրավական հնարավորություն գործատուների համար. մասնավորապես, Աշխատանքային օրենսգրքով նախատեսել աշխատողի կողմից լրիվ ծավալով վնասի հատուցման դեպք, երբ վերջինս իր աշխատանքային գործառույթներն իրականացնելիս, առաջնորդվելով նույն օրենսգրքի իմաստով մասնավոր շահով, վնաս է պատճառել գործատուին:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Աշխատանքային օրենսգիրք, ընդունված՝ 09.11.2004թ.:
2. «Հանրային ծառայության մասին» ՀՀ օրենք, ընդունված՝ 23.03.2018թ.:
3. Քրեական օրենսգիրք,ընդունված՝ 05.05.2021թ.:
4. Քրեական օրենսգիրք, ընդունված՝ 18.04.2003թ., ուժը կորցրած՝ 01.07.2022թ.:
5. Քրեական նոր օրենսգրքում տեղ գտած հայեցակարգային մոտեցումների և նոր ինստիտուտների մեկնաբանման ուղեցույց https://moj.am/storage/uploads/
6. *Պետրոսյան Գ.* ՀՀ Աշխատանքային իրավունք, ԵՊՀ, Եր., «Հայրապետ» հրատ., 2020:
7. Трудовое право России. Учебник для вузов // Отв. ред. Р.З. Лившиц и Ю.П. Орловский. М: «ИНФРА-М-НОРМА», 1998. СС. 6–7.
8. *Акопов Д.* Трудовой кодекс и социальное назначение трудового права // «Хозяйство и право», № 6, 2004.
9. *Орловский Ю.П.* Новый этап реформирования трудового законодательства // «Хозяйство и право», № 8, 2006.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПОВЕДЕНИЯ РАБОТНИКА, РУКОВОДСТВУЮЩЕГОСЯ ЧАСТНЫМ ИНТЕРЕСОМ, В ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Г.С. Саргсян

Российско-Армянский университет
Институт права

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются взаимоотношения между работодателем и работником – субъектами, преследующими различные цели и наделенными противоположными интересами, а также анализируются ситуации конфликта интересов, возникающие в трудовых отношениях в тех случаях, когда при исполнении обязанностей, вытекающих из трудовых функций, работник действует не в интересах работодателя, а начинает руководствоваться собственными личными, частными интересами. В статье также затрагиваются вопросы, связанные с раскрытием сущности конфликта интересов, а также с механизмами предотвращения подобных ситуаций, привлечения к ответственности и возмещения ущерба.

В статье выявлены проблемы правовой оценки поведения работника, руководствующегося частным интересом, в трудовых правоотношениях. По указанным проблемам представлены авторские подходы и возможные варианты их решения.

Ключевые слова: частный интерес, конфликт интересов, работа в интересах работодателя, трудовые функции.

PROBLEMS OF LEGAL ASSESSMENT OF EMPLOYEE BEHAVIOR GUIDED BY PRIVATE INTEREST IN LABOR LEGAL RELATIONS

G. Sargsyan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article examines the relationship between employer and employee – subjects pursuing different goals and possessing opposing interests, addresses situations of conflict of interest arising in labor relations in cases where, while performing duties deriving from labor functions, the employee does not act in the interests of the employer but instead begins to be guided by their own personal, private interests. The article also touches upon issues related to revealing the essence of conflict of interest, as well as mechanisms for preventing such situations, establishing liability, and compensating for damages.

The article identifies the key problems of legal assessment of employee behavior guided by private interest in labor legal relations. The author's approaches and possible solutions to these problems are presented.

Keywords: private interest, conflict of interest, work in the interests of the employer, labor functions.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-179-187

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОЛИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

А.Г. Тунян, Р.А. Заргарян

Российско-Армянский университет
Институт права
atunyan@mail.ru, rimazargaryan29@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье была изучена правовая природа доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, ее место в системе объектов гражданских прав, а также некоторые вопросы относительно определения некоторых понятий данного института.

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью, уставный капитал, доля.

Введение

Вопрос о правовой природе доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью остается одним из наиболее дискуссионных в гражданском праве. Изучение как законодательства, так и доктрины, указывают на отсутствие единства в понимании сущности доли как объекта гражданских прав.

В научной литературе последних лет наблюдается тенденция к углубленному изучению корпоративных отношений, соотношения имущественных и неимущественных прав участника, с одной стороны, рассматривая долю как комплекс имущественных прав, с другой, как корпоративное право либо особую разновидность обязательственного требования к обществу.

Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью единообразного толкования правовой природы доли в условиях развития корпоративного права. Отсутствие единообразного понимания отражается на правоприменительной практике при разрешении корпоративных споров.

Целью настоящей работы является исследование правовой природы доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью с учетом современных подходов доктрины и актуальной судебной практики.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать понятие уставного капитала, рассмотреть доктринальные концепции понимания доли, выявить противоречия между доктринами и судебной практикой, определить место доли в системе объектов гражданских прав, выявить проблемы законодательного регулирования.

Материалы и методы

Для того чтобы определить место доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью в системе объектов гражданских прав, сначала необходимо обратиться к понятию уставного капитала.

В нынешнем законодательстве Российской Федерации и Республики Армения нет определения понятия уставного капитала, поэтому необходимо рассмотреть правовую доктрину относительно данного вопроса.

Так, М.В. Бабаева отмечает, что «уставный капитал организации считается источником формирования средств организации, который нужен ему с целью выполнения уставных обязательств. Это стартовый капитал для производственной деятельности с целью получения в дальнейшем прибыли» [1].

Например, А.А. Глушецкий выделяет три концепции уставного капитала: *имущественную*, *эмиссионную* и *номинальную*, согласно которым уставный капитал рассматривается либо как часть имущества (активов) общества, сформированная за счет вкладов его участников (имущественная концепция), либо как имущество, принадлежащее участникам хозяйственного общества, как размещенные акции или как доли, принадлежащие участникам обществ с ограниченной ответственностью (эмиссионная концепция), либо как условная цифра, зафиксированная в уставе, которая используется для установления некоторых соотношений, в частности, применяемая для определения возможного снижения чистых активов общества (номинальная концепция) [2].

Справедливо отмечает также В.А. Белов, что «функцию уставного капитала как минимальную имущественную гарантию интересов кредиторов юридического лица либо (точнее) как минимальный имущественный фонд,

[1] *Бабаева М.А.* Понятие и структура уставного капитала общества с ограниченной ответственностью // «Евразийский научный журнал». 2021. СС. 4–6.

[2] *Глушецкий А.А.* Уставный капитал: стереотипы и их преодоление. Экономический анализ норм корпоративного права // М.: «Статут», 2017, 184с.

обеспечивающий деятельность корпорации вряд ли можно назвать успешной: на практике наличие у организаций минимального уставного капитала и не помогает им успешно осуществлять свою деятельность, и не защищает интересов их кредиторов, мало что получающих от организации как в процессе ее деятельности, так и в ходе ее ликвидации. Очевидно, более плодотворным является подход, принятый в странах англосаксонской системы права, где состояние имущественного благополучия, устойчивости корпорации привязано не к уставному капиталу, а к состоянию чистых активов и иных правовых институтов» [3].

Таким образом, на примере приведенных и иных вариантов толкования уставного капитала, необходимо отметить, что как на законодательном, так и на научном уровне нет точного определения уставного капитала. Отсутствие единой дефиниции приводит не только к усложнению определения его юридической природы в теории, но и является основанием для отсутствия единообразного применения закона в правоприменительной практике. Так, при рассмотрении корпоративных споров, по-разному трактуется сущность уставного капитала: то, как величину, определяемую в денежном выражении, отражающую минимальный размер имущества общества, на которую невозможно обратить взыскание [4], то, как минимальный размер имущества юридического лица, гарантирующего интересы его кредиторов [5].

Далее, согласно п. 1 ст. 66.1 Гражданского кодекса Российской Федерации: «Вкладом участника хозяйственного товарищества или общества в его имущество могут быть денежные средства, вещи, доли (акции) в уставных (складочных) капиталах других хозяйственных товариществ и обществ, государственные и муниципальные облигации. Таким вкладом также могут быть подлежащие денежной оценке исключительные, иные интеллектуальные права и права по лицензионным договорам, если иное не установлено законом». А согласно п. 2 ст. 66.2 Гражданского кодекса Российской Федерации: «При оплате уставного капитала хозяйственного общества должны быть внесены денежные средства в сумме не ниже минимального размера уставного капитала (…)».

---

[3] *Белов В.А*. (ред.) Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики // 2-е изд., М.: Изд-во «Юрайт», 2025, 552с.

[4] См.: Определение Свердловского областного суда от 1 декабря 2011г. № 33-17051 /2011.

[5] См.: Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 6 июня 2007г. № Ф08-3071/07-1270А.

Таким образом, законом предоставляется возможность вносить вклады как денежными средствами, так и неденежным имуществом, с оговоркой в том, что должны быть внесены денежные средства в сумме не ниже минимального размера уставного капитала, из чего следует, что неденежный вклад может совершаться только в отношении превышающей части минимального размера уставного капитала.

На данный момент минимальный размер уставного капитала в Российской Федерации составляет десять тысяч рублей, согласно п. 1 ст. 14 Федерального закона Российской Федерации «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Аналогичное регулирование представляется и в Республике Армения, согласно части 1 ст. 29 Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» которой: «В уставный капитал компании в качестве вклада могут быть внесены денежные средства, ценные бумаги, другое имущество или имущественные права, а также другие права, имеющие денежную оценку».

Различие с законом Российской Федерации лишь в том, что согласно части 1 ст. 28 Закона Республики Армения «Об обществах с ограниченной ответственностью», минимальный размер уставного капитала компании не установлен.

Из всего вышеизложенного можно сделать переход к определению доли в уставном капитале, попытаться обозначить ее правовую природу и место в системе объектов гражданских прав.

Понятие доли в уставном капитале можно вывести из п. 1 ст. 90 Гражданского кодекса Российской Федерации и п. 1 ст. 14 Федерального закона Российской Федерации «Об обществах с ограниченной ответственностью», согласно которым уставный капитал общества составляется из номинальной стоимости долей его участников. В Армении же правовое регулирование несколько иное – согласно части 1 ст. 98 Гражданского кодекса Республики Армения и частью 1 статьи 28 Закона Республики Армения «Об обществах с ограниченной ответственностью», уставный капитал общества с ограниченной ответственностью складывается из стоимости вкладов его участников. То есть, Армения связывает уставный капитал с реальной стоимостью вкладов, Россия – с номиналами долей.

Считаем, что такое отличие обусловлено тем обстоятельством, что Россия разделяет номинальную и действительную стоимость доли, в то время как Армения использует стоимость вкладов, потому что ее модель долей не требует такого формального разделения.

Таким образом, считаем, что доля, а точнее – ее номинальная стоимость, является частью уставного капитала, а так как мы определили, что уставный капитал состоит из вкладов, внесенных участниками, то считаем, что доля определяет ту часть вклада участника, которую он внес в уставный капитал.

Из этого всего следует вывод о том, что доля в уставном капитале общества следует рассматривать не как имущество общества, а как правомочия его учредителей (участников) [6].

Кассационный суд Республики Армения в своем решении от 30.09.2021 года по делу ԵԿԴ/4634/02/16 пришел к выводу, что доля является основой возникновения корпоративных отношений между компанией и участником компании, посредством которых определяется объем взаимных прав и обязанностей компании и участника компании между собой [7].

В свете вышеизложенного нельзя не согласиться с позицией Е.Г. Афанасьевой, В.Ю. Бакшинскас, Е.П. Губина относительно того, что доля в уставном капитале не влечет за собой вещных прав участника на имущество общества, поскольку право собственности на имущество принадлежит в силу закона самому юридическому лицу - обществу. Наличие долей (вкладов) в уставном капитале не приводит к возникновению общей долевой собственности участников [8].

Немаловажен вопрос момента возникновения права собственности на долю в уставном капитале общества. Так, согласно части 2 ст. 11 Закона Республики Армения «Об обществах с ограниченной ответственностью»: «Участниками компании считаются лица, имеющие право собственности на долю компании с момента государственной регистрации компании». Отсюда опосредованно можно сделать вывод, что право собственности на долю возникает с момента государственной регистрации общества.

Такой же позиции придерживается и Кассационный суд Республики Армения, согласно решению от 07.04.2018 года по делу ԵԿԴ/0779/02/10.

---

[6] *Харин В.И.* Правовая характеристика доли в уставном капитале общества в контексте доверительного управления: проблемы теории и практики // «Правовой альманах», 2022. СС. 304–314.

[7] См.: Решение Кассационного суда РА от 30.09.2021г. по гражданскому делу № ԵԿԴ/4634/02/16 Анаит Казарян против Арутюна Казаряна, ООО «Шантан», третьих лиц Армена Мартиросяна, Агентства государственного регистра юридических лиц аппарата Министерства юстиции Республики Армения

[8] *Афанасьева Е.Г., Бакшинскас В.Ю., Губин Е.П. и др.* Корпоративное право: учебник // отв. ред. И.С. Шиткина // 2-е изд., перераб. и доп. М: «КНОРУС», 2015, 500с.

Суд постановил, что потенциальные будущие контрагенты обществ имеют возможность получать информацию о своих будущих партнерах, раскрывая цели деятельности последних, эффективность органов управления, круг участников, что не менее важно, поскольку в зависимости от круга участников будущие контрагенты могут отказаться вступать в договорные отношения с данным юридическим лицом. Следовательно, Кассационный суд Республики Армения подчеркнул важность того, что независимо от внутренних отношений участников или возможных участников общества с ограниченной ответственностью, внутренней договоренности, право лица, приобретающего долю, возникает только с момента регистрации в реестре участников общества, внесения изменений в устав общества и его регистрации [9].

Итак, стоит обратиться к определению места доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью в системе объектов гражданских прав.

Так, согласно ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации: «К объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага».

На данный момент судебная практика развивается в том направлении, что доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью является имущественным правом [10]. Однако стоит отметить, что в силу правовой природы доли в уставном капитале общества, а именно – того, что доля наделяет участника общества с ограниченной ответственностью не только имущественными, но и неимущественными правами и обязанностями, считаем, что недостаточно относить долю в уставном капитале общества только к имущественным правам.

Считаем, что доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью представляет собой комплексное право, являющееся осо-

[9] См.: Решение Кассационного суда РА от 07.04.2018г. по гражданскому делу № ԵԿԴ/0779/02/10 Сусанна Хачатрян против Вигена Асланяна-Аванесяна.

[10] См.: Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2007 года (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 07.11.2007).

бым объектом гражданских прав, сочетающее в себе элементы имущественного и неимущественного характера.

Такого же подход имеет Д.В. Мурзин, считая, что доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью представляет собой совокупность закрепленных за лицом определенных имущественных и неимущественных прав и обязанностей участника общества и входит в состав такой группы объектов гражданских прав, как иное имущество [11].

В рамках рассматриваемой темы стоит также обсудить вопрос общей совместной собственности супругов на долю участника общества с ограниченной ответственностью, принимая во внимание тот факт, что один из супругов может приобрести долю, находясь в браке.

Так, Кассационный суд решением от 07.04.2018г. по делу ԵԿԴ/0779/02/10 справедливо отметил, что с корпоративной точки зрения доля не может считаться общей совместной собственностью, имея в виду, что супруг не может считаться участником общества в силу закона без согласия других участников и без выполнения обязательств перед компанией (в частности, выплаты вклада). Более того, при обратном толковании нарушаются интересы не только других участников общества, но и его контрагентов, которые не имеют полной информации о составе участников общества. Следовательно, Кассационный суд подчеркивает важность того, что имущество, приобретенное супругами в ходе совместной жизни с целью и по смыслу осуществления корпоративных прав, может считаться только другим имуществом, приобретенным посредством долевого участия: прибыль, полученная от деятельности общества, имущество, полученное после ликвидации, компенсация, полученная в обмен на отчуждение доли, а в гражданско-правовом смысле – в случаях раздела совместного имущества супругов или передачи доли в порядке наследования, а также в случаях других прав некорпоративного характера [12].

В конечном счете анализ правового режима доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью показывает, что данный институт одновременно включает в себя элементы как имущественного, так и корпоративного характера, что и обуславливает его сложную природу как объекта гражданских прав. Доля не сводится исключительно к имуществен-

---

[11] *Мурзин Д.В.* Иное имущество в гражданском праве: объекты абсолютных и относительных прав // «Российское право: образование, практика, наука», 2021. СС. 18–28.

[12] См.: Решение Кассационного суда РА от 07.04.2018г. по гражданскому делу № ԵԿԴ/0779/02/10 Сусанна Хачатрян против Вигена Асланяна-Аванесяна.

ному праву, поскольку помимо права на часть имущества, она закрепляет и комплекс неимущественных возможностей участника. В итоге доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью выступает самостоятельным объектом гражданских прав особого рода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьева Е.Г., Бакшинскас В.Ю., Губин Е.П. и др.* Корпоративное право: учебник // отв. ред. Шиткина И.С. // 2-е изд., перераб. и доп. М.: «КНОРУС», 2015, 500с.
2. *Бабаева М.А.* Понятие и структура уставного капитала общества с ограниченной ответственностью // «Евразийский научный журнал», 2021. СС. 4–6.
3. *Белов В.А.* (ред.) Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики // 2-е изд., М.: Изд-во «Юрайт», 2025, 552с.
4. *Глушецкий А.А.* Уставный капитал: стереотипы и их преодоление. Экономический анализ норм корпоративного права // М.: «Статут», 2017, 184с.
5. *Мурзин Д.В.* Иное имущество в гражданском праве: объекты абсолютных и относительных прав // «Российское право: образование, практика, наука», 2021. СС. 18–28.
6. *Харин В.И*. Правовая характеристика доли в уставном капитале общества в контексте доверительного управления: проблемы теории и практики // «Правовой альманах», 2022. СС. 304–314.
7. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2007 года (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 07.11.2007).
8. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 6 июня 2007г. № Ф08-3071/07-1270А.
9. Определение Свердловского областного суда от 1 декабря 2011г. № 33-17051 /2011.
10. Решение Кассационного суда РА от 07.04.2018г. по гражданскому делу № ԵԿԴ/0779/02/10 Сусанна Хачатрян против Вигена Асланяна Аванесяна.
11. Решение Кассационного суда РА от 30.09.2021г. по гражданскому делу № ԵԿԴ/4634/02/16 Анаит Казарян против Арутюна Казаряна, ООО «Шантан», третьих лиц Армена Мартиросяна, Агентства государственного регистра юридических лиц аппарата Министерства юстиции Республики Армения.

THE LEGAL NATURE OF THE SHARE IN THE AUTHORIZED CAPITAL OF A LIMITED LIABILITY COMPANY

A. Tunyan, R. Zargaryan

Russian-Armenian University
Institute of Law

ABSTRACT

We have examined the legal nature of a share in the authorized capital of a limited liability company, its place within the system of objects of civil rights, as well as certain issues related to the definition of key concepts of this institution.

Keywords: limited liability company, authorized capital, share.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-188-198

ՄԱՐԴՈՒ ԻՐԱՎՈՒՆՔՆԵՐԻ ԵՎՐՈՊԱԿԱՆ ԴԱՏԱՐԱՆԸ ԵՎ ԼԵՌՆԱՅԻՆ ՂԱՐԱԲԱՂԸ (ԱՐՑԱԽ). ԴԱՏԱԿԱՆ ՊՐԱԿՏԻԿԱՅԻ ԶԱՐԳԱՑՈՒՄԸ ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ԱՆՈՐՈՇՈՒԹՅԱՆ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ

Մ.Ա. Գրիգորյան

Ռուս-հայկական համալսարան
Իրավունքի ինստիտուտ
mariamgriglaw@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածը վերլուծում է Մարդու իրավունքների եվրոպական դատարանի (ՄԻԵԴ) նախադեպային վճիռներում արտահայտված դիրքորոշումների դերը Լեռնային Ղարաբաղի (Արցախի) ազգաբնակչության իրավունքների պաշտպանության գործում: Հատուկ ուշադրություն է դարձվում Լեռնային Ղարաբաղի ազգաբնակչության՝ Հայաստանի կամ Ադրբեջանի միջոցով բողոքներ ներկայացնելու իրավական հնարավորություններին: Հոդված առանձնանում է իր արդիականությամբ, քանի որ ներկայացվող հարցադրումները կարևոր նշանակություն ունեն նաև այլ չճանաչված կամ մասնակիորեն ճանաչված տարածքներում մարդու իրավունքների պաշտպանության հիմնահարցերը վերլուծելու համար՝ մասնավորապես Մերձդնեստրի Մոլդովական Հանրապետության, Հարավային Օսիայի և Աբխազիայի Հանրապետությունների համատեքստում:

Հիմնաբառեր՝ Լեռնային Ղարաբաղ (Արցախ), ՄԻԵԴ, մարդու իրավունքների պաշտպանություն:

Ներածություն

Չճանաչված պետություններում մարդու իրավունքների խախտումների համար պատասխանատվության հարցի լուծման հետ կապված ար-

դյունավետ առաջարկություններ գտնելը հեշտ չէ: Իրավիճակն, ըստ երևույթին այնպիսին է, որ մի կողմից կան ռեժիմներ, որոնք *դե յուրե* զրկված են պետականությունից և գտնվում են հովանավոր ու (երբեմն) «ծնող» պետությունների մշտական ազդեցության ներքո, մյուս կողմից, կան միլիոնավոր մարդիկ, ովքեր ապրում են նման կազմավորումների տարածքում, որոնք միանշանակ պետք է իրավունք ունենան օգտվել այն բոլոր իրավունքներից, որով օժտված են ճանաչված պետությունների քաղաքացիները: Դրա վառ օրինակը կարող է հանդիսանալ Լեռնային Ղարաբաղի (Արցախ) և նրա ազգաբնակչության ինքնորոշման իրավունքի իրականացման պրակտիկան: Արցախն գտնվում է այնպիսի աշխարհագրական տարածքում է գտնվում, որ անկախ նրա քաղաքական պատկանելիությունից ամբողջությամբ գտնվում է Մարդու իրավունքների և հիմնարար ազատությունների պաշտպանության մասին եվրոպական կոնվենցիայի ներգործության ներքո:

Ուսումնասիրության մեթոդ

Ուսումնասիրության իրականացման ընթացքում կիրառել ենք ինչպես համագիտական (անալիզ, պատմականության սկզբունք), այնպես էլ հատուկ (համեմատական-իրավական) մեթոդներ:

1998 թվականին Մարդու իրավունքների եվրոպական կոնվենցիայով (ՄԻԵԿ) ստեղծված երկու հաստատությունները՝ Մարդու իրավունքների եվրոպական հանձնաժողովը և Մարդու իրավունքների եվրոպական դատարանը միավորվեցին և փոխարինվեցին մեկ հաստատությունով՝ Մարդու իրավունքների եվրոպական դատարանով: Դատարանի իրավասությունը տարածվում է ՄԻԵԿ-ի մեկնաբանման կամ կիրառման վերաբերյալ բոլոր հարցերի վրա [1]: Մարդու իրավունքների եվրոպական դատարանը ընդգծել էր, որ Կոնվենցիան «կենդանի» գործիք է, որը պետք է մեկնաբանվի ժամանակակից պայմանների լույսի ներքո...: Կոնվենցիան պետք է նաև մեկնաբանվի, որքան հնարավոր է, միջազգային իրավունքի այլ սկզբունքների հետ ներդաշնակորեն: Դատարանը նաև նշել էր, որ Կոնվենցիայի՝ որպես անհատների պաշտպանության գործիքի, նպատակն ու մտադրությունը պահանջում են, որ դրա դրույթները մեկնաբանվեն և կիրառվեն

այնպես, որ Կոնվենցիայով նախատեսված երաշխիքները լինեն իրական և արդյունավետ: [2]:

ՄԻԵԴ-ում Լեռնային Ղարաբաղում (Արցախ) բնակվող անձանց իրավունքների և օրինական շահերի պաշտպանության հնարավորությունը կամ անհնարինությունը բացահայտելու համար, նպատակահարմար ենք գտնում այս հարցը դիտարկել պայմանականորեն բաժանված չորս փուլերով:

Առաջին փուլը ներառում է 1991 թվականին Արցախի Հանրապետության հռչակումից մինչև Հայաստանի Հանրապետության կողմից Մարդու իրավունքների և հիմնարար ազատությունների պաշտպանության մասին կոնվենցիայի վավերացումը (2002 թվականի ապրիլի 26): Տվյալ ժամանակահատվածում, արցախահայերը լիովին զրկված էին իրենց իրավունքների խախտումների վերաբերյալ ՄԻԵԴ գանգատ ներկայացնելու հնարավորությունից, քանի որ չկար այն պետությունն որի իրավազորությունը տեսականորեն կարող էր ճանաչվել այդ տարածքի նկատմամբ:

Երկրորդ փուլը ներառում է 2002 թվականի ապրիլի 26-ից մինչև 2015 թվականի հունիսի 16-ը, երբ Չիրագովը և այլք ընդդեմ Հայաստանի գործով ՄԻԵԴ Մեծ Պալատի կողմից հաստատվեց Հայաստանի Հանրապետության իրավազորությունն Արցախի Հանրապետության նկատմամբ: Այս փուլում ԼՂՀ բնակիչները կարող էին Հայաստանի Հանրապետության դեմ գանգատ ներկայացնել, բայց դեռ չէր հաստատվել ՀՀ իրավազորությունն այդ տարածքների նկատմամբ:

Այս առնչությամբ անդրադառնանք կոնկրետ մի գործի: Արցախի Հանրապետությունում բնակվող անձի կողմից գանգատ էր ներկայացվել ՄԻԵԴ *իր երկրի հանրային իշխանության մարմինների ոչ իրավաչափ, անօրինական գործողությունների կապակցությամբ*: Արդյունքում Մարդու իրավունքների եվրոպական դատարանը 07.06.2005թ. պատասխան էր ուղարկել հետևյալ բովանդակությամբ. «Մարդու իրավունքների եվրոպական դատարանը կարող է քննության առնել միայն այն գանգատները, որոնք ուղղված են Մարդու իրավունքների եվրոպական կոնվենցիան վավերացրած պետությունների դեմ, Լեռնային Ղարաբաղն այդպիսին չի հանդիսանում: Այդ իսկ պատճառով, խնդրում եմ պարզաբանել, թե կոնվենցիան վավերացրած որ պետության դեմ է ուղղված Ձեր դիմումը, կից ներկա-

յացնում եմ այդ պետությունների ցանկը: Հակառակ դեպքում, Դատարանը չի կարողանա քննել Ձեր դիմումը»: Գանգատի հեղինակը, որը դժգոհում էր իր տղայի նկատմամբ ԼՂՀ դատարանների կողմից կայացված վճիռներից, գտնում էր, որ տվյալ գործով խախտվել է Մարդու իրավունքների և հիմնարար ազատությունների պաշտպանության մասին կոնվենցիայի 6-րդ հոդվածով նախատեսված արդար դատաքննության իրավունքը: Գործի նյութերից ակնհայտ է, որ ԼՂՀ դատարանները ո՛չ օրենսդրական և ո՛չ էլ փաստական առումով Հայաստանի կամ Ադրբեջանի դատական համակարգի հետ որևէ առնչություն չունեն: Արցախի Հանրապետությունն այնպիսի աշխարհագրական տարածք է զբաղեցնում, որն ըստ էության գտնվում է Մարդու իրավունքների և հիմնարար ազատությունների պաշտպանության մասին եվրոպական կոնվենցիայի իրավազորության ներքո [3]:

Հարկ է նաև նշել, որ Ադրբեջանը ոչ միայն որևէ իրավական կամ փաստական հարաբերության մեջ չի գտնվել ԼՂՀ-ի հետ, այլ նաև 2002թ. ապրիլի 26-ին, Մարդու իրավունքների և հիմնարար ազատությունների պաշտպանության մասին եվրոպական կոնվենցիային միանալու ժամանակ ի պահ հանձնած իր վավերագրում հստակորեն արձանագրել էր, որ Ադրբեջանի Հանրապետությունը հայտարարում է, որ չի կարող երաշխավորել 1950թ. Կոնվենցիայի դրույթների կիրառումը ՀՀ կողմից զբաղեցված տարածքներում: Իսկ Հայաստանը, կոնվենցիային միանալիս որևէ պարտավորություն չէր ստանձնել ԼՂՀ տարածքի նկատմամբ:

Ճիշտ է, ավելի ուշ «Չիրագովը և այլք ընդդեմ Հայաստանի» գործով տեղի էր ունեցել նախադեպային իրավունքի զարգացում, որին կանդրադառնանք ստորև: Այսպես, Մարդու իրավունքների եվրոպական դատարանը՝ Չիրագովը և այլք ընդդեմ Հայաստանի գործով վճռում, ըստ էության, Հայաստանին պատասխանատու է համարել դիմումատուների՝ «Կոնվենցիայի թիվ 1 արձանագրության 1-ին հոդվածով, ինչպես նաեւ Կոնվենցիայի 8-րդ եւ 13-րդ հոդվածներով նախատեսված իրավունքների շարունակական խախտման համար՝ սկսած Կոնվենցիան ուժի մեջ մտնելու օրվանից (§§ 201, 207- 208 և 214-215)» (կետ 45)[1]: Դատարանի կողմից նման եզրակացության իրավական հիմքը այն ենթադրությունն է, որ Հա-

[1] Case of Chiragov and others v. Armenia (Application no. 13216/05), Available: 24.10.2025.

յաստանը արդյունավետ վերահսկողություն է իրականացրել Արցախի Հանրապետության տարածքում»:

Երրորդ փուլը սկսվում է 2015թ. հունիսի 16-ից: Ինչպես հայտնի է, ՄԻԵԴ-ը քննել է Հայաստանի Հանրապետության դեմ ներկայացված մի շարք գանգատներ, որոնց հիմքում ընկած փաստական հանգամանքների առանձին դրվագներ տեղի են ունեցել Արցախի Հանարապետության իրավազորության ներքո գտնվող տարածքում[2]:

Գտնում ենք, որ Արցախի Հանրապետության տարածքում Հայաստանի կողմից արդյունավետ վերահսկողություն իրականացնելու ոչ իրավաչափ պնդումը ծայրահեղ կերպով աղավաղված շարադրանքով է ներկայացված հատկապես՝ Ավանեսյանն ընդդեմ Հայաստանի գործով՝ Մարդու իրավունքների եվրոպական դատարանի վճռում[3]:

Եվրոպական դատարանը, սույն գործի հետ կապված փաստական հանգամանքները քննության առնելիս, պատասխանելով այն հարցին «թե արդյոք Կոնվենցիայի 1-ին հոդվածի իմաստով դիմումատուի վրա տարածվում է պատասխանող պետության իրավազորությունը» (կետ 30), ներկայացրել է դիմումատուի հետևյալ դիրքորոշումը. «քանի որ Հայաստանը ԼՂՀ-ի նկատմամբ իրականացնում է արդյունավետ վերահսկողություն, վերջինս Կոնվենցիայի համաձայն պատասխանատվություն է կրում տեղական վարչակազմի, այդ թվում՝ ԼՂՀ-ի դատարանների եւ ԼՂՀ-ի իշխանությունների կողմից իր՝ 9-րդ հոդվածով սահմանված իրավունքների խախտման համար»:

Իրավացիորեն պնդելով, որ Հայաստանը ԼՂՀ-ի տարածքում տեղի ունեցած դեպքերի, այդ թվում՝ դիմումատուի կալանավորման և դատապարտման առնչությամբ իրավազորություն չուներ, ՀՀ կառավարությունը գտել է, որ Հայաստանին վերաբերող ավելի վաղ գործերում (Չիրագովը և այլք ընդդեմ Հայաստանի և Մուրադյանն ընդդեմ Հայաստանի) արտատարածքային իրավազորությանն առնչվող՝ Եվրոպական դատարանի կողմից կատարված եզրակացությունը չի կարող եւ չպետք է ավտոմատ կերպով կիրառվի հետագա բոլոր իրավիճակների նկատմամբ:

[2] Case of Chiragov and others v. Armenia (Applicationno. 13216/05), Available: 24.10.2025.
[3]Case of Avanesyan v. Armenia (Application no. 12999/15) Available: Available: 27.10.2025.

Մարդու իրավունքների եվրոպական դատարանը՝ Ավանեսյանն ընդդեմ Հայաստանի գործով քննության արդյունքներով, գտել է, որ տվյալ ժամանակահատվածում Հայաստանի Հանրապետությունը ԼՂՀ-ի և հարակից տարածքների նկատմամբ իրականացրել է արդյունավետ վերահսկողություն և դրանով Հայաստանը կրել է այդ տարածքում Կոնվենցիայով սահմանված իրավունքներն ու ազատությունները պաշտպանելու պարտավորություն: Կոնվենցիայի համաձայն՝ նրա պատասխանատվությունը չի կարող սահմանափակվել ԼՂՀ-ում ծառայության անցնող իր զինվորների կամ այնտեղ գործունեություն ծավալող իր պաշտոնյաների գործողություններով, այլ պատասխանատվությունը ծագում է նաև այն տեղական վարչակազմի գործողությունների ուժով, որը գոյատևում է Հայաստանի կողմից ստացվող ռազմական կամ այլ օժանդակության շնորհիվ[4]:

Ավելին, մեր կարծիքով, ՄԻԵԴ-ը իր վճռում արձանագրել է իրավական հիմքից զուրկ, իրականության հետ կապ չունեցող եզրահանգում: Այսպես, Դատարանը իր վճռում նշում է. «Ամեն դեպքում, նույնիսկ եթե ենթադրենք, որ դիմումատուն ԼՂՀ-ի «քաղաքացի» է, ինչպես պնդել է կառավարությունը, Դատարանը հաշվի է առնում իր վերոնշյալ եզրահանգումն այն մասին, որ Հայաստանի Հանրապետությունը պատասխանատու է ԼՂՀ իշխանությունների գործողությունների և անգործության համար, և որ *այն ստանձնել է պարտավորություն այդ տարածքում Կոնվենցիայով սահմանված իրավունքներն ու ազատություններն ապահովելու համար* (ընգծումը մերն է - Մ.Գ.): Հետևաբար կառավարության փաստարկն այն մասին, որ ԼՂՀ-ն առանձին սուբյեկտ է, որտեղ «Այլընտրանքային ծառայության մասին» օրենքը չի կիրառվում, սույն գործի նպատակներով արհեստական է (կետ 58):

ՄԻԵԴ-ի վերոնշյալ երկու վճիռներում տեղ գտած իրավական դիրքորոշումները վկայում են այն մասին, որ ՄԻԵԴ-ը չի անդրադարձել Չիրագովը և այլք ընդդեմ Հայաստանի և Ավանեսյանն ընդդեմ Հայաստանի գործերի հիմքում ընկած բացարձակապես տարբեր փաստական հանգամանքների իրավական բովանդակության վերլուծությանը՝ ազգային իրավունքի տեսանկյունից և ՀՀ ու ԼՂՀ միջև առկա կապի իրական բնույթից:

[4] Տե՛ս նույն տեղում:

Ինչ վերաբերում է՝ Ավանեսյանն ընդդեմ Հայաստանի գործին, ապա այս գործով ՄԻԵԴ-ի եզրահանգումները մեղմ ասած անընդունելի են:

Մուրադյանն ընդդեմ Հայաստանի[5] մեկ այլ գործով ևս՝ դիմումատուն պնդել էր, որ իր որդին՝ 2001 թվականին զորակոչվել էր Հայաստանի Հանրապետության բանակ և ծառայության է նշանակվել Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետության զինված ուժերում, որը գտնվում է չճանաչված Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետությունում, որի ընթացքում մահացել է իր վերադաս երեք սպաների վատ վերաբերմունքի և հետագայում պատշաճ բժշկական օգնություն չստանալու հետևանքով:

Այս կապակցությամբ ևս Դատարանը ճանաչել էր, որ իբր ՀՀ-ն արդյունավետ հսկողություն է իրականացնում ԼՂՀ-ում: Մանավորապես՝ Դատարանը նշում է, որ արդեն իսկ քննել է այդ հարցը և հանգել այն հետևության, որ Հայաստանն իրավազորություն ունի Լեռնային Ղարաբաղի տարածքում տեղի ունեցած դեպքերի և Ղարաբաղի իշխանությունների գործողությունների նկատմամբ[6]:

Հետաքրքրական է, որ 2022թ. ՄԻԵԴ-ը՝ ԼՂՀ-ում «Եհովայի վկաներ Քրիստոնեական կրոնական կազմակերպությունն ընդդեմ Հայաստանի» վճռում ևս հիմնվելով, իր նախկինում կայացրած նախադեպային որոշումների վրա ամրագրեց. «քանի որ ԼՂՀ-ի նկատմամբ Հայաստանն իրականացնում է արդյունավետ վերահսկողություն, Կոնվենցիայի համաձայն՝ նա պատասխանատու է վերջինիս տեղական կառավարման մարմինների, այդ թվում՝ ԼՂՀ դատարանների և ԼՂՀ իրավասու պետական մարմինների կողմից Կոնվենցիայով նախատեսված իրավունքների խախտումների համար»[7]: Մինչդեռ, գտնում ենք, որ Դատարանը պետք է ավելի ծավալվեր իր եզրահանգման մեջ և արձանագրեր, որ 2020թ. 44-օրյա պատերազմից հետո, երբ Հայաստանի Հանրապետությունը դուրս բերեց իր զինված ուժերն Արցախի տարածքից, Հայաստանը չի իրականացրել «արդյունավետ վերահսկողություն» Լեռնային Ղարաբաղի նկատմամբ: Կարծում ենք, ՄԻԵԴ-ը վերոնշյալ գործերով քննության ժամանակ հարցին մոտեցել է, այսպես կոչված՝ «գորշ գոտիները» բացառելու և Եվրոպայում մարդու իրավունք-

[5] Case of Muradyan v. Armenia (application no. 11275/07), https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-168852%22]}, Available: 24.10.2025.
[6] Տե՛ս նույն տեղում:
[7] https://www.arlis.am/hy/acts/164648

ները երաշխավորելու նպատակով: Մինչդեռ, դժվար չէ նկատել, որ բոլոր վճիռները պարունակում են ակնհայտ քաղաքական ենթատեքստ և հանդիսանում են համակարգային վերլուծությունների բացակայության արդյունք:

Չորրորդ փուլը ներառում է 2020 թվականի 44-օրյա պատերազմի ավարտից մինչև մեր օրերն ընկած ժամանակահատվածը:

2020թ. սեպտեմբերի 27-ին, ինչպես նաև 2023 թվականի սեպտեմբերի 19-ին, Ադրբեջանի կողմից արցախահայության նկատմամբ սանձազերծած ագրեսիվ պատերազմը զուգորդվում էր՝ միջազգային իրավունքի հիմնարար սկզբունքների, մարդու հիմնարար իրավունքների և միջազգային մարդասիրական իրավունքի նորմերի կոպիտ ոտնահարմամբ:

Եթե նախկինում վերոնշյալ նախադեպային վճիռներում, ՄԻԵԴ-ը ամրագրել էր ԼՂՀ-ում ՀՀ զինված ուժերի ներկայությունը և ՀՀ-ի կողմից ԼՂՀ-ին ի թիվս այլնի տրվող ռազմական աջակցությունը, ապա 2020 թվականից հետո ՀՀ ռազմական ներկայությունը ամբողջովին բացակայում էր: 2020թ. նոյեմբերի 9-ի եռակողմ հայտարարության 4-րդ կետը ամրագրում էր, որ Ռուսաստանի Դաշնության խաղաղապահ զորակազմը տեղակայվում է հայկական զինված ուժերի դուրսբերմանը զուգահեռ: Հայտարարության ստորագրումից հետո Ռուսաստանի Դաշնության խաղաղապահ զորակազմի՝ Արցախ մտնելուն զուգահեռ դուրս են բերվել հայկական զինված ուժերը, ինչն անվտանգային առումով թուլացրել է Արցախի պաշտպանունակության մակարդակը:

Վերլուծելով Արցախի Հանրապետության հռչակումից մինչև մեր օրերը արցախահայության՝ մարդու իրավունքների միջազգային պաշտպանության կառուցակարգերին դիմելու հնարավորությունը, կարող ենք փաստել, որ չնայած մի քանի նախադեպային որոշումներում ՄԻԵԴ-ը ամրագրում էր, որ ՀՀ-ն արդյունավետ հսկողություն է իրականացնում ԼՂՀ-ում, բայց միևնույն է մարդու իրավունքների պաշտպանության խնդիրները մնում էին չլուծված, իսկ մասնավոր իրավական վեճերով իսպառ բացակայում էին: ՀՀ-ն ԼՂՀ-ի հետ ուներ սերտ կապեր և այդ հարաբերություններում Հայաստանը բացառապես տարբեր ժամանակահատվածներում օժանդակում էր ԼՂՀ-ի, սակայն ՀՀ-ի կողմից Արցախի Հանրապետության պետական իշխանության համակարգի գործունեու-

թյանը և *հատկապես դատական մարմինների աշխատանքներին միջամտելու պրակտիկա բոլորովին գոյություն չի ունեցել*:

Կարծում ենք, որպես ասվածի հիմնավորում կարելի է նշել ՄԻԵԴ-ի վերոնշյալ վճիռները, որոնց գլխավոր, կարելի է ասել առաջնային նպատակը Արցախի Հանրապետությանը չդիտել որպես պատասխանող, որպեսզի դրանով Արցախի Հանրապետությունը չճանաչվի միջազգային իրավունքի սուբյեկտ: Իհարկե, իրավիճակը լիովին փոխվեց 2023 թվականի սեպտեմբերյան իրադարձություններից հետո, քանի որ փաստացի այսօր վիճակն այնպիսինն է, որ Լեռնային Ղարաբաղի (Արցախ) տարածքների նկատմամբ տարածվում է Ադրբեջանի իրավասությունը: Ավելին, եթե նախկինում Հայաստանը հանդես էր գալիս, որպես Արցախում բնակվող մարդկանց անվտանգության երաշխավոր, ապա այն բանից հետո, երբ 2022թ.դեկտեմբերին Ադրբեջանի կողմից շրջափակվեց Լաչինի միջանցքը և Արցախը մեկուսացվեց արտաքին աշխարհից, Հայաստանի Հանրապետության բարձրագույն ղեկավարությունը հայտարարեց, որ Լաչինի միջանցքի ապաշրջափակման հարցը գտնվում է Արցախի իշխանությունների և Ռուսաստանի խաղաղապահների իրավավասության շրջանակում, հետևաբար Հայաստանը այդ հարցով անելիք չունի:

Ադրբեջանը ևս որևէ կերպ չի միջամտել և չի կարող միջամտել Արցախում իրականացվող արդարադատության իրականացմանը, թեկուզ այն պատճառով, որ ինքը կամավոր կերպով Եվրոպայի խորհրդին անդամակցելիս, ինչպես նաև 2002թ. ապրիլի 26-ին Մարդու իրավունքների և հիմնարար ազատությունների պաշտպանության մասին եվրոպական կոնվենցիային միանալիս հստակորեն արձանագրել է, որ չի կարող ապահովել Կոնվենցիայի դրույթների երաշխավորումը ՀՀ-ի կողմից զբաղեցրած տարածքների վրա:

Այսպիսով, կարող ենք արձանագրել, որ Լեռնային Ղարաբաղի (Արցախ) հայ ազգաբնակչությունը, ներկա միջազգային իրավակարգում առկա լուրջ բացերի պատճառով, զրկված էին իրենց երկրի ներսում լեգիտիմ գործող պետական մարմինների հնարավոր ոչ իրավաչափ գործողությունների և որոշումների համար միջազգային կոնվենցիոն և դատական պաշտպանությունից օգտվելու հնարավորությունից:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Anthony A.* Handbook of International Law. “Cambridge University Press”, 2005. PP. 246–247:
2. *Shaw M.* International law fifth edition. “Cambridge University Press”, 2003. PP. 323.
3. *Оганесян В.* Некоторые проблемы защиты прав человека внепризнанных государствах // «Международный альманах. Конституционное правосудие в новом тысячелетии». Ер., 2005. СС. 214–219:

ЕСПЧ И НАГОРНЫЙ КАРАБАХ (АРЦАХ): РАЗВИТИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

М.А. Григорян

Российско-Армянский университет
Институт права

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируется роль правовых позиций, выраженных в прецедентных решениях Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), в защите прав населения Нагорного Карабаха (Арцаха). Особое внимание уделяется правовым возможностям подачи жалоб населением Нагорного Карабаха через Армению или Азербайджан. Статья отличается своей актуальностью, поскольку рассматриваемые вопросы имеют важное значение и для анализа проблем защиты прав человека в других непризнанных или частично признанных территориях, в частности, в Приднестровской Молдавской Республике, Республике Южная Осетия и Республике Абхазия.

Ключевые слова: Нагорный Карабах (Арцах), ЕСПЧ, защита прав человека.

THE ECHR AND NAGORNO-KARABAKH (ARTSAKH): DEVELOPING JUDICIAL PRACTICE IN A CONTEXT OF INTERNATIONAL UNCERTAINTY

M. Grigoryan

Russian-Armenian University
Institute of law

ABSTRACT

The article analyzes the role of the legal positions expressed in the case law of the European Court of Human Rights (ECHR) in protecting the rights of the population of Nagorno-Karabakh (Artsakh). Special attention is given to the legal possibilities for the population of Nagorno-Karabakh to submit complaints through Armenia or Azerbaijan. The article is particularly relevant, as the issues discussed are also significant for examining human rights protection challenges in other unrecognized or partially recognized territories, particularly in the Pridnestrovian Moldavian Republic, the Republic of South Ossetia, and the Republic of Abkhazia.

Keywords: Nagorno-Karabakh (Artsakh), ECHR, human rights protection.

ТЕОРИЯ ПРАВА
И КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-199-203

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

Н. Аксенова[1], К. Данилова[1], И. Жук[1]

ФСПО СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург
ФКОУ ВО ФСИН, Санкт-Петербург

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются понятия административных процедур и их значения в законодательстве Российской Федерации, действующие законы и акты, касающиеся цифровизации в административных процедурах, и современные примеры такой цифровизации.

Ключевые слова: административное право, административные процедуры, цифровизация, электронный документооборот, оптимизация.

Законодательно закрепленные механизмы функционирования властных и управленческих структур при выполнении ими административных задач составляют основу процедурных норм в России. Внедрение цифровых решений трансформирует способы осуществления контрольных мероприятий, управленческих функций и оказания услуг населению со стороны государства. Сфера публично-правовых отношений, находящаяся в ведении административного законодательства, активно адаптируется к технологическим новшествам. Общественное устройство во всех его проявлениях, в том числе юридическом измерении, испытывает существенное воздействие цифровой трансформации в нынешнюю эпоху. Государственные

[1] Научный руководитель: Хромов А.В., преподаватель Факультета среднего профессионального образования СЗИУ РАНХиГС.

институты и ведомства, используя современные информационные инструменты, меняют традиционные подходы к своей работе.

Спектр административных действий охватывает множество направлений: от лицензирования и выдачи разрешительной документации до муниципального обслуживания населения и оформления имущественных прав на объекты недвижимости. Правовую основу данной деятельности составляет система нормативных документов, куда входят постановления исполнительной власти, президентские указы и законодательные акты федерального уровня.

Значение административных процедур трудно переоценить, поскольку они играют ключевую роль в обеспечении прав и свобод граждан, также они выполняют функцию регулирования общественных отношений и поддержания правопорядка. Во-первых, они способствуют регламентации взаимодействий между субъектами права, что обеспечивает единообразное применение законов. Во-вторых, четко установленные процедуры служат гарантом законности и прозрачности, помогая избежать произвольных решений государственных органов и укрепляя доверие граждан к государству. Независимая и объективная процедура рассмотрения дел значительно повышает эффективность правоприменительной практики в стране [5].

Переход на электронные форматы общения между населением и государственными учреждениями позволяет экономить финансовые и временные ресурсы обеих сторон при осуществлении бюрократических операций. Особую значимость приобретает расширение возможностей получения государственных сервисов различными категориями граждан, учитывая актуальные технологические тенденции и социальные потребности общества. Трансформация традиционных административных механизмов в цифровой формат набирает обороты в течение последних лет, делая их более эффективными и менее сложными для пользователей.

Современное законодательство включает множество нормативных документов, целью которых является модернизация работы государственных структур и повышение результативности их деятельности через внедрение цифровых технологий. Ключевым нормативным актом в области цифровой трансформации страны выступает «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», принятая в 2017 году, утверждение которой стало важной вехой в этом направлении [2].

Юридический фундамент для внедрения систем электронного документооборота заложен законодательством о цифровой подписи – Федеральный закон «Об электронной подписи» от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ [1]. Данный нормативный акт легитимизирует применение документации в электронном формате в любых областях, а использование электронной подписи, регламентированное этим законом, представляет собой фундаментальный компонент цифрового взаимодействия.

Нормативные акты и законодательные инициативы выступают ключевыми инструментами построения гибкой системы управления административными процессами, готовой к вызовам цифровой трансформации. Благодаря их внедрению минимизируются временные затраты и материальные издержки, связанные с традиционным бумажным делопроизводством, одновременно происходит оптимизация рабочих процедур.

В документе закреплены приоритетные векторы развития цифровых технологий, среди которых особое место занимает модернизация управленческих структур государства через внедрение информационных решений. Акцент сделан на необходимости формирования интегрированной цифровой инфраструктуры, охватывающей все административные уровни, что призвано обеспечить открытость государственных процессов и упростить получение гражданами необходимых сервисов [4].

Государственные порталы создают условия для быстрого диалога между населением и властными структурами, давая людям возможность своевременно выражать мнения и вносить инициативы, что положительно влияет на качество функционирования административного аппарата. Электронные сервисы записи на прием к представителям государственных учреждений устраняют проблему утомительного ожидания в очередях и минимизируют временные потери, гарантируя быстроту обслуживания. Внедрение цифровых технологий в работу государственных структур охватывает множество направлений и привносит существенный прогресс в плане результативности и открытости предоставляемых сервисов. Интернет-платформы для направления запросов и оформления необходимых процедур в режиме онлайн существенно уменьшают период, требуемый для бюрократических формальностей, повышая тем самым комфорт существования населения.

Граждане получили возможность взаимодействовать с государственными органами круглосуточно, находясь в любой географической точке

планеты. Появление специализированных программ для мобильных устройств существенно упростило процесс решения бюрократических вопросов через обычный телефон. Помимо экономии личного времени и устранения необходимости стоять в длинных очередях, такие цифровые решения значительно повышают комфорт при получении услуг государственных сервисов.

С точки зрения государства административные процедуры являются важным инструментом для оптимизации работы государственных структур. Автоматизация процессов позволяет централизовать документацию и оперативно принимать управленческие решения, что положительно сказывается на эффективности всей системы государственного управления. Прозрачность установленных процедур содействует борьбе с коррупцией, уменьшая возможности для злоупотребления служебным положением. Кроме того, цифровые инструменты помогают собирать и анализировать статистические данные, что дает возможность оперативно корректировать и совершенствовать административные процессы в соответствии с актуальными потребностями страны [3].

Качество жизни российских граждан постепенно растет за счет модернизации системы государственного управления через внедрение цифровых технологий. Развитие данного направления не останавливается и продолжает набирать обороты.

Электронные платформы, включая единый портал муниципальных и государственных услуг, вместе с переходом на безбумажный документооборот существенно трансформировали коммуникацию государства с предпринимателями и обычными людьми. Получение необходимых сертификатов, различных лицензий и официальных разрешений теперь требует меньше финансовых вложений и временных ресурсов. Дополнительным положительным эффектом стало снижение коррупционных проявлений и рост открытости во взаимоотношениях власти и общества.

Неравномерное распространение цифровой инфраструктуры по территории государства порождает существенные различия в доступности электронных государственных сервисов для населения различных регионов. Вместе с тем, переход к цифровым технологиям выдвигает на первый план проблемы сохранности конфиденциальной информации граждан и противодействия киберугрозам, которые становятся актуальными задачами для российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ. Доступ из информационно-правовой системы «Консультант-плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/
2. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Доступ из информационно-правовой системы «Консультант-плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/
2. *Григорян С.А., Амирасланова А.Э., Перехода В.И.* Эволюция административного права в цифровую эпоху // «Вестник науки», № 4 (85), 2025. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-administrativnogo-prava-v-tsifrovuyu-epohu
3. *Жуманазаров В.С.* Инновации в административном праве: роль технологий и цифровизации / В.С. Жуманазаров. [Текст]: непосред. // «Молодой ученый», № 42 (489), 2023. СС. 204–206. URL: https://moluch.ru/archive/489/106882/
4. *Шурухнова Д.Н.* Цифровые технологии в сфере законодательства об административных правонарушениях // «Вестник Московского университета МВД России», № 6, 2020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-v-sfere-zakonodatelstva-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON ADMINISTRATIVE PROCEDURES

A. Khromov, N. Aksenova, K. Danilova, I. Zhuk

FSPO SZIU RANEPA, FSEI FPS

ABSTRACT

The article discusses the concept of administrative procedures and their significance in the Russian Federation, as well as current laws and regulations related to digitalization in administrative procedures. It also provides modern examples of digitalization in administrative procedures.

Keywords: administrative law, administrative procedures, digitalization, electronic document management, and optimization.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-204-215

ՀԱՅԱՍՏԱՆՅԱՅՑ ԱՌԱՔԵԼԱԿԱՆ ՍՈՒՐԲ ԵԿԵՂԵՑՈՒ ԻՐԱՎԱԿԱՆ ԿԱՐԳԱՎԻՃԱԿԸ՝ ԿՐՈՆԱԿԱՆ ԲԱԶՄԱԿԱՐԾՈՒԹՅԱՆ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ

Հ.Ա. Ստեփանյան, Տ.Ա. Միքայելյան

Ռուս-հայկական համալսարան
hasmik.stepanyan@list.ru, tatyanamiqayelyan@mail.ru

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում քննարկում է Հայաստանյայց Առաքելական Սուրբ Եկեղեցու իրավական կարգավիճակը կրոնական բազմակարծության համատեքստում: Վերլուծվում է Եկեղեցու դերի սահմանադրական ամրագրումը, ինչպես նաև «ազգային եկեղեցի» եզրույթի իրավական նշանակությունը:

Միջազգային փորձի և ՄԻԵԴ դատական պրակտիկայի ուսումնասիրության հիման վրա եզրահանգում է արվում առ այն, որ ազգային եկեղեցու ճանաչումը չի հակասում կրոնական ազատությանը, եթե ապահովված են խտրականության բացառման և հավասարության երաշխիքները: Միաժամանակ իրավական որոշակիության տեսանկյունից առաջարկվում է օրենսդրորեն ամրագրել «ազգային եկեղեցի» եզրույթի սահմանումը, ինչպես նաև տարբեր կրոնական խմբերի ներկայացուցիչների խաղաղ համակեցությունն ապահովելու համար առաջարկվում է որոշակի քաղաքական և իրավական մեխանիզմներ:

Հիմնաբառեր՝ Հայաստանյայց Առաքելական Սուրբ Եկեղեցի, ազգային եկեղեցի, կրոնի ազատություն, բացառիկ առաքելություն, կրոնական բազմակարծություն:

1. Ընդհանուր դրույթներ

Հայաստանյայց Առաքելական Սուրբ Եկեղեցու իրավական կարգավիճակի հստակեցման խնդիրը իրավագիտության արդիական հարցերից

է: Սահմանադրական և օրենսդրական կարգավորումներով Առաքելական Եկեղեցին հանդիսանում է որպես ազգային ինքնության ձևավորման և պահպանման առանցքային ինստիտուտ, ինչն էլ միաժամանակ, կրոնական բազմակարծության սկզբունքի և կրոնական այլ կազմակերպությունների իրավահավասարության ապահովման համատեքստում առաջացնում է իրավաքաղաքական քննարկումներ և իհարկե գիտական վերլուծության պահանջ:

Վերջին տասնամյակների գիտական գրականության ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, որ հարցը հիմնականում դիտարկվել է պատմաքաղաքական և կրոնագիտական դիտանկյուններից, մինչդեռ իրավական համատեքստում դեռևս առկա են հակասություններ և բացեր: Ընդ որում միջազգային իրավունքի և մարդու իրավունքների, մասնավորապես խղճի և դավանանքի ազատության ոլորտում տեղի ունեցող զարգացումները, ինչպես նաև գլոբալիզացիոն գործընթացները պահանջում են նոր տեսանկյունից գնահատել Առաքելական Եկեղեցու կարգավիճակը և դրա համադրումը կրոնական բազմակարծության սկզբունքի հետ:

Ժամանակակից հասարակությունում միջդավանական հակասությունների սրացմանը դիմակայելը պահանջում է արդյունավետ քաղաքական և իրավական մեխանիզմների մշակում, որոնք նպատակ ունեն ապահովել տարբեր կրոնական խմբերի ներկայացուցիչների խաղաղ համակեցությունը: Միջազգային իրավունքի ընդհանուր ճանաչված սկզբունքներն ու նորմերը, այդ թվում՝ մարդու իրավունքներն և ազատություններն վերաբերող, դառնում են ազգային իրավական համակարգի անբաժանելի մասը և մեծապես որոշում են պետական և իրավական ինստիտուտների հետագա արդիականացման ուղղությունները:

Պատմաիրավական վերլուծությունը վկայում է, որ Հայ առաքելական եկեղեցու սահմանադրական կարգավիճակը ենթարկվել է դինամիկ փոփոխությունների իրեն բնորոշ առանձնահատկություններով: Այսպես՝ 1995թ. Սահմանադրությամբ ամրագրված չէր Հայաստանյայց Առաքելական Սուրբ Եկեղեցու կարգավիճակի վերաբերյալ որևէ նորմ: Նրա դերի ու նշանակության, ինչպես նաև որպես ազգային եկեղեցի ճանաչելու մասին դրույթ ամրագրված էր 01.06.1991թ. «Խղճի ազատության և կրոնական կազմակերպությունների մասին» օրենքի նախաբանում: Իսկ արդեն 2005 թվա-

կանի և 2015 թվականի սահմանադրական բարեփոխումներով ճանաչվեց Հայ առաքելական եկեղեցու, որպես ազգային եկեղեցու կարգավիճակը։

2005թ. նոյեմբերի 27-ի սահմանադրական բարեփոխումների համաձայն 8.1 հոդվածով նախատեսվեց, որ եկեղեցին անջատ է պետությունից։ Հայաստանի Հանրապետությունը ճանաչում է Հայաստանյայց Առաքելական Սուրբ Եկեղեցու՝ որպես ազգային եկեղեցու բացառիկ առաքելությունը հայ ժողովրդի հոգևոր կյանքում, նրա ազգային մշակույթի զարգացման և ազգային ինքնության պահպանման գործում[1]։

Հարց է առաջանում, արդյո՞ք նման ամրագրումը չի հակասում կրոնների և կրոնական կազմակերպությունների հավասարության սկզբունքին։

Գ. Հարությունյանը և Ա.Վաղարշյանը ընդգծում են, որ Հայ առաքելական սուրբ եկեղեցու ազգային կարգավիճակի ընդգծումը որևէ կերպ չի հակասում կրոնների և կրոնական կազմակերպությունների հավասարության սկզբունքին օրենքի առջև և չի նսեմացնում մյուս եկեղեցական կառույցների դերն ու նշանակությունը, քանի որ ըստ Սահմանադրության և գործող օրենսդրության՝ բոլոր կրոնական կազմակերպություններն ունեն հասարակության բարոյահոգեբանական ներուժի պահպանմանն ու զարգացմանը մասնակցելու հավասար հնարավորություններ[2]։

Կիսելով հեղինակների մոտեցումը, միաժամանակ հարկ ենք համարում նշել, որ ազգային (պետական) եկեղեցու սահմանադրական ճանաչումը բխում է նաև միջազգային իրավական պրակտիկայից։ Այսպես՝ Իսլանդիայի Սահմանադրության 62-րդ հոդվածի համաձայն՝ Ավետարանական Լյութերական եկեղեցին Իսլանդիայի ազգային եկեղեցին է և որպես այդպիսին պաշտպանվում ու աջակցություն է ստանում պետության կողմից։ Նորվեգիայի Սահմանադրության 16-րդ հոդվածը սահմանում է, որ Նորվեգիայի եկեղեցին՝ Ավետարանական-Լյութերական Եկեղեցին պետք է մնա Նորվեգիայի պետական եկեղեցի և որպես այդպիսին պետք է աջակցություն ստանա պետության կողմից[3]։

---

[1] 2005թ. փոփոխություններով ՀՀ Սահմանադրություն։

[2] *Հարությունյան Գ., Վաղարշյան Ա.* ՀՀ Սահմանադրության մեկնաբանություններ, Եր.։ «Իրավունք», 2010, էջ 123։

[3] *Ղամբարյան Ա., Շաքարյան Թ.* «Հայաստանյայց առաքելական սուրբ եկեղեցու սահմանադրական կարգավիճակի բարեփոխումների» դոկտրինալ հայեցակարգ, Եր., 2020, էջ 17։

2015 թվականի սահմանադրական փոփոխությունների արդյունքում ամրագրվել է պետության և կրոնական կազմակերպությունների հարաբերությունների վերաբերյալ ընդհանուր կարգավորումներ (հոդված 17)՝ երաշխավորելով կրոնական կազմակերպությունների գործունեության ազատությունը և կրոնական կազմակերպությունների՝ պետությունից անջատ լինելու սահմանադրական սկզբունքը, ինչպես նաև Հայաստանի Առաքելական Սուրբ Եկեղեցու վերաբերյալ հատուկ դրույթները (հոդված 18), այն է՝ Հայաստանի Հանրապետությունը ճանաչում է Հայաստանյայց առաքելական սուրբ եկեղեցու՝ որպես ազգային եկեղեցու բացառիկ առաքելությունը հայ ժողովրդի հոգևոր կյանքում, նրա ազգային մշակույթի զարգացման և ազգային ինքնության պահպանման գործում: Հայաստանի Հանրապետության և Հայաստանյայց առաքելական սուրբ եկեղեցու հարաբերությունները կարող են կարգավորվել օրենքով:

Այսպիսով 2015թ. սահմանադրական փոփոխություններով էական փոփոխության ենթարկվեց եկեղեցու և պետության փոխհարաբերությունների ձևակերպումը. եթե նախկինում Սահմանադրությունը օգտագործում էր «եկեղեցին անջատ է պետությունից» ձևակերպումը, ապա նոր սահմանադրական տեքստում այն փոխարինվեց «կրոնական կազմակերպություններն անջատ են պետությունից» ձևակերպմամբ:

Իրավական նորմի վերլուծության տեսանկյունից պրոֆեսոր Գ. Դանիելյանը իրավացիորեն նշում է. «Երբեմն «բացառիկ առաքելություն» եզրույթն անհարկի շփոթի տեղիք է տալիս՝ թողնելով այնպիսի տպավորություն, թե խոսքը իբր Հայաստանյայց Առաքելական Սուրբ Եկեղեցու՝ բացառապես անցյալում ունեցած պատմական առաքելության մասին է: Հեղինակն ընդգծում է, որ Սահմանադրությունը նախ և առաջ իրավական ակտ է, ուստի վերջինիս կոչումը ոչ թե պատմական փաստեր արձանագրելն է, այլ հասարակական հարաբերություններ կարգավորելը: Եվ եթե անգամ Սահմանադրությամբ հղում է արված պատմական փաստերին, ապա դրանք սոսկ արձանագրումներ չեն, այլ իրավական նորմի հիպոթեզի բաղադրիչ են, այսինքն՝ դրանցով ընդգծվում է իրավակարգավորման կոնկրետ տարբերակ ընտրելու օրենսդիրի բուն նպատակը: Հայաստանյայց Առաքելական Սուրբ Եկեղեցու առաքելությունը ոչ միայն պատմա-

կան, այլև փաստացի (de facto) բնույթ ունի: Այդ առաքելությունն իրագործելու համար նույն հոդվածի երկրորդ մասը նախատեսում է, որ Հայաստանի Հանրապետության և Հայաստանյայց Առաքելական Սուրբ Եկեղեցու փոխհարաբերությունները կարող են կարգավորվել օրենքով»[4]:

Հայ Առաքելական Սուրբ Եկեղեցու իրավական կարգավիճակը կրոնական բազմակարծության համատեքստում կանխորոշում է վերջինիս և այլ կրոնական կազմակերպությունների հետ փոխհարաբերությունները:

Նախ նշենք, որ Հայաստանի Հանրապետությունը միացել է կրոնական ազատությունը երաշխավորող մի շարք միջազգային կոնվենցիաների, որոնք ՀՀ իրավական համակարգի անբաժանելի մասն են կազմում: Միաժամանակ Հայաստանը պարտավորություն է ստանձնել համապատասխանեցնել ներպետական օրենսդրությունը միջազգային նորմերի դրույթներին:

1991թ. Գերագույն խորհրդի կողմից ընդունված «Խղճի ազատության և կրոնական կազմակերպությունների մասին» ՀՀ օրենքի նախաբանում վերահաստատվում է Հայաստանի միջազգային պարտավորությունները ապահովելու մարդու իրավունքներն ու հիմնարար ազատությունները, այդ թվում բնականաբար նաև խղճի և դավանանքի ազատությունը: Կրոնական բազմակարծության ապահովումը, որպես ժողովրդական պետության բաղադրիչ, առաջին հերթին պետք է իրագործվի պետական եկեղեցու և կրոնական կազմակերպությունների փոխհարաբերությունների իրավական արդյունավետ կարգավորմամբ, հետևաբար, պետությունը պետք է հավասարակշռի ազգային եկեղեցու առանձնահատուկ կարգավիճակի պահպանումը և կրոնական բազմակարծության պաշտպանությունը՝ ապահովելով, որ բոլոր կազմակերպություններն ազատորեն իրականացնեն իրենց գործունեությունը առանց խտրականության կամ սահմանափակման: Մինչդեռ որոշակի հակասություն է առաջացնում նույն օրենքի նախաբանում ամրագրված դրույթն առ այն, որ ճանաչվում է Հայաստանյայց Առաքելական Սուրբ Եկեղեցու՝ որպես հայ ժողովրդի ազգային եկեղեցու,

[4] *Դանիելյան Գ.* Մտքի, խղճի և կրոնի ազատության կառուցակարգային և իրավական երաշխիքները ՀՀ Սահմանադրությունում // «Բանբեր Երևանի համալսարանի. Իրավագիտություն», 2017, № 3 (24): Եր., ԵՊՀ, 2017, էջ 32:

հոգևոր կյանքի շինության ու ազգային պահպանման կարևոր պատվար լինի լինելու հանգամանքը[5]:

Սակայն Վենետիկի հանձնաժողովը ներկայացրած եզրակացություն-զեկույցում քննարկվող օրենքի առնչությամբ նշել է հետևյալը. «…երկրում, որտեղ ազգային ծագման և որոշակի եկեղեցու պատկանելության միջև առկա է հստակ կապ, ինչպես, օրինակ, Հայաստանում, որտեղ բնակչության շուրջ 98%-ը հայ է, իսկ քաղաքացիների մոտ 90%-ը անվանականորեն անդամակցում է Հայ Առաքելական Սուրբ Եկեղեցուն, կարող է առաջանալ այլ կրոնների հանդեպ խտրականության վտանգ: Նման հավանականությունը կանխելու համար անհրաժեշտ է ապահովել և պաշտպանել կրոնական բազմակարծությունը, որը ժողովրդավարության հիմնարար բաղադրիչներից է[6]:

Պետք է իրատեսական մոտեցում ունենալ այս հարցում և ընդունել, որ հասարակության մեջ չի կարող չլինել համոզմունքների վերաբերյալ բազմակարծություն, հետևաբար պետության պարտականությունն է կրոնական և այլ համոզմունքների հիման վրա անհանդուրժողականության և խտրականության դրսևորումներից պաշտպանվելու պատշաճ իրավական երաշխիքների սահմանում:

Ժողովրդավարական հասարակությունների սահմանադրություններում և մարդու իրավունքների միջազգային ու տարածաշրջանային փաստաթղթերում, անշուշտ, ամրագրված են ազատ դավանանքի և խղճի ու համոզմունքի նկատմամբ հարգանքի երաշխիքներ: Հայաստանի Հանրապետության կողմից վավերացվել են մի շարք կոնվենցիաներ, որոնք ամրագրում են յուրաքանչյուրի՝ մտքի, խղճի և կրոնի ազատության իրավունքը, ինչպես նաև սահմանում են կրոնական կամ համոզմունքների հիման վրա անհանդուրժողականության և խտրականության բոլոր ձևերի վերացումը: Մասնավորապես՝ 1948թ. Մարդու իրավունքների համընդհանուր հռչակագրի 18-րդ հոդվածն ամրագրում է հետևյալը. «Յուրաքանչյուր ոք ունի մտքի, խղճի ու դավանանքի ազատության իրավունք. այդ իրավունքը

[5] «Խղճի ազատության և կրոնական կազմակերպությունների մասին» ՀՀ օրենք, ընդունվել է՝ 17.06.1991, ուժի մեջ է մտել՝ 06.07.1991, Հ.Ն-0333-1:

[6] Վենետիկի հանձնաժողովի եզրակացությունը «Խղճի ազատության և կրոնական կազմակերպությունների մասին» ՀՀ օրենքում փոփոխություններ և լրացումներ կատարելու մասին և «ՀՀ քրեական օրենսգրքում փոփոխություններ կատարելու մասին» ՀՀ օրենքների վերաբերյալ, Կարծիք հմ. 530/2009, էջ 11:

ներառում է իր դավանանքը կամ համոզմունքները փոխելու ազատություն և իր դավանանքը կամ համոզմունքները՝ մենակ կամ ուրիշների հետ մեկտեղ, հրապարակավ կամ գաղտնի քարոզելու, եկեղեցական արարողությունների, պաշտամունքի և ծիսակատարությունների միջոցով արտահայտելու ազատություն»: 1966 թվականին ընդունված՝ Քաղաքացիական ու քաղաքական իրավունքների մասին միջազգային դաշնագրի 18-րդ հոդվածը պարունակում է ավելի լայն ձևակերպում (որը ներառում է կրթությունը, սակայն բացահայտ կերպով չի ամրագրում կրոնական համոզմունքը փոխելու իրավունքը)։ 1950 թվականի նոյեմբերի 4-ին ընդունված «Մարդու իրավունքների և հիմնարար ազատությունների պաշտպանության մասին» եվրոպական կոնվենցիայի 9-րդ հոդվածը սահմանում է. «Յուրաքանչյուր ոք ունի մտքի, խղճի և կրոնի ազատության իրավունք. այս իրավունքը ներառում է իր կրոնը կամ համոզմունքը փոխելու ազատությունը և դրանք ինչպես միանձնյա, այնպես էլ այլոց հետ համատեղ և հրապարակավ կամ մասնավոր կարգով, քարոզչության, արարողությունների, պաշտամունքի և ծեսերի միջոցով արտահայտելու ազատություն։ Սեփական կրոնը կամ համոզմունքները դավանելու ազատությունը ենթակա է միայն այնպիսի սահմանափակումների, որոնք սահմանված են օրենքով և անհրաժեշտ են ժողովրդավարական հասարակությունում՝ ի պաշտպանություն հասարակական անվտանգության, հասարակական կարգի, առողջության կամ բարոյականության կամ այլ անձանց իրավունքների և ազատությունների»:

Օրինակները շատ են և յուրաքանչյուրը, թերևս, մի փոքր տարբեր շեշտադրմամբ ամրագրում է մտքի, խղճի և կրոնի ազատության իրավունքը, որը ներառում է նաև կրոնը կամ համոզմունքը փոխելու ազատությունը։

«Կոկկինակիսն ընդդեմ Հունաստանի» գործում կրոնական ազատության վերաբերյալ իր իրավական դիրքորոշումը արտահայտելով դատարանը նշել, որ մտքի, խղճի և կրոնի ազատությունը «ժողովրդավարական հասարակության» հիմքերից մեկն է... Այն ամենակարևոր տարրերից մեկն է, որը կազմում է հավատացյալների ինքնությունը և կյանքի մասին նրանց պատկերացումը։ Ժողովրդավարական հասարակությունից անբաժանելի է բազմակարծությունը, որը թանկ գնով նվաճվել է դարերի ընթացքում[7]:

[7] Kokkinakis v. Greec (application no. 14307/88) հղումը՝ https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-57827%22]}

Բազմակարծությունը, հանդուրժողականությունն ու լայնախոհությունը «ժողովրդավարական հասարակության» դրոշմն են: Թեև անհատական շահերը երբեմն պետք է ստորադասվեն խմբային շահերին, սակայն ժողովրդավարությունը չի ենթադրում, թե միշտ պետք է առավելություն տրվի մեծամասնության շահերին. անհրաժեշտ է հասնել այնպիսի հավասարակշռության, որը կապահովի փոքրամասնությունների ներկայացուցիչների նկատմամբ արդարացի ու պատշաճ վերաբերմունք:

Պետության կողմից կրոնական փոքրամասնությունների համոզմունքների նկատմամբ հարգանքը՝ նրանց հնարավորություն տալով հասարակությանը ծառայելու ըստ իրենց խղճի թելադրանքի, չի հանդիսանում խտրականություն, այլ հակառակը՝ ապահովում է լիարժեք ու կայուն բազմակարծություն և նպաստում հասարակության կրոնական ներդաշնակությանն ու հանդուրժողականությանը:

ՀՀ Սահմանադրության 41-րդ հոդվածը նախատեսում է, որ յուրաքանչյուր ոք ունի խղճի և դավանանքի ազատություն: Այս իրավունքը ներառում է կրոնը կամ համոզմունքները փոխելու ազատությունը և դրանք ինչպես միայնակ, այնպես էլ այլոց հետ համատեղ և հրապարակավ կամ մասնավոր կարգով՝ քարոզի, եկեղեցական արարողությունների, պաշտամունքի այլ ծիսակատարությունների կամ այլ ձևերով արտահայտելու ազատությունը: Խղճի ազատությունը կարգավորվում է նաև ՀՀ «Խղճի ազատության և կրոնական կազմակերպությունների մասին» օրենքով, որը սահմանում է կրոնական կազմակերպությունների գործունեության կարգը, նրանց իրավական կարգավիճակը, ինչպես նաև դավանանքի ազատության իրացման սահմանափակումները:

Ինչպես արդեն նշվեց, Սահմանադրությամբ պետության կողմից Հայ առաքելական եկեղեցու բացառիկ առաքելության ճանաչումը Հայ Առաքելական Եկեղեցու հետ հարաբերություններում վերապահեց նախապատվություն և նրա հետ հաստատեց առանձնահատուկ հարաբերություններ, ինչը սակայն չի նշանակում, որ Հայ Առաքելական Եկեղեցուն վերապահվեց հանրային-իրավական կարգավիճակ: Ինչպես Հայ Առաքելական Եկեղեցու, այնպես էլ այլ կրոնական կազմակերպությունների մասնավոր-իրավական կարգավիճակը սահմանելիս պետությունը կրոնին և եկեղե-

ցուն վերապահել է ոչ թե *պետականաքաղաքական, այլ սոցիալ-մշակութային գործառույթ*[8]:

Անդրադառնալով «ազգային եկեղեցի» եզրույթի կիրառության հիմնահարցերին, համաձայնվում ենք այն իրավական դիրքորոշման հետ, որ քննարկվող տերմինը միջազգային փորձում լայն տարածում չի ստացել և շատ դեպքերում անծանոթ է միջազգային փորձին:

Միջազգային փորձում առավել ընդունված է կրոնական գործունեություն իրականացնող կառույցներին վերաբերող այլ ձևակերպումների օգտագործումը, օրինակ՝ «պետական եկեղեցի» (established church), «ավանդական եկեղեցի» (traditional church), երբեմն՝ «պաշտոնապես ճանաչված եկեղեցի» (officially recognized church) կամ «պետության կողմից աջակցվող եկեղեցի» (state-supported church): Այս տերմինները նախընտրելի են հատկապես այն իրավական համակարգերում, որտեղ կրոնական ազատության և հավասարության սկզբունքները համադրվում են պատմամշակութային ժառանգության ճանաչման հետ:

Հարկ է նշել, որ ո՛չ սահմանադրական, ո՛չ օրենսդրական մակարդակում չի տրվել «ազգային եկեղեցի» հասկացության բնորոշումը, ինչը բնականաբար առաջացնում է տարընկալումներ և բովանդակության ընկալման բարդություններ: Ենթադրվում է, որ եզրույթի իրավական մեկնաբանման բացակայությունը պայմանավորված է խղճի ազատության արտահայտման անհարկի խոչընդոտման վտանգով: Միևնույն ժամանակ պետք է ընդունել, որ իրավական անորոշությունը, որը ծագում է քննարկվող եզրույթի առնչությամբ իր հետ բերում է մի շարք հիմնախնդիրներ, մասնավորապես խղճի և դավանանքի ազատության իրականացման առնչությամբ:

Օրինակ այն, որ հայաստանյան ՋԼՄ-ներում շատ կրոնական կազմակերպություններ բնորոշվում են որպես «հակազգային», որի պատճառով նսեմացվում է նրանց անդամների արժանապատվությունը: Նման

[8] *Հակոբյան Կ.* Հայաստանյայց Առաքելական Սուրբ եկեղեցու իրավական կարգավիճակը և նրա դերը քաղաքացիական հասարակության բարոյական հիմքերի ձևավորման գործում // «Արդարադատություն», № 2 (13), 2011, էջ 23:

չսահմանված եզրերը ոչ միայն չեն կարգավորում կրոնական ոլորտի իրավահարաբերությունները, այլև հակառակը՝ ծնում են նոր խնդիրներ[9]:

Ընդ որում ՄԻԵԴ դատական պրակտիկայում անդրադառնալով պետական եկեղեցու իրավական կարգավիճակի իրավաչափությանը նշվել է, որ պետական եկեղեցական համակարգը չի կարող ինքնին համարվել Կոնվենցիայի 9-րդ հոդվածի խախտում, միևնույն ժամանակ պետական եկեղեցական համակարգը, 9-րդ հոդվածի (հոդված 9) պահանջները բավարարելու համար, պետք է ներառի անհատի կրոնի ազատության հատուկ երաշխիքներ[10]:

Այսպիսով, արված ուսումնասիրության հիման վրա հանգում ենք նրան, որ ազգային եկեղեցու ճանաչումը չի հակասում կրոնական ազատությանը, եթե ապահովված են խտրականության բացառման և հավասարության երաշխիքները, սակայն միջդավանական հակասությունների սրմանը դիմակայելու, տարբեր կրոնական խմբերի ներկայացուցիչների խաղաղ համակեցությունը ապահովելու համար անհրաժեշտ է արդյունավետ քաղաքական և իրավական մեխանիզմների մշակում, մասնավորապես՝

1. Իրավական որոշակիության տեսանկյունից անհրաժեշտ է օրենսդրորեն ամրագրել «ազգային եկեղեցի» եզրույթի սահմանումը: Ընդ որում՝ ազգային եկեղեցու կարգավիճակի իրավական ընկալումը պետք է հիմնված լինի ազգային ինքնության ինստիտուցիոնալ, մշակութային և իրավաքաղաքական ընկալման վրա:

2. Վերանայել կրթական և տեղեկատվական ոլորտի պետական քաղաքականությունը՝ ձևավորելու հանդուրժողականության մշակույթ և վերացնելու հասարակական կարծրատիպերը:

3. Եկեղեցու և հասարակության միջև երկխոսության ձևավորում, որը թույլ կտա պահպանել Հայ Առաքելական Եկեղեցու ազգային-մշակութային առաքելությունը՝ միաժամանակ հարգելով ու պաշտպանելով այլ կրոնական համայնքների իրավունքները:

---

[9] *Դանիելյան Ս.* Նկատառումներ Հայաստանում «Խղճի ազատության մասին» օրինագծի վերաբերյալ Հայաստանյայց Առաքելական Ս. Եկեղեցին և ՀՀ օրենսդրությունը, 2019, էջ 20:

[10] *Evans C., Thomas C.* Church-State Relations in the European Court of Human Rights. Volume 2006, issue 3. PP. 700:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. 1995թ. Հայաստանի Հանրապետության Սահմանադրություն (2005 և 2015թթ. փոփոխություններով):
2. *Հարությունյան Գ., Վաղարշյան Ա.* ՀՀ Սահմանադրության մեկնաբանություններ, Եր.: «Իրավունք», 2010:
3. *Ղամբարյան Ա., Շաքարյան Թ.* Հայաստանյայց առաքելական սուրբ եկեղեցու սահմանադրական կարգավիճակի բարեփոխումների դոկտրինալ հայեցակարգ: Եր., 2020:
4. *Պողոսյան Վ., Սարգսյան Ն.* Հայաստանի Հանրապետության 2015 թ. Խմբագրությամբ Սահմանադրությունը: Եր.: «Տիգրան Մեծ», 2016:
5. *Դանիելյան Գ.* Մտքի, խղճի և կրոնի ազատության կառուցակարգային և իրավական երաշխիքները ՀՀ Սահմանադրությունում // «Բանբեր Երևանի համալսարանի. Իրավագիտություն», 2017, № 3 (24): Եր., ԵՊՀ, 2017:
6. «Խղճի ազատության և կրոնական կազմակերպությունների մասին» ՀՀ օրենք, ընդունվել է՝ 17.06.1991, ուժի մեջ է մտել՝ 06.07.1991, Հ.Ն-0333-1:
7. Վենետիկի հանձնաժողովի եզրակացությունը «Խղճի ազատության և կրոնական կազմակերպությունների մասին» ՀՀ օրենքում փոփոխություններ և լրացումներ կատարելու մասին և «ՀՀ քրեական օրենսգրքում փոփոխություններ կատարելու մասին» ՀՀ օրենքների վերաբերյալ, Կարծիք հմ. 530/2009:
8. Kokkinakis v. Greec (application no. 14307/88): https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-57827%22]}
9. *Հակոբյան Կ.* Հայաստանյայց Առաքելական Սուրբ եկեղեցու իրավական կարգավիճակը և նրա դերը քաղաքացիական հասարակության բարոյական հիմքերի ձևավորման գործում // «Արդարադատություն», № 2 (13), 2011:
10. *Դանիելյան Ս.* Նկատառումներ Հայաստանում «Խղճի ազատության մասին» օրինագծի վերաբերյալ. Հայաստանյայց Առաքելական Ս. Եկեղեցին և ՀՀ օրենսդրությունը: 2019:
11. *Evans C., Thomas C.* Church-State Relations in the European Court of Human Rights. Volume 2006, issue 3.

THE LEGAL STATUS OF THE ARMENIAN APOSTOLIC HOLY CHURCH IN THE CONTEXT OF RELIGIOUS PLURALISM

H. Stepanyan, T. Miqayelyan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article examines the legal status of the Armenian Apostolic Holy Church in the context of religious pluralism. It analyzes the constitutional recognition of the

Church's role, as well as the legal significance of the term "national church". Based on the study of international experience and the case law of the European Court of Human Rights, it is concluded that the recognition of a national church does not contradict the freedom of religion, provided that guarantees of equality and the prohibition of discrimination are ensured.

At the same time, from the perspective of legal certainty, it is proposed to define the term "national church" in legislation and to develop specific political and legal mechanisms aimed at ensuring the peaceful coexistence of representatives of different religious groups.

Keywords: Armenian Apostolic Holy Church, national church, freedom of religion, unique apostolate, religious pluralism.

ПРАВОВОЙ СТАТУС АРМЯНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ СВЯТОЙ ЦЕРКВИ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Г. Степанян, Т.А. Микаелян

Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается правовой статус Армянской Апостольской Святой Церкви в контексте религиозного плюрализма. Анализируется конституционное закрепление роли Церкви, а также правовое значение термина «национальная церковь».

На основе изучения международного опыта и судебной практики Европейского суда по правам человека делается вывод о том, что признание национальной церкви не противоречит свободе вероисповедания при условии обеспечения гарантий недопущения дискриминации и равенства. В то же время, с точки зрения правовой определенности, предлагается законодательно закрепить определение термина «национальная церковь», а также разработать определенные политико-правовые механизмы, направленные на обеспечение мирного сосуществования представителей различных религиозных групп.

Ключевые слова: Армянская Апостольская Святая Церковь, национальная церковь, свобода вероисповедания, исключительное апостольство, религиозный плюрализм.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-216-226

ՀՀ ԴԱՏԱՏԱԿԱՆ ՕՐԵՆՍԳԻՐՔ ՍԱՀՄԱՆԱԴՐԱԿԱՆ ՕՐԵՆՔՈՎ ԴԱՏԱՎՈՐԻՆ ԿԱՐԳԱՊԱՀԱԿԱՆ ՊԱՏԱՍԽԱՆԱՏՎՈՒԹՅԱՆ ԵՆԹԱՐԿԵԼՈՒ ՀԵՏ ԿԱՊՎԱԾ ՈՐՈՇ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Ռ.Ա. Դավթյան

Ռուս-հայկական համալսարան
robertmvm@yahoo.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում քննարկվում են դատավորների նկատմամբ կարգապահական պատասխանատվության հարցերը Հայաստանի Հանրապետությունում, մասնավորապես «ՀՀ Դատական օրենսգիրք» սահմանադրական օրենքում առկա անորոշությունները: Հետազոտվում են կարգապահական պատասխանատվության հիմքերի ձևակերպման թերությունները, դրանց կիրառման հետ կապված խնդիրները և հնարավոր լուծումները: Ներկայացվում են առաջարկություններ՝ օրենսդրական կարգավորումները բարելավելու և դատական իշխանության անկախությունը ապահովելու ուղղությամբ:

Հիմնաբառեր՝ դատավոր, կարգապահական պատասխանատվություն, Դատական օրենսգիրք, դատավորի անկախություն, իրավական որոշակիություն, Բարձրագույն դատական խորհուրդ, իրավական բարեփոխումներ:

Ներածություն

Դեռևս XX դարի վերջում շատ երկրների գործադիր մարմինները ի դեմս արդարադատության նախարարությունների կորցրեցին իրենց հիմնական դերը դատական համակարգի կառավարման հարցերում:[1]

[1] Տե՛ս *Куделич Е.А.* Органы судейского сообщества как механизм обеспечения независимости судебной власти, мировой опыт/ «Закон», № 2, 2010. СС. 35–46.

Հայաստանի Հանրապետությունում անկախացումից ի վեր իրականացվել են բազմաթիվ իրավական և դատական բարեփոխումներ՝ հիմնականում պայմանավորված լինելով 1995թ. ՀՀ սահմանադրության ընդունմամբ և Սահմանադրության հետագա փոփոխություններով:

2005 թվականի սահմանադրական փոփոխություններից հետո ՀՀ ազգային ժողովի կողմից ընդունվել են դատական և իրավական բարեփոխումների առնվազն չորս ռազմավարություններ[2]:

Վերոնշյալ ծրագրերում ընդգծվել է արդյունավետ դատական իշխանության կայացման, անկախ և հանրության վստահությունը վայելող դատական համակարգի ձևավորուման կարևորությունը[3]: Ռազմավարությունների շրջանակներում իրականացվել են որոշ դրական փոփոխություններ, որոնցից կարելի է մատնանշել դատավարության ոլորտին առնչվող որոշ հիմնարար օրենսգրքերի ընդունման հանգամանքը, մասնավորապես՝ Վարչական դատավարության օրենսգրքի (ընդունվել է 05.12.2013 թվականին), «Դատական օրենսգիրք» սահմանադրական օրենքի (ընդունվել է 07.02.2018 թվականին), Քաղաքացիական դատավարության օրենսգրքի ընդունումը (ընդունվել է 09.02.2018 թվականին), ներկայումս էլ ակնկալվում է Սնանկության օրենսգրքի ընդունումը:

Իրականացված փոփոխությունները, սակայն, այդպես էլ ամբողջությամբ չհանգեցրեցին ո՛չ համակարգային բարեփոխումների, ո՛չ դատական իշխանության նկատմամբ հանրային վստահության ակնկալվող մակարդակի բարձրացման, ո՛չ դատարաններում և իրավապահ մարմիններում կոռուպցիոն երևույթների վերացման, և ողջամիտ ժամկետում արդար դատաքննության ապահովմանը: Նշվածի մասին բազմիցս բարձրաձայնվել է ՀՀ պետական տարբեր մարմինների կողմից[4]:

Որոշ բարեփոխումներ իրականացվեցին կիսատ՝ արդյունքում «Դատական օրենսգիրք» սահմանադրական օրենքում առկա են կարգավորում-

---

[2] Տե՛ս https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=50926,
https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=110851,
https://www.arlis.am/hy/acts/135487, https://www.arlis.am/hy/acts/166582 :

[3] Ծրագրերի վերլուծությունն առավել մանրամասն տե՛ս «Դատական և իրավական բարեփոխումների ծրագրերի ազդեցությունը ՀՀ-ում դատական իշխանության անկախության հաստատման վրա», հասանելի է հետևյալ հղումով՝ http://prwb.am/new/hy/2019/01/25

[4] Տես՝ https://www.primeminister.am/hy/statements-and-messages/item/2019/05/20/Nikol-Pashinyan-Speech/

ներ, որոնք գործնականում էական խնդիրներ են առաջացնում՝ հատկապես դատավորների կարգապահական պատասխանատվության, դատական իշխանության հանրային հաշվետվողականության ապահովման իմաստով և այլն: Այս հանգամանքն ընդգծվել է Հայաստանի Հանրապետության վերաբերյալ արտասահմանյան հեղինակավոր կառույցների մի շարք զեկույցներում: Մասնավորապես՝ ԵԽ մարդու իրավունքների հանձնակատարի 2015 թվականի մարտի 10-ի թիվ CommDH(2015)2 զեկույցի[5] 37-րդ կետի համաձայն՝ դատական համակարգի վերաբերյալ զեկույցներում արձանագրված կոռուպցիայի զգալի մակարդակը լուրջ մտահոգության տեղիք է տալիս, մասնավորապես՝ հաշվի առնելով դրա քայքայիչ ազդեցությունն իրավունքի գերակայության նկատմամբ հանրային վստահության վրա:

ԱՄՆ Ժողովրդավարության, մարդու իրավունքների ու աշխատանքի բյուրոյի կողմից 2018 թվական ապրիլի 20-ին հրապարակված Մարդու իրավունքների զեկույցում (2017թ.) արձանագրվել է, որ չնայած օրենքը նախատեսում է անկախ դատական համակարգ, սակայն ընդհանուր առմամբ անկախություն ու անկողմնակալություն դատական համակարգի կողմից ի ցույց չի դրվում:

Որոշ փաստաբաններ հաճախակի պնդում են, որ դատավորները այսօր խոցելի են պաշտոնանկ արվելու առումով և չունեն արդյունավետ իրավական պաշտպանության միջոցներ, եթե գործադիր, օրենսդիր կամ վերադաս դատական ատյանի պաշտոնյաները որոշեն նրանց «պատժել»: Ըստ իրավաբանների՝ անկախ որոշումների կայացման համար որոշ դատավորների հեռացման դեպքերը և ինչու ոչ, դրանց հետակա վերականգնումը շարունակում են ազդեցություն ունենալ դատական համակարգի վրա[6]: Դատական իշխանության անկախության բացակայությունը և դրա արդյունքում ՀՀ-ում առկա մարդու իրավունքների հիմնախնդիրներն են փաստվել նաև Եվրոպական միության և Եվրոպայի խորհրդի «Հայաստանի արդարադատության համակարգի անկախության, պրոֆեսիոնալիզմի

[5] 2014 թվականի հոկտեմբերի 5–9 Հայաստան կատարած այցելությունից հետո ԵԽ Մարդու իրավունքների հանձնակատար Նիլս Մույժնիեկսի կողմից կազմված զեկույցը հասանելի է հետևյալ հղումով՝ https://rm.coe.int/ref/CommDH(2015)2

[6] https://am.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/92/hrr2017_arm.pdf

և հաշվետվողականության ամրապնդումը» համատեղ ծրագրի շրջանակում կազմված զեկույցում[7]։

Ինչպես նշում է Մ. Կլեանդրովը. «Բարձրագույն դատական խորհուրդների ինքնավարությունը ավելի բարձր է «երկրորդ սերնդի» սահմանադրություններում[8]։

2018 թվականին և դրանից հետո Հայաստանի Հանրապետությունում տեղի ունեցած իրադարձությունները նոր օրակարգ հաղորդեցին անկախ, արդյունավետ, կոռուպցիայից և հովանավորչությունից հեռու և բարձր հեղինակություն վայելող դատական իշխանություն ունենալու բացարձակ առաջնահերթությունը։

Մենք համոզված ենք, որ Հայաստանի Հանրապետության իրավաբանական հանրությունը, այդ թվում՝ գիտական համայնքը, չի կարող անմասն մնալ դատական համակարգի առկա և բազմազան խնդիրներին արձագանքելու գործընթացից։ Այդ նպատակով անհրաժեշտ է գիտականորեն հիմնավորված և համապարփակ մոտեցումներով վերհանել այս խնդիրները և դրանց հիման վրա մշակել դատական ու իրավական բարեփոխումների նոր առաջարկներ։ Վերջիններս պետք է ներառեն ինչպես կարճաժամկետ և հրատապ, այնպես էլ երկարաժամկետ խնդիրների լուծմանը միտված միջոցառումներ։

Սույն աշխատանքի նպատակը դատարանների և արդարադատության համակարգին առնչվող պետական ինստիտուտների կատարելագործմանն, ինչպես նաև հաշվետվողականության հստակ չափանիշներով օժտված նոր դատական համակարգի ձևավորմանը միտված առաջարկների ներկայացումն է։

Նշված նպատակի իրագործումը հնարավոր չէ առանց դատավորների նկատմամբ կարգապահական վարույթների հարուցման և քննության թափանցիկ, վստահելի ու կոռուպցիայից զերծ մեխանիզմների ձևավորման։

---

[7] https://www.coe.int/en/web/cdcj/-/analysis-of-the-results-of-court-users-satisfaction-survey-of-all-courts-of-all-instances-of-armenia

[8] *Клеандров М.И.* Становление и развитие российских органов судейского сообщества. Вестник Тюменского гос. ун-та. 2012, № 3, СС. 8–9.

Ընթացիկ իրավիճակը և փոփոխությունների անհրաժեշտությունը

2018 թվականին Հայաստանի Հանրապետությունում տեղի ունեցած իշխանափոխությունից հետո ձևավորված ՀՀ Կառավարության 2019 թվականի ծրագրի 4.1. կետում մտահոգություն է արտահայտվում, որ նախկինում դատական համակարգի անկախությունը ստվերված է եղել գործադիր իշխանության ապօրինի միջամտությամբ և ընդգծվում է, որ. «Կառավարությունը պետք է կարողանա նաև բացառել դատավորների կողմից անձնական, նյութական շահագրգռվածությամբ՝ կաշառքով, առաջնորդվելու հնարավորությունը։»:

Գործող «ՀՀ դատական օրենսգիրք» սահմանադրական օրենքում դատավորների կարգապահական պատասխանատվության ինչպես հիմքերը, այնպես էլ ընթացակարգը մի քանի անգամ ենթարկվել է օրենսդրական փոփոխությունների սակայն մինչ օրս մնում է խնդրահարույց այդ թվում՝ իրավական հանրության, մեծաթիվ փաստաբանների և դատավորների պնդմամբ: Հաշվի առնելով, որ արդեն իսկ ՀՀ կառավարության կողմից մշակվել և ներկայացվել են որոշ խնդիրների լուծման համար առաջարկներ, փոփոխություններ[9] սույնով կանդրադառնանք միայն այն խնդիրներին, որոնք, մեր համոզմամբ, չեն ներառվել ներկայացված նախագծերում, կամ ամբողջական չեն լուծում առաջադրված խնդիրները:

Մասնավորապես, կարելի է արձանագրել, որ դատավորների կարգապահական պատասխանատվության հիմքերը ձևակերպված են չափազանց ընդհանուր, բարդ և բազմաշերտ կերպով, ինչը հանգեցնում է իրավական որոշակիության սահմանադրական սկզբունքի խախտմանը: Բացի այդ, Բարձրագույն դատական խորհրդին և կարգապահական վարույթ հարուցող մարմնին ընձեռված է օրենքի մեկնաբանության անհամաչափ լայն հայեցողություն, որը խաթարում է կարգապահական պատասխանատվության ինստիտուտի կանխատեսելիությունը և ստեղծում է սուբյեկտիվ գնահատականների համար նպաստավոր միջավայր, ինչը փաստացի արտահայտվում է իրավակիրառ պրակտիկայում:

[9] Տ՛ես https://www.e-draft.am/projects/8676/justification, https://www.e-draft.am/projects/8788, https://www.e-draft.am/projects/8620, https://www.e-draft.am/projects/8183

Օրենսդիրը դատավորների նկատմամբ կարգապահական պատասխանատվություն է նախատեսել բացառապես այն դեպքերում, երբ խախտումները բնութագրվում են որպես կոպիտ կամ էական և կատարվել են դիտավորությամբ կամ կոպիտ անփութությամբ:

Հետագա օրենսդրական փոփոխություններով փորձ է արվել հստակեցնել «էական կարգապահական խախտման» եզրույթի իրավական բովանդակությունը՝ այն սահմանելով որպես իրավական հիմք, որը կարող է հանգեցնել դատավորի լիազորությունների դադարեցման: Նման հստակեցումը նպատակ ունի նվազեցնել իրավակիրառ պրակտիկայում առկա մեկնաբանային անորոշությունները և ապահովել դատական իշխանության պատասխանատվության ինստիտուտի առավել արդյունավետ և իրավաչափ իրականացում:

Միջազգային չափանիշները վկայում են այն մասին, որ դատավորի նկատմամբ կարգապահական պատասխանատվությունը չի կարող բխել միայն նրա որոշումների էությունից, իրավական մեկնաբանության տարբերություններից կամ դատական սխալներից:

Թեև նշված դրույթը վկայում է այն մասին, որ համապատասխան գործողությունները ինքնին չեն հանգեցնում կարգապահական պատասխանատվության, այն չի ներառում հստակ չափորոշիչներ առ այն, թե ինչ լրացուցիչ գործոններ կարող են հանգեցնել արարքի որակմանը որպես կարգապահական:

Բարձրագույն դատական խորհուրդը (այսուհետ նաև՝ ԲԴԽ), հանդիսանալով դատական ինքնակառավարման մարմին[10], թեպետ նշվածի վերաբերյալ հստակ օրենսդրական ամրագրում առկա չէ, իր որոշումներով որոշակի փորձեր է կատարել հստակեցնելու վերը նշվածը, մասնավորապես՝ ԲԴԽ-16-Ո-Կ-05, ԲԴԽ N ԲԴԽ -29-Ո-Կ-11, ԲԴԽ -57-Ո-Կ-17 որոշումների շրջանակներում՝ դատավորի կողմից սահմանադրական լիազորությունները գերազանցելու, պրոֆեսիոնալիզմի, դատարանին չվերապահված լիազորությունների իրականացման և որևէ իրավական հիմքից կամ ողջամիտ դատողությունից զուրկ գնահատականներ տալու դեպքերի շրջանակներում, սակայն մեր գնահատմամբ, դրանք բավարար չեն Դատական

[10] *Куделич Е.А.* Органы судейского сообщества как механизм обеспечения независимости судебной власти, мировой опыт/ «Закон». № 2, 2010. СС. 35–46:

օրենսգրքի 142-րդ հոդվածի 9-րդ մասի որոշակիության և կարգապահական պատասխանատվության կանխատեսելիության ապահովման տեսանկյունից:

Դատական օրենսգրքում առկա է նաև հետևյալ ձևակերպմամբ կարգավորում՝ Դատական ակտի բեկանումը կամ փոփոխումը ինքնին հիմք չէ այդ ակտը կայացրած դատավորին կարգապահական պատասխանատվության ենթարկելու համար:

Առկա է նաև կարգավորում առ այն, որ Էական կարգապահական խախտում է համարվում արդարադատություն կամ որպես դատարան իր լիազորությունների իրականացման ժամանակ թույլ տրված այնպիսի խախտումը, որը հանգեցրել է Սահմանադրությամբ կամ ՀՀ վավերացված միջազգային պայմանագրերով ամրագրված՝ մարդու իրավունքների և (կամ) ազատությունների հիմնարար խախտման կամ դատական իշխանության հեզինակազրկման:

Այլ կերպ ասած, ամրագրվել է մի կառուցակարգ, երբ դատավորը, ով թույլ է տվել Սահմանադրությամբ կամ Կոնվենցիայում նախատեսված իրավունքի խախտում, կարող է ենթարկվել կարգապահական պատասխանատվությամբ, ընդ ովում, գրեթե առանց ժամկետային սահմանափակման, խախտումը կատարելուց նույնիսկ 15 տարվա ընթացքում, միայն եթե նշված խախտումը արձանագրվել է Մարդու իրավունքների եվրոպական դատարանի ակտով:

Ներկայիս կարգավորումներով, դատավորը կարող է վճռով թույլ տալ դատական սխալ, որը կբեկանվի վերադաս դատարանների կողմից, այդ թվում նրանց կողմից, կարձանագրվի, որ խաթարվել է արդարադատության բուն էությունը, սակայն տվյալ խախտումը թույլ տրված դատավորը չի ենթարկի պատասխանատվության, եթե չլինի այդ գործով ՄԻԵԴ որոշում:

Այսինք, ստացվում է, որ երկու տարբեր իրավական հետևանքներ են նախատեսված նույն դատարանի նույնանման հանգամանքներով խախտման համար, կախված նրանից թե ով է արձանագրել առաջինը նշված խախտումը՝ վերադաս դատարանը, թե՝ ՄԻԵԴ-ը: Ընդ որում, տարբերակված մոտեցումը առկա է ոչ միայն հետևանքների և խախտումը էական կամ ոչ էական համարելու առումով, այլ նաև ընթացակարգային և վաղեմու-

թյան ժամկետների մասով՝ ՄԻԵԴ արձանագրված խախտումների դեպքում վաղեմության ժամկետը ՄԻԵԴ ակտի ուժի մեջ մտնելուց հետո 15 տարի է, իսկ սովորական՝ այսինքն վերադաս դատական ատյանի կողմից արձանագրված խախտման դեպքում, խախտումը թույլ տալուց հետո 8 տարվա ընթացքում:

Սահմանադրության 174-րդ հոդվածը կարգավորում է Բարձրագույն դատական խորհրդի կազմավորման կարգն ու դրա անդամներին ներկայացվող պահանջները:

ԲԴԽ-ն կազմված է տասն անդամներից, որոնցից հինգին ընտրում է Ազգային ժողովը՝ գիտության ոլորտի և այլ հեղինակավոր իրավաբանների թվից՝ պատգամավորների ընդհանուր թվի ձայների առնվազն երեք հինգերորդով, իսկ հինգին՝ Դատավորների ընդհանուր ժողովը՝ դատավորների թվից:

Դատավոր անդամի ընտրության համար փաստացի սահմանված են միայն հետևյալ սահմանափակումները՝ Բարձրագույն դատական խորհրդում պետք է ընդգրկվեն դատավորներ բոլոր ատյանների դատարաններից: Դատավորների ընդհանուր ժողովի կողմից ընտրված անդամը չի կարող լինել դատարանի նախագահ կամ վճռաբեկ դատարանի պալատի նախագահ: Ստացվում է, որ այլ սահմանափակումների բացակայության պայմաններում վերաքննիչ և վճռաբեկ միևնույն մասնագիտացմամբ դատական ատյանից կարող են ընտրվել մի քանի ԲԴԽ անդամներ, այսինքն 5-ից առնվազն երեքը կարող է ներկայացնել միայն մեկ մասնագիտացմամբ դատարանը, ինչը կարծում ենք չի ծառայի մնացած մասնագիտացված դատարանների շահերի հավասարակշռմանը, հաշվի առնելով որ ՀՀ-ում, ըստ էության, գործում է առնվազն 4 տարբեր մասնագիտացմամբ դատարան՝ քրեական, քաղաքացիական, վարչական և սնանկության դատարանը:

Ներկայացվող առաջարկները

Հաշվի առնելով, որ արդարադատություն իրականացնելը դատավորների բացարձակ իրավասությունն է, և դատարանի «շահառու» հանդիսացող դատավարության մասնակիցների համար, ըստ էության, չկա տարբե-

րությունը, արդարադատության բուն էությունը խաթարող դատական սխալը արձանագրվել է ՄԻԵԴ-ի կողմից, թե տվյալ խախտումը թույլ տված դատարանի ներպետական վերադաս ատյանի դատարանի կողմից, գտնում ենք, որ անհրաժեշտ է Դատական օրենսգրքով հավասար մոտեցում ցուցաբերել նշված խնդրի կապակցությամբ, վերադաս դատական ատյանով արձանագրված խախտման հետևանքով հարուցվող կարգապահական վարույթի և ՄԻԵԴ-ի կողմից արձանագրված խախտման դեպքում հարուցվող կարգապահական վարույթների, դրա ընթացքի և հատկապես վաղեմության ժամկետների նկատմամբ:

Առաջարկում ենք նաև սահմանափակել վերաքննիչ և վճռաբեկ միևնույն դատարանի ատյանից մի քանի թեկնածուի առաջադրումը և հետագայում ընտրությունը, որպես ԲԴԽ-ի անդամ: Օրինակ դատավորների մեծամասնության կողմից կարող է նախաձեռնվել ԲԴԽ բոլոր դատավոր անդամների համար միայն Վճռաբեկ դատարանի պալատների մեկից առաջադրվող թեկնածուների ընտրություն, դրանով իսկ տարածելով նեղ շրջանակի մոտեցումները ՀՀ-ում գործող ամբողջ դատական համակարգի վրա, միաժամանակ խաթարելով տվյալ դատական ատյանի աշխատունակությունը: Կամ տեսականորեն, ներկայիս կարգավորումների սահմաններում, դատավորների կողմից ընտրված հինգ թեկնածուներից, 3-ը կարող են ներկայացնել միայն մեկ մասնագիտացմամբ դատարան, ինչը կզրկի երեք այլ մասնագիտացմամն դատարանների ներկայացուցչությունը Բարձրագույն դատական խորհրդում: Հետևաբար այս հարցը ևս պահանջում է իրավական կարգավորում, քանի այն ուղակի կերպով կարող է ազդել նաև հետագայում, նման ոչ բոլոր մասնագիտացմամբ դատարանների հավասարակշռված ներկայացուցչության պարագայում կարգապահական վարույթների գործերի քննության ոչ պրոֆեսիոնալ ներկայացածվածության և/կամ կլանային մասնագիտացմամբ շահերի սպասարկմանը:

Եզրակացություններ

Ներկայացվող առաջարկների ընդունման արդյունքում ակնկալվում է լրամշակել և հստակեցնել դատավորների նկատմամբ կարգապահական վարույթների հարուցման հիմքերը, դրա իրականացման գործընթացները,

ԲԴԽ կազմում, ըստ էության, առկա բոլոր մասնագիտացումներով դատավորների ներգրավվածությունը, ինչը մի կողմից թույլ կտա արդյունավետ պայքար մղել դատական իշխանությունում կոռուպցիայի, հովանավորչության, անձնական կապերով առաջնորդվելով դատական ակտ կայացնելու, մարդու իրավունքների հիմնարար խախտումները կոծկելու դեմ, մյուս կողմից՝ հնարավորություն կընձեռի չխաթարել դատական համակարգի անկախությունը և կայունությունը՝ անցումային արդարադատություն կամ «վեթթինգ» իրականացնելու միջոցով, քանի որ առաջարկվող ողջ կարգապահական վարույթի գործընթացի հիմնական պատասխանատուն լինելու է հենց դատական իշխանության անկախության ապահովման սահմանադրական առաքելությամբ օժտված՝ Բարձրագույն դատական խորհուրդը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. ՀՀ Սահմանադրություն:
2. «ՀՀ Դատական օրենսգիրք» սահմանադրական օրենք:
3. Մարդու իրավունքների եվրոպական կոնվենցիա:
4. Եվրոպայի խորհրդի և այլ միջազգային կազմակերպությունների փաստաթղթեր:
5. ՀՀ կառավարության որոշումներ և ծրագրեր:
6. Բարձրագույն դատական խորհրդի որոշումներ:
7. 2014 թվականի հոկտեմբերի 5-9 Հայաստան կատարած այցելությունից հետո ԵԽ Մարդու իրավունքների հանձնակատար Նիլս Մույժնիեկսի կողմից կազմված զեկույցը:
8. *Դրոզդով ԱԳ, Կայնով Վ.Ի.* Դատավորների կարգապահական պատասխանատվությունը. պատմությունը, տեսությունը և փորձը. մենագրություն: 2020:
9. *Куделич Е.А.* Органы судейского сообщества как механизм обеспечения независимости судебной власти, мировой опыт // «Закон», № 2, 2010.
10. *Клеандров М.И.* Становление и развитие российских органов судейского сообщества // «Вестник Тюменского государственного университета», 2012.
11. Shimon Shetreet-ի աշխատությունները դատական էթիկայի և վարքագծի վերաբերյալ:
12. *Jeffrey M. Shaman, Steven Lubet, և James J. Alfini-ի* «Դատական վարքագիծ և էթիկա» (Judicial Conduct and Ethics).

НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ СУДЬИ К ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО КОНСТИТУЦИОННОМУ ЗАКОНУ РА «О СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ»

Р.А. Давтян

Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются вопросы дисциплинарной ответственности судей в Республике Армения, в частности, неопределенности, содержащиеся в конституционном законе «Судебный кодекс РА». Исследуются недостатки формулировки оснований для дисциплинарной ответственности, проблемы, связанные с их применением, и возможные решения. Представлены предложения по совершенствованию законодательного регулирования и обеспечению независимости судебной власти.

Ключевые слова: судья, дисциплинарная ответственность, Судебный кодекс, независимость судей, правовая определенность, высший судебный совет, правовые реформы.

CERTAIN KEY ISSUES RELATED TO HOLDING A JUDGE ACCOUNTABLE UNDER THE CONSTITUTIONAL LAW OF THE REPUBLIC OF ARMENIA “ON THE JUDICIAL SYSTEM”

R. Davtyan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article discusses the issues of disciplinary responsibility of judges in the Republic of Armenia, in particular, the uncertainties in the constitutional law “Judicial Code of RA”. The shortcomings of the formulation of the grounds for disciplinary responsibility, the problems associated with their application, and possible solutions are examined. Recommendations are presented to improve legislative regulations and ensure the independence of the judiciary.

Keywords: Judge, Disciplinary responsibility, Judicial Code, judges independence, Legal certainty, Supreme Judicial Council, Legal reforms.

ПОЛИТОЛОГИЯ

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ PR-АГЕНТСТВ КАК МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ДЕМОКРАТИИ ОТ ЦИФРОВЫХ МАНИПУЛЯЦИЙ

А.Р. Антонян

Российско-Армянский университет
Агентство по политическим коммуникациям "Cratos Consult"
cratos.consult@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются концепции избирательной кампании в контексте эволюции демократических институтов и влияния цифровых технологий на политическую коммуникацию. Нами рассматривается избирательная кампания как институциональная форма состязательности и вовлеченности, обеспечивающая воспроизводство доверия и подотчетности власти. В условиях цифровизации избирательных кампаний эти функции подвергаются системному искажению из-за распространения манипулятивных технологий и синтетических медиа. В качестве возможного институционального решения предлагается модель внедрения сертифицированных политических PR-агентств, которые обеспечивают юридическую и этическую подотчетность участников электорального процесса. Такая институционализация рассматривается как инструмент укрепления демократической инфраструктуры и восстановления доверия к избирательным процедурам.

Ключевые слова: демократия, избирательная кампания, политический PR, цифровая коммуникация.

Независимые и конкурентные выборы составляют институциональную основу демократии, гарантируя прозрачность, подотчетность и непрерывность ее политико-правового функционирования. Роберт Даль в своей теории полихархии выделял две категории демократических гарантий –

состязательность (contestation) и *вовлеченность* (participation), подчеркивая, что демократия реализуется там, где эти принципы институционализированы через регулярные, свободные и подотчетные выборы. Принципы состязательности и вовлеченности получают практическое выражение в рамках избирательных кампаний. Для Даля избирательная кампания является не просто технической процедурой, а пространством политического соревнования идей, где формируются рамки общественного выбора и укрепляется связь между гражданином и институтом власти [2].

Филипп Шмиттер, развивая институциональную логику демократии, указывал, что устойчивость демократического режима обеспечивается не самим фактом проведения выборов, а институционализацией конкурентных процедур, включая организацию избирательных кампаний [11]. По Шмиттеру, демократия – это не только периодический акт голосования, но и устойчиво воспроизводимый процесс политической коммуникации, в котором избирательные кампании выполняют роль механизма подотчетности (accountability) и публичной артикуляции интересов. В этом контексте избирательные кампании становятся каналом взаимодействия между элитами и гражданами, а их прозрачность – предпосылкой для доверия и консолидации политического сообщества. Сэмюэл Хантингтон в концепции «третьей волны демократизации» рассматривал введение конкурентных выборов и кампаний как первичный этап в институционализации демократического порядка. Он отмечал, что переходные демократии могут быть стабильными лишь тогда, когда процедуры электорального соревнования становятся рутинными и воспринимаются обществом как легитимные [5]. Из этого следует, что избирательные кампании в демократической системе являются механизмом реализации политической конкуренции и институтом воспроизводства доверия.

В условиях XXI века традиционные принципы организации избирательных кампаний подвергаются системному испытанию. Цифровизация политической коммуникации изменила саму природу электорального процесса, превратив избирательные кампании в сложные гибридные структуры, в которых информационные технологии, алгоритмы и социальные медиа оказывают основополагающее влияние.

Как отмечает Г.П. Захари, цифровые манипуляции становятся не исключением, а частью избирательных стратегий. В связи с этим значительная часть электората формирует убеждение в том, что избирательный процесс подвержен манипуляциям или несправедлив. Вследствие чего, даже

прозрачные и легитимные избирательные кампании утрачивают доверие и воспринимаются как сфальсифицированные [12]. П. Лабуз описывает феномен «глубокофейковой демократии» (deep fake democracy) – ситуация, когда избирательный процесс формально сохраняется, но сознание избирателя искажается систематическими фальсификациями восприятия [7]. Согласно П. Павелек, deepfake-контент создает новую форму угрозы демократии – подрыв доверия к базовым механизмам коммуникации. Избиратель не способен отличить подлинное политическое сообщение от синтетического, а значит, теряет возможность принимать рациональное решение [10]. Технологии глубоких подделок и микротаргетинга усиливают этот эффект; как показывают исследования, автоматизированные системы способны «скульптурировать» электоральные предпочтения на уровне индивидуальных когнитивных и эмоциональных паттернов [6]. Эффект цифрового недоверия к политическим процессам имеет накопительный характер: граждане перестают верить даже в правдивые сообщения [7]. В качестве примера можно привести выборы в Бразилии 2022г., когда массовое распространение фейковых новостей через WhatsApp, когда алгоритмы шифрования препятствовали контролю информации. Или же Кембриджский скандал (Cambridge Analytica, 2018), когда использовались персональные данные Facebook-пользователей для прогнозирования электорального поведения и манипуляции голосами в кампаниях Brexit и президентских выборах в США. Такие кейсы существенно отразились на восприятии гражданами легитимности избирательного процесса и политический системы, усиливая общественный скепсис к демократии.

Если процесс голосования в большинстве стран мира сегодня жестко регламентирован и стандартизирован – посредством избирательных кодексов, международных соглашений и наблюдательных миссий (ОБСЕ, Венецианская комиссия, БДИПЧ, Европейская комиссия за демократию через право), – то фаза избирательной кампании остается менее защищенной от различных манипуляций и злоупотреблений. В отличие от процедур подсчета голосов, которые подлежат формализованному контролю, избирательные кампании реализуются в основном в цифровой политической среде, где юридические, этические и технологические нормы еще не получили достаточной институционализации.

Исследование С. Голдберг анализирует американские законы, направленные на запрет синтетических медиа в политической рекламе. Однако даже эти законы, по мнению автора, не способны обеспечить этический

надзор над частными агентствами, создающими контент для партий [4]. В Европейском союзе регуляции по deepfake вводят обязательную маркировку синтетических контента (synthetic media). Однако правоприменение остается фрагментарным. Исследование Л. Батиста подчеркивает необходимость «прослоек ответственности» между технологическими платформами и партиями [1]. В Индии и на Филиппинах, где влияние цифрового популизма особенно велико, иследователи отмечают, что отсутствие сертификации частных агентств по политическим коммуникациям ведет к «теневой индустрии цифрового обмана», где одна и та же команда работает на разные партии, манипулируя общественным мнением через фейковые кампании [8].

Таким образом, существующая нормативная база концентрируется преимущественно на техническом надзоре за платформами и финансированием, тогда как деятельность агентств, консультантов, стратегов и создателей цифровых избирательных кампаний остается в «серой зоне» демократии. Эти агенты, действуя между партиями и обществом, способны как укреплять, так и подорвать легитимность избирательного процесса.

Именно здесь возникает потребность в новом институциональном агенте между партиями и обществом. Таковыми могут быть сертифицированные агентства политического PR, несущие юридическую и этическую ответственность за прозрачность коммуникации.

Сертифицированное агентство обязано:

- ✓ использовать прозрачные методы таргетинга и аналитики;
- ✓ маркировать синтетический контент и рекламные материалы;
- ✓ хранить цифровые следы заказов и публикаций;
- ✓ предоставлять отчетность избирательным комиссиям или независимым наблюдательным советам.

Институционализация политических PR агентств – это процесс нормативного включения их деятельности в архитектуру избирательного процесса. Наличие сертифицированного агенства становится обязательным условием допуска политической партии к выборам. Таким образом, политические PR агентства становятся институциональным актором избирательной демократии, обеспечивая воспроизводимость демократических стандартов в цифровой среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Battista L.* Algorithmic persuasion and the future of electoral integrity // “MDPI Journal of Digital Politics”. Т. 12, № 3, 2024. СС. 45–67.
2. *Dahl R.* Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: “Yale University Press”, 1971, 272p.
3. *George C.* Digital Populism in Asia: Manipulation, Media, and Democracy in Transition. Oxford: “Oxford University Press”, 2023, 318p.
4. *Goldberg S.* Synthetic media and the law: Regulating deepfakes in political campaigns // Notre Dame Journal on Emerging Technology. Т. 18, № 1, 2025. СС. 22–49.
5. *Huntington S.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – Norman: University of Oklahoma Press, 1991, 366p.
6. *Islam M., Rahman S., Chowdhury N.* Microtargeting, misinformation, and voter behavior in hybrid electoral systems // “MDPI Journal of Communication Ethics”. Т. 9, № 2, 2024. СС. 55–73.
7. *Łabuz P., Nehring D.* Deepfake democracy: The transformation of electoral communication in the digital era // “European Political Science”. Т. 23, № 1, 2024. СС. 14–32.
8. *Lokin R.* The shadow industry of political communication: Digital manipulation and electoral ethics in Southeast Asia // “Asian Journal of Political Communication”. Т. 7, № 2, 2024. СС. 102–119.
9. *Painter M*. The cumulative effect of digital distrust in democratic systems // “Journal of National Security Law & Policy”. Т. 15, № 4, 2023. СС. 77–95.
10. *Pawelec P.* Deepfakes and the crisis of democratic trust // “Digital Society”. Т. 6, № 1, 2022. СС. 1–19.
11. *Schmitter P.* The consolidation of democracy and representation of social groups // “American Behavioral Scientist”. Т. 35, № 4–5, 1992. СС. 422–449.
12. *Zakhari G.* Digital manipulation and electoral strategies in the 21st century // “Journal of Political Communication Studies”. Т. 11, № 2, 2023. СС. 66–82.

INSTITUTIONALIZATION OF POLITICAL PR AGENCIES AS A MECHANISM FOR PROTECTING DEMOCRACY FROM DIGITAL MANIPULATION

A. Antonyan

Russian-Armenian University
"Cratos Consult" Political Communications Agency

ABSTRACT

The article analyzes the concepts of electoral campaigns in the context of the evolution of democratic institutions and the impact of digital technologies on political communication. The author interprets the electoral campaign as an institutional form of contestation and participation that ensures the reproduction of trust and governmental accountability. In the conditions of digitalization, these functions of electoral campaigns are systematically distorted due to the spread of manipulative technologies, synthetic media, and the loss of transparency in communication. As a possible institutional solution, the article proposes a model for introducing certified political PR agencies that ensure the legal and ethical accountability of participants in the electoral process. Such institutionalization is viewed as a tool for strengthening democratic infrastructure and restoring public trust in electoral procedures.

Keywords: democracy, electoral campaign, political PR, digital communication.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-233-238

МАО ЦЗЭДУН В ПЕРЕВОДАХ НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

Р.М. Галенкин

Российско-Армянский университет
galenkinr@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется история переводов официальных выступлений, публицистических и художественных трудов, руководителя Китайской Народной Республики и Коммунистической партии Китая Мао Цзэдуна на белорусский язык. Особенное внимание при этом уделяется изучению социально-политических процессов в контексте их влияния на изменение интереса к литературному наследию Мао Цзэдуна в белорусском обществе.

Ключевые слова: Мао Цзэдун, маоизм, Беларусь, международные отношения, культурная дипломатия.

Введение

В XX–XXIвв. восприятие личности и идей Мао Цзэдуна в белорусском культурно-политическом пространстве формировалось неравномерно и было тесно связано как с динамикой китайской революции, так и с изменениями в международном коммунистическом движении и советско-китайских (белорусско-китайских) отношениях. Настоящее исследование посвящено анализу истории знакомства белорусского читателя с биографией, художественным и теоретическим наследием Мао Цзэдуна – от первых публикаций 1930-х годов через послевоенный период и советско-китайский раскол до современных переводческих инициатив в независимой Беларуси, – а также выявлению причин ограниченного распространения его политических работ на белорусском языке и особенностей интерпретации маоизма в белорусской интеллектуальной среде.

Материалы и методы

В начале XX века полуфеодальный Китай вступил в длинную серию буржуазно-демократических революций и гражданских войн. Многомил-

лионные массы китайского народа стали участвовать в политической жизни страны, требовать от сменявших друг друга правительств и милитаристских клик проведения радикальной аграрной реформы, ликвидации полуколониального положения Китая относительно европейских держав. Под влиянием Октябрьской революции в Китае в 1921 году возникает и коммунистическое движение. Изначально, будучи по своей сути исключительно интеллектуальным, оно постепенно приобретает массовый характер и становится значимой силой в китайской революции.

Вполне естественно, что такое развитие событий заставляет руководителей Советского Союза (прежде всего – И.В. Сталина) и Коммунистического Интернационала обратить пристальное внимание на вопросы развития революции в Китае и на роль в данной революции Коммунистической партии. В конечном итоге, несмотря на возражения «левой» оппозиции, в международном коммунистическом движении утверждается тезис о том, что «национально-освободительное движение является частью мировой пролетарской революции» [1]. К середине 1920-ых годов события в Китае становятся одной из самых обсуждаемых тем в СССР, в том числе и в Белорусской ССР. Подобная тенденция сохраняется и в 1930-е годы.

Параллельно, в ходе развития Гражданской войны между Коммунистической партией и Гоминьданом одним из руководителей КПК и Красной армией Китая становится Мао Цзэдун, влияние которого особенно сильно усиливается после успеха Великого похода китайских коммунистов на север в 1934–1936гг.

Под влиянием этих событий в СССР на русском языке в 1936 году выходит книга А.М. Хамадана «Вожди и герои китайского народа», которая впервые знакомит советского читателя с краткой биографией Мао Цзэдуна. В том же году государственным издательством Беларуси тиражом 3185 экземпляров осуществляется перевод книги А.М. Хамадана на белорусский язык под названием. «Правадыры і героі кітайскага народа: Мао Цзэ-дун – правадыр кітайскага народа, Фан Чжы-мін – герой кітайскага народа» [7]. Там же цитируется отрывок из текста Мао Цзэдуна «Доклад об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань». Таким образом, можно сказать, что именно в 1936 году происходит первое подробное знакомство белорусского читателя с личностью Мао Цзэдуна. Однако из-за начала в 1937г. китайско-японской войны, а также из-за вступления СССР во Вторую мировую войну и начала Великой Отечественной войны это зна-

комство белорусских читателей с биографией и идеями Мао Цзэдуна не получило дальнейшего продолжения.

Печатные работы Мао Цзэдуна начали массово появляться в Советском Союзе уже только после окончательной победы Коммунистической партии Китая в Гражданской войне над Гоминьданом и провозглашения Китайской Народной Республики в октябре 1949г. В подавляющем большинстве случаев это были переводы важнейших теоретических работ руководителя КПК с китайского языка на русский язык. Только лишь в 1959г. Государственное издательство БССР тиражом в 10000 экземпляров выпускает речь Мао Цзэдуна «Да патання аб правільным вырашэнні супярэчнасцей унутры народа: Прамова, якая сказана 27 люг. 1957г. на 11-м расшыр. пасяджэнні Вярхоў. дзярж. нарады» [6], посвященную взаимоотношениям между разными классами в социалистическом обществе.

В этом же году также выходят и первые переводы стихотворений Мао Цзэдуна на белорусский язык за авторством поэта Максима Танка, посетившего за несколько лет до этого Китай «в составе советской делегации Всесоюзного общества культурных связей с зарубежными странами» [2]. Свои переводы стихов Мао Цзэдуна «Вялікі паход» и «Снег» Максим Танк опубликовал в журнале «Полымя» [4] на правах главного редактора. Стоит отметить, что ранее в этом же журнале в 1951 году была опубликована статья В. Рудмана под названием «Паэзія міру і братэрства народаў» [8], в которой литературный критик на белорусском языке анализировал классическую форму стихов Мао Цзэдуна и положительно оценивал его творчество.

Дальнейшее издание работ руководителя китайских коммунистов на белорусском языке было прервано Великой Полемикой между КПК и КПСС и последующим советско-китайским расколом. Суть конфликта, с точки зрения китайских коммунистов, заключалась в том, что руководство Советского Союза во главе с Н.С. Хрущевым после XX съезда КПСС взяло курс на уничтожение социализма и создание системы государственно-бюрократического капитализма нового типа, в рамках которой собственностью на средства производства владеет совокупный класс буржуазной бюрократии в лице руководителей государства и предприятий, заинтересованный лишь в увеличении собственных прибылей за эксплуатации рабочего класса и советских колоний (как в рамках Восточного Блока, так и в рамках непосредственно СССР). Естественно, что после выдвижения такого обвинения о каких-либо дружеских отношениях между двумя державами не могло идти и речи.

Вновь Мао Цзэдун стал издаваться на белорусском языке уже в независимой Беларуси. В 2000-е в сети Интернет белорусские переводчики Михаил Баярын и Дмитрий Серебряков публикуют собственные переводы стихотворений Мао Цзэдуна «Атака на Нанкін», «Вежа жоўтага жорава», «Гара Чынкан, «Дзень падвойнае дзявяткі», «Люпаншан», «Марш на Чыян», «Наступ на Фукіен», «Сьвята 1929-га новага году», «Хуіч'ан», «Чангша» [4]. В 2017 году уже упомянутый ранее журнал «Полымя» опубликовал стихи Мао Цзэдуна «Чанша», «Вежа жоўтага бусла», «Цзінганшань», «Новы год», «Дабадзі», «Застава Лаушань», «Тры вершы па шаснаццаць слоў», «Куньлунь», «Великі паход», «Снег», «Шаноўнаму Лю Яцзы», «Бэйдайхэ», «Хуаньсіша» в переводе белорусского поэта Н.М. Метлицкого [3]. Исходя из этого можно сказать, что художественное наследие руководителя Китайской революции белорусским писателями было проработано относительно хорошо. Некоторые стихотворения Мао Цзэдуна даже можно прочесть в нескольких вариантах. Однако важно отметить, при этом, что интерес белорусских поэтов к стихам руководителя Компартии Китая был скорее литературно-эстетический, нежели общественно-политический. В стихах Мао Цзэдуна лишь косвенно отражаются его философские взгляды и идеи, послужившие после его смерти фундаментом для формирования маоисткой идеологии.

Несмотря на то, что в современной Беларуси на протяжении различного времени существовало три относительно крупных марксистско-ленинско-маоистских организации: «Червоны жонд», «Чырвоны Клін» (существует и в настоящее время) и «Новая Дэмакратыя», лишь активисты последней занимались созданием переводов политических произведений Мао Цзэдуна на белорусский язык. За несколько месяцев на ресурсах «Новой демократии» вышли тексты Мао Цзэдуна «Да пытання аб метадах кіраўніцтва», «Супраць лібералізму», «Супраць буржуазнай ідэалогіі ўнутры партыі», «За правільны стыль у працы партыі», а также отрывки из текста «Да патання аб правільным вырашэнні супярэчнасцей унутры народа» в собственном переводе организации [9].

Результаты

Широкая доступность теоретического наследия руководителя Коммунистической партии Китая на русском языке обусловила отсутствие систематического запроса на его издание на белорусском языке в советский пе-

риод. Данный феномен является прямым следствием последовательной политики русификации, которую проводил позднесоветский государственный аппарат и которую активно продолжает существующий политический режим в Беларуси. Через планомерное вытеснение белорусского языка из интеллектуальной и политико-философской сфер, русский язык был утвержден в качестве монопольного посредника для освоения зарубежной теории, что ограничивало развитие национальной терминологии и независимой политической мысли.

Кроме того, наследие «позднесоветского ревизионизма» сформировало в белорусском обществе крайне фрагментированное и мифологизированное представление о маоизме. Как советская пропаганда в прошлом, так и официальный государственный дискурс сегодня избегают глубокого научного анализа идей Мао Цзэдуна, замещая их поверхностными стереотипами и деполитизированными образами.

Переиздание полного пятитомного собрания сочинений Мао Цзэдуна в переводе на белорусский язык могло бы стать фундаментальным шагом в деле деколонизации белорусской интеллектуальной среды и преодоления теоретических искажений. Учитывая рост влияния маоистских идей на глобальном уровне – в частности, динамику революционных движений в Индии, Непале, Перу, Турции и на Филиппинах, – актуализация этого наследия в национальном языковом контексте становится исторически обоснованной. Можно с уверенностью предположить, что в условиях трансформации политической конъюнктуры начнется активная научно-издательская деятельность по переводу текстов Мао Цзэдуна на белорусский язык, что станет важным фактором формирования суверенной интеллектуальной субъектности Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сталин И.В.* О перспективах революции в Китае: речь в китайской комиссии ИККИ [Эл. ресурс]. URL: https://c21ch.newcastle.edu.au/stalin/t9/t9_15.htm (дата обращения: 30.12.2025).
2. *Шматкова И.И.* Роль поэзии Максима Танка в становлении белорусско-китайских культурных связей [Эл. ресурс]. URL: https://libeldoc.bsuir.by/bitstream/123456789/46525/1/Shmatkova_Rol.pdf (дата обращения: 28.12.2025).
3. *Карлюкевіч А.* Мао Цзэдун – кітайскі паэт XX стагоддзя [Эл. ресурс]. URL:

https://zviazda.by/be/news/20231226/1703574628-mao-czedun-kitayski-paet-xx-stagoddzya (дата обращения: 28.12.2025).
4. *Маа Цзэдун.* Вялікі паход / М. Цзэдун; пер. М. Танка // «Полымя», № 10, 1959. С. 4.
5. *Маа Цзэдун.* Вершы / пер. Дзьмітрыя Серабракова і Міхася Баярына [Эл. ресурс]. URL: https://knihi.com/storage/nihil/mao.htm (дата обращения: 20.12.2025).
6. *Маа Цзэдун*. Да пытання аб правільным вырашэнні супярэчнасцей унутры народа: прамова, якая сказана 27 люг. 1957 г. на 11-м расшыр. пасяджэнні Вярхоў. дзярж. нарады / Мао Цзэ-Дун. Мн.: Дзяржвыд БССР, Рэд. сац.-экан. літ., 1959. 49, [1]с.
7. *Хамадан, А. М.* Правадыры і героі кітайскага народа: Мао Цзэ-дун – правадыр кітайскага народа, Фан Чжы-мін – герой кітайскага народа / Ал. Хамадан; [пер. з рус. мовы]. Менск [Мінск]: Дзярж. выд-ва Беларусі, Соцэксектар, 1936. 54, [1]с.: партр. С. 5.
8. *Рудман В*. Паэзія міру і братэрства народаў / В. Рудман // «Полымя», № 7, 1951. СС. 149–151.
9. Пераклады Маа Цзэдуна па-беларуску: ініцыятыва «Новай дэмакратыі» [Эл. ресурс] // Russian Maoist Party: афіцыйны сайт. 2024. Рэжым доступу: https://rusmaoparty.org/mao_by/ (дата обращения: 27.01.2026).

MAO ZEDONG IN BELARUSIAN TRANSLATIONS

R. Galenkin

Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article explores the history of translations of official speeches, journalistic, and literary works by Mao Zedong, the leader of the People's Republic of China and the Communist Party of China, into the Belarusian language. Particular attention is paid to the study of socio-political processes in the context of their influence on the shifting interest in Mao Zedong's literary heritage within Belarusian society.

Keywords: Mao Zedong, Maoism, Belarus, international relations, cultural diplomacy.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-239-249

ԱԶԴԱԿԻՐ ՀԱՄԱՅՆՔՆԵՐԻ ԴԵՐՆ ՈՒ ԿԱՐԳԱՎԻՃԱԿԸ ՀԱՆՐԱՅԻՆ ԿԱՌԱՎԱՐՄԱՆ ԽՆԴԻՐՆԵՐԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ

Մ.Ս. Գալստյան

Ռուս-հայկական համալսարան
gasak.marine@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

«Ազդակիր համայնք» հասկացությունն անկյունաքարային նշանակություն ունի շրջակա միջավայրի վրա՝ ազդեցության գնահատման և փորձաքննության գործընթացները կարգավորող Հայաստանի Հանրապետության օրենսդրական և ենթաօրենսդրական ակտերում, ինչպես նաև այդ ոլորտին առնչվող՝ պետության կողմից վավերացրած միջազգային փաստաթղթերի դրույթների համարժեք մեկնաբանման համատեքստում: «Շրջակա միջավայրի ազդեցության գնահատման և փորձաքննության մասին» ՀՀ օրենքի (այսուհետ՝ Օրենք) 12-րդ հոդվածը սահմանում է գործունեության այն տեսակները, որոնք ենթակա են շրջակա միջավայրի վրա ազդեցության գնահատման (այսուհետ՝ ՇՄԱԳ) և փորձաքննության: Ընդ որում Օրենքի 6-րդ հոդվածի համաձայն՝ գնահատման նպատակն է հիմնադրույթային փաստաթղթի նախագծի կամ նախատեսվող գործունեության՝ նախագծային փաստաթղթին և ՇՄԱԳ հաշվետվությանը համապատասխան իրականացման արդյունքով շրջակա միջավայրի վրա հնարավոր ազդեցությունների կանխատեսումը, կանխարգելումը, նվազեցումը կամ բացառումը, ինչպես նաև դրանց ամբողջական, գումարային և գիտականորեն հիմնավորված գնահատումը: Նույն հոդվածով սահմանվում է նաև, որ փորձաքննության նպատակն է շրջակա միջավայրի վրա հնարավոր բացասական ազդեցության կանխարգելման, նվազեցման կամ բացառման սկզբունքով՝ հիմնադրույթային փաստաթղթի նախագծի և ՌԷԳ հաշվետվության կամ նախագծային փաստաթղթի ու ՇՄԱԳ հաշվետվության ուսումնասիրության, վերլուծության և գնահատման արդյունքում համապատաս-

խան պետական փորձաքննական դրական կամ բացասական եզրակացության տրամադրումը հիմնադրույթային փաստաթղթի նախագծի կամ նախատեսվող գործունեության վերաբերյալ։

Միևնույն ժամանակ Օրենքի 17-րդ հոդվածի համաձայն՝ փորձաքննության գործընթացը սկսելու համար անհրաժեշտ է տեղական ինքնակառավարման մարմնի նախնական համաձայնությունը՝ համայնքի ավագանու որաշման ձևով։ Այսպիսով, նշված գործընթացի հենց առաջին փուլում՝ որպես պարտադիր պայման, սահմանվում է ազդակիր համայնքի ավագանու համաձայնության որոշման առկայությունը։ Սակայն միևնույն ժամանակ առկա է «ազդակիր համայնք» եզրույթի որոշման կանոնների և ուղենիշների օրենսդրական հստակ կարգավորման անհրաժեշտություն, ինչը էական նշանակություն ունի տվյալ գործընթացի իրավական որոշակիության և կիրառման միասնականության ապահովման տեսանկյունից։

Հիմնաբառեր ՝ ազդակիր համայնք, ՇՄԱԳ, հանրային լսում, հանրային իրազեկում, ավագանու որոշում։

Ներածություն

Առաջին անգամ շրջակա միջավայրի վրա ազդեցության գնահատման ընթացակարգն իրավական ակտով ներկայացվել է ԱՄՆ-ում՝ 1969թ.-ի Ազգային բնապահպանական քաղաքականության ակտում: Դրա ընդունման նպատակն էր տնտեսական, բնապահպանական և իրավական տարրերի ներդաշնակեցումը: 1979 թվականին հաստատվել են շրջակա միջավայրի վրա ազդեցության գնահատման ընթացակարգի իրականացման կանոնները, որոնք հետագայում էականորեն խմբագրվել են 1986 թվականին: [1]

Մինչ օրս աշխարհի ավելի քան 100 երկիր իրենց ներպետական օրենսդրությամբ ամրագրել են շրջակա միջավայրի վրա ազդեցության գնահատման (ՇՄԱԳ) ազգային ընթացակարգը: Թեև յուրաքանչյուր ազգային գնահատման համակարգ ունի իր առանձնահատկությունները, հիմնական չափանիշների առումով դրանք ունեն էական ընդհանրություններ: ՇՄԱԳ-ը պարզ կամ մեկանգամյա գործընթաց չէ, այլ բազմաբաղադրիչ տեխնիկական գործիք, որը համապարփակ կերպով սահմանում, վերլու-

ծում և կանխատեսում է նախատեսվող գործունեության հնարավոր բնապահպանական, սոցիալական, առողջապահական և մշակութային ազդեցությունները տվյալ տարածքի վրա: Նախագծման փուլում բացահայտելով բացասական հետևանքները՝ պատշաճ կերպով իրականացված ՇՄԱԳ-ը, հնարավորություն է տալիս կանխարգելել, նվազեցնել կամ մեղմել անցանկալի հետևանքները: Միևնույն ժամանակ ՇՄԱԳ-ը կարևոր ընթացակարգային դեր է կատարում ոլորտի կառավարման թափանցիկության ապահովման, ինչպես նաև հանրային ներգրավվածության և իրազեկվածության բարձրացման գործում [2]:

Հայաստանի Հանրապետության «Շրջակա միջավայրի վրա ազդեցության գնահատման և փորձաքննության մասին» օրենքն առաջին անգամ ընդունվել է 2014 թվականի հունիսի 21-ին և հետագայում բազմիցս ենթարկվել փոփոխությունների և լրացումների: Հիմք ընդունելով մասնավորապես «Անդրսահմանային ենթատեքստում շրջակա միջավայրի վրա ազդեցության գնահատման մասին» (այսուհետ՝ Էսպոյի) և «Շրջակա միջավայրի առնչությամբ տեղեկության, որոշումներ ընդունելուն հասարակության մասնակցության և արդարադատության մատչելիության մասին» (այսուհետ՝ Օրհուսի) կոնվենցիաների պահանջները՝ Օրենքը ենթարկվել է հիմնեվին վերանայման, որի արդյունքումն 2023 թվականին մշակվել և ընդունվել է նոր Օրենք:

Ուսումնասիրության աղբյուրները Հայաստանի Հանրապետության օրենսդրական կարգավորումներն են, մասնագիտական գրականությունը և համանման այլ նյութեր: Կիրառվել են վերլուծության (անալիզ), համադրության (սինթեզ) և վերացարկման հետազոտական մեթոդները:

ՇՄԱԳ գործընթացի արդյունքում հնարավոր է.

- ✓ բացահայտել էկոլոգիապես վտանգավոր նախագծերը,
- ✓ նախատեսվող գործունեության նախագծում (այսուհետ՝ նախագիծ) առաջարկել ազդեցության նվազեցմանն ուղղված փոփոխությունները,
- ✓ բացահայտել իրատեսական այլընտրանքները,
- ✓ կանխատեսել էական բացասական ազդեցությունները,
- ✓ բացահայտել միայն տվյալ տարածքի բնակիչներին հայտնի հատուկ խնդիրները,

- ✓ ներգրավել և տեղեկացնել ծրագրի իրականացման արդյունքում աղդեցության ենթարկվող համայնքները և անհատները:

ՇՄԱԳ-ի իրականացման արդյունքում նախագծման գործընթացում հաշվի են առնվում բնակչությունից ստացված կարծիքները, իսկ անդրսահմանային ծրագրերի պարագայում՝ միջպետական խորհրդակցությունների արդյունքները: Որոշման կայացման դեպքում՝ լիազոր մարմինները պարտավոր են հանրությանը տեղեկացնել ընդունված որոշման բովանդակության, դրա կատարման պայմանների, ինչպես նաև այն պատճառների ատնկատառումների մասին, որոնք հիմք են հանդիսացել տվյալ որոշման ընդունման համար:Գործող Օրենքի 8-րդ հոդվածի 1-ին մասի 7-րդ կետի համաձայն՝ Հայաստանի Հանրապետության կառավարությունը սահմանել է հանրության իրազեկման և հանրային լսումների ծանուցման բովանդակությունը, հանրային լսումների անցկացման ընթացակարգը, շրջակա միջավայրի վրա ազդեցության գնահատման և փորձաքննության գործընթացում շահագրգիռ հանրության կարծիքների, դիտողությունների և առաջարկությունների ներկայացման կարգը, ինչպես նաև տեղական ինքնակառավարման մարմինների կողմից նախնական համաձայնության կամ անհամաձայնության տրամադրման ընթացակարգը իրականացնելու և դրանց իրականացման ժամկետները [3]: Համաձայն նոր ընդունված կարգի՝ նախատեսվում է երկու հանրային լսում՝ նախկինում սահմանված չորսի փոխարեն, իչպես նաև հանրային իրազեկման ընթացակարգի փոփոխված կարգավորում:

Աղուսյակ 1.

Գործող կարգի համաձայն հանրային լսումների իրականացման քայլերի հաջորդականությունը

	Առաջին հանրային լսում	**Երկրորդ հանրային լսում**
Իրականացնող մարմին	Տեղական ինքնակառավարման մարմիններ	«Շրջակա միջավայրի վրա ազդեցության փորձաքննական կենտրոն» ՊՈԱԿ
Ծանուցում	Առնվազն երեք հազար տպաքանակ ունեցող մամուլի և զանգվածային	Առնվազն երեք հազար տպաքանակ ունեցող մամուլի և զանգվածային

	լրատվության այլ միջոցներով, փակցվում է մարզպետարանի կամ ազդակիր համայնքի տեղական ինքնակառավարման մարմինների և ազդակիր բնակավայրի վարչական ղեկավարի նստավայրի կամ հանրային նշանակության շենքերի (մշակույթի, արվեստի, գիտական, կրթական, ուսումնական նշանակության շենքերի) հայտարարությունների ցուցատախտակի վրա, հրապարակվում է ազդակիր համայնքի տեղական ինքնակառավարման մարմինների պաշտոնական կայքերում, նախաձեռնողի պաշտոնական կայքերում (առկայության դեպքում)	լրատվության այլ միջոցներով, լիազոր մարմնի պաշտոնական կայք
Հանրային լսումների անցկացման վայրի, օրվա և ժամի որոշվում	Համայնքի ղեկավարը որոշում է նախաձեռնողի հետ համատեղ հանրային նշանակություն ունեցող շենքերում և տարածքներում	Փորձաքննական կենտրոնի կողմից՝ համայնքի ղեկավարի և նախաձեռնողի հետ համատեղ
Հանրային լսումը վարողը	Համայնքի ղեկավարը կամ համայնքի ղեկավարի կողմից իր իրավասությունների սահմաններում նշանակված կամ լիազորված տվյալ հանրային լսման համար պատասխանատուն	Փորձաքննական կենտրոնի տնօրենը կամ նրա կողմից նշանակված տվյալ հանրային լսման համար պատասխանատուն

Արձանագրության կազմման ժամկետները	Լսման օրվանից 3 աշխատանքային օրվա ընթացքում	Լսման օրվանից 3 աշխատանքային օրվա ընթացքում
Որոշման ընդունումը	Համայնքի ավագանին հանրային լսումից հետո՝ 30 աշխատանքային օրվա ընթացքում, որոշում է ընդունում նախատեսվող գործունեության իրականացմանը նախնական համաձայնություն կամ անհամաձայնություն տրամադրելու վերաբերյալ: Համայնքի ղեկավարը համայնքի ավագանու որոշման կայացման օրվանից հետո՝ 5-օրյա ժամկետում լիազոր մարմնին և նախաձեռնողին է տրամադրում համայնքի ավագանու որոշումը:	Փորձաքննական կենտրոնը, լսման օրվանից 5 աշխատանքային օրվա ընթացքում, ապահովում է հանրային լսման արձանագրության, լուսանկարների կամ տեսաձայնագրության, առկայության դեպքում՝ նաև շահագրգիռ հանրության կարծիքների, դիտողությունների և առաջարկությունների տեղադրումը լիազոր մարմնի պաշտոնական կայքում:

Համաձայն Օրենքի՝ հանրային լսումն իրականացնում է շահագրգիռ հանրության մասնակցությամբ՝ ազդակիր բնակավայրում: Շահագրգիռ անձ կամ հանրություն է համարվում հիմնադրույթային փաստաթղթի գործողության կամ նախատեսվող գործունեության իրականացման արդյունքում անմիջական կամ հավանական ազդեցության ենթարկվող, ինչպես նաև դրանց վերաբերյալ ընդունվող որոշումների նկատմամբ հետաքրքրություն ցուցաբերող մեկ կամ մեկից ավելի ֆիզիկական կամ իրավաբանական անձը: Նշված սահմանումը բովանդակային առումով համահունչ է Օրհուսի կոնվենցիայում ամրագրված «հասարակություն» հասկացությանը, որի ներքո ընդգրկվում են այն անձինք կամ անձանց խմբերը, որոնք ենթարկվում են կամ կարող են ենթարկվել շրջակա միջավայրի հետ կապված որոշումների ընդունման գործընթացի ազդեցությանը, կամ

որոնք շահագրգռվածություն ունեն այդ գործընթացում [4]: Միևնույն ժամանակ, նշված միջազգային կոնվենցիաներում «ազդակիր» եզրույթը բառացիորեն չի կիրառվում, ինչի արդյունքում ներպետական օրենսդրությունում ձևավորվել է հասկացությունների ոչ ամբողջական համապատասխանություն, որը որոշ դեպքերում հանգեցնում է իրավական անորոշության և կիրառական շփոթմունքի:

Չնայած կատարված մի շարք փոփոխություններին և բարեփոխումներին՝ նշված հարցը շարունակում է մնալ արդիական: Խնդիրն այն է, որ Հայաստանի Հանրապետության կառավարությունը «ազդակիր համայնք» հասկացությունը սահմանում է հիմնականում տարածքային բաղադրիչի հիման վրա, ինչը լիովին համահունչ չէ որոշ միջազգային փաստաթղթերի մոտեցումներին, համաձայն որոնց ազդակիր համայնքը որոշվում է շրջակա միջավայրի տարբեր բաղադրիչների աղտոտվածության մակարդակի, ազդեցության բնույթի և ծավալի հաշվառմամբ:

Համաձայն «Շրջակա միջավայրի վրա ազդեցության գնահատման և փորձաքննության մասին» օրենքի 17-րդ հոդվածի 2-րդ մասի 3-րդ կետի՝ փորձաքննություն չի կարող իրականացվել, եթե հանրային լսման առաջին՝ տեղական փուլի արդյունքներում ավագանին չի տրամադրել համաձայնության որոշում: Նախկին իրավակարգավորման համաձայն՝ ՇՄԱԳ փորձաքննության բացասական եզրակացության դեպքում տնտեսվարողի կողմից կատարված ծախսերը փոխհատուցման ենթակա չէին: Նոր օրենքով նվազեցվել են տնտեսվարողների ռիսկերը. ՇՄԱԳ փորձաքննության պետական տուրքը վճարվում է միայն առաջին հանրային լսման արդյունքում ավագանու դրական որոշման առկայության դեպքում: Ավագանու անհամաձայնության դեպքում «Շրջակա միջավայրի վրա ազդեցության փորձաքննական կենտրոն» ՊՈԱԿ-ի կողմից հետագա փորձաքննություն չի իրականացվում և պետական տուրք վճարելու անհրաժեշտություն չի առաջանում: Առաջին տեղական հանրային լսման բացասական արդյունքով (համայնքային ավագանու անհամաձայնության որոշման) պայմանավորված ՇՄԱԳ փորձաքննության հետագա չիրականացման նման խիստ մոտեցումը չի կիրառվում միջազգային պրակտիկայում [5]:

Սակայն հանրային լսման կամ քննարկման բացասական արդյունքները, թեև պարտադիր պետք է հաշվի առնվեն, բայց չեն կարող որոշիչ լի-

նել նախատեսվող գործունեության իրականացման վերաբերյալ վերջնական որոշման կայացման հարցում: Օրենքը մշակող մարմինները նման խստությունը բացատրում են այն հանգամանքով, որ հայ հասարակությունը չափազանց զգայուն է բնապահպանական հարցերի նկատմամբ ու այս մոտեցմամբ ևս մեկ անգամ կարևորվել է պետություն-հանրություն արդյունավետ համագործակցության սկզբունքը: Միևնույն ժամանակ գործող Օրենքի համաձայն՝ նախաձեռնողը իրավասու է կազմակերպել անսահմանափակ քանակով առաջին փուլի հանրային լսումներ, ինչը հնարավորություն է տալիս տալիս համայնքի կողմից բարձրացված խնդիրների շտկման, ինչպես նաև երկխոսության այլընտրանքային ձևաչափերի կիրառման միջոցով հասնել համայնքի ավագանու դրական որոշմանը:

Այսպիսով, կարող ենք փաստել, որ.

1. Հայաստանի Հանրապետության օրենսդրությունում բացակայում են «ազդակիր համայնք» եզրույթի հստակ որոշման կանոններն ու ուղենիշները, որոնք հիմնված կլինեն շրջակա միջավայրի բաղադրիչների աղտոտվածության ազդեցության ծավալի և բնույթի գիտական չափանիշների վրա:

2. Ազդակիր համայնքի ավագանու անհամաձայնության դեպքում նախատեսվող գործունեությունը զրկվում է ՇՄԱԳ գործընթացի փորձաքննության մասնագիտական փուլ անցելու հնարավորությունից:

Վերը նշված հանգամանքների համադրությունը ստեղծում է կոռուպցիոն և շահարկման ռիսկեր, քանի որ համայնքի ավագանու անհամաձայնությունը կարող է կիրառվել որպես ազդեցության գործիք՝ անկախ նախատեսվող գործունեության իրական բնապահպանական և սոցիալական ռիսկերի գիտականորեն հիմնավորված գնահատումից: Արդյունքում, ՇՄԱԳ գործընթացը դառնում է խոցելի քաղաքական և ոչ մասնագիտական ազդեցությունների նկատմամբ: Այս համատեքստում առաջարկվում է տարբերակել «շահագրգիռ հանրություն», «ազդակիր համայնք» և «քաղաքացիական ակտիվիզմ» հասկացությունները՝ հստակ սահմանելով դրանց դերերը ՇՄԱԳ գործընթացում [6]: Հանրային մասնակցությունը նպատակահարմար է կարգավորել ոչ թե սահմանափակման, այլ մասնագիտական չափանիշների սահմանման միջոցով՝ կանխելով տեղեկատվական մանիպուլյացիայի կամ քաղաքական շահերի բախման ռիսկերը: Սա կհանգեց-

նի հանրային մասնակցության կառավարվող մոդելի ձևավորմանը, որտեղ քաղաքական ներգրավվածությունը չի փոխարինի փորձագիտական վերլուծությանը։

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Gray K.* International Environmental Impact Assessment: Potential for a Multilateral Environmental Agreement // "Columbia Journal of Environmental Law and Policy", 2000.
2. *Яницкий О.Н.* Экологическая политика: глобальный и национальный контексты. М.: Институт социологии РАН, 2015.
3. ԿՈ № 2343-Ն «Հանրության իրազեկման և հանրային լսումների ծանուցման բովանդակությունը, հանրային լսումների ընթացակարգը, շրջակա միջավայրի վրա ազդեցության գնահատման և փորձաքննության գործընթացում շահագրգիռ հանրության կարծիքների, դիտողությունների և առաջարկությունների ներկայացման, տեղական ինքնակառավարման մարմինների կողմից նախնական համաձայնության կամ անհամաձայնության տրամադրման ընթացակարգը և ժամկետները սահմանելու մասին», 2023:
4. «Շրջակա միջավայրի առնչությամբ տեղեկության, որոշումներ ընդունելուն հասարակության մասնակցության և արդարադատության մատչելիության մասին» կոնվենցիա, 1998:
5. «Շրջակա միջավայրի վրա ազդեցության գնահատման և փորձաքննության մասին» ՀՀ օրենք, 2023:
6. *Carter N.* The politics of the environment: Ideas, activism, policy (3rd ed.). Cambridge: "Cambridge University Press", 2018.

РОЛЬ И СТАТУС ЗАТРОНУТЫХ СООБЩЕСТВ В КОНТЕКСТЕ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

М.С. Галстян

Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

Понятие «затронутое сообщество» играет важную роль в системе правового регулирования оценки воздействия на окружающую среду (далее – ОВОС) и государственной экологической экспертизы в Республике Армения, а также в контексте интерпретации и применения положений международных экологических доку-

ментов, ратифицированных государством. Статья 12 Закона Республики Армения «Об оценке и экспертизе воздействия на окружающую среду» (далее: Закон) определяет виды деятельности, подлежащие ОВОС и экспертизе. В соответствии со статьей 6 Закона, целью оценки является прогнозирование, предотвращение, снижение либо исключение возможных негативных воздействий на окружающую среду, возникающих в результате реализации планируемой деятельности или программного документа, а также их комплексная, совокупная и научно обоснованная оценка. В той же статье установлено, что целью экспертизы является вынесение положительного или отрицательного экспертного заключения на основе анализа и оценки проектной документации и отчета по ОВОС, исходя из принципа предотвращения, снижения или исключения негативного воздействия на окружающую среду. Одновременно, статья 17 Закона предусматривает, что для начала процедуры экспертизы требуется предварительное согласие органа местного самоуправления, основанное на решении совета общины. Таким образом, уже на первом этапе процедуры наличие согласия совета затронутого сообщества закрепляется в качестве обязательного условия. В то же время отсутствие четко установленных законодательных критериев и методических ориентиров определения статуса «затронутого сообщества» приводит к правовой неопределенности и неоднозначного применения норм, включая риски в сфере публичного управления и коррупционные риски. Это подчеркивает необходимость разработки единых и объективных стандартов определения затронутых сообществ в рамках процедур ОВОС.

Ключевые слова: затронутое сообщество, оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС), общественные слушания, общественное информирование, решение совета общины.

THE ROLE AND STATUS OF AFFECTED COMMUNITIES IN THE CONTEXT OF PUBLIC GOVERNANCE

M. Galstyan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

The concept of an “affected community” constitutes a key institutional element of the environmental impact assessment and state environmental expertise system in the Republic of Armenia, as well as an important mechanism for implementing the principles of participation and accountability in public governance. The Law of the Republic of Armenia “On Environmental Impact Assessment and Expert Examination”

establishes EIA and expert review as instruments of preventive regulation aimed not only at identifying and mitigating environmental risks, but also at shaping public decision-making processes based on scientifically grounded assessments of potential impacts. At the same time, the legal framework grants local self-government bodies – through decisions of community councils – the authority to provide preliminary consent, without which the expert examination procedure cannot be initiated. As a result, the status of an affected community acquires not only an environmental, but also a pronounced political and governance dimension, functioning as a formal leverage within the decision-making process. In the absence of clearly defined legal criteria for determining an "affected community," this authority is exercised within a broad sphere of institutional discretion, which undermines legal certainty and increases the vulnerability of the procedure to selective enforcement and informal practices. In this context, the issue of defining affected communities should be understood not merely as a technical or legal problem, but as a broader political-institutional challenge that calls for the development of transparent and standardized approaches within environmental governance frameworks.

Keywords: affected community, environmental impact assessment (EIA), public hearing, public awareness, community council decision.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-250-263

ՏՐԱՆՍՊՈՐՏԱՅԻՆ ՀԱՂՈՐԴԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԶԴԵՑՈՒԹՅՈՒՆԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՏՆՏԵՍԱԿԱՆ ԵՎ ԱՆՎՏԱՆԳԱՅԻՆ ԿԱՅՈՒՆՈՒԹՅԱՆ ՎՐԱ՝ 2020թ. ՊԱՏԵՐԱԶՄԻՑ ՀԵՏՈ

Ն.Ա. Դավթյան, Վ.Ս. Դավթյան

Ռուս-հայկական համալսարան
Միջազգային հարաբերությունների և
Հասարակաքաղաքական գիտությունների ինստիտուտ
narekdavtyan2407@gmail.com, vahedavtyan@yandex.ru

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Աշխատությունը նվիրված է Հայաստանի Հանրապետության տրանսպորտային հաղորդակցությունների դերին և զարգացման հնարավորություններին ազգային անվտանգության և տարածաշրջանային կայունության ապահովման համատեքստում: Ուսումնասիրվել են տրանսպորտային հաղորդակցությունների արտացոլումը ՀՀ ռազմավարական փաստաթղթերում (2007թ., 2013թ., 2020թ.), Արցախյան երկրորդ պատերազմի և տարածաշրջանային աշխարհաքաղաքական փոփոխությունների ազդեցությունը, ինչպես նաև «Հյուսիս–Հարավ» և «Մեկ գոտի, մեկ ճանապարհ» նախագծերի նշանակությունը: Ներկայացվել են ԽՍՀՄ և անկախ Հայաստանի բեռնափոխադրումների համեմատական տվյալներ, վերլուծվել են սահմանների փակ լինելու տնտեսական հետևանքները: Արդյունքները ցույց են տալիս, որ չնայած սահմանափակումներին, Հայաստանը պահպանում է իր տարանցիկ և ռազմավարական կարևորությունը, սակայն անհրաժեշտ է մշակել նոր պետական ռազմավարություն՝ հստակ առաջնահերթություններով տրանսպորտային ենթակառուցվածքների զարգացման համար:

Հիմնաբառեր՝ Հայաստան, տրանսպորտային հաղորդակցություններ, ազգային անվտանգություն, Հարավային Կովկաս, տարածաշրջանային ինտեգրում:

Ներածություն

Համաշխարհային տրանսպորտային հաղորդակցությունների արագ զարգացումը Հայաստանի համար կարևոր է ոչ միայն տնտեսական, այլ նաև ազգային անվտանգության տեսանկյունից: Տրանսպորտային ենթակառուցվածքը հանդիսանում է պետության ռազմավարական գործոն, որը պայմանավորում է ինչպես ռազմական, այնպես էլ տնտեսական և հասարակական ոլորտների կայունությունը: Արցախյան երկրորդ պատերազմից հետո Հարավային Կովկասի տրանսպորտային ուղիների անվտանգությունը և արդյունավետ գործարկումը դարձել են տարածաշրջանի խաղաղության և անվտանգության ապահովման առանցքային խնդիր: Այս համատեքստում Հայաստանի Հանրապետության տրանսպորտային համակարգի ուսումնասիրվածությունը և ռազմավարական պլանավորումը ստացել է նոր արդիականություն, քանի որ այն ազդում է ինչպես տարածաշրջանային, այնպես էլ միջազգային համագործակցության զարգացման վրա:

Մեթոդաբանություն

Այս հետազոտության նպատակն է վերլուծել Հայաստանի Հանրապետության տրանսպորտային հաղորդակցությունների ներկայիս վիճակը, խնդիրները և զարգացման հնարավորությունները՝ ազգային անվտանգության և տարածաշրջանային կայունության համատեքստում: Հետազոտության համար կիրառվել են հետևյալ մեթոդներ:

- **Տեսական մեթոդներ՝** աշխատանքում ուսումնասիրվել են «տրանսպորտային հաղորդակցությունների» կատեգորիայի տեսական և իրավական հիմքերը՝ համեմատելով մի քանի երկրների փորձը:
- **Համեմատական վերլուծություն՝** հաշվի են առնվել տարածաշրջանային երկրների (Ադրբեջան, Վրաստան) տնտեսական ցուցանիշները և տրանսպորտային համակարգերի կառուցվածքը: Վերլուծվել են սահմանների բացման կամ փակ լինելու ազդեցությունները Հայաստանի տնտեսական աճի և տարանցման ներուժի վրա:

- **Պատմավերլուծական մեթոդ՝** տարածաշրջանի տրանսպորտային ենթակառուցվածքի զարգացման պատմությունը ուսումնասիրվել է Ռուսական Կայսրությունից մինչև ԽՍՀՄ և ներկայիս ժամանակաշրջան՝ հաշվի առնելով ռազմավարական նախագծերը («Մեկ գոտի-մեկ ճանապարհ», «Հյուսիս-Հարավ»):
- **Տվյալների վերլուծություն՝** օգտագործվել են վիճակագրական տվյալներ քանակական վերլուծություն իրականացնելու նպատակով և գնահատելու հնարավոր տնտեսական և ռազմավարական ազդեցությունը:

Արդյունք

Տարածաշրջանի պետությունների ՀՆԱ-ի աճի վիճակագրական վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ բաց սահմանների և տնտեսական աճի միջև ուղղակի կապ չկա:

Քննարկում

Սահմանների բացումը Հայաստանի համար ստեղծում է լոգիստիկ մեկուսացումից դուրս գալու և տարանցիկ հանգույց դառնալու հնարավորություններ, սակայն միաժամանակ պահանջում է պրոտեկցիոնիստական քաղաքականություն՝ տեղական շուկան տնտեսական կլանումից և անվտանգային նոր սպառնալիքներից պաշտպանելու համար:

Տրանսպորտային հաղորդակցությունները և դրանց առկայությունը ՀՀ ռազմավարական փաստաթղթերում

Համաշխարհային տրանսպորտային հաղորդակցությունների դինամիկ զարգացման համատեքստում անկասկած է Հայաստանի Հանրապետության հաղորդակցությունների ուսումնասիրության արդիականությունն ազգային անվտանգության և տարածաշրջանային կայունության ապահովման շրջանակներում: **Տրանսպորտային հաղորդակցությունները**

համարվում են բոլոր պետությունների անվտանգային համակարգի գլխավոր դերակատարներից մեկը, քանի որ դրանցից են կախված՝ անհատի, հասարակության, ռազմական, տնտեսական, ներքին և արտաքին հաղորդակցության ապահովման և զարգացման գործոնները: Այդ իսկ պատճառով շատ կարևոր է ուսումնասիրել, թե ինչպիսի խնդիրներ կան Հայաստանի Հանրապետության տրանսպորտային հաղորդակցությունների ոլորտներում, մասնավորապես Արցախյան երկրորդ պատերազմից հետո, երբ Հարավային Կովկասում տրանսպորտային ուղիների անվտանգության ապահովումը և դրանց գործարկումը դարձել է կարևոր խնդիր և չի արտացոլվել հայկական ռազմավարական փաստաթղթերում: Պատերազմների և հակամարտությունների ազդեցությունը Հարավային Կովկասի տրանսպորտային համակարգի վրա, ընդգծում է վերջինիս արդյունավետ աշխատանքի ապահովման անհրաժեշտությունը: Այս առումով տրանսպորտային անվտանգության խնդրի քաղաքական, ռազմավարական, տնտեսական ինչպես նաև տարածաշրջանի աշխարհաքաղաքական իրավիճակի վրա ազդելու գիտակցումը կարևորվում է արդյունավետ քաղաքականության ձևավորման համար: Տարածաշրջանի պետություններն ակտիվ մասնակցում են մի շարք կարևոր տրանսպորտային նախագծերին, ինչպիսիք են «Հյուսիս-Հարավ» և «Արևելք-Արևմուտք», որտեղ ունեն ռազմավարական դեր դրանց զարգացման հեռանկարների վրա: Սակայն բացի տնտեսական ազդեցությունից նախագծերն ունեն նաև տարածաշրջանի անվտանգության և կայունության ապահովման դերակատարում, այդ իսկ պատճառով կարևոր է ընդգծել տրանսպորտային քաղաքականության և անվտանգության ուսումնասիրության կարևորությունը աշխարհաքաղաքական փոփոխությունների համատեքստում: Տարածաշրջանում առկա բարձր առևտրային և տարանցման ներուժը նպաստում է միջազգային և տարածաշրջանային դերակատարների ակտիվ ներգրավմանը Հարավային Կովկասում ընթացող գործընթացներին:

Ի՞նչ է իրենից ներկայացնում Տրանսպորտային հաղորդակցությունը: Չկա հստակ սահմանում, որն ամբողջապես կներկայացնի այն, դրա համար ամեն պետություն ունի իր մոտեցումն այս հասկացության վերաբերյալ, համեմատելով մի շարք պետությունների օրենքները, գալիս ենք այն եզրահանգման, որ «ՏՀ»-ն զուտ մարդկանց և ապրանքների տեղափոխման

միջոց չէ, այն առաջնային ստրատեգիական գործոն է, որն ազդում է պետության անվտանգության և զարգացման վրա: Բոլոր պետությունների համար տրանսպորտային հաղորդակցությունները կազմում են ամենակարևոր դերը նախ և առաջ ռազմական և տնտեսական ոլորտներում, դրանով է թելադրված առաջինիս ստրատեգիական նշանակություն ունենալը: Օրինակ՝ Հայաստանի Հանրապետության (այսուհետև ՀՀ) N 574-Ն կառավարության որոշման համաձայն «ՏՀ»-ն «…արտադրական ենթակառուցվածքի բաղկացուցիչ մասի, արդյունավետ և անխափան գործունեությունը կարևորագույն և անհրաժեշտ պայման է տնտեսության կայունացման, զարգացման և կառուցվածքային բարեփոխման, երկրի ազգային անվտանգության ու պաշտպանության, ժողովրդի կենսապայմանների բարելավման համար»:

Համեմատելով ՀՀ ռազմավարական փաստաթղթերի մեջ «ՏՀ» մասերը, ընդհանուր առմամբ կարող ենք ասել **(2007թ. ՀՀ ռազմավարություն, 2013թ. տրանսպորտային ռազմավարություն, 2020թ. ՀՀ ռազմավարություն)**, որ ամենաընդարձակ դրույթները տրանսպորտային հաղորդակցությունների մասին տրվել են 2013թ. տրանսպորտային ռազմավարության մեջ, որոնք մինչ օրս շատ արդիական են և կարելի է ասել մեծամասամբ չլուծված: 2007թ. ռազմավարությունը շեշտադրում ունի տրանսպորտային հաղորդակցությունների և անկախության պահպանման, ուրիշի վրա շրջափակման հարցի լուծումը թողելու և լուծման դեպքում մեծ տնտեսական աճ ապահովելու հետ կապված: Ներկայացվում է հարևան երկրների միջոցով այլ ճանապարհների բացումը և գործողների կարևորությունը: Ինչ վերաբերում է 2020թ. Ռազմավարությանը, ապա դա ամենահակիրճ ձևով է ներկայացնում տրանսպորտային հաղորդակցությունների դերը և խնդիրները, չի ներկայացնում դրանց լուծմանը նպաստող մոդելներ:

Ելնելով այս ամենից, պետք է կազմվի նոր ռազմավարություն, որտեղ հստակ ընդգծված կլինի տրանսպորտային հաղորդակցությունների զարգացման մասը, նշելով հիմնական առաջնահերթությունները: Պետական մակարդակով պետք է հասկացվի, թե որ ճյուղն է հանդիսանում գլխավորը, ինչպիսի մոդելով այն պետք է զարգացվի և դրան համապատասխան քայլեր ձեռնարկվի, որպեսզի նորից այդ գրվածները չմնան լոկ թղթի վրա:

Տարածաշրջանի ուղիներ

Այսօրվա հիմնական ուղիները Հարավային Կովկասի պետություններում կառուցվել են Ռուսական Կայսրության և ԽՍՀՄ կառավարման տարիների ընթացքում: Դրանց հիմնական ուղղվածությունը եղել է ապահովել ապրանքաշրջանառություն Հյուսիս-Հարավ (Բաքվի նավթի արտահանում Ռուսաստանի տարածք) և Ռուսաստանից զորքի տեղաշարժման ապահովում Վրաստանից Օսմանյան Կայսրության և Պարսկաստանի սահման (Թբիլիս-Գյումրի-Կարս-Երևան-Ջուլֆա): Այսօր տարածաշրջանը հանդիսանում է տարանցիկ գոտի մի քանի խոշոր ճանապարհային նախագծերի համար, որոնցից ամենակարևորներն են՝ «Մեկ գոտի-մեկ ճանապարհ» և «Հյուսիս-Հարավ» տրանսպորտային միջանցքները: Այդ նախագծերը նպատակ ունեն զարգացնելով տարածաշրջանի ենթակառուցվածքը նոր ուղիներ ստեղծեն Արևելքից-Արևմուտք և Հյուսիսից-Հարավ բեռնափոխադրումների համար, սակայն դրա գլխավոր խնդիրն է տարածաշրջանի պատերազմները, փակ սահմանները և չգործող երկաթգծերը: Փակ սահմանների և դրանց հետևանքների վառ օրինակ է Հայաստանի երկաթգծերը, որոնք ունեն 4 կապող կայաններ, որից ընդամենը մեկն է շահագործվում: 1985թ.-ի դրությամբ բեռնափոխադրման ցուցիչը 20 մլն տոննայից իջել է հասնելով 1,5 մլն տոննա 1992թ. դրությամբ, իսկ 2022թ. դրությամբ այն կազմում է 3,5մլն տոննա [1]:

Այսպես, եթե 1990 և 1991թթ. Ջուղայի սահմանով բեռնափոխադրումների ծավալը կազմում էր 2,7 և 2,37 մլն տոննա, որը Իրանի ներմուծման 10 տոկոսն էր, ապա պատերազմների հետևանքով այն կտրուկ նվազեց [2]: Սովետական Հայաստանի տրանսպորտային հաղորդակցությունների դերակատարումը բեռնափոխադրման մեջ հետևյալն էր՝ տրանսպորտային բեռնափոխադրում (խորհրդային պետություններին) 1988թ. դրությամբ 301 մլն տոննա, ավիացիոն մեթոդով նույն թվականին՝ 18,400 տոննա [3], եթե համեմատենք ներկայիս հետ, ապա 2024թ. դրությամբ՝ 14 մլն տոննա ավտոտրանսպորտ, 42,200 տոննա ավիատրանսպորտ: Սակայն պետք է հաշվի առնենք, որ 301մլն/տ դա մոտ 3200 մլն/տ-կմ, մինչդեռ 14 մլն/տ դա 4782 մլն/տ-կմ, այսինքն բեռնափոխադրումը Խորհրդային Հայաստանում հիմնականում իրականացվում էր միջպետական, համայնքների մեջ, մինչդեռ

ՀՀ-ում բեռնափոխադրումը ավելի երկար ճանապարհ է անցնում: Համեմատելով ՀԽՍՀ-ի և ՀՀ «ՏՀ» տոկոսային հարաբերակցությունը, կտեսնենք հետևյալ պատկերը (տե՛ս Աղյուսակ 1):

Աղյուսակ 1

ՀԽՍՀ-ի և ՀՀ «ՏՀ» տոկոսային հարաբերակցություն

Տարեթիվ	Ավտոտրանսպորտ (%)	Երկաթուղի (%)	Ավիացիա (%)
1990	93.8	6.2	0.006
2024	83.6	16.2	0.2

Առաջնահերթ աչքի է ընկնում ընդհանուր ցուցանիշների (մլն/տ) կտրուկ նվազումը մոտ 15 անգամ, որը պայմանավորված է ԽՍՀՄ կազմալուծման հետևանքով, մյուսը դա բեռնափոխադրման տոկոսային կշռի փոփոխությունն է: Այս ամենին նպաստեց նաև սահմանների փակ լինելը, սակայն արդյո՞ք դա խնդիր է զարգացման համար: Հաշվի առնելով ՀՀ տնտեսական աճի ցուցանիշները 1991–2024թթ. ապա կարող ենք ասել, որ ոչ: 1991–2024թթ. ՀՀ ՀՆԱ աճը միջինացված կազմել է 3,74 տոկոս [4, 5], որը համեմատելի է նույն շրջանում Ադրբեջանի ՀՆԱ միջին ցուցանիշին (3,91) [6], իսկ Վրաստանում այդ ցուցանիշը կազմում է 3,4 տոկոս [7]: Այս ցուցանիշներից կարող ենք տեսնել, որ ուղիղ կապ բաց սահմանների և տնտեսական աճի միջև չկան, քանի որ Հայաստանի և Ադրբեջանի սահմանների փակ լինելը նպաստել է Ադրբեջանի ու Վրաստանի միջև տրանսպորտային հաղորդակցությունների կապին, սակայն այդ պարագայում ևս Վրաստանի ցուցանիշը ամենացածրն է, չնայած որ այնտեղ չկան փակ սահմաններ: Հայաստանի պայմաններում սահմանների բացումը կարող է նպաստել տնտեսական զարգացմանը, եթե բավարարի մի քանի պայմանների, որոնցից է օրինակ պրոտեկցիոնիզմի քաղաքականությունը: Ըստ 2008թ.-ի ժամանակվա տվյալների ապաշրջափակման և սահմանների բացման դեպքում Հայաստանի համախառն ներքին արդյունքը (ՀՆԱ) կբարձրանար 30 տոկոսով, իսկ առևտրային պակասորդը զգալի կնվազեր [8]: **Որքանո՞վ է արդիական այս գնահատականը:** Հաշվի պետք է առնենք այն ժամանակվա դրությունը, ըստ որի թուրքիան ուներ էներգետիկ պա-

կասորդ, իսկ արտաքին քաղաքականությունում առաջնորդվում էր «0 խնդիր հարևանների հետ» քաղաքականությամբ, իսկ Ադրբեջանը դեռ չէր շահագործել Բաքու-Թբիլիսի-Ջեյխանը և Բաքու-Թբիլիսի-Կարսը ու հնարավորություն ուներ այն իրականացնել Հայաստանի տարածքով, որն ավելի կարճ էր և տնտեսապես ավելի արդյունավետ: Ինչպես տեսանք փակ սահմանների պարագայում Հայաստանի տնտեսությունը շարունակում է զարգանալ, իսկ «ՏՀ» հաղորդակցությունները հարմարվել են նոր միջավայրին, քանի որ եթե մինչև ԽՍՀՄ փլուզումը ապրանքների 85 տոկոսը գալիս էր Ադրբեջանից, իսկ 15 Վրաստանից, իսկ հիմա 70 տոկոսը Վրաստանից, իսկ 30 Իրանից [9]:

Այնուամենայնիվ, սահմանների փակ լինելը շարունակել է ազդել տարածաշրջանային հաղորդակցությունների քաղաքական բաղադրիչի վրա, ինչն առավել ակնհայտ դարձավ 2020թ. Արցախյան երկրորդ պատերազմի արդյունքում: Տարածաշրջանում ձևավորվեց նոր իրողություն, որի արդյունքում սկսվեցին բանակցություններ Թուրքիայի և Ադրբեջանի հետ, որոնց բաղկացուցիչ մասն է կազմում տարածաշրջանի կոմունիկացիաների բացումը: Իր հերթին 2022թ. ռուս-ուկրաինական ռազմական բախման հետևանքով կարիք եղավ նախկինում գործող Չինաստան-Ռուսաստան-ԵՄ ճանապարհը տեղափոխել: Հայաստանի համար այս դեպքերը համապատասխան նախադրյալներ ստեղծեցին դառնալու «մեկ գոտի-մեկ ճանապարհ» նախագծի կարևոր անդամ, որի հետևանքը կարող է լինել տնտեսական աճը և տարածաշրջանային լարվածության իջեցումը: Հայաստանով անցնող ճանապարհը կլինի ավելի կարճ (նախկին 850 կմ-ի փոխարեն մոտ 450 կմ, կնվազեցնի լոգիստիկ ծախսերը 25 տոկոսով, իսկ փոխադրման ժամկետը կկրճատի գրեթե կրկնակի. նախկին Սուեցով անցնող 40 օրվանից կնվազի մինչև 18 օր), որի արդյունքում ավելի արագ և մատչելի կլինի ապրանքաշրջանառությունը: Ինչ վերաբերում է «Հյուսիս-Հարավ» նախագծին ապա վերջին տարիներին տեղի է ունեցել Հայաստանի և Հնդկաստանի հարաբերությունների խորացում, որի շրջանակներում սկսվել է նորից քննարկվել Հայաստանով անցնող այլընտրանքային ճանապարհը, որը արդիական է, քանի որ վերջին աշխարհաքաղաքական փոփոխությունները Հնդկաստանին ստիպել են մտածել իր արևմտյան ճանապարհի տեղափոխման մասին, որովհետև այն անցնում է իր գլխավոր

թշնամի Պակիստանի հետ լավ հարաբերություններ ունեցող Ադրբեջանի տարածքով: Չնայած նրան, որ Հայաստանը չունենալով բավական նախադրյալներ, որի շնորհիվ կարող է այլընտրանք դառնալ արևմտյան ճանապարհային գծին, քանի որ այնտեղ նախատեսվում է պատրաստել երկաթգիծ, որը կկապի Հնդկաստանը Ռուսաստանին, միևնույն է 2023թ. Հնդկաստանի հետ բանակցությունների ընթացքում բարձրացրել է Պարսից ծոց-Սև ծով ուղղությունը Հայաստանով անցկացնելու մասին առաջարկը: Այս նախագիծը մտնում է Հնդկաստանի ծրագրերի մեջ, քանի որ վերջինս լրացուցիչ ուղիներ է փնտրում Եվրոպա մուտք գործելու համար [10]: Վերոնշյալ նախագիծը այնքանով է արդիական, որ Իրանից Ադրբեջան չկա գործող երկաթգիծ (բացառությամբ Նախիջևանի էքսկլավից): Իրանը պետք է կառուցի Անզալի-Աստարա երկաթգիծ, որը կմիանա ադրբեջանականին: Չնայած այն հանգամանքին, որ Հայաստանում դեռ չի կառուցվել «Հյուսիս-Հարավ» ճանապարհը, որը պետք է ավարտված լիներ 2019թ., վերջինիս բարեխիղճ իրականացման դեպքում, սակայն այդ ճանապարհի միջոցով հնարավոր կլինի կրճատել Հնդկաստանից Սև ծով ճանապարհը մոտ 150 կմ-ով:

2021թ. հունվարին պաշտոնական Բաքուն հայտարարեց Նախիջևան-Մեղրի-Զանգելան(Կովսական)-Բաքու երկաթուղու շինարարության մեկնարկի մասին, որի տարեկան բեռնափոխադրումների ծավալը կկազմի 12 մլն տոննա, ներդրումների արժեքը կկազմի 434 մլն դոլար, որոնք 12 տարում ետ կգան գումարի տեսքով: Այս նախագիծը Ադրբեջանում կոչում են «Զանգեզուրի միջանցք» և այն պլանավորում են բացել 2024թ.: Այն չունի բուն տնտեսական նպատակ, քանի որ 2017թ. շահագործված Բաքու-Թբիլիս-Կարս երկաթգիծը, որը կարող է տարեկան տեղափոխել 6,5 մլն տոննա ապրանք, տարեկան տեղափոխում է ընդամենը 650–690 հազար տոննա համապատասխանաբար 2020 և 2022թթ. [11]: Հիմնական նպատակը Նախիջևանի և մնացած Ադրբեջանի հետ ուղիղ կապ հաստատումն է, ռազմական կապի հաստատումն ու ամրապնդումը, իսկ Թուրքիայի համար Կասպից ծովի հետ ուղիղ կապի հաստատումն է, դուրս գալով Միջին Ասիա՝ մեծացնելով ազդեցությունը այդտեղի թյուրքական երկրների վրա: Թուրքիան «Զանգեզուրի միջանցք»-ն դիտարկում է, որպես Կարս-Իգդիր հետագայում Նախիջևան երկաթգծի կառուցման հեռանկարով:

Սակայն եռակողմ հայտարարության մեջ ասվում էր տարածաշրջանի բոլոր հաղորդակցությունների բացման մասին, իսկ Ադրբեջանը պնդում է միայն այդ միջանցքի բացման մասին: Չի խոսվում Իջևան-Գազախ երկաթգծի մասին, որը կարող է հետագայում հանդիսանալ դեպի Թուրքիա գնացող երկաթգիծ և տնտեսական օգուտներ բերի Հայաստանին: Ալիևը 2024թ. հունվարի սկզբին տեղական լրատվականներին տված հարցազրույցում ասել է, որ եթե Հայաստանը չբացի «Զանգեզուրի միջանցք»-ը, ապա Ադրբեջանը ոչ մի ուրիշ տեղում չի բացի սահման [12]:

Ադրբեջանի և Թուրքիայի քաղաքականությունը ուղղված է միակողմանի արդյունք ձեռք բերելու վրա, որը հաշվի չի առնում Հայաստանի շահերը, այդ իսկ պատճառով սահմանների բացման հարց չպետք է լինի օրակարգում այնքան ժամանակ մինչև այդ հարցում կլինեն զգալի փոփոխություններ:

2025 թվականի օգոստոսի 8-ին Վաշինգտոնում ստորագրվեց Հայաստանի, Ադրբեջանի և Միացյալ Նահանգների միջև համատեղ հռչակագիր, որում 4-րդ հոդվածը վերաբերում է «Trump Route for International Peace and Prosperity» (TRIPP) տրանսպորտային կապին Հայաստանի Հանրապետությունում [13]: Պաշտոնապես, նախաձեռնությունը ներկայացվում է որպես Եվրոպա-Կովկաս-Ասիա առանցքի երկայնքով տրանսպորտային և լոգիստիկ կապերի ամրապնդման նախագիծ: Սակայն դրա տնտեսական բաղադրիչը երկրորդական է թվում: Իրականում դա տարածաշրջանի լոգիստիկ և էներգետիկ ճարտարապետությունում ԱՄՆ ռազմավարական ներկայությունն ամրապնդելու մեխանիզմ է:

Նախագծի տնտեսական նպատակահարմարությունը մնում է անորոշ: Ադրբեջանի ենթակառուցվածքները մնում են մասնատված և զուրկ են կայուն տարանցիկ ներուժից: Այսպես կոչված «Միջին միջանցքը», (Ղազախստան-Կասպից ծով-Բաքու միջով) որը ներգրավվում է «Մեկ գոտի-մեկ ճանապարհ» նախագծի մեջ, բնութագրվում է բարդ լոգիստիկայով, բազմաթիվ վերբեռնումներով և երկաթգծի չափսերի փոփոխություններով: Տրանսպորտային ծավալների դիտարկվող աճը հիմնականում քանակական է, այլ ոչ թե կառուցվածքային: Առևտրային առումով, «Թրամփի երթուղի» նախագիծն այժմ սահմանափակ ներուժ ունի և չի ստեղծում պայմանները Հայաստանը կայուն լոգիստիկ կենտրոնի վերածելու համար: Դրա

հիմնական արժեքը կայանում է իր ռազմավարական չափման մեջ՝ ԱՄՆ ազդեցության ամրապնդում և տարածաշրջանում իշխանության վերաբաշխում:

Հիմնական տնտեսական հիմնավորման բացակայությունը կարող է խոչընդոտել նախագծի լիարժեք իրականացմանը: Այնուամենայնիվ, հաշվի առնելով բարենպաստ աշխարհաքաղաքական միջավայրը և Հարավային Կովկասում տրանսպորտային հաղորդակցությունների համապարփակ ապաշրջափակումը, այս նախաձեռնությունը կարող է ձեռք բերել գործնական նշանակություն և դառնալ Հայաստանի ավելի լայն տնտեսական ռազմավարության մաս:

Եզրակացություն

Հարավային Կովկասը գտնվում է մի շարք տարածաշրջանային և գլոբալ «խաղացողների» ուշադրության կենտրոնում, հատկապես 2020թ. պատերազմից հետո: Այստեղ բախվում են մի շարք երկրների շահեր (ԱՄՆ, ԵՄ, Թուրքիա, Իրան, Ռուսաստան, Հնդկաստան, Չինաստան), որոնք ցանկություն ունեն մեծացնելու իրենց դերը և շահարկելու իրենց համար արդյունավետ տրանսպորտային ուղիները:

Այսպես հաշվի առնելով «ՏՀ» համակարգի դերակատարումը պետությունների համար, մասնավորապես դրանց տնտեսական և ռազմավարական նշանակությունը, պետք է ասենք, որ ՀՀ կարիք ունի ստեղծելու նոր ռազմավարություն, որը հաշվի կառնի իրողությունը այդ 2 մասով: Փորձը ցույց է տվել, որ փակ սահմանների պայմաններում մենք կարող ենք ապահովել կայուն տնտեսական աճ և դրանց բացումը առանց մեր կողմից որոշակի պայմանների՝ պրոտեկցիոնիզմի, կլինի անհավասարակշռված քաղաքականության արդյունք, քանի որ տարածաշրջանային իրողությունը փոխվել է և մեր հնարավոր դերակատարումը թուրքիայի և Ադրբեջանի համար նվազել է 2000-ականների համեմատ: Ռազմավարական տեսանկյունից կարևոր է ներքին ուղիների զարգացումը և Իրանի ու Վրաստանի հետ ավելի սերտ կապի հաստատումը:

2020թ. պատերազմի արդյունքում ստեղծվել են նոր հնարավորություններ տարածաշրջանի հաղորդակցությունների ապաշրջափակման

համար և նոր սպառնալիքներ կապված Հայաստանին պարտադրված, իր շահերին չհամապատասխանող նախագծերի դեպքում։

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Տրանսպորտ և կապ // «Հայաստանի Հանրապետության վիճակագրական կոմիտե», https://armstat.am/am/
2. *Kaleji V.* Iran and South Caucasus Railway Connections after the Nagorno-Karabakh War // "The Central Asia-Caucasus analyst", 08.07.2021.
3. Транспорт и связь СССР: статистический сборник / Государственный комитет СССР по статистике (Госкомстат СССР). М.: «Финансы и статистика», 1990, 240с.
4. Համախառն ներքին արդյունք, շուկայական գներով, մլն. դրամ / Հայաստանի Հանրապետության վիճակագրական կոմիտե, https://armstat.am/am/?nid=12&id=01001 2025
5. Армения – Годовой рост ВВП // "Trading Economics", https://ru.tradingeconomics.com/armenia/full-year-gdp-growth
6. Азербайджан – Годовой рост ВВП // "Trading Economics", https://ru.tradingeconomics.com/azerbaijan/gdp-growth-annual
7. GDP growth (annual %) – Georgia // "Worldbank"
8. Հայաստանի տրանսպորտային հեռանկարները, Տրանսպորտի ոլորտի գլխավոր պլան // «Տրանսպորտ եվ կապ», Հայաստան, 2011:
9. Армения: от блокады до выхода из изоляции (1989–2018) // Кавказский Узел: https://www.kavkaz-uzel.eu/
10. Armenia proposes Iran-Black Sea corridor for Indian traders // "The Economic Times", 10.03.2023.
11. Грузоперевозки по маршруту Баку–Тбилиси–Карс // РЖД Партнер.
12. Anadolu Agency, Алиев: при отказе Армении от Зангезурского коридора Баку не откроет границу в ином месте, 10 января 2024.
13. Հայաստանի Հանրապետության արտաքին գործերի նախարարություն, «Թրամփի ուղի՝ հանուն միջազգային խաղաղության և բարգավաճման» (ԹՐԻՓՓ) նախագծի՝ Հայաստան–ԱՄՆ իրականացման շրջանակի հրապարակման վերաբերյալ համատեղ հայտարարություն:

РОЛЬ ТРАНСПОРТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ МИРА И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ ПОСЛЕ ВТОРОЙ АРЦАХСКОЙ ВОЙНЫ

Н.А. Давтян, В.С. Давтян

Российско-Армянский университет
Институт международных отношений и социально-политических наук

АННОТАЦИЯ

Работа посвящена роли и возможностям развития транспортной инфраструктуры Республики Армения в контексте обеспечения национальной безопасности и региональной стабильности. Рассмотрено отражение транспортной инфраструктуры в стратегических документах Республики Армения (2007, 2013, 2020гг.), влияние Второй Арцахской войны и региональных геополитических изменений, а также значение проектов «Север-Юг» и «Один пояс, один путь». Представлены сравнительные данные по грузоперевозкам СССР и независимой Армении, проанализированы экономические последствия закрытия границ. Результаты показывают, что, несмотря на ограничения, Армения сохраняет свое транзитное и стратегическое значение, но необходимо разработать новую государственную стратегию с четкими приоритетами развития транспортной инфраструктуры.

Ключевые слова: Армения, транспортные коммуникации, национальная безопасность, Южный Кавказ, региональная интеграция.

THE ROLE OF TRANSPORT COMMUNICATIONS IN PEACE AND ECONOMIC DEVELOPMENT FOR THE REPUBLIC OF ARMENIA AFTER THE SECOND ARTSAKH WAR

N. Davtyan, V. Davtyan

Russian-Armenian University
Institute of international Relations and Social Political sciences

ABSTRACT

The work is devoted to the role and development opportunities of transport communications of the Republic of Armenia in the context of ensuring national security and regional stability. The reflection of transport communications in the strategic

documents of the Republic of Armenia (2007, 2013, 2020), the impact of the Second Artsakh War and regional geopolitical changes, as well as the significance of the “North-South” and “One Belt, One Road” projects were studied. Comparative data on freight transportation of the USSR and independent Armenia were presented, and the economic consequences of the closure of borders were analyzed. The results show that despite the restrictions, Armenia retains its transit and strategic importance, but it is necessary to develop a new state strategy with clear priorities for the development of transport infrastructure.

Keywords: Armenia, transport communications, national security, South Caucasus, regional integration.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-264-276

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ МИШЕЛЯ ФУКО

Р.А. Мирумян, А.А. Петросян

Российско-Армянский университет
rimma.mirumyan@gmail.com, a.asyapetrosyan.04@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу политической философии Мишеля Фуко как одного из наиболее оригинальных мыслителей XX века. Рассматриваются ключевые концепции фукианской аналитики власти: понятие власти как рассеянного, продуктивного отношения сил, концепция дисциплинарного общества и паноптической власти, теория биополитики как управления жизнью населения, а также поздние исследования техник «себя» и «субъективации». Особое внимание уделяется методологическому инструментарию Фуко – археологии знания и генеалогии власти, – которые позволяют демонстрировать историческую случайность современных институтов и практик. Анализируется влияние политической философии Фуко на развитие критической теории, феминизма, постколониальных исследований и квир- теории, а также критика его взглядов со стороны Юргена Хабермаса и других мыслителей XX века. Делается вывод об актуальности фукианского подхода для анализа новых форм власти и контроля в цифровом обществе, неолиберальном капитализме и биополитическом управлении.

Ключевые слова: Фуко, власть, биополитика, дисциплинарное общество, генеалогия.

Мишель Фуко (1926–1984гг.) занимает особое, во многом уникальное место в истории политико-философской мысли XX века. Его творчество знаменует собой не просто очередной этап развития европейской философии, но тот концептуальный разрыв, пересмотр самих оснований, на которых строилась предшествующая интеллектуальная традиция размышлений о власти, знании и человеке. Действительно, Фуко предложил радикально новый взгляд на природу власти, который принципиально отличался как от марксистской традиции с ее акцентом на экономический базис и классовую борьбу, так и от либеральной политической теории, сосредоточенной на

проблемах суверенитета, прав человека и легитимности государственных институтов. В центре его внимания оказались не столько вопросы «Кто правит?» или «Какова природа легитимной власти?», сколько глубинные механизмы: «Как власть осуществляется?», «Какими средствами она проникает в тело, в сознание, в самые интимные сферы человеческого существования?».

В отличие от классической политической философии, традиционно сосредоточенной на государстве как верховном суверене, формальных институтах и правовых кодексах, Фуко разработал принципиально иной аналитический подход. В соответствии с ним власть рассматривается не как некая субстанция или собственность, которую можно захватить или удержать, но, скорее, как рассеянная, циркулирующая и, что особенно важно, продуктивная сила. Фуко настаивает на том, что власть не только подавляет, запрещает и исключает (хотя это тоже часть ее функций), но, прежде всего, производит, а именно: производит определенные типы знания, формирует дисциплинарные пространства и, в конечном счете, конструирует самого субъекта. Именно эта идея «власти, пронизывающей все социальные отношения» – от школьного класса и больничной палаты до тюремной камеры и фабричного цеха – стала визитной карточкой его методологии. Работы французского философа, такие, как «Надзирать и наказывать» (1975г.) или «Воля к знанию» (1976г.), существенно повлияли на развитие политической теории, социологии, криминологии и гендерных исследований, открыв новые горизонты для понимания тонких механизмов господства, процессов формирования субъективности и, что не менее важно, для выявления лакун и возможностей сопротивления, которые неизбежно порождает любая система власти.

Важно подчеркнуть, что философия Фуко не возникла в интеллектуальном вакууме. Будучи чуткой рефлексией над духовно-нравственной и социально- политической атмосферой Европы 1960–1970-х гг. – эпохи студенческих волнений, кризиса традиционных идеологий и переосмысления итогов Второй мировой войны, – политическая философия Мишеля Фуко обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, это, безусловно, влияние структурализма и постструктурализма с их вниманием к языку, бессознательным структурам и деконструкции устоявшихся понятий. Во-вторых, это его собственная обширная историко-архивная работа, позволившая ему проследить генеалогию современных институтов власти.

Актуальность его наследия для современного исследователя трудно переоценить. Прежде всего его концепция власти предоставляет исследо-

вателю действенный инструментарий для анализа современных форм политического контроля, которые все чаще выходят за рамки традиционных государственных институтов и приобретают сетевой, «мягкий» или даже алгоритмический характер. Речь идет о контроле над информацией, биометрическом надзоре или управлении поведением через цифровые платформы. Во-вторых, методология Фуко, основанная на изучении дискурсов и практик, остается востребованной в современном критическом анализе таких феноменов, как биополитика (управление жизнью и здоровьем населения) и дисциплинарные практики, которые сегодня трансформировались, но никуда не исчезли, приняв формы корпоративного менеджмента или стандартов образования.

Таким образом, специфика политического мышления Мишеля Фуко наиболее отчетливо раскрывается через призму его ключевых концепций: неразрывной связки «власть-знание», концепции дисциплинарного общества, приходящего на смену обществу карательному, и теории биополитики как технологии власти над жизнью. Особенно важным для понимания вклада философа представляется то, каким образом фукианский анализ феномена власти трансформирует традиционное понимание политического – выводя его из узких рамок парламентских процедур и межгосударственных отношений в пространство повседневности, телесности и знания. Тем самым он открывает новые измерения для критической теории, позволяя мыслить политику не только как сферу принятия решений, но и как поле битвы за истину и за то, кем мы можем стать.

Центральным элементом политической философии Фуко является переосмысление им природы власти. В своей работе «История сексуальности» (1976г.), особенно в ее первом томе «Воля к знанию» (1976г.), Фуко критикует то, что он называет «юридико-дискурсивной» концепцией власти [1]. Согласно этой традиционной модели, власть понимается как нечто, чем обладают (обычно суверен или государство), что действует преимущественно через запрет и репрессию, и что функционирует сверху вниз.

Фуко предлагает свое понимание власти, основанное на нескольких принципиальных положениях. Во-первых, власть не является субстанцией или вещью, которой можно владеть, – это отношение сил, которое реализуется, а не присваивается. Власть существует только в действии, в многообразии силовых отношений, имманентных той сфере, где они действуют [2]. Во-вторых, власть не только репрессивна, но прежде всего продуктивна: она про-

изводит реальность, области объектов и ритуалы истины. В-третьих, власть не централизована, а рассеяна по всему социальному телу; она исходит отовсюду и присутствует во всех социальных отношениях. Суть этого нового понимания Фуко формулирует с предельной точностью:

«Власть – это не институт, и не структура, это не некоторая мощь, которой наделены некие люди; это имя, которое дают сложной стратегической ситуации в данном обществе. Под властью, я думаю, следует понимать прежде всего множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для её организации; понимать игру, которая путём беспрестанных битв и столкновений их трансформирует, усиливает, инвертирует; понимать опоры, которые эти отношения силы находят друг в друге, образуя цепь или систему... Власть везде, не потому что она все охватывает, но потому, что она отовсюду исходит» [3].

В своей работе «Надзирать и наказывать» (1975г.) Фуко развивает концепцию дисциплинарной власти, которая становится доминирующей формой осуществления власти в современном обществе [4]. Дисциплинарная власть, в отличие от суверенной власти, действует не через насилие и демонстративное наказание, а через нормализацию, иерархическое наблюдение и экзамен. Фуко показывает, как в XVII–XVIIIвв. происходит трансформация технологий власти. Публичные казни и телесные наказания, характерные для суверенной власти, постепенно заменяются дисциплинарными техниками, направленными на формирование послушных и полезных тел. Дисциплина действует через детальный контроль над операциями тела, через организацию пространства и времени, через составление таблиц и классификаций. Она создает то, что Фуко называет «политической анатомией» тела [5].

Ключевой метафорой дисциплинарного общества становится паноптикон философа Иеремии Бентама (1748–1832гг.) – архитектурная модель тюрьмы, в которой один надзиратель может наблюдать за всеми заключенными, но сами заключенные не знают, наблюдают ли за ними в конкретный момент. Паноптикон воплощает принцип видимости без взаимности: тот, за кем наблюдают, всегда видим, но никогда не видит; тот, кто наблюдает, видит все, но остается невидимым [6]. Это автоматически производит эффект самоконтроля у объекта наблюдения. Анализируя механизм паноптической власти, Фуко раскрывает его политическое значение во всей полно-

те: «Паноптикон – это машина для разъединения пары видеть – быть увиденным: в периферическом кольце полностью видят, не будучи видимыми; в центральной башне видят всё, оставаясь невидимым... Тот, кто подчинен видимости и знает об этом, принимает на себя принудительное воздействие власти и самостоятельно воспроизводит его на себе; он вписывает в себя отношение власти, в котором он одновременно является обеими ролями; он становится принципом своего собственного подчинения... Тот, кто осуществляет власть, может быть любым человеком, практически случайным. Правильно функционирующий паноптизм делает возможным освобождение от постоянных физических отношений принуждения» [7].

Дисциплинарные институты – школы, казармы, фабрики, больницы – создают сеть, охватывающую все общество. Они формируют нормализованных индивидов, чье поведение, жесты, дискурс подвергаются постоянной коррекции и оценке. Экзамен как техника наблюдения и нормализующей санкции становится центральной процедурой дисциплинарной власти, соединяя власть и знание.

Политическое значение этого анализа весьма велико. Фуко демонстрирует, что современное общество характеризуется не столько освобождением от власти, сколько изменением ее модальности. Дисциплинарная власть более эффективна и менее заметна, чем суверенная; она производит субъективность изнутри, а не подавляет ее извне.

В лекциях 1970-х годов, особенно в курсе «Нужно защищать общество» (1976г.) и «Рождение биополитики» (1979г.), Фуко вводит концепцию биополитики, дополняющую анализ дисциплинарной власти [8]. Если дисциплина сосредоточена на индивидуальном теле, то биополитика обращается к населению как биологическому и политическому феномену. Биополитика – это форма власти, которая избирает в качестве объекта жизнь населения: рождаемость, смертность, здоровье, продолжительность жизни, миграцию. Она действует через механизмы регуляции, статистического учёта, прогнозирования и управления на уровне популяции. Фуко описывает биополитику как власть, которая должна поддерживать жизнь и управлять ею, а не просто угрожать смертью [9].

Появление биополитики знаменует переход от формулы суверенной власти «заставить умереть или дать жить» к биополитической формуле «заставить жить и дать умереть». Современное государство берёт на себя заботу о жизни населения, становится «государством всеобщего благо-

денствия», но эта забота неотделима от новых форм контроля и нормализации. Расизм, по Фуко, становится способом, которым биополитическое государство может осуществлять свою суверенную функцию убийства, проводя биологический разрыв внутри населения [10]. Эту принципиальную трансформацию технологий власти Фуко описывает следующим образом:

«Я имею в виду ряд феноменов, которые мне кажутся достаточно важными, а именно: совокупность механизмов, посредством которых то, что в человеческих видах составляет его фундаментальные биологические черты, смогло войти в недра политики, политической стратегии, общей стратегии власти; иначе говоря, как, начиная с XVIII века, современные западные общества стали принимать во внимание биологический фундаментальный факт существования человеческого вида. Это то, что я назвал, это то, что я называю биополитикой. Новое право, которое возникло поверх и одновременно внутри старого суверенного права – это право заставлять жить. Суверенитет теперь осуществляется скорее на уровне жизни, чем угрозой смерти» [11].

Биополитика тесно связана с развитием либерального искусства управления. В лекциях о неолиберализме Фуко анализирует, как современное управление (gouvernementalité) конституирует индивидов как предпринимателей самих себя, как «человеческий капитал», который должен постоянно инвестировать в себя [12]. Неолиберальное управление не просто регулирует рынок, но распространяет рыночную логику на все сферы жизни, включая образование, здоровье, межличностные отношения. Концепция биополитики оказала огромное влияние на современную политическую теорию, вдохновив целое направление критических исследований современности – от работ философа Джорджо Агамбена (род. в 1942г.) о чрезвычайном положении до анализа философов Майкла Хардта (род. в 1960г.) и Антонио Негри (1933–2023гг.) об империи и множестве.

В своих поздних работах, особенно во втором и третьем томах «Истории сексуальности», Фуко обращается к проблеме субъективности и этики [13]. Он исследует, каким образом индивиды конституируют себя как субъектов через практики себя (pratiques de soi), через отношение к себе. Фуко различает три измерения субъективации. Во-первых, существуют способы объективации, превращающие человека в субъект – через науки о человеке, через разделяющие практики (например, безумный/разумный, больной/здоровый), через сексуальность. Во-вторых, есть способы, при помощи которых сами индивиды превращают себя в субъектов через техники

себя. В-третьих, существует измерение сопротивления и преобразования навязанной идентичности.

Анализ античных техник показывает, что субъективность не является природной данностью, а формируется через специфические практики – диету, упражнения, самоиспытание, письменные практики. Забота о себе (epimeleia heautou) в античности была способом конституирования себя как этического субъекта, способного к свободе и автономии [14]. Этот поздний поворот Фуко к этике и субъективности имеет важное политическое значение. Он открывает пространство для размышления о сопротивлении и свободе не как о полном освобождении от власти, но как о возможности другого отношения к себе и к другим. Свобода, по Фуко, – это не отсутствие власти, а практика, которая происходит внутри отношений власти и против них.

Вопрос о сопротивлении остается одним из самых дискуссионных в интерпретации Фуко. Если власть вездесуща и продуктивна, если она конституирует саму субъективность, то возможно ли сопротивление? Не ведет ли фукианская аналитика к политическому пессимизму и параличу? Фуко настаивает, что там, где есть власть, есть и сопротивление. Более того, сопротивление никогда не находится в позиции внешней по отношению к власти – оно множественно, присутствует везде в сети власти [15]. Сопротивление не может быть тотальной революцией, которая разом отменит все отношения господства, но оно возможно как постоянная работа над собой, как отказ от навязанной идентичности, как создание новых форм жизни.

Занимаемая Фуко критическая позиция не предполагает поиск универсальных оснований для критики или апелляции к естественным правам. Скорее, это «онтология настоящего», «онтология нас самих», которая ставит вопрос: кем мы являемся в этот исторический момент и как мы стали теми, кто мы есть? [16] Критика – это искусство не быть чрезмерно управляемым, постоянное испытание границ необходимости. В эссе

«Что такое Просвещение?» (1984г.) Фуко определяет свою позицию как «критическую онтологию нас самих», как практику свободы, направленную на преодоление того, что представляется нам как необходимое и универсальное [17]. Эта установка противостоит как революционному оптимизму, верящему в тотальное освобождение, так и консервативному пессимизму, считающему любое изменение невозможным.

Политическая философия Фуко оказала огромное влияние на развитие критической теории, феминизма, постколониальных исследований,

квир-теории. Его концепции власти, дисциплины и биополитики стали фундаментальными для современного критического анализа общества. Например, теоретики феминизма, такие, как Джудит Батлер (1956г.), развили фукианские идеи о перформативности и нормализации для анализа гендера [18]. Постколониальные исследования использовали инструментарий Фуко для критики колониального дискурса и практик. Квир-теория опиралась на его анализ сексуальности как исторически сконструированной категории.

Однако политическая философия Фуко подвергалась и серьезной критике. Юрген Хабермас упрекал Фуко в «криптонормативизме» – в невозможности обосновать критику без апелляции к нормативным основаниям [19]. Критики феминизма указывали на недостаточное внимание Фуко к специфике женского опыта и гендерным отношениям власти. Марксисты критиковали его за отход от экономического анализа и классовой борьбы. Особенно острые дискуссии вызывал вопрос о нормативных основаниях фукианской критики. Если все дискурсы, включая дискурс прав человека, являются эффектами власти-знания, то на каком основании можно критиковать одни режимы власти и защищать другие? В ответ на подобную критику Фуко отвечал, что его цель – не предписывать, что должно быть, а показывать, как сложилось то, что есть, и тем самым открывать возможность изменения [20].

Особого внимания при обращении к интеллектуальному наследию Мишеля Фуко заслуживает не столько содержание его выводов, сколько собственно методология, которую он разработал и последовательно применял на протяжении всего своего творческого пути. Его подход, претерпевший определенную эволюцию, характеризуется двумя фундаментальными и вместе с тем взаимосвязанными методами – археологией и генеалогией. Эти методы составляют ядро его исследовательской программы и радикально отличаются как от традиционных форм исторического нарратива, так и от классического философского анализа, ориентированного на поиск вневременных истин или сущностей.

Археология Фуко, детально разработанная в его ранних работах 1960-х гг., и, прежде всего, в программном труде «Археология знания» (1969), направлена не на реконструкцию непрерывной истории идей, а на выявление эпистемических разрывов, сдвигов и трансформаций. Ее цель – обнаружение тех исторических априори, тех глубинных структур, которые, оставаясь невидимыми для самих участников дискурса, конституируют саму возможность знания в ту или иную эпоху. Важно подчеркнуть: археоло-

гический метод принципиально не ищет неких скрытых, «глубинных» смыслов, которые нужно извлечь из-под наслоений текста, подобно тому, как герменевтика пытается реконструировать авторское намерение. Вместо этого он стремится описать правила формирования высказываний, проследить конфигурации дискурсивных практик и те режимы истины, которые устанавливаются в определенный исторический период. Иными словами, Фуко интересует не столько содержание идей (что именно говорили мыслители прошлого), сколько условия их возможности (как вообще стало возможным говорить определенные вещи, а другие – исключать из поля легитимного знания).

В этом контексте генеалогия Фуко, разработанная в 1970-е годы под очевидным и неоднократно признанным самим философом влиянием Фридриха Ницше, выступает не как замена, а как необходимое дополнение и углубление археологического проекта. Если археология преимущественно описывает дискурсивные формации в их внутренней логике и структуре, то генеалогия выводит анализ на новый уровень, исследуя, каким образом эти формации переплетаются с недискурсивными практиками – институциональными механизмами, экономическими процессами, социальными технологиями и, что самое главное, с отношениями власти.

Генеалогический метод решительно отказывается от поиска некоего чистого происхождения (origin), некой сущности, которую исказили последующие наслоения истории. Вместо этого он фокусируется на анализе возникновения (emergence) – тех случайных, конфликтных, зачастую хаотичных процессов, в которых из столкновения сил, стратегий и интересов постепенно кристаллизуются те практики и институты, которые мы сегодня воспринимаем как данность. Таким образом, генеалогия представляет собой последовательную и бескомпромиссную критику любых телеологических нарративов прогресса, будь то марксистская идея неизбежного торжества коммунизма или либеральная вера в неуклонную гуманизацию общества. Фуко на богатом историческом материале убедительно показывает, что современные социальные институты – будь то тюрьма, психиатрическая клиника или система школьного образования – отнюдь не являются результатом исключительно морального прогресса, гуманизации нравов или побед разума. Напротив, они возникают из совершенно специфических, исторически конкретных конфигураций власти-знания, где стремление к контролю и нормализации играет зачастую более важную роль, чем абстрактные идеалы гуманизма.

Не будет преувеличением сказать, что эта методологическая установка имеет чрезвычайно важные политические следствия. Систематически демонстрируя историческую обусловленность и случайность того, что мы привыкли считать естественным и необходимым, Фуко разрушает механизмы натурализации социальных практик. Тем самым он открывает пространство для критики и, потенциально, для их трансформации. Если нечто (например, тюремная система или дисциплина на заводе) не является вечным и неизбежным атрибутом человеческого общежития, а сложилось исторически в определенный момент под влиянием конкретных сил, значит, оно может быть изменено или даже отменено. В этом смысле генеалогия становится мощным инструментом политической критики, который, что весьма важно, не апеллирует к неким трансцендентным нормам (Богу, Природе или Разуму), а работает имманентно, изнутри самой истории, через наглядную демонстрацию случайности и хрупкости нашего настоящего.

Специфика политической философии Мишеля Фуко, таким образом, заключается в радикальном переосмыслении самого понятия политического. Вслед за Фридрихом Ницше (1844–1900гг.) и вопреки доминирующей традиции, восходящей к Георгу Гегелю (1770–1831гг.) и Карлу Марксу (1818–1883гг.), Фуко смещает фокус своего анализа с макроуровня государственных институтов, партий и идеологий на микрофизику власти – на те повседневные, часто ускользающие от внимания практики, ритуалы и технологии, в которых непосредственно производятся и постоянно воспроизводятся отношения господства и подчинения. Его анализ убедительно демонстрирует, что политическое вовсе не ограничивается традиционной сферой политики (парламент, выборы, законы), но пронизывает собой практически всё социальное пространство – от семейных отношений и школьной дисциплины до научных классификаций и медицинских предписаний. Ключевые концепты, введенные Фуко в оборот политической философии – неразрывная связка власть-знание, дисциплинарные механизмы, биополитика как технология управления жизнью населения, а также поздние исследования техник себя, – предоставляют современному исследователю мощный и дифференцированный инструментарий для критического анализа самых разных аспектов современности.

В этой связи важно подчеркнуть, что политическая философия Фуко сохраняет высокую степень актуальности для анализа современных, стремительно трансформирующихся форм власти. Его методология оказывается эвристически продуктивной при попытке понять новые режимы контро-

ля в цифровом обществе, где классическая паноптическая логика Бентама получает свое технологическое воплощение и радикальное усиление через системы массовой слежки, анализ больших данных (big data) и алгоритмическое управление поведением. Точно так же биополитический анализ Фуко, разработанный им в курсе лекций «Рождение биополитики» (1978–1979гг.), становится необходимым инструментом для осмысления современной политики здоровья, особенно в контексте недавних пандемий, развития биотехнологий и биоэтических дискуссий о границах вмешательства в человеческую телесность. Более того, фукианский подход позволяет критически рассматривать неолиберальные формы управления, которые формируют особый тип субъекта – субъекта как «предпринимателя самого себя», несущего индивидуальную ответственность за собственную успешность, здоровье и благополучие в условиях тотальной прекаризации и неопределенности.

Вместе с тем, стремление к объективности требует признать и определенные ограничения, внутренне присущие фукианской аналитике. Ее последовательный и продуктивный фокус на дискурсивных практиках и микрофизике власти иногда парадоксальным образом затрудняет анализ макроструктур, таких, как логика движения глобального капитала или устойчивость государственных аппаратов. Связанный с этим принципиальный отказ от поиска каких-либо нормативных оснований для критики, будучи сильной стороной его метода, создает и серьезные теоретические трудности при попытке обосновать необходимость и направленность политического действия: если нет «хорошей» власти и «плохого» подавления, а есть лишь вездесущие конфигурации сил, то на чем основать сопротивление? Тем не менее, даже с учетом этих ограничений, очевидно, что политическая философия Фуко предоставляет уникальные концептуальные средства для артикуляции новых, ускользавших от классической теории форм власти и контроля, характерных для эпохи неолиберального капитализма, цифровых технологий и биополитического управления. Его интеллектуальное наследие продолжает оказывать глубокое влияние на критические направления современной мысли, стремящиеся не только осмыслить сложные механизмы современного господства, но и, опираясь на это понимание, нащупать возможные пути и стратегии действенного сопротивления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: «Касталь», 1996. СС. 88–92.
2. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: «Касталь», 1996. С. 94.
3. *Фуко М*. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: «Касталь», 1996. СС. 92–94.
4. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: “Ad Marginem”, 1999. СС. 251–280.
5. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: “Ad Marginem”, 1999. С. 203.
6. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: “Ad Marginem”. СС. 288–296.
7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: “Ad Marginem”, 1999. СС. 293–295.
8. *Фуко М.* Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: «Наука», 2005. СС. 242–263.
9. *Фуко М.* Нужно защищать общество. СПб.: «Наука», 2005. С. 247.
10. *Фуко М.* Нужно защищать общество. СПб.: «Наука», 2005. СС. 258–260.
11. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. СС. 253–257.
12. *Фуко М.* Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. СС. 276–302.
13. *Фуко М.* История сексуальности – II: Использование удовольствий. М.: Академический Проект, 2004.
14. *Фуко М.* Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007. СС. 15–42.
15. *Фуко М.* Воля к истине. СС. 99–100.
16. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. Ч. 1. СС. 335–359.
17. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. СС. 335–359.
18. *Butler J.* Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York: Routledge, 1990.
19. *Habermas J.* The Philosophical Discourse of Modernity. Cambridge: MIT Press, 1987. PP. 266-293.
20. *Dreyfus H., Rabinow P.* Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics. Chicago: University of Chicago Press, 1983. PP. 231–232.

THE SPECIFICS OF MICHEL FOUCAULT'S POLITICAL PHILOSOPHY

R. Mirumyan, A. Petrosyan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article is devoted to the analysis of Michel Foucault's political philosophy as one of the most original thinkers of the twentieth century. It examines the key concepts of Foucauldian power analytics: the notion of power as a dispersed and productive relation of forces, the concept of disciplinary society and panoptic power, the theory of biopolitics as the governance of population life, as well as Foucault's later studies of the techniques of the self and subjectivation. Special attention is given to Foucault's methodological tools – archaeology of knowledge and genealogy of power – which make it possible to demonstrate the historical contingency of modern institutions and practices. The article also analyzes the influence of Foucault's political philosophy on the development of critical theory, feminism, postcolonial studies, and queer theory, as well as critiques of his views by Jürgen Habermas and other twentieth-century thinkers. The conclusion highlights the relevance of the Foucauldian approach for analyzing new forms of power and control in digital society, neoliberal capitalism, and biopolitical governance.

Keywords: Foucault, power, biopolitics, disciplinary society, genealogy.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-277-283

ԻՆՔՆՈՒԹՅԱՆ ՃԳՆԱԺԱՄԻ ՀԻՄՔԵՐԸ ՀՀ-ՈՒՄ (2018–2025թթ.). ԷԹՆԻԿ-ՄՇԱԿՈՒՅԹԱՅԻՆ ԵՎ ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ՄՈԴԵԼՆԵՐԻ ԲԱԽՈՒՄԸ

Լ. Մ. Ղազարյան

Ռուս-հայկական համալսարան
Միջազգային հարաբերությունների և հասարակաքաղաքական գիտությունների ինստիտուտ
levonkazaryannn@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Աշխատությունը նվիրված է ՀՀ-ում իշխանությունների կողմից իրականացվող ինքնության քաղաքականության վերլուծությանը և 2018թ. հետո ինքնության ձևափոխման դիտարկմանը: Ուսումնասիրվել են որոշ փաստաթղթեր և հայտարարություններ, որոնք դիտմամբ կամ միտում չունենալով անդրադառնում էին հայ ազգային ինքնության ձևափոխման գործընթացին:

Հիմնաբառեր՝ Հայաստան, Հետխորհրդային ինքնություն, ինքնության քաղաքականություն, ազգային ինքնություն, ինքնության ձևափոխում:

2020թ. հետո փոխվում է ոչ միայն Հայաստանի հանրապետության կարգավիճակը և կշիռը տարածաշրջանում, այլ նաև նրա բնակչության հոգեբանական պատկերը, ինչն ազդում է բնակչության կողմից իրականության ընկալման և ինքնագիտակցման վրա: Կարևոր ենք համարում հետազոտել տեղի ունեցող ինքնության ձևափոխման գործընթացները ներքին և արտաքին իրադարձությունների և գործոնների համատեքստում:

2018թ. թավշյա հեղափոխությունը չնայած, որ կրում էր իր մեջ քաղաքացիականության[1] բազմաքանակ տարրեր, չկարողացավ երկարաժամկետ հեղափոխություն կատարել մարդկանց քաղաքական-պետական գի-

[1] *Саркисян О.Л., Дунамалян Н.А.* Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты. Полис. Политические исследования. 2020. № 2. СС. 53–72. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.05

տակցության մեջ[2]: Այնուհանդերձ, նոր իշխանությունը ձգտեց վերագնահատել ՀՀ քաղաքացու համար կենսական որոշ արժեքներ, դրույթներ և երևույթներ[3]: Սույնը հանգեցրեց հասարակական ինքնաընկալման ճգնաժամի:

ՀՀ-ում նորաստեղծ իշխանությունների կողմից հայ քաղաքացիական ինքնության կոնցեպտի ձևավորման համար կարևոր էին՝ 2020թ. հուլիսի 10 ազգային անվտանգության ռազմավարությունը նրա նախաբանով և 2020 սեպտեմբերի 21-ի Հայաստանի՝ մինչև 2050թ. վերափոխման տեսլականը: 2020թ. հուլիսին ընդունված ռազմավարության նախաբանի մեջ ինքնության դերը կենսական է համարվում ՀՀ-ի ռազմավարական նպատակների և առաջադրանքների ձևավորման համար, իսկ պետականությունը համարվում է բարձրագույն արժեք: Սա կարող էր հիմք դառնալ քաղաքացիական-պետական ինքնության մոդելի ձևավորմանը ուղղված պետական քաղաքականությանը, բայց բուն տեքստի մեջ բացակայում են ՀՀ-ում ազգային ինքնության վերափոխմանն ուղղված հստակ քայլեր կամ ձևակերպումներ[4]: Այսօրվա դրությամբ 2020թ. զոռազմավարությունը մեծամասամբ կորցրել է իր արդիականությունը և հետևաբար չի կարող լրջորեն ազդել ՀՀ կառավարության կողմից իրականացվող քաղաքականության վրա:

ՀՀ մինչև 2050թ զարգացման տեսլականում անհատը ընկալվում է որպես ընտանիք, պետություն և հասարակություն ձևավորող սուբյեկտ: Պետությունը պարտավորվում է ստեղծել պայմաններ, որտեղ անհատը կարող է արդյունավետ դրսևորել իր ջանքերը և իրականացնել ներքին պոտենցիալը: Տեսլականում ակնհայտ են որոշ շեշտադրումներ որոնք միտում ունեն ձևափոխել հանրային գիտակցության որոշ դրույթներ, օրինակ՝ ավանդական պետականաստեղծ ինստիտուտի (ընտանիքի) փոխա-

[2] *Хачатурян С.О.* Концепт гражданственности в контексте социально-политических реалий современной Армении // Семнадцатая годичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. Ч. II. 2024. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-grazhdanstvennosti-v-kontekste-sotsialno-politicheskih-realiy-sovremennoy-armenii (дата обращения: 11.03.2026).

[3] *Дунамалян Н.А.* Проблема становления государственно-гражданской идентичности в Армении: между этническим и национальным, 2024, Ա.Ռ.Վ.Ա.Կ., С. 6, https://surl.lt/ynxwly

[4] Стратегия национальной безопасности Республики Армения, июль 2020, СНБ, 10-07-2020: https://www.sns.am/ru/news/view/415

րինումը Անհատով (քաղաքացով, հարկատույով)։ Առաջարկված տեսլականը կարող էր նպաստել քաղաքացիական մտածելակերպի ձևավորմանը, բայց այն շատ անգամ հաշվի չէր առնում ՀՀ արտաքին և ներքին իրականության օբյեկտիվ գործոնները։ Կոնցեպտի արդիականությունը նվազեց իր հրապարակումից վեց օր հետո, երբ սկսվեց Արցախյան 2-րդ պատերազմը։ 2020թ. պատերազմի պարտությունը և հետագա Արցախի կորուստը ստիպեց հայ հասարակությանը վերագնահատել որոշ հիմնական դրույթներ, ինչը խորապես անդրադարձավ ազգային ինքնության ձևափոխման գործընթացի վրա[5]։ Պատերազմի արդյունքում վերաիմաստավորվեցին հայ ինքնության մաս կազմող բազում միֆեր, տեղի ունեցավ հանրային ինքնաընկալման դեմիֆոլոգիզացիա։ Արցախի կորուստը հանգեցրեց հայոց «անպարտ» բանակի, «Հաղթանակած ազգի», հայկական ինքնաբավ և հզոր պետականության միֆերի տապալմանը, մասամբ վերադարձավ «ազգ-զոհ» բարդույթի։

Այսպիսով 2018-ից հետո նոր իշխանությունները չկարողացան առաջարկել և արդյունավետ իրականացնել քաղաքացիական հասարակության և պետության հարաբերությունների կայուն մոդել, ինչն արտահայտվեց հետկոնֆլիկտային փուլում։ ՀՀ բնակչության վարքագծի մեջ նոր ճգնաժամը արտահայտում է պետությունից էլ ավելի մեկուսանալու, աբսենտիզմի[6] ուժեղանալու, ընդհանուր ապատիայի և հասարակական ինստիտուտների մեծ մասի նկատմամբ անվստահության մեջ[7]։ Ինչքան նույն փուլը ճգնաժամային է, նույնքան էլ այն տալիս է հնարավորություն ինքնության նոր հիմքերի հաստատման համար։ Դիտարկենք իշխանության գործողությունները ազգային ինքնության նոր հիմքեր պատվաստելու համատեքստում։

Հետպատերազմյան պետական քաղաքականությանը համատեքստում՝ ակնառու է «Իրական Հայաստանի» գաղափարախոսությունը, որն

[5] «Мы представляем разработку и реализацию Стратегии трансформации Армении как общенациональное движение, основанное на наших национальных ценностях и целях: премьер-министр», Primeminister.am:, 21.09.2020, https://www.Primeminister.am/ru/press-release/item/2020/09/21/Nikol-Pashinyan-meeting-Sept-21/

[6] VOTLELE: Did you voite in last national elections?, Caucasus Research Resource Centers, 2024, https://caucasusbarometer.org/en/cb-am/VOTLELE/

[7] TRUEXEC: Trust towards executive government, Caucasus Research Resource Centers, 2024, https://caucasusbarometer.org/en/cb-am/TRUEXEC/

առաջարկել է վարչապետը իր ԱԺ ելույթներում և ուղերձներում: Կոնցեպտը պաշտոնական ռազմավարություն չէ, բայց իրենից ներկայացնում է ազգային ինքնության բավականին ռադիկալ ձևափոխման փորձ[8]: Իշխանությունները սկսել են գիտակցել ազգային ինքնության նպատակաուղղված ձևափոխման կարևորությունը, բայց միևնույն ժամանակ նրանք չունեն հստակ նախագիծ: Ինչը վերաբերվում է կոնցեպտին, ապա այն պարզունակեցնում է պետության ընկալումը բնակչության համար, իջեցնելով այն կենցաղային և անհատական շահերի ապահովման մակարդակին: Ընդհանրացնելով, կարելի է նշել, որ կոնցեպտի իրականացումը պահաջում է մեծ ջանքեր և ներուժ պետական կառույցների կողմից, որն այս պահի դրությամբ բացակայում է, կոնցեպտի իրականացումը ենթադրում է հասարակական լայն մասսաների ներգրավում և նրանց կողմից ակտիվ մասնակցություն, որը հասարակական դիֆերենցիացիայի և հասարակական անտարբերության պայմանների ներքո թվում է անիրատեսական:

Հետազոտության նպատակից ելնելով՝ անդրադառնում ենք հայ ազգի ինքնության առանձնահատկություններին, ինչպես նաև Հայաստանի Հանրապետությունում քաղաքական էլիտաների կողմից իրականացվող այն քաղաքականությանը, որը կարող է նպաստել ազգակերտման գործընթացին կամ սահմանվել որպես «ինքնության քաղաքականություն»:

Վերլուծության առարկա է դառնում հայ ազգային ինքնության զարգացման հետխորհրդային փուլը, որի շրջանակում բացատրվում է «հետխորհրդային ինքնություն» հասկացությունը: Նույնպես վերլուծվում է հետխորհրդային շրջանում ՀՀ իշխանությունների կողմից իրականացվող քաղաքականությունը՝ ազգային ինքնության զարգացման տեսանկյունից: Դիտարկվում են հետխորհրդային փուլում ձևավորված ճգնաժամածին գործոնները և հետպատերազմյան ճգնաժամը:

Ուսումնասիրության շրջանակում վերլուծվում են փաստաթղթեր և ծրագրային տեսլականներ, որոնք վերաբերում են քաղաքացիական հասարակության կայացմանը և ինքնության ճգնաժամից դուրս գալու հնարավորություններին, ինչպես նաև վիճակագրական տվյալներ, որոնք ար-

[8] «Իրական Հայաստանի գաղափարախոսությունը. վարչապետն ուղերձով դիմել է ժողովրդին», Primeminister.am, 19.02.2025, https://www.Primeminister.am/hy/statements-and-messages/item/2025/02/19/Nikol-Pashinyan-Speech/

տացոլում են ինքնության ճգնաժամի ազդեցությունը հասարակաքաղաքական կյանքի վրա: Այս բոլոր դրույթների ուսումնասիրությունը թույլ է տալիս եզրակացնել, որ ներկայումս ՀՀ-ում գերակայող ինքնության տեսակը շարունակում է մնալ էթնոմշակութային-կոնֆեսիոնալը, սակայն այն այլևս չի գործում իր դասական ձևով, քանի որ ձևափոխվում է ինչպես արտաքին, այնպես էլ ներքին ակտորների ազդեցությամբ և ենթարկվում է ռրոշակի դեմիֆոլոգիզացիայի:

Պետության կողմից իրականացվող ինքնության քաղաքականությունը չունի հստակ ձևակերպված ուրվագիծ, սակայն ընդհանուր առմամբ ուղղված է քաղաքացիական ինքնության ձևավորմանը: Միևնույն ժամանակ իշխանությունները, ձգտելով որոշ գաղափարներ և դրույթներ մատչելի ներկայացնել բնակչությանը, հաճախ դրանք պարզեցնում են: Արդյունքում քաղաքացիական հասարակության, ընդհանուր շահի և հանրային բարիքի ընկալումները սկսում են սահմանափակվել հիմնականում անհատական՝ բազային պահանջմունքների, ընտանիքի և սեփական բարեկեցության մակարդակներով: Այսպիսի մոտեցումը դժվար է դիտարկել որպես ազգային ինքնության հաջող և կայուն ձևափոխման մոդել:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ

1. «Իրական Հայաստանի գաղափարախոսությունը» վարչապետն ուղերձով դիմել է ժողովրդին», Primeminister.am,19.02.2025, https://www.Primeminister.am/hy/statements-and-messages/item/2025/02/19/Nikol-Pashinyan-Speech/
2. *Дунамалян Н.А.* Проблема становления государственно-гражданской идентичности в Армении: между этническим и национальным// Ա.Ռ.Վ.Ա.Կ., 2024. С. 6. https://surl.lt/ynxwly
3. *Саркисян О.Л., Дунамалян Н.А.* Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты // «Полис. Политические исследования», № 2, 2020. СС. 53–72. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.05
4. *Хачатурян С.О.* Концепт гражданственности в контексте социально-политических реалий современной Армении, https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-grazhdanstvennosti-v-kontekste-sotsialno-politicheskih-realiy-sovremennoy-armenii/viewer, DOI 10.24412/cl-37233-2024-2-194-206

5. «Мы представляем разработку и реализацию Стратегии трансформации Армении как общенациональное движение, основанное на наших национальных ценностях и целях: премьер-министр», Primeminister.am:, 21.09.2020, https://www.Primeminister.am/ru/press-release/item/2020/09/21/Nikol-Pashinyan-meeting-Sept-21/
6. TRUEXEC: Trust towards executive government, Caucasus Research Resource Centers, 2024, https://caucasusbarometer.org/en/cb-am/TRUEXEC/
7. VOTLELE: Did you vote in last national elections? Caucasus Research Resource Centers, 2024, https://caucasusbarometer.org/en/cb-am/VOTLELE/
8. Стратегия национальной безопасности Республики Армения, июль 2020, СНБ 10-07-2020, https://www.sns.am/ru/news/view/415

ОСНОВЫ ДЛЯ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ В РА (2018–2025гг.): СТОЛКНОВЕНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ МОДЕЛЕЙ

Л.М. Казарян

Российско-Армянский университет
Институт международных отношений и социально-политических наук

АННОТАЦИЯ

Работа посвящена анализу политики идентичности, осуществляемой властями в Республике Армения, и наблюдению за трансформацией идентичности после 2018 года. Были изучены некоторые документы и заявления, которые намеренно или не имея такой цели, затрагивали процесс трансформации армянской национальной идентичности.

Ключевые слова: Армения, постсоветская идентичность, политика идентичности, национальная идентичность, трансформация идентичности.

FOUNDATIONS OF THE IDENTITY CRISIS IN THE REPUBLIC OF ARMENIA (2018–2025): THE COLLISION OF THE ETHNO-CONFESSIONAL AND CIVIC MODELS

L. Ghazaryan

Russian-Armenian University
Institute of International Relations and Socio-Political Sciences

ABSTRACT

The work is devoted to the analysis of identity policy implemented by the authorities in the Republic of Armenia, and to the observation of identity transformation after 2018. Some documents and statements were studied, which intentionally or without such intent addressed the process of transformation of Armenian national identity.

Keywords: Armenia, post-Soviet identity, identity policy, national identity, identity transformation.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-284-292

МЕХАНИЗМЫ И ПРЕДЕЛЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ, ТУРЦИИ И ИРАНА В ПРОЦЕССЕ СИРИЙСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Т.А. Григорян

Российско-Армянский университет
delatarongrigoryan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

После событий Арабской весны сирийский конфликт стал ключевым полем пересечения интересов России, Турции и Ирана, чья активная вовлеченность изменила политическую конфигурацию Ближнего Востока. В период 2011–2025гг. динамика их взаимодействия отражает переход от однополярной системы к более сложной многовекторной структуре международных отношений. Настоящее исследование направлено на анализ политических стратегий трех держав в сирийском контексте, выявление сфер их сотрудничества и противоречий, а также оценку влияния этих процессов на формирование новой архитектуры региональной безопасности. В работе рассматриваются эволюция внешнеполитических подходов, трансформация союзов и механизмов урегулирования конфликта, включая Астанинский формат. Исследование показывает, что взаимодействие России, Турции и Ирана в Сирии представляет собой гибридный баланс конкуренции и прагматического партнерства, отражающий общие тенденции глобального перераспределения силы и растущей роли региональных акторов.

Ключевые слова: Россия, Турция, Иран, Сирийский конфликт, региональная безопасность.

Введение

Сирийский конфликт, начавшийся в 2011г. в рамках волны восстаний, известной как «Арабская весна», быстро превратился в многоуровневое

геополитическое противостояние с участием как региональных, так и международных держав. В отличие от других конфликтов на Ближнем Востоке после 2011г., Сирия стала полем битвы как для глобальной, так и для региональной проекции силы. Военные вмешательства России, Турции и Ирана решительно определили траекторию конфликта и сделали эти три государства незаменимыми участниками процесса урегулирования. Вмешательство России в 2015г. изменило баланс сил в пользу сирийского правительства, позволив Москве вновь заявить о себе как о глобальном игроке и главном арбитре в ближневосточных делах. Иран, участвовавший в конфликте с самых ранних этапов, направил военных советников и поддержал сеть негосударственных субъектов для обеспечения своей стратегической глубины и непрерывности своей «оси сопротивления». Турция, изначально поддерживавшая оппозиционные силы, постепенно пересмотрела свою стратегию, сделав приоритетом сдерживание курдских группировок вдоль своей границы и создание военных зон на севере Сирии.

Несмотря на взаимные подозрения и конкурирующие долгосрочные цели, трем государствам удалось создать беспрецедентную дипломатическую платформу – Астанинский процесс, запущенный в 2017г. Этот механизм стал основным форумом для координации соглашений о прекращении огня, переговоров о зонах деэскалации и управления военными рисками на местах. Однако сотрудничество оставалось хрупким, временным и в основном транзакционным, поскольку между сторонами сохраняются глубокие противоречия относительно будущей политической структуры Сирии, роли курдских группировок и сфер влияния.

Как никогда актуальной является проблематика функционирования вышеуказанных механизмов в свете событий годичной давности в Сирии, а именно смены власти в результате масштабного нападения на правительство, возглавляемое Башаром Асадом и партией Баас.

В данной статье рассматриваются механизмы, позволившие России, Турции и Ирану сотрудничать в Сирии, а также структурные ограничения, сдерживающие их координацию. Анализ способствует пониманию того, как региональные державы ориентируются в конфликтных ситуациях и как многосторонняя дипломатия развивается в условиях фрагментированной геополитической ситуации.

Методы

В данном исследовании используется качественный аналитический подход, основанный на конкретном примере Сирии. Исследование опирается, прежде всего, на систематический обзор существующих научных исследований, экспертных оценок и общедоступной информации о внешней политике России, Турции и Ирана. Целью работы является выявление общих закономерностей, механизмов координации и сохраняющихся точек противоречия в процессе сирийского урегулирования.

Анализ следует проблемно-ориентированной логике: во-первых, изучается, как каждый субъект определяет свои стратегические интересы в Сирии; во-вторых, прослеживается, как эти интересы формируют эпизоды сотрудничества и конфликта; и, наконец, сравнивается эта динамика для выявления структурных ограничений, препятствующих формированию стабильной трехсторонней структуры.

Этот метод позволяет в исследовании оценить взаимодействие трех государств по истечении времени даже без доступа к секретным или высокодетализированным первичным данным, сохраняя при этом аналитическую строгость посредством сравнения, синтеза и теоретического обоснования.

Результаты

Совпадающие интересы и механизмы сотрудничества

Динамика российско-турецко-иранского взаимодействия после 2020г. демонстрировала сближение в вопросе сохранения территориальной целостности Сирии, несмотря на разную мотивацию каждого из участников. Для России предотвращение фрагментации Сирии обеспечивалось сохранением центрального правительства, которое зависело от Москвы в плане политической, военной и дипломатической поддержки, тем самым сохраняя российское влияние в Восточном Средиземноморье и поддерживая ее риторику защиты государственного суверенитета. Иран рассматривает единство Сирии как необходимое условие сохранения своей региональной логистической сети, включая сухопутные пути, соединяющие Тегеран, Багдад, Дамаск и Бейрут. Интерес Турции обусловлен, прежде всего, соображениями национальной безопасности: Анкара рассматривает любую форму

курдского самоуправления как потенциальный предвестник сепаратистской мобилизации среди собственного курдского населения, что делает предотвращение территориального разделения стратегическим приоритетом.

Несмотря на эти различные мотивы и большую роль одного из игроков, Турции, в смене власти в Сирии, общая цель одна – избежать раздела Сирии. Такое намерение создало минимальную, но прочную платформу для скоординированных действий. Эта общая позиция способствовала сотрудничеству в переговорах о прекращении огня, участию в обсуждениях конституционной реформы и поддержанию механизмов контроля, предотвращавших односторонние шаги по созданию автономных зон. В результате территориальная целостность стала ключевым стабилизирующим фактором, согласующим противоречивые повестки дня трех государств.

По мере того, как Женевский процесс под эгидой ООН застопорился, Астанинский процесс постепенно превратился в основной дипломатический механизм управления сирийским конфликтом. Его значение вышло за рамки символического трехстороннего диалога: этот формат институционализировал каналы повседневной коммуникации, сделав управление кризисами более предсказуемым и снизив вероятность прямой военной эскалации. В рамках этой платформы участники создали механизмы создания и мониторинга зон деэскалации, координации обмена пленными, улучшения гуманитарного доступа и формулирования совместных позиций перед крупными дипломатическими мероприятиями. Эти практики позволили сторонам синхронизировать свои краткосрочные тактические приоритеты, даже не достигая долгосрочного стратегического согласования.

Важно отметить, что Астана также стала площадкой, где Россия, Турция и Иран совместно усилили свои переговорные позиции в отношениях с западными игроками. Представляя себя незаменимыми участниками, способными влиять на события на местах, три государства усилили свои рычаги влияния на переговорах и ослабили внешнее влияние. Хотя платформа не устранила разногласия, она создала структурированное пространство для компромиссов, ознаменовав переход от ситуативной кризисной дипломатии к более институционализированной модели трехсторонней координации.

На военном уровне сотрудничество проявлялось в виде различных механизмов деконфликтологии и координации, которые ограничивали риски, присущие дублирующим операциям. Российско-турецкая координация на

северо-западе Сирии, особенно в Идлибе, опиралась на совместное патрулирование, соглашения об управлении воздушным пространством и горячие линии связи, призванные предотвращать случайные столкновения. Тем временем Россия и Иран продолжали координировать наземные операции, при этом проиранские ополченцы часто поддерживали наступления, планируемые совместно с российскими военными советниками. Хотя это взаимодействие было менее формализовано, Турция и Иран также вели прагматичную, ситуативную координацию для сдерживания экстремистских группировок и предотвращения трений в спорных районах, таких как окраины Алеппо и Евфратский коридор.

Эти механизмы не отражали глубокого доверия, а скорее взаимное признание того, что неконтролируемая военная деятельность подорвет цели каждого из участников. В результате тактическая координация служила функциональным инструментом управления конкуренцией, предотвращения просчетов и обеспечения параллельных, но неконфликтующих операций. Этот прагматичный подход позволил трем государствам поддерживать приемлемый уровень сотрудничества, несмотря на давнее геополитическое соперничество.

Пределы и противоречия сотрудничества

Несмотря на совпадение тактических интересов, три стороны придерживаются принципиально разных взглядов на долгосрочную политическую структуру Сирии, что порождает постоянные трения в рамках партнерства. Россия, несмотря на потерю лояльной политической элиты, выступает за централизованную модель, сохраняющую полномочия государственных институтов, тем самым обеспечивая роль некоего нейтрального игрока, ищущего решение вопроса сохранения своего влияния путем ведения конструктивного диалога с новыми властями [1]. Иран, напротив, поддерживает более децентрализованную конфигурацию, легитимирующую сеть его союзных ополченцев, предоставляя Тегерану прочные рычаги влияния. Видение Турции определяется ее стремлением сдержать курдскую автономию и сохранить зоны влияния на севере, что побуждает Анкару поддерживать политические договоренности, ограничивающие участие курдов в управлении страной.

Эти несовместимые взгляды препятствуют разработке последовательной долгосрочной стратегии и неоднократно всплывают в ходе переговоров

по конституционной реформе, реструктуризации сектора безопасности и реинтеграции спорных территорий. В результате сотрудничество остается скорее транзакционным, чем стратегическим.

С 2020г. соперничество между Россией и Ираном за военное, политическое и экономическое влияния в Сирии становится все более выраженным. Оба государства стремятся получить доступ к контрактам на восстановление, контролировать энергетическую инфраструктуру и оказывать влияние на сирийские военные и разведывательные структуры. Попытки Ирана внедрить силы ополчения в местные административные и силовые структуры часто противоречат попыткам России вновь централизовать власть в руках государственных институтов. Эта конкуренция с нулевой суммой затрудняет трехстороннюю координацию и ограничивает эффективность совместных механизмов, таких как Астана. С другой стороны, сирийское правительство порой использовало это соперничество, чтобы балансировать между Москвой и Тегераном, что еще больше затрудняло координацию их более широких региональных программ.

Со временем формат начал сталкиваться с системным кризисом доверия между Москвой и Анкарой [2]. Сотрудничество между Россией и Турцией постоянно подрывалось непрекращающимися спорами по поводу северо-западной Сирии. Хрупкость их договоренностей стала очевидной во время эскалации конфликта в Идлибе в 2020г., когда прямой конфронтации удалось избежать с большим трудом. Сохраняются разногласия относительно турецких военных операций в Африне, Тель-Рифаате и вдоль трассы М4, а также относительно масштабов долгосрочного присутствия Турции на севере Сирии.

События, произошедшие за пределами Сирии, также существенно изменили трехстороннюю координацию. Военные действия на Украине отвлекли российские военные ресурсы, снизив оперативные возможности Москвы в Сирии и вынудив ее больше полагаться на дипломатическое и военное сотрудничество с Турцией и Ираном [3]. Одновременно с этим процессы региональной нормализации, включая сближение Саудовской Аравии и Ирана и улучшение отношений Турции с монархиями Персидского залива, изменили конфигурацию региональных альянсов, повлияв на стратегические расчеты всех трех субъектов. Эти изменения повысили важность сохранения Астанинского формата, но также выявили его ограничения, поскольку внешние приоритеты каждого государства все больше расходятся.

После смены сирийских властей в декабре 2024г., Иран вовсе оказался не у дел. Новая администрация, не без помощи Турции, фактически ставшей главным партнером новых властей и, предположительно, являющейся прокси-игроком Соединенных Штатов в сирийском вопросе, резко отдалилась от Тегерана, сосредоточившись на восстановлении внутреннего суверенитета [4]. Дистанцирование носит стратегический характер: ослабление влияния Ирана и одновременное выстраивание диалога с Западом. Фактическая утрата на земле одного из участников Астанинского формата уже ставит под вопрос само существование формата как функционирующего механизма по урегулированию конфликта, особенно учитывая тот факт, что последний раунд переговоров состоялся более года назад, незадолго до наступления на тогдашние правительственные силы.

Заключение

Сотрудничество России, Турции и Ирана в процессе урегулирования сирийского конфликта представляет собой один из самых сложных примеров управления конфликтами не просто на современном Ближнем Востоке, но и без преувеличения в мире в целом. Хотя их взаимодействие привело к созданию механизмов, способствовавших снижению уровня насилия, стабилизации линии фронта и формированию политической траектории конфликта, эти достижения сосуществуют с сохраняющейся структурной напряженностью.

В целом, будущее сотрудничества в рамках Астанинского формата остается крайне неопределенным. Изменившийся геополитический контекст диктует новые формы и механизмы урегулирования противоречий. Сирийские власти под руководством переходного президента Ахмеда аш-Шараа, так же под влиянием изменчивого геополитического климата, ищут новые возможности и строят диверсифицированные отношения с новыми гарантами безопасности, отталкиваясь от концепции доверительных партнерств.

Будущее Сирии и более широкого регионального ландшафта будет зависеть от того, как эти державы будут справляться с возникающей неопределенностью, включая смену глобальных расстановок сил, меняющуюся роль Соединенных Штатов и постепенную реинтеграцию Сирии в арабскую дипломатию. В конечном счете, сотрудничество между тремя государствами, вероятно, сохранится, но более не будет иметь той институцио-

нальной структуры и роли в связи с возрастающей ролью самого сирийского правительства, нового политического курса, самостоятельного выбора партнеров и ряда экономических факторов, таких как снятие санкций и восстановление участия Сирии в международной торговле.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сухов Н.* Как складываются отношения России с новыми сирийскими властями // «Профиль», 2025. URL: https://profile.ru/abroad/kak-skladyvajutsya-otnosheniya-rossii-s-novymi- sirijskimi-vlastyami-1784261/
2. *Смагин Н.* Время выбирать. Почему Россия и Турция все больше отдаляются друг от друга // “Carnegie Politika”, 2025. URL: https://carnegieendowment.org/ru/russia- eurasia/politika/2025/11/rossiya-turciya-otdalyayutsya
3. *Смагин Н.* Опять патрули. Насколько серьезно новое сближение Сирии с Россией // “Carnegie Politika”, 2025. URL: https://carnegieendowment.org/ru/russia-eurasia/politika/2025/08/russia-syria-new-approach
4. Syria’s break with Iran under new government redefines regional geopolitics // “The Arab Weekly”, 2025. URL: https://thearabweekly.com/syrias-break-iran-under-new-government-redefines- regional-geopolitics

MECHANISMS AND LIMITS OF COOPERATION BETWEEN RUSSIA, TURKEY AND IRAN IN THE SYRIAN SETTLEMENT PROCESS

T. Grigoryan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

Following the events of the Arab Spring, the Syrian conflict has become a key arena for the intersection of Russian, Turkish, and Iranian interests, whose active involvement reshaped the political configuration of the Middle East. From 2011 to 2025, the dynamics of their interaction reflect a shift from a unipolar system to a more complex, multidirectional structure of international relations. This study aims to analyze the political strategies of the three powers in the Syrian context, identify the main areas of

cooperation and contradiction, and assess their impact on the formation of a new regional security architecture. The paper explores the evolution of foreign policy approaches, the transformation of alliances, and mechanisms of conflict resolution, including the Astana format. The research demonstrates that the interaction between Russia, Turkey, and Iran in Syria represents a hybrid balance of competition and pragmatic partnership, reflecting broader trends of global power redistribution and the growing role of regional actors.

Keywords: Russia, Turkey, Iran, Syrian conflict, regional security.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-293-303

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ И КНДР К ПРОБЛЕМЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Л.А. Мелян

Российско-Армянский университет
levon.melyan.a@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется эволюция подходов Республики Корея и Корейской Народно-Демократической Республики к проблеме объединения Корейского полуострова с 1950-х годов до современности. Исследование опирается на периодизацию политического развития Южной Кореи по шести республикам и на деление истории КНДР по периодам правления Ким Ир Сена, Ким Чен Ира и Ким Чен Ына. Показано, что южнокорейская политика последовательно переходит от жесткой конфронтации к попыткам диалога и «солнечной политике», в то время как северокорейская линия сочетает идеологическую непримиримость, диверсионную активность и эпизодические переговорные инициативы. Особое внимание уделяется межкорейским саммитам 2000, 2007 и 2018 годов, а также соглашениям начала 1990-х годов, которые имели важное символическое значение, но не привели к устойчивому институциональному сближению. Делается вывод, что структурные ограничения, роль внешних акторов и внутриполитические циклы в обеих странах препятствовали превращению декларативных договоренностей в долгосрочную модель сотрудничества.

Ключевые слова: межкорейские отношения, объединение Кореи, Республика Корея, КНДР, межкорейские саммиты.

Введение

Объединение Корейского полуострова, оказывая серьезное влияние на региональную безопасность и глобальный режим нераспространения ядерного оружия, остается одной из ключевых нерешенных проблем международных отношений в Восточной Азии. С конца корейской войны 1950–1953гг. подходы Республики Корея и Корейской Народно-Демократичес-

кой Республики к вопросу объединения неоднократно трансформировались под воздействием внутриполитических изменений и внешнеполитической конъюнктуры. Периодические вспышки диалога сменялись фазами интенсивной конфронтации, что свидетельствует о структурной нестабильности межкорейского процесса.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ эволюции политики Южной и Северной Кореи в отношении объединения, с особым акцентом на взаимосвязь внутриполитических трансформаций и межкорейского диалога. Задачи исследования включают:

1) периодизацию подходов Республики Корея к объединению;

2) характеристику позиции КНДР по этапам правления трех политических лидеров;

3) сравнительный анализ трех межкорейских саммитов (2000, 2007, 2018 годов);

4) выявление структурных и конъюнктурных препятствий для реализации договоренностей об объединении.

Методы

Исследование основано на историко-сравнительном и структурно-функциональном подходах, позволяющих сопоставить эволюцию политических режимов в Республике Корея и КНДР и выявить общие и отличительные черты их объединительной политики. В качестве источниковой базы использованы конституционные акты обеих государств, межгосударственные соглашения (Совместное заявление 1972г., Соглашение о примирении 1991г., Декларация 2000г. и др.), стенограммы международных переговоров, рассекреченные дипломатические документы, мемуарная литература государственных деятелей, а также отечественные и зарубежные научные публикации по истории Кореи, проблемам безопасности на полуострове и международным отношениям в Восточной Азии.

Метод контент-анализа официальных деклараций и совместных заявлений позволил реконструировать динамику риторики сторон относительно принципов объединения, а также выделить расхождения между декларативным уровнем и практической реализацией договоренностей. Периодизация южнокорейской политики проведена по шести республикам (1948–1960, 1960–1961, 1963–1972, 1972–1981, 1981–1987, с 1987 года по настоящее время), каждая из которых характеризуется специфической формой

правления. История КНДР рассмотрена через периоды правления трех политических лидеров: Ким Ир Сена (1953–1994), Ким Чен Ира (1994–2011) и Ким Чен Ына (2011 – настоящее время).

Результаты

Позиция Республики Корея по вопросу объединения

Политическая история Республики Корея условно делится на периоды шести республик, каждая из которых характеризуется специфической формой правления и подходом к межкорейским отношениям.

Первая Республика (1948–1960). При президенте Ли Сын Мане государственная политика строилась на жестком противостоянии КНДР, отказе от подписания перемирия и институционализации антикоммунизма как основы внутренней и внешней политики [1]. Риторика в отношении Северной Кореи была однозначно отрицательной, коммунизм порицался как враждебная и чужеродная идеология. Противники режима часто обвинялись в шпионаже в пользу КНДР, что служило предлогом для репрессий и устранения видных деятелей оппозиции. Первая Республика не допускала каких-либо компромиссов и мирных инициатив в отношении Севера.

Вторая Республика (1960–1961). После апрельской революции 1960г. произошла парламентская демократизация. Новое руководство начало формулировать концепцию «третьего пути» между капитализмом и социализмом [2]. Летом 1960г. КНДР выдвинула инициативы мирного объединения, что способствовало оживлению диалога в Южной Корее. Появились новые политические партии, выступавшие за плановую экономику и социалистические преобразования. Однако под давлением Соединенных Штатов южнокорейское правительство приняло серию репрессивных законов («Временный чрезвычайный антикоммунистический закон», «Закон о контроле над демонстрациями»), что свело на нет либеральные устремления [3]. Вторая Республика, несмотря на попытки сбалансированной политики, не достигла конкретных результатов в налаживании отношений с КНДР.

Третья и Четвертая Республики (1963–1981). Прямые выборы 1963г. избрали Пак Чон Хи, который пришел к власти после военного переворота 1961г. Этот период характеризовался сохранением высокого уровня конфронтации с Севером при одновременном экономическом рывке

(так называемое «чудо на реке Хан») и росте международного статуса Республики Корея. В 1960-х годах напряжение между сторонами оставалось высоким: КНДР организовала диверсионные операции, включая покушение на президента Пак Чон Хи в январе 1968г. [4]. Однако в начале 1970-х годов появились первые признаки разрядки. В июле 1972г. Север и Юг опубликовали Совместное коммюнике – первый официальный двусторонний документ. Стороны провозгласили три принципа объединения: независимость от внешних держав, мирное объединение и национальное единство [5]. Был учрежден Северо-Южный координационный комитет, открыты прямые линии связи между Пхеньяном и Сеулом. Однако к 1973–1974 годам диалог фактически замерз, и риторика обеих сторон вновь ужесточилась.

Пятая Республика (1981–1987). После убийства Пак Чон Хи в 1979г. к власти пришел генерал Чон Ду Хван. Его администрация сочетала внутреннюю авторитарность с попытками укрепить международный имидж страны через проведение Азиатских игр в 1986г. и Олимпийских игр в Сеуле в 1988г. [6]. Эти события способствовали открытию Южной Кореи для внешнего мира. Одновременно предпринимались ограниченные попытки межкорейского диалога: в сентябре 1985г. организована первая встреча членов разделенных семей, проживающих в Северной и Южной Корее. В 1985–1987гг. велись тайные переговоры между представителями обеих сторон, однако они были прерваны вследствие взрыва южнокорейского гражданского самолета в декабре 1987г.

Шестая Республика (1987 – настоящее время). Демократизация 1987 года открыла новый этап в межкорейских отношениях. Но Тэ У, победивший на президентских выборах, провозгласил «Северную политику», нацеленную на налаживание связей со странами Восточного блока и КНР. В 1990г. установлены полномасштабные советско-южнокорейские дипломатические отношения. В 1992г. Республика Корея установила отношения с Китаем [7]. Эти шаги стали великим достижением: КНДР потеряла ключевых союзников. В декабре 1991г. в Сеуле заключено «Соглашение о примирении, ненападении, сотрудничестве и обмене между Севером и Югом», ставшее основой для высокоуровневого диалога [8]. В сентябре 1992г. Республика Корея и КНДР одновременно вступили в ООН, что символически закрепило раздельное существование двух государств.

В 1992–1997гг. при президенте Ким Ен Саме межкорейские отношения вновь ухудшились после заявления КНДР о выходе из Договора о не-

распространении ядерного оружия, что привело к первому ядерному кризису на полуострове. Президент Ким Тэ Джун (1998–2002) внедрил политику «Солнце» (“Sunshine Policy”), предполагавшую сотрудничество, гуманитарную помощь и экономическое взаимодействие без предварительных политических условий [9]. Главным достижением стал первый межкорейский саммит в июне 2000г. в Пхеньяне – первая встреча лидеров с момента разделения полуострова. Был подписан Совместный договор о продолжении диалога и экономическом сотрудничестве. Ким Тэ Джун был удостоен Нобелевской премии мира. Однако позже выявилось, что перед саммитом были осуществлены тайные денежные переводы через компанию Hyundai, что вызвало критику.

При Ким Тэ Джуне были реализованы крупные совместные проекты: промышленная зона в Кэсоне и развитие туризма на горе Кымгансан. Однако признание КНДР программы обогащения урана в 2002г. привело к возобновлению ядерного кризиса и сворачиванию «Солнечной политики».

При президенте Но Му Хене произошло улучшение межкорейских отношений в 2007г., когда был проведен второй межкорейский саммит. Стороны тогда заключили совместную декларацию, согласившись перейти от перемирия к мирному договору в сотрудничестве с США и Китаем, а также расширить экономические проекты [10].

Третий межкорейский саммит состоялся в апреле 2018г. после серии ядерных испытаний КНДР и угроз конфликта между Пхеньяном и Вашингтоном. Была заключена Пханмунджомская декларация, по которой стороны согласились работать над официальным завершением Корейской войны и подписанием мирного договора, заканчивая враждебные действия [11]. КНДР выразила приверженность полной денуклеаризации полуострова, хотя конкретные сроки и механизмы не были установлены. Несмотря на оптимизм, следовавший за декларацией, конкретного прогресса так и не было.

Таблица 1.

Сравнительный анализ трех межкорейских саммитов

Параметры	**Саммит 2000**	**Саммит 2007**	**Саммит 2018**
Цели	Начало диалога, снижение напряженности	Развитие сотрудничества, шаг к мирному договору	Мир, денуклеаризация, окончание войны

Экономические проекты	Начало проектов (Кэсон, Кымгансан)	Расширение проектов	План соединения дорог и развития торговли
Ядерная программа КНДР	–	Замороженная ядерная программа	Денуклеаризация полуострова

Позиция Корейской Народно-Демократической Республики по вопросу объединения

Период Ким Ир Сена (1953–1994). После окончания корейской войны Ким Ир Сен правил 41 год. За это время в КНДР происходили иные процессы: последовательное строительство персоналистской диктатуры, формирование культа личности с 1960-х годов, провозглашение идеологии чучхе в 1970-х (самонадеянность, ставка на собственные силы), начало подготовки к передаче власти сыну Ким Чен Иру с 1980-х гг. [12]. КНДР и Республика Корея формально оставались в состоянии войны, так как мирного договора не было подписано. В 1950-х годах Север активно восстанавливал армию с помощью КНР и СССР, готовясь к возможному возобновлению конфликта. Позиционируя себя как единственного законного представителя всего корейского народа, КНДР развернула массированную пропаганду против Южной Кореи. Ким Ир Сен отказывался от диалога с Ли Сын Маном, называя его «марионеткой США» [13]. Активно насаждалась идея «освобождения Юга» путем поддержки южнокорейских коммунистов.

С начала 1960-х годов Ким Ир Сен начал продвигать концепцию «объединения на демократической основе», предусматривающую возможность сохранения двух систем при условии их сотрудничества, то есть сохранение автономии Юга при объединении в единое государство[14]. Однако такие предложения исходили из доминирующей позиции КНДР и предполагали идеологическое переформатирование Юга, без механизмов равноправного диалога. После Апрельской революции 1960. в Южной Корее Ким Ир Сен рассматривал нестабильность как возможность для продвижения объединения Кореи под коммунистическим управлением. Стратегия включала не только пропаганду, но и прямую диверсионную деятельность, включая покушение на Пак Чон Хи в 1968 году [15].

1970-е годы стали поворотным моментом. Впервые после войны появились зачатки межкорейского диалога. В июле 1972 года Север и Юг опуб-

ликовали Совместное коммюнике, учредили Северо-Южный координационный комитет, открыли прямые линии связи. Однако к 1973–1974 годам диалог замерз. КНДР пыталась выиграть симпатии стран «третьего мира» в рамках движения неприсоединения и не допустить вступления Республики Корея в ООН [16]. Южная Корея, напротив, стремилась укрепить собственный международный статус [17].

В 1980–1990гг. межкорейские отношения чередовали фазы конфронтации и попыток диалога. В 1979г. после прихода к власти Чон Ду Хвана КНДР усилила пропаганду против Юга. Напряжение достигло пика в 1983г. с организацией теракта в Янгоне [18], а также в 1987г. – с взрывом самолета KAL-858 [19]. Олимпиада в Сеуле в 1988г. стала предметом раздражения Пхеньяна: КНДР пыталась добиться совместного проведения или переноса игр.

После окончания холодной войны обе страны в 1992 году вступили в ООН. В том же году были подписаны взаимные соглашения о примирении и безъядерном статусе полуострова, однако они остались во многом нереализованными. Начало 1990-х ознаменовалось ядерным кризисом, когда КНДР отказалась допустить инспекции МАГАТЭ. В этом контексте планировалась первая встреча президента Южной Кореи с лидером КНДР, но смерть Ким Ир Сена в июле 1994г. сорвала эти планы. Однако в октябре 1994г. было заключено Женевское рамочное соглашение между США и КНДР, согласно которому КНДР обязалась заморозить реактор в Йонбене и допустить международных инспекторов, а США обязались построить два легководных реактора и поставлять 500 тысяч тонн мазута в год [20].

Период Ким Чен Ира (1994–2011). После смерти Ким Ир Сена власть была передана его сыну Ким Чен Иру – уникальный случай наследственной передачи власти в социалистическом государстве [21]. Культ личности был тщательно выстроен при жизни отца. Правление Ким Чен Ира совпало с экономическим кризисом 1990-х годов и голодом, приведшими к гибели сотен тысяч людей. Период характеризовался ракетными испытаниями (1998г.), вызвавшими обеспокоенность мирового сообщества.

При Ким Чен Ире произошло улучшение межкорейных отношений, особенно после избрания в Южной Корее в 1998г. Ким Тэ Джуна. Была реализована «Солнечная политика» с предоставлением гуманитарной помощи и инвестиций. Главным достижением стал первый межкорейский саммит в

июне 2000г. Ким Чен Ир согласился на встречу, рассчитывая получить экономическую помощь и облегчить международное давление [22]. После саммита были развернуты совместные проекты: промышленная зона в Кэсоне (с 2003г.) и туризм на Кымгансане (с 1998 по 2008г.). Однако признание КНДР программы обогащения урана в 2002г. привело к возобновлению ядерного кризиса и сворачиванию гуманитарных проектов при президенте Ли Мен Баке.

Второй межкорейский саммит в 2007г. с президентом Ро Му Хеном привел к новой совместной декларации о переходе к мирному договору и расширении сотрудничества. Однако практическая реализация была минимальной. Основными препятствиями служили ядерная программа КНДР, ее нежелание открывать объекты для инспекций и стремление использовать переговоры как инструмент получения экономических уступок без реальных политических изменений.

Период Ким Чен Ына (2011 – настоящее время). После смерти Ким Чен Ира в 2011г. власть перешла к его сыну Ким Чен Ыну, еще больше упрочив статус КНДР как «коммунистической династии» [23]. Молодой лидер в начале своего правления предпринял некоторые экономические реформы под названием «новой экономической политики», но вскоре отказался от них и вернулся к жесткой политике централизованного контроля. В 2016–2017 годы произошла серия ядерных и ракетных испытаний, сопровождавшихся угрозами в адрес США и их союзников, что привело к международной напряженности и угрозе вооруженного конфликта.

Третий межкорейский саммит в апреле 2018г. произошел после дипломатического поворота, инициированного Соединенными Штатами. Ким Чен Ын согласился на встречу с президентом Мун Чжэ Ином, объявив о намерении денуклеаризации [24]. Была подписана Пханмунджомская декларация об окончании враждебных действий и переходе к мирному договору. Однако последующие переговоры с США (саммит Трампа и Ким Чен Ына в Сингапуре в июне 2018г. и в Ханое в феврале 2019 года) не привели к конкретным результатам. КНДР отказывалась идти на верифицируемые меры по денуклеаризации, требуя в обмен снятия санкций и получения гарантий безопасности. К 2020г. межкорейские отношения вновь обострились, особенно после избрания в Южной Корее консервативного президента Юн Сок Еля.

Заключение

Эволюция подходов Республики Корея и КНДР к проблеме объединения Корейского полуострова отражает сложное взаимодействие внутриполитических трансформаций, международной конъюнктуры и стратегических интересов ключевых региональных и глобальных акторов. За семьдесят лет независимого развития обе страны прошли путь от первоначального убеждения в возможности объединения к практическому признанию раздельного существования при периодических попытках диалога и сотрудничества.

Несмотря на символическое значение межкорейских саммитов и ряда двусторонних соглашений, ни одна из администраций не смогла превратить декларативные обязательства в устойчивую структуру долгосрочного сотрудничества. Основные препятствия носят структурный характер: взаимное недоверие, идеологические различия, ядерный фактор, роль внешних держав и изменение общественного мнения, особенно среди молодежи. В ближайшей перспективе полное объединение полуострова кажется маловероятным; более реалистичным сценарием может быть постепенное расширение гуманитарных контактов, экономических проектов и механизмов предотвращения конфликтов при условии политических изменений в Северной Корее и более благоприятной региональной конъюнктуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jong Yil Ra*. Political Crisis in Korea, 1952: The Administration, Legislature, Military and Foreign Powers. Vol. 27, № 2, 1992. PP. 301–318.
2. *Lee E.-J.* The 1960s in South Korea: Modernisation, Nationalism and the Pursuit of Democratisation // “International Quarterly for Asian Studies (IQAS)”. Vol. 52, № 3–4, 2021. PP. 187–205.
2. *Толстокулаков И.А.* Развитие демократического процесса и конституционный вопрос в Южной Корее // «Известия Восточного института», 1999.
3. *Seongji Woo.* The Park Chung-hee Administration amid Inter-Korean Reconciliation in the Détente Period: Changes in the Threat Perception, Regime Characteristics, and the Distribution of Power // “Korea Journal”. Vol. 49, № 2, 2009. PP. 37–58.
4. *Radchenko S., Schaefer B.* Red on White': Kim Il Sung, Park Chung Hee, and the Failure of Korea's Reunification, 1971–1973 // “Cold War History”. Vol. 17, 2017. PP. 259–277.

5. *Manheim J.* Rites of Passage: The 1988 Seoul Olympics as Public Diplomacy // “The Western Political Quarterly”. Vol. 43, № 2, 1990. PP. 279–295.
6. *Xiaoxiong Yi*. Ten Years of China-South Korea Relations and Beijing's View on Korean Reunification // “The Journal of East Asian Affairs”. Vol. 16, № 2, 2002. PP. 315–351.
7. Agreement on Reconciliation, Non-aggression and Exchanges and Cooperation Between the South and the North. Available at: https://www.ncnk.org/resources/publications/north_south_1991_agreement.pdf [accessed December 5, 2025].
8. *Govindasamy G.* Kim Dae Jung and the Sunshine Policy: An Appealing Policy Option for Inter-Korean Relations // “SARJANA”. Vol. 27, 2017. PP. 1–15.
9. Results of the 2007 South-North Declaration. Available at: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5476/view.do [accessed December 5, 2025].
10. Kim Angela Semee. An End to the Korean War: The Legal Character of the 2018 Summit Declarations and Implications of an Official Korean Peace Treaty // “Asian Journal of International Law”. Vol. 9, № 2, 2019. PP. 206–216.
11. *Ланьков А.Н.* КНДР вчера и сегодня: неформальная история Северной Кореи. М.: «Восток-Запад», 2005, 445с.
12. *Armstrong C.K.* The North Korean Revolution, 1945–1950. Ithaca: “Cornell University Press”, 2003.
13. Record of Conversation between Premier Kim and the Chinese Friendship Delegation (August 20, 1965). Available at: https://digitalarchive.wilsoncenter.org [accessed December 5, 2025].
14. Ланьков А. Север против Юга: террористические операции КНДР против южнокорейских лидеров. Available at: https://web.archive.org/web/20140726100201 [Accessed December 5, 2025].
15. Cvijetin Mijatović's Conversation with Kim Il Sung (September 9, 1978). Available at: https://digitalarchive.wilsoncenter.org [accessed December 5, 2025].
16. Conversation between Park Chung Hee and Pak Seong-cheol (May 31, 1972). Available at: https://digitalarchive.wilsoncenter.org [accessed December 5, 2025].
17. *Kim Hyung-jin*. Calls rise for review of 1983 Rangoon bombing by North Korea. Available at: https://web.archive.org/web/20071018052258 [accessed December 5, 2025].
18. *Kim Hak Man.* Analysis of the Bombing of Korean Air Flight 858 and the Resulting Tension Between South and North Korea // The Journal of Northeast Asia Research, August 2011, PP. 101–119.
19. *Jackson V.* Rival Reputations: Coercion and Credibility in US-North Korea Relations. PP. 138–169.
20. *Ланьков А.Н.* Не только кимчхи: История, культура и повседневная жизнь Кореи. М.: «Альпина нон-фикшн», 2023, 352с.

21. *Lankov A.* The Real North Korea: Life and Politics in the Failed Stalinist Utopia. New York: “Oxford University Press”, 2013, 283p.
22. *Shorrock T.* South Korea: Chun, the Kims and the Constitutional Struggle. Succession in the South // “Third World Quarterly”. Vol. 10, № 1, 1988. PP. 95–110.
23. *Heo Uk and Seongyi Yun*. South Korea in 2018: Summit Meetings for the Denuclearization of North Korea // “Asian Survey”. Vol. 59, № 1, 2019. PP. 54–62.
24. *Ланьков А.Н.* Объединение Кореи: как мечта и как кошмар. Лекция. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=ZgUtOS9NRTA [accessed December 5, 2025].
25. *Barclay Ballard*. The economics of Korean reunification // “World Finance”. Available at: https://www.worldfinance.com/special-reports/the-economics-of-korean-reunification [accessed December 5, 2025].

EVOLUTION OF THE APPROACHES OF THE REPUBLIC OF KOREA AND THE DPRK TO THE PROBLEM OF UNIFICATION OF THE KOREAN PENINSULA

L. Melyan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article analyzes the evolution of the approaches of the Republic of Korea and the Democratic People's Republic of Korea to the unification of the Korean Peninsula from the 1950s to the present day. The study draws on a periodization of South Korea's political development across six republics and a division of North Korean history into the periods of rule of Kim Il-sung, Kim Jong-il, and Kim Jong-un. It demonstrates that South Korean policy has consistently shifted from harsh confrontation to attempts at dialogue and a “sunshine policy”, while North Korea combines ideological intransigence, subversive activity, and occasional negotiating initiatives. Particular attention is paid to the inter-Korean summits of 2000, 2007 and 2018, as well as the agreements of the early 1990s, which had significant symbolic significance but failed to lead to sustainable institutional rapprochement. It is concluded that structural constraints, the role of external actors and domestic political cycles in both countries prevented declarative agreements from turning into a long-term model of cooperation.

Keywords: inter-Korean relations, Korean reunification, Republic of Korea, DPRK, inter-Korean summits.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-305-313

ВЛИЯНИЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВ

А.А. Леоненко, С.П. Капинос

Российско-Армянский университет
Институт международных отношений и общественно-политических наук
a.leonenko05@mail.ru sergey.kapinos@rau.am

АННОТАЦИЯ

В условиях стремительной цифровизации киберпространство[1] стало неотъемлемой частью национальной безопасности и международных отношений. Кибератаки[2], кибершпионаж[3] и кибертерроризм[4] оказывают влияние на политическую, экономическую и социальную стабильность государств. В этой статье рассматривается, как киберугрозы[5] изменяют динамику международных отношений и усиливают значимость кибербезопасности[6] в контексте национальной безопасности.

Ключевые слова: кибербербезопасность, национальная безопасность, кибератаки, кибершпионаж, кибертерроризм.

Введение

В XXI веке мировое киберпространство превратилось в стратегическую арену противостояния государств, сопоставимую по значимости с су-

[1] *Киберпространство* – это виртуальная среда, созданная с использованием компьютерных сетей, где люди могут общаться, обмениваться информацией, проводить различные операции и вести деятельность.
[2] *Кибератака* – это преднамеренное воздействие на информационную систему или ее компоненты с использованием цифровых средств.
[3] *Кибершпионаж* – это несанкционированное получение информации с целью личного, экономического, политического или военного превосходства.
[4] *Кибертерроризм* – это преднамеренное использование компьютерных технологий и сетей террористическими группами или индивидуумами для достижения политических, религиозных или идеологических целей.
[5] *Киберугроза* – то потенциальная угроза для компьютерных систем и данных, исходящая от злоумышленников с целью нарушения их работы, кражи данных или повреждения информационных систем.
[6] *Кибербезопасность* – это направление информационной безопасности, которое предполагает защиту цифровой среды от кражи или повреждения злоумышленниками.

шей, морем, воздухом и космосом. Кибербезопасность стала одной из ключевых составляющих национальной и международной безопасности, влияя на политику, экономику, оборону и дипломатические отношения.

Кибербезопасность представляет собой систему организационных, правовых и технических мер, направленных на защиту информации, инфраструктуры и сетевых коммуникаций от несанкционированного доступа, разрушения и дестабилизации.

Актуальность

Актуальность проблемы обусловлена превращением киберпространства в стратегическую арену межгосударственного противостояния, сопоставимую с традиционными сферами (суша, море, воздух, космос). Киберугрозы вышли за рамки чисто технических проблем и теперь включают информационно-психологические операции, вмешательство в выборы, экономический шпионаж, что напрямую угрожает национальной безопасности, политической стабильности и экономическому благополучию государств. Рост числа и масштаба кибератак, исчисляемый триллионами долларов ущерба, подтверждает высокую актуальность темы

Проблематика киберугроз выходит за рамки традиционного понимания **«военной»** или **«технической»** угрозы. Она включает в себя также информационно-психологические операции, вмешательство в выборные процессы, экономический шпионаж и манипуляции общественным мнением [1].

Цель работы: анализ современного состояния кибербезопасности как ключевого фактора национальной и международной безопасности, включая изучение статистики кибератак (на примере России и стран СНГ), влияния киберугроз на международные отношения и процессов формирования международных норм в этой сфере.

Состояние проблемы

Проблема характеризуется следующими ключевыми аспектами:

- возросшая значимость: кибербезопасность стала приоритетом оборонной политики ведущих стран мира (США, Китай, Россия, ЕС);
- статистический рост: наблюдается высокий и растущий уровень

кибератак: например, в 2024 году на Россию было зафиксировано более 31 тысячи атак: глобальный же ущерб оценивается в $9,5 трлн;

- эскалация угроз: угрозы эволюционировали от компьютерных вирусов до сложных операций с физическими последствиями (Stuxnet – вредная компьютерная программа), атак на критическую инфраструктуру и вмешательства в политические процессы;
- политизация и дестабилизация: кибератаки подрывают доверие между государствами, усложняют дипломатию и ведут к санкциям;
- недостаточность международного регулирования: отсутствие единых общепринятых правил поведения в киберпространстве, хотя ведутся активные работы в ООН (GGE, OEWG) по их разработке.

Постановка проблемы

На основе анализа статистических данных, примеров международных киберинцидентов и текущих политических инициатив исследовать влияние киберугроз на национальную безопасность и международные отношения, а также оценить роль и перспективы межгосударственного сотрудничества в формировании стабильного и безопасного киберпространства.

Методы решения

В статье используется комплексный аналитический подход, который включает:

- статистический анализ: приведение и обобщение данных мониторинговых сервисов (Solar JSOC, Positive Technologies) о количестве, типах и географии кибератак;
- сравнительный анализ: рассмотрение и сравнение основной направленности национальных стратегий кибербезопасности разных стран (РФ, США);
- институциональный анализ: изучение деятельности международных организаций и институтов (ООН, НАТО), занимающихся выработкой норм кибербезопасности.

Некоторая статистика кибератак на примере России и стран СНГ

Всего за 2024г. мониторинг Solar JSOC выявил более 31 тыс. атак на Российскую Федерацию (инцидентов, подтвержденных заказчиком). Это, в целом, соответствует показателям 2023г.

Рисунок 1. Распределение инцидентов по кварталам в 2024г.

Ниже представлена статистика по наиболее распространенным типам киберинцидентов в 2024г. в России, по данным мониторингового сервиса Solar JSOC, в 2024г. (Рис. 2).

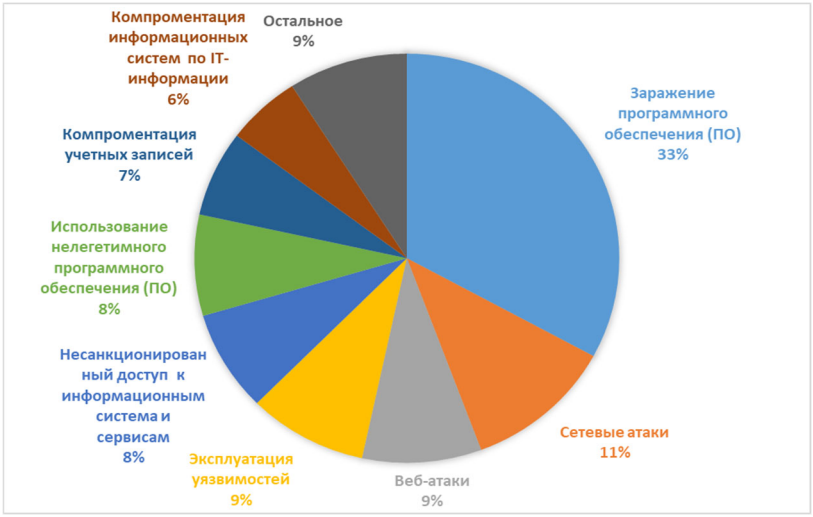

Рисунок 2. Распределение всех инцидентов по типам в 2024г.

Из приведенной статистики наибольшее количество инцидентов по типу наблюдается в области заражение ПО (программного обеспечения) – 33% всех киберинцидентов.

По данным российской компании Positive Technologies, специализирующейся на информационной безопасности, 73% всех атак, направленных против организаций СНГ, пришлось на долю России. На втором и третьем месте – Казахстан (8%) и Беларусь (7%) (Рис. 3). Интерес злоумышленников к этим государствам подтверждается, в том числе, большим количеством объявлений в DarkWeb[9] о продаже, раздаче и покупке данных и услуг, связанных с Россией, Беларусью и Казахстаном. Подробнее об этом читайте в разделе «Анализ теневых площадок».

Рисунок 3. Распределение успешных кибератак по странам.

Россия, Китай и ряд других стран предлагают разработку нового международного договора о кибербезопасности, который обеспечивал бы баланс между принципами государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела и необходимостью международного сотрудничества в борьбе с киберугрозами[5] [2]. Подобная инициатива направлена на предотвращение войн, кибершпионажа[3] и вмешательства во внутренние дела государств с использованием ИКТ.

Кибербезопасность[6] также тесно связана с экономической безопасностью. Ущерб от кибератак[2] на мировую экономику, по оценкам экспер-

тов, исчисляется триллионами долларов ежегодно. Компании и государства вынуждены инвестировать в защиту данных, создавать национальные системы кибероборонны и регулировать трансграничные потоки информации [2].

Кибербезопасность как фактор национальной безопасности

Если ранее в классических концепциях национальной безопасности основное внимание уделялось военным, политическим и экономическим угрозам, то сегодня информационные и киберугрозы заняли равнозначное место среди факторов, определяющих устойчивость государства.

В национальных стратегиях ведущих стран мира США, Китая, России, стран ЕС, кибербезопасность закреплена как приоритетная область оборонной политики. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (2016г.) подчеркивается, что обеспечение устойчивости информационных систем и защита критической инфраструктуры являются основой национальной стабильности [3]. Аналогичные положения содержатся в Стратегии национальной кибербезопасности США (2023г.), где указано, что киберугрозы представляют прямую опасность национальной экономике, политическим институтам и социальной стабильности [4].

Киберугрозы и их влияние на международные отношения

Кибербезопасность сегодня является не только техническим, но и политическим фактором, влияющим на баланс сил в международных отношениях. Отсутствие единых правил и механизмов сдерживания делает киберугрозы источником новых форм конфронтации и важным элементом национальной безопасности.

Рассмотрим международные инциденты, произошедшие в области киберпространства и глобальной сети интернета (Табл. 1).

На основании представленных данных необходимо сделать вывод, что вирусы, атаки с помощью специализированного программного обеспечения на компьютеры, атаки на спутниковую связь могут привести к значительному ухудшению взаимоотношений между странами и привести к кризису доверия на уровне дипломатического взаимодействия.

Таблица 1.

Примеры международных киберинцидентов

Год	Инцидент/ Участники	Суть инцидента	Последствия и влияние на международные отношения
2010	Stuxnet (США, Израиль → Иран)	Вирус вывел из строя центрифуги на иранском ядерном объекте в Натанзе	Первый пример кибератаки с физическим ущербом, начало эпохи кибероружия, что вызвало обострение отношений с Ираном
2017	WannaCry (приписывается КНДР)	Массовая атака-шифровальщик на компьютеры в 150 странах	Нарушение работы больниц и предприятий; обвинения против КНДР; развитие механизмов международного реагирования (CERT)
2017	Вмешательство в выборы (США, Франция)	Кибератаки и дезинформационные кампании против политических партий и кандидатов	Кризис доверия между странами; развитие политики кибербезопасности избирательных систем; меры ЕС против дезинформации

Влияние кибербезопасности на баланс сил в международных отношениях

По состоянию на 2024г., 132 страны имели официально утвержденную Национальную стратегию кибербезопасности, тогда как в 2021г. таких стран было лишь 107. ITU (“International Telecommunication Union”). Более того, 92% стран (то есть 166 государств) заявили, что участвуют в международном договоре либо механизме сотрудничества по кибербезопасности – обмену информацией или развитию потенциала [5].

Этот рост свидетельствует о том, что защита национальных интересов в киберпространстве становится важной составляющей внешней политики, и государства усиливают свои позиции через кооперацию и нормативно-правовые рамки.

Кроме того, глобальные кибератаки выросли в 2024–2025гг.: так, в одном источнике отмечен рост числа атак на 30% и среднее число атак на одну организацию – порядка 1 636 еженедельно [6].

Эти цифры подчеркивают, что киберконкуренция становится важным инструментом «умного» баланса сил – не столько открыто военного, сколько гибридного характера.

Роль межгосударственного сотрудничества в обеспечении национальной кибербезопасности

Рассмотрим примеры межгосударственного сотрудничества в сфере обеспечения национальной кибербезопасности:

- ✓ создание Центра кибероборонь НАТО в Таллине (Эстония): центр занимается совместными учениями, разработкой доктрин и анализом инцидентов, таких как кибератаки на Эстонию (2007);
- ✓ агентство по кибербезопасности Европейского союза (ENISA) координирует обмен опытом и реагирование на инциденты между странами ЕС;
- ✓ глобальный форум по киберэкспертизе (GFCE) объединяет правительства, частные компании и академические институты для обмена знаниями;
- ✓ Совет Безопасности ООН играет ключевую роль в противодействии глобальным киберугрозам, продвигая кодекс ответственного поведения государств в киберпространстве, поддерживая Программу ООН по борьбе с кибертерроризмом для предотвращения использования цифровых технологий террористами.

Межгосударственное сотрудничество необходимо для обмена информацией, выработки общих стратегий и стандартов кибербезопасности. Такие усилия снижают риск конфликтов и укрепляют доверие между государствами, обеспечивая стабильность в цифровом пространстве.

Полученные результаты

Статистикой подтвержден высокий уровень кибератак на Россию и страны СНГ, с доминированием инцидентов, связанных с заражением ПО (33%). Россия является основной мишенью в регионе (73% атак).

Влияние на международные отношения: установлено, что киберинциденты ведут к кризису доверия, дипломатическим санкциям и эскалации напряженности между государствами.

Политические последствия: кибератаки стали инструментом гибридной войны, используемым для подрыва внутренней стабильности, влияния на избирательные процессы и оказания геополитического давления (пример Тайваня).

Развитие международного сотрудничества: отмечен прогресс в формировании международных норм (под эгидой ООН) и рост числа стран, имеющих национальные стратегии кибербезопасности (132 страны в 2024г.) и участвующих в механизмах кооперации.

Выводы

Кибербезопасность перестала быть сугубо технической проблемой и превратилась в фундаментальный элемент национальной безопасности и фактор глобальной политики, напрямую влияющий на государственный суверенитет и международную стабильность.

Масштабы и частота кибератак продолжают расти, нанося колоссальный экономический ущерб и дестабилизируя международные отношения.

Ответом на эти вызовы является два параллельных процесса: усиление национальных систем кибероборонь и активное развитие международной кибердипломатии, направленной на выработку общих правил поведения и мер доверия в киберпространстве.

Дальнейшая эскалация киберконфронтации делает укрепление межгосударственного сотрудничества и создание эффективных международных институтов не просто желательным, а еще и необходимым условием для предотвращения полномасштабных киберконфликтов.

При этом характер отношений между государствами, а также наличие военно-политических и иных противоречий напрямую влияют на уровень угроз и интенсивность атак на национальное киберпространство. В условиях нарастающей геополитической напряженности киберпространство становится ареной для демонстрации силы, инструментом давления и средством реализации стратегических интересов государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кибербезопасность и международные отношения // Научный журнал «Наука и инновации», № 10, 2023. URL: https://na-journal.ru/10-2023-informacionnye-tekhnologii/6481-kiberbezopasnost-i-mezhdunarodnye-otnosheniya?ysclid=mgugmqgl6p192043463
2. Рынок кибербезопасности: тенденции и прогнозы // “RBC Trends”, 2023. URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/678f84c69a79478682c0120b
3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016г. № 646). URL: https://base.garant.ru/71556224/
4. The White House. National Cybersecurity Strategy. Washington, D.C., 2023.
5. United Nations Group of Governmental Experts (GGE) on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security. Reports A/70/174 (2015) and A/76/135 (2021).
6. *Tsagourias N., Buchan R.* Research Handbook on International Law and Cyberspace. “Edward Elgar Publishing”, 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/379554523_Research_Handbook_on_International_Law_and_Cyberspace_red_Nicholas_Tsagourias_Russell_Buchan_Cheltenham_Edward_Elgar_Publishing_2021

THE IMPACT OF CYBERSECURITY ON INTERNATIONAL RELATIONS AND NATIONAL SECURITY

A. Leonenko, S. Kapinos

Russian-Armenian University
Institute of International Relations and Socio-Political Sciences

ABSTRACT

In the context of rapid digitalization, cyberspace has become an integral part of national security and international relations. Cyberattacks, cyberespionage, and cyberterrorism impact the political, economic, and social stability of states. This article examines how cyberthreats are changing the dynamics of international relations and reinforcing the importance of cybersecurity in the context of national security.

Keywords: cybersecurity, national security, cyberattacks, cyberespionage, cyberterrorism.

ФИЛОСОФИЯ

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-314-321

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВИРТУАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

Г.А. Шеметов

Российско-Армянский университет
georgeshemettov@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье изучается процесс влияния современных информационных технологий и виртуальной реальности на процессы межличностного взаимодействия и коммуникации. С позиций современной философии анализируются этические вопросы, которые приобретают важное значение в условиях виртуализации социальных связей, а также предлагается наиболее оптимальная методология для описания данной ситуации.

Ключевые слова: виртуализация, коммуникация, социальная онтология, персональная идентичность.

Введение

Актуальность темы виртуализации социальных связей и влияния данного процесса на жизненный мир человека обусловлена двумя обстоятельствами. С одной стороны, в практическом плане речь идет о трансформации моделей социального взаимодействия, коммуникации и персональной идентичности на основе современных информационных технологий (включая искусственный интеллект). Одним из ее следствий является институциональный кризис и пересмотр классических форматов социальной онтологии. С другой стороны, в теоретическом плане новые контексты интерактивного взаимодействия между людьми позволяют исследовать возможности различных этических концепций, конкретизировать оптимальные методы социального анализа в современных условиях, а также соотнести новую общественную реальность с актуальными процессами развития философии.

Таким образом, в статье анализируются методологические и этические проблемы, возникающие при виртуализации социальных связей: в частности, поднимаются вопросы об изменении содержания категорий «межличностный контакт», «приватность», «публичность»; о том, какими гносеологическими инструментами можно описывать виртуальную коммуникацию; в чем состоят ее характеристики и онтологические следствия для человеческого существования и структуры общественной реальности; какие требования предъявляет цифровая среда к современной социологической и философской методологии. Цель исследования – систематизировать ключевые этические проблемы, возникающие при изучении виртуализированных социальных связей, а также предложить общие методологические и концептуальные схемы для дальнейшей философской рефлексии в данной области.

Материалы и методы

При подготовке статьи использовались элементы сравнительного, описательного и гетерологического методов. Задача состояла в том, чтобы изучить наиболее важные научные исследования в данной области, а также сопоставить их с актуальными феноменологическими наблюдениями. Одной из целей являлось обоснование общества как многомерной, процессуальной и неоднородной структуры, которая по-разному отражается в сознании различных субъектов деятельности и коммуникации. Важным измерением, практическим способом существования и внутренней интеграции этой структуры являются современные информационные технологии и виртуальная реальность.

Среди наиболее репрезентативной научной литературы, посвященной данной теме, необходимо отметить работы классиков современной социологии М. Кастельса, Я. ван Дейка и Э. Гидденса. В более общей философской перспективе теоретической основой статьи являются различные версии постструктуралистской философии (С. Жижек, Ж. Делез, Ж. Бодрийяр), а также теории символического интеракционизма и социальной феноменологии (И. Гофман, П. Бергер, Т. Лукман). Масштабное исследование морфологии сетевого общества и проблемы социальной идентичности предпринято в работе армянской исследовательницы К.Э. Яралян.

Результаты и обсуждение

Процесс виртуализации социальных связей – один из наиболее значимых в последние десятилетия. Он связан не только с переходом коммуникации в цифровую плоскость или технологическим изменением ее каналов, но и с изменением самой структуры социальности, переопределением ее онтологии. Традиционные межличностные групповые связи уступают место сетевым паттернам взаимодействия, опосредованность коммуникации цифровыми программными кодами становится ее технической основой, а границы между публичным и приватным измерениями размываются. Виртуализация вносит существенные изменения в межличностные и межгрупповые отношения, содержание и переживание интерактивности, переопределяет репертуары участия индивидов в сообществах, а также модели конструирования персональной и социальной идентичности.

Эти трансформации ставят целый ряд вопросов, выходящих за рамки эмпирических социологических исследований, то есть требуют пересмотра категорий этики, социальной философии, эпистемологии гуманитарного знания. Методологические трудности, связанные с наблюдением и описанием вышеуказанных процессов, требуют от исследователей особой рефлексивности. В практическом плане развитие современных информационных технологий позволяет сформулировать проблему выработки инструментов, которые могли бы обеспечить качественное развитие социальных институтов, самореализацию личности и противостоять соответствующим рискам в новых исторических условиях.

Представляется, что основные вызовы для традиционных способов изучения общества, обусловленные развитием современных информационных технологий, сводятся к ряду следующих важных обстоятельств.

Во-первых, социальные коммуникации, исследуемые классической социальной наукой, предполагали определенную устойчивость контекста, относительную самотождественность действующих акторов (а, следовательно, их ответственность перед лицом друг друга) и значимость непосредственного телесного присутствия. Виртуализация радикально меняет эти параметры: пространственно-временные ограничения исчезают, то есть общение осуществляется асинхронно, вне географических границ; телесность заменяется символическими и визуальными прокси, она также может быть искажена или видоизменена с помощью инструментов виртуальной и дополненной реальности; социальная идентичность становится множест-

венной и контекстно-зависимой, включающей множество профилей и ролей; границы социального взаимодействия становятся проницаемыми, видимыми и алгоритмически регулируемыми.

Во-вторых, привычная и классическая для социальной науки дихотомия «публичное – приватное» перестает быть актуальной. Сетевые платформы создают гибридную зону «частичной публичности», при которой формально открытые сообщения могут восприниматься как интимные, а личные данные, напротив, оказываются потенциально доступными для третьих лиц или нейронных сетей. Осознание данного фактора само по себе налагает ограничения на репертуары общения и взаимодействия. Кроме того, в этих условиях становятся проблематичными понятия «сильных» и «слабых» социальных связей (М. Грановеттер): сильные связи (родственные или дружеские) могут утрачивать свое значение в силу ритуализированной, повторяемой, но поверхностной коммуникации, а слабые связи, напротив, приобретать эмоциональную и экзистенциальную интенсивность. Развитие технологий дополненной реальности, искусственного интеллекта может вести к еще более радикальным последствиям, когда общение человека с нечеловеческими, искусственными или воображаемыми собеседниками в некоторых случаях становится более глубоким и удовлетворяющим опытом, нежели общение с людьми (включая друзей и родственников).

В-третьих, информатизация и виртуализация социальных связей позволяет поставить вопрос о базовых элементах социальной структуры, которые становятся более подвижными. С одной стороны, это означает развитие институционального кризиса с характерными для него издержками, а, с другой – поиск новых моделей общественной самоорганизации и культурного творчества. Как подчеркивает М. Кастельс, в эпоху информационных технологий ситуативные «социальные узлы» и «потоки информации» становятся базовыми единицами общественной организации, а традиционные представления о сообществе и государстве перестают адекватно описывать новую реальность. В новых исторических обстоятельствах доминируют сетевые, горизонтальные, гибкие и текучие социальные конфигурации, а не устойчивые и фиксированные институции [1]. Я. ван Дейк, в свою очередь, продолжает эту логику применительно к составным элементам социальной структуры. Он предлагает рассматривать цифровое общество как новую конфигурацию, где «социальный узел» – это гибридная и нестабильная область пересечения информационных потоков, данных, программ и

медиа, в центре которой находится интерсубъективное взаимодействие индивидов с гетерогенной персональной идентичностью [2].

Доминирование горизонтальных, гибких и аморфных конфигураций, ставших возможными благодаря развитию информационных технологий, позволяет говорить о том, что классическая оппозиция методологий социального реализма и социального индивидуализма утратила свое значение. По утверждению Э. Гидденса, социальная структура находится в процессе «структурации», ее параметры и базовые характеристики существуют как многомерное распределенное событие, зависят от действий различных субъектов, взаимодействующих друг с другом в пространстве и времени, а также не имеют универсальной системы интерпретации, существуя как множество горизонтов значений [3]. Более того, эти характеристики изменяются в момент их описания или самоописания со стороны наблюдателя, исследователя, теоретика. Таким образом, новую социальность невозможно рассматривать в качестве метафизической схемы, вне контекста множественных межличностных взаимодействий на разных уровнях, которые делают возможным ее обнаружение. Несколько «огрубляя», можно сказать, что каждый раз она «перезагружается» и возникает снова, то есть представляет собой событие, неклассический объект, аналогичный объектам, с которыми имеет дело квантовая физика.

В-четвертых, этический и социально-психологический аспект виртуализации не ограничивается описанием того, как меняются институты и социальные структуры. Он затрагивает также природу человеческой субъективности и формы человеческой общности, поэтому может решаться в рамках широкого междисциплинарного подхода, включая семиотику, психоаналитические теории и т.д. Для нас здесь важно отметить, что виртуальные взаимодействия часто характеризуются одновременно **усилением взаимной доступности** (перманентная связь, которая поддерживается в любой момент времени) и ее негарантированностью (она может быть легко разорвана по инициативе того или иного участника). Это приводит к тому, что классическая модель этики, предполагающая категории онтологического присутствия и взаимной ответственности, обнаруживает свою несостоятельность.

Очевидно, что следствием этого становится важная тенденция. Она состоит в том, что содержательное наполнение этических универсалий, с помощью которых можно описывать онлайн-взаимодействие, начинает варьировать в зависимости от ситуативных конвенций между пользовате-

лями, а также правил, регулирующих деятельность соответствующих платформ. При этом в случае, если речь идет о явлениях деперсонализации или множественной идентичности, возникает проблема атрибуции моральной ответственности (или ее распределения в соответствии с теми или иными правилами, организующими процесс интеракции). В предельном случае, поскольку коммуникация опосредована программной логикой и цифровым кодом, возникает риск ситуаций, при которой человеческое поведение лишается внутреннего измерения свободной воли и, следовательно, для его описания вообще не могут применяться многие этические категории. Чтобы конкретизировать возможности этического суждения в этой сфере, необходим подробный феноменологический анализ тех или иных ситуаций.

В психологическом смысле онлайн-коммуникация ведёт к появлению новых форм близости, которые в различных источниках описываются с помощью таких понятий, как «цифровая интимность», «платформенная дружба», «символическая эмпатия», «имитационное общение», «цифровая усталость», «социальное исключение на основе алгоритмической невидимости» и т.д. Благодаря этим практикам меняется содержание представлений о человеческой природе, сущности социально-психологического опыта, формах и границах их актуализации. К.Э. Яралян, анализируя данный блок проблем, отмечает, в частности, что «в отличие от физического мира, в котором предполагается естественная, обязательная связь тела с самостью, в сети проблема идентификации со своим телом трансформируется в возможность бестелесности… Сейчас приходится привыкать к новой ситуации сосуществования физического и виртуального миров» [4].

При этом, по мнению автора, возможность конструирования множественных виртуальных личностей в киберпространстве не является основанием для сведения виртуальной реальности к «пространству мнимых образов», представляя «способ демонстрации собственного «Я» в системе внешних коммуникаций» [4]. Таким образом, структура «Я» становится неочевидной, сложной и требует дополнительных усилий для ее расшифровки в множественности символических отображений, репертуаров деятельности и коммуникации. Более подробную классификацию сценариев существования множественных «Я» с опорой на современные версии структурного психоанализа и материал художественной культуры предлагает С. Жижек в статье «Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия» [5].

В процессе дальнейшего развития информационных технологий и биотехнологий (трансгуманизм, синтез человеческих и машинных возможностей, нейропротезы и нейрокомпьютерный интерфейс, загрузка сознания и цифровое преобразование чувственных каналов восприятия) данная тема станет еще более значимой, провоцируя острые общественные и моральные дискуссии. Для их адекватного описания важно осмыслить, какое общество, какие формы совместности и какой тип человеческой личности, а также телесного, эмоционального и морального опытов может сформироваться в условиях грядущих научно-технологических революций, однако этот вопрос требует отдельного изучения.

Подводя итоги, следует отметить, что в ходе нашего исследования мы выявили существенные сдвиги в жизненном мире людей, особенностях их коммуникации, персональной идентичности и функционировании социальной реальности, происходящие под влиянием современных информационных технологий (в первую очередь, технологий виртуализации). Ключевой теоретический вопрос состоит в том, с помощью каких социальных, этических или философских методов можно описывать эти явления. Представляется, что наиболее оптимальными в этих условиях становятся неметафизические и нередукционистские подходы (в частности, феноменологические или постструктуралистские), которые, с одной стороны, исходят из понимания человека и общества как многомерных, перформативных и гетерогенных образований, а, с другой стороны, ищут инструменты, позволяющие найти механизмы интеграции индивидуального и коллективного опытов внутри этой гетерогенности. Интеграция осуществляется через различные схемы деятельности, основанные на прагматических и конвенциальных подходах, а также влияет на формирование новой логики институционализации и структурации общества, сосуществования и воспроизводства эмоционального опыта, сознания индивидов, их воображения и самоопределения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Castells M.* (1996, second edition, 2009). The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I. Malden, MA; Oxford, UK: “Blackwell”.
2. *Jan van Dijk.* The network society: social aspects of new media. Thousand Oaks, CA: “Sage Publications”, 2006.

3. *Гидденс Э.* Устроение общества. Очерк теории структурации. М.: «Академический проект», 2005. СС. 58–69, 432–441.
4. *Яралян К.Э.* Морфология сетевого общества и проблема социальной идентичности. Ер.: изд-во ЕГУ, 2019. СС. 137–140.
5. *Жижек С.* Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // «Искусство кино», №1, 1998. URL: Славой Жижек: «Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия» // «Искусство кино».

METHODOLOGICAL AND ETHICAL PROBLEMS OF VIRTUALIZATION OF SOCIAL CONNECTIONS

G. Shemetov

Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article examines the impact of modern information technology and virtual reality on interpersonal interaction and communication. From a contemporary philosophical perspective, it analyzes ethical issues that are becoming increasingly important in the context of the virtualization of social connections, and proposes the most optimal methodology for describing this situation.

Keywords: virtualization, communication, social ontology, personal identity.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-322-331

ИСТОРИЯ

О НЕКОТОРЫХ МАЛОИЗУЧЕННЫХ ФАКТАХ БИОГРАФИИ ГЕНЕРАЛА Е.Е. ВЫШИНСКОГО

Л.А. Асоян

Российско-Армянский университет
ШГУ им. Налбандяна
МНОЦ НАН РА
l.asoian@arm.rs.gov.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследованы и введены в научный оборот некоторые малоизученные аспекты жизни и деятельности генерала Е.Е. Вышинского на поприще дипломатии и военного востоковедения (на основании материалов РГВИА и Национального архива Армении).

Уникальные возможности для полевых исследований позволили ему получить ценные научные результаты для изучения некоторых районов Кавказа и исторической Армении. Вклад Е.Е. Вышинского в заключение Эрзинджанского перемирия и подготовку Сардарапатского сражения был высоко оценен современниками.

Ключевые слова: Е.Е. Вышинский, военное востоковедение, дипломатия, армяно-российские отношения, русский генерал.

Материал и методы

Евгений Евгеньевич Вышинский – пример русского военного, сыгравшего важную роль в становлении армянского военного дела в переломный исторический момент. Его деятельность иллюстрирует тесные связи между российским офицерским корпусом и процессом формирования армянских вооруженных сил в 1917–1918гг. Несмотря на обилие исторической литературы (воспоминания сослуживцев, описания военных действий, архивные данные), отдельного монументального исследования о генерал-майоре

Вышинском, как и в целом о русских офицерах армянской армии, нет. Цель данного исследования – выявить и представить широкой общественности малоизученные факты его биографии на основании архивных материалов, хранящихся в Национальном архиве Армении и ЦГВИА РФ, а также воспоминаний современников, в частности, его сослуживца К. Попова.

К сожалению, нам не удалось найти письма Вышинского супруге Анне Оттовне, о которых упоминает Попов, в которых предположительно сохранились интересные подробности о жизни офицера и которые могли бы пролить свет на изучение неизвестных страниц его биографии.

В РГВИА сохранился послужной список полковника Вышинского, составленный 24 августа 1914г. [2]. В нем прослеживается вся его военная карьера. Сохранились и некоторые биографические данные. В частности, отмечается, что «полковник Евгений Евгениевич Вышинский лютеранин, из потомственных дворян, получает на службе содержание в 3096 рублей, курсы окончил успешно, а за отличные успехи в науках при прохождении дополнительных курсов в мае 1900 произведен в Штабс-капитаны. В службе гражданской и по выборам дворянства не служил. Всемилостивейших рескриптов и Высочайших благоволений не получал. За отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий» удостоен ряда наград: Св. Владимира 4-й ст. (ВП 01.1915), Св. Владимира 3-й ст. (ВП 01.1915), ордена Св. Владимира 3-й ст. с мечами (ВП 08.01.1916). 7 мая 1915г. отправился к месту нового служения командиром 13 Лейб-гренадерского Эриванского царя Михаила Федоровича полка. «В бессрочном отпуску для пользования ран по роду оружия, без исполнения службы, в плену и в отставке не был. Женат первым браком на девице Анне Оттовне урожденной Зиберт, имеет дочь Ирину, родившуюся 7 июля 1903 года. Жена и дочь вероисповедания Евангелистско-лютеранского. Родового, недвижимого, благоприобретенного имущества не имеет». Особых поручений сверх прямых обязанностей не имел, но отличился безупречной службой, о чем свидетельствует заключительная запись в деле офицера: «В службе сего Штабс-офицера не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к оному» [2].

Более подробные биографические сведения о Вышинском хранятся в Национальном архиве Армении в фонде № 1267 под названием «Коллекция документальных материалов об армянских добровольческих дружинах и

регулярных воинских частей» в деле № 126 вместе с биографиями генералов И. Ахвердова и Т. Назарбекова. В этом документе, составленном капитаном Абазовым в 1919г., изложена почти вся армейская карьера генерала, перечислены все регалии и награды и, в частности, отмечается, что Евгений Вышинский «родился 19 июля 1873 года. Происходит из потомственных дворян Сувалкской губернии, выпускник Николаевской академии Генштаба, армейскую карьеру начал со службы во 2-ом Ковенском крепостном батальоне «рядовым на правах вольноопределяющегося первого разряда», с 1900 года определен в Кавказский военный округ. С 19 мая 1908 года принял командование батальоном в 13-ом Лейб-Гренадерском Эриванском полку и вписал свое имя в истории полка. После на некоторое время был переведен на дипломатическую службу, но вскоре вновь восстановлен в штабе. Проведя всего год при Штабе кавказского военного округа с 1915г. Вышинский продолжил службу на должности командира 13-го Лейб-гренадерского Эриванского полка. По этому поводу Попов пишет: «14 мая. Там же (Любачев[1]). Сегодня у нас большое событие: в 10 ч. утра приехал новый командир полка Генерального штаба полковник Вышинский (Евгений Евгеньевич). Знаем его давно с 1908 года. Он отбывал у нас ценз как офицер генштаба, командуя 3-им батальоном.

15 мая. Присматриваемся к нашему новому командиру. По всему видно, что он осторожно ко всему прислушивается, за всем наблюдает, я бы даже сказал, он подозрительно на все смотрит. В общем же он любезен, близко подходит и интересуется даже мелочами. Обедает и ужинает вместе с офицерами в собрании… сегодня командир принял полк».

Вот как описывает это событие сам Вышинский в письме супруге: «Итак, я сегодня, 14 мая вступлю в командование полком под звуки канонады и всего в 15–20 верстах от наших передовых линий, во всяком случае оригинальная обстановка!

Любачев, 14 мая. Вот я уже в полку, т.е. уже вступил в командование полком, который весь сюда собрался. Сейчас вернулся с обеда, где я занимал председательское место за длинным столом. Всего нас обедало до 50 Эриванцев. В общем, в полку все же – до 20 старых Эриванцев, да и молодежь производит самое лучшее впечатление. О дальнейшей судьбе нашей пока неизвестно, но возможно, конечно, уже завтра вступим в бой. Здесь мы разместились частью по селению, частью в прекрасных австрийских ба-

[1] Галиция (Австро-Венгрия), Восточный фронт Первой мировой войны.

тальонах. За обедом пели, конечно «мравал жамиер», хотя на всех была одна бутылка вина, зато обед был великолепный: борщ с пирожками, телятина с макаронами и пирожное, затем чай. И все это в 25 верстах от немцев. После утренней канонады все как-то успокоилось, и часам к 12 дня стрельба стихла. Кончаю, так как нужно идти здороваться с батальонами, уже выстроенными на плацу. Полк в полном составе, хотя и много молодежи, еще не бывшей под огнем.

Любачев, 15 мая. …Сегодня утром я представлялся Начальнику дивизии генералу Шатилову и корпусному командиру и понемногу знакомился с полком. Дело не шуточное – у меня сейчас 4380 человек и до 350 лошадей. Размещены мы, по военному времени, почти роскошно. Видимо, мы простоим здесь еще несколько дней, поэтому у меня с завтрашнего дня начинаются занятия в полку».

Попов приводит некоторые письма Вышинского для более подробного описания военных действий, из которых можно узнать, что при русской армии было «много добровольцев до 20 лет, некоторые из которых имеют Георгиевский крест». Содержатся сведения о финансировании армии – он отмечает, что «одних полковых сумм не меньше 70 000 рублей». Проработав 6 лет в консульстве, Вышинский не имел представления о сложности работы командира. После трех дней пребывания на линии он пишет: «Сейчас собственно на деле приходится убеждаться в том, насколько сложна эта роль, какая масса обязанностей и забот лежит на командире и какая вместе с тем ответственность!» [9, 94–95].

Поступив в действующую армию, Е.Е. Вышинский на всех этапах проявляет себя как талантливый штабной офицер, исследователь, военный востоковед. Его служба в Эрзруме и Стамбуле подтверждает важную разведывательно-дипломатическую роль. Он прошел весомый боевой путь от фронта Первой мировой войны до создания Армянского корпуса. Командуя 13-м Лейб-Гренадерским Эриванским полком, Вышинский участвует в тяжелейших боях на Восточном фронте. Он описывает эти бои в мельчайших подробностях, особенно переживая за потери, лично принимая участие в судьбе каждого бойца. За храбрость награжден Георгиевским оружием и орденом Святого Георгия. Эти награды – высшее признание личного мужества и профессионализма в Российской империи. За короткий срок он завоевал симпатии солдат и офицеров. Поручик Гвелесиани писал: «Полковник Вышинский понял душу офицера передовой линии; во все время командования полком Вышинский был редким и самым заботливым коман-

диром: никогда не отдохнет и не съест, пока какой-нибудь маневр не окончен, причем он сам лично должен был во всем убедиться. Все отступательные бои был неразлучно с полком и со Штабом, ехал последним. На новых позициях лично распределял роты и еще раз обязательно все обходил и смотрел, как укрепились. Только убедившись, что все в порядке, позволял себе немного отдохнуть» [9, 106].

В разгар мировой войны Кавказский фронт развалился. Сформированная молодая Республика Армения для защиты территорий от турецкой интервенций нуждалась в создании собственной армии, в деле формирования которой определенную роль сыграл Е.Е. Вышинский.

После Февральской революции он был назначен начальником штаба Кавказской армии. С декабря 1917 года – начальник штаба формируемого Армянского корпуса при генерал-лейтенанте Т. Назарбекове. Под рапортом генерала Назарбекова, в котором он сообщает, что «вверенному ему корпусу приказано прикрывать государственную границу на участке от границы Батумской области до Нахичевани», в 1918 году стоит подпись Вышинского тоже [1, 30]. В Национальном архиве Армении сохранилось сообщение Вышинского о ситуации в Эрзрумском направлении Кавказского фронта в декабре 1917г.: «Первый и шестой корпуса уже начали отход в тыл. О движении же армянских частей в Эрзруме нет никаких сведений. Чтобы удержать завоеванный край необходимо теперь же пригнать в Эрзрум все армянские части с их укреплениями, которыми можно будет прикрыть фронты первого и четвертого корпусов. Несомненно, что вслед за первым корпусом пойдут в тыл пятая Туркестанская дивизия и части пятого корпуса. Прошу сообщить, какие национальные части имеются в распоряжении фронта для замены на позициях последних частей и прошу распоряжения о наискорейшей отправке в Эрзрум армян» [1, 61].

Будучи действующим офицером с внушительным опытом штабной работы, Вышинский участвовал в военной организации Армянского корпуса и в подготовке Сардарапатского сражения. Генштаб считался «мозгом» русской императорской армии. Сбор и обработка сведений, касающихся боевых характеристик действующих частей, упорядочение и направление многочисленных распоряжений и приказов, координирование связи, сбор и обработка данных противника и многое другое, необходимое для принятия решений командованием, выполняли штабные офицеры, обеспечивая своевременное информирование и отчетность, что в свою очередь обуславливало успех той или иной военной операции. Выпускник академии ген-

штаба А.А. Зайцов писал: «Умение согласовать действия (разных командиров – прим. автора) для получения наилучших результатов является еще более существенным и осуществляется лишь органом, обслуживающим интересы целого. Все это и является уделом офицера Генерального штаба и его основным полем деятельности» [6, 4]. Благодаря незаурядным способностям, личным качествам, умению работать неустанно, знаниям и незаменимым навыкам работы с информацией, роль офицеров Генштаба русской императорской армии в военном строительстве была ключевой. Именно благодаря этим качествам, безупречной служебной репутации, генерал Вышинский возглавил Отдельный Армянский корпус и получил приглашение от премьер-министра Каджазнуни продолжить службу в Первой Республике: «Ввиду окончания деятельности штаба выражаю всем чинам искреннюю благодарность за службу, а вас, глубокоуважаемые Фома Иванович и Евгений Евгеньевич, прошу принять от имени правительства Республики горячую признательность за самоотверженную службу в тяжелое время. Уверен, что Вы и Евгений Евгеньевич не откажетесь и впредь служить своими знаниями и опытом на пользу Армении» [7]. О личных мотивах, побудивших русского офицера поступить на службу в национальную армянскую армию, к сожалению, нам не известно. В его биографии отмечается, что «5 марта 1918 года приказом главнокомандующего войсками кавказской армии назначен начальником Штаба отдельного армянского корпуса. 5 сентября 1918 года по случаю расформирования Армянского корпуса назначен в распоряжение военного министра Республики Армении» [1, оп. 2, д. 126]. По словам сослуживцев Вышинского, после формирования национальных армий «устроиться в Грузии не было никакой возможности: так или иначе предстояло покинуть насиженные места. Но куда и как?» [9, 8]. Путь в Россию был отрезан, страна погрузилась в пучину хаоса гражданской войны, альтернатива поступления в Красную армию не прельщала, и многие русские офицеры, оставаясь на местах, связывали надежды с успехами деникинской армии. И мы предполагаем, что в этом кроется одна из причин того, что русские офицеры остались в Армении и здесь же нашли свое последнее пристанище. Генерал Вышинский скончался 30 сентября 1918 года в Дилижане [1, 126]. По свидетельствам современников был похоронен во дворе местной православной церкви. Могила утрачена вследствие оползня [10, 79]. Супруга с дочерью сначала уехали в Тифлис, затем их след теряется. По свидетельствам одних, после установления советской власти в Армении они вернулись в Дилижан, и Анна Оттовна устроилась

преподавать в одной из местных школ, по другой версии, супруга с дочерью эмигрировали.

Одной из малоизученных сторон биографии Вышинского является его дипломатическая служба.

По материалам Национального архива Армении, 13 октября 1908 года Евгений Вышинский «переименован в Надворные советники с назначением Секретарем Российского Генерального консульства в Эрзруме, где проработал до 1 мая 1914 года. Его деятельность связана с изучением, сбором информации о военной мощи Османской империи, о движении войск и подготовке к военным действиям в приграничной полосе, а также о реформах в турецкой армии [8, 314]. 22 апреля 1917 года по приказу военного министра командирован в Петроград в распоряжение Временного правительства для участия в разборе вопросов о делах Армении, а 1 декабря 1917 года был командирован в г. Эрзинджан для ведения переговоров с турками о перемирии» [1, 126].

Заслуживает внимания и научная деятельность Евгения Евгениевича. Будучи в Армении, он провел ряд исследований по военной географии, топографии, частично – этнографии Кавказского края, результаты которых были опубликованы в его монографиях «Терско-Дагестанский район (Военно-статистический очерк)», (Тифлис, 1906), «Кавказско-турецкий район (Военно-статистический очерк)», (Тифлис, 1908), «Маршруты из Эрзрума в Чорохский край и оттуда к берегу Черного моря. Поездка 1909» (Тифлис, 1913). В них содержатся интересные сведения о жизни, быте местных народов, в том числе и армян, статистические данные, а также подробные описания местности, включая топографию, топонимику. Благодаря трудам Е.Е. Вышинского мы узнаем, что в начале XX-го века «над скалистым береговым обрывом реки Аракс» ясно видны были остатки города Ервандакерт. «Особенно хорошо сохранилась крепость и часть городских каменных стен». Автор приводит также историю создания города, упоминая при этом, что «по свидетельству армянского историка Моисея Хоренского (370-490-ые гг.) Ервандакерт был укреплен великолепными зданиями и цветниками, окружен садами и обработанными полями». Сам факт упоминания исторических источников свидетельствует о добросовестном исследовательском подходе востоковеда. Кроме того автор критически подходит и к официальным статистическим источникам, считая их «не вполне точными» вследствие «отчасти полной некультурности местного населения, не понимающего настоящей цели опросов местной администрацией и

сообщающее ей заведомо неверные сведения, частью в совершенно безразличном отношении к делу статистики чиновников администрации, ведающих сбором статистических данных и часто попросту “сочиняющих” их» [3, 31].

В своих трудах Вышинский касается социально-экономических вопросов, организации сельского хозяйства, земельных отношений, занятости и основных источников заработка местного населения. Он отмечает, что «наибольшей величины огороды достигают под Карсом. В качестве арендаторов их обыкновенно являются персияне, аджарцы и александропольские армяне. Разводят капусту, картофель, бураки, лук, морковь, фасоль и пряные травы».

В работах Е. Вышинского содержится также информация о состоянии промышленности края, в особенности металлургии и соляных промыслов: «В настоящее время алавердский завод сдан в аренду «Кавказскому металлургическому обществу», которое, по-видимому, прилагает все усилия, чтобы привести его в образцовое состояние. С проведением Карсской железной дороги, явилась возможность плавку меди производить уже не растительным углем, как прежде, а коксом; машины приводятся в движение керосиновым мотором. Все части печей привезены частью из Америки, частью из Европы. Плавка в них дала очень хорошие результаты как по количеству меди, так, особенно, по сокращению топлива и времени». Все три соляных рудника – Ольтинский, Кагызманский, Кульпинский, арендуются у казны одним лицом – Джанполадовым» [3, 126, 128]. Из его же работ мы узнаем, что среди армян наиболее распространенными ремеслами были производство ковров, сукна, а также производство изделий из латуни и обработка кожи. «Главными торговыми центрами кавказско-турецкого района являются наиболее крупные города Эривань, Карс и Александрополь» [3, 157]. Более подробное описание региона приводится в книге «Маршруты из Эрзрума в Чорохский край и оттуда к берегу Черного моря. Поездка 1909» [4]. В ней можно найти информацию о распределении населения по этнической принадлежности, описания деревень, дорог и их проходимости, названия придорожных пунктов и многое другое. Как добросовестный исследователь, Вышинский проводил работу не только по сбору и анализу выявленной информации, но и по исправлению имеющихся карт с обозначением местностей и их стратегического значения [4, 80]. Его научные труды по военной географии, участие в разведке Кавказского военного округа – яркое свидетельство синтеза научной и практической работы и представ-

ляют научный интерес для широкого круга исследователей, а биография Вышинского – одно из ярких проявлений синтеза высокого профессионализма в военной, дипломатической и научной сферах деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Армении, ф. 1267, оп. 1, д. 30, оп. 2, д. 61, д. 126.
2. Российский государственный военно-исторический архив, ф. 409, оп. 1, д. 178388.
3. *Вышинский Е.Е.* Кавказско-турецкий район (Военно-статистический очерк). Тифлис, 1908.
4. *Вышинский Е.Е*. Маршруты из Эрзрума в Чорохский край и оттуда к берегу Черного моря. Поездка 1909. Тифлис, 1913.
5. *Вышинский Е.Е.* Терско-Дагестанский район (Военно-статистический очерк). Тифлис, 1906.
6. *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922гг. М., 2010.
7. Интерактивная мультимедийная карта российско-армянского партнерства // https://ksoors.org/mogila-generala-evgeniya-evgenevicha-vyshinskogo/ (дата обращения: 24.08.2025).
8. *Колесников А.А., Басханов М.К.* Накануне Первой мировой: русская военная разведка на турецком направлении. Документы. Материалы. Комментарии. Тула: «Гриф и К», 2014.
9. *Попов К*. Лейб-Эриванцы в Великой войне. Париж, 1959.
10. *Харатян Г.* Дилижанская грядка Армении. Ер: «Мекнарк», 2019.

SOME LITTLE-STUDIED ASPECTS OF GENERAL E. VYSHINSKY'S BIOGRAPHY

L. Asoyan

Russian-Armenian University
SHSU af. M. Nalbandyan
ISEC NAS RA

ABSTRACT

This article examines and introduces into scientific circulation several little-studied aspects of General E. Vyshinsky's life and career in the fields of diplomacy and

military Oriental studies, based on materials from the Russian State Military Historical Archive (RGVIA) and the National Archives of Armenia.

Unique opportunities for field research allowed him to obtain valuable scientific results regarding the study of certain regions of the Caucasus and historical Armenia. Furthermore, his contribution to the conclusion of the Erzincan Armistice and the preparation for the Battle of Sardarapat was highly esteemed by his contemporaries.

Keywords: E. Vyshinsky, military Oriental studies, diplomacy, Armenian-Russian relations, Russian general.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-332-340

АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ С 1989 ПО 2001 ГОД: ИСТОРИЯ И КРАТКИЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ ТЕКУЩЕГО АМЕРИКАНО-КИТАЙСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

О.Х. Бардакчян

Российско-Армянский университет
Институт международных отношений и общественно-политических наук
hovobard@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья затрагивает Американо-китайские отношения в период 1989–2001гг. Анализируется история взаимоотношений США-КНР, наиболее значимые события указанного периода, а также выявляются общие закономерности. На основе приведенных данных делается ряд выводов, касающихся современных отношений между США и КНР. Так же дается прогноз развития взаимоотношений КНР-США в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова: США, КНР, отношения, Тайвань, кризис.

Отношения между Соединенными Штатами Америки и Китаем, будь то Империя Цин, Китайская Республика или же современная Китайская Народная Республика, представляют большой интерес для научного сообщества. Актуальность темы очевидна не только в связи с современным экономико-политическим влиянием КНР и США, но из-за наметившегося обострения взаимоотношений между странами после избрания Дональда Трампа президентом США в 2024г.

В таких условиях будет полезным обратить свое внимание на недавнее прошлое, а именно, на период с 1989 по 2001 год. Выбор для изучения американо-китайских отношений именно в данный временной период обусловлен тем, что в этот период наблюдался ряд конфликтных ситуаций и острых кризисов в двухсторонних отношениях, некоторые из которых, как отмечает ряд исследователей, могли стать прологом для полномасштабной войны.

После событий на площади Тянаньмэнь с апреля по июнь 1989 года, отношения между КНР и США существенно ухудшились. Власти США обвиняли правительство КНР в подавлении демократического движения в Китае. Власти Китая в свою очередь обвиняли США во вмешательстве во внутренние дела КНР. Более того, под давлением общественности, администрация президента Джорджа Буша-старшего была вынуждена ввести финансово-экономические санкции против КНР [4].

При этом, несмотря на то что отношения между странами оказались в наихудшей точке после их восстановления в семидесятых годах, стороны не спешили рвать их окончательно. Причин для подобной избирательности было несколько.

Во-первых, активно развивалось экономическое сотрудничество между странами. С 1979 по 1989 год товарооборот оценочно вырос до 18 млрд долларов США [13]. Были созданы Совместный экономический комитет, а также стороны стали распространять друг для друга режим наибольшего благоприятствования (РНБ). Американские корпорации и правительство видели в Китае привлекательный объект для инвестиций, в результате чего в КНР массово стали появляться китайские филиалы таких компаний как «Кока-Кола», «Пепси», «Дженерал моторс» и др. [3].

Во-вторых, кроме экономической кооперации, страны активно сотрудничали в самых разных сферах. Например, в течение восьмидесятых годов более 70 тысяч китайских студентов прошли обучение в ВУЗах США. В 1982г. страны подписали так называемое «Третье коммюнике» США и Китая, в рамках которого США, за три года до этого уже официально принявшие Концепцию «Одного Китая», обязались постепенно сокращать поставки оружия Тайваню, а КНР подтверждала приверженность мирному решению тайваньского вопроса [3].

В таких условиях разрыв отношений, особенно на фоне «примирения» КНР и СССР, символом чего стал визит Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева в Пекин в мае 1989, а также в целом геополитической нестабильности конца 80-х, мог привести к нежеланным последствиям и для Китая, и для США. Для выстраивания диалога в новых условиях, сторонами была организована серия официальных, полуофициальных и неофициальных встреч на высшем уровне.

Так, достоверно известно, что с 30 июня по 1 июля 1989г. в Пекине с секретным визитом находились советник президента Буша-старшего по национальной безопасности Б. Скоукрофт и заместитель госсекретаря США

Л. Иглбергер. 31 октября Пекин посетил бывший президент США Ричард Никсон, а с 10 по 13 декабря 1989г. состоялся второй, уже официальный визит американской делегации во главе с Б. Скоукрофтом и Л. Иглбергером [1].

Быстрая реакция и политическая воля сторон позволили достаточно скоро нормализовать отношения между США и КНР, символом чего стали визит министра иностранных дел КНР в Вашингтон в ноябре 1990г. и ответный визит госсекретаря США Дж. Бейкера в Пекин в ноябре 1991г. [2].

О нормализации отношений до приемлемого уровня говорит хотя бы то, что во время визита Бейкера американская сторона выразила поддержку вступлению Китая в Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) в качестве страны-участницы и Тайваня – в качестве независимой таможенной зоны, а правительство КНР официально заявило, что присоединится к Договору о нераспространении ядерного оружия в течение трех месяцев [2].

Впрочем, осложнения в отношениях между странами в 90-е годы случались регулярно. Так, уже в сентябре 1992г., правительство США приняло решение о продаже Тайваню 150 истребителей четвертого поколения F16 [6]. В следующем, 1993г. случился эпизод с кораблем «Иньхе», когда из-за ошибки американской разведки в течение нескольких недель корабли ВМС США блокировали китайский контейнеровоз по подозрению в транспортировке химического оружия для Ирана [5].

Апогеем сложившейся ситуации стал 1995г., когда кризис в отношениях между странами обострился в связи с частным визитом в США президента Китайской Республики (Тайвань) Ли Дэнхуея, известного как сторонника полной независимости Тайваня от Китая. Кроме того, в следующем 1996г. должны были состояться первые прямые выборы Президента Китайской Республики (Тайвань), и в Пекине опасались, что после них Ли Дэнхуей объявит о независимости острова [4].

В результате, Третий кризис в Тайваньском проливе стал настоящим испытанием как для КНР, так и для США. В период с июля 1995 по март 1996 года Народно-освободительная армия Китая (НОАК) произвела серию учебных ракетных пусков в сторону Тайваня. Кроме того, Народно-освободительный флот Китая (НОФК) начал проведение маневров в опасной близости от территориальных вод, контролируемых Тайванем. Это делалось не только как ответ на визит Ли Дэнхуея в США, но и с целью оказания давления на сторонников полной независимости Тайваня от КНР перед выбо-

рами. В ответ на действия КНР, правительство США направило к Тайваню две Авианосных ударных группы (АУГ), которые, однако, так и не вошли в Тайваньский пролив, что позволило избежать опасных инцидентов между американскими и китайскими военными. Уже в апреле 1996г., кризис в Тайваньском проливе окончился. Этому способствовало как то, что сам Ли Дэнхуей, который (как и ожидали в Пекине) победил на выборах, не стал провозглашать независимость острова, так и взаимное нежелание сторон начинать военную конфронтацию [7].

Дело в том, что в США также был предвыборный период. Результаты предстоящих Президентских выборов в США 1996г. были совершенно неочевидны, особенно в связи со случившимся «шатдауном», то есть приостановкой работы федерального правительства в ноябре 1995г., неоднозначной репутацией администрации Клинтона и активной критикой действующей администрации со стороны Республиканской партии.

В Китае также не горели желанием начинать боевые действия. Дело в том, что на момент кризиса у США было подавляющее превосходство на море как в количественном отношении, так и в качественном, и правительство КНР прекрасно понимало, к чему может привести открытый конфликт. Так что отказ Ли Дэнхуея от провозглашения независимости позволил и США, и Китаю выйти из конфликта «сохранив лицо».

Кроме того, важным обстоятельством, повлиявшим на исход кризиса, стало все более активизирующееся экономическое сотрудничество между сторонами. Так в период с 1989 по 1996 год товарооборот КНР-США вырос с 17 до 63 млрд долларов. При этом торговый дефицит, который сегодня является одним из поводов идущей между странами «Торговой войны», существовал уже тогда. Начиная как минимум с 1985г., между странами существовал торговый дисбаланс в пользу КНР, который рос по мере увеличения взаимного товарооборота и к «Третьему кризису в Тайваньском проливе» достиг отметки 39,520.2 млрд долларов США [13].

Уже летом 1996г. между странами были восстановлены докризисные контакты. Однако это не означало, что в дальнейшем странам удалось избежать осложнений. Так, в 1998г. был опубликован доклад по результатам расследования Комитета по правительственным делам Сената США о нелегальных источниках финансирования президентской компании 1996г. Расследование выявило попытки иностранных (в частности, китайских) структур повлиять на американскую политическую систему, в том числе через пожертвования и контакты. Были арестованы и впоследствии осуж-

дены основные посредники, однако администрация Клинтона и руководство Демократической партии, в пользу которых и осуществлялись «нелегальные» пожертвования в ходе избирательной компании, сумели избежать ответственности [9].

Еще одно значимое событие – бомбардировка посольства КНР в Белграде во время операции «Союзная сила» 7 мая 1999г. Впоследствии США принесли официальные извинения за «инцидент», а также выплатили семьям погибших и пострадавших солидные компенсации. Однако то, что в организации бомбардировки участвовало ЦРУ, что было подтверждено директором ЦРУ Джоном Тенетом, породило почву для многочисленных спекуляций и теорий заговора о предумышленном ударе по посольству КНР [12]. Ситуация осложняется тем, что китайское правительство до сих пор не приняло американской официальной версии о «случайности» бомбардировки [11].

В том же месяце был опубликован доклад Специальной комиссии Конгресса США под названием «Национальная безопасность США и военно-торговые проблемы с Китайской Народной Республикой», так же известный как «Доклад Кокса», по имени главы комиссии. Если кратко, в докладе приводились данные о систематическом шпионаже, военном и экономическом, а также прямом лоббировании интересов КНР в Конгрессе США [10].

Как можно заметить, кризис в отношениях Белого Дома и Чжуннаньхая уже тогда носил системный характер. Взаимное недоверие, многочисленные провокации и порой откровенный силовой шантаж сторон по отношению друг к другу могли бы давно уже разрушить отношения между странами, однако экономические взаимоотношения и сформировавшаяся к девяностым годам взаимозависимость оказались гораздо сильнее, чем все перечисленные ранее кризисы политико-идеологического и военного характера.

Настоящей кульминацией подобного состояния стал период с 2000 по 2001 год. В условиях смены кабинетов в США (Джорджа Буша-младшего после Билла Клинтона) существовали опасения по поводу того, что пришедшие к власти «ястребы» могут спровоцировать новый кризис, подобный «Третьему Тайваньскому». Кроме того, за несколько месяцев до смены кабинетов на Тайване в результате очередных президентских выборов победил Чень Шуйбянь, кандидат от оппозиционной Демократической

Прогрессивной Партии, который был гораздо более радикальным сторонником независимости острова, чем Ли Дэнхуей.

В таких условиях администрации Клинтона летом 2000г. удалось получить одобрение Конгресса на предоставление КНР так называемого «Постоянного статуса нормальных торговых отношений (PNTR)», что сняло последнюю серьезную преграду для вступления КНР во Всемирную Торговую Организацию (ВТО). Однако уже при администрации Буша, в следующем 2001г. был инициирован новый кризис, связанный с переговорами по продаже оружия Тайваню [5].

Кульминации напряжение 2001г. достигло после того, как 1 апреля 2001г. американский разведывательный самолет EP-3E Aries II столкнулся с китайским истребителем J-8 над Южно-Китайским морем. В инциденте погибает китайский летчик, а экипаж EP-3E, который был вынужден пойти на аварийную посадку, был задержан на острове Хайнань. Несмотря на то, что через 11 дней экипаж был отпущен, случившийся кризис вынудил стороны пойти на некоторое смягчение риторики, при сохранении взаимного недоверия [5].

Впрочем, это не повлияло на позицию США по поводу экономического взаимодействия с КНР. В мае 2001г. США одобряют вступление КНР в ВТО, несмотря на то что президент Буш в своих публичных заявлениях прямо называет Китай «Стратегическим конкурентом», что вызывает протест со стороны Пекина.

В целом, отношения между странами, как и было сказано раннее, строились не на политико-идеологической, а на экономической основе. Взаимный товарооборот между странами к 2001г. достиг уже 120 млрд долларов и экономическое взаимодействие постоянно интенсифицировалось, что вынуждало стороны искать компромиссы [13].

Ситуация кардинально меняется после Событий 11 сентября 2001г. На почве случившихся в США трагедий, страны находят новое основание для двухсторонних отношений, кроме сформировавшейся экономической взаимозависимости: борьба с международным терроризмом. Всю вторую половину 2001г. стороны демонстрируют взаимное понимание и одобрение действий друг друга. Китай официально становится членом ВТО. США же получают поддержку со стороны КНР своим действиям в Афганистане. В отношениях между КНР и США начинается «Оттепель» нулевых годов XXI века [8].

Таким образом, на основе предоставленной информации можно сделать ряд выводов. Противоречия между США и КНР носят системный характер. Интересы сторон сталкиваются в таких сферах как безопасность и идеология (проблема с правами человека в КНР), однако экономическая взаимозависимость сторон не дает ни одной из них действовать радикально. К 2024 году товарооборот между странами достиг 581 млрд долларов США с сохраняющимся торговым дефицитом в пользу КНР на 295,5 млрд долларов США [13].

Анализируя историю взаимоотношений сторон в аналогичный современному по многим параметрам кризисный период, можно прийти к выводу о том, что несмотря на радикализирующуюся риторику сторон, при сохранении текущей ситуации в международных отношениях не стоит ожидать радикальных действий (как со стороны США, так и со стороны КНР), направленных на нарушение сложившегося в последние десятилетия статуса-кво. В краткосрочный и среднесрочный периоды, при отсутствии «черных лебедей», то есть слабопрогнозируемых кризисных ситуаций наподобие «11 сентября», мировое сообщество ожидает вялотекущее позиционное противостояние, с взаимным прощупыванием границ и локальными обострениями между КНР и США.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Косов А.П.* Политика США в отношении Китая в период президентства Дж.Буша-ст. / А.П. Косов // «Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова». Т. 18, 2014. СС. 45–52.
2. *Ли М.* Китайско-американские отношения в политической сфере в 1969–1993гг. // «Журнал международного права и международных отношений», № 3–4 (102–103), 2022. СС. 51–57. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/293102/1/Journal2022_3-4_limeng.pdf (дата обращения: 31.10.2025).
3. *Тимофеев О.А.* Сорокалетие отношений между Китаем и США: подтверждение тенденций // «Китай в мировой и региональной политике. История и современность», № 18, 2013. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sorokaletie-otnosheniy-mezhdu-kitaem-i-ssha-podtverzhdenie-tendentsiy (дата обращения: 31.10.2025).
4. *Точеная А.О.* Американо-китайские отношения в 1989–1999гг. Влияние прокитайского лобби // «Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)», № 2 (27), 2013. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/amerikano-kitayskie-otnosheniya-v-

1989-1999-gg-vliyanie-prokitayskogo-lobbi (дата обращения: 31.10.2025).
5. *Степанов А.* Американо-китайские военные отношения после холодной войны // РСМД, 6 марта, 2025. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/amerikano-kitayskie-voennye-otnosheniya-posle-kholodnoy-voyny/ (дата обращения: 31.10.2025).
6. *Campbell K., Mitchell D.* Crisis in the Taiwan Strait? // "Foreign Affairs". Vol. 80, № 4, 2001. PP. 14–25. URL: https://www.jstor.org/stable/20050223?read-now=1&seq=7#page_scan_tab_contents (дата обращения: 31.10.2025).
7. *Scobell A.* Show of Force: Chinese Soldiers, Statesmen, and the 1995-1996 Taiwan Strait Crisis // "Political Science Quarterly". Vol. 115, № 2, 2000. PP. 227–246. URL: https://www.jstor.org/stable/2657901?read-now=1&seq=16#page_scan_ tab_contents (дата обращения: 31.10.2025).
8. *DeLisle J.* 9/11 and U.S.-China Relations // The Foreign Policy Research Institute (FPRI), September 3, 2011. URL: https://www.fpri.org/article/2011/09/911-and-u-s-china-relations/?utm (дата обращения: 31.10.2025).
9. Investigation of illegal or improper activities in connection with 1996 federal election campaigns// "Final report of the Committee on governmental affairs United States Senate together with additional and minority views". Volume 2 of 6, U.S. "Government printing office", Washington, 1998. URL: https://www.congress.gov/105/crpt/srpt167/CRPT-105srpt167-pt2.pdf (дата обращения: 31.10.2025).
10. Report of the Select Committee on U.S. National Security and Military/Commercial Concerns with the People's Republic of China // "U.S. Government printing office", Washington, 1998. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRPT-105hrpt851/pdf/GPO-CRPT-105hrpt851.pdf (дата обращения: 31.10.2025).
11. *Ponniah K., Marinkovic L.* The night the US bombed a Chinese embassy// "BBC", 7 May 2019. URL: https://www.bbc.com/news/world-europe-48134881 (дата обращения: 31.10.2025).
12. *Schmit E.* In a Fatal Error, C.I.A. Picked a Bombing Target Only Once: The Chinese Embassy// "New York Times", July 23, 1999. URL: https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/library/world/global/072399china-embassy.html (дата обращения: 31.10.2025).
13. Trade in Goods with China // "United States Census Bureau". URL: https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c5700.html (дата обращения: 31.10.2025).

US-CHINESE RELATIONS FROM 1989 TO 2001: HISTORY AND BRIEF ANALYSIS IN THE CONTEXT OF THE CURRENT US-CHINESE CONFRONTATION

H. Bardakchyan

Russian-Armenian University
Institute of International Relations and Socio-Political Sciences

ABSTRACT

This article examines US-China relations from 1989 to 2001. It analyzes the history of US-China relations, the most significant events of this period, and identifies general patterns. Based on the data presented, several conclusions are drawn regarding contemporary US-China relations. A forecast for the development of US-China relations in the short term is also provided.

Keywords: USA, China, relations, Taiwan, crisis.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-341-351

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԻՆՔՆԱՎԱՐՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԲԱՐԵՆՈՐՈԳՈՒՄՆԵՐԻ ՆԱԽԱԳԾԵՐԸ՝ ԸՍՏ 1878 թ. ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՄԱՄՈՒԼԻ[1]

Է. Գ. Բոյաջյան

Խ. Աբովյանի անվան հայկական պետական մանկավարժական համալսարան
emma.boyajyan04@gmali.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Մեր ուսումնասիրության թեման 1878թ. հայկական մամուլում առաջ քաշված Արևմտյան Հայաստանի ինքնավարության և բարենորոգումների ծրագրերն են: 1878թ. լի էր քաղաքական և բախտորոշիչ իրադարձություններով՝ Հայկական հարցը որպես Արևելյան հարցի բաղկացուցիչ մաս դրվեց միջազգային դիվանագիտության սեղանին: Սակայն հայկական մամուլը, որը հասարակական-քաղաքական մտքի խոսափողն էր, բարձրացնում էր ինքնավարության պահանջ: Հայկական մամուլը իր ընթերցողին էր ներկայացնում օտար լրագրերում տեղ գտած ծրագրերը հայկական նահանգների բարենորոգումների և ինքնավարության վերաբերյալ: Հիմնական պահանջը քրիստոնյա կառավարիչ և հայերից կազմված ոստիկանության կազմավորումն էր՝ անվտանգային նկատառումներից ելնելով:

Բեռլինի վեհաժողովում հայկական հարցի ներկայացման համար կազմվել էր ինքնավարության երկու ծրագիր՝ Ռուսաստանին և Արևմուտքին հանձնելու համար: Հիմնական պահանջներն էին՝ քրիստոնյա կառավարիչ նշանակելը, հայերից կազմված ոստիկանության կազմավորումը, դատարանների ազատագրում շարիաթական կապանքներից, հավաքած հարկերից ներդրումներ կատարելը Հայաստանի ճանապարհաշինության և կրթության մեջ: Սակայն Բեռլինի վեհաժողովը Հայաստանի համար սահմանեց բարենորոգումների անորոշ հոդված առանց իրական երաշխիքների:

Այսպիսով, կարող ենք եզրակացնել, որ ռուսական զենքի հաղթանակը հույսեր էին արթնացրել հայերի շրջանակում ինքնավարու-

[1] Հետազոտությունն իրականացվել է ՀՀ բարձրագույն կրթության և գիտության կոմիտեի ֆինանսական աջակցությամբ (Գիտական ծրագիր № 25RG-6A004):

թյան հասնելու համար և անգամ Բեռլինի վեհաժողովում հայկական հարցի հետաձգումը չազդեց հայերի ծրագրերի վրա։

Հիմնաբառեր՝ հայկական մամուլ, հայկական բարենորոգումների ծրագիր, Սան Ստեֆանոյի հաշտության պայմանագիր, Բեռլինի վեհաժողով, Բեռլինի դաշնագիր։

Մեր ուսումնասիրության թեման 1878թ. առաջ քաշված հայկական ինքնավարության և բարենորոգումների ծրագրերն են։ Մեր նպատակն է վերհանել հայկական մամուլում տեղ գտած ծրագրերը և համեմատել գաղափարական փոխակերպումները։ Մեր նպատակին հասնելու համար առաջադրել ենք հետևյալ խնդիրները.

1. Ուսումնասիրել ինքնավարության գաղափարը հայկական մամուլում;
2. Ուսումնասիրել բարենորոգումների ծրագրերը հայկական մամուլում;
3. Վերհանել գաղափարական առանցքային փոփոխությունները։

Հայկական բարենորոգումների ծրագրերին անդրադարձել են բազմաթիվ պատմաբաններ՝ օգտագործելով ինչպես արխիվային փաստաթղթեր, հուշագրություններ, այնպես էլ մամուլի ուսումնասիրություններ [2-9]։ Սակայն մեր ուսումնասիրությունն առավել արդիական է հարափոփոխ իրականության մեջ, քանի որ այն փորձ է նոր լույսի ներքո քննարկելու հայկական հարցի գաղափարական զարգացումները հիմնված ամբողջությամբ հայկական մամուլի տեղեկությունների վրա։ Թեմայի ուսումնասիրության համար ընտրել ենք պատմահամեմատական մեթոդը։

1878թ. ավարտվեց հերթական ռուս-թուրքական պատերազմը։ Ռուսական զենքի փայլուն հաղթանակը թուրքական բռնապետությունից ազատվելու նոր հույսեր էր ծնել հայ ժողովրդի մոտ։ Պատերազմի դադարեցման նախնական պայմանագիրը ստորագրվել է 1878թ. փետրվարի 19 (մարտի 3)-ին Սան Ստեֆանոյում։ Ըստ դրա՝ Հայաստանին ինքնավարություն չէր տրվելու և իրականացվելու էին բարենորոգումներ [16]։

Այնուամենայնիվ, հայ հասարակական-քաղաքական միտքը չէր համակերպվում բարենորոգումների գաղափարի հետ՝ պահանջելով ինքնավարություն։ «Մշակ» լրագիրը լավագույն լուծումը տեսնում էր ինքնավա-

րության շնորհման մեջ [17]: Իսկ «Արշալոյս Արարատեան» լրագիրը մտահոգ էր, որ Ռուսաստանը կարող է իրեն միացնել Արևմտյան Հայաստանը: Գտնում էր, որ Հայաստանը նյութապես կապահովվի, բայց ավելի երանելի կլինի, եթե Հայաստանը մնա եվրոպականացված Օսմանյան կառավարության ներքո: Հեռատես և խոհեմ գործիչներից պահանջում էր դիմել Եվրոպային՝ Հայաստանին ինքնավարություն շնորհելու համար: Հոդվածագրի կարծիքով՝ Թուրքիայի համար ավելի շահեկան էր ունենալ դրացի փոքրիկ հայկական իշխանություն, քան թե՝ ռուսական հզոր պետություն [12]:

«Մշակ»-ը հաղորդում է «Голосъ» լրագրի 170 և 171 առաջնորդողներում ներկայացված է Բեռլինում հայոց պատգամավորության կողմից կոնգրեսին ներկայացված «Հայոց օրգանական կանոնադրության» նախագիծը ինքնավարության պահանջով: Ըստ ռուսական լրագրի հաղորդած տեղեկությունների՝ հայերի ինքնավարության ձևը արտահայտվում է՝

- ✓ Վալի, որը կունենա կատարող իշխանություն և կենտրոնական վարչական խորհուրդ, նահանգապետեր՝ սանջակներում և փոխնահանգապետեր՝ կազաներում:
- ✓ Շարիաթի դատարանների կողքին կառուցել հասարակ հաշտարար դատարաններ, որոնք կգործեն եվրոպական օրենքներով:
- ✓ Ժանդարմական և 4000 ոստիկանական զորաբաժին կազմել առանց կրոնական խտրության:

Լրագիրը ներկայացրել է անգլիական հասարակական-քաղաքական շրջանակների կարծիքը հայկական ինքնավարության վերաբերյալ: Օրինակ՝ Ջեյմս Բրայսը Հայաստանը համարել է աշխարհագրական տերմին՝ զուրկ բնական սահմաններից և ցեղական միությունից, իսկ Հենրի Րոուլինոնը անհնար էր համարում Հայաստանի ինքնավարությունը [18]:

«Մշակ»-ը հաղորդում է, որ Կ. Պոլսում ֆրանսերենով երկու բրոշյուր է հրապարակվել, որոնցից մեկը՝ «Solution de la question d'Orient» (Արևելյան խնդրի լուծումը), առաջարկում է եվրոպական և ասիական քրիստոնյաներին լայն ինքնավարություն տալ: Կոնգրեսում հայ պատվիրակները ներկայացրել են առաջարկ՝ Հայաստանին տալ ինքնավարությունը՝ Լիբանանի օրինակով [10]: Հայերը պահանջել են վարչական, բայց ոչ քաղաքական ինքնավարություն Էրզրումի և Վանի վիլայեթների ու Խարբերդի սանջակի համար: Ծրագրի իրականացման երաշխիք է համարվել հայ մարզ-

պանի, հայոց զորքի, խառը դատարանների առկայությունը, ինչպես նաև հարկերից մի մասից կազմված ֆինանսական ներդրումները ճանապարհաշինության և կրթության ոլորտներում [11]։ Անգլիական պատվիրակները, որպես հայերի տանջանքների ապաքինում, առաջարկում էին վարչական ինքնավարություն։ Սակայն Սան Ստեֆանոյի 16-րդ հոդվածը Բեռլինում փոխվեց 61-րդի, իսկ ինքնավարության պահանջը մեծ տերությունների կողմից փոխակերպվեց բարենորոգումներով [10]։

Ինչպես տեսնում ենք, հայկական կողմը հաշտ չէր բարենորոգումների ծրագրի հետ և բարեկեցիկ կյանքը պատկերացնում էր ինքնավարություն շնորհելով։ Սան Ստեֆանոյի պայմանագիրը վիճարկվեց Բեռլինի վեհաժողովում (1878թ. հունիսի 1(13)- հուլիսի 1(13))։

Արևմտահայ գործիչները 1878թ. մարտի 15-ին Ռուսաստանի Ալեքսանդր Բ կայսրին ներկայացնում են Հայաստանի ինքնավարության նախագիծ։ Այն նախատեսում էր՝

1. Հայաստանում նշանակվելու էր հայ լուսավորչական ընդհանուր կառավարիչ։ Նա կոչվելու էր մարզպան կամ վալի և ունենալու էր մյուշիրի աստիճան։ Նրան նշանակելու էր սուլթանը՝ ռուսաց կայսեր հավանությամբ։

2. Հայաստանի կուսակալներն ու գավառապետերը լինելու էին լուսավորչական, ընտրվելու էին Հայաստանի երեսփոխանական ժողովի և հաստատվելու՝ Բ. Դռան կողմից։

3. Հայերն էին վերահսկելու երկրում կարգի պահպանումը, հայերից էր կազմվելու ոստիկանությունը։

4. Դատարանները գործելու էին հայ դատավորի նախագահությամբ՝ քրիստոնյա օրենքներով։ Ղադիները և կրոնական այլ պաշտոնյաներ մասնակցություն չէին ունենալու դատարանների աշխատանքներին։

5. Վերացվելու էին քրդերի, չորբաջիների, դերեբեյների արտոնությունները։

6. Հարկերի բաշխումը կատարվելու էր նոր և արդար ձևով։

7. Կատարվելու էր վերանայում կալվածական և հողային հարցերի, բարեկարգվելու էին վակֆի՝ հոգևոր հաստատությունների, կալվածքները։

8. Զինաթափվելու էին թուրքերը և Հայաստանի մնացած բնակչությունը։

9. Պատրաստվելու էին երկրի կառավարման հատուկ կանոնագրեր, որոնք վավերացնելու էր սուլթանը՝ Ռուսաստանի հավանությամբ:

10. Երաշխավորվելու էր Զեյթունի դարավոր ինքնավարությունը:

Ծրագիրը Ռուսաստան էր տարել Խորեն արքեպիսկոպոս Նար-Պեյը: Վերջինս ռուսական արքունիքին առաջարկել է Արևմտյան Հայաստանի նահանգապետ նշանակել գեներալ Միքայել Լորիս-Մելիքովին: Մարտի 14-ին Նար-Պեյին ընդունել էր վարչապետ Ալեքսանդր Գորչակովը, իսկ մարտի 18-ին՝ Ալեքսանդր Բ կայսրը: Վերջինս բարեմաղթանքներ էր հղել հայ ժողովրդին, սակայն չէր խոստացել պաշտապանել հայկական ծրագիրը Բեռլինի վեհաժողովում [8, էջ 49-51]:

«Արշալոյս Արարատեան» լրագիրը ներկայացրել է եվրոպական լրագրերում տպագրված հայկական ծրագիրը՝ ներկայացվելիք վեհաժողովին: Ըստ այդ կանոնադրության՝

1. Թուրքական Հայաստանը կազմվելու է Կարինի և Վանի վիլայեթներից, Տիգրանակերտի վիլայեթի հյուսիսային մասից՝ այսինքն Սղերդի սանջակի արևելյան մասը, Ռիզե նավահանգիստը՝ Տրապիզոնի կողմից, ինչը վաճառականության և ապրանքների արտահանումը կհեշտացներ:

- Հայաստանի կառավարիչը պետք է լինի հայ՝ նշանակված Բարձր Դռան և երաշխավորված տերությունների կողմից: Մայրաքաղաքը պետք է լինի Կարինը:
- Ընդհանուր կառավարիչը պետք է ունենա գործադիր իշխանություն՝ բարեկարգությունը և հասարակական ապահովությունը հսկելու համար: Դատավորներին պետք է հաստատի ընդհանուր խորհուրդը: Նրանց իշխանությունը տևելու է 5 տարի:
- Կենտրոնական վարչության ժողովը պետք է բաղկացած լինի եկամտական և հասարակաց շինությունների տեսուչներից, օրենսգետից, զինվորական հրամանատարից, քրիստոնյա և իսլամական դպրոցիների վերակացուներից, և լինի ընդհանուր կառավարչի նախագահության տակ:
- Գավառները պետք է բաժանվեն սանջակների, իսկ սանջակները՝ կազաների: Սանջակների և կազաների կառավարիչներին ընդհանուր կառավարիչը պետք է նշանակի: Սանջակներում և կազաներում պետք է լինեն կառավարչի կողմից նշանակված խորհրդականներ:

2. Բարեկարգության և հարակական ապահովության համար ընդհանուր երկամտի 20%-ը պաշտոնյաների վճարման համար պետք է տրա-

մադրվի, 60%-ը՝ ճանապարների և այլ կարևոր շինությունների կառուցման համար, 20%-ը՝ դպրոցական շինությունների, բարձրագույն ուսումնարանների կառուցման համար: Ավելացած գումարը պետք է տրվի իսլամական և քրիստոնեական դպրոցներին:

3. Մահմեդական դատարանների գլուխ պետք է լինեն սուլթանի կողմից նշանակված շարիաթին համապատասխան տեսչություններ՝ մահմեդականների միջև վեճերը քննելու համար: Քրեական և առևտրական քաղաքային վեճերը քրիստոնյաների և մահմեդականների միջև պետք է քննվեն հասարակ ատյանների մեջ: Յուրաքաչյուր ատյան պետք է կազմված լինի երեք դատավորից, որոնցից մեկը կլինի նախագահը: Դատավորների ընտրությունը և նախագահի նշանակումը պետք է կատարի ընդհանուր կառավարիչը: Հասարակ ատյանների և հաշտարար դատավորների թիվը, կարողության սահմանը և ստորագրությունը պետք է որոշվի մասնավոր կանոններով: Քաղաքային և պատժական օրենսգրքերը պետք է կազմվեն Եվրոպայում կիրառվող իրավական արդի սկզբունքների հիման վրա:

4. Պետք է հաստատվի կրոնական ազատություն: Եկեղեցական և կրոնական հաստատությունների ապրուստի ծախսերը յուրաքանչյուր հասարակություն պետք է ինքը հոգա:

5. Գավառի զինվորական զորությունը պետք է կազմվի ոստիկանությունից և զորաց գնդից: Զինվորության ենթակա չէին քրդերը, չերքեզները և այլ թափառական ժողովուրդները: Դրանք պետք է կազմվեին միայն հայերից և այն բնակիչներից, որոնք հինգ տարուց ավելի ապրել էին Հայաստանում: Ոստիկանության գործառույթը բարեկարգության և ապահովության հսկելն էր: Ընդհանուր կառավարիչը պետք է նշանակի ոստիկանության ղեկավարին՝ զորքերի հրամանատարի առաջարկությամբ, որի հրամանին վերջինս ենթակա է: Նրա պարտականությունն է աջակցել ոստիկանությանը: Խաղաղ ժամանակ զորքի թիվը սահմանված է 4000, որոնք կազմվում է կանոնավոր զորքերի գնդերից: Կայսերական կառավարությունը, անհրաժեշտության պարագայում, իր միջոցներով իրավունք ունի այդ զորքերը տեղակայելու բերդերում և ամրացված տեղանքներում:

6. Ընդհանուր ժողովը պիտի հետևյալ կազմն ունենա. յուրաքանչյուր կազայից երկու ներկայացուցիչ՝ մեկը հայը, մյուսը՝ իսլամ: Պատվիրակները հավաքվելով սանջակի գլխավոր քաղաքում պետք է ընտրեն սանջակի

երկու խորհրդականներին՝ մեկ քրիստոնյա-մեկ մահմեդական սկզբունքով: Ընտրելու և ընտրվելու իրավունք կստանան՝

- Երկրի բոլոր այն բնակիչները, որոնք կլինեն 25 տարեկանից բարձր, կունենան սեփական հող և կվճարեն ուղղակի տուրքեր,
- Եկեղեցականները և այլ կրոնի պաշտոնյաները,
- Վարժապետարանների և դպրոցների ուսուցիչները:

Կրոնական հասարակության ղեկավարները իրավունք են ստանալու անդամակցելու այդ ժողովին: Ընդհանուր ժողովը հրավիրվելու է տարին մեկ անգամ՝ երկրի գլխավոր քաղաքում՝ գավառի խնդիրների քննարկման համար: Այդտեղ ընդհանուր կառավարիչը ներկայացնելու է տարեկան եկամուտները: Փոփոխության պետք է ենթարկվի հարկերի հավաքման և բաշխման դրությունը: Ընդհանուր կառավարիչը և ընդհանուր ժողովը հինգ տարին մեկ անգամ պետք է որոշեն Բարձր Դռանը հանձնվելիք գումարի չափը համաձայն վերոնշյալ դրույթների:

7. Միջազգային հանձնախումբը տերությունների կողմից մեկ տարով պետք է հաստատվի երաշխավոր՝ սույն կանոնադրությունը հսկելու համար: Կանոնադրությունը գործի է դրվելու ստորագրվելուց 3 ամիս հետո:

Հայոց պատվիրակությունը կազմել և մեծ տերությունների է ներկայացրել վիճակագրական տվյալներ հայերի թվաքանակի վերաբերյալ [13; 14; 8, էջ. 51–56]:

«Մասիս» լրագիրը ներկայացնում է «Թայմզ»-ում 1878թ. հունիսի 17-ին հրապարակված Հայկական հարցի վերաբերյալ տեղեկություններ: Այն ներկայացնում էր, որ հայերի ձգտումն էր ասիական Թուրքիայի արևելյան սահամանագլխի վրա Հայաստան անունով նոր նահանգ ստեղծել, որի մեջ մտնելու էին Վանի և Կարինի կուսակալությունները, Դիարբերքիրի կուսակալության մի մասը, Սև ծովի վրայով ուղի դեպի Բաթումի և Տրապիզոնի ծովեզերք, ինչը կնպաստեր նաև Հայաստանի ներքին վաճառականության զարգացմանը: Իսկ ապագա Հայաստանի վարչաքաղաքական դրության համար առաջարկվում էր նահանգի կառավարչին նշանակել 5 տարի ժամկետով՝ Բարձր Դռան հովանավորությամբ, կազմավորել զինվորական և ոստիկանական միավորումներ, դատարանները կազմել առանց կրոնական սահամափակումների: Որպես ներքին ինքնավարության մոդել առաջարկվում էր Լիբանանի օրինակը: Հույս էր հայտնվում, որ այս ճանապարհին Հայաստանի աջակիցը կլինի Մեծ Բրիտանիան [15]:

Ինչպես հայտնի է, Սան Ստեֆանոյի նախնական պայմանագիրը փոփոխության ենթարկվեց Բեռլինի վեհաժողովում՝ 16-րդ հոդվածը դարձավ 61, իսկ Հայաստանը՝ հայաբնակ մարզեր։

Բեռլինի դաշնագրի 61-րդ հոդվածը սահմանում էր անհապաղ բարելավումներ և բարենորգումների իրականացում հայաբնակ մարզերում, հայերի անվտանգության ապահովում քրդերից և չերքեզներից։ Բարձր Դուռը պարտավորվում էր մեծ տերություններին պարբերաբար հաղորդել այն միջոցառումների մասին, որոնք ձեռնարկել էր այդ նպատակի համար, իսկ մեծ տերությունները պարտավորվում են հսկել կիրառումը [1, էջ 128]։

«Մշակ»-ը հայտնում է, որ Ս. Պետերբուրգից «Indépendance Belge» լրագրին ուղարկված հուլիսի 17-ի նամակում գրված է, որ հայ ժողովուրդը երկյուղով է ընդունել ռուսական զորքերի դուրսբերումը Արևմտյան Հայաստանից։ Լրագիրը գտնում էր, որ կոնգրեսը պարտավոր է Բուլղարիային, երկու Ռումելիաներին և Հայաստանին տալ այնպիսի սահմանադրություններ, որոնք նրանց կապահովեն նահանգային ինքնավարությամբ [19]։

Արձանգրենք, որ հայկական մամուլը չէր դադարում ինքնավարության գաղափարը բարձրաձայնելուց և պահանջելուց։

Եզրակացություն

Այսպիսով, 1878թ. լի էր քաղաքական բախտորոշիչ իրադարձություններով՝ Հայկական հարցը դրվեց միջազգային դիվանագիտության սեղանին։ Սան Ստեֆանոյի պայմանագիրը Հայաստանում նախատեսում էր բարենորոգումներ։ Նշենք, որ Հայաստանում էր գտնվում ռուսական զորքը, որը կարող էր իրական երաշխիք դառնալ բարենորոգումների կատարման համար։ Սակայն հայկական մամուլը բարձրացնում էր ինքնավարության պահանջ։ Հայկական մամուլը իր ընթերցողին էր ներկայացնում օտար լրագրերում տեղ գտած ծրագրերը հայկական նահանգների բարենորոգումների և ինքնավարության վերաբերյալ։ Հիմնական պահանջը քրիստանյա վալիի և հայերից կազմված ոստիկանության կազմավորումն էր։

Բեռլինի վեհաժողովում հայկական հարցի ներկայացման համար կազմվել էր երկու ծրագիր՝ Ռուսաստանին և Արևմուտքին հանձնելու հա-

մար։ Հիմնական պահանջներն էին՝ քրիստոնյա վալի նշանակելը, հայերից կազմված ոստիկանության կազմավորումը, դատարանների ազատագրում շարիաթական կապանքներից, հարկերից գումարներ հատկացնելը Հայաստանի ճանապարհաշինության և կրթության համար։ Սակայն Բեռլինի վեհաժողովը Հայաստանի համար սահմանեց բարենորոգումների անորոշ հոդված՝ առանց իրական երաշխիքների, քանի որ ռուսական զորքը պարտավորվել էր հեռանալ Հայաստանից։

Այսպիով, կարող ենք եզրակացնել, որ ռուսական զենքի հաղթանակը հույսեր էր արթնացրել հայերի շրջանում ինքնավարության հասնելու համար և անգամ Բեռլինի վեհաժողովում հայկական հարցի հետաձգումը չազդեց հայերի ծրագրերի վրա։

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

Սկզբնաղբյուր

1. Հայաստանը միջազգային դիվանագիտության և սովետական արտաքին քաղաքականության փաստաթղթերում (1828–1923), պրոֆ. Ջ. Կիրակոսյանի խմբագրությամբ, Եր., 1972:

Մենագրություններ և գիտական հոդվածներ

2. *Գաբիկեան Խ.* Հայկական հարցը Արեւելեան հարցի մէջ (1860–1880), Պէյրութ, 1962:
3. *Գալոյան Գ.* Արևմտյան Հայաստանի ինքնավարության հարցը Բեռլինի 1878թ. վեհաժողովին նախորդող շրջանում, «Լրաբեր հասարակական գիտությունների», Եր., 1996, թիվ 3, էջ. 3–18:
4. *Կիրակոսյան Ջ.* Բուրժուական դիվանագիտությունը և Հայաստանը (XIX դարի 70-ական թթ), Եր., 1978:
5. *Կիրակոսյան Ջ.* 1878թ. Սան-Ստեֆանոյի հաշտության պայմանագիրը և անգլիական դիվանագիտությունը, «Բանբեր Երևանի համալսարանի», Եր., 1978, թիվ 1, էջ. 83–106:
6. *Հովհաննիսյան Ռ.* Արևմտահայ ազգային-ազատագրական շարժումները և Կարինի «Պաշտպան հայրենյաց» կազմակերպությունը, Եր., 1965:
7. *Ներսիսյան Մ.* Հայկական հարցի ծագումը և մեծ տերությունները, «Պատմա-բանասիրական հանդես», Եր., 1999, թիվ 1, էջ. 101–108:
8. *Պողոսյան Ս.* Հայաստանի ինքնավարության ծրագիրը 1878թ., Եր., 2018:
9. Սարուխան, Հայկական խնդիրն եւ Ազգային սահմանադրութիւնը Թիւրքիայում (1860-1910), հ. Ա, Թիֆլիս, 1912:

Մամուլ

10. *Արծրունի Ա.* Նամակ Գերմանիայից, «Մշակ», Թիֆլիս, 1878, յուլիսի 15 (27), թիւ 119:
11. *Արծրունի Ա.* Նամակ Գերմանիայից, «Մշակ», Թիֆլիս, 1878, օգոստոսի 5 (7), թիւ 133:
12. «Արշալոյս Արարատեան», Զմիւռնիա, 1878, 4 փետրվար, թիւ 1085:
13. «Արշալոյս Արարատեան», Զմիւռնիա, 1878, 8 յուլիս, թիւ 1096:
14. «Մասիս», Կ. Պոլիս, 1878, յունիս 24 (յուլիս 6), թիւ 2142:
15. «Մասիս», Կ. Պոլիս, 1878, յունիս 27 (յուլիս 9), թիւ 2143:
16. «Մշակ», Թիֆլիս, 1878, մարտի 18 (30), թիւ 43:
17. «Մշակ», Թիֆլիս, 1878, յունիսի 21 (յուլիսի 3), թիւ 101:
18. «Մշակ», Թիֆլիս, 1878, յուլիսի 4 (16), թիւ 110:
19. «Մշակ», Թիֆլիս, 1878, օգոստոսի 4 (16), թիւ 132:

ПРОЕКТЫ АРМЯНСКОЙ АВТОНОМИИ И РЕФОРМ ПО МАТЕРИАЛАМ АРМЯНСКОЙ ПЕЧАТИ 1878 ГОДА

Э.Г. Бояджян

Армянский государственный педагогический университет имени Х. Абовяна

АННОТАЦИЯ

Темой данного исследования стала программа армянских реформ 1878 года.

1878 год был насыщен политическими и судьбоносными событиями: Армянский вопрос, как составная часть Восточного вопроса, был вынесен на повестку международной дипломатии. Однако армянская пресса, являвшаяся рупором общественно-политической мысли, поднимала требование автономии.

Армянская пресса знакомила своих читателей с проектами, опубликованными в иностранных изданиях, касающимися реформ и автономии армянских провинций. Основными требованиями были назначение наместника-христианина и формирование полицейских подразделений из армян по соображениям безопасности.

Для Берлинского конгресса были подготовлены два проекта передачи автономии: России или Западу. Среди главных положений были: назначение наместником христианина, создание армянской полиции, освобождение судебной системы от шариатских ограничений, использование налогов для инвестиций в дорожное строительство и образование в Армении.

Однако Берлинский конгресс ограничился неопределенной статьей о реформах в Армении, не предусматривающей реальных гарантий, в то время как русская армия обязалась покинуть территорию Армении.

Таким образом, можно заключить, что победа русского оружия возродила у армян надежды на достижение автономии, и даже откладывание армянского вопроса на Берлинском конгрессе не повлияло на стремления армян к осуществлению своих реформаторских планов.

Ключевые слова: армянская пресса, программа армянских реформ, Сан-Стефанский мирный договор, Берлинский конгресс, Берлинский трактат.

PROJECTS OF ARMENIAN AUTONOMY AND REFORM ACCORDING TO THE ARMENIAN PRESS OF 1878

E. Boyajyan

Armenian State Pedagogical University named after Kh. Abovyan

ABSTRACT

The topic of our study is the Armenian reform program of 1878. The year 1878 was marked by significant political and decisive events, with the Armenian Question being placed on the table of international diplomacy as a component of the Eastern Question. However, the Armenian press, serving as a mouthpiece for socio-political thought, raised demands for autonomy. The Armenian press presented to its readers the reform and autonomy plans for Armenian provinces that had appeared in foreign publications. The primary demands included the appointment of a Christian vali and the formation of a police force composed of Armenians for security purposes.

For the presentation of the Armenian Question at the Berlin Congress, two separate plans were prepared – one for submission to Russia and another to the West. The main provisions included the appointment of a Christian vali, the creation of an Armenian police force, the liberation of courts from Sharia restrictions, and the allocation of taxes for investment in road construction and education in Armenia. However, the Berlin Congress established an indefinite article on reforms for Armenia without providing real guarantees, while the Russian army committed to withdrawing from Armenian territory.

Thus, it can be concluded that the victory of Russian arms had raised hopes among Armenians for achieving autonomy, and even the postponement of the Armenian Question at the Berlin Congress did not affect the Armenians' reform plans.

Keywords: Armenian press, Armenian reform program, Treaty of San Stefano, Berlin Congress, Berlin Treaty.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-352-363

ГОРОД-КРЕПОСТЬ ШУШИ. ФЕНОМЕН АРМЯНСКОЙ САМОБЫТНОСТИ

С. Дадаян

Российско-Армянский университет
stepan-dadayan@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена некоторым аспектам жизни уникального города-крепости Шуши. Согласно историческим документам, крепость была построена армянскими сотниками Аваном, Мирзой и Тарханом. С вхождением Карабаха в состав России Шуши получил статус города, стал центром культуры и просвещения: были открыты школы, типографии, библиотеки. В городе функционировал театр. Уроженцы Шуши, получив высшее образование в университетах России и Европы, обогатили армянскую действительность в различных областях общественной жизни.

Ключевые слова: Шуши, епархиальная школа, реальное училище, типография, театр.

Политическая реальность с вхождением Карабаха в состав России (1813г.) способствовала коренному изменению социально-экономического облика и расцвету культуры его населения. В XIXв. в Шуши были осуществлены три генеральных плана застройки. Авторами первого плана были русские военные инженеры. Особое внимание они уделяли укреплению крепости, возведению военно-оборонительных сооружений. Параллельно силами армянских меценатов велось и гражданское строительство. Из сообщений индийского армянина Месропа Тахиадяна, посетившего Шуши в 20-е годы XIXв., узнаем, что на месте деревянных церквей были построены прекрасные архитектурные комплексы из камня, двухэтажные особняки, постоялые дворы, торговые и просветительские центры[1]. Так выглядела армянская часть Шуши. В 1837г. был составлен второй генеральный план застройки города. Поскольку Шуши рос быстрыми темпами, уже в 1855г. был разработан новый, третий план, который должен был отвечать требо-

[1] *Թաղիադեան Մ.* Ճանապարհորդութիւն ի հայս. Կալկութա, 1847, էջ 225:

ваниям центра, где сосредоточивались учреждения культуры и просвещения. Следует подчеркнуть, что в этот период гражданские и общественные сооружения носили традиции армянской архитектуры не только в Шуши. Яркий пример – застройка города Баку во второй половине XIX – начале XXвв[2].

Город-крепость Шуши остался верен своему призванию. Тут спасались крестьяне из ближайших сел и из Нахичеванского края от нападений кызылбашей. С ранних времен Шуши сложился по кварталам, названным по месту прибытия переселенцев: Казанчи, Агулис (Нахичеванский край), Мегри (Сюник), где были выстроены одноименные с этими кварталами церкви, а в кварталах Карабахцоц обосновались выходцы из Варанды, Хачена и других провинций Арцах-Карабаха.

Одно из самых внушительных культовых сооружений Шуши не только в масштабах Арцаха, но и всей Армении – это церковь Казанчецоц. В верхней части портала церкви имеется надпись: «Благодатью и милостью всемогущего Бога построен чудотворный святой собор на средства и пожертвования прихожан церкви Аменапркич Казанчецоц города Шуши, строительство которого начато в 1868г. при царствовании всемогущего самодержца Императора всея Руси Александра II и при католикосе Маркаре I, 20 сентября 1888г.»[3].

Церковь Агулецоц, согласно надписи, построили благородные князья и сыновья Тер-Матевосян-Тарумянц на собственные средства в 1822г. Во время погромов 1905–1906гг. в Шуши она была сожжена. А в 1960-е годы по решению правительства Советского Азербайджана была снесена.

Церковь Мегрецоц. Она была построена на средства Мехтеси Ахумянца в 1838г. До наших времен церковь не сохранилась.

Кусанац ванк. Он был самым древним культовым сооружением города, сооруженным в 1816г. при содействии благочестивой девицы Рипсиме. Монастырь славился своими садами и ухоженными аллеями. Он также был снесен в 1960-е гг. по решению властей.

Канач жам – (зеленая церковь). Она больше известна как церковь Карабахцоц, поскольку построена была выходцами из поселений Арцах-Карабаха. Согласно надписи, церковь построена в 1847г. Благодаря вытянутому куполу и колокольне, расположенная на высокой местности церковь

[2] *Григорян А.* Армянский Баку. Нью-Йорк-СПб., 2019.
[3] *Мкртчян Ш., Давтян Ш.* Указ. соч. С. 18.

обозревалась со всех сторон города. В советское время азербайджанские власти превратили церковь в галерею минеральных вод. В годы НКР церковь была восстановлена. В 2023г. она была снесена.

Греко-русская церковь. Церковь была сооружена в 1830г. В советские годы церковь использовали как складское помещение. Власти снесли ее в 1970г., построив на этом месте здания райкома КП Азербайджана и Дома культуры.

Четвертый генеральный план Шуши был составлен в 1912г. архитектором города Арменаком Кондахсазяном. Осуществить все, что было намечено планом, не стало возможным. Мешали этому начавшаяся Первая мировая война и межнациональные столкновения. Известный русский художник В. Верещагин, в 1865г. побывавший в Шуши, к множеству зарисовок оставил запись: «Шуши представляет совершенный контраст с городами края... Дома его правильны, красивы, высоки и освещены прекрасными, многочисленными окнами. Город построен из камня, взятого из утесов, на которых он расположен. Улицы везде вымощены широкими плитами, крыши сделаны из теса, на манер европейских»[4].

Шуши – не случайное явление в истории Арцаха-Карабаха. С принятием христианства в карабахских поселениях издавна существовали очаги культуры и просветительства. Известно, что в Амарасе (IVв.) М. Маштоц открыл в Vв. первую армяноязычную школу.

В раннем средневековье был основан монастырь Гтчаванк (провинция Дизак), а в XIIIв. был восстановлен как центр по обновлению и спасению армянских рукописей. Это знаменитый монастырь в провинции Хачен Акобаванк (IXв.). В средние века он считался одним из святынь Восточного края Армении. Славился как центр просвещения и рукописного дела провинции Хачен. В целом, каждое отдельно взятое армянское поселение Арцаха со строительством христианских святынь сыграли важную роль в деятельности церковно-приходских просветительских очагов по обучению грамоте детей, созданию и хранению рукописей на армянском языке.

Естественно, армянская общественность Арцах-Карабаха в новых политико-административных условиях в составе России должна была продолжать вековые традиции просветительского дела в самом городе-крепости. Шуши имел тесные торгово-экономические связи с российскими городами, где создавались в XVI–XVIIIвв. армянские колонии: Москва, Петербург,

[4] *Мкртчян Ш., Давтян Ш.* Указ. соч., с. 41.

Астрахань, Нахичеван-на-Дону, в которых активно развивались школьное образование, деловое представительство армянских колоний. Совместно с активистами школьного образования армян России, они значительно повлияли на рост просветительства, на появление очагов культуры, их материально-техническое обогащение и благополучие города-крепости Шуши.

В 1805г. шушинец Мелик Азатян открыл школу, где учились 35 учеников, а школа Акопа Юзбашяна также в Шуши имела 45 учеников. В 1821г. церковнослужитель Погос-вардапет (учитель) открыл в Шуши церковную школу, где учились дети как богатых, так и неимущих семей. Такая же школа была открыта вардапетом Осепом.

В 1822г. в Шуши обосновалось «Евангелическое проповедническое товарищество» из города Базеля (Швейцария), с целью пропаганды христианского, «божественного слова». Было открыто Евангелическое училище, где обучались до 130 учеников. «Благодаря базельцам, Шуши стал центром школьного дела европейского типа», – подчеркивал историк Лео. Шушинцы эту школу называли «школой Лемса». В школе особое внимание уделялось преподаванию математики, географии, изучению языков, а также – религиозному образованию. Согласно Лео, «школа Лемса была похожа на тифлисскую школу Нерсесяна»[5]. Базельские проповедники положили начало еще одному важному делу в Шуши – книгопечатанию (1828), которое после Эчмиадзинского центра (1771г.) стало значительным событием в истории армянского народа. За период функционирования типографии (10 лет) было издано 11679 книг только на армянском языке, а также несколько сот на персидском и турецком языках[6]. Первая опубликованная книга называлась «Պատմություն սուրբ գրոցը» (1828г.). Книги печатались на ашхарабаре. Деятельность базельских миссионеров не могла длиться так долго. Наряду со школьной деятельностью и книгоиздательством, они активно проповедовали европейские религиозные ценности. В 1835г. по указу министра внутренних дел России их деятельность была приостановлена, а в 1837г. базельцы покинули Шуши, оставив немеркнущий след в развитии образовательного дела и книгопечатания в Шуши. Типография была продана митрополиту Багдасару Акоп Джалаляну (1836г.). Типография работала до 1874г., будучи во владении Шушинской епархиальной школы.

[5] *Լեո,* Պատմություն Ղարաբաղի թեմական դպրոցի, Թիֆլիս, 1914, էջ 91:
[6] *Լեո,* Նշվ. աշխ., էջ 91:

В Шуши были основаны новые типографии. Это типография Мехти Акопяна (вторая половина XIX века). В 1910г. была открыта типография А. Бабаджаняна, где печатали произведения как армянских, так и русских писателей. Была опубликована книга краеведа М. Бархударяна «Арцах», «Этнографический журнал» Е. Лалаяна, периодические издания «Ղարաբաղ» (1911–1912), «Փայլակ» (1913–1917), «Ծիածան» (1916), «Նեզուկ» (1917).

В 1829г. вышел Указ царя, «Устав закавказских школ», согласно которому школы в Закавказье должны находиться на одном уровне со школами России. Была открыта государственная уездная школа (1830) с обучением на русском языке. В 1830–1835гг. в Шуши функционировала одна школа на русском, три – на армянском и одна – на татарском[7]. Значительную роль в развитии образовательного процесса в Шуши сыграло принятие царским двором «Положения» от 11 марта 1836г. – «Устав духовного правления армяно-григорианского вероисповедания». Шуши стал духовным центром Арцах-Карабаха. С 70-х гг. XIXв. учебные заведения перешли в подчинение министерства просвещения страны.

22 июня 1838г. в Шуши была открыта «Карабахская епархиальная школа», где развернулась научно-педагогическая деятельность видных армянских деятелей: Газароса Агаяна, Манука Абегяна, Рачия Ачаряна, Седрака Мандиняна и др. В школе долгие годы работал С. Гольназарян – преподаватель армянского и французского языков, каллиграфии, черчения и переводческого дела. Известными учителями школы были также: Н. Тер-Аветян, Дж. Ованесян, писатель С.К. Мелик-Шахназарян. В школе работал известный армянский живописец Ст. Назарян, автор исторических полотен, в т.ч. известного портрета «Месроп Маштоц».

В 1872г. для карабахской епархии было выстроено специальное здание, где разместились консистория и епархиальная школа, которая работала за счет епархии. Школой управлял совет попечителей, который возглавлял глава епархии. Если в начале школа имела 20 учеников, то к концу XIXв. в 13 классах училось 506 учеников.[8] Из стен епархиальной школы вышли сотни молодых людей, которые украсили армянскую действительность в различных областях общественной жизни. Это уроженец Шуши великий армянский писатель Мурацан (Григор Тер-Ованесян), выпускник

[7] *Գրիգորյան Ն., Հարությունյան Գ.* Արցախի դպրոցը հնագույն ժամանակներից մինչև մեր օրերը, Եր., 2005, էջ 61:
[8] *Նույն,* նշված աշխ., էջ 93.

1873г., выдающийся историк Лео (Аракел Бабаханян), автор специального исследования, посвященного епархиальной школе. Известный литератор, академик АН Армении А.А. Тертерян (1882–1953гг.), родом из села Шош (провинция Варанда), окончил епархиальную школу в 1902г. Преподавал курс истории армянской литературы в шушинской епархиальной школе, а 1921г. – в Ереванском госуниверситете. Известный армянский художник С.М. Агаджанян (1863–1940гг.). Выпускник Шушинской епархиальной школы в 1881г. и реального училища в 1884г. С 1886 по 1900гг. находился во Франции, учился в Парижской академии Жулиана, практиковался в мастерской Э. Лоранса. В 1900г. вернулся в Шуши. С 1921г. работал в учебных заведениях Еревана. Аслан Шахназарян (1877–1955гг.) родом из с. Кюратак (провинция Дизак), выпускник С.-Петербургского университета, отделения восточных языков. В 1911–1912гг. преподавал в епархиальном училище Шуши. Известный литератор Аракел Аракелян (1887–1980гг.) родом из села Хнацах (провинция Хачен), окончил епархиальную школу в Шуши, семинарию Геворгян в Эчмиадзине, в 1925–1927гг. заведовал отделом народного просвещения в Нагорном Карабахе. Доктор наук, заслуженный деятель науки, профессор ЕГУ.

Девичья школа «Святая Мариам» берет свое начало с 60-х гг. XIXв. В доме известного шушинца Амбарцума Ахумяна под попечительством супруги Мариам воспитывались восемь девушек, что стало основой для открытия в 1864г. девичьей школы «Святая Мариам». Перед этим Мариам Ахумян создала «общественное объединение» для женщин, в которую входили 40 женщин и девушек. Она разработала «Устав» организации, в котором указала значение образования для девушек в будущей семейной жизни, ее роли в обществе и благополучия нации в целом[9].

Реальное училище в Шуши было открыто 20 сентября 1881г. Оно состояло из двух подготовительных и пяти обычных классов. К 10-летию училище превратилось в известное учебное заведение в масштабах Кавказа. Оно было государственным учебным заведением среднего типа на русском языке. После семи лет обучения выпускники училища могли продолжать учебу в высших учебных заведениях России и европейских стран.

В 1881–1882 учебном году в училище обучались 334 учащихся, из которых 252 были выходцами из армянских семей. По числу учащихся учи-

[9] *Լեո,* Նշված աշխ., էջ 293:

лище было третьим на Кавказе: в Тифлисском обучалось 632, в Бакинском – 607, а в Кутаисском – 241[10].

В последующие годы число учащихся доходило до 450–500. В училище обучались и представители других национальностей. Так, в 1896–1897 уч. году из общего числа учащихся (286 чел.) было: 207 – армян, 45 – русских; 16 – грузин; 12 – татар; 6 – греков[11]. Занятия в училище проходили в доме известного шушинца Мовсес-бека. В 1901–1907гг. для училища было выстроено трехэтажное здание на средства почетного гражданина Шуши Г.М. Арафелова. На фасаде здания была сделана специальная запись об этом. До 2020г. запись сохранялась на фасаде остова здания училища.

Выпускниками реального училища были: Л.Н. Атабекян (1875–1918гг.) уроженец села Кусапат. Окончил училище в 1813г. Учился в Лейпцигском университете на факультетах общественных наук и медицины. Практиковался в университете города Женевы. В 1903г. вернулся на родину, работал в Тифлисе, Баку и Шуши, посвятив себя родному краю.

А.О. Арзуманян (1876–1936), родом из села Тагавард, доктор медицинских наук, профессор. А.Н. Арзуманян (1897–1985), родом из Шуши. Народный артист Армении и Азербайджана. Работал в армянском драмтеатре Баку, в театрах Степанакерта, Ленинакана и Еревана и др.

Армянская самобытность Шуши обуславливалась также наличием библиотек с читальными залами. Такая библиотека действовала при епархиальной школе до 1867г. На попытки армянской общественности вновь открыть библиотеку с читальным залом губернские чиновники ответили отказом, так как в списках инициаторов не значились представители тюркской части Шуши.

В 1882г. в Шуши была открыта новая библиотека Тифлисского армянского благотворительного товарищества с книжным фондом более четырех тысяч томов и 300 названий периодической литературы, в том числе периодической литературы, издаваемой в Шуши: До 1920г. в Шуши издавалось 21 наименование периодической литературы: 19 на армянском и 2 на русском языках. В 1895г. библиотека имела 6723 читателя, при следующем национальном составе: армян – 85%, русских – 8%, тюрок – 4% и представителей других национальностей менее 3%, и социальном отноше-

[10] *Ողումնկյան Ս.* Հայկական Շուշի, Եր., 2022, էջ 107:
[11] *Հարությունյան Գ.* Արցախի դպրոցը ու մանկավարժական միտքը V–XX դարի սկիզբը. Ստեփանակերտ, 2002, էջ 133:

нии: учащихся школ города – 55%, 25% – мастеровые, 10% – чиновники, 7% – учителя. Число женщин составляло – 2%[12].

В числе очагов культуры Шуши славился театр Хандамиряна. Первое театральное представление в Шуши было сыграно в 1848 году силами студентов шушинцев, обучающихся в разных городах России и Европы, находившихся в родном городе во время летних каникул. Театральные постановки осуществлялись в здании епархиальной школы. Согласно исследователю, Т. Айрапетян, Шуши был тем армянским городом, где формировался и развивался армянский театр[13].

В 1868г. известные в интеллектуальных кругах Шуши Г. Чмшкян, М. Американ и С. Мандинян силами прибывших студентов инсценировали историческое творение великого Раффи «Самвел». Впоследствии Г. Чмшкян вспоминал: «Зритель воспринял образы исторических героев как национальное чудо»[14].

В 1882г. в июле по приглашению шушинцев прибыл в Шуши известный в театральных кругах Европы и Ближнего Востока Петрос Адамян. В Шуши он поставил пьесы Шекспира «Гамлет», «Отелло» и пьесу Шиллера «Разбойники». Постановки были осуществлены в зале дома известного шушинца Амбарцума-аги. В том же году с гастролями в Шуши прибыла чета Сафразянов, Степан и Алма. Ими были инсценированы пьесы армянских авторов XIXв. В конце 80-х годов XIXв. сложилась постоянно действующая группа любителей театра в составе: Г. Назарян, А. Абрамян, А. Каспарян, О. Тарумян, С. Микаелян, Г. Агабекян, Г. Гянджецян.

Здание Шушинского театра строилось по проекту и на средства основателя театра Никиты (Мкртич) Хандамиряна (1847–1917) уроженца Шуши. Открытие театра состоялось 7 июля 1891г. спектаклем по пьесе Мурацана «Рузан». Театр имел просторный зрительный зал на 350 мест, удобную сцену и фойе, ложе и амфитеатр, библиотеку с читальным залом. Театр Н. Хандамиряна просуществовал пятнадцать лет. Он был в центре внимания всех армянских театральных знаменитостей и групп. В 1893г. гастролировал Ованес Абелян. Он одновременно инсценировал пьесы А. Ширванзаде «Супруги», Г. Сундукяна «Пепо». Он приезжал в Шуши и в после-

[12] *Սողոմոնյան Ս.* Հայկական Շուշի, Եր., 2022, էջ 169:
[13] *Հայրապետյան Թ.* Թատերական կյանքը Շուշիում (XIX դարի երկրորդ կես –XX դարի առաջին տասնամյակներ – Շուշին հայոց քաղաքականության օրրան, Եր., 2007, էջ 308:
[14] *Հայրապետյան Թ.* նշվաջ աշխ., էջ 308:

дующие годы: 1894, 1897, 1900, 1904. Много раз бывал в Шуши артист Г. Петросян. В театре Хандамиряна он поставил несколько десятков пьес.

Театр Хандамиряна был сожжен в 1905г. во время армяно-тюркских погромов, устроенных царской властью. В 60-е годы остатки театра были стерты с лица земли по решению азербайджанского советского правительства.

До 1905г. многие знаменитости театральной жизни тех лет Ованес Абелян, Григор Абрамян, Матеос Агаян, Мари Забел, Варвара Меликян, Аршак Арутюнян, Ваграм Папазян, Арус Восканян, Сирануш, Ованес Зарифян, Сатеник и др. считали своим долгом приезжать с гастролями в Шуши.

Бесценна роль театра в истории культуры народов, в частности, в жизни армянской общественности Шуши. С открытием театра Хандамиряна Шуши стал центром театральной жизни Восточной части Армении. Шуши был их тех городов, который откликнулся на все новшества в театральной и культурной жизни армян в целом, этим самым выполнив свое предназначение и в этой области.

Шуши был центром музыкальной и песенной жизни для народов Кавказа. Он был родиной многих известных музыкантов, певцов, композиторов. В Шуши родился композитор Даниил Газарян, заслуженный деятель искусств. Автор музыкальной драмы «Сос и Вардитер» и многих других музыкальных произведений. В Шуши с концертами выступал гений армянского народного песнопения великий Комитас. Частым гостем в Шуши был известный мастер народного хорового пения Христофор Кара-Мурза. Им в Шуши был создан многоголосный хоровой коллектив, который неоднократно выступал в Шуши, оставив неизгладимый след в памяти шушинцев тех лет. Выдающийся музыкант, дирижер, заслуженный деятель искусств Николай Теймуразян (1884–1964гг.) родом из села Илис (Хачен) в Шуши создал оркестр духовых инструментов.

Неоднократно бывали в Шуши известный армянский композитор Степан Демурян (в 1911г. он в Шуши организовал многоголосный хоровой коллектив в составе 60 певцов[15]), Г.О. Сюни (1876–1839гг.), выдающийся музыкант, композитор, руководитель хоровых коллективов Шуши (1895г.), заслуженный деятель искусств Армении и Грузии.

Уроженцами Шуши являются десятки академиков и членов-корреспондентов Петербургской Императорской Академии наук, АН СССР, АН

[15] *Սողոմոնյան Ս.* Հայկական Շուշի, Եր., 2022, էջ 129.

Армянской ССР, отраслевых академий наук: Н.Н. Зинин (1812–1880), химик, академик Петербургской АН; Р.И. Аванесов (1902–1988), лингвист, чл.-кор. АН СССР; И.Л. Кнунянц (1906–1990), химик, академик АН СССР; С.А. Саркисов (1895–1971), нейрофизиолог, академик АМН СССР; А.А. Аракелян (1909–1993), экономист, академик АН Арм. ССР; В.О. Исагулян (1893–1973), химик, академик АН Арм. ССР; С.А. Сафарян (1902–1969), архитектор, действительный член Академии архитектуры СССР; Р.С. Амбарцумян (1911–1971), атомщик, чл.-кор. АН СССР; Р.А. Бабаян, (1889–1962), гигиенист, чл.-кор. АМН СССР; Л.С. Варунцян (1898–1988), селекционер, академик ВАСХНИЛ; Лео (А.Г. Бабаханян) (1860–1932), историк, литературовед, действительный член АрмФАН СССР; А.Л. Тахтаджян (1910–1993), ботаник, академик АН СССР; А.Г. Ованесян (1887–1972), историк, академик АН Арм. ССР.

Шуши – родина большого числа писателей, народных артистов, художников и музыкантов. Среди них Мурацан (Г. Тер-Ованнисян) (1854–1908), писатель; В.Б. Вагаршян (1895–1959), народный артист СССР; С.М. Агаджанян (1863–1940), народный художник Арм. ССР; А.Н. Арзуманян (Арзо) (1898–1985), народный артист Арм. ССР; М.А. Арутчян (1897–1961) и И.А. Арутчян (1912–195…), народные художники Арм. ССР; Л.А. Алавердян (1887–1963), народный артист Арм. и Груз. ССР; А.Г. Багдасарян (1918–1984), певица-танцовщица, народная артистка Арм. ССР; Е.А. Багдасарян (1881–1919), композитор, дирижер; Г.М. Борян (1915–1971), поэт, заслуженный деятель искусств Арм. ССР; И.С. Алавердян (1915–1992), писатель, театральный деятель, заслуженный деятель культуры; Н.А. Хандамирян (1847–1917), театральный деятель, основатель Шушинского театра; А.М. Гюрджян (1881–1948), скульптор, его работы выставлены в музеях Еревана и Европы; З.И. Мелик-Тангиев (1905–1966), заслуженный архитектор, лауреат Ленинской премии, автор проекта «Нефтяные камни»; Д.А. Газарян (1883–1958), композитор, заслуженный деятель искусств Арм. ССР; Бес (Саринян Гарегин) (1910–1985), писатель, заслуженный деятель искусств; К.К. Мелик-Шахназарян (Тмблачи Хачан) (1856–1940), сатирик, заслуженный агроном Арм. ССР; А.А. Александрян (1889–1975), народный артист Арм. ССР; О.А. Иоанисян (Ованисян) (1881–1938), основатель оркестра народных инструментов в Баку, заслуженный деятель искусств; А.К. Барутчев (Барутчян) (1904–1976), архитектор, заслу-

женный архитектор России; Г.Б. Габриелян (1903–1956), режиссер, народный артист Арм. ССР и др.

Шуши известен как родина военных и государственных деятелей: Н.Г. Степанян (1913–1944), Дважды Герой Советского Союза; Р.Х. Багирян (1908–1978), Герой Советского Союза; А.А. Казарян (1904–1992), генерал-майор, Герой Советского Союза; И.Д. Лазарев (Лазарян Аванес) (1820–1879), генерал-лейтенант; Павел (Погос) Д. Мелик-Шахназаров (1854–1919), генерал-лейтенант; Н.Г. Мелик-Шахназаров (1837–189…), генерал-майор; М.А. Алавердян (1900–1968), генерал-майор; А.Г. Аветисян (1912–1988), генерал-майор; И.Т. Тевосян (1902–1958), нарком (министр) тяжелой промышленности, зам. председателя Совета министров СССР, Герой соц. труда; С.М. Тер-Габриелян (1886–1937), председатель СНК Арм. ССР (1928–1935); Б.Е. Саркисов (1913–1999), председатель Верховного Совета Арм. ССР (1975–1985); Е.О. Ишханян (1886–1975), руководитель (июль 1918 – июль 1919) народного правительства Карабаха.

В Шуши родилось большое число ученых (докторов наук, профессоров) по разным направлениям науки (более пятидесяти), архитекторов, певцов и музыкантов, указать имена всех не представляется возможным.

Шушинцами называли себя не только уроженцы самого города-крепости, но и те, кто родился в семьях шушинцев: это А.Ш. Мелик-Пашаев, (1905, Тифлис – 1964), главный дирижер Большого театра СССР, Народный артист СССР; Кочар (Ерванд И. Кочарян) (1899, Тифлис – 1979), скульптор, Народный художник СССР; С.Г. Бархударов (1894, Баку – 1983), лингвист, чл.-корр. АН СССР; Г.Е. Будагян (1899, Баку – 1989), профессор Ереванской консерватории, народный артист Арм. ССР; С.Г. Демурян (1871, Тифлис – 1934), композитор; А.Б. Каринян (Габриелян) (1886, Баку – 1982), государственный деятель, филолог, историк, академик АН Арм. ССР; Н.К. Арутюнян (1912, Ереван – 1993), академик АН Арм. ССР (внук Лео); Л.А. Ованесян (1885, Тифлис – 1970), медик, академик АМН СССР; Э.Г. Тер-Газарян (1912, Баку – 1961, Ереван), химик, академик АН Арм. ССР и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Գրիգորյան Հ., Հարությունյան Գ.,* Շուշիի ռեալականը, Ստեփանակերտ, 2012:
2. *Հարությունյան Մ.,* Շուշի (Նորագույն նյութեր քաղաքի պատմության մասին), Ստեփանակերտ, 2007:

3. *Լեո,* Պատմություն Ղարաբաղի թեմական դպրոցի, Թիֆլիս, 1914:
4. *Հայրապետյան Թ.,* Թատերական կյանքը Շուշիում (XIX դարի երկրորդ կես – XX դարի առաջին տասնամյակներ): Շուշին հայոց քաղաքակրթության օրրան, Եր., 2007:
5. *Սողոմոնյան Մ.,* Հայկական Շուշի, Եր., 2022:
6. *Թաղիադյան Մ.,* Ճանապարհորդություն ի հայս. Կալկութա, 1847:
7. *Григорян А.* Армянский Баку. Нью-Йорк-СПб, 2019.
8. *Мкртчян Ш., Давтян Щ.* Шуши. Город трагической судьбы. Ереван, 1997.

THE FORTRESS-TOWN SHUSHI
A PHENOMENON OF ARMENIAN DISTICTIVENESS

S. Dadayan

PhD in History, Associate Professor
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article is dedicated to the fortress-town of Shushi. According to historical records, the fortress was built by the Armenian centurions Avan, Mirza, and Tarkhan. It Since the times when Karabakh became part of Russia, Shushi gained the status of city and was turned into a cultural and educational center: schools, printing houses, libraries and functioning theater were opened there. The citizens of Shushi, having received high education in the universities of Russia and Europe, embellished Armenian reality in various fields of social life.

Fortress-town Shushi is an administrative center of Artsakh-Karabakh. Born in fiery battles against the enemies of Armenian people, Shoushi upheld the honor of the fortress as unconquered. With the incorporation of Karabakh into Russia, it became a star city.

Keywords: Shushi, diocesan school, real school, printing house, theatre.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-364-371

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ АРМЯНСКИХ ОБЩИН РОССИИ, США И ФРАНЦИИ В СОХРАНЕНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

И.С. Данилов

Российско-Армянский университет
Институт международных отношений и общественно-политических наук
Филиал Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова в городе Ереване
danivan555@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается историческая и современная роль армянских общин России, США и Франции в деле сохранения национальной идентичности, культурного наследия и формирования гуманитарных связей с исторической родиной. На основе анализа деятельности ключевых организаций (Союз армян России, ANCA, CCAF) показаны особенности институционализации и культурной дипломатии армянских общин в различных политических контекстах. Особое внимание уделено проблемам фрагментации диаспоры и перспективам развития политики Республики Армения в сфере взаимодействия с диаспорой.

Ключевые слова: культурная дипломатия, идентичность, Армения, транснациональные связи, армянская диаспора.

Введение

Армянская диаспора (Спюрк) как транснациональное объединение, способствующее сохранению культуры и идентичности армянского народа, существует уже множество веков. Она обладает существенными ресурсами и активно влияет на жизнь современной Республики Армения. Вместе с тем диаспора достаточно неоднородна, в связи с чем можно говорить скорее о совокупности отдельных армянских общин, каждая из которых обладает своими особенностями и по-разному влияет как на свои национальные правительства, так и на историческую родину. Наиболее крупными общинами в армянской диаспоре являются общины России, США и Франции. Их исторический путь существенно различается, что определяет особенности как

их формирования, так и выбираемой ими стратегии действий. В условиях глобализации и миграционных процессов общины становятся посредниками между Арменией и принимающими странами и таким образом формируют культурное пространство, выходящее за рамки национальных границ. Все это обуславливает актуальность выбранной темы.

Цель исследования заключается в выявлении исторических и современных механизмов сохранения идентичности армянскими общинами России, США и Франции, а также в анализе влияния на Республику Армения.

Диаспоры как субъекты международной политики вызывают большой интерес в академической среде. Теоретические основы изучения диаспор были заложены в работах У. Сафрана [1], Й. Шейна и А. Барта [2], Р. Паноссяна [3], которые рассматривали диаспоры как транснациональных акторов, обладающих значительным культурным и политическим потенциалом. Армянская диаспора отличается наличием мощной сети культурных институтов. К ним относятся, например, церкви, школы и больницы. Также она активно участвует в международных гуманитарных инициативах. Все это показывает, что армянская диаспора на протяжении многих веков успешно сохраняет этнокультурную идентичность за пределами родины.

Задача исследования состоит в сравнительном анализе трех ключевых общин армянской диаспоры (в России, США и Франции) и выявлении их исторической специфики, институциональных особенностей и стратегий сохранения национальной культуры.

В основе методологии исследования лежит междисциплинарный подход, который включает в себя исторический, культурологический и политологический анализ. Использованы методы документального и контент-анализа материалов официальных сайтов организаций диаспоры (Союз армян России, ANCA, UGAB France), эмпирических данных Всемирного банка о денежных переводах [4], а также сравнительный анализ деятельности культурных центров и НКО в трех странах.

Основная часть

Армянские общины в России, США и Франции существенно отличаются историей формирования. Эти особенности сильно повлияли на то, как эти общины действуют в настоящее время.

Армяне живут на территории современной России уже много веков. В XVII–XVIII вв. армянские купеческие общины играли заметную роль в

торговых связях Российской империи с Востоком. Одна из крупнейших общин сформировалась в Астрахани. Переселение армян в Приазовье по указу Екатерины II в 1779г. существенно укрупнило армянскую диаспору. Новые переселенцы основали Нахичевани-на-Дону [5]. Политика Российской империи в отношении армянских переселенцев способствовала созданию устойчивых общин, которые сохраняли религиозную и культурную автономию. В XIXв. армяне активно участвовали в экономической и интеллектуальной жизни империи. Тенденция продолжилась в советский период. Миграционные процессы усилились в связи с индустриализацией и развитием системы образования [3]. Таким образом, российская армянская община формировалась в условиях длительного институционального взаимодействия с государством, что во многом объясняет ее современную модель интеграции и сотрудничества с органами власти.

Французская армянская община имеет более короткую историю. В современном виде она сложилась преимущественно после Геноцида армян в 1915г. в Османской империи. Массовая эмиграция беженцев в 1920-е годы привела к возникновению компактных армянских центров в Марселе, Лионе и Париже. В XXв. Франция стала одним из ключевых центров сохранения армянской культуры. В ней активно действовали армянские издательства, школы, благотворительные и политические организации [6]. Историческая память о Геноциде стала фундаментальным элементом коллективной идентичности французских армян. Именно этот факт обусловил их активную роль в продвижении политики памяти и признании трагических событий 1915г. на государственном уровне.

Армянская община США начала формироваться только в конце XIXв. При этом она существенно увеличилась после Первой мировой войны и последующих волн эмиграции. В XXв. армянские иммигранты образовывали компактные общины, преимущественно в Калифорнии и на северо-востоке страны. Из-за особенностей американской политической системы они сфокусировались на общественном представительстве и лоббистской деятельности. Постепенно община сформировала устойчивую сеть культурных, образовательных и политических организаций. К ним относятся, например, Armenian National Committee of America и Armenian Assembly of America. Исследователи отмечают, что интеграция в американскую политическую систему разрешила армянской общине выстроить эффективную систему, которая позволила ей влиять на законодательные процессы, сохраняя при этом культурную идентичность [7].

Таким образом, российская община формировалась в условиях тесного сотрудничества с государством, французская – под влиянием памяти о геноциде, американская – с интеграцией в демократическую систему с развитым механизмом лоббизма. Эти различия оказали непосредственное влияние на современные стратегии сохранения идентичности и формы культурной дипломатии.

Если говорить о современной ситуации, российская община, насчитывающая, по данным Союза армян России, более 2,5 млн человек [8], прочно интегрирована в социально-экономическую структуру государства и активно занимается гуманитарной деятельностью. В России действуют десятки армянских школ, воскресных классов, культурных центров и религиозных учреждений. Все они вместе способствуют сохранению языка и традиций. Особенностью российской модели является тесное сотрудничество с государственными институтами, а также участие бизнес-элиты в поддержке культурных инициатив.

Американская община отличается высокой степенью концентрации. Ее основными центрами являются штаты Калифорния и Массачусетс. Также стоит отметить развитость институциональной структуры данной общины. Организации Armenian National Committee of America (ANCA) и Armenian Assembly of America осуществляют активное лоббирование интересов Армении в Конгрессе США, реализуют образовательные и культурные программы, поддерживают армянские школы и университетские кафедры [9]. Американская община активно продвигает культурную повестку через кино, музыку, цифровые медиа и фестивали. Благодаря этим усилиям она формирует позитивный имидж Армении на международной арене.

Французская община, численность которой оценивается примерно в 600 тыс. человек, является одним из старейших и наиболее влиятельных центров армянства в Европе. В первую очередь она занимается мемориальной и гуманитарной деятельностью. Во Франции действуют десятки армянских школ, культурных ассоциаций, а также Координационный совет армянских организаций Франции (CCAF), который активно сотрудничает с муниципалитетами и парламентом [10]. Значительное внимание уделяется политике памяти. Французская армянская община добилась признания Геноцида 1915г., организует памятные мероприятия и гуманитарные акции, способствующие сохранению исторической памяти.

Сравнительный анализ трех общин показывает, что различия между ними обусловлены политическим устройством стран пребывания. Амери-

канская община обладает наиболее развитыми механизмами лоббизма и доступа к политическим процессам. Французская отличается сильной культурно-мемориальной основой и поддержкой со стороны местных властей. Среди преимуществ российской общины стоит отметить экономический потенциал и гуманитарное влияние через интеграцию в государственные и бизнес-структуры. Вклад общин в экономику Армении также различается. По данным Всемирного банка, до 40% всех денежных переводов в Армению поступает из России [4], что делает российскую общину ключевым экономическим донором. В то же время общины Франции и США чаще выступают организаторами благотворительных и образовательных фондов.

Несмотря на значительный потенциал и активную деятельность, армянские общины России, США и Франции сейчас сталкиваются с рядом вызовов, которые влияют как на сохранение идентичности, так и на взаимодействие с Республикой Армения.

Первая и наиболее серьезная проблема – постепенная ассимиляция. Она особенно заметна во втором и третьем поколениях мигрантов. Как отмечает Р. Паноссян, при отсутствии инфраструктуры для поддержания идентичности (например, системы образовательных учреждений) она неизбежно ослабляется из-за взаимодействия с культурой принимающей страны [3]. Этот процесс особенно заметен в странах Западной Европы и США, поскольку общины там сильно интегрированы в принимающее общество. В России этот процесс менее заметен, однако урбанизация и смешанные браки также постепенно приводят к трансформации армянской идентичности.

Вторая проблема – институциональная фрагментация диаспоры. Многие исследователи, например, У. Сафран [1], Й. Шейн и А. Барт [2], подчеркивают, что из-за образования множества центров диаспоральных общин усложняется формирование единой стратегии поведения. Повестки различных организаций начинают конкурировать между собой, из-за чего координировать усилия по продвижению общих интересов становится сложнее.

Еще одна важная проблема – противоречия между политическими приоритетами диаспоры и самой Армении. По мнению Й. Шейна, диаспоры нередко формируют собственную внешнеполитическую повестку, которая может не совпадать с прагматическими интересами государства происхождения [2]. Для армянской диаспоры это проявляется прежде всего в вопросах исторической памяти, международного признания Геноцида армян и

региональной безопасности. Для преодоления этих разногласий нужно разрабатывать более гибкие механизмы сотрудничества.

Для упорядочивания взаимодействия с диаспорой в Армении был создан Офис Главного уполномоченного по делам диаспоры Республики Армения [11]. Однако, для выстраивания эффективно работающей системы обратной связи и долгосрочных программ сотрудничества нужна системная координация между государством и диаспорой [12].

Существуют противоречия и в области экономического сотрудничества. По данным Всемирного банка, значительная доля денежных переводов в Армению поступает из России [4], что подчеркивает роль диаспоры как важного финансового донора. Однако даже постоянно поступающие денежные трансферты не всегда превращаются в устойчивые инвестиции в экономику. Напротив, они могут стать источником уязвимости государства [13].

Таким образом, дальнейшее развитие армянских общин России, США и Франции зависит от способности преодолеть фрагментацию, снизить риски ассимиляции, выстроить сбалансированную модель взаимодействия с государственными структурами и обеспечить трансформацию экономического потенциала диаспоры в долгосрочные инвестиционные механизмы. Именно так армянская диаспора сможет эффективно действовать в изменяющемся мире.

Выводы исследования позволяют утверждать, что армянские общины России, США и Франции играют системообразующую роль в сохранении армянской идентичности, поддержании национального языка, религии и культурных традиций. Их деятельность способствует развитию культурной дипломатии и формированию позитивного международного имиджа Армении. В то же время фрагментация центров диаспоры, различие политических приоритетов и ограниченность координации с государственными структурами остаются существенными вызовами, которые мешают диаспоре в полной мере раскрыть свой потенциал. Для повышения эффективности взаимодействия необходимо укрепить роль Офиса Главного уполномоченного по делам диаспоры, развивать образовательные и цифровые программы, формировать единую стратегию коммуникации и культурного представительства Армении за рубежом.

Исторический опыт трех крупнейших армянских общин показывает, что сохранение национальной идентичности возможно не только внутри

государства, но и в глобальном культурном пространстве. Благодаря диаспоре память, язык и культура становятся связующими элементами мировой армянской цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Safran W.* Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // "Diaspora: A Journal of Transnational Studies". Vol. 1 (1), 1991. PP. 83–99.
2. *Shain Y., Barth A.* Diasporas and International Relations Theory // "International Organization". Vol. 57 (3), 2003. PP. 449–479.
3. *Panossian R.* The Armenians: From Kings and Priests to Merchants and Commissars. London: "Hurst & Co.", 2006, 460p.
4. The World Bank. Migration and Remittances Data: Armenia. Washington, D.C.: The World Bank, 2023. URL: https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.CD.DT?locations=AM (дата обращения: 05.02.2026).
5. *Khachaturian L.* Cultivating Nationhood in Imperial Russia: The Periodical Press and the Formation of a Modern Armenian Identity. New Brunswick: "Transaction Publishers", 2009, 241p.
6. *Tölölyan K.* The Armenian Diaspora and the Karabagh Conflict since 1988 // Diasporas in Conflict: Peace-Makers or Peace-Wreckers? / Ed. by H. Smith, P. Stares. Tokyo; New York: "United Nations University Press", 2007. PP. 106–128.
7. *Bakalian A.* Armenian-Americans: From Being to Feeling Armenian. New Brunswick: "Transaction Publishers", 1993, 511p.
8. Союз армян России. Официальный сайт. URL: https://sarinfo.org/ (дата обращения: 05.02.2026).
9. Armenian National Committee of America (ANCA). URL: https://anca.org (дата обращения: 05.02.2026).
10. Conseil de Coordination des Organisations Arméniennes de France (CCAF). URL: https://ccaf.info/ (дата обращения: 05.02.2026).
11. Официальный сайт Офиса Главного уполномоченного по делам диаспоры Республики Армения. URL: http://diaspora.gov.am (дата обращения: 05.02.2026).
12. *Gamlen A.* Diaspora Institutions and Diaspora Governance // "International Migration Review". Vol. 48 (S1), 2014. PP. S180–S217.
13. *Kapur D.* Diaspora, Development, and Democracy: The Domestic Impact of International Migration from India. Princeton: "Princeton University Press", 2010, 325p.

THE HISTORICAL ROLE OF ARMENIAN COMMUNITIES IN RUSSIA, THE USA, AND FRANCE IN PRESERVING IDENTITY AND CULTURAL HERITAGE

I. Danilov

Russian-Armenian University
Institute of International Relations and Socio-Political Sciences
Branch of Lomonosov Moscow State University in Yerevan

ABSTRACT

The article examines the historical and contemporary role of Armenian communities in Russia, the United States, and France in preserving national identity, cultural heritage, and fostering humanitarian ties with the historical homeland. Based on the analysis of the activities of key organizations (Union of Armenians of Russia, ANCA, CCAF), the study identifies the specific features of institutionalization and cultural diplomacy of Armenian communities within different political contexts. Particular attention is paid to the issues of diaspora fragmentation and the prospects for the development of the Republic of Armenia's policy in the field of diaspora engagement.

Keywords: cultural diplomacy, identity, Armenia, transnational ties, Armenian diaspora.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-372-380

ИНТЕГРАЦИЯ ГРУЗИНСКОЙ ЭЛИТЫ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОЙ ГРУЗИИ)

Д.Г. Котенко

Алтайский государственный педагогический университет
Институт истории, социальных коммуникаций и права
kotenko1988@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуются процессы интеграции национальной знати Грузии в благородное сословие Российской империи. Отмечены трудности интеграции грузинского дворянства в качестве служилой знати в российские социально-политические институты.

Ключевые слова: тавады, азнауры, Грузия, Империя.

Вхождение грузинских княжеств в состав Российской империи привело к установлению противоречивых отношений с местным населением, неоднократно поднимавшим восстания против царского режима. Территорией княжеств Грузии после вхождения в состав России не могли управлять царские чиновники из-за незнания языка, традиций, обычаев. Интеграция национальной элиты Грузии в имперскую систему управления стало единственным выходом в данной ситуации.

Актуальность исследования проявляется в том, что политика интеграции в национальную элиту России грузинских знатных родов проходила медленно. Обобщенный подход к принятию Грузии в состав России не позволяет раскрыть специфику интеграционных процессов, различавшихся в зависимости от региона. Подобный подход не позволяет также раскрыть специфику отношений между царской администрацией и грузинским дворянством и понять причины неоднородности азнауров (дворян) и тавадов (князей).

Целью исследования является изучение интеграции азнауров (дворян) и тавадов (князей) в социально-политическую систему России и отношение к этому самого благородного сословия. Статья не претендует на обзор по-

ложения грузинской элиты во всех княжествах Грузии. Исследование связано с Западной Грузией.

Необходимость изучения данной проблемы привело к постановке следующих задач:

1) изучить особенности интеграции грузинской служилой знати в социально-политическую систему Российской империи;

2) рассмотреть деятельность царской администрации в отношении грузинского благородного сословия, его инкорпорации в дворянское сообщество Российской империи;

3) изучить особенности интеграции грузинского благородного сословия в Восточной и Западной Грузии.

Методы исследования основаны на принципах историзма и системности научного познания.

Новизна исследования заключается в попытке связать политические события в грузинских княжествах и на пограничных территориях с отношением царской администрации к грузинской элите.

Источники исследования можно разделить на опубликованные и неопубликованные материалы.

Процесс юридического оформления инкорпорации грузинской аристократии в высшее сословие Российской империи растянулся более чем на полвека и на различных грузинских землях протекал с различной скоростью. Первыми вовлеченными в него оказались тавады и азнауры царства Картли-Кахети как изначально наиболее тесно и непосредственно итерированного в империю.

Имперская администрация в грузинских княжествах сознательно затягивала процесс вхождения грузинской аристократии в дворянское собрание России, не доверяя местным элитам. Закавказский край не имеет русского дворянства, хотя в Грузии и Имеретии существует дворянство, верность его к русскому правительству всегда находится в относительной пропорции к выгодам, проистекающим от правительства, отмечали чиновники Кавказского комитета в своих журналах [2, Оп. 1, Д. 2.].

После упразднения в 1810г. Имеретинского царства в российское высшее благородное сословие влились представители имеретинской ветви рода Багратиони. С 1812г. постановлением Комитета министров потомки имеретинских царевичей стали титуловаться князьями Имеретинскими, а потомки картли-кахетинских царевичей – князьями Грузинскими [3, VIII. 137.].

По сравнению с тавадами и азнаурами других грузинских земель, остальные представители элиты бывшего Картли-Кахетинского царства с точки зрения их интеграции в аристократическое сословие России оказались в более выгодных условиях. Фактически они были признаны в княжеском и дворянском достоинстве империи еще до присоединения Восточной Грузии. Дело в том, что девятым артикулом Георгиевского трактата 1783г. было установлено, что князья и дворяне, подданные царя Ираклия II, отныне пользуются «всеми теми преимуществами и выгодами, кои российским благородным присвоены» [4, 34].

В связи с этим к трактату прилагался обширный список, в котором были перечислены 62 тавадских и 317 азнаурских фамилий с обозначением, кому они принадлежат – царю (для тавадов и азнауров), тавадам или церкви (для азнауров), а также с разбивкой по регионам – Картли и Кахети (4, 57–64.).

В последующие годы, в частности, в 1822 и 1827гг., актами российского правительства правовое равенство грузинской аристократии с княжеским и дворянским сословием России было дополнительно подтверждено [3, VIII. 11.]. В 1818г. Ермолову, по его собственному выражению, удалось преодолеть «решительное со стороны дворянства упорство» и созвать Грузинское дворянское депутатское собрание [5, 297] – сословный корпоративный орган, существовавший на губернском и уездном уровне в империи.

Именно таким путем, через Дворянское депутатское собрание с утверждения главноуправляющего в Грузии и Герольдии Сената, и осуществлялось признание отдельных родов Картли-Кахети и Имерети и их представителей в княжеском и дворянском достоинствах Российской империи. Однако в 1830г. сначала в Восточной Грузии, а затем и в Имеретинской области обнаружились поддельные грамоты грузинских царей, по которым были предприняты попытки отыскать дворянство, а также – права на имения [3, VIII. 545].

Казалось бы, для грузинской элиты должны были открыться новые возможности, которые предоставляла имперская служба. Однако на деле оказывалось, что эти блага, особенно в первое время, были доступны в первую очередь для представителей наиболее состоятельных и влиятельных тавадских фамилий, которые и до этого были уже тесно связаны с Россией и многие представители которых не в одном поколении жили в российских столицах. Именно из среды грузинских колоний Москвы и Петербурга и выходили в тот период самые известные военачальники и государственные

деятели России грузинского происхождения – Багратиони, Цицианова, Андроникова, Эрисгова, Чавчавадзе и др. Для значительной части картли-кахетинской аристократии эти карьерные перспективы долго оставались закрытыми, в первую очередь по причине бедности и незнания русского языка.

Лингвоэтнический барьер долго оставался одним из основных факторов политической и социально-экономической жизни Восточной Грузии, тормозившим интеграцию местного социума в имперское пространство. Продолжительное время местное население и те, кто был назначен им управлять, просто не понимали друг друга, в прямом смысле говоря на разных языках. Переводчиков были единицы, а те, которых все-таки удавалось найти, «часто знали грузинский язык лишь приблизительно» [1, Оп. 6, Д.1. Л.16].

В результате описанных выше событий рассмотрение просьб об утверждении в княжеском и дворянском достоинствах Российской империи от высшего сословия Восточной Грузии и Имеретии оказалось приостановленным почти на 15 лет. Жалобы местных тавадов и азнауров, которые не могли поступить на службу, в 1846г. заставили Кавказский комитет рассмотреть вопрос о возобновлении интеграции аристократии этих грузинских земель в благородное сословие империи. Члены комитета поддержали мнение наместника Кавказского М.С. Воронцова о необходимости открытия двух особых временных комиссий – в Тифлисе и Кутаиси – для разбора прав картли-кахетинских и имеретинских князей и дворян [2, Оп. 4. Д. 282. Л. 4.].

Результатом деятельности этих комиссий должно было стать составление поименных списков всех лиц, принадлежащих к княжеским и дворянским фамилиям, которые после утверждения императором должны были быть внесены Герольдией Сената в российские родословные книги.

Контролировать эту деятельность должен был председатель из русских чиновников, а также еще один член от короны. С той же целью в комиссиях вводился строго определенный порядок делопроизводства. Все действия и решения должны были фиксироваться в протоколе, в котором также подробно указывались основания утверждения или неутверждения кого-либо в княжеском или дворянском достоинстве. Эти списки и протоколы затем должны были пройти проверку в Кавказском комитете, министерствах юстиции и внутренних дел.

Задачи, стоявшие перед кутаисской комиссией, были значительно сложнее. Как известно, действие Георгиевского трактата не распространялось на Западную Грузию. Поэтому комиссия здесь должна была в первую очередь определить право всех вообще имеретинских тавадских и азнаурских фамилий на пользование этими титулами, а уже затем приступить к установлению принадлежности к ним конкретных лиц [2, Оп. 4. Д. 282. Л. 5.]. Позднее было решено распространить действия комиссии и на Гурию, однако члены от высшего сословия Имерети не могли участвовать в обсуждении вопросов, касавшихся тавадов и азнауров Гурии, и наоборот.

В обязанности 34 членов от местной аристократии входило составление предварительных поименных списков тех, кто именовался в Имерети и Гурии тавадами и азнаурами по районам, где они проживали. Списки сверялись с данными камерального описания, при необходимости корректировались, после чего составлялись сводные списки по Имерети и Гурии отдельно [1, Оп. 4. Д. 282. Л.6.]. Затем начинался собственно процесс утверждения отдельных родов в княжеском или дворянском достоинстве империи. Для этого предусматривалось несколько механизмов. Самый простой – голосование всех 34 членов комиссии, при котором должно было быть подтверждено право данного рода на то или иное достоинство. В случае разногласий в комиссию приглашались 24 представителя местного дворянства, не принадлежавшие к тем родам, чье дело рассматривалось. Под присягой их просили подтвердить, действительно ли данная фамилия являлась тавадской либо азнаурской до введения в Имерети и Гурии российского правления. Таким образом, через голосование членов комиссии либо приглашенных присяжных процедуру признания проходили в первую очередь наиболее крупные и известные семейства, чье происхождение не вызывало сомнений. В Имерети это Церетели, Цулукидзе, Абашидзе, Эристави, в Гурии – Накашидзе, Тавдгиридзе и др. [2, Оп. 4. Д. 282. Л.7.].

В случае возникновения каких-либо сомнений в обоснованности притязаний и расхождения мнений членов комиссии и приглашенных представителей дворянства, назначалось исследование письменных свидетельств и следствие. Характерно, что столь кропотливый и трудоемкий процесс, как интеграция «туземного» дворянства в высшее сословие империи российские власти по большому счету не могли начать немедленно после присоединения грузинских земель, чему было немало причин. Если при решении вопроса тавадов и азиауров Картли-Кахети значительным подспорьем был

Георгиевский трактат, содержавший юридически заверенный местным царем список почти всех фамилий, принадлежавших к высшему сословию Восточногрузинского царства, то в Западной Грузии, в силу отсутствия такого рода универсального документа, было необходимо провести большую подготовительную работу [2, Оп. 7. Д. 16. Л. 18.].

Прежде всего, имперской администрации нужно было накопить знания и опыт практической работы с массивом разнообразных исторических документов на незнакомом языке, которые могли быть использованы в качестве доказательств в том или ином деле, касавшемся прав собственности или прав на дворянское или княжеское достоинство. Более чем приблизительные правила для определения подлинности того или иного акта, составленные еще в 1830г. сенатором Мечниковым, не давали никакой гарантии точности и были тогда же подвергнуты критике главноуправляющим Розеном. Только к концу первой половины XIXв. российские чиновники смогли более или менее определенно классифицировать грузинские исторические документы для тех или иных административных целей, что отразилось в инструкции, данной кутаисской комиссии. В этом документе все письменные доказательства делились на две основные категории – основные и вспомогательные. К первой относились неподлежащие сомнению документы: жалованные и охранные грамоты имеретинских царей и гурийских владетелей, составленные до 1810г., т.е. до низложения Соломона II, и до 1826г., т.е. до кончины последнего владетеля Гурии Мамиа Гуриели, если в них претенденты на княжеское или дворянское достоинство были названы сиятельными или благородными, тавадами или азнаурами; грамоты на пожалование населенных имений без упоминания тавадов и азнауров [1, Оп. 1. Д. 858. Л. 20].

Таким образом, комиссии предстояло провести сложную источниковедческую экспертизу представленных документов и дать свое заключение об их «несомненности», «сомнительности» или «подложности». Лучше всего справиться с этим могли представители местной элиты, специально для этого и введенные в состав комиссии. Задача председателя из российских чиновников сводилась, в первую очередь, к контролю над процессом рассмотрения, правильностью ведения документов и оформления решений комиссии. Самостоятельно определить подлинность того или иного акта он, по объективным причинам, не мог, и потому должен был полагаться на коллективное мнение членов комиссии от местного благородного сословия.

В отдельных случаях в комиссию могли дополнительно приглашаться авторитетные тавады и азнауры для консультаций [2, Оп. 1. Д. 858. Л. 52].

На основании письменных свидетельств и результатов следствия комиссия выносила свое решение, подробно указывая в протоколе все основания признания или непризнания данного рода в княжеском или дворянском достоинстве. Примечательно, что при этом нивелировались многие ранее достаточно значимые нюансы традиционных социальных отношений. Звание тавада приравнивалось к княжескому в империи, а азнаура – к дворянскому, однако при этом не делалось различий между азнаурами казенными (бывшими царскими), церковными или княжескими [2, Оп. 1. Д. 858. Л. 206]. Между этими социальными группами, как указывалось выше, прежде существовали довольно значительные статусные и юридические различия, однако в сословной структуре Российской империи аналогичных категорий не существовало, и отныне все они были объединены в одно сословие дворян. Не признавались российскими властями в княжеском достоинстве и так называемые тавадские тавады, так как считалось, что нахождение во власти тавада «разрушало их княжеское достоинство». Таких тавадов записывали в дворяне [2, Оп. 1. Д. 858. Л. 208].

Не имели права претендовать на дворянство те, кто хотя и назывались в народе азнаурами, но не владели имениями и не были известны членам комиссии от местного благородного сословия, а также те, кто по первому и последующим камеральным описаниям был записан в число податных лиц. Однако последним предоставлялось право доказывать свое азнаурское происхождение, если в их собственности находились имения или они могли представить письменные свидетельства о своем происхождении [2, Оп. 1. Д. 858. Л. 352]. От обязанности доказывать свои права были освобождены имеретинские Багратиони и гурийские Гуриели, так как они «и без того уже должны пользоваться правами княжеских родов» [2, Оп. 1. Д. 858. Л. 369].

После завершения процесса утверждения фамилий Имерети и Гурии в княжеском и дворянском достоинстве аналогичную процедуру должны были пройти отдельные лица, претендовавшие на принадлежность к тому или иному роду. Доказательствами при этом служило то же голосование дворянских членов комиссии или показание под присягой 24 благородных особ, уже признанных комиссией, а также владение документом, доказывавшим благородное происхождение данного рода, владение имениями, значащимися в царской или владетельской грамоте, если она служила доказательством для признания самой фамилии, свидетельство за подписью

епархиального начальника, что данное лицо является сыном, внуком или племянником уже признанного представителя рода, свидетельство, выданное уже утвержденными членами фамилии о том, что данное лицо принадлежит к этой фамилии, а также следствие [2, Оп. 1. Д. 858. Л. 450]. При проведении следствия у присягавших выясняли, действительно ли данное лицо происходит от той фамилии, которая уже признана, известно ли, что его отец и дед «вели благородную жизнь, или состояние, или службу, сходственную с княжеским или дворянским достоинством» и не были ли награждены российскими чинами или орденами, не состояло ли указанное лицо или его отец в податном окладе, и не были ли оно лишено дворянства по закону, владел ли его отец и дед населенным имением и т.д.» [2, Оп. 1. Д. 858. Л. 459].

6 декабря 1850г. именные посемейные списки грузинских княжеских и дворянских родов были утверждены высочайшим рескриптом на имя кавказского наместника Воронцова. Утверждение списков открыло возможность выборов в местные дворянские депутатские собрания. Дворянство Кутаисской губернии (Западной Грузии) получило такое право впервые. Предводителем дворянства Кутаисской губернии был избран гурийский князь Леван Гуриели [3, X, 878].

Опыт российской администрации показал, что процессы модернизации социальных отношений в традиционных обществах могут сопровождаться ликвидацией существовавшей системы социальных институтов и формированием новых. Ликвидация социально-политической системы в грузинских княжествах должна была устранить внутренние противоречия и объединить присоединенные территории в политическое пространство в рамках Империи.

Устранение традиционных социальных моделей способствовало кардинальной трансформации структуры грузинского социума, формированию новых социальных отношений; уже более соответствовавших требованиям Империи. Империя также устранила существовавшие в течение нескольких столетий внутренние рубежи, разделявшие грузинские земли, объединив их в единое пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). г. Москва. Фонд № 161 «Санкт-Петербургский Главный архив».

2. Российский государственный исторический архив (РГИА). г. Санкт-Петербург. Фонд № 1268 «Кавказский комитет».
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.
Т. VIII. Кавказ и Закавказье за время управления ген.-от-инф. бар. Розена I (1831–1837гг.). Тифлис, 1881.
Т. X. Кавказ и Закавказье за время управления ген.-от-инф. кн. М.С. Воронцова (1844–1856гг.). Тифлис, 1885.
4. Георгиевский трактат: Договор 1783г. о вступлении Восточной Грузии под покровительство России / [Текст] подгот. к изд: введ. и примеч. снабд. Г.Г. Пайчадзе. Тбилиси, 1983, 150с.
5. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826гг. / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. М., 1991, 460с.

INTEGRATION OF THE GEORGIAN ELITE INTO THE SOCIO-POLITICAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE (ON THE EXAMPLE OF WESTERN GEORGIA)

D. Kotenko

Altai State Pedagogical University
Institute of History, Social Communications and Law

ABSTRACT

This article studies the processes of integration of the Georgian national nobility into the nobility of the Russian Empire. Difficulties of integration of Georgian nobility as a servant nobility into Russian socio-political institutions are noted.

Keywords: tavads, aznaurs, Georgia, Empire.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-381-396

ԹՈՒՐՔ-ԱԴՐԲԵՋԱՆԱԿԱՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ 2003–2019թթ.

Ա.Ս. Սայիյան

Ռուս-հայկական համալսարան
ՀՀ Գիտությունների ազգային ակադեմիայի Պատմության ինստիտուտ

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Թեև Թուրքիայի և Ադրբեջանի միջև հարաբերությունները 1990-ականներին եղել են շատ ջերմ, սակայն 2003թ., երբ երկու երկրներում էլ իշխանության եկան նոր ղեկավարներ՝ Իլհամ Ալիևն Ադրբեջանում և Ռեջեփ Թայիփ Էրդողանը Թուրքիայում, այդ հարաբերությունները բարձրացվեցին որակական նոր՝ ռազմավարական դաշնակցության մակարդակի, որը մի կողմից թույլ տվեց Ադրբեջանին հաղթել 2020թ. 44-օրյա պատերազմում, իսկ մյուս կողմից նվազեցրեց ՌԴ-ի և Իրանի ազդեցությունը Հարավային Կովկասում, ինչն էլ իր հերթին հանգեցրեց նրանց ազդեցության թուլացմանը նաև կենտրոնասիական տարածաշրջանում: Այս իրողությունը նոր պայմաններ և մարտահրավերներ է նետում տարածաշրջանային և համաշխարհային ուժային կենտրոններին, որոնք ստիպված են փոխել իրենց ռազմավարությունը և մարտավարությունը ինչպես Հարավային Կովկասում, այնպես էլ Մերձավոր Արևելքում ընդհանրապես: Թուրք-ադրբեջանական այս աճող և ամրապնդվող համագործակցության իրական սպառնալիքները, սակայն, ըստ արժանվույն չգնահատվեցին Հայաստանի ռազմաքաղաքական ղեկավարների կողմից, որն էլ հանգեցրեց 2016թ. Քառօրյա պատերազմին, որի ժամանակ հայկական կողմն առաջին անգամ 1994թ. ի վեր ունեցավ շուրջ 300 հա տարածքային կորուստ, ինչպես նաև պարզորոշ երևաց հայկական բանակի և դիվանագիտության խոցելի կողմերը:

Հիմնաբառեր՝ Թուրքիա, Ադրբեջան, Ռ.Թ. Էրդողան, Ի.Հ. Ալիև, Հայաստան, Արցախ, Լեռնային Ղարաբաղ, ֆուտբոլային դիվանագիտություն, Քառօրյա պատերազմ, 44-օրյա պատերազմ, Շուշիի հռչակագիր:

Ներածություն

1990-ական թթ. սկսած թուրք-ադրբեջանական հարաբերությունները 21-րդ դարի սկզբում թռիչքաձև զարգացում ապրեցին, որն այժմ հանդիսանում է տարածաշրջանի ազդեցիկ համագործակցություններից մեկը և դանդաղորեն, բայց հաստատակամորեն Հարավային Կովկասից դուրս է մղում Ռուսաստանի Դաշնությանը և Իրանի Իսլամական Հանրապետությանը: Այս համագործակցությունն իր վճռական դերակատարությունն ունեցավ 2020թ. 44-օրյա պատերազմում Ադրբեջանի հաղթանակի մեջ, և օգնեց վերջինիս 2023թ. սեպտեմբերին անպատիժ հայաթափել Արցախը և 2024թ. ապրիլին ստիպել Մոսկվային դուրս բերելու իր խաղաղապահներին Լեռնային Ղարաբաղից, ինչն անկասկած խիստ թուլացրեց վերջինիս դիրքերը Հարավային Կովկասում և ցանկության դեպքում անգամ Ռուսաստանն այժմ չի կարողանալու ապահովել իր դաշնակցային պարտականությունները Հայաստանի Հանրապետության անվտանգությունն ապահովելու նպատակով: Ներկա ստեղծված իրավիճակում խիստ արդիական է դառնում կողմից 21-րդ դարի առաջին քառորդի թուրք-ադրբեջանական ռազմավարական հարաբերությունների ուսումնասիրությունը՝ Հայաստանի անվտանգության, մարտահրավերների և հնարավորությունների տեսակետից:

Թեմայի ուսումնասիրության նպատակն է 21-րդ դարի առաջին քառորդի թուրք-ադրբեջանական հարաբերությունների ուսումնասիրությունը, որն իրագործելու նպատակով քննարկվում են հետևյալ խնդիրները.

- ✓ 2003–2009թթ. Թուրքիայի քաղաքականության առանձնահատկությունները Ադրբեջանի նկատմամբ և դրանց պատճառները,
- ✓ 2009–2019թթ. թուրք-ադրբեջանական հարաբերությունների դինամիկան և դրանց ազդեցությունը 44-օրյա պատերազմի վրա:

Թեման ուսումնասիրելու նպատակով կիրառել ենք պատմական և պատմահամեմատական մեթոդները: Հոդվածը գրելիս աշխատել ենք օգտվել հիմնականում թուրքական և ադրբեջանական աղբյուրներից, սակայն գիտական անաչառությունն ապահովելու նպատակով ուսումնասիրել ենք նաև այլ երկրներում հրատարակված ուսումնասիրությունները:

2003–2019թթ. թուրք-ադրբեջանական հարաբերությունները ժամանակագրական առումով կարելի է պայմանականորեն բաժանել 2 փուլերի, որոնք իրենց հերթին բաժանվում են ենթափուլերի: Առաջին ժամանակահատվածը վերաբերում է 2003–2009թթ., երբ թե Ռ. Էրդողանը և թե Ի. Ալիևն այդ հարաբերությունները բարձրացրեցին նոր որակական մակարդակի՝ տալով նրանց ինստիտուցիոնալ տեսք: Այս փուլն ավարտվում է 2009թ., երբ Հայաստանի և Թուրքիայի միջև սկսված «ֆուտբոլային դիվանագիտության» պատճառով սրվում են Բաքվի և Անկարայի հարաբերությունները, որը ստանում է «դրոշների պատերազմ» անվանումը:

Երկրորդ փուլի ժամանակային սահմաններն են 2010–2019թթ., որը սկսվում է 2010թ. կնքված «Ռազմավարական համագործակցության մասին» պայմանագրով և ավարտվում է 2019թ. խորացված ռազմաքաղաքական և տնտեսական հարաբերություններով, որոնք իրենց վճռական նշանակությունն ունեցան 2020թ. 44-օրյա պատերազմի ժամանակ, երբ Թուրքիան ամենագործուն մասնակցությունն ունեցավ Ադրբեջանի հաղթանակում: Թուրքիայի և Ադրբեջանի միջև հարաբերությունների վրա ազդող գործոններ էին «Արաբական գարնան» ժամանակ Ռուսաստանի հետ Թուրքիայի լարված հարաբերությունները և ուկրաինական ճգնաժամը, որի ժամանակ Մոսկվան ռազմաքաղաքական և տնտեսական կախման մեջ ընկավ թե՛ Անկարայից և թե՛ Բաքվից:

1. Թուրք-ադրբեջանական հարաբերությունները 2003–2009թթ.

2003թ. Թուրքիայի և Ադրբեջանի համար նշանակալից տարեթիվ էր, քանի որ երկու երկրներում էլ իշխանության եկան նոր ղեկավարներ, որոնք ավելի սերտացրեցին և ավելի առարկայական դարձրեցին թուրք-ադրբեջանական հարաբերությունները[1]: Թուրքական նոր իշխանությունը՝ Արդարություն և զարգացում իսլամամետ կուսակցությունը, որի ղեկավարն էր Ռեջեփ Թայիփ Էրդողանը, լինելով արևմտամետ և աշխարհիկ Ժողովրդա-հանրապետական կուսակցության քաղաքական հակառակոր-

[1] Թուրքիայուն «Արդարություն և զարգացում» կուսակցությունն իշխանության է եկել 2002թ., սակայն նրա ղեկավար Ռ.Թ. Էրդողանը միայն հաջորդ տարում կարողացավ զբաղեցնել վարչապետի պաշտոնը՝ դատվածության պատճառով:

դը, պանիսլամիզմի հետ միաժամանակ որպես պետական նոր գաղափարախոսություն ընդունեց նաև նեոօսմանիզմը, որի կնքահայրն էր ԱԶ կուսակցության ազդեցիկ դեմքերից Ահմեդ Դավութօղլուն, ով հետագայում նրա կառավարությունում կզբաղեցնի ԱԳ նախարարի պաշտոնը: Դրա հետ մեկտեղ Էրդողանն ամենևին էլ չհրաժարվեց նախորդ իշխանությունների թուրքական ազգայնականությունից՝ վերափոխելով այն պանթուրքիզմի: Էրդողանը վարում էր Արևմուտքից անկախանալու քաղաքականություն և Ադրբեջանի հետ հարաբերությունները նա կառուցում էր՝ օգտագործելով իր այս երեք գաղափարախոսություններից կազմված գործիքակազմը:

Իր հերթին Իլհամ Ալիևը նույնպես վերափոխում էր Ադրբեջանի արտաքին քաղաքականությունը: Խնդիրն այն էր, որ Առաջին արցախյան պատերազմում կրած պարտությունից խիստ թուլացած Ադրբեջանի ղեկավար Հեյդար Ալիևը ստիպված էր մտնել ԱՊՀ և ՀԱՊԿ կազմի մեջ, ինչը անվստահություն էր առաջացնում թուրքական իշխանությունների մոտ: Պետք է նշել, որ այդ անվստահությունն առաջացել էր դեռ Աբուլֆազ Էլչիբեյի պաշտոնանկմամբ և դրան հետևած Հ. Ալիևի իշխանության գալով, երբ պաշտոնական Անկարան ընկալեց այդ ամենը որպես Մոսկվայի հաղթանակ և տեսնում էր ի դեմս Հ. Ալիևի Մոսկվայի դրածոյի, ով երկար տարիներ զբաղեցրել էր խորհրդային Ադրբեջանի հատուկ ծառայությունների ղեկավարի պաշտոնը: Թեև կառավարման վերջին տարիներին Հ. Ալիևին մեծ մասամբ հաջողվեց ցրել այդ կասկածները (1999թ. ՀԱՊԿ-ից դուրս գալով, Թուրքիայի հետ ռազմական ավելի սերտ համագործակցությամբ և նավթա-գազային պայմանագրեր կնքելով), սակայն թուրք-ադրբեջանական հարաբերությունների ավելի խորացումը մենք տեսնում ենք Իլհամ Ալիևի կառավարման ժամանակաշրջանում:

2002թ. ԱԶԿ կառավարությունը Աբդուլլահ Գյուլի գլխավորությամբ դիտարկում էր Ադրբեջանի հետ հարաբերությունները հիմնականում որպես նավթագազային երկրի, որը նաև կարևոր լոգիստիկ հանգույց էր Կենտրոնական Ասիայից ածխաջրածինները դեպի Թուրքիա և Եվրոպա արտահանելու համար[2]: Այդ ամենի հետ մեկտեղ ԱԶԿ կառավարությունը

[2] Տե՛ս *Абилов И.Ш.* Политика Турции в отношении Азербайджана (2002–2009гг.): https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/159834/1/Abilov_Journal2016_1_2_final.pdf, (մուտք՝ 23.11.2025):

ծրագրի մեջ հատուկ կետ էր մտցրել, համաձայն որի պետք է հարգվեին Ռուսաստանի շահերը, այսինքն Ա. Գյուլը չէր ցանկանում սրել հարաբերությունները Վ. Պուտինի ղեկավարությամբ օրեցօր ռազմականապես հզորացող Ռուսաստանի հետ: Սակայն 2003թ. դառնալով Թուրքիայի վարչապետ՝ Ռ. Էրդողանը ծրագրից հանեց նավթագազային բաղադրիչը՝ մնացած դրույթները թողնելով անփոփոխ: 2003թ. Ռ. Էրդողանը ժամանում է Բաքու՝ ներկա գտնվելու Հ. Ալիևի հուղարկավորությանը: 2004թ. Ի. Ալիև երկու անգամ այցելեց Թուրքիա՝ հանդիպելով նախագահ Ա. Սեզերի և վարչապետ Ռ. Էրդողանի հետ: Տվյալ ժամանակահատվածում Թուրքիայի և Ադրբեջանի հարաբերությունները զարգանում էին ուղիղ շփումներում, թեև երկու երկրներն էլ հանդիսանում էին տարբեր կազմակերպությունների անդամներ:

Պետք է նկատել, որ մինչև 2010թ. թեև թուրք-ադրբեջանական հարաբերությունները զարգանում էին բավականին արդյունավետ, սակայն դրանք հիմնականում ռազմական և տնտեսական համագործակցության ոլորտներում էին: Ռազմական համագործակցության պայմանագրերը հիմնականում վերաբերում էին ռազմական կրթության և ռազմատեխնիկական համագործակցությանը, իսկ տնտեսության բնագավառում հիմնական պայմանագրերը վերաբերում էին նավթագազային ոլորտին և լոգիստիկային: Այս ժամանակաշրջանում էր, որ շահագործման հանձնվեց Բաքու-Թբիլիսի-Ջեյհան նավթային (2006) և Բաքու-Թբիլիսի-Էրզրում գազային խողովակաշարերը (2007): 2006թ. Ադրբեջանի և Թուրքիայի նախագահները այցելեցին միմյանց երկրները: 2007թ. Թուրքիայի նոր նախագահ Աբդուլլահ Գյուլն այցելում է Ադրբեջան, և բացի Ի. Ալիևի հետ հանդիպումից, մասնակցում է նաև թուրք-ադրբեջանական ֆորումին: Սակայն արդեն 2008թ., երբ Հարավային Կովկասում սրված էր իրավիճակը ռուս-վրացական հակամարտության պատճառով, Ադրբեջան այցելած վարչապետ Ռ. Էրդողանը առաջարկում է ստեղծել «Կովկասում կայունության և համագործակցության պլատֆորմներ»[3], ինչն արդեն ցույց էր տալիս, որ Թուրքիան դիտարկում էր Ադրբեջանին արդեն ոչ միայն սոսկ որպես տնտեսա-

[3] Տե՛ս *Гузаеров Р.И.* Эволюция турецко-азербайджанских отношений с 1991 по 2023гг. С. 862, https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-turetsko-azerbaydzhanskih-otnosheniy-s-1991-po-2023-gg/viewer, (մուտք՝ 30.11.2025):

կան, այլ արդեն նաև որպես քաղաքական գործընկերոջ, որն ունակ է լուրջ քաղաքական համագործակցության և որի վրա Թուրքիան կարող է հենվել՝ տարածաշրջանում իր քաղաքականությունն իրականացնելու գործում: Սակայն այստեղ կա նաև երկրորդ պահը. մեր կարծիքով այդ ժամանակ արդեն Թուրքիան ցանկանում էր նախապատրաստել Ադրբեջանի ղեկավարությանը հայ-թուրքական հաշտեցման գործընթացի սկսմանը և այս առաջարկն ուղղված էր մեղմելու Բաքվի զայրույթը:

Թուրք-ադրբեջանական քաղաքական հարաբերությունների ավելի սերտ համագործակցությունը սկսվեց 2008թ. ռուս-վրացական պատերազմից հետո, երբ Ի. Ալիևը, երկյուղելով, որ Վրաստանից հետո ՌԴ-ի հաջորդ թիրախը դառնալու է Ադրբեջանը, իսկ Թուրքիան, երկյուղելով, որ Հարավային Կովկասում թուլանալու են Մոսկվայի դիրքերը՝ դուրս մղելով իրեն տարածաշրջանից, սկսեցին քայլեր ձեռնարկել համագործակցությունից դաշնակցելու ուղղությամբ: Սակայն նույն ժամանակահատվածում էլ տեղի ունեցավ թուրք-ադրբեջանական հարաբերություններում երկրորդ խոշոր ճգնաժամը՝ 1995թ. փետրվարին Հ. Ալիևի վրա իրականացված մահափորձից հետո: Խոսքը հայ-թուրքական հաշտեցման բանակցությունների հերթական փուլն էր, որը հայտնի է «ֆուտբոլային դիվանագիտություն» անվամբ: Ցյուրիխում ընթացող բանակցությունները և դրան հետևած առանց նախապայմանների նախաստորագրումը լրջորեն անհանգստացրեցին Ադրբեջանի նախագահ Իլհամ Ալիևին, որն այդ ամենի մեջ տեսավ Ադրբեջանի դիրքերի թուլացում և Ղարաբաղի հիմնախնդրի հայանպաստ լուծման Թուրքիայի հավանություն: Որպես բողոքի նշան նա մերժեց ամերիկյան և թուրք պաշտոնյաների հրավերքը՝ ներկա գտնվելու Ստամբուլում 2009թ. ապրիլի սկզբին տեղի ունեցած «Մշակույթների միություն» հանդիպմանը: Նմանապես նա մերժեց նաև ներկա գտնվելու հուլիսին Անկարայում «Նաբուկո» նախագծի համաջայնագրի ստորագրմանը[4]: Թուրք-ադրբեջանական հակասություններն իրենց գագաթնակետին հասան 2009թ. հոկտեմբերի 14-ին, երբ Բուրսայում տեղի ունեցավ Թուրքիա-Հայաստան ֆուտբոլային հանդիպումը, որին ներկա էին նաև ՀՀ և Թուրքիայի նախագահներ Սարգսյանը և Գյուլը: Համաձայն ՖԻՖԱ-ի կայացրած որոշ-

[4] Տե՛ս *Абилов И.Ш.* Политика Турции в отношении Азербайджана (2002–2009 гг.). С. 87. https://www.academia.edu/ (մուտք՝ 30.11.2025):

ման՝ արգելվում էր մարզադաշտ բերել ադրբեջանական դրոշներ: Շուտով ադրբեջանական էլեկտրոնային պարբերականներով տարածվեց տեսանյութ, որտեղ երևում էր, թե ինչպես են թուրք ոստիկանները պատռում ադրբեջանական դրոշները և նետում աղբամանը: Այս միջադեպն ավելի բորբոքեց կրքերը երկկողմ հարաբերություններում: Որպես պատասխան՝ հաջորդ օրը Բաքվում Շեհիդների ծառուղում գտնվող թուրք զոհվածներին նվիրված հուշարձանի մոտից հանվեցին թուրքական և ադրբեջանական դրոշները, նույն բանը կատարվեց նաև Թուրքիայի հոգևոր գործերով կցորդության շենքի մոտ: Պաշտոնապես դա մեկնաբանվում էր Ադրբեջանի օրենսդրության այն կետով, թե Ադրբեջանում օտարերկրյա դրոշներն իրավունք ունեն բարձրացվելու միայն տվյալ երկրների դեսպանատներում: Այս ամենից հետո կողմերը մտան դիվանագիտական նախազգուշացումների և բանակցությունների մի փուլ, որը տևեց մինչև հոկտեմբերի 29-ը, երբ մի շարք երկկողմ հանդիպումներից և պայմանավորվածություններից հետո կեսգիշերին թուրքական և ադրբեջանական դրոշները կրկին հայտնվեցին իրենց նախկին տեղերում: Այս պարագայում ակնհայտ էր, որ եթե մինչև այդ Թուրքիան շարունակում էր պնդել, որ «կա այն, ինչ ամրագրված է փաստաթղթերում», ապա արձանագրությունների ստորագրումից հետո իրավիճակը կտրուկ փոխվեց: Այստեղ, անշուշտ, կարևոր դեր խաղաց արդրբեջանական կողմի բարձրացրած աղմուկն ու անհանգստությունը: Պարզ դարձավ Թուրքիայի երկակի քաղաքականությունը. մի կողմից ամբողջ աշխարհին ցուցադրվում է, որ հայ-թուրքական հարաբերությունների կարգավորումը մոտ է, իսկ մյուս կողմից շարունակում էր պնդել, որ հայ-թուրքական սահմանը միակողմանիորեն փակելու պատճառ հանդիսացող Արցախյան հիմնախնդիրը շարունակում է իրենց համար նախապայման մնալ:

2. Թուրք-ադրբեջանական հարաբերությունները 2010–2020թթ.

Այսպիսով՝ Ի. Ալիևին հաջողվեց ձախողել հայ-թուրքական հաշտեցումը, սակայն նա շատ լավ գիտակցում էր, որ Թուրքիային պետք է առաջարկեր ավելի մեծ հնարավորություններ և օգուտներ, քան վերջինս կարող էր ունենալ Հայաստանի հետ համագործակցելու դեպքում: Բացի այդ դա

պետք էր նրան Թուրքիային Ադրբեջանին ավելի ամուր կապելու նպատակով, այսինքն՝ գործընկերությունից դաշնակցություն: Թուրք-ադրբեջանական ռազմաքաղաքական համագործակցության պատմության մեջ շրջադարձային նշանակություն ունի Թուրքիայի նախագահ Ա. Գյուլի և Ադրբեջանի նախագահ Ի. Ալիևի կողմից 2010թ. օգոստոսի 16-ին ստորագրված **«Ռազմավարական գործընկերության և փոխօգնության մասին համաձայնագիրը»** (ընդհանուր առմամբ ստորագրվել էր 154 պայմանագիր[5]):

10-ամյա գործողության ժամկետով և երկարաձգման հնարավորությամբ այս փաստաթուղթը ոչ այնքան Թուրքիայի, որքան Ադրբեջանի նախաձեռնությունն էր, ինչը պայմանավորված էր մի կողմից՝ հայ-թուրքական հարաբերությունների կարգավորմանն ուղղված բանակցային գործընթացով (2008-2009թթ.), մյուս կողմից՝ ռուս-վրացական պատերազմով (2008թ. օգոստոս): Պաշտոնական Բաքուն, ըստ ամենայնի, լրջագույն մտահոգություններ ուներ, որ Թուրքիան կարող է շարունակել Հայաստանի հետ դիվանագիտական հարաբերություններ հաստատելու օրակարգը՝ Արցախի խնդիրն այլևս չպայմանավորելով երկկողմ տարաձայնությունների կարգավորմամբ: Պակաս մտահոգիչ չէր նաև այն հանգամանքը, որ Ռուսաստանի կողմից Աբխազիայի և Հարավային Օսիայի անկախության ճանաչումից հետո պաշտոնական Անկարան ձգտում էր հեռավորություն պահել հակամարտությունից՝ միևնույն ժամանակ լուծումներ փնտրելով արևելյան սահմանների անվտանգության և կենսական շահերի տարածաշրջանում տևական կայունություն հաստատելու համար: Նման պայմաններում, երբ ՌԴ-ն կոշտ ուժով վերադառնում էր Հարավային Կովկաս, իսկ Արևմուտքի միջնորդությամբ Թուրքիան բանակցում էր Հայաստանի հետ, Ադրբեջանն անմիջապես կանխազգաց տարածաշրջանում ռազմավարական հավասարակշռության խախտման վտանգն ու շտապեց բազմակողմանիորեն խորացնել Թուրքիայի հետ հարաբերությունները: Այս մարտավարությամբ Ադրբեջանն ակնկալում էր նախ ռազմաքաղաքական երկարաժամկետ երաշխիքներ ստանալ Թուրքիայից, ապա հակակշռել ՌԴ-ի՝ աստիճանաբար աճող ազդեցությանը:

---

[5] *Гузаеров Р.И.* Эволюция турецко-азербайджанских отношений с 1991 по 2023гг. С. 863. https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-turetsko-azerbaydzhanskih-otnosheniy-s-1991-po-2023-gg/viewer, (մուտք 30.11.2025):

Թուրք-ադրբեջանական ռազմավարական գործընկերությունն առարկայորեն դրսևորվեց 2011թ. հոկտեմբերին մեկնարկած **«Բարձր մակարդակի ռազմավարական համագործակցության խորհրդի»** (Yüksek Düzeyli Stratejik İşbirliği Konseyi) ձևավորմամբ: Բայց եթե Բաքվի համար նման ձևաչափով համագործակցությունը նորույթ էր, և Ադրբեջանն առաջին քայլերն էր կատարում Անկարայի հետ միջպետական հարաբերությունների ռազմավարական պլանավորման ոլորտում, ապա Թուրքիան արդեն իսկ շոշափելի փորձ ուներ: Մասնավորապես՝ բարիդրացիություն հաստատելու և անվտանգային միջավայրն ամրապնդելու նպատակով Անկարան էական քայլեր էր ձեռնարկել հարևան Իրաքի, Սիրիայի (2009թ.), Հունաստանի, Ռուսաստանի (2010թ.), Եգիպտոսի և Ուկրաինայի հետ (2011թ.): Հետևաբար, թուրք-ադրբեջանական ռազմավարական գործընկերության հաստատումը ոչ միայն քաղաքական և ռազմական երկկողմ հարաբերությունների էվոլյուցիայի արդյունք էր, այլև բխում էր Թուրքիայի արտգործնախարար Ա. Դավութօղլուի մշակած արտաքին քաղաքականության տեսլականից, որի հիմնական 6 սկզբունքների շարքում առանձնահատուկ կերպով կարևորվում էր հատկապես «զրո խնդիր հարևանների հետ» քաղաքականությունը (Komşularla sıfır sorun politikası):

2010թ. համաձայնագիրը ճանապարհ բացեց նոր տնտեսական և ռազմաքաղաքական համաձայնագրերի, որոնք ավելի էին ամրապնդում թուրք-ադրբեջանական հարաբերությունները: Թուրք-ադրբեջանական հարաբերությունների համար լուրջ փորձություն էր 2011թ. Սկսված «Արաբական գարունը» և հատկապես՝ նրա սիրիական մասը, որտեղ Թուրքիան հակասություններ ուներ, իսկ ինչ-որ ժամանակ էլ՝ հակամարտության մեջ էր ՌԴ և Իրանի հետ: 2015թ. թուրքական ՌՕՈՒ-ի կողմից ռուսական Սու-24 ռմբակոծիչի խոցումը ծայրահեղ շիկացրեց ռուս-թուրքական հարաբերությունները, որի պատճառով Թուրքիան սկսեց կրել տնտեսական լուրջ վնասներ: Սակայն նրան օգնության շտապես Ի. Ալիևը, որը հեշտացրեց իր տարածքով դեպի Կենտրոնասիական երկրներ գնացող թուրքական բեռնատարների տրանզիտային ընթացակարգը, ինչը հնարավորություն տվեց Անկարային 7 անգամ մեծացնել Ադրբեջանի տարածքով անցնող բեռնափոխադրումների ծավալը[6]: Այդ քայլով նա ոչ միայն ավելացրեց իր բյուջե-

[6] *Гузаеров Р.И.* Эволюция турецко-азербайджанских отношений с 1991 по 2023гг. https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-turetsko-azerbaydzhanskih-otnosheniy-s-1991-po-2023-gg/viewer, (մուտք 04.12.2025), 863:

տային ներհոսքը, այլև նվազեցրեց ՌԴ-ի դերն այդ ոլորտում և Թուրքիային ավելի ամուր կապեց իրեն:

Լուրջ խնդիր էր նաև քրդական հարցը, որի պատճառով սրվում էին Անկարայի հարաբերությունները Վաշինգտոնի և Թել Ավիվի հետ, ում հետ Բաքուն ուներ բավականին ջերմ հարաբերություններ և հանդիսանում էր իսրայելական զենքի խոշոր գնորդը: Վերջինիս հետ ջերմ հարաբերությունները բացասաբար էին անդրադառնում ռուս-ադրբեջանական և հատկապես՝ ադրբեջանա-իրանական հարաբերությունների վրա: Սակայն պետք է նշել, որ կադրային դիվանագետ Ի. Ալիևին հաջողվեց խուսափել այս երկրների միջև՝ գնելով նրանցից սպառազինություն՝ մատակարարելով նրանց կամ էժան ածխաջրածիններ, կամ էլ՝ մատուցելով նրանց լոգիստիկ ծառայություններ: Սիրիական հակամարտության ժամանակ Ադրբեջանը դիվանագիտական դաշտում պաշտպանում էր թուրքական ներխուժումները Սիրիա՝ անվանելով դրանք «պայքար ահաբեկչության և անջատողականության դեմ»՝ նկատի ունենալով առաջին հերթին սիրիական քրդերին: Ադրբեջանական բանակի հատուկ ստորաբաժանումներ թուրքական բանակի համապատասխան ստորաբաժանումների հետ մարտական գործողություններ են վարել հյուսիսային Սիրիայում ինչպես իսլամիստների, այնպես էլ՝ քրդերի դեմ: Սակայն այս ամենով հանդերձ՝ Ի. Ալիևը 2010-ական թթ. այս բոլոր պետություններից ամենաքիչ սպառազինությունը գնում էր հենց Թուրքիայից 3 պատճառներով՝ ա) Թուրքիայից կախում չունենալու, բ) ՌԴ-ի ղեկավարությանը չգայրացնելու, այն իր դաշնակիցը դարձնելու և հայ-ռուսական հարաբերություններում անվստահություն սերմանելու պատճառներով, և գ) իսրայելական զենքը որակով ավելի լավն էր, և Իսրայելը հանդիսանում էր ադրբեջանական նավթի խոշոր սպառողը և բացի այդ՝ այս քայլով Իսրայելը դառնում էր Ադրբեջանի շահերի պաշտպանը, հատկապես որ Բաքուն ուներ լարված հարաբերություններ Թեհրանի հետ:

2014թ. սկսված Ուկրաինական ճգնաժամի ժամանակ Ադրբեջանը նույնպես պաշտպանեց Թուրքիայի պաշտոնական մոտեցումը, որը չէր ճանաչում Ղրիմի միացումը ՌԴ-ին, ինչպես նաև չէր ճանաչում Դոնեցկի և Լուգանսկի ժողովրդական հանրապետությունների գոյությունը[7], իսկ հե-

[7] Տե՛ս Azerbaijan’s Approach to the Crimean Crisis, https://jamestown.org/azerbaijans-approach-to-the-crimean-crisis/. (մուտք 17.12.2025):

տագայում նաև նրանց միացումը ՌԴ-ին: Ավելին՝ օգտվելով հակամարտության պատճառով Ռուսաստանի դեմ կիրառվող պատժամիջոցներից՝ Ադրբեջանը և Թուրքիան դարձան ռուսական ապրանքների, և առաջին հերթին՝ նավթի և գազի դեպի Եվրոպա տարանցիկ ուղի, ինչպես նաև դեպի ՌԴ արտահանման արգելված ապրանքների ներկրման հարթակներ:

Թե սիրիական և թե ուկրաինական ճգնաժամերի պատճառով ռուս-թուրքական լարված հարաբերությունները ստիպում էին այդ երկրներին որպես միջնորդ պետություն օգտվել Ադրբեջանի ծառայություններից: Սա ինչ-որ առումով կախվածության մեջ գցեց Թուրքիային Ադրբեջանից, որից շտապեց օգտվել Ի. Ալիևը: Նա բազմամիլիարդանոց ներդրումներ իրականացրեց Թուրքիայի տնտեսության մեջ՝ շատ հմտորեն օգտագործելով «փափուկ ուժի քաղաքականությունը», ստեղծեց ադրբեջանամետ լոբբի (իհարկե ոչ առանց կաշառքի): 2018թ. Իզմիրում սկսեց գործել «Սթար» նավթավերամշակման գործարանը, որի կառուցման համար «Սոքար» ադրբեջանական պետական ընկերությունը ներդրել էր 6,3 մլրդ $:

Սակայն երկու երկրների միջև ռազմական ավելի սերտ համագործակցությունը սկսվեց 2016թ. Քառօրյա պատերազմից հետո, երբ Ի. Ալիևը համոզվեց ադրբեջանական բանակի հրամկազմի ոչ պատշաճ պատրաստության մեջ և ստիպված էր հրավիրել թուրք սպաների՝ ղեկավարելու ինչպես ադրբեջանական բանակի գլխավոր շտաբը, այնպես էլ բանակային կորպուսները և նույնիսկ բրիգադները: Հասկանալի է, որ նա ստիպված էր մեծացնել թուրքական սպառազինությունների գնումները: Ադրբեջանական ցամաքային և օդային մարտական տեխնիկան արդիականացվում էր թուրքական ընկերությունների կողմից, իսկ բանակում հայտնվեցին թուրքական արտադրության հրետանային և ավտոմոբիլային տեխնիկա, կապի և հետախուզման միջոցներ, ԱԹՍ-ներ: 2018թ. քաղաքական և ռազմական համագործակցությունն ավելի խորացավ: Բաքվում մայիսի հունիսի 26-ին տեղի է ունենում ադրբեջանական և թուրքական զինված ուժերի միացյալ զորահանդես՝ նվիրված ինչպես 1918թ. հունիսի 26-ին ստեղծված միացյալ թուրք-ադրբեջանական բանակի ստեղծման 100-ամյակին, այնպես էլ՝ երկու երկրների միջև դիվանագիտական հարաբերությունների հաստատման նույն տարելիցին: Թուրքական «Ասելսան» ռազմական սպառազինություն արտադրող ընկերությունը պայմանագիր է կնքում ադրբեջանական կողմի հետ՝ Ադրբեջանի տարածքում կապի միջոցների արտադրություն

կազմակերպելու նպատակով: «Ռոքեթսան» ընկերությունը ադրբեջանական «Իգլիմ» ընկերության հետ սկսում է հեռահար հրթիռային միջոցների համատեղ արտադրությունը Ադրբեջանում: Իսկ «Թուրքիական ավիատիեզերական արտադրություններ ընկերությունը» Ադրբեջանի Գիտությունների ազգային ակադեմիայի հետ ավիատիեզերական և պաշտպանական միասնական հետազոտությունների պայմանագիր է կնքում: «ՄՔԵՔ» ընկերությունը ստանում է համագործակցության հրավեր Ադրբեջանի Ռազմական արդյունաբերության նախարարությունից[8]:

Է՛լ ավելի նշանակալից էին միացյալ զորավարժությունները, հատկապես Նախիջևանում, որտեղ մարտական կրակ էին վարում Ադրբեջանի ԶՈՒ-ին փոխանցված թուրքական արտադրության «Քասըրղա», «Քափլան» և «Սաքարյա» ռեակտիվ համազարկային համակարգերը[9], որոնք ունակ էին այդտեղից հարված հասցնելու Երևանին:

2019թ. թուրք-ադրբեջանական հարաբերություններն ավելի ամրապնդվեցին: Դիվանագիտական հարթակներում Թուրքիան շարունակում էր պաշտպանել Ադրբեջանի քաղաքականությունն ընդդեմ Հայաստանի: Անկարան ամրապնդում էր Բաքվի դիրքերը տարբեր միջազգային քաղաքական և տնտեսական հարթակներում՝ օգտագործելով իր ազդեցությունը հակահայկական օրինագծեր ընդունելու նպատակով: Ակնհայտ էր, որ կողմերը պատրաստվում էին Հայաստանի դեմ նոր պատերազմին: Միայն այդ տարում անցկացվեցին 13 համատեղ զորավարժություններ, որոնցից որպես նշանակալի կարելի է նշել Նախիջևանում անցկացված լայնածավալ զորավարժությունները, որոնցում ներգրավված էին 5 հզ. զինծառայող, ինչպես Բաքվի մոտակայքում անցկացված «Հավերժություն 2019» զորավարժությունը, որին ներգրավված էր նաև Վրաստանը[10]: Խորանում

[8] Տե՛ս Turkey, Azerbaijan deepen defense industry cooperation with new bilateral agreement, https://nordicmonitor.com/2020/05/turkey-azerbaijan-deepen-defence-industry-cooperation/#:~:text=increasing%20military%20expenditure-In%202018%2C%20Aselsan%2C%20a%20subsidiary%20of%20the%20Turkish%20Armed%20Forces,TAI%20(aerospace%20and%20satellites) (մուտք՝ 14.22.2026).

[9] Տե՛ս Turkish-Azerbaijani Military Cooperation, https://dornsife.usc.edu/armenian/turkish-azerbaijani-military-cooperation/#:~:text=In%20the%20same%20period%2C%20the,are%20also%20located%20in%20Nakhchivan (մուտք՝ 16.22.2026).

[10] Տե՛ս Joint Azerbaijani-Georgian-Turkish military training to be held in Baku. https://1tv.ge/lang/en/news/joint-azerbaijani-georgian-turkish-military-training-to-be-held-in-baku/ (մուտք՝ 14.22.2026).

էին նաև ռազմատեխնիկական կապերը: 2019թ. փետրվարին Թուրքիան Ադրբեջանին տրամադրեց 28 մլն. $ փաթեթ՝ թուրքական սպառազինություններ գնելու նպատակով: Ընդ որում՝ լուրեր էին շրջանառվում, որ Բաքուն ցանկանում էր գնել նորագույն թուրքական արտադրության «Ալթայ» տանկեր և «Աթաք» հարվածային ուղղաթիռներ[11]:

Այսպիսով 2020 թ. 44-օրյա պատերազմից առաջ մենք տեսնում ենք թուրք-ադրբեջանական ռազմաքաղաքական կուռ միություն և ստիպված ենք փաստել, որ Ի. Ալիևին հաջողվեց 10 տարում ՀՀ հետ դիվանագիտական-հարաբերություններ հաստատել ցանկացող Թուրքիային վերածեց իր ռազմական դաշնակցի, ում կադրային սպաները և հատուկ նշանակության ստորաբաժանումները գործուն մասնակցություն ունեցան 44-օրյա պատերազմում: Թեև կարելի է ավելացնել նաև այս պատերազմով Թուրքիան Սիրիայի փոխարեն ՌԴ-ին հարվածեց Հարավային Կովկասում՝ թուլացնելով վերջինիս դիրքերը ամբողջ Մերձավոր Արևելքում:

Եզրակացություն

Ամփոփելով հոդվածը՝ կարող ենք եզրակացնել, որ 2003թ. տեղի ունեցավ Թուրքիայի և Ադրբեջանի նոր ղեկավարների հայացքների և նպատակների համընկնում, որը կայանում էր Ռուսաստանի և նրա դաշնակից Հայաստանի՝ Հարավային Կովկասում դիրքերի թուլացման և Թուրքիայի դիրքերի ամրապնդման մեջ: Պետք է փաստել, որ մինչև 2008թ. ռուս-վրացական պատերազմը թուրք-ադրբեջանական համագործակցությունը չէր կրում համակարգված և ռազմավարական բնույթ, և այն ավելի շատ արտահայտվում էր տնտեսական դաշտում՝ ի դեմս նավթագազային խողովակների Ադրբեջանից դեպի Թուրքիա շինարարությամբ: Սակայն նախ ռուս-վրացական պատերազմը, ապա թուրք-հայկական հաշտեցման փորձերը ստիպեցին Ի. Ալիևին ավելի սերտացնել հարաբերությունները Անկարայի հետ՝ տնտեսական, ռազմական մեծ ծրագրերի և փափուկ ուժի օգ-

[11] Տե՛ս Mushvig Mehdiyev, Azerbaijan, Turkey Team Up For Large-Scale Military Drills. https://caspiannews.com/news-detail/azerbaijan-turkey-team-up-for-large-scale-military-drills-2020-7-28-58/ (մուտք՝ 14.22.2026).

տագործմամբ, որոնց շնորհիվ նրան հաջողվեց ձախողել վերոնշյալ հաշտեցման փորձերը և ստիպել Թուրքիային ամեն ինչում պաշտպանել ադրբեջանական շահերը, եթե դրանք ինչ որ չափով նույնիսկ դեմ էին թուրքական շահերին: Պետք է նշել, որ այս ամենում կար նաև ժամանակի հայկական ղեկավարության մեղավորությունը, որը թերագնահատեց այդ համագործակցության իրական ներուժը՝ միաժամանակ գերագնահատելով ԱՊՀ և ՀԱՊԿ միությունների հնարավորությունները և բավարար չափով քայլեր չիրականացրեց չեզոքացնելու կամ՝ գոնե մեղմելու թուրք-ադրբեջանական տանդեմի կողմից եկող սպառնալիքը: Այս սխալ քաղաքականությունը հանգեցրեց նրան, որ չարդիականացվեցին հայկական զինված ուժերը, տնտեսական դաշտում Հայաստանը սկսեց խիստ զիջել Ադրբեջանին և հայտնվեց լոգիստիկ մեկուսացման մեջ, իսկ դիվանագիտական դաշտում թույլ տրված կոպիտ սխալների պատճառով Հայաստանը հայտնվեց միջազգային մեկուսացման մեջ, որի պատճառով էլ 44-օրյա պատերազմի ժամանակ նույնիսկ ՀԱՊԿ-ի նրա դաշնակիցները ոչնչով չօգնեցին նրան: Դրան հակառակ Ադրբեջանը Թուրքիայի օգնությամբ թե՛ տնտեսական, թե՛ դիվանագիտական և թե՛ ռազմական առումներով կարողացավ առավելության հասնել Հայաստանի նկատմամբ, որի տրամաբանական արդյունքը հանդիսացավ հաղթանակը 2020թ. 44-օրյա պատերազմում: Դատելով պատերազմից հետո Թուրքիայի և Ադրբեջանի միջև զարգացող ռազմաքաղաքական և տնտեսական հարաբերություններից՝ կարելի է եզրակացնել, որ այդ համագործակցությունն ավելի է խորանալու՝ հայկական կողմին ստորադաս վիճակում պահելու և Ռուսաստանի ու Իրանի ազդեցությունն իսպառ չեզոքացնելու նպատակով:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Абилов И.Ш.* Политика Турции в отношении Азербайджана (2002–2009гг.), https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/159834/1/Abilov_Journal2016_1_2_final.pdf
2. *Гузаеров Р.И.* Эволюция турецко-азербайджанских отношений с 1991 по 2023гг., с. 862, https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-turetsko-azerbaydzhanskih-otnosheniy-s-1991-po-2023-gg/viewer

3. Azerbaijan's Approach to the Crimean Crisis, https://jamestown.org/azerbaijans-approach-to-the-crimean-crisis/
4. Turkey, Azerbaijan deepen defense industry cooperation with new bilateral agreement, https://nordicmonitor.com/2020/05/turkey-azerbaijan-deepen-defence-industry-cooperation/#:~:text=increasing%20military%20expenditure.-,In%202018%2C%20Aselsan%2C%20a%20subsidiary%20of%20the%20Turkish%20Armed%20Forces,TAI%20(aerospace%20and%20satellites)
5. Turkish-Azerbaijani Military Cooperation, https://dornsife.usc.edu/armenian/turkish-azerbaijani-military-cooperation/#:~:text=In%20the%20same%20period%2C%20the,are%20also%20located%20in%20Nakhchivan
6. Joint Azerbaijani-Georgian-Turkish military training to be held in Baku, https://1tv.ge/lang/en/news/joint-azerbaijani-georgian-turkish-military-training-to-be-held-in-baku/
7. Mushvig Mehdiyev, Azerbaijan, Turkey Team Up for Large-Scale Military Drills, https://caspiannews.com/news-detail/azerbaijan-turkey-team-up-for-large-scale-military-drills-2020-7-28-58/

ТУРЕЦКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 2003–2019гг.

А. Саиян

Российско-Армянский университет
Институт Истории Национальной Академии Наук
Республики Армения

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается история турецко-азербайджанских отношений 2003-2019 годов. На основе государственных документов, публикаций в прессе, а так же исследований мировых научных центрах освещаются политические, военные и экономические развития отношений на качественно новый – стратегический уровень, который и позволил достичь победы над армянской стороной и уменьшить влияние России и Ирана на Южном Кавказе.

Ключевые слова: Турция, Азербайджан, Р.Т. Эрдоган, И.Х. Алиев, Армения, Арцах, Нагорный Карабах, футбольная дипломатия, Четырехдневная война, 44-дневная война, Шушинская декларация.

TURKISH-AZERBAIJANI RELATIONS 2003-2019

A. Sayiyan

Russian-Armenian University
National Academy of Sciencies of Republic of Armenia

ABSTRACT

This article examines the history of Turkish-Azerbaijani relations from 2003 to 2019. Based on government documents, press publications, and research from global academic centers, it elucidates the political, military, and economic developments in these relations, elevating them to a qualitatively new, strategic level that enabled victory over Armenia and the reduction of the influence of Russia and Iran in the South Caucasus.

Keywords: Turkey, Azerbaijan, R.T. Erdogan, I.H. Aliyev, Armenia, Artsakh, Nagorno-Karabakh, football diplomacy, Four-Day War, 44-Day War, Shusha Declaration.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-397-405

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ЦИФРОВОЙ МАРКЕТИНГ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ИНДИИ

А.А. Витер, М.П. Диденко

Институт стран Азии и Африки МГУ им. Ломоносова
viteralina05@mail.ru, mdidenko7@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется становление цифрового маркетинга в Индии как ключевого драйвера развития инновационной экономики. Рассмотрено влияние государственных инициатив, рост интернет-аудитории и внедрение AI, омниканальных и видео-стратегий на развитие стартап-экосистемы и рынка цифрового маркетинга.

Ключевые слова: цифровой маркетинг, инновации, видео-маркетинг, искусственный интеллект, экономика Индии.

Введение

Индустрия цифрового маркетинга в Индии представляет собой один из наиболее динамично развивающихся сегментов цифровой экономики, демонстрирующий исключительные темпы роста и трансформации. В условиях стремительной цифровизации, инновационного развития страны и увеличения интернет-аудитории до 800 миллионов пользователей [10] данная отрасль становится ключевым драйвером инновационного развития экономики, которая выступает катализатором для стартапов и способствует внедрению передовых технологий. Ожидается, что к 2030. объем рынка цифрового маркетинга в Индии достигнет 32 млрд долларов США, что подчеркивает его растущую экономическую значимость [12].

Vaibhav G. Satkar и Navnath N. Dighe в своем исследовании рассматривают важность цифрового маркетинга как определяющего фактора в ус-

пехе стартапов. Они делают акцент на применении маркетинга в социальных сетях, контент-маркетинга (блоги, видео, инфографика), поисковой оптимизации (SEO), электронного маркетинга и маркетинга влияния, выделяя их наиболее эффективными инструментами цифрового маркетинга на индийском рынке. Также необходимы многоканальный подход, сегментация аудитории и персонализация контента [8].

Dsouza A. и Panakaje N. выделяют цифровой маркетинг главным драйвером роста в экосистеме стартапов, который обеспечивает значительное расширение их клиентской базы и географического охвата при сравнительно низких затратах. Он позволяет начинающим компаниям эффективно конкурировать с устоявшимися на рынке игроками, используя такие инструменты, как таргетированная реклама, социальные сети и платформы электронной коммерции. При этом ключевыми преимуществами внедрения стратегий цифрового маркетинга являются повышение операционной гибкости, генерация доходов и создание новых рабочих мест [3].

Agarwal M. и Sharma A. по результатам своего эмпирического исследования пришли к выводу, что цифровой маркетинг играет важную роль в привлечении целевой аудитории, продвижении бренда и генерации продаж для стартапов [1].

Таким образом, можно увидеть высокую значимость цифрового маркетинга для инновационного развития Индии, в связи с чем необходимо проанализировать текущие тренды на рынке цифрового маркетинга Индии. Для этого необходимо решить ряд следующих задач: проследить этапы становления цифрового маркетинга в Индии с 1995г. по настоящее время, исследовать влияние государственных программ и сервисов (Digital India, Startup India, UPI) на развитие цифровой экономики и маркетинга, выявить и дать характеристику современных трендов цифрового маркетинга.

Материал и методы

Основа для развития цифровой рекламы в Индии была заложена в 1995г., когда компания “Videsh Sanchar Nigam Limited” (VSNL) предоставила индийскому населению доступ в Интернет. Так, с этого момента индийская экономика претерпевает преобразования, адаптируясь к развивающейся цифровой сфере [5]. Уже в следующем году появляются первые маркетинговые агентства по продвижению в цифровой сфере, например, меж-

дународная компания “iProspect”. В 1996г. также была запущена первая торговая цифровая площадка “IndiaMART B2B”. На рубеже 90-х и 2000-х в стране начинает использоваться email-маркетинг.

В 2001г. из-за краха рынка доткомов развитие цифрового маркетинга в Индии было замедлено. Это событие вызвало недоверие к интернет-торговле и повысило скептицизм в отношении электронной коммерции среди индийского населения. Новый виток развития цифровизации и соответственно цифрового маркетинга наступил только в 2007–2008гг.: появляются крупнейшие маркетинговые агентства, такие как “WATConsult” и “Pinstorm”, и на рынок электронной коммерции выходит компания “Flipkart”. С появлением в индийском медиапространстве поисковых систем, таких как Google (2004), Yahoo! (2007), Bing (2016) развивается и набирает популярность SEO-маркетинг. Создание социальных сетей Facebook, Instagram, LinkedIn, X (Twitter) и YouTube подготовило почву для применения SMM в Индии. Такие важные изменения в цифровой сфере свидетельствуют о начале формирования полноценной инновационной экосистемы, где цифровой маркетинг становится связующим звеном между технологическими стартапами и потребителем.

Государство также осознает необходимость и удобство цифровизации, поэтому запускает программы, которые способствуют ее ускорению и одновременно развитию цифрового маркетинга, создавая и улучшая цифровое, инновационное пространство. Например, в 2015г. стартовала программа Digital India, направленная на развитие безопасной и стабильной цифровой инфраструктуры и повышение цифровой грамотности. После чего количество интернет-пользователей начинает стремительно расти (если в 2014г. оно было равно 254 млн, то в 2015г. оно возросло до 305 млн, а к 2020г. достигло отметки в 758 млн) [20], что расширяет аудиторию, наиболее охваченную цифровой рекламой. Внедрение системы UPI (“Unified Payments Interface”), позволившей перевести денежные операции в онлайн, и введение программы Startup India способствовали открытию новых инновационных компаний в цифровой сфере, в которой для продвижения товаров и услуг используется цифровая реклама. Благодаря программам Индия стала третьей страной в мире по величине экосистемы стартапов. В период с 2016 по 2025 год появилось более 159 000 стартапов, из которых более 100 стало компаниями-единорогами [19]. Также можно заметить, что доля цифровой рекламы в общих расходах на рекламу начинает расти преимущественно с 2016г. [19].

Во время пандемии COVID-19 и последовавшего карантина, когда большинство процессов было перенесено в онлайн, цифровой маркетинг приобрел конкурентное преимущество над традиционным, поскольку люди имели неполный доступ к традиционным каналам рекламы. В связи с этим в данный период цифровой маркетинг превратился в критически важный элемент инновационной инфраструктуры, позволяющий новым компаниям и стартапам быстро выходить на рынок, тестировать спрос и масштабироваться, что напрямую способствует реализации инновационного потенциала страны. В 2019–2020гг. наблюдался значительный рост в сфере маркетинга по электронной почте (36%), за которым следовали реклама в социальных сетях (25%), поисковая оптимизация (SEO) (25%) и маркетинг влияния (14%) [7].

На данный момент в Индии цифровой маркетинг является популярным средством продвижения продукции и имеет большой потенциал для развития. На 2023г. индустрия цифрового маркетинга в Индии оценивалась примерно в 5,15 млрд долларов США, а к 2032 году прогнозируется ее расширение до 55,37 млрд долларов [14]. К концу января 2025г. на территории страны действует около 35 000 маркетинговых агентств, что на 4,77% больше, чем в 2023г. [17]. Высокие темпы роста населения, составляющие примерно 1,02% за последние 10 лет [13], цифровая экономика, которая к 2029–30гг. будет составлять 20% от ВВП страны [11], и расширение доступа к Интернету (за последние 10 лет доступ у индийского населения к интернет-ресурсам увеличился с 13,5% в 2014 году до 52,4% – в 2024 году [16]) побуждают индийских маркетологов активно внедрять технологии цифрового маркетинга в свои рекламные стратегии.

На сегодняшний день наиболее популярными инструментами digital-маркетинга в Индии признаются SMM-реклама, сотрудничество с инфлюенсерами, поисковая оптимизация (SEO) и маркетинг по электронной почте. А ключевыми сферами, которые используют цифровую рекламу, являются товары народного потребления, электронная коммерция, телекоммуникации, автомобильный сектор и розничная торговля [15].

Распространенными девайсами для цифровой рекламы признаны смартфоны и компьютеры [12], которые обогнали телевидение и стали крупнейшим рекламным инструментом в 2024 финансовом году, заняв 41% рынка [4]. Они задали следующие тренды на рынке цифрового маркетинга.

- *Видео-маркетинг*

В Индии набирает популярность маркетинг через видео на таких платформах, как YouTube, Instagram Reels, TikTok и его аналогах (Cheez, Roposo, Moj и Gana hotshot) [18]. Его внедряют в свои рекламные стратегии в качестве маркетингового инструмента 85% компаний [6]. Это может помочь в привлечении потенциальных клиентов, вовлеченности в процесс и повышении узнаваемости бренда. Согласно исследованию CISCO, видео, по прогнозам, превзойдет все другие формы контента с точки зрения потребления [23].

- *Искусственный интеллект (ИИ)*

На рынке индийского цифрового маркетинга начинают активно применяться технологии искусственного интеллекта. Они позволяют оптимизировать процесс взаимодействия с клиентами посредством чатботов и составления персонализированных писем на канале email-маркетинга. Искусственный интеллект ускоряет автоматизацию интеграции данных и сбор данных о клиентах и улучшает процесс таргетирования аудитории. Также ИИ применяется в технологиях виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности и используется для перевода контента на разные языки Индии, помогая расположить к брендам большую аудиторию. 80% индийских компаний определяют ИИ в качестве основного стратегического приоритета, что превышает средний мировой показатель в 75%. 69% индийских компаний планируют увеличить свои инвестиции в технологии ИИ в 2025г., причем треть из этих компаний намерена выделить более 25 млн долларов на инициативы в области искусственного интеллекта [25]. Но стоит отметить, что специалисты не предполагают, что ИИ способен полностью заменить творческие способности и маркетинговый опыт человека [9].

- *Омниканальный маркетинг (omni (лат.) – «всесторонний»)*

Еще одним трендом на индийском рынке маркетинга можно обозначить омниканальный маркетинг, который обретает популярность из-за специфики поведения людей, которые изучают товары онлайн, а затем покупают их в обычном магазине или наоборот. Например, 96% индийцев изучают товары онлайн, прежде чем совершить покупку, вне зависимости от того, собираются они приобретать товар онлайн или офлайн [22]. Главной

целью этого вида маркетинга является объединение всех видов взаимодействия с клиентами для обеспечения единого опыта работы независимо от платформы. В Индии, где электронная коммерция и физическая розничная торговля тесно переплетены, эта стратегия обеспечивает плавный переход от онлайн-просмотра к офлайн-покупкам. Это особенно актуально для индийского рынка, так как 77% покупателей предпочитают покупать товары у брендов, использующих омниканальную стратегию [24]. Такая инновационная стратегия стирает границы между цифровым и физическим мирами, создавая принципиально новый клиентский опыт.

- *Маркетинг влияния*

Рынок индийских инфлюенсеров на 2023г. оценивался в 224,9 млн долларов и имеет тенденцию к расширению [2]. Около 75% индийских брендов рассматривают инфльюенсер-маркетинг как часть своей маркетинговой стратегии и 61% брендов фокусируются на повышении осведомленности и вовлеченности с помощью инфлюенсеров [2]. Примечательно, что в Индии появился тренд на размещение рекламы у микро- и наноинфлюенсеров, то есть у людей, чьи аккаунты насчитывают до 100 тыс. подписчиков и от 1 тыс. до 10 тыс. соответственно, с ними сотрудничает 47% индийских компаний [2].

Итак, можно заметить, что цифровой маркетинг претерпел множество изменений за все свое время существования в Индии и на сегодняшний день активно используется и развивается, адаптируясь под нужды общества, тренды и развитие технологий. Его значимость признают большинство индийских компаний, а государство также осознает это и создает хорошую базу для развития цифровых технологий. Также мы можем заметить, что цифровой маркетинг применяет инновационные подходы, такие как внедрение ИИ, омниканальности и видео-маркетинга. Симбиоз масштабной государственной поддержки в лице инициатив Digital India и Startup India, стремительной цифровизации инфраструктуры, экспоненциального роста интернет-аудитории и внедрения передовых технологий (искусственный интеллект) создал уникальную среду, где цифровой маркетинг улучшает деятельность стартапов, обеспечивая им низкобюджетный выход на рынок, быстрое тестирование гипотез и масштабирование.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Agarwal M., Sharma A.* Digital marketing of startup businesses // "Journal of Scientific Research and Technology", 2024. PP. 8–29.
2. *Bhat T., Subramaniam V., Iyer A., Swarup A.* EY State of influencer marketing in India report, 2023. PP. 1–20.
3. *Dsouza A., Panakaje N*. Performance of startups through digital marketing // "International Journal of Case Studies in Business, IT and Education (IJCSBE)". V. 7, № 2, 2023. PP. 38–50.
4. *Gupta A., Deepak H.* The State of Digital Marketing in India 2024–25 // "DigiPlus Fest", 2024, 32p.
5. *Madushan A.* The History and Evolution of Digital Marketing // "Department of Marketing Management Faculty of Management Studies Sabaragamuwa University of Sri Lanka", P. 11.
6. *Mahida R.* A study on the impact of digital marketing on the Indian economy // "Vidya A-Jornal", Vol. 3, № 1, 2024. PP. 24–34.
7. *Salma B., Divijendra K.* A study on the rise of digital marketing during the covid-19 pandemic analyzing trends and implications of Indian market // "IJCRT", Vol.12, I. 4, 2024. PP. 369–370.
8. *Satkar M., Dighe N.* A study of innovative marketing strategies for startup success in India // "International Conference on Entrepreneurship and Innovation 3rd and 4th April", 2025. PP. 321–330.
9. Attitude towards generative artificial intelligence adoption in marketing in India in 2023 // "Statista" [Эл. ресурс]. Эл. дан. 2024. Режим доступа: https://www.statista.com/statistics/1465609/india-generative-ai-adoption-in-marketing/ (дата обращения: 17.03.2025).
10. Countries with the largest digital populations in the world as of February 2025 // "Statista" [Эл. ресурс]. Эл. дан. 2025. Режим доступа: https://www.statista.com/statistics/262966/number-of-internet-users-in-selected-countries/ (дата обращения: 12.05.2025).
11. Future Ready: India's Digital Economy to Contribute One-Fifth of National Income by 2029–30 // "Ministry of Electronics & IT" [Эл. ресурс]. Эл. дан. 2025. Режим доступа: https://www.pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=2097125 (дата обращения: 16.03.2025).
12. India Digital Advertising Market Size & Outlook, 2024–2030 // "Horizon" [Эл. ресурс]. – Эл. дан. 2024. Режим доступа: https://www.grandviewresearch.com/horizon/outlook/digital-advertising-market/india (дата обращения: 16.03.2025).
13. India. Population // "Nations Geo" [Эл. ресурс]. Эл. дан. 2025. Режим доступа: https://nationsgeo.com/population/asia/in/ (дата обращения: 16.03.2025).

14. Indian Digital Marketing Market Size and Share Outlook // “Forecast Trends and Growth Analysis Report” (2025–2034) [Эл. ресурс]. Эл. дан. 2025. – Режим доступа: https://www.expertmarketresearch.com/reports/indian-digital-marketing-market#:~:text=India%20Digital%20Marketing%20Market%20Size,USD%2055.37%20billion%20by%202032. (дата обращения: 11.03.2025).
15. Indian digital marketing report and forecast 2024-2032 // “EMR” [Эл. ресурс]. Эл. дан. 2024. Режим доступа: https://www.expertmarketresearch.com/pressrelease/india-digital-marketing-market (дата обращения: 10.10.2024).
16. Internet penetration rate in India from 2014 to 2025 // “Statista” [Эл. ресурс]. Эл. дан. 2025. Режим доступа: https://www.statista.com/statistics/792074/india-internet-penetration-rate/ (дата обращения: 16.03.2025).
17. List of Marketing agencies in India // “Smartscrapers” [Эл. ресурс]. Эл. дан. 2025. Режим доступа: https://rentechdigital.com/smartscraper/business-report-details/list-of-marketing-agencies-in-india (дата обращения” 16.03.2025)
18. Mobile short video apps and features that the Indian urban population is more likely to use as of August 2021 // Statista [Эл. ресурс]. Эл. дан. 2020. Режим доступа: https://www.statista.com/statistics/1252541/india-short-video-apps-usage-tiktok-alternatives/ (дата обращения: 09.04.2025).
19. Nine Years of Startup India With 1.59 lakh startups, India is now world’s 3rd largest startup ecosystem // “Ministry of Commerce & Industry” [Эл. ресурс]. Эл. дан. 2025. Режим доступа: https://www.pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=2093125 (дата обращения: 09.04.2025).
20. Number of internet users in India from 2010 to 2023, with estimates until 2050 // “Statista” [Эл. ресурс]. Эл. дан. 2025. Режим доступа: https://www.statista.com/statistics/255146/number-of-internet-users-in-india/ (дата обращения: 06.05.2025).
21. Share of digital marketing spends in India from 2016 to 2024, with estimates until 2026 // “Statista” [Эл. ресурс]. Эл. дан. 2025. Режим доступа: https://www.statista.com/statistics/388489/india-digital-marketing-spend-share/
22. *Sharma S.* Browse Online, Buy In-Store: A Growing Retail Trend // “Indian retailer” [Эл. ресурс]. Эл. дан. 2025. Режим доступа: https://www.indianretailer.com/article/retail-business/retail/browse-online-buy-store-growing-retail-trend (дата обращения: 17.03.2025).
23. The Meteoric Rise of Digital Marketing in India // IBEF [Эл. ресурс]. Эл. дан. 2025. Режим доступа: https://www.ibef.org/blogs/the-meteoric-rise-of-digital-marketing-in-india#:~:text=As%20per%20a%20report%20from,(US%24%204.76% 20billion). (дата обращения: 16.03.2025).
24. 77 per cent of Indian shoppers prefer to shop from an omnichannel brand: Report // “Brand Equity” [Эл. ресурс]. Эл. дан. 2025. Режим доступа:

https://brandequity.economictimes.indiatimes.com/news/research/77-per-cent-of-indian-shoppers-prefer-to-shop-from-an-omnichannel-brand-report/101410510 (дата обращения: 17.03.2025).
25. 80% of Indian companies recognize AI as a core strategic priority: report // “DD News” [Эл. ресурс]. Эл. дан. 2025. Режим доступа: https://ddnews.gov.in/en/80-of-indian-companies-recognize-ai-as-a-core-strategic-priority-report/ (дата обращения: 17.03. 2025).

DIGITAL MARKETING AS A FACTOR OF INDIA'S INNOVATIVE DEVELOPMENT

A. Viter, M. Didenko

Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov Moscow State University

ABSTRACT

The article analyzes the formation of digital marketing in India as a key driver for the development of an innovative economy. It examines the impact of government initiatives, the growth of the internet audience, and the implementation of AI, omnichannel, and video strategies on the development of the startup ecosystem and the digital marketing.

Keywords: Digital marketing, innovation, video marketing, Artificial Intelligence, Indian economy

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-406-412

МАОИЗМ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

А.Г. Евстратов[1]

Российско-Армянский университет
anton_nastoyashiy@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется роль маоистской идеологии в программах, идеях и практике левых революционных движений Ближнего Востока. Несмотря на то, что на опыт Мао Цзедуна и китайской революции в той или иной мере опирались многие революционеры рассматриваемого региона, включая курдских и израильских левых, автор делает акцент на объединения, в которых маоизм проявился наиболее ярко – это палестинские НФОП и ДФОП, «Фидаины иранского народа», а также некоторые коммунистические группы Ливана, Сирии, Египта и Йемена. Отдельно в работе представлена работа китайской стороны по распространению политической идеологии и практики КНР.

Ключевые слова: маоизм, коммунизм, НФОП, революция, Ближний Восток.

Введение

Маоизм как особое течение революционного марксизма-ленинизма оказал заметное влияние на политические движения стран «третьего мира» во второй половине XXв. На Ближнем Востоке – регионе, одновременно переживавшем колониальное давление, неравномерную модернизацию и подъем национализма – идеи Мао Цзэдуна нашли отклик среди иранских и арабских революционеров. И, хотя маоизм не сыграл здесь столь значительной роли, как, например, в Южной и Юго-Восточной Азии, его влияние в ряде случаев можно признать впечатляющим.

Сам Мао еще в 1940г. провозглашал: «Мы должны поддерживать борьбу всех угнетенных наций и народов, вести ее против империализма и

[1] *Евстратов А.Г.* – кандидат исторических наук, доцент Института востоковедения Российско-Армянского университета.

его лакеев» (Мао Цзэдун, «О новой демократии», 1940) [1]. Эти слова стали символом надежды для революционных организаций Ближнего Востока.

Особенность ближневосточного восприятия маоизма заключалась в его прикладной роли: он воспринимался не как догма, а как набор тактик – партизанской борьбы, мобилизации крестьянских масс, антиимпериалистической риторики, принципа «опоры на собственные силы».

Актуальность настоящего исследования обусловлена, как сложными социальными и военно-политическими процессами на Ближнем Востоке, продолжающимися и в настоящее время, так и экономическими и политическими успехами современной КНР, несмотря на перемены 1980-х, по прежнему декларирующей приверженность коммунистической идеологии и наследию Мао Цзедуна.

Несмотря на то, что маоизм и революционные процессы на Ближнем Востоке исследованы в научных, журналистских и публицистических работах российских авторов (А.В. Панцов [2], П. Петухов, Г. Сурдин [3]), в трудах их зарубежных коллег (Young B. [4], J. Lovell [5], Alsudairia [6]), непосредственно о влиянии идей Мао Цзедуна на региональные коммунистические группы писалось сравнительно немного, особенно на русском языке. Не претендуя на глубинное освещение вопроса в силу своей краткости, данная статья, однако, в некотором роде заполняет данный пробел, являясь по большей части приглашением к дальнейшему исследованию проблематики и серьезной академической дискуссии.

Материалы и методы

Представленное исследование основано на оригинальной методологической базе, объединяющей методы, применяемые, как в исторических исследованиях, так и в работах по философии. В частности, исторический и нормативно-ценностный методы в нашей работе удачно дополняются коммуникативным подходом, что позволяет не просто анализировать идеи и действия политических акторов, но и рассматривать их в конкретном историческом и социально-экономическом контекстах.

Результаты

Маоизм как течение в международном коммунистическом движении стал привлекательным для революционеров Ближнего Востока в силу ряда идей, привлекательных и работающих в местной специфике.

Во-первых, рассмотрение крестьянства как основного революционного субъекта. Для стран региона, где сельское население составляло 60–80%, тезис о ведущей роли деревни был в ряде случаев более органичен, чем индустриально ориентированный марксизм советского или европейского образцов.

Во-вторых, в маоизме содержится концепция Народной войны. В работе «О затяжной войне» (1938) Мао развил концепцию затяжной партизанской борьбы [7]. На Ближнем Востоке этот опыт был воспринят как универсальная модель для борьбы с Израилем, шахским режимом или западным присутствием.

В-третьих, маоизм подчеркивает необходимость Опоры на собственные силы (цзыли гуншэн). В условиях зависимости арабских режимов от СССР и США этот лозунг стал символом «третьего пути».

В-четвертых, крайне актуальным для Ближнего Востока являлся маоистский антиимпериализм. Китай при Мао позиционировал себя как лидер «третьего мира» – и в этом качестве находил симпатии у многих местных левых политиков и движений.

Пожалуй, самым ярким политическим объединением региона, кренившемся на протяжении нескольких лет к маоистским идеям и практике, можно назвать НФОП – Народный фронт освобождения Палестины, созданный в 1967г. под руководством Жоржа Хаббаша.

В части идеологии Хаббаш провозгласил, что палестинская борьба – это часть глобальной революции против империализма, сионизма и «реакционных режимов» арабских стран.

В практической деятельности боевики фронта использовали, как «китайские» методы противостояния – партизанскую войну, удары по коммуникациям, так и собственные новации в данном вопросе – к примеру, террористические акции (захваты самолетов в конце 1960-х – начале 1970-х, такие как операция Лейлы Халед в 1969 году).

Нельзя не отметить интереса со стороны КНР к палестинскому левому сопротивлению. Делегации НФОП посещали Пекин, где проходили военную и политическую подготовку. Мао Цзедун и другие китайские руководители лично встречались с палестинскими представителями.

Жорж Хаббаш в одной своей речи в 1969г. отмечал: «Мы должны превратить каждый лагерь беженцев, каждую деревню и город в базу сопротивления, как китайцы превратили свои деревни в бастионы революю-

ции» [8]. Данная цитата достаточно очевидно характеризует политические и идеологические ориентиры НФОП того времени и роль в них китайского опыта.

Выделившийся из НФОП в 1969г., ДФОП – Демократический фронт освобождения Палестины, под руководством Наифа Хаватме, еще сильнее тяготел к маоизму. Организация делала ставку на крестьянские и беднейшие слои как базу сопротивления, подчеркивала «затяжной характер борьбы» с Израилем и его союзниками, а также использовала тактику небольших партизанских отрядов.

Ориентация на китайский опыт и идеи Мао Цзедуна содержатся прямо в программе ДФОП, принятой в 1970 году. «Наш путь – это путь народной войны, длительного сопротивления, объединяющего рабочие массы, крестьянство и интеллигенцию, как это показала китайская революция», – отмечается в данном документе [9].

Для палестинских групп Китай стал не только источником оружия и подготовки, но и образцом победы «третьего мира» над колониализмом. «Если крестьянский Китай смог победить империализм, то и Палестина сможет», – эта мысль в различных вариациях звучала в речах палестинских лидеров 60-70-х гг. прошлого столетия.

В Иране маоизм также оказал влияние на формирование ряда левых радикальных групп. Особенно ориентация на Китай характерна для иранских революционеров в 1960–70-х гг. В частности, созданная в 1969г. в результате объединения молодых марксистских кружков Тегерана организация «Фидаинов иранского народа» пользовалась маоистской стратегией партизанской борьбы, соединяя ее с идеями городской герильи латиноамериканских революционеров того времени. Первое же громкое мероприятие «фидаинов» – нападение на пост полиции в Сияхкале в феврале 1971г. – демонстрирует упомянутые ориентиры.

Идеологи и руководители данной группы – Биджан Джазани, Мазмуд Ахмади и др. писали также и о важности долговременной «народной войны», подобной той, что вела КПК против Гоминьдана в 1920-1940-е гг., а также создания для этой цели «народной армии». Бижан Джазани в своих трудах цитировал Мао, утверждая: «Без народной армии народ не имеет ничего» [10, 63].

Многие иранские коммунисты («фидаины», «Райи Каргар» и ряд мелких маоистских ячеек) считали СССР «социал-империалистом», а совет-

ских лидеров после XX съезда ЦК КПСС – «оппортунистами», в Китае, напротив, видели подлинного союзника революции. Отдельно стоит отметить причины невысокой популярности советского марксизма в Иране второй половины XXв.: попытка Советского Союза провозгласить на иранской территории Азербайджанскую и Мехабадскую республики в ходе Второй мировой войны, а также раскол в среде иранских марксистов на просоветскую партию ТУДЕ и молодые марксистские группы. Именно последние, включая упомянутых «Фидаинов иранского народа», ориентировались на Китай и маоизм.

Особенностью иранского левого движения являлась также необходимость соединения марксизма с шиитскими идеологическими мотивами. Часть маоистских идей проникала и в исламскую левую риторику (к примеру, маоистские взгляды исповедовали и пропагандировали некоторые члены левой исламистской организации «Моджахеды иранского народа»), хотя прямого слияния не произошло.

В 1950–60-е гг. маоизм был популярен среди радикальной интеллигенции и студентов Каира. Однако официальный курс Насера ориентировался на СССР, а маоизм воспринимался как «чисто идеологическая» альтернатива [11].

В ходе гражданской войны в Йемене (1962–1970гг.) Китай активно поддерживал республиканцев, поставлял оружие и инструкторов. В Южном Йемене (НДРЙ) в 1970-е гг. существовали маоистские кружки, вдохновлявшиеся опытом КНР. Маоизм оказал также влияние на Народную демократическую партию Йемена, участвовавшую в создании Народной Демократической Республики Йемен (1967г.).

В Ливане и Сирии маоизм распространялся среди студенческих движений, особенно в Бейруте, где он пересекался с палестинской активностью. В 1970-х возникали небольшие группы типа «Ливанских коммунистов-марксистов-ленинцев» [там же], апеллировавших к Мао.

Китай в то же время (1960–70-е гг.) активно позиционировал себя как союзник угнетенных народов. В 1964г. Мао Цзедун заявил, что «азиатские, африканские и латиноамериканские народы составляют шторм мирового океана, сметающего империализм []. Делегации из Палестины (о чем мы писали выше), а также из Ирана и Йемена регулярно посещали Пекин. Китайское радио и газеты публиковали материалы о борьбе арабских и иранских революционеров.

В 1965г. китайский премьер Чжоу Эньлай заявлял: «Мы будем поддерживать палестинский народ так же, как мы поддерживали вьетнамцев» [12]. Китай снабжал палестинские группы оружием и пропагандистскими материалами, обучал боевиков на своей территории. Маоизм, таким образом, распространялся и как идеология, и как дипломатическая поддержка, что усиливало его привлекательность.

Тем не менее, в отличие от Латинской Америки, Южной или Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке маоизм не стал массовой революционной стратегией. Советский Союз имел гораздо более мощные политические, экономические, и даже культурные и гуманитарные связи в регионе, поэтому маоистские группы часто оставались в тени революционной активности, ориентированной на Москву. Тем не менее, его роль в палестинской борьбе (Хаббаш, Хаватме), в иранском подполье (фидаины, маоистские кружки), в йеменской гражданской войне можно признать значимой.

Обсуждение результатов

Маоизм стал важным идеологическим ресурсом для Ближнего Востока, особенно в 1960–70-е годы. Его влияние проявилось в большей мере в партизанской тактике палестинцев (НФОП, ДФОП, Хаббаш, Хаватме); в иранских революционных организациях (фидаины, Джазани, Ахмади); в йеменской и частично ливанской борьбе.

Маоизм воспринимался арабскими и иранскими революционерами как символ независимости, антиимпериализма и альтернативы советскому социализму. Он не стал доминирующей доктриной, но оказал глубокое воздействие на тактику и риторику ближневосточных движений, оставив след в их политической культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Цзедун М.* О новой демократии [Эл. ресурс]. URL: https://4etalka.ru/nauka_obrazovanie/politika/584816/fulltext.htm?ysclid=mlfbb22kfy866922534 (дата обращения: 25.10.2025).
2. *Панцов А.В.* Мао Цзедун. М.: «Молодая гвардия», 2007, 867с: ил.
3. *Петухов П., Сурдин Г.* Теоретическое наследие Мао Цзэдуна: марксизм и китайская цивилизация. [Эл. ресурс]. URL: https://rus-lad.ru/news/teoreticheskoe-nasledie-mao-tszeduna-marksizm-i-kitayskaya-tsivilizatsiya/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 11.01.2026).

4. *Young B.* How Chinese Maoism Intellectually Shaped Modern Palestinian Jihadism [Эл. ресурс]. URL: https://magazine.thediplomat.com/2024-06/how-chinese-maoism-intellectually-shaped-modern-palestinian-jihadism?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 25.11.2025).
5. *Lovel J.* Maoism: A Global History. London: "Bodley Head", 2019, 606p.
6. *Alsudairia M.* Arab encounters with Maoist China: transnational journeys, diasporic lives and intellectual discourses // "Third World Quarterly". Vol. 42, № 3, 2021. PP. 503–524. DOI: 10.1080/01436597.2020.1837616
7. *Цзедун М.* О затяжной войне [Эл. ресурс]. URL: http://library.maoism.ru/on_protracted_war.htm (дата обращения: 25.11.2025).
8. *Руссель Дж., Кохн Р.* Хабаш, Жорж. М.: «Книга по Требованию», 2013, 111с.
9. *Sayigh Y. Shlaim A*. The Cold War and the Middle East. Oxford: "Clarendon Press", 320p.
10. Fada'i Guerilla Praxis in Iran (1970-1979): Narratives and Reflections on Everyday Life" (Edited by Touraj Atabaki, Nasser Mohajer, Siavush Randjabar-Daemi), London: "I.N. TAURIS", 2023, 334p.
11. *Торбасов О.* Мировой маоизм. Часть 27: Арабский мир (Азия) [Эл. ресурс]. URL: https://kominform.livejournal.com/117800.html (дата обращения: 27.11.2025).
12. *Zhang C.* China's Changing Role in the Middle East: Filling a Power Vacuum? Changing Dynamics in Asia-Middle East Relations series. NY: "Routledge", 2025. 222 p.

MAOISM IN REVOLUTIONARY MOVEMENTS IN THE MIDDLE EAST: IDEOLOGY AND PRACTICE

A. Evstratov

Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article analyzes the role of Maoist ideology in the programs, ideas, and practices of leftist revolutionary movements in the Middle East. Although many revolutionaries in the region drew on the experience of Mao Zedong and the Chinese Revolution to varying degrees, the author focuses on the associations in which Maoism was most prominent: the Palestinian PFLP and DFLP, the Fedayeen of the Iranian People, as well as some communist groups in Lebanon, Syria, Egypt, and Yemen. The work also examines the Chinese side's efforts to disseminate Chinese political ideology and practices.

Keywords: Maoism, communism, PFLP, revolution, Middle East.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-413-421

ՔԱԹԱՐԻ ՃԳՆԱԺԱՄԻ ԸՆԹԱՑՔՈՒՄ ԼՐԱՏՎԱՄԻՋՈՑՆԵՐԻ ԿԻՐԱՌՈՒՄԸ ՈՐՊԵՍ ՊԱՅՔԱՐԻ ՀԱՐԹԱԿ

Մ. Արջունց, Գ. Շաբունց

Գորիսի պետական համալսարան
archuncm@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Արաբական թերակղզու արևելքում գտնվող Քաթար պետությունը իր ակտիվ դերաՔաթարումն ունի տարածաշրջանում քաղաքական հարաբերությունների ձևավորման գործում: Միաժամանակ լինելով նավթային և գազային հզոր արդյունաբերություն ունեցող պետություն տնտեսական գերակշիռ ազդեցություն ունի Մերձավոր Արևելքում: Քաթարի արտաքին քաղաքականության առանձնահատկությունը իր անկախ դրսևորումն է՝ հաճախ նաև հակադրությունը հարևան երկրների ու արաբական մյուս պետությունների հետ: Այդպիսի տարաձայնություն դրսևորվեց 2017թ., որն ի վերջո հանգեցրեց դիվանագիտական հարաբերությունների խզման և ճգնաժամի: Ստեղծված իրադրությունը դիտարկել ենք ճգնաժամի հակադիր կողմերի՝ Սաուդյան Արաբիայի և Քաթարի ազգային լրատվամիջոցների տեղեկությունների միջոցով: Մամուլը կարևոր աղբյուր է պատմական իրադարձությունները մեկ այլ տեսանկյունից քննելու, երկրների դիրքորոշումները ներկայացնելու համար: Հոդվածի նպատակն է ուսումնասիրել ճգնաժամի տարիներին լրատվամիջոցների տեղեկությունները, պարզել դրանց քաղաքական հայացքները, ազդեցությունը հակադրության հաղթահարման գործում:

Հիմնաբառեր՝ Մերձավոր Արևելք, ճգնաժամ, լրատվամիջոց, հակադրություն, սահմանափակումներ, արաբական երկրներ:

Քաթարի ճգնաժամը սկսվեց 2017թ. հունիսի 5-ից, երբ Արաբական երկրները՝ Բահրեյնը, Սաուդիան Արաբիան, Եգիպտոսն ու ԱՄԷ-ն, խզեցին դիվանագիտական հարաբերությունները Քաթարի հետ [1]՝ մեղադրե-

լով վերջինիս ահաբեկչական խմբերին հովանավորելու և Իրանի հետ համագործակցելու համար: Ըստ տվյալների, Քաթարը աջակցում էր այնպիսի ահաբեկչական խմբերի, ինչպիսիք են՝ «Մուսուլման եղբայրներ», «Համաս», «Ալ-Քաիդա» և այլն:

Հակաիրանական դրսևորումները դիտարկվում էին արաբական երկրների՝ Իսրայելի հետ հարաբերությունների կարգավորման հիմքի վրա: Արաբական երկրները, հատկապես՝ Եգիպտոսն ու Հորդանանը բարելավեցին հարաբերությունները Իսրայելի հետ 20-րդ դարի վերջին: Իրան-Իրաք պատերազմի արդյունքում սրվեցին հարաբերությունները նաև Սաուդյան Արաբիայի հետ: Իսկ «Արաբական գարնան» ընթացքում Իրանը փորձում էր օգտվել ստեղծված անկայուն իրադրությունից և ամրապնդել իր ազդեցությունը տարածաշրջանում: Սակայն Իրանի նման քաղաքականությունը չէր բխում ոչ միայն Իսրայելի, այլև արաբական մի շարք երկրների շահերից: Իրադրությունը վատթարացավ հատկապես 2015թ. Մեքքայում 700 ուխտավորների սպանությունից հետո, սպանվածներից 95-ը իրանցի էին: Սաուդյան Արաբիան մեղադրեց ուխտավորներին, իսկ Իրանը՝ Սաուդյան Արաբիային:

Քաթարի և նրա տարածաշրջանային հարևանների միջև կոնֆլիկտը տեղի ունեցավ Պարսից ծոցի երկրների և ԱՄՆ-ի Ռիադի գագաթաժողովից մեկ շաբաթ անց, երբ Քաթարի Ինֆորմացիոն գործակալության կայքում հրապարակվեց՝ էմիր Թամիմ բեն Համադ Ալ Տանիի անունից մի ելույթ, որտեղ անդրադարձ էր Քաթարվում տարածաշրջանի այլ երկրների հետ կապված նուրբ քաղաքական հարցերին: Մասնավորապես, այնտեղ նշվում էր, որ «խելամիտ չէ Քաթարի ու Իրանի միջև լարված հարաբերություններ ունենալը, քանի որ Իրանը ուժեղ տերություն է և տարածաշրջանի կայունության երաշխավորը»: Ավելին, ըստ հրապարակման, էմիրը նշել է, որ «Իսլամիստական ՀԱՄԱՍ շարժումը հանդիսանում է պաղեստինցի ժողովրդի օրինական ներկայացուցիչը»:

Սաուդյան Արաբիայի մայրաքաղաքում կայացած գագաթաժողովի ընթացքում Թագավորությունը՝ հանդիպման բոլոր հյուրերի անունից, քննադատել է Իրանի հակակրանքային քաղաքականությունը և սպառնացել համապատասխան արձագանքով: Ապա՝ Քաթարի ԱԳՆ պաշտոնական ներկայացուցիչը հայտարարել է, որ գործակալության կայքը հաքեր-

ների կողմից է խախտվել, և էմիրի անունից հրապարակված ելույթը կեղծ է և որևէ առնչություն չունի Քաթարական առաջնորդի հետ [2]։

Չնայած Քաթարի ԱԳՆ հանդես եկավ հայտարարությամբ, ըստ որի կայքը ենթարկվել էր հարձակման և հայտարարությունը տեղադրվել էր հաքերների կողմից, Բահրեյնը, Սաուդիան Արաբիան, Եգիպտոսն ու ԱՄԷ այն համարեցին ոչ համոզիչ, և հայտարարեցին, որ կոշտ միջոցներ կկիրառեն Քաթարի նկատմամբ։

Արաբական երկրները Քաթարի դեմ ներկայացրին 13 կետից բաղկացած պահանջագիր, որը ենթադրում էր դիվանագիտական հարաբերությունների խզում Քաթարի հետ։ Նաև ըստ ներկայացրած պահանջների,- Քաթարը պարտավորվում էր դադարեցնել դիվանագիտական հարաբերությունները Իրանի հետ և փակեր իրանական առաքելությունը Քաթարում, ինչպես նաև փակեր թուրքական ռազմաբազան։

Ըստ որոշ տեղեկությունների, արաբական երկրների միջև հարաբերությունները բարեկամական են եղել մինչ Քաթարում իշխանության է եկել Համադ բեն Խալիֆը, որը որդեգրել է արդիականացման բարեփոխումների ուղին՝ նպատակ ունենալով ընդգծել Քաթարի ինքնուրույնությունը և ազդեցությունը տարածաշրջանում։

Քաթարի դիվանագիտական այդ ճգնաժամը դիտարկել ենք արաբական երկու ազդեցիկ մամուլների՝ «Ալ Ջազիրա»-ի և «Ալ-Արաբիա»-ի հաղորդած տեղեկությունների միջոցով։

Հիմնական իրադարձությունը ուսումնասիրելուց առաջ կարևոր ենք համարում լրատվամիջոցների ստեղծման, նրանք քաղաքական ուղղվածության ուսումնասիրումը, որը ամբողջական պատկերացում կտա այնտեղ տեղ գտած տեղեկությունների մասին։

«Ալ Ջազիրա», թարգմանաբար՝ «Կղզի», հեռուստատեսային ցանց է հիմնված Համադ Բին Խալիֆա Ալ Թանի կողմից 1996թ.։ Հիմնադրման սկզբնական շրջանում հովանավորվում էր պետական բյուջեից։ Այն 2000թ. հանդես էր գալիս 24 ժամ համակարգով ավելի քան 20 երկրներում։ 2006թ.-ից այն բացել է անգլալեզու մասնաճյուղ, իսկ 2013թ. ԱՄՆ-ում ստեղծվեց Ալ Ջազիրա Ամերիկան [3]։

Այն ներկայացնում է լուրեր, կրթական ծրագրեր։ 2017թ. ճգնաժամի ընթացքում սահմանափակումներ են առաջադրվել նաև այս լրատվամիջոցի դեմ։

Ուսումնասիրելով արաբական որոշ աղբյուրներ, եկանք այն եզրակացության, որ ի սկզբանե լրատվամիջոցը ստեղծվել էր քաղաքական նկատառումներով՝ ի շահ Քաթարի իշխանության: Շատ հաճախ ընդգծվում է «Ալ Ջազիրա»-ի բացասական ազդեցությունը տարածաշրջանում ի հայտ եկած խնդիրների լուսաբանման տեսանկյունից:

«Ալ-Արաբիա» արաբալեզու հեռուստատեսային ալիք է Դուբայում, հիմնվել է 2003թ.: Հիմնման հիմքում կանգնած է նաև Սաուդյան Արաբիայի արքայական ընտանիքը՝ ի դեմս թագավոր Ֆահդի: Լրատվամիջոցը ձևավորվել է որպես այլընտրանքային և մրցակցային տարբերակ «Ալ Ջազիրայի»: Հիմնականում ներկայացնում էր տնտեսական, քաղաքական լուրեր՝ գերազանցապես արտահայտելով Սաուդյան Արաբիայի դիրքորոշումները:

Երկու լրատվամիջոցները ակտիվ վերլուծել ու անդրադարձել են 2017թ. տեղի ունեցած իրադարձություններին: Հետաքրքրիր է, որ երկուսն էլ առանձնահատուկ ուշադրություն են դարձնում ոչ միայն արաբական երկրների քաղաքականությանը այդ ճգնաժամի ընթացքում, այլև ԱՄՆ, Գերմանիայի, Թուրքիայի դիրքորոշումներին:

Ուսումնասիրելով «Ալ Ջազիրայի» իրադարձության հետ կապված առաջին հոդվածները, հանդիպում ենք հետևյալ տեղեկությունը, որը ժամանակագրված է 2017թ. հունիսի 5-ին [4]: Նշված է, որ արաբական երկրները երկու շաբաթ ժամանակ են տրամադրել Քաթարի այցելուներին և բնակիչներին երկրից հեռանալու համար: Միաժամանակ նաև Սաուդյան Արաբիան փակել է սահմանը, և դադարեցրել օդային և ծովային հաղորդակցությունը Քաթարի հետ, կոչ անելով բոլոր բարեկամ երկրներին նույնը անել:

2017թ. նոյեմբերի 26-ի տեղեկության մեջ, որտեղ «Ալ Ջազիրան» մանրամասն ներկայացնում է ճգնաժամի սկսման ժամանակագրությունը, նշվում է, որ Քաթարի իշխանությունը գտնում է՝ «չկա օրինական արդարացում» արաբական չորս երկրների կողմից դիվանագիտական հարաբերությունների խզման համար: Միաժամանակ հաղորդում է Քաթարի դիրքորոշումը՝ տվյալ որոշումը իր ինքնիշխանության իրավունքի խախտում է՝ խոստանալով՝ այն չի ազդի իր բնակչության վրա:

Նույն հոդվածում տեսնում ենք Եգիպտոսի հայտարարությունը՝ իր ավիատարածքը Քաթարի ինքնաթիռների համար փակելու մասին:

Ուշադրության է արժանի լրատվամիջոցի 2017թ. հունիսի 17-ի [5] հոդվածը, որտեղ մասնավորապես դիտարկվում է ճգնաժամի դրական ազդեցությունը՝ Քաթարում բարեփոխումներ իրականացնելու համար: Նաև անդրադարձ է Քաթարվում ըստ պահանջի «Ալ Ջազիրայի» փակման մասին: Նշվում է, որ ի հեճուկս Մերձավոր Արևելքում մամուլի սահմանափակումներին, «Ալ Ջազիրան» մի նոր շունչ է ներկայացնում: Ընդգծվում էր՝ թերթը ոչ միշտ է կատարյալ եղել իրադարձությունները բնութագրելիս: Բայց այն նաև հարթակ է Մերձավոր Արևելքում և Հյուսիսային Աֆրիկայում դեռևս տիրող ավտորիտար վարչակարգերը փոփոխելու համար:

Այժմ դիտարկենք, թե ինչ տեղեկություններ է հաղորդում «Ալ-Արաբիան» ճգնաժամի սկզբնավորման և պատճառների մասին: 2017թ. հունիսի 12-ի[6] հոդվածում, նշվում է՝ Քաթարը որդեգրել է Ալ-Քաիդայի հռետորաբանությունը, իսկ «Ալ Ջազիրան» կիրառվում է որպես միջոց Սաուդիան Արաբիայի դեմ:

Դիտարկելով «Ալ-Արաբիայի» 2017թ. մայիսի 24-ի հոդվածը [7], որտեղ նշվում է, որ Դահի Խալֆան Տամիմը, ով Դուբայի Անվտանգության նախարարի տեղակալն է, դեմ է արտահայտվում Քաթարի՝ Իրանական դիրքորոշման հետ:

Արաբական այս ճգնաժամի ֆոնին «Ալ Ջազիրան» իր 2017թ. հունիսի 25-ի [8], տեղեկության մեջ ներկայացվում է, որ Իրանի և Քաթարի առաջնորդների միջև հեռախոսազանգի ընթացքում, Իրանի նախագահ Հասան Ռոհանին Քաթարի բլոկադան համարել է անընդունելի, նշելով, որ Իրանի ամբողջ տարածքը բաց է Քաթարի համար:

Պետք է դիտարկել նաև այն փաստը, որ ճգնաժամի պայմաններում կողմերը միմյանց մեղադրում էին արաբական երկրներում տեղի ունեցած իրադարձությունների հետ: Դա դիտարկվում է Եգիպտոսում իշխանափոխության պայմաններում, երբ Քաթարի իշխանությունները դեմ են արտահայտվում նորընտիր իշխանությունների՝ հանդես գալով «Մուսուլման եղբայրներին» շահերից: Այս իրադարձությունը ամբողջությամբ ցույց տվեց Քաթարի և Սաուդյան Արաբիայի միջև տարաձայնությունը: Սաուդյան Արաբիան իր հերթին ընդգծում է «Ալ Ջազիրայի» ունեցած դերը Եգիպտոսում հեղափոխության ընթացքում: Իսկ «Ալ Ջազիրան» այն հարթակն էր, որտեղ Քաթարը ներկայացվում էր որպես Սաուդյան Արաբիայի հետ միևնույն ազդեցությունը ունեցող երկիր տարածաշրջանում [9]:

Նույն հակադրությունը դիտարկվեց նաև Իրանում, այս դեպքում «Ալ-Արաբիայում» քննադատվում է Իրանի հետ Քաթարի համագործակցությունը:

Մյուս իրադրությունը, որը տեղի ունեցավ ճգնաժամից օրեր առաջ՝ մայիսի 29-ին, Լիբիայի Ազգային բանակի հրամանատար Խալիֆ Հաֆթարի մեղադրանքն է ուղղված Քաթարի և այլ երկրների դեմ, որոնք հովանավորում և աջակցում են ահաբեկչական և ծայրահեղ խմբավորումների գործունեությանը Լիբիայի տարածքում:

«Ալ-Արաբիան» մյուս հոդվածով՝ 2017թ. հունիսի 14-ին [10], անդրադառնում է մեկ այլ խնդրի, ըստ որի ԱՄԷ Արտաքին գործերի նախարար Անվար Գարգաշը հայտարարել է, որ Քաթարը չի գտնվում բլոկադայում, նշելով՝ Քաթարն ազատ է, նավահանգիստներն ու ավիաընկերությունները բաց են, մենք սահմանափակել ենք մեր օդանավակայաններից օգտվելու իրավունքը, որը մեր ինքիշխան իրավունքն է: Սահամանափակումները որոշակիորեն մեղմացվել են՝ հնարավորություն ընձեռելով ընտանիքների միավորման համար, իսկ անհրաժեշտության դեպքում Սաուդիան Արաբիան պատրաստակամ է տրամադրելու սնունդ և բժշկական օգնություն:

Արաբական երկրների հարաբերությունների սրման պատճառներից է նաև Բահրայնում նշված ժամանակահատվածում տեղի ունեցաք քաղաքական անկայուն իրադարձությունների ընթացքում երկրների հակադիր դիրքորոշումները: «Ալ Արաբիան» ներկայացնում է Քաթարի էմիրի հատուկ խորհրդական Համադ բեն Խալիֆա Աբդուլլա Ալ Աթթիային և բահրեյնցի ընդդիմադիր գործիչ Հասան Ալի Մոհամմեդ Ջումա Սուլթանի հեռախոսազանգերը: Ըստ ձայնագրությունների՝ Քաթարը իբր քննարկում էր Բահրեյնի ներքին գործերին միջամտելու, ընդդիմությանը աջակցելու և Պարսից ծոցի երկրների միասնական քաղաքականությանը հակադրվելու հարցեր:

«Ալ-Արաբիան» քննադատում է Քաթարի հակաբահրեյնյան գործողությունները, մասնավորապես բացասաբար է արտահայտվում այն հանգամանքը, որ կառավարությունը ցուցադրում է իր անհանգստությունը, սակայն «Ալ Ջազիրան» օգտագործվում է հակառակ օրակարգերը հեռարձակելու համար, տեղեկությունը հրապարակվել է 2014. հունիսի 17-ին [11]:

Քաթարի բլոկադան տևեց երեք ու կես տարի մինչև 2021թ. հունվարի 4-ը, երբ Սաուդիան Արաբիան բացեց իր ցամաքային և ծովային ճանապարհները Քաթարի համար:

Պարսից ծոցի համագործակցային խորհուրդ վերջնական հաղորդագրության մեջ հայտարարվեց, որ Պարսից ծոցի համագործակցային խորհրդի (GCC) անդամ երկրները «կմնան միասնական՝ որևէ անդամ երկրի հանդեպ սպառնալիքի դեմ պայքարելու համար» և կխանգարեն «բոլոր GCC երկրների ինքնիշխանության խախտմանը կամ անվտանգության խախտումներին»: Ըստ Սաուդյան Արաբիայի ԱԳՆ նախարար, արքայազն Ֆայսալ բեն Ֆարհանի, «գագաթաժողովի արդյունքները հաստատում են Քաթարի հետ տարաձայնությունների բոլոր կետերի համապարփակ կարգավորումը» և ամբողջական դիվանագիտական հարաբերությունների վերականգնումը Սաուդյան Արաբիայի, Էմիրությունների, Բահրեյնի և Եգիպտոսի, մի կողմից, և Քաթարի, մյուս կողմից: Այս ճգնաժամի լուծման որոշումը դրական արձագանքներ ստացավ ինչպես արաբական, այնպես էլ միջազգային շրջանակներում [12]:

Ընդհանուր առմամբ, ուսումնասիրելով արաբական երկու լրատվամիջոցները պարզ է դառնում, որ թե ճգնաժամի, թե արաբական երկրների հարաբերությունները վերլուծվում և ներկայացվում են ելնելով տվյալ երկրների շահերից:

Քաթարի դեմ իրականացված բլոկադան ցույց տվեց, որ ժամանակակից միջազգային հարաբերություններում դժվար է առանձնացնել քաղաքական, տնտեսական և տեղեկատվական գործընթացները իրարից: Տեղեկատվական պատերազմը դարձավ ճգնաժամի հիմնական բաղկացուցիչ մասը, որտեղ լրատվամիջոցները կիրառվեցին որպես ազդեցության, հանրային կարծիքի ձևավորման միրոցներ: Միևնույն ժամանակ բլոկադան նախաձեռնած երկրները իրենց հերթին փորձեցին ձևավորել հակառակ պատկերը՝ Քաթարը ներկայացնելով որպես տարածաշրջանային անվտանգությանը սպառնացող դերաՔաթար՝ կիրառելով հետևյալ քարոզչությունը՝ «Քաթարը հարազատ է Իրանին», «Քաթարը աջակցում է ահաբեկչությանը»:

Այսպիսով, ճգնաժամը ցույց տվեց, որ տեղեկատվական ռազմավարությունները կարող են ոչ միայն ուղեկցել քաղաքական հակամարտություններին, այլև որոշել դրանց միջազգային արձագանքը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. https://www.bbc.com/news/world-middle-east-55538792
2. *Шмелева Т.* Истоки конфликта между Саудовской Аравией и Катаром // https://www.iimes.ru/?p=44881//Институт Ближнего Востока, 2018.
3. https://www.britannica.com/topic/Al-Jazeera
4. https://www.aljazeera.com/news/2017/6/5/saudi-arabia-uae-egypt-bahrain-cut-ties-to-qatar :
5. https://www.aljazeera.com/opinions/2017/7/26/qatar-finding-opportunities-for-reform-in-crisis
6. https://english.alarabiya.net/views/news/middle-east/2017/06/12/The-Qatar-crisis-Who-started-it-
7. https://english.alarabiya.net/features/2017/05/24/Dubai-s-ex-police-chief-says-Qatar-favors-Iran-Muslim-Brotherhood-over-Arab-countries
8. https://www.aljazeera.com/news/2017/6/25/iran-hassan-rouhani-condemns-siege-of-qatar
9. Faisal Abu Sulaib, Understanding Qatar's Foreign Policy, 1995-2017. Kuwait University, 2017. P. 36.
10. https://english.alarabiya.net/News/gulf/2017/06/14/UAE-Qatar-rejecting-terrorism-key-to-resolve-crisis-
11. https://english.alarabiya.net/News/2017/06/17/Behind-the-scene-Recordings-show-Qatar-conspiring-against-Gulf-policy-in-Bahrain-
12. https://www.dohainstitute.org/en/PoliticalStudies/Pages/The-Gulf-Reconciliation-Summit-Circumstances-and-Significance-of-its-Timing.aspx

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ПЛАТФОРМЫ БОРЬБЫ ВО ВРЕМЯ КАТАРСКОГО КРИЗИСА

М. Аржунц, Г. Шабунц

Горисский государственный университет

АННОТАЦИЯ

Государство Катар, расположенное на востоке Аравийского полуострова, играет активную роль в формировании политических отношений в регионе. Одновременно, являясь страной с развитой нефтяной и газовой промышленностью, Катар имеет значительное экономическое влияние на Ближнем Востоке. Особенностью внешней политики Катара является ее независимый характер, часто выра-

жающийся в противостоянии с соседними странами и другими арабскими государствами. Подобное противоречие проявилось в 2017г., что в конечном итоге привело к разрыву дипломатических отношений и кризису. Сложившаяся ситуация рассмотрена через призму национальных средств массовой информации Катара и Саудовской Аравии –противоборствующих сторон кризиса. Пресса служит важным источником для изучения исторических событий с другой точки зрения и представления позиций стран. Цель статьи – исследовать информацию, распространяемую СМИ в годы кризиса, выявить их политические взгляды и влияние на преодоление противостояния.

Ключевые слова: Ближний Восток, кризис, СМИ, противостояние, ограничения, арабские страны.

THE USE OF MASS MEDIA AS A PLATFORM OF STRUGGLE DURING THE QATAR CRISIS

M. Arjunts, G. Shabunts

Goris State University

ABSTRACT

The State of Qatar, located in the eastern part of the Arabian Peninsula, plays an active role in shaping political relations within the region. At the same time, being a country with a powerful oil and gas industry, Qatar holds significant economic influence in the Middle East. A distinctive feature of Qatar's foreign policy is its independent approach, which often contrasts with the positions of neighboring and other Arab states. Such disagreements became evident in 2017, eventually leading to a diplomatic rupture and a crisis. The present study examines the situation through the perspectives of the national media of Saudi Arabia and Qatar – the opposing sides of the crisis. The press serves as an important source for analyzing historical events from a different angle and understanding the positions of the countries involved. The purpose of the article is to study media reports during the crisis years, identify their political orientations, and assess their impact on overcoming the confrontation.

Keywords: Middle East, crisis, media, confrontation, restrictions, Arab countries.

ПСИХОЛОГИЯ

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-422-430

ԵՆԹԱՆՁՆԱՎՈՐՈՒԹՅՈՒՆ ՀԱՍԿԱՑՈՒԹՅՈՒՆԸ ՊԱՏՄԱԿԱՆ ԵՎ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ՀՈԳԵԹԵՐԱՊԵՎՏԻԿ ՈՒՂՂՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ

Գ.Հ. Ասչյան, Տ.Զ. Մալումյան

Վանաձորի պետական համալսարան
aschyangrigor.97@gmail.com, malumyant@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում քննարկվում և վեր են լուծվում դասական և ժամանակակից հոգեթերապևտիկ մի շարք առաջատար և գիտական հիմնավորվածություն ունեցող այն տեսությունները և թերապևտիկ մոտեցումները, որտեղ այս կամ այն կերպ խոսվում է ենթաանձնավորություն հասկացության մասին, բերվում են դրանց ընդհանրությունները և տարբերությունները։

Հիմնաբառեր՝ անձի տեսություններ, անձի թերապիաներ, հոգեթերապևտիկ մոտեցումներ, ենթաանձնավորություններ։

Ներածություն

Գաղտնիք չէ, որ հոգեբանության ուսումնասիրության հիմնական առարկան մարդն է։ Դեռևս անտիկ շրջանի փիլիսոփաներն ու անտիկ մտածողներն էին փորձում փնտրել և գտնել այնպիսի հարցերի պատասխաններ, ինչպիսիք են ո՞վ է մարդը, ի՞նչն է կազմում մարդկային էությունը, որո՞նք են նրա վարքի հիմքում ընկած դրդապատճառները և մղումները։ Դրանից հետո, մեծ թափով սկզբնավորվեցին և զարգացան մի շարք հոգեբանական և թերապևտիկ ուղղություններ, որոնք փորձում էին պատաս-

խանել այն նույն հարցերին, որոնցով հետաքրքրված էին դեռևս անտիկ և միջնադարյան շրջանի մտածողները։ Սակայն ինչպես նախկինում, այստեղ նույնպես չկային միանշանակ տեսակետներ անձի կառուցվածքի և դրդապատճառների վերաբերյալ։ Յուրաքանչյուր ուղղության հիմնադիր ձգտում էր բացատրել անձի հոգեկանը՝ հիմնվելով իր պատկերացումների վրա, միաժամանակ նաև անտեսելով մի շարք կարևոր ասպեկտներ։ Այդ պատճառով էլ մեծ տարածում է գտել այն կարծիքը, որ հոգեբանական ուղղությունների և անձի տեսությունների հիմնախնդիրները հիմքում ներառում են հեղինակների կյանքի փորձը [1, 2]։

Մեթոդներ և արդյունքներ

Այժմ տեսական և պրակտիկ հոգեբանությունում առկա են հարյուրավոր անձի տեսություններ և թերապիաներ, որոնք մեծ հաշվով խմբավորվում են երեք՝ հոգեվերլուծական, վարքաբանական և հումանիստական ուղղությունների մեջ։ Յուրաքանչյուր ուղղություն անձին դիտարկում է որևէ կոնկրետ հարթության մեջ՝ առաջարկելով հասկացությունների համակարգ, որով բնութագրվում է անձի հոգեկանը։ Հասկացություններից մեկի համաձայն անձը «բաղկացած» է այսպես կոչված ենթաանձնավորություններից (ռուսերեն՝ субличность) [1, 2]։ Եթե փորձենք առօրյա տերմինաբանությամբ նկարագրել այս տերմինը, ապա այն կունենա «մարդիկ մարդու մեջ» նկարագրությունը՝ այն է յուրաքանչյուր մարդու մեջ առկա են այսպես կոչված «մասեր», որոնք ընկալվում են որպես «Ես»-ի առանձին տարրեր։

Փորձելով անդրադառնալ այս եզրույթի պատմությանը, կարող ենք նկատել, որ դրա մասին խոսվել է դեռևս անտիկ ժամանակաշրջանում։ Մասնավորապես, հին հույն փիլիսոփա Արիստոտելի կարծիքով, հոգու ավելի լավ և գիտական ճանաչման համար այն կարելի է բաժանել մասերի [3]։ Հոգեբանության և հոգեթերապիայի մեջ այս եզրույթն իր տարածումը ստացավ Զ.Ֆրոյդի հոգեվերլուծական տեսության մեջ, որի համաձայն անձն ունի «իդ, էգո, սուպերէգո» կառուցվածքը։ Չնայած դրան, ենթաանձնավորություն հասկացության մասին մինչ այդ արդեն խոսել էր Ու. Ջեյմսը՝ անձի կառուցվածքում առանձնացնելով բնական ես, սոցիալական ես և

հոգևոր ես «մասերը»: Հոգեբանության և հոգեթերապիայի մեջ ենթաանձնավորություն հասկացության մասին խոսվել են բազմաթիվ հոգեբանական տեսությունների և թերապիաների, մեջ, որոնցից են՝

- **Ռ. Ասաջիոլիի հոգեսինթեզ** – հենց իտալացի հոգեվերլուծող Ասաջիլոին էր, որ իր հոգեսինթեզի մեջ ուղղակիորեն խոսեց և գիտական հոգեբանություն մտցրեց ենթաանձնավորություն հասկացությունը: Ըստ Ասաջիոլիի, դրանք ինքնաարտահայտման համար օգտագործում են անձի մարմինը, հույզերը և մտածողությունը: Ենթաանձնավորությունները կարող են ձևավորվել տարբեր տարիքներում և ամրապնդվել շարունակական կրկնությունների միջոցով: Նույնիսկ մեկ ենթաանձավորության փոփոխությունը ազդում է անձի ողջ հոգեկան համակարգի վրա: Ենթաանձնավորության համակարգի ձևավորումը կարող է կապված լինել ինչ-որ հոգեբանական տրավմայի հետ: Անձը կարող է հեշտությամբ համոզվել իր բազմազանության մեջ, եթե հաշվի առնի, թե ինչքան հաճախ է փոխում իր աշխարհայացքը: Աշխարհի մասին տարբեր պատկերացումները տարբեր կերպ են ազդում անձի կյանքի ոճի ձևավորման վրա: Դրա համար դրանցից յուրաքանչյուրի համար անձը ձևավորում է համապատասխան շարժումներ, մտքերի զգացմունքների, բառերի, սովորույթների, կարիքների համակարգեր, որի միասնությունը հենց կազմում է ենթաանձավորությունը, որն իրենից ներկայացնում է հոգեբանական կազմավորում [4]:
- **Կ.Գ. Յունգի անալիտիկ հոգեբանություն** – շվեյցարացի մեծ հոգեբան Կ.Գ. Յունգի անալիտիկ հոգեբանության մեջ մեծ տեղ են գրավում արքետիպները, որոնք կազմում են կոլեկտիվ անգիտակցականի բովանդակությունը: Դրանց քանակությունը բավականին շատ է, սակայն Յունգն առանձնացրել է հիմնական վեց արքետիպները՝ պերսոնա, անիմա, անիմուս, ստվեր, էգո, ինքնություն [1]:
- **Է. Բեռնի տրանսակցիոն վերլուծություն** – ենթաանձնավորությունների մասին է խոսել նաև Է.Բեռնը՝ իր տրանսակցիոն վերլուծության մեջ առանձնացնելով երեխա, ծնող և մեծահասակ էգո-վիճակները (երեխա և ծնող էգո-վիճակներն ունեն իրենց առանձին «բաժանումները»): Ըստ Բեռնի, անձն իր առօրյա կյանքում «դրսևորվում» է այս երեք էգո-վիճակներով [2]:

- **Ջ. Յանգի սխեմաթերապիա** – կոգնիտիվ-վարքաբանական թերապիայի «երրորդ ալիք» համարվող սխեմաթերապիան ևս զերծ չի մնացել այս եզրույթից: Մասնավորապես, սխեմաթերապիայում առնաձնացվում են այսպես կոչված անձի ռեժիմներ, որոնք ակտիվանում են որևէ բազային հուզական պահանջմունքի բավարարման կամ չբավարարման հետևանքով: Հարկ է նշել, որ անձի ռեժիմների քանակությունն անընդհատ աճման միտում ունի՝ Ջ. Յանգն առանձնացրել էր ընդամենը տաս ռեժիմ [5], հետագայում դրանց քանակությունը կրկնապատկվեց [6], իսկ այժմ առանձնացվում են երեսունից ավելի անձի ռեժիմներ, որոնք դասակարգվում են չորս կատեգորիաների մեջ [7]:
- **Ս. Հեյեսի ընդունման և պատասխանատվության թերապիա (անգլերեն հապավումը՝ ACT)** – կոգնիտիվ-վարքաբանական թերապիայի մեկ այլ «երրորդ ալիք» հանդիսացող թերապիայի հիմնական հասկացություններից է սելֆը որպես կոնտեքստ եզրույթը, որի առանցքային մաս է կազմում այսպես կոչված նկատող ես-ը (ռուսերեն՝ наблюдающее я) [8]:
- **Պ. Գիլբերտի կարեկցանքի վրա կողմնորոշված թերապիա (անգլերեն հապավումը՝ CFT)** – կոգնիտիվ-վարքաբանական թերապիայի մեկ այլ «երրորդ ալիք» հանդիսացող թերապիայում նկարագրվում է անձի տարբեր մասերի և այսպես կոչված կարեկցող ես-ի (ռուսերեն՝ сострадательное я) մասին, որն ունի բնածին իմաստություն, քաջություն և կարեկցություն և որի զարգացմանն էլ ուղղված է թերապիան [9]:
- **Ռ. Շվարցի ներքին ընտանեկան համակարգային թերապիա (անգլերեն հապավումը՝ IFS)** – հումանիստական ուղղվածություն ունեցող այս թերապիայում խոսվում է անձի մասերի մասին, որոնք դասակարգվում են երեք խմբի մեջ, սակայն որոնց քանակությունն անթիվ է: Միևնույն ժամանակ առկա է այսպես կոչված սելֆը՝ անձի ինքնությունը, որն օժտված է բնածին իմաստությամբ և կարեկցանքով (առանձնացվում են սելֆի ութ հիմնական որակներ) և անկախ ամեն ինչից առկա է յուրաքանչյուր անձի մոտ [10]:

Չպետք է սխալմամբ ենթադրել, որ վերոնշյալ անձի տեսությունները և թերապիաները բոլորն էին, որոնցում խոսվել է ենթաանձնավորություն հասկացության մասին: Եզրույթն այս կամ այն կերպ դիտարկվել է նաև այնպիսի տեսություններում և թերապիաներում, ինչպիսիք են գեշտալտ թերապիան (իդ, էգո, պերսոնալիթի), նեյրոլինգվիստիկ ծրագրավորումը (անձն ունի անթիվ ենթաանձնավորություններ և ստեղծագործական ես), դիալեկտիկական-վարքաբանական թերապիան (տրամաբանական բանականություն, հուզական բանականություն և իմաստուն բանականություն):

Առաջին հայացքից իրար հետ ընդհանրապես կապ չունեցող, իրենց տեսական և թերապևտիկ ենթադրությունների մեջ միմյանց հակասող այս բոլոր թերապիաներում առկա են մի շարք չափազանց կարևոր տարբերություններ և ընդհանրություններ: Տարբերությունների մասին խոսելիս, կարելի է նշել, որ յուրաքանչյուր մոտեցում փորձում է յուրովի մեկնաբանել անձի կառուցվածքը և իր դրդապատճառային համակարգը: Առավել հետաքրքիր է քննարկել վերոնշյալ թերապիաներում առկա ընդհանրությունների մասին: Մասավորապես՝

- Բոլոր հիմնադրույթներում այս կամ այն կերպ խոսվում է ենթաանձնավորություն հասկացության մասին, որոնք չնայած տարբեր թերապիաներում ունեն տարբեր եզրույթներ(արքետիպներ, էգո-վիճակներ, անձի ռեժիմներ, անձի մասեր և այլն), սակայն դրանց էությունը մնում է անփոփոխ՝ բոլոր թերապիաներն էլ անձի կառուցվածքում ընդունում են ենթաանձնավորություն եզրույթը՝ անձի հոգեկանի կառուցվածքում առանձնացնելով տարբեր «մասեր»;
- Խորությամբ ուսումնասիրելով վերոնշյալ բոլոր թերապևտիկ ուղղությունները կարելի է նկատել չափազանց կարևոր ևս մեկ ընդհանրություն՝ վերոնշյալ թերապիաներից շատերում առանձնացվում են երեք հիմնական խմբի ենթաանձնավորություններ՝
  - ✓ **առաջին խմբի** ենթաանձնավորությունները կապված են մի շարք բացասական հույզերի և հոգեվիճակների և դրանց վերապրման հետ, որոնք տարբեր թերապիաներում կրում են տարբեր անուններ: Նման հոգեվիճակները հիմնականում իրենց մեջ «կրում» են անձի տարբեր տարիներին առկա հոգեբանական

տրավմաները: Մասնավորապես, տրանսակցիոն վերլուծության մեջ նման հոգեվիճակները ստացել են հարմարվող երեխա անունը, իսկ սխեմաթերապիայում և ներքին ընտանեկան համակարգային թերապիայում նման հոգեվիճակները մեկից ավելի լինելու պատճառով համակարգվել են մեկ խմբի մեջ: Առաջին դեպքում այդ հոգեվիճակները ստացել են խոցելի ռեժիմներ, իսկ երկրորդ դեպքում՝ աքսորյալ մասեր(ռուսերեն՝ изгнание части) անունները,;

- ✓ **երկրորդ խմբի** ենթաանձնավորությունները կապված են այնպիսի բացասական հոգեվիճակների հետ, որոնք այս կամ այն կերպ կապված են պահանջմունքների միանգամից բավարարման, ագրեսիվ մղումների և գերակայության հետ: Մասնավորապես, հոգեվերլուծության մեջ առկա է իդ, անալիտիկ հոգեբանության մեջ՝ ստվեր, տրանսակցիոն վերլուծության մեջ՝ ըմբոստ երեխա տերմինները, իսկ սխեմաթերապիայի և ներքին ընտանեկան համակարգային թերապիայի մեջ դրանց քանակությունը մեկից ավելին է: Առաջին դեպքում դրանք ունեն գերփոխհատուցող ռեժիմներ, իսկ երկրորդ դեպքում՝ պաշտպանիչ մասեր անվանումները: Չափազանց կարևոր է նշել նաև, որ այս խմբի ենթաանձնավորությունները «առաջանում» են նախորդ խմբի ենթաանձնավորությունների պահանջմունքների չբավարարման հետևանքով, ինչում կարելի է համոզվել անձի մի շարք տեսություններ ուսումնասիրելիս,

Երրորդ խմբի ենթաանձնավորություններն ամբողջացվում են այնպիսի հոգեվիճակների տեսքով, որն ունի բնածին իմաստություն, կարեկցություն, քաջություն և բազմաթիվ նման որակներ: Մասնավորապես, հոգեսինթեզում այն ստացել է իրական «ես», անալիտիկ հոգեբանության մեջ՝ ինքնություն արքետիպ, տրանսակցիոն վերլուծության մեջ՝ մեծահասակ էգո-վիճակ, սխեմաթերապիայում՝ առողջ մեծահասակ ռեժիմ, կարեկցանքի վրա կողմնորոշված թերապիայում՝ կարեկցող ես, ներքին ընտանեկան համակարգային թերապիայում՝ սելֆ և այլն: Չնայած անունների և դրանցում նկարագրված էությունների որոշակի տարբերություններին, առկա է չափազանց կարևոր ընդհանրություն՝ ընդունվում է, որ յուրաքանչյուր անձի մեջ անկախ ամեն ինչից առկա է այն անհրաժեշտ և բավարար ներուժը

և իմաստությունը, որն անհրաժեշտ է ցանկացած խնդիր արդյունավետ կերպով լուծելու և հաղթահարելու համար։

Աղյուսակ 1.

Անձի տեսություններում և թերապիաներում առկա եզրույթների նմանությունը

Հոգեվիճակներ/-թերապիա	**Բացասական հոգեվիճակներ (առաջին խումբ)**	**Բացասական հոգեվիճակներ (երկրորդ խումբ)**	**Դրական հոգեվիճակներ (երրորդ խումբ)**
Հոգեվերլուծություն	Սուպերէգո	Իդ	Էգո
Հոգեսինթեզ	Ստորին անգիտակցականի որոշակի մաս	Ստորին անգիտակցականի որոշակի մաս	Իրական «ես»
Անալիտիկ հոգեբանություն	Ստվեր արքետիպի որոշակի մաս	Ստվեր արքետիպի որոշակի մաս	Ինքնություն արքետիպ
Տրանսակցիոն վերլուծություն	Հարմարվող երեխա	Ըմբոստ երեխա	Մեծահասակ էգո-վիճակ
Սխեմաթերապիա	Խոցելի ռեժիմներ	Գերփոխհատուցող ռեժիմներ	Առողջ մեծահասակ ռեժիմ
Ընդունման և պատասխանատվության թերապիա	Սելֆը որպես կոնտեքստ	Սելֆը որպես կոնտեքստ	Նկատող ես (ռուսերեն՝ наблюдающее я)
Կարեկցանքի վրա կողմնորոշված թերապիա	Անձի մասեր	Անձի մասեր	Կարեկցող ես (ռուսերեն՝ сострадательное я)
Ներքին ընտանեկան համակարգային թերապիա	Աքսորյալ մասեր (ռուսերեն՝ изгнание части)	Պաշտպանիչ մասեր (ռուսերեն՝ защищающее части)	Սելֆ

Իհարկե, վերոնշյալ աղյուսակում առկա նմանությունները որոշ դեպքերում չափազանց մոտավոր են, չպետք է մտածել, որ դրանք ամբողջու-

թյամբ համընկնում են: Դրա հետ մեկտեղ, եզրույթների նմանությունները որոշ դեպքերում չափազանց նման են, ինչը կարելի է համոզվել համապատասխան տեսությունների խորքային ուսումնասիրությամբ: Մասնավորապես, օրինակ կարեկցանքի վրա կողմնորոշված թերապիայում առկա կարեկցող ես-ը չափազանց նման է ներքին ընտանեկան համակարգային թերապիայում առկա սելֆի հետ և այլն:

Այսպիսով, վերոնշյալ թերապիաների վերլուծությունից կարելի է նկատել հետևյալը՝ ենթաանձնավորություն եզրույթը կիրառվել և կիրառվում է թե պատմական, թե ժամանակակից հոգեթերապևտիկ մոտեցումներում, այն ունեցել է նաև յուրահատուկ զարգացում՝ պատմականորեն ավելի հին թերապևտիկ մոտեցումներում հիմնականում առանձնացվել են կոնկրետ քանակությամբ ենթաանձնավորություններ(հոգեվերլուծություն, տրանսակցիոն վերլուծություն), այնինչ ավելի ժամանակակից թերապևտիկ մոտեցումներում ենթաանձնավորությունների հստակ քանակություն մեծ մասամբ չի սահմանվում, դրանք խմբավորվում են որևէ կատեգորիայի մեջ(սխեմաթերապիա, ներքին ընտանեկան համակարգային թերապիա և այլն): Այս փաստը ևս ունի չափազանց կարևոր նշանակություն, որը կարող է հիմք հանդիսանալ անձի հոգեկանի կառուցվածքի և դրա էության ավելի խորքային ընկալման համար:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности, 3-ое издание. СПб.: «Питер», 1992, 402с.
2. *Паттерсон С., Уоткинс Э.* Теории психотерапии, 5-ое изд. СПб.: «Питер», 1997, 358с.
3. *Петухов В.В.* Общая психология (Конспект лекций). М.: МГУ, 1997, 593с.
4. http://www.hogeban.info/hnqեuhինթեq.php
5. *Янг Д., Клоско Д., Вайсаар М.* Схема-терапия. практическое руководство. СПб.: «Питер», 2020, 466с.
6. *Арнтц А. Якоб Г.* Практическое руководство по схема-терапии. Методы работы с дисфункциональными режимами при личностных расстройствах. СПб.: «Питер», 2016, 310с.
7. https://schema-therapy.ru/modes
8. *Хэррис Р.* Терапия принятия и ответственности, полное наглядное поссобие по терапии принятия и ответственности, революционные методы и стратегии для содействия глубоким изменениям в поведении клиентов. М.: «Эксмо», 2022, 544с.

9. *Кольц Р.Л.* Терапия, сфокусированная на сострадании, практическое руководство для клинических психологов. КиЇв: Комп'ютерне видавництво «ДіАЛЕКТИКА», 2021, 338с.
10. *Андерсон Ф.Г., Суизи М., Шварц Р.С.* Внутренние семейные системы. Пособие по обучению системным навыкам. СПб.: «Питер», 2021, 290с.

КОНЦЕПЦИЯ СУБЛИЧНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ И СОВРЕМЕННОМ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЯХ

Г.О. Асчян, Т.З. Малумян

Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается и анализируется ряд ведущих и научно обоснованных классических и современных психотерапевтических теорий и терапевтических подходов, которые так или иначе затрагивают концепцию субличности, а также представлены их общие черты и различия.

Ключевые слова: теории личности, терапии личности, психотерапевтические подходы, субличности.

THE CONCEPT OF SUBPERSONALITY IN HISTORICAL AND CONTEMPORARY PSYCHOTHERAPEUTIC DIRECTIONS

G. Aschyan, T. Malumyan

Vanadzor State University named after H. Tumanyan

ABSTRACT

The article examines and analyzes a number of leading and scientifically sound classical and modern psychotherapeutic theories and therapeutic approaches that, in one way or another, talk about the concept of subpersonality, and presents their commonalities and differences.

Keywords: personality theories, personality therapies, psychotherapeutic approaches, subpersonalities.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-431-442

ВЗАИМОСВЯЗЬ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А.С. Берберян, К.А. Абаджян

Российско-Армянский университет
Институт международных отношений и общественно политических наук
Кафедра психологии
aspsy@inbox.ru, abajyankaka@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с учебной мотивацией и копинг-стратегиями у студенческой молодежи. Был проведен теоретический анализ на основе положения о мотивации таких авторов, как А. Маслоу, Б. Скиннер и В. Врум, а также научные работы по копинг-стратегиям Лазаруса, Фолькмана, Р. Мосса и Р. Шефера и др. авторов. Концепции учебной мотивации и копинг-стратегий позволяют глубже понять психологические механизмы, влияющие на успешность учебной деятельности студентов и их способность справляться со стрессом в процессе обучения.

В статье проведено эмпирическое исследование с целью выявления взаимосвязи между особенностями учебной мотивации, предпочитаемыми копинг-стратегиями и академической успешностью студентов вузов. Полученные результаты показали, что студенты с преобладающей внутренней мотивацией и активными проблемно-ориентированными копинг-стратегиями демонстрируют более высокие показатели учебной адаптации и эмоционального благополучия.

Ключевые слова: учебная мотивация, копинг-стратегии, учебная деятельность, студенческая молодежь.

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что данные вопросы определяют качество образования и высокий уровень академической успеваемости у студентов. В современном мире высшее образование играет ключевую роль в формировании профессиональной и личностной идентичности мо-

лодежи. Студенческая жизнь, полная академических вызовов, социальных взаимодействий и личных изменений, часто сопровождается стрессовыми ситуациями, которые требуют эффективных механизмов адаптации. В этом контексте особый интерес представляет взаимосвязь между учебной мотивацией и копинг-стратегиями у студенческой молодежи. Учебная мотивация, определяемая как внутренний или внешний импульс к достижению образовательных целей, влияет на то, как студенты воспринимают и преодолевают трудности в обучении. В то же время копинг-стратегии – это поведенческие и когнитивные способы справляться со стрессом, которые могут быть адаптивными (например, планирование и поиск поддержки) или дезадаптивными (избегание или отрицание проблемы).

Цель – выявить взаимосвязь учебной мотивации и копинг-стратегий у студенческой молодежи.

Гипотеза – предполагается, что существует взаимосвязь между типами учебной мотивации и некоторыми видами копинг-стратегии у студентов.

Теоретическая часть

Характеристики учебной мотивации у студенческой молодежи

Проблема мотивации на протяжении десятилетий занимает одно из центральных мест в психолого-педагогической науке, поскольку именно мотивационная сфера личности определяет направленность, устойчивость и результативность ее деятельности. В самом общем виде мотивация человека понимается как «совокупность внутренних и внешних движущих сил, которые побуждают человека к деятельности, задают ее границы и формы, придают ей направленность, ориентированную на достижение определенных целей» [6]. Многочисленные исследователи дают различные толкования понятия «мотивация». Так, например, Р.С. Немов определяет мотивацию как «побуждающую силу, направленную на стремление к удовлетворению определенных потребностей, как отдельного сотрудника, так и всего рабочего коллектива». В учебно-методической литературе по психологии предлагается следующее значение термина: «Мотивация – это совокупность потребностей, влечений и желаний человека, которые направляют его деятельность». В педагогической литературе мотивация рассматривается как «процесс или система, объединяющая в себе ряд методов и средств направляющих обучающихся к самостоятельному и активному освоению

учебногоматериала». Для полноценного анализа необходимо представить трактовки научной дефиниции «мотивация» отечественными учеными. Так В.В. Сериков пишет, что «мотивация – это состояние личности, определяющее уровень активности и направленности действий человека в определенной ситуации» [67].

По мнению С.Л. Рубинштейна «мотивация представляет собой совокупностьвнутренних условий, побуждающих и направляющих деятельность человека»[6]. Она выступает как динамическая система, в которой объединены потребности, интересы, цели и идеалы личности. А.Н. Леонтьев в рамках деятельностного подхода определял мотивацию как «систему факторов, определяющих выбор цели и средств ее достижения». По его мнению, «мотив – это то, ради чего совершается деятельность, то, что придает ей личностный смысл». [5] Не менее известный российский ученый А.М. Сергеева рассматривает мотивацию с точки зрения некоего процесса и считает, что «мотивация – это процесс, обусловленный необходимостью, которая создает побуждение к действию или активности». Мы видим, что отечественные исследователи выделяют два основных элемента в понятии – это некая деятельность, имеющая определенную направленность. Наиболее глубокой разработкой проблемы мотивации в отечественной науке занимались такие ученые как Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов [1]. В частности, Л.С. Выготский утверждает, что потребности человека определяются уровнями его развития – низким и высоким. Они развиваются внутри личности человека параллельно друг другу, то есть удовлетворение одних потребностей не происходит за счет удовлетворения других. Таким образом, согласно Л.С. Выготскому, «высшие и низшие потребности, развиваясь обособленно, управляют человеческой деятельностью».

Копинг-стратегии и виды

Копинг-стратегии – это способы, которыми люди справляются со стрессом, вызывающими событиями или эмоциями. Они могут быть эмоциональными, поведенческими или когнитивными. Например, это может быть обсуждение проблемы с другом (эмоциональная стратегия), занятие спортом (поведенческая стратегия) или переоценка ситуации (когнитивная стратегия). Копинг-стратегии помогают людям адаптироваться к стрессу и справиться с ним, уменьшая его негативные последствия [2].

Аарон Лазарус – выдающийся американский психолог, который внес значительный вклад в изучение стресса, копинга и эмоциональной адаптации. Одним из его основных вкладов является теория копинга, которая изучает, как люди реагируют на стрессоры и какие стратегии они используют для справления с трудными ситуациями.

Лазарус и его коллега Ричард Фолкман разработали модель копинг-стратегий, в которой выделяются два основных типа копинга:

- ✓ Проблемно-ориентированный копинг (Problem-focused coping): Этот тип копинга ориентирован на изменение ситуации или проблемы. Люди, использующие проблемно-ориентированный копинг, стремятся изменить факторы, вызывающие стресс, или найти пути решения проблемы [4].
- ✓ Эмоционально-ориентированный копинг (Emotion-focused coping): Этот тип копинга направлен на управление эмоциями, связанными с стрессором, а не на изменение самой проблемы. Люди используют эмоционально-ориентированный копинг, когда считают, что изменить ситуацию невозможно или нежелательно. Они стремятся изменить свои эмоциональные реакции на стресс.

Лазарус также выделял такие аспекты копинга, как перцепции контроля и оценки стрессоров.Таким образом, копинг-стратегии Лазаруса представляют собой систему, которая помогает людям адаптироваться к стрессовым ситуациям путем изменения своих мыслей, эмоций и действий [3].

Лазарус и Фолкман выделили несколько конкретных копинг-стратегий в рамках своей модели:

- ✓ Планирование действий (Planning): разработка конкретных шагов для решения проблемы или смягчения ее последствий.
- ✓ Использование позитивного переосмысления (Positive Reappraisal): переоценка ситуации в более благоприятном свете или поиск позитивных аспектов в ней.
- ✓ Избегание (Avoidance): отказ от мыслей о проблеме или попытка уйти от нее путем отвлечения или занятия другими делами.
- ✓ Поиск поддержки (Seeking Social Support): обращение за помощью, советом или поддержкой к друзьям, семье или другими людьми.
- ✓ Эмоциональное выражение (Emotional Expression): открытое выражение эмоций и чувств в ответ на стрессоры.

- ✓ Пассивное принятие (Acceptance): принятие ситуации такой, какая она есть, без попыток изменить ее или бороться с ней.

Эти стратегии могут применяться индивидуально или в комбинации в зависимости от характера стрессора, ресурсов человека и его предпочтений.

Методологические основы

1. Опросник копинг-стратегий Р. Лазаруса

На втором этапе мы использовали опросник копинг-стратегий Лазаруса, которая направлена на выявления особенностей поведения в проблемных и трудных для личности ситуациях, также для выявления факторов, которые влияют на психическую дезадаптацию в стрессовых ситуациях. С другими методиками, опросник может применятся в целях оценки эффективности психокоррекционных мероприятий.

Опросник состоит из 8 шкал, которые отражают стратегии совладающего поведения. Методика предлагает 50 утверждений, которые касаются поведения в сложной ситуации. Нужно оценить каждый из вариантов поведения по шкале; никогда – 0, редко – 1, иногда – 2, часто – 3. Методика может проводитсякак в группе, так и индивидуально. Среднее время заполнения опросника – 20–25 минут.

2. Методика для диагностики учебной мотивации студентов (А.А. Реан и В.А. Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой)

Методика разработана на основе опросника А.А. Реана и В.А. Якунина. К 16 утверждениям вышеназванного опросника добавлены утверждения, характеризующие мотивы учения, выделенные В.Г. Леонтьевым, а также утверждения, характеризующие мотивы учения, полученные Н.Ц. Бадмаевой в результате опроса студентов и школьников. Это коммуникативные, профессиональные, учебно-познавательные, широкие социальные мотивы, а также мотивы творческой самореализации, избегания неудачи и престижа.

Выборка включала лиц русской (15 человек) и армянской (15 человек) этнической. принадлежности от 18 до 24 лет, разных полов (13 м. п. 17 ж. п.). Студентов, которые учатся в разных вузах, на разных направлениях.

Анализ результатов исследования

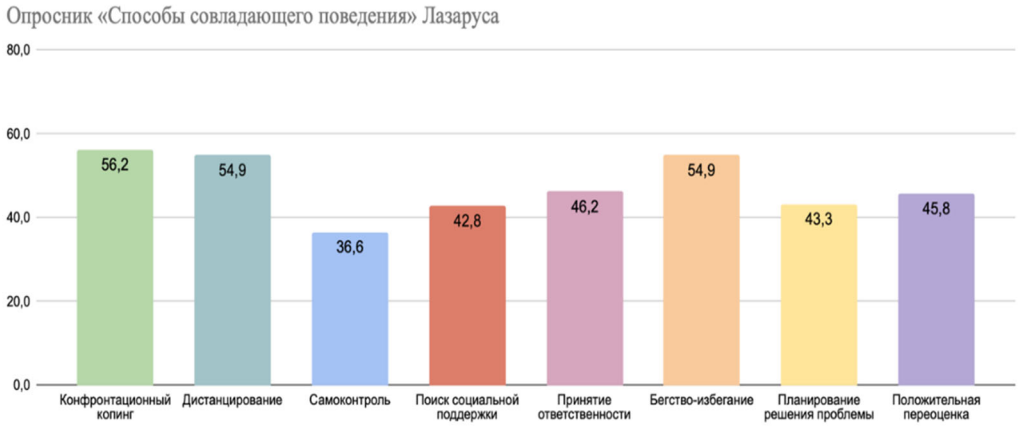
В ходе применения первой методики оценки копинг-стратегий (опросник «Способы копинга» Лазаруса-Фолкман в русской адаптации или аналогичный инструмент) были получены следующие данные:

У большинства респондентов преобладающими способами совладания со стрессом оказались следующие стратегии:

- ✓ **Конфронтационный копинг** (56,2) – активные, нередко агрессивные попытки изменить стрессовую ситуацию, прямое противостояние проблеме, выражение эмоций и напора в отношении источника стресса;
- ✓ **Дистанцирование** (54,9) – когнитивные усилия отстраниться от проблемы, минимизировать ее значимость, попытки «отпустить» ситуацию или посмотреть на нее с иронией/отстраненно;
- ✓ **Бегство-избегание** (54,9) – поведенческое и когнитивное избегание стрессора: отказ думать о проблеме, отвлечение, фантазирование, чрезмерный сон, употребление психоактивных веществ или поиск «волшебных» решений.

Таким образом, доминирующей тенденцией является использование преимущественно **эмоционально-ориентированных и избегающих стратегий**, а не проблемно-ориентированных (планирование, поиск социальной поддержки, позитивная переоценка).

График 1.

Полученные результаты свидетельствуют о преобладании у испытуемых малодатативных копинг-стратегий, которые в краткосрочной перспективе могут снижать эмоциональное напряжение, но в долгосрочной перспективе препятствуют эффективному разрешению стрессовых ситуаций и повышают риск развития психоэмоционального истощения, тревожных и депрессивных расстройств.

При использовании второй методики диагностики мотивации учебной деятельности (опросник А.К. Марковой, Т.А. Матис и А.Б. Орлова «Мотивы учебной деятельности школьников/студентов») были получены следующие данные:

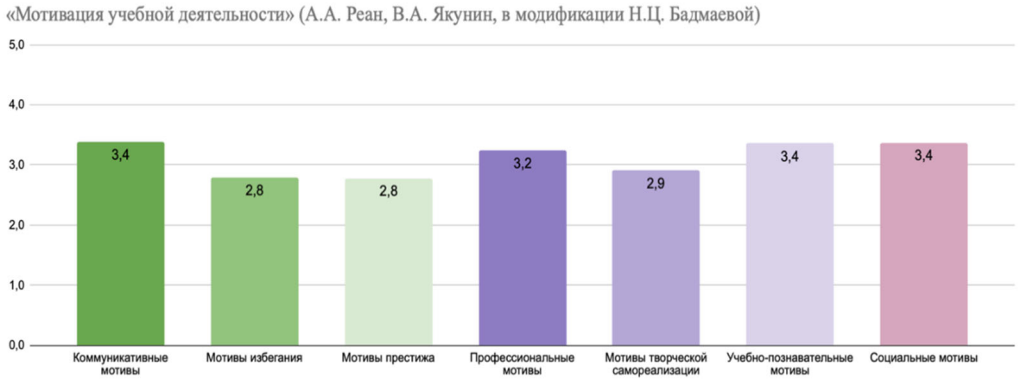
У большинства респондентов в структуре мотивации учебной деятельности доминируют следующие группы мотивов (в порядке выраженности).

- ✓ **Коммуникативные мотивы** (3,4) – желание учиться ради поддержания и развития отношений с однокурсниками/одноклассниками, стремление быть частью группы, получать одобрение и признание со стороны сверстников, избегать конфликтов или одиночества в коллективе.
- ✓ **Учебно-познавательные мотивы** (3,4) – интерес к содержанию учебного материала, стремление к получению новых знаний, удовольствие от процесса познания, освоения сложных тем и интеллектуальной деятельности как таковой.
- ✓ **Социальные мотивы** (3,4) – широкие общественные установки: желание принести пользу людям и обществу, занять достойное место в социуме, оправдать ожидания значимых взрослых (родителей, педагогов), соответствовать социальным нормам и ценностям.

Внутренние (собственно познавательные) и внешние положительные мотивы (достижения, профессионального становления) выражены умеренно, тогда как мотивы избегания неудачи, престижа и материального вознаграждения занимают подчиненное положение.

Полученные результаты свидетельствуют о сформированности у большинства испытуемых внешней положительной мотивации, сочетающей социальную ответственность и потребность в принадлежности к группе, с достаточно выраженной внутренней учебно-познавательной мотивацией.

График 2.

Корреляционны результаты

Для проверки нашей гипотезы мы провели корреляционный анализ данных показателей всех методик. Была использована встроенная функция CORREL в EXCEL.

Мы провели корреляционный анализ между показателями шкал «опросник копинг-стратегий» и «диагностики учебной мотивации».

В анализ были включены суммарные и шкальные показатели двух методик: опросника копинг-стратегий (первая методика) и диагностики мотивации учебной деятельности (вторая методика).

Среднее значение коэффициента корреляции по всем значимым парам переменных составило **r = 0,62**.

Полученное среднее значение коэффициента корреляции r = 0,62 свидетельствует о наличии **устойчивой положительной связи средней силы** между особенностями копинг-поведения и структурой мотивации учебной деятельности. Это подтверждает теоретическое положение о том, что способы совладания со стрессом и ведущие учебные мотивы представляют собой взаимосвязанные компоненты общей системы саморегуляции личности в образовательной среде.

Доминирование внешних (коммуникативных и социальных) мотивов в сочетании с преимущественным использованием эмоционально-ориентированных и избегающих копинг-стратегий указывает на недостаточную сформированность внутренне-мотивированного и проблемно-ориентированного стиля учебной деятельности. Подобная структура может обеспечи-

вать кратковременную адаптацию, но создает риски снижения академической успешности и психологического благополучия в условиях повышения нагрузки или неопределенности.

Таким образом, результаты исследования подчеркивают необходимость целенаправленной психолого-педагогической работы по формированию более адаптивного профиля: усилению внутренних учебно-познавательных и достиженческих мотивов одновременно с развитием проблемно-ориентированных копинг-стратегий и навыков позитивной переоценки стрессовых ситуаций. Полученные данные могут быть использованы при разработке программ психологического сопровождения студентов, направленных на повышение устойчивости и автономности учебной мотивации.

	Коммуникативные мотивы	Мотивы избегания	Мотивы престижа	Профессиональные мотивы	Мотивы творческой самореализации	Учебно-познавательные мотивы	Социальные мотивы
Конфронтационный копинг	0.3	0,4	0,2	0,3	0,0	0,4	0,4
Дистанцирование	0,1	**0,7**	0,2	0,0	0,2	**0.5**	**0.5**
Самоконтроль	-0,1	0,3	0,1	**-0,5**	-0,3	0,0	-0,1
Поиск социальной поддержки	0,2	**0,5**	0,1	0,1	0.1	0,2	0,2
Принятие ответственности	0,0	**0,6**	0,2	-0,1	-0,4	**0.6**	0,3
Бегство-избегание	-0,1	**0,6**	0,0	0.4	0,0	0,2	0,2
Планирование решения проблемы	-0.4	0,4	0,2	**-0,6**	-0,3	**0.6**	-0,1
Положительная переоценка	-0,1	0,1	0,1	**-0.5**	**-0,5**	-0,1	-0,1

Проведенное исследование позволило выявить устойчивую взаимосвязь между структурой мотивации учебной деятельности и предпочитаемыми копинг-стратегиями студентов (средняя корреляция $r = 0,62$ при $p < 0,01$).

Ключевые выводы

У большинства испытуемых доминируют внешние положительные мотивы (коммуникативные, социальные) и учебно-познавательные мотивы при относительно слабой выраженности внутренних мотивов достижения и профессионального самоопределения.

Вывод 1.

Полученные результаты подтверждают и конкретизируют положения транзакционной теории стресса и совладания Р. Лазаруса и С. Фолкман, а также концепцию саморегуляции учебной деятельности отечественных авторов (Л.И. Божович, А.К. Маркова, Н.Г. Милграм). Выявленная устойчивая связь между структурой мотивации учебной деятельности и предпочитаемыми копинг-стратегиями ($r = 0,62$) подчеркивает, что мотивационные и копинг-компоненты представляют собой взаимосвязанные элементы единой системы личностной саморегуляции в образовательной среде. Доминирование внешних (социальных и коммуникативных) мотивов в сочетании с преимущественным использованием эмоционально-ориентированных и избегающих стратегий совладания согласуется с представлениями о «внешнем» типе регуляции, который характеризуется меньшей автономностью и большей зависимостью от социального контекста и краткосрочного эмоционального комфорта.

Вывод 2.

Эмпирически установлено, что у большинства обследованных студентов сформирован недостаточно адаптивный мотивационно-копинговый профиль:

- ✓ преобладают коммуникативные, социальные и учебно-познавательные мотивы при относительно слабой выраженности мотивов достижения и профессионального самоопределения;
- ✓ в копинг-репертуаре доминируют конфронтационный копинг, дистанцирование и бегство-избегание;

- ✓ между внешними мотивами и избегающими/эмоционально-разряжающими копингами обнаружены положительные связи средней и высокой силы, тогда как внутренние мотивы достижения положительно коррелируют с проблемно-ориентированными и адаптивными стратегиями.

Данный профиль создает риски снижения академической успешности, эмоционального выгорания и трудностей профессионального самоопределения в условиях возрастания нагрузки и неопределенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Выготский Л.С.* Психология. М.: «ЭКСМО-Пресс», 2010, С. 159.
2. *Голомидова Т.М*. Копинг-стратегии в психологии стресса // «Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки». Новосибирск, 2017.
3. *Коломейцев Ю.А., Корзун С.А*. Основные научные подходы к копинг-поведению (совладающему поведению) // «Проблемы управления», № 2 (35), 2010.
4. *Лазарус Р.С.* Индивидуальная чувствительность и устойчивость к психологическому стрессу // «Психологические факторы на работе и охрана здоровья». М.-Женева, 1989. СС. 121–126.
5. *Леонтьев А.Н*. Потребности, мотивы и эмоции. М.: Изд-во МГУ, 1971.С. 11.
6. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: «Евразия», 2006. С. 97.
7. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии, 2-е изд. СПб.: «Питер», 2003. С. 685.

THE RELATIONSHIP BETWEEN ACADEMIC MOTIVATION AND COPING STRATEGIES AMONG UNIVERSITY STUDENTS

A. Berberyan, K. Abajyan

Russian-Armenian University
Institute of International Relations and Socio-Political Sciences
Department of Psychology

ABSTRACT

This article addresses issues related to academic motivation and coping strategies among university students. A theoretical analysis was conducted based on motivational theories proposed by such scholars as A. Maslow, B. Skinner, and V. Vroom, as well as research on coping strategies by Lazarus, Folkman, R. Moss, and R. Shafer, among others.

The concepts of academic motivation and coping strategies provide a deeper understanding of the psychological mechanisms that influence students' academic performance and their ability to cope with stress during the learning process.

The article presents an empirical study aimed at identifying the relationship between the characteristics of academic motivation, preferred coping strategies, and students' academic achievement. The results demonstrate that students with predominantly intrinsic motivation and active problem-focused coping strategies exhibit higher levels of academic adaptation and emotional well-being.

Keywords: academic motivation, coping strategies, learning activity, university students.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-443-459

ТИПЫ ЛИЧНОСТИ И ВОВЛЕЧЕННОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СФЕРУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

А.С. Берберян, К.А. Абаджян

Российско-Армянский университет
Институт международных отношений и общественно политических наук
Кафедра психологии
aspsy@inbox.ru, abajyankaka@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена исследованию типов личности и степени вовлеченности студенческой молодежи в сферу Искусственного интеллекта. *Актуальность темы* обусловлена всевозрастающей ролью ИИ в учебно-образовательной среде, что делает важным изучение психологических факторов, влияющих на уровень интереса и активности студентов в данной области. Рассматриваются типы личности, которые определяют их познавательный интерес и потребности в принятии решений в различных сферах жизнедеятельности.

Ключевые слова: тип личности, вовлеченность, искусственный интеллект, студенческая молодежь.

В современном мире, который характеризуется высокой динамикой социальных процессов и высоким уровнем цифровизации, проблема соотношения типов личности в контексте стремительного роста использования технологий Искусственного интеллекта (ИИ) остается особенно значимой. В этих условиях личностные типы определяют не только индивидуальные стратегии поведения, но и эффективность взаимодействия человека с изменяющейся реальностью.

Не менее важным аспектом остается влияние референтных групп. В современном обществе они формируются не только в традиционных социальных кругах, но и в цифровом пространстве – через социальные сети, профессиональные сообщества и онлайн-платформы. Такие группы часто выступают как балансирующий фактор, позволяющий интегрировать разные модели поведения. Некоторые люди активно включаются в них, ис-

пользуя группы как источник определенного ресурса для себя. В то же время другие дистанцируются, но при этом используют группы как ценностные ориентиры.

Понимание распределения личностных типов и их взаимодействия с референтными группами становится ключевым ресурсом для адаптации человека в условиях цифровой трансформации и расширяющегося применения ИИ.

Полученные нами результаты выявляют взаимосвязь вовлеченности студентов в сферу искусственного интеллекта и некоторых типов личности. Представленный анализ направлен на расширение представлений о взаимодействии личности и технологической среды, а также на разработку практических рекомендаций для регулирования сферы взаимодействия личности и ИИ.

Гипотезы

1. Предполагается, что существует взаимосвязь между типами личности и вовлеченностью в технологии ИИ при их использовании в учебных целях.

2. Предполагается, что существует взаимосвязь между типами личности и:

а) уровнем осведомленности о технологиях ИИ;

б) эффективностью использования ИИ в учебном процессе.

3. Предполагается, что есть взаимосвязь между типом личности и уровнем доверия к информации и рекомендациям, полученным о ИИ.

Цель исследования: исследование типов личности и вовлеченности в сферу Искусственного интеллекта у студенческой молодежи.

Теоретико-методологическая база нашего исследования – по проблеме изучения психотипов личности теоретические положения К.Г. Юнга, по вовлеченности студенческой молодежи положения В.Я. Ляудис, П.И. Зинченко, Д. Дьюи, Н.Г. Молошонок и др.

Методами исследования стали анализ научной литературы и тестирование, в том числе разработанная нами анкета.

Для исследования были использованы следующие методы: анализ научной литературы, анкетирование, тестирование, в том числе:

- ✓ методика определения типа личности по Юнгу;

- ✓ авторская анкета для исследования отношения студенческой молодежи к технологиям искусственного интеллекта (ИИ), а также особенностей референтных групп у студенческой молодежи.

Исследование вовлеченности студенческой молодежи опирается на психологико-педагогические подходы, среди которых значимое место занимают положения, сформулированные В.Я. Ляудис. Ученый рассматривала вовлеченность не как разовое действие, а как устойчивую систему отношений, включающую когнитивные, эмоциональные и деятельностные компоненты, формирующие у молодого человека осознанную позицию участника образовательного и социального процесса. Согласно Ляудис, вовлеченность возникает тогда, когда студент ощущает личностную значимость деятельности, видит ее социальный смысл, а также имеет возможность проявлять инициативу и субъектность [7]. Ляудис подчеркивала, что развитие вовлеченности студентов связано с созданием условий для их активного включения в коллективные формы работы, где формируются навыки саморегуляции, ответственности и сотрудничества. Важным элементом выступает организация образовательной среды, стимулирующей «позицию автора» – способность студента самостоятельно ставить цели, планировать собственную деятельность и оценивать ее результаты [8]. Таким образом, вовлеченность, в трактовке Ляудис, – это не только участие в деятельности, но и развитие личностного отношения к ней, формирование внутренних мотивационных структур и ценностных установок.

Подход В.П. Зинченко к проблеме вовлеченности основывается на его представлении о глубинных психических процессах и роли сознания в регуляции активности личности. Зинченко рассматривал вовлеченность как состояние целостного включения субъекта в деятельность, в котором объединяются внимание, память, эмоциональное отношение и смысловое переживание. В контексте студенческой молодежи это означает, что подлинная вовлеченность формируется не только через внешнюю активность, но и через внутреннюю мотивацию, развитие личностного смысла учения и эмоционально-познавательную насыщенность образовательного опыта. Согласно Зинченко, устойчивое участие студентов возникает тогда, когда образовательная среда обеспечивает условия для появления личностно значимых смыслов, стимулирует познавательное напряжение, поддерживает чувство интереса и исследовательской направленности. Итак, вовлеченность выступает как результат сложного взаимодействия когнитивных и

эмоционально-смысловых процессов, определяющих глубину и качество включенности студента в учебную и общественную деятельность [6].

Подход Дж. Дьюи к вовлеченности молодежи основан на идее *learning by doing* – обучении через деятельность и личный опыт. Дьюи подчеркивал, что подлинная вовлеченность возникает тогда, когда студент сталкивается с реальными задачами, способными пробуждать интерес, поддерживать исследовательскую активность и формировать осознанное отношение к процессу учения [3]. Важнейшим условием выступает связь образовательного содержания с жизненными ситуациями, что позволяет студентам видеть практическую значимость знаний. Тем самым вовлеченность, по Дьюи, проявляется как состояние активного, мотивированного участия, основанного на свободе выбора, опыте взаимодействия и естественной познавательной инициативе.

Н.Г. Молошонок рассматривает вовлеченность студенческой молодежи преимущественно с позиции образовательной социологии и исследований академического опыта: она формируется через сочетание академической, социально-коммуникативной и внеучебной активности, каждая из которых способствует укреплению связей студента с университетским сообществом. Молошонок подчеркивает, что высокий уровень вовлеченности связан с качеством взаимодействия студентов с преподавателями, участием в студенческих организациях, возможностью проявлять инициативу и ощущать поддержку со стороны института [11]. В результате, вовлеченность понимается как комплексный индикатор успешной адаптации, удовлетворенности обучением и готовности студента к активному построению собственной образовательной траектории.

Одним из значимых подходов к изучению индивидуально-психологических различий является типология личности, разработанная К.Г. Юнгом. Исследователь рассматривал личность как систему сознательных и бессознательных компонентов, формирующих устойчивые способы ориентации человека в мире [13]. Центральным положением данного подхода является выделение двух противоположных установок – интроверсии и экстраверсии, которые отражают направление психической энергии и степень вовлеченности субъекта во внешний или внутренний мир. Экстраверт ориентирован преимущественно на социальные нормы, внешние стимулы и межличностное взаимодействие, тогда как интроверт сосредоточен на собственных переживаниях, субъективных оценках и внутренней мотивации.

При этом Юнг подчеркивал компенсаторный характер психики: в каждом человеке присутствуют обе установки, а одна из них доминирует на уровне сознания, в то время как другая проявляется на бессознательном уровне, обеспечивая психологическое равновесие [6].

Дальнейшее развитие типологии связано с предположением о существовании четырех базовых психических функций – ощущения, мышления, чувства и интуиции. Каждая из них присутствует у всех людей, однако одна становится ведущей, определяя стиль восприятия, принятия решений и поведения. Современная психология также выделяет амбивертный тип личности – индивидуумов, сочетающих интровертные и экстравертные качества в относительно сбалансированной форме. Амбиверты демонстрируют высокую адаптивность и гибкость социальных стратегий, что может способствовать более устойчивой и многоплановой вовлеченности в сферу Искусственного интеллекта [14].

Наиболее сильно личность изменяется под влиянием рефератных групп. Референтная группа – это условная или реальная социальная группа, на нормы, мнения, оценки и ценности которой индивид ориентируется в своем поведении и с которой соотносит себя. Впервые дать определение понятию «референтность» попыталась Е.В. Щедрина, по мнению которой, референтность состоит в том, что направленность индивида на некоторый значимый для него объект может быть реализована посредством установления взаимодействия с другим индивидом [12]. Референтные группы классифицируются по нескольким основаниям: по функциям – нормативные, задающие нормы и ориентиры поведения, и сравнительные, служащие эталоном для самооценки; по членству – на группы присутствия и идеальные; по отношению индивида к их ценностям – на положительные и отрицательные. При этом одна и та же группа может одновременно выполнять как нормативную, так и сравнительную функцию [12].

Искусственный интеллект (ИИ) в образовательной среде выступает как фактор, способный существенно повысить мотивацию и участие студентов за счет персонализации, автоматизации рутинных задач и создания новых практических форматов обучения. Современные системы ИИ позволяют адаптировать учебные траектории под индивидуальные потребности: подбирать задания по уровню, давать мгновенную обратную связь и формировать рекомендации по дальнейшему изучению материала. Это особенно важно для студентов, которые ценят самостоятельное углубленное изучение или нуждаются в гибких путях освоения сложных тем [1].

Практическая вовлеченность усиливается за счет инструментов, которые делают возможным быстрое прототипирование и тестирование идей: облачные платформы для обучения моделей, среды для совместной разработки и автоматизированные системы оценки проектов. ИИ способствует расширению спектра учебных активностей – от лабораторных работ до междисциплинарных стартапов и исследовательских инициатив. Наряду с преимуществами, внедрение ИИ порождает вызовы, которые влияют на вовлеченность: вопросы прозрачности алгоритмов, этики использования данных, а также необходимость развития цифровой и критической грамотности у студентов. Для некоторого типа людей эти аспекты могут стать ключевыми мотиваторами участия – они привлекают внимание к социальным последствиям технологий и к задачам по оценке их воздействия [4].

Юнгианская типология опирается на две базовые ориентации – экстраверсию и интроверсию – и на четыре психические функции: ощущение, мышление, чувство и интуиция. В контексте обсуждения искусственного интеллекта эти категории помогают понять, как разные психологические установки влияют на мотивацию и формы участия в ИИ-активностях. Анализ современного дискурса об ИИ с юнгианской точки зрения подчеркивает необходимость сочетания дальновидной разработки технологий и внимания к их социальным и этическим последствиям.

Для исследования типов личности и вовлеченности в сферу искусственного интеллекта у студенческой молодежи нами было проведено эмпирическое исследование.

Наша выборка состояла из 40 человек, в возрасте от 18 до 35 лет. В нашу выборку входили 30 человек в возрасте от 18–23 лет, и 10 человек в возрасте от 24–35 лет, 20 респондентов женского пола и 20 респондентов мужского. Все они являются студентами 1-го и 2-го курса по направлению «Психология» в Российско-Армянском университете (Табл. 1).

При проведении исследования нами была использована авторская анкета для исследования отношения студенческой молодежи к технологиям Искусственного интеллекта (ИИ), а также особенностей референтных групп у студенческой молодежи.

В мнении, которое оказывает наибольшее влияние на поведение респондентов, основным ориентиром остается собственное мнение (34%), однако почти равное значение имеет влияние партнера (32%). Существенную

роль играют друзья (22%), умеренную – родители (10%), а религиозные убеждения оказывают минимальное воздействие (2%) (Рис. 1).

Таблица 1.

Результаты социально-демографического исследования

		Количество респондентов
Возраст	18-23	30
	24-35	10
Пол	Мужской	20
	Женский	20
Курс обучения	1 курс	20
	2 курс	20

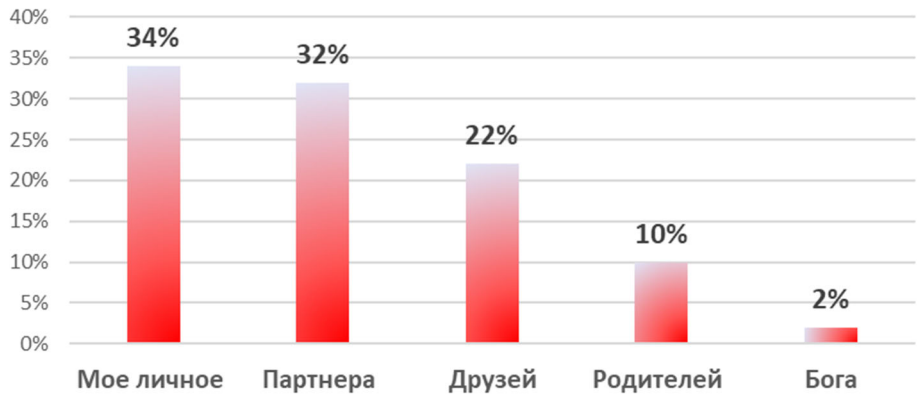

Рисунок 1. Результаты опроса о «значимых людях, влияющих на поведение».

Мнение, с которым чаще всего согласовывают свое поведение и решения большинство респондентов, ориентируется на собственные убеждения: 50% согласовывают решения с самим собой, что отражает автономность и внутренний локус контроля. Существенное влияние оказывает мнение партнера (30%), умеренное – друзей (15%), минимальное – родителей (5%). Таким образом, главным ориентиром выступает личная позиция, а внешние мнения играют вспомогательную роль (Рис. 2).

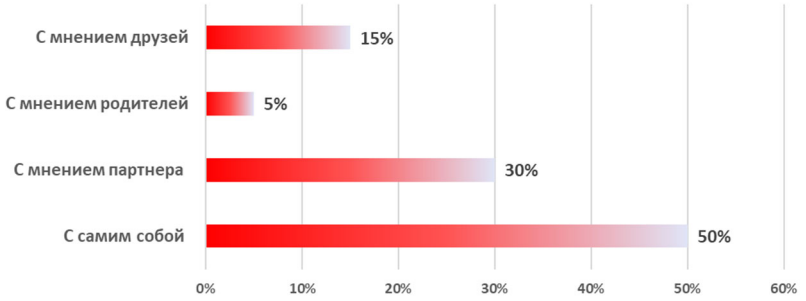

Рисунок 2. Результаты оценки групп в случае согласования своего поведения и решения.

Нами было выявлено, что самым часто используемым ИИ сервисом среди респондентов является нейросеть ChatGPT (Open AI) (97%). Среди наших респондентов чаще всего используется социальная сеть Telegram – 33%, а второе место по популярности занимает Instagram – 32% (Табл. 2).

Таблица 2.

Процентное соотношение самых часто используемых социальных сетей среди респондентов

Социальная сеть, которой чаще всего пользуются респонденты	
Название социальной сети	**Процентное соотношение**
Telegram	33%
Instagram	32%
YouTube	20%
TikTok	15%

Осведомленность в технологиях ИИ респондентами была оценена следующим образом (Рис. 3). Наиболее распространенные оценки – 4 (38%) и 5 (32%). Лишь 5% участников поставили оценку 2 и 0% – оценку 1, что говорит о минимальной доле пользователей с низким уровнем понимания технологий ИИ (Рис. 3).

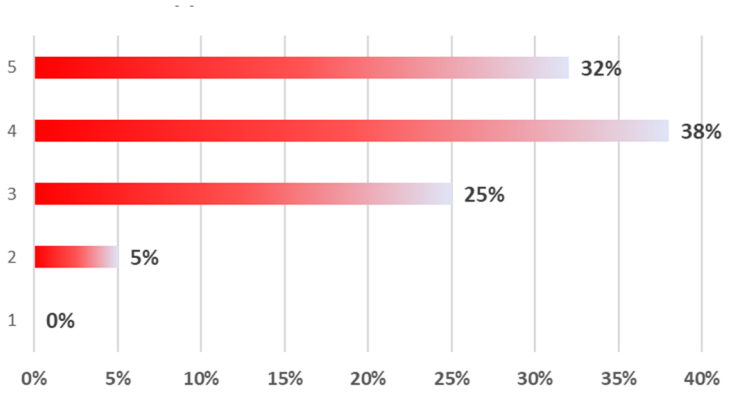

Рисунок 3. Результаты осведомленности технологиями ИИ у респондентов.

В рамках «желания применять» ИИ в будущей профессии основная доля респондентов поставила 3 (27%) и 5 (27%), что отражает умеренный и высокий интерес к использованию ИИ в профессиональной сфере. Оценки 1 (10%) и 4 (18%) показывают наличие части выборки, которая относится к ИИ либо настороженно, либо без ярко выраженного энтузиазма. В целом, желание применять ИИ нельзя назвать однозначно высоким, но заинтересованность прослеживается.

Большинство респондентов положительно оценивают эффективность ИИ в обучении: наибольшая доля приходится на оценку 5 (43%) и 4 (30%). Это указывает на уверенность большинства участников в том, что ИИ способствует повышению эффективности обучения. Только 5% поставили оценку 1 (Рис. 4).

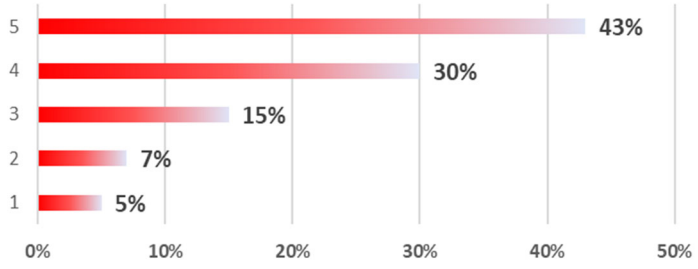

Рисунок 4. Представление респондентов об эффективности ИИ в учебном процессе.

Для рутинных задач 60% респондентов используют ИИ на уровне 5, а еще 20% – на уровне 4. Таким образом, 80% участников достаточно активно

используют ИИ для выполнения повседневных обязанностей. Минимальные значения (оценки 1 и 2 – 7% и 5%) свидетельствуют о малой доле тех, кто редко прибегает к ИИ.

Хотя ИИ активно используется в рутинных задачах, его применение в учебе менее выражено, но все же значительное. Максимальная доля – 48%, относится к оценке 5, а еще 24% – к оценке 4. Средние оценки (17% за 3) показывают наличие умеренной, но не максимальной вовлеченности среди отдельных групп. Данный вопрос отражает уровень вовлеченности наших респондентов в процесс использования ИИ в учебных целях.

В рамках «доверия информации», полученной от ИИ, наблюдается более низкий уровень уверенности, поскольку наибольшая доля – 39%, выбрала оценку 3, а высокие оценки 4 и 5 набрали лишь 19% и 15%, соответственно, а 27% респондентов выбрали оценку 2. Это указывает на то, что, несмотря на активное использование ИИ, доверие к информации от него остается умеренным (Рис. 5).

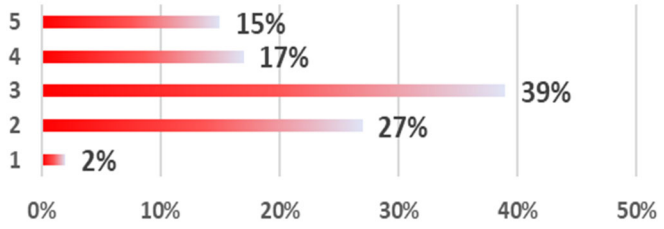

Рисунок 5. Результаты по выявлению уровня доверия респондентов информации, полученной от ИИ.

В рамках исследования референтных групп большинство участников оценивают ориентацию на чужое мнение как среднюю или низкую. Наибольшие значения распределены между оценками 3 (22%), 4 (39%) и 5 (12%). Высокие показатели (4 и 5 – всего 51%) говорят о том, что половина респондентов в той или иной степени ориентируются на мнение окружающих. Однако относительно низкие оценки также встречаются (5% за 1 и 22% за 2) (Рис. 6).

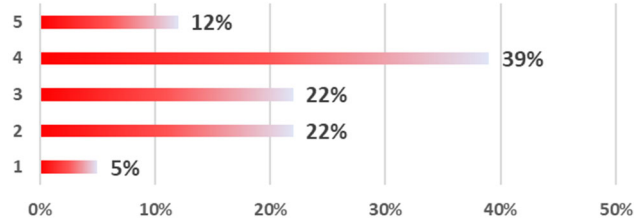

Рисунок 6. Представление об ориентации на мнение других при принятии решений.

Влияние часто используемых социальных сетей, по мнению респондентов, оказывает умеренное влияние (оценка 3 – 38%). По мнению 15% респондентов, оказывает сильное влияние (оценка 5), и лишь 7% считают их влияние незначительным (Рис. 7).

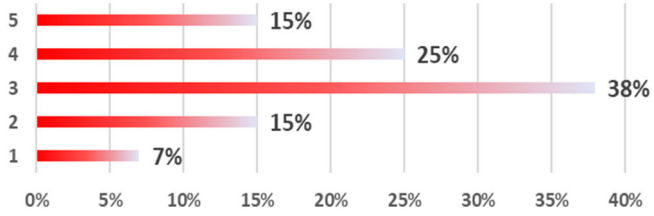

Рисунок 7. Результаты уровня влияния используемой соцсети на взгляды и ценности.

Далее представлены результаты, полученные в рамках исследования при помощи методики определения типа личности по Юнгу (Рис. 8).

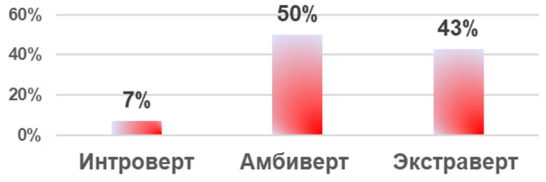

Рисунок 8. Результаты выявления типов личности по методике Юнга у студентов.

Согласно результатам типологического распределения, основанного на юнговской концепции «интроверсии-экстраверсии», в выборке наблюдается выраженное преобладание амбивертированных особенностей личности. Наиболее многочисленной оказалась группа амбивертов, составляю-

щая 50% участников. Это указывает на то, что половина респондентов сочетает в себе черты как интроверсии, так и экстраверсии, демонстрируя гибкость поведения, способность адаптироваться к различным социальным ситуациям и варьировать уровень внешней активности в зависимости от условий.

Группа экстравертов составила 43%, что свидетельствует о высоком уровне ориентированности респондентов на внешнюю среду, активное социальное взаимодействие и выраженную потребность в коммуникации. Для экстравертов характерна направленность внимания на внешние объекты, высокая энергичность и склонность к инициативности в межличностных отношениях.

Интроверты оказались наименее представленными – их доля составляет лишь 7% выборки. Это указывает на сравнительно небольшое количество участников, предпочитающих уединенную деятельность, глубокое внутреннее погружение и низкую потребность в социальной стимуляции. Присутствие даже небольшой группы интровертов важно для анализа, т.к. они обычно характеризуются более рефлексивным стилем обработки информации и ориентируются на внутренние ценности и переживания.

На следующем этапе исследования нами был проведен корреляционный анализ, между результатами полученными при помощи методики определения типа личности по Юнгу и авторской анкеты для исследования отношения студенческой молодежи к технологиям Искусственного интеллекта (ИИ), а также особенностей референтных групп у студенческой молодежи.

Наиболее выраженной оказалась связь между результатами по методике Юнга и ориентацией на мнение других при принятии решений (r=0,7). Данный коэффициент характеризует сильную положительную взаимосвязь и позволяет утверждать, что типологические особенности личности существенно связаны с социальной направленностью поведения. Другими словами, определенные черты, отраженные в юнгианской модели (в частности, вариативность между экстравертностью, интроверсией и амбивертностью), влияют на склонность человека учитывать мнение окружающих. Эта взаимосвязь является закономерной с точки зрения теории К.Г. Юнга, согласно которой ориентация сознания и предпочтительные психические функции формируют типичные поведенческие паттерны, включая степень зависимости от социального окружения (Табл. 3).

Таблица 3.

Корреляционный анализ между типами личности и результатами, полученными при изучении референтных групп у студентов

	Референтность	
	Ориентация на мнение других при принятии решений	Влияние используемой соц. сети на взгляды и ценности
Результаты, полученные по методике Юнга	0,7	0,3

Значимыми оказались также корреляции между показателями типа личности и показателями, характеризующими отношение студентов к технологиям Искусственного интеллекта. Высокая осведомленность о технологиях ИИ (r=0,6), мнение об эффективности ИИ в учебном процессе (r=0,8), уровень доверия информации, полученной от ИИ (0.7) положительно связаны с результатами по методике Юнга. Эти данные демонстрируют, что определенные личностные особенности способствуют большей технологической инициативности, интересу к инновациям и позитивной оценке возможностей ИИ. Можно предположить, что студенты с выраженными экстравертированными или амбивертными характеристиками легче адаптируются к быстро меняющимся технологическим реалиям, активнее осваивают цифровые инструменты и воспринимают ИИ как ресурс, который расширяет их профессиональные и образовательные возможности (Табл. 4).

Таблица 4.

Корреляционный анализ взаимосвязи между типами личности и вовлеченностью в технологии ИИ

Субъективное отношение/восприятие ИИ					
	Осведомленность технологиями ИИ	Мнение об эффективности ИИ в учебном процессе	Уровень использования ИИ для рутинных задач	Чатота использования ИИ в учебных целях	Уровень доверия информации полученной от ИИ
Результаты полученные по метоике Юнга	0,6	0,8	0,2	0,3	0,7

При этом уровень использования ИИ для рутинных задач (r=0,2), частота использования ИИ в учебных целях (r=0,3), демонстрируют более слабые связи с типологическими характеристиками. Этот результат показывает, что непосредственное поведение при работе с ИИ – частота использования, прагматическая выгода – в меньшей степени определяется личностным профилем и, вероятно, зависит от других факторов: доступности технологий, сформированности навыков и учебных требований (Табл. 5).

Таблица 5.

Корреляционный анализ между вовлеченностью в технологии ИИ и результатами, полученными при изучении референтных групп у студентов

		Субъективное отношение/восприятие ИИ				
		Осведомленность технологиями ИИ	Мнение об эффективности ИИ в учебном процессе	Уровень использования ИИ для рутинных задач	Чатота использования ИИ в учебных целях	Уровень доверия информации полученной от ИИ
Референтность	Ориентация на мнение других при принятии решений	0,5	0,7	0,3	0,4	0,6
	Влияние используемой соц. сети на взгляды и ценности	0,1	0,3	0,0	0,0	0,3

Особый интерес представляют взаимосвязи между параметрами референтности и субъективным отношением к ИИ. Ориентация на мнение других при принятии решений демонстрирует значимые и умеренно выраженные корреляции с осведомленностью о технологиях ИИ (r = 0,5), мнением об их эффективности (r = 0,7), уровнем использования ИИ для рутинных задач (r = 0,3), частотой применения в учебных целях (r = 0,4) и уровнем доверия информации, полученной от ИИ (0,6). Эти результаты позволяют сделать вывод, что технологическая активность студентов во многом связана с влиянием значимых других – друзей, членов учебных групп, однокурсников. Вероятно, именно внутри социального окружения студент получает первичную информацию об ИИ, наблюдает практические примеры его использования и формирует отношение к возможностям и рискам технологий. Таким образом, референтная группа становится важнейшим со-

циальным медиатором, определяющим степень вовлеченности в цифровую среду (Табл. 5).

Влияние используемой социальной сети на взгляды и ценности демонстрирует значительно более слабые связи с отношением к ИИ (r=0–0,2). Практически нулевая корреляция с уровнем использования ИИ для рутинных и учебных задач (r=0,00) указывает на то, что сама по себе принадлежность к определенной цифровой платформе (Instagram, Telegram и др.) не формирует автоматического интереса к ИИ. Гораздо важнее не сам канал коммуникации, а его социальное наполнение – мнения референтных лиц, лидеров мнений и внутригрупповые нормы.

Подводя итоги данного исследования, мы можем сделать вывод, что:

1) наша первая гипотеза не подтвердилась;

2) наша вторая гипотеза подтвердилась;

3) наша третья гипотеза подтвердилась.

Согласно первой гипотезе о том, что предполагается существование взаимосвязи между типами личности и вовлеченностью в технологии ИИ при их использовании в учебных целях, мы получили положительный корреляционный индекс – 0.3. Это говорит о том, что взаимосвязь очень слабая, а следовательно гипотеза не подтвердилась (Табл. 4).

Согласно нашей второй гипотезе, предполагалась взаимосвязь между типами личности и уровнем осведомленности о технологиях ИИ. В результате проведенного исследования мы получили умеренную корреляционную взаимосвязь с положительным индексом 0.5. Вторая часть гипотезы взаимосвязь типов личности и эффективностью использования ИИ в учебном процессе подтвердилась, ведь была выявлена сильная положительная корреляционная взаимосвязь с индексом 0.8 (Табл. 4) Таким образом наша вторая гипотеза подтвердилась.

Согласно нашей третьей гипотезе, существует взаимосвязь между типом личности и уровнем доверия к информации, полученной от ИИ. Данная гипотеза получила свое подтверждение, поскольку была выявлена сильная положительная взаимосвязь с индексом 0.7.

В рамках перспектив нашего исследования мы хотели бы уделить больше внимание изучению вопроса социальных сетей и их отражения на проблему самостоятельности студентов. Так же мы хотели бы сформировать такое отношение к социальным сетям и технологиям ИИ, чтобы они выступали в качестве инструментов активизации мышления и не подавляли

самостоятельность и вовлеченность студенческой молодежи. В рамках практических рекомендаций, мы предлагаем проводить беседы со студентами на тему использования ИИ в рамках учебной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ajeed A., Lee S.* The role of artificial intelligence in higher education: A systematic review // "Education and Information Technologies". Vol. 26, 2021. PP. 4003–4032.
2. *Davis F.* Perceived usefulness, perceived ease of use, and user acceptance of information technology // "MIS Quarterly". Vol. 13, № 3, 1989. PP. 319–340.
3. *Dewey J.* Experience and Education. New York: "Kappa Delta Pi", 1938, 91p.
4. *Festinger L.* A theory of social comparison processes // "Human Relations". Vol. 7, № 2, 1954. PP. 117–140.
5. *Venkatesh V., Morris M., Davis G., Davis F.* User acceptance of information technology: Toward a unified view // "MIS Quarterly". Vol. 27, № 3, 2003. PP. 425–478.
6. *Зинченко В.П.* Сознание как проблема психологии поведения. М.: «Смысл», 2001, 312с.
7. *Ляудис В.Я.* Психолого-педагогические основы формирования учебной активности. М.: МГУ, 1989, 180с.
8. *Ляудис В.Я.* Развитие субъектной позиции школьников и студентов в учебной деятельности. М.: «Педагогика», 1997, 240с.
9. *Молошонок Н.Г.* Академический опыт студентов: результаты российских и международных исследований. М.: НИУ ВШЭ, 2018, 150с.
10. *Молошонок Н.Г.* Вовлеченность студентов в учебную деятельность: факторы и механизмы формирования // «Университетское управление: практика и анализ», № 4. 2016. СС. 64–76.
11. *Молошонок Н.Г., Малошонок Е.Г.* Вовлеченность студентов в образовательный процесс // «Вопросы образования», № 1. 2019. СС. 68–91.
12. *Щедрина Е.В.* Референтность как характеристика системы межличностных отношений // «Психологическая теория коллектива». М., 1979. СС. 111–127
13. *Юнг К.Г.* Избранные работы. СПб.: Изд-во РХГА, 2014, 288с.
14. *Юнг К.Г.* Психологические типы. Минск: «Харвест», 2017, 528с.

PERSONALITY TYPES AND THE ENGAGEMENT OF STUDENT YOUTH IN THE FIELD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

A. Berberyan, K. Abajyan

Russian-Armenian University
Institute of International Relations and Socio-Political Sciences
Department of Psychology

ABSTRACT

This article is devoted to the study of personality types and the level of engagement of student youth in the field of artificial intelligence. The relevance of the topic is conditioned the rapidly increasing role of AI in the educational environment, which makes it important to examine the psychological factors influencing students' level of interest and activity in this area. The study considers personality types that determine cognitive interest and the need for decision-making in various spheres of life.

Keywords: personality type, engagement, artificial intelligence, student youth.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-460-467

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ САМООЦЕНКИ С БАРЬЕРАМИ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ

А.С. Берберян, А.В. Захарова

Российско-Армянский университет
Институт международных отношений и общественно политических наук
Кафедра психологии
aspsy@inbox.ru , abajyankaka@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что в современной психологической науке проблема барьеров в межличностных контактах занимает одно из ведущих мест. Особую актуальность она приобретает в студенческой среде, где эффективное межличностное взаимодействие является необходимым условием личностного развития. В качестве ключевого психологического фактора, связанного с процессом коммуникации, рассматривается самооценка личности. Цель исследования – выявить взаимосвязь самооценки и барьеров в межличностном общении у студентов. Методологическая база: теоретические положения ученых-исследователей Андреевой, Бодалева, Ковалева и др. В работе применялись теоретический анализ научной литературы и методы тестирования и анкетирования. Эмпирическое исследование выявило взаимосвязь между уровнем самооценки и барьерами в межличностном общении у студенческой молодежи. В результате исследования была выявлена статистически значимая умеренная отрицательная корреляция между уровнем самооценки и показателями коммуникативных барьеров. Результаты исследования имеют практическую ценность

Ключевые слова: самооценка, коммуникативные барьеры, межличностное общение, студенческая молодежь.

Введение

Актуальность. Проблема коммуникативных трудностей в контексте студенчества имеет особую значимость, поскольку это период личностного и профессионального становления. На этом этапе идет активное формирование идентичности и самооценки в том числе, которая также выступает

регулятором межличностного общения. Поэтому успешность коммуникации становится важным условием адаптации и фактором психологического благополучия студентов.

Теоретическое обоснование

С позиции зарубежной научной психологии гуманистический подход К. Роджерса акцентирует внимание на условиях формирования самооценки. Согласно его концепции, противоречие между «Я-реальным» и «Я-идеальным» приводит к снижению самооценки и частичной или полной неспособности человека приспосабливаться к социуму. В то время как, безусловное позитивное самоотношение способствует конгруэнтности и формированию адекватной самооценки [7]. И.С. Кон рассматривает самооценку как сложное образование, состоящее из двух взаимосвязанных компонентов. Когнитивный компонент включает объективные представления человека о своих качествах и способностях, а также эмоционально-оценочный компонент, отражающий степень принятия себя. Динамическое равновесие между этими компонентами определяет адекватность самооценки и ее устойчивость в различных жизненных ситуациях [4].

Деятельностный подход А.Н. Леонтьева расширяет понимание процесса становления самооценки, рассматривая ее как результат осмысления человеком результатов своей деятельности. В процессе практической деятельности происходит непрерывное соотнесение достижений с поставленными целями и общественными стандартами, что формирует реалистичную оценку собственных возможностей [5].

Переходя к коммуникативному аспекту, теория Г.М. Андреевой позволяет систематизировать барьеры, возникающие в межличностном общении. Она выделяет три типа барьеров: барьеры понимания, возникающие из-за фонетических (проблемы с дикцией), семантических, или логических (несовместимость моделей мышления) помех, барьеры отношения, проявляющиеся в негативном восприятии своего собеседника, таком как антипатия или недоверие и социокультурные барьеры, детерминированные разницей социальных статусов, профессиональной принадлежностью и ценностных ориентиров. Особый интерес в нашем исследовании представляют социально-психологические барьеры, связанные с личностными особенностями участников коммуникации. Эмоциональная напряженность, неуве-

ренность в себе, страх негативной оценки – все эти проявления низкой самооценки создают существенные препятствия для установления полноценного контакта [1, 3].

Современные исследования (М.Р. Лири, Р.Ф. Баумейстер) демонстрируют, что самооценка выполняет функцию социального «индикатора», регулируя поведение в межличностных ситуациях. Низкая самооценка активирует защитные механизмы, приводящие к избеганию социального взаимодействия и повышенной чувствительности к критике, что в свою очередь порождает коммуникативные барьеры [6, 2].

Таким образом, прослеживается логическая цепочка: сущность самооценки особенности структуры самооценки → условия ее формирования → проявление в деятельности → влияние на коммуникативные процессы → возникновение коммуникативных барьеров. Эта взаимосвязь обуславливает актуальность комплексного изучения самооценки и коммуникативных барьеров в студенческой среде.

Гипотеза: предполагается, что существует корреляция между уровнем самооценки и выраженностью коммуникативных барьеров у студентов.

Цель исследования: выявление особенностей и направленности взаимосвязи между уровнем самооценки и барьерами в межличностном общении у студентов РАУ.

Теоретико-методологическая база: в исследовании были использованы теоретические положения гуманистической психологии К. Роджерса по проблеме самооценки, а также теория коммуникативных барьеров Г.М. Андреевой.

Методы исследования: теоретический анализ научной литературы, тестирование, в том числе тест-опросник А.Г. Ковалева для определения уровня самооценки и тест В.В. Бойко «Диагностика помех в установлении эмоциональных контактов», а также методы математической статистики.

Выборка: в исследовании приняли участие 40 студентов Российско-Армянского университета в возрасте 18–24 лет. По показателям пола: 87% – девушек и 13% – юношей.

Результаты исследования

Проведенное эмпирическое исследование позволило получить следующие результаты: согласно данным методики А.Г. Ковалева, выборка характеризуется низким и среднем уровнем самооценки, высокий уровень не представлен. 74.4% респондентов показали результат от 47 до 99 баллов, что указывает на низкий уровень самооценки, у 25.6% показатели варьировались от 32 до 45, что свидетельствует о среднем уровне самооценки.

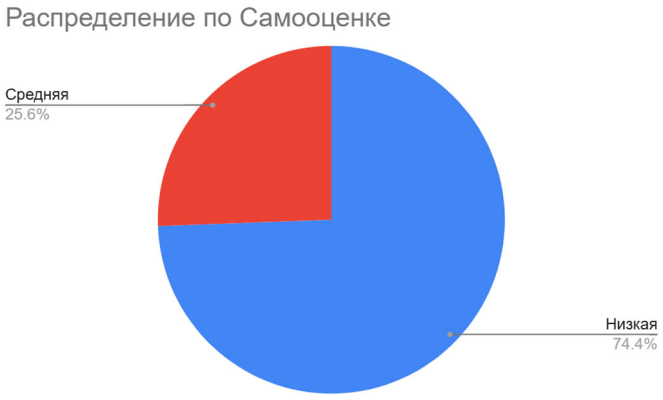

Диаграмма 1. Результаты исследования самооценки.

Результаты диагностики коммуникативных барьеров В.В. Бойко выявили, что значительное количество респондентов, а именно 92.5% имеют те или иные трудности в коммуникации в то время, как только у 7.5% респондентов не выявлено трудностей в общении с другими людьми. 22.5% участников опроса имеют некоторые эмоциональные проблемы в повседневном общении. Половина опрошенных (50%) имеет значительные сложности в коммуникации с другими людьми. И 20% респондентов с трудом устанавливают контакты с людьми, возможно, подвержены каким-либо дезорганизующим реакциям или состояниям.

Анализ результатов теста также выявил, что самой частой причиной барьеров в коммуникации является затруднение в выражении эмоций, данная проблема была выявлена у 55% респондентов. Вторым по численности – 45%, является сложность в управлении собственными эмоциями.

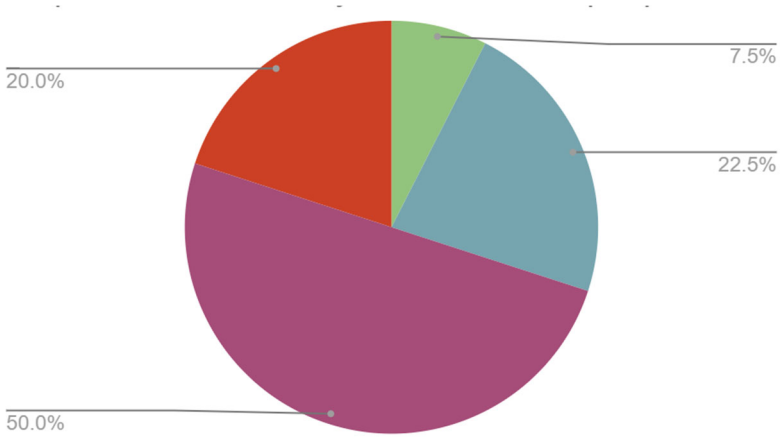

Диаграмма 2. Выраженность коммуникативных барьеров.

Подшкалы опросника «Сложности в коммуникации»	**Доля респондентов с результатом по данной шкале, %**
Управление эмоциями	45
Выражение эмоций	55
Негибкость, неразвитость эмоций	35
Доминирование негативных эмоций	25
Нежелание сближаться	27.5

Далее нами была использована встроенная функция CORREL в EXCEL, чтобы определить, есть ли взаимосвязь между уровнем самооценки и наличием коммуникативных барьеров у респондентов. Корреляционный анализ выявил статистически значимую умеренную отрицательную взаимосвязь между уровнем самооценки и показателями коммуникативных барьеров (r = -0,442). Наблюдается четкая тенденция: с ростом уровня самооценки показатели коммуникативных барьеров снижаются.

Дополнительно мы провели анализ корреляции между уровнем самооценки и различными барьерами в коммуникации. Обнаружена статисти-

чески значимая взаимосвязь между уровнем самооценки и такими барьерами, как негибкость и неразвитость эмоций, а также трудности в управлении эмоциями.

Наиболее сильная и надежная связь выявлена с параметром «Негибкость, неразвитость эмоций» (r = -0,427), что позволяет считать развитие эмоционального интеллекта важным фактором для формирования здоровой самооценки. Связи самооценки с выражением эмоций и нежеланием сближаться в данной выборке статистически не подтверждены.

Таблица 1.

Корреляционный анализ

	Коэффициент корреляции	**Уровень значимости**
Управление эмоциями	-0.307	<0.05
Выражение эмоций	-0.094	>0.1
Негибкость, неразвитость эмоций	-0.427	<0.005
Доминирование негативных эмоций	-0.262	<0.1
Нежелание сближаться	-0.185	>0.1

Гипотеза показала частичное подтверждение.

Несмотря на ограничение выборки, в которой отсутствовали респонденты с высоким уровнем самооценки, статистический анализ выявил значимые обратные связи между уровнем самооценки и рядом ключевых коммуникативных барьеров. А именно, была обнаружена закономерность: чем выше самооценка, тем менее выраженными оказывались такие барьеры, как негибкость и неразвитость эмоций, а также сложности с управлением эмоциями. В то же время, гипотеза не подтвердилась в отношении связи самооценки с выражением эмоций и нежеланием сближаться, где значимых корреляций выявлено не было.

Выводы

1. Нами была проанализирована литература авторов и сочетание их теоретических подходов позволяет подтвердить гипотезу исследования. Выявлена устойчивая теоретическая связь между уровнем самооценки и возникновением социально-психологических барьеров общения, обусловленных личностными особенностями, такими как неуверенность в себе и страх оценки.

2. Подтверждена основная гипотеза исследования – выявлена статистически значимая отрицательная корреляция между уровнем самооценки и выраженностью коммуникативных барьеров у студентов (r = -0,442). Студенты с низкой самооценкой больше подвержены возникновению коммуникативных трудностей, что проявляется в, сложностях эмоциональной саморегуляции и избегании эмоционального сближения.

Практическая значимость исследования заключается в возможности создания программ для психологического сопровождения студентов, направленных на самопознание, развитие адекватной самооценки и формирование коммуникативных навыков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: «Аспект Пресс», 1996.
2. *Баумейстер Р.Ф.* Does high self-esteem cause better performance? // “Psychological Science”. Vol. 14, 2003. PP. 1–6.
3. *Бойко В.В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: «Филинъ», 1996.
4. *Кон И.С.* В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: «Политиздат», 1984.
5. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: «Политиздат», 1975.
6. *Лири М.Р.* Making Sense of Self-Esteem // “Current Directions in Psychological Science”. Vol. 8, 1999. PP. 32–35.
7. *Роджерс К.* Становление личности: взгляд на психотерапию. М.: «Прогресс», 1994.

THE RELATIONSHIP BETWEEN SELF-ESTEEM LEVEL AND BARRIERS IN INTERPERSONAL COMMUNICATION

A. Berberyan, A. Zakharova

Russian-Armenian University
Institute of International Relations and Socio-Political Sciences
Department of Psychology

ABSTRACT

This article addresses the issue that, in modern psychological science, the problem of barriers in interpersonal contacts occupies one of the leading positions. It becomes especially relevant in the student environment, where effective interpersonal interaction is a necessary condition for personal development. Self-esteem is considered as a key psychological factor associated with the communication process.

The aim of the study is to identify the relationship between self-esteem and barriers in interpersonal communication among students. The methodological framework is based on the theoretical concepts of researchers such as Andreeva, Bodalev, Kovalev and others. The study employed theoretical analysis of scientific literature, as well as testing and survey methods.

The empirical research revealed a relationship between the level of self-esteem and barriers in interpersonal communication among student youth. As a result of the study, a statistically significant moderate negative correlation between the level of self-esteem and indicators of communicative barriers was identified. The findings of the study have practical significance.

Keywords: self-esteem, communicative barriers, interpersonal communication, student youth.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-468-482

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЕЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ И ВОВЛЕЧЕННОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

А.С. Берберян[1], А.Р. Назмутдинова[2]

[1]Российско-Армянский университет
[2] Институт международных отношений и общественно-политических наук
aspsy@inbox.ru, alinanazmutdinova93@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию взаимосвязи между стилями педагогического общения преподавателей и учебной вовлеченностью студентов. Актуальность исследования обусловлена тем, что вопросы, связанные со стилями педагогического общения и вовлеченностью студентов, напрямую воздействуют на качество образовательного процесса. Рассматриваются особенности различных стилей педагогического общения, которые влияют на мотивацию, эмоциональное состояние и уровень учебной активности студентов.

Ключевые слова: стили педагогического общения, вовлеченность студентов, интерактивные методы, фасилитативные методы.

Преобразование образовательной среды в вузах ведется уже несколько десятилетий, начиная со стремительного роста спроса на высшее образование и внедрения первых цифровых технологий в 1990-е годы. Современные формы обучения постепенно отходят от традиционного лекционного подхода, активно интегрируя интерактивные и цифровые методы, что требует от преподавателей новых педагогических компетенций, гибкости и учета поколенческих различий. Одновременно у студентов формируются свои ожидания и предпочтения в образовательном процессе, что создает определенный разрыв между преподавателями и обучающимися. Этот разрыв напрямую влияет на уровень учебной вовлеченности студентов и качество педагогического взаимодействия.

Подобные тенденции подтверждаются результатами современных эмпирических исследований, проведенных на различных выборках. Ключевые выводы масштабного российского мониторинга НИУ ВШЭ (2020/2021,

выборка 17 735 студентов бакалавриата) свидетельствуют о системном разрыве между формальным участием и глубинной познавательной вовлеченностью, особенно выраженном у студентов старших курсов [1]. Эти данные перекликаются с результатами международных исследований. В частности, работа А. Серобян и Э. Аракелян (2023) в армянских вузах (выборка 180 студентов 18–25 лет) демонстрирует, что академическая активность обучающихся напрямую зависит от комплекса индивидуально-психологических факторов: возрастных особенностей, эмоционального состояния и специфических трудностей в учебной деятельности [2]. Данные исследований подчеркивают важность анализа педагогических подходов и факторов, влияющих на учебную вовлеченность студентов.

Гипотезы

В рамках исследования, направленного на изучение влияния стилей педагогического общения на учебную вовлеченность и эмоциональное состояние студентов, были сформулированы следующие гипотезы.

1. Предполагается, что существует взаимосвязь между тем, насколько действия преподавателя способствуют активному участию студентов, и тем, насколько сами студенты склонны активно включаться в учебный процесс.

2. Ожидается наличие взаимосвязи между стилем обучения, воспринимаемым студентами как наиболее эффективный и интересный, и их эмоциональным состоянием в процессе интерактивного занятия.

Цель исследования – изучить взаимосвязь стилей педагогического общения и вовлеченности студентов в процесс обучения в вузе.

Теоретико-методологическая база нашего исследования – теоретические положения ученых по вопросам стилей педагогического общения таких авторов как А.А. Леонтьев, В.А. Кан-Калик, А.К. Маркова, и вопросам вовлеченности студентов у таких ученых, как Б.Г. Ананьев, И.С. Кон, А.А. Вербицкий, Н.Ф. Радионова.

Для исследования были использованы следующие методы: анализ научной литературы, анкетирование и тестирование, статистическая обработка данных и следующие методики:

- ✓ методика «Самодиагностика стиля педагогического общения» В.В. Маньловой и Н.В. Фетискиной;

- ✓ авторские опросники, направленные на изучение восприятия студентами стилей педагогического общения и их учебной вовлеченности;
- ✓ статистические: для обработки данных и проверки гипотез применялся корреляционный анализ с расчетом коэффициента Пирсона.

Стили педагогического общения представляют собой систематизированные способы взаимодействия преподавателя с обучающимися, непосредственно влияющие на учебную мотивацию и эмоциональный настрой студентов.

Фундаментальный вклад в понимание этой деятельности внес А.А. Леонтьев, определяя педагогическое общение как профессиональное взаимодействие, направленное на создание благоприятного психологического климата и оптимизацию учебной деятельности [3]. Именно он обосновал, что стиль общения является не просто манерой поведения, а целенаправленной деятельностью, непосредственно влияющей на мотивацию студента.

Важнейший вклад в развитие представлений о стилях общения внес В.А. Кан-Калик, рассматривавший его как творческий процесс и «коллективную систему социально-психологического взаимодействия» [4]. Ключевым механизмом влияния на вовлеченность он считал «коммуникативное взаимозаражение» и способность преподавателя выступать «активатором сопереживания», что создает атмосферу совместного поиска и глубокой познавательной вовлеченности.

Углубляя анализ, А.К. Маркова указывает, что эффективность стиля напрямую зависит от операциональной сферы профессионализма преподавателя, то есть от его конкретных умений и технологий [5]. Таким образом, выбор методов, стимулирующих познавательную деятельность, является следствием уровня мастерства педагога и напрямую определяет вовлеченность студентов.

Переходя к анализу вовлеченности, необходимо обратиться к концепции индивидуальности Б.Г. Ананьева [6]. Его подход объясняет, почему вовлеченность проявляется индивидуально: уникальная психологическая структура каждого студента обусловливает разную реакцию на одни и те же педагогические воздействия.

Теоретической основой, связующей индивидуальные особенности студента с процессом обучения, выступила концепция развивающего и раз-

вивающегося взаимодействия Н.Ф. Радионовой [7]. Согласно данному подходу, продуктивное взаимодействие в образовательном процессе представляет собой не просто обмен информацией, а взаимное воздействие и изменение его участников. Именно в таком взаимодействии, ориентированном на личностные потенциалы и актуальные потребности студента, происходит его «запуск» как активного субъекта обучения, что и составляет психологическую основу вовлеченности.

Социально-психологический аспект вовлеченности раскрывает И.С. Кон, акцентируя внимание на психологии юношеского возраста [8]. Он подчеркивает, что в этот период авторитет преподавателя основывается на его человеческих качествах – способности к пониманию и эмоциональному отклику. Следовательно, вовлеченность является следствием личностного признания и установления подлинного человеческого контакта.

Завершающей теоретической основой исследования стала концепция знаково-контекстного обучения А.А. Вербицкого. Он доказывает, что знания, усваиваемые в контексте будущей профессиональной деятельности, становятся инструментом решения задач, что и порождает подлинную познавательную мотивацию [9]. Его теория системно объясняет, что интерактивные методы работают, создавая необходимый для вовлеченности профессиональный контекст.

Таким образом, рассмотренные теоретические положения составили комплексный методологический фундамент, определивший логику и задачи эмпирического исследования.

Для исследования взаимосвязи стилей педагогического общения и учебной вовлеченности нами было проведено эмпирическое исследование на базе Российско-Армянского университета (РАУ).

В исследовании приняли участие студенты и преподаватели данного университета. Общая выборка составила 60 человек, из которых 30 – студенты и 30 – преподаватели, представляющие Институт международных отношений и общественно-политических наук.

Среди студентов было 26 респондентов женского пола и 4 – мужского. Возраст студентов варьировался от 17 лет и старше. Преподаватели, участвовавшие в исследовании, были представлены 25 женщинами и 5 мужчинами, их возраст находился в диапазоне от 30 лет и старше.

Студенты выступали в роли участников, демонстрирующих уровень учебной вовлеченности, а преподаватели – как носители различных стилей педагогического общения (Табл. 1, 2).

Таблица 1.

Социально-демографические характеристики студенческой выборки

Показатель	**Категории / значения**	**Кол-во человек**
Пол	Женский / Мужской	26 / 4
Возраст	17–25 / 26–35 / 36 и старше	25 / 3 / 2
Уровень обучения	Бакалавриат / Магистратура / Аспирантура	21 / 7 / 2
Профессиональная направленность	Направление подготовки	Психология
Академический статус	Дневная форма / Заочная форма /	28 / 2

Таблица 2.

Социально-демографические характеристики выборки преподавателей

Показатель	**Категории / значения**	**Кол-во человек**
Пол	Женский / Мужской	25 / 5
Возраст	31–40 / 41–50 / 51–60 / Старше 60	5 /11 / 8 / 6
Должность	Доцент/профессор и старший преподаватель / Преподаватель/ассистент	24 / 6
Профессиональная направленность	Кафедра	Психология
Стаж преподавания	<3 / 3–10 / >10 лет	2 / 12 / 16

Анкета для студентов и преподавателей начиналась с вопроса о понимании термина «преподаватель-фасилитатор», где респонденты выбирали один из нескольких предложенных вариантов. Этот вопрос следовал непосредственно после блока социально-демографических данных.

Анализ ответов выявил контраст между группами. Все преподаватели (n=30) выбрали определение, характеризующее фасилитатора как организатора условий для самостоятельного поиска, направляющего обсуждение и помогающего группе находить решения. Среди студентов (n=30) ответы распределились значительно шире: часть поддержала это определение, другие выбрали альтернативные варианты, а многие не были знакомы с термином.

Данные визуализированы на Рис. 1. Полученные результаты носят описательный характер, но важны для контекста исследования. Выявленный разрыв в восприятии роли преподавателя подтверждает актуальность проверки гипотез о связи стилей педагогического общения с учебной вовлеченностью.

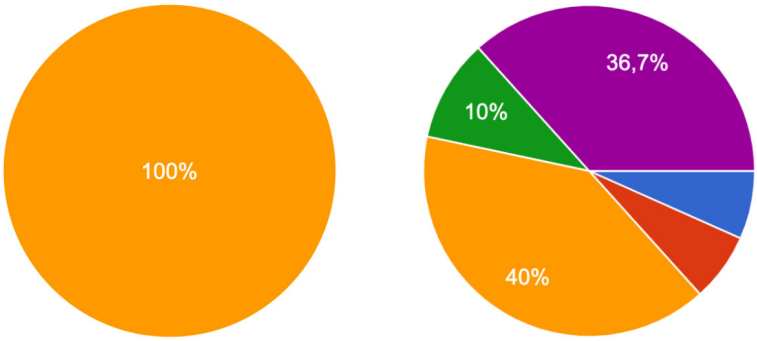

Рисунок 1. Распределение понимания термина «преподаватель-фасилитатор» среди студентов и преподавателей (по результатам анкетирования). Левый круг – преподаватели, правый круг – студенты.

В рамках первой гипотезы предполагалось, что существует взаимосвязь между действиями преподавателя и склонностью студентов к активному участию в учебном процессе. Для проверки этой гипотезы использовались данные анкетирования студентов, включающие оценку следующих показателей по шкале от 1 до 5: активность преподавателя, собственная склонность к участию и восприятие структуры занятия (Рис. 2а).

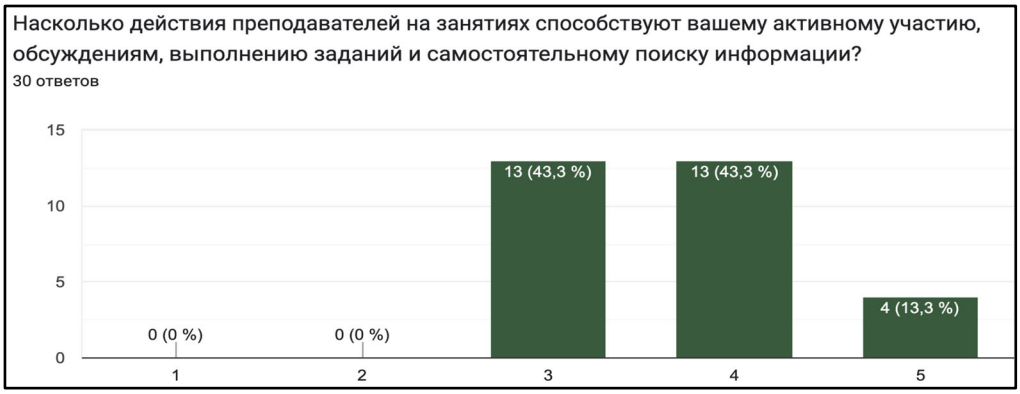

Рисунок 2а. Распределение оценок студентов по активности преподавателя на занятиях.

Рисунок 2б. Распределение оценок студентов по структуре занятия.

Рисунок 2в. Распределение оценок студентов по собственной вовлеченности.

Для проверки гипотез о взаимосвязи стиля преподавания и учебной вовлеченности был проведен корреляционный анализ по Пирсону (Табл. 3)

Таблица 3.

Корреляционный анализ связей между вовлеченностью студентов и восприятием стиля преподавания (n = 30)

Коррелирующие параметры	**Коэффициент корреляции Пирсона (r)**
Восприятие активности преподавателя ↔ Готовность студентов к активности	0,46
Готовность студентов к активности ↔ Восприятие структуры занятия	0,31
Восприятие активности преподавателя ↔ Восприятие структуры занятия	0,39

Наблюдается умеренная положительная корреляция (r = 0,46) между тем, насколько действия преподавателя, по мнению студентов, способствуют активности, и их личной готовностью активно участвовать в занятиях. Это указывает на то, что активная, побуждающая к диалогу позиция преподавателя является важным, но не единственным фактором мотивации студентов.

Выявлена слабая положительная корреляция (r = 0,31) между личной склонностью студентов к активности и тем, насколько четкой они видят структуру занятия. Это означает, что чем яснее и логичнее организован урок, тем в большей степени студенты, уже имеющие внутреннюю предрасположенность к активности, готовы эту активность проявлять.

Наконец, выявлена слабая положительная корреляция (r = 0,39) между восприятием активности преподавателя и оценкой студентами четкости структуры занятия. Это позволяет предположить, что студенты склонны воспринимать более активных и интерактивных преподавателей как лучше организующих учебный процесс.

Для более глубокого анализа использовалась методика «Самодиагностика стиля педагогического общения» В.П. Маньловой и Н.П. Фетискина. На Рис. 3 представлено распределение ответов преподавателей на вопрос анкеты об уровне вовлеченности студентов на их занятиях.

Рисунок 3. Распределение оценок преподавателей уровня вовлеченности студентов на своих занятиях.

Далее для проверки гипотез был проведен корреляционный анализ между этими оценками вовлеченности и данными, полученными по методике В.П. Маньловой и Н.П. Фетискина. Результаты показали, что наибольшие положительные корреляции наблюдаются со стилями «Я-сам(а)» ($r = 0,3$) и «Робот»/«Союз» ($r \approx 0,2$), что указывает на слабое положительное влияние самостоятельного и структурированного стиля преподавания на восприятие активности студентами. Методика выделяет ряд устойчивых стилевых моделей педагогического взаимодействия: стиль «Я-сам(а)» характеризуется автономностью и опорой преподавателя на собственные решения; стиль «Робот» отражает нормативно-регламентированный способ ведения занятия; стиль «Союз» ориентирован на сотрудничество и кооперативное взаимодействие с обучающимися. Эти параметры используются для интерпретации особенностей профессионального общения преподавателя и эмоционально-поведенческих реакций студентов [10]. Остальные стили показали незначительные связи ($r \leq 0,2$).

Вторая гипотеза исследования предполагала, что стиль обучения, воспринимаемый студентами как наиболее эффективный, взаимосвязан с их эмоциональным состоянием на интерактивных занятиях.

Для проверки гипотезы был проанализирован блок анкеты, посвященный предпочтениям и эмоциональному опыту студентов. Данные демонстрируют выраженную ориентацию на активные методы: большинство респондентов предпочитают интерактивный или смешанный стиль, в то время как традиционный стиль практически не вызывает интереса (Рис. 4). Большая часть студентов имеет опыт участия в фасилитативных занятиях (Рис. 5) и знакомы с широким спектром интерактивных форматов, среди которых наиболее распространены дискуссии и мини-задания (Рис. 6).

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос: «Какой стиль обучения Вам кажется наиболее эффективным и интересным?»

Рисунок 5. Ответы на вопрос: «Вы имели опыт участия в фасилитативных занятиях?»

Рисунок 6. Распределение ответов на вопрос: «В каких формах и методах работы на занятиях Вы лично участвовали?»

Эмоциональные состояния, сопровождающие интерактивные занятия, носят преимущественно позитивный характер: наиболее часто отмечаются интерес, мотивация и удовлетворение, в то время как негативные состояния (напряжение, безразличие) встречаются реже (Рис. 7). Это создает предпосылки для подтверждения гипотезы.

Рисунок 7. Распределение эмоциональных состояний, сопровождающих участие студентов в интерактивных занятиях.

Для уточнения характера взаимосвязи между стилевыми предпочтениями и эмоциональными состояниями были сопоставлены данные анкетирования с результатами методики В.П. Маньловой и Н.П. Фетискина. В качестве эмоционально-поведенческого индикатора использовалась оценка уровня вовлеченности студентов на занятиях, представленная на диаграмме (Рис. 3).

Наиболее выраженная статистическая зависимость выявлена между этим показателем и стилем «Гамлет» ($r = –0,5$). Стиль «Гамлет» в модели В.П. Маньловой и Н.П. Фетискина описывается как эмоционально-неустойчивый, драматизированный и противоречивый способ педагогического взаимодействия, при котором преподаватель демонстрирует выраженные колебания в интонации, требовательности и эмоциональной вовлеченности. Такая непоследовательность коммуникации может создавать у студентов чувство неопределенности и снижать их готовность к активному участию, что и объясняет отрицательную связь с уровнем вовлеченности [10]. Для остальных стилевых профилей выявленные связи оказались существенно слабее ($|r| \leq 0,2$) и статистически незначимыми.

Таким образом, вторая гипотеза получает частичное подтверждение. Студенты, предпочитающие интерактивные формы обучения, действительно чаще демонстрируют положительное эмоциональное вовлечение в процесс. С другой стороны, количественный анализ выявил выраженную связь только с отдельными стилями, что указывает на неоднозначность влияния педагогического стиля на эмоциональное восприятие занятия. В целом полученные данные подтверждают, что эмоциональная реакция студентов является значимым компонентом их выбора наиболее эффективного стиля обучения, однако эта связь выражена не для всех стилей одинаково.

Для дополнительного анализа практического применения методов были рассмотрены открытые ответы студентов и данные опроса преподавателей, что позволило оценить готовность обеих групп к внедрению современных образовательных подходов.

Анализ открытых ответов студентов выявил значительный запрос на методы, обеспечивающие вовлеченность и прикладное понимание материала. Среди наиболее эффективных форматов респонденты выделили:

- ✓ дискуссии, расширяющие знания и позволяющие рассматривать материал с разных углов;
- ✓ разбор кейсов с объяснением практического опыта;

- ✓ решение ситуационных задач и мини-викторины для закрепления материала;
- ✓ работу в мини-группах над рефератами и практическими упражнениями.

Эти ответы иллюстрируют, что интерактивные занятия, по мнению студентов, способствуют повышению уверенности, самостоятельности и понимания учебного материала.

Данные опроса преподавателей демонстрируют их высокую готовность к применению современных методов. Опрос показал, какие образовательные технологии вызывают у педагогов наибольший интерес для внедрения в учебный процесс (Рис. 8).

Рисунок 8.

Также была оценена общая профессиональная ориентация преподавателей на развитие своих компетенций (Рис. 9).

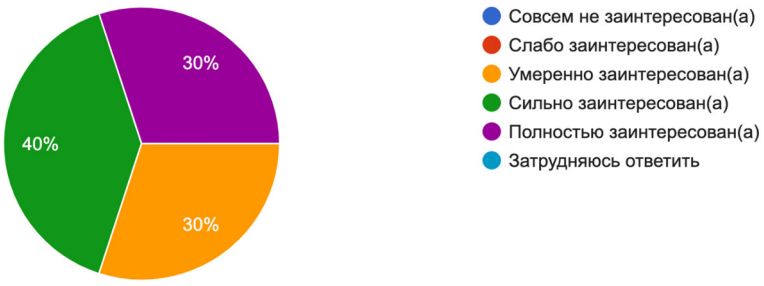

Рисунок 9. Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы заинтересованы в повышении своей квалификации или изменении стиля преподавания, чтобы более эффективно вовлекать студентов в интерактивные и фасилитативные методы обучения?».

Результаты демонстрируют, что преподаватели активно заинтересованы во внедрении инновационных подходов и повышении собственной компетентности, что создает благоприятные условия для развития интерактивного и фасилитативного обучения.

Таким образом, анализ открытых ответов студентов и готовности преподавателей позволяет дополнить количественные результаты исследования, отраженные в первой и второй гипотезах, и служит основой для дальнейших рекомендаций по оптимизации педагогического взаимодействия.

Проведенное исследование позволило выявить комплекс взаимосвязей между стилями педагогического общения и учебной вовлеченностью студентов. Эмпирически подтверждено, что активная, диалоговая позиция преподавателя оказывает умеренное положительное влияние на готовность студентов к участию в учебном процессе, тогда как эмоционально-неустойчивый стиль «Гамлет» демонстрирует значимую отрицательную корреляцию с уровнем вовлеченности.

Качественный анализ выявил значительный диссонанс в восприятии роли преподавателя-фасилитатора: педагоги единодушно ассоциируют ее с организацией самостоятельного поиска, в то время как студенты демонстрируют фрагментарное понимание данной концепции.

Сопоставление количественных результатов и качественных данных позволяет констатировать наличие взаимодополняющих тенденций: с одной стороны, студенты выражают выраженный запрос на интерактивные методы обучения (дискуссии, разбор кейсов, групповую работу), с другой, преподаватели демонстрируют готовность к внедрению современных образовательных технологий и развитию соответствующих компетенций.

Таким образом, практическая значимость исследования заключается в возможности разработки научно обоснованных рекомендаций для оптимизации педагогического взаимодействия, направленных на формирование продуктивных стилей общения и удовлетворение актуальных образовательных потребностей всех участников учебного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Малошонок Н.Г., Вилкова К.А.* Измерение учебной вовлеченности студентов как инструмент оценки качества российского высшего образования: информационный бюллетень. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» // «Мониторинг экономики образования», № 7 (24). М.: НИУ ВШЭ, 2022, 44с.

2. *Серобян А., Аракелян Э.* Академическая активность студентов в системе высшего образования: роль возраста и проблем, связанных с образованием // «Вестник Ереванского университета. Философия, психология», № 3 (42), 2023. СС. 50–61.
3. *Леонтьев А.А.* Педагогическое общение. М.-Нальчик: Изд-во «Эль-Фа», 1996, 224с.
4. *Кан-Калик В.А.* Учителю о педагогическом общении: Кн. для учителя. М.: «Просвещение», 1987, 190с.
5. *Маркова А. К.* Психология профессионализма. М.: Междунар. гуманитар. фонд «Знание», 1996, 308с.
6. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб.: «Питер», 2001, 288с.
7. *Радионова Н.Ф.* Развивающее и развивающееся взаимодействие субъектов образовательного процесса: истоки становления концепции, ее сущность и развитие / Н. Ф. Радионова // «Известия РГПУ им. А.И. Герцена», № 202, 2021. СС. 15–27.
8. *Кон И.С.* Психология юношеского возраста. М.: «Просвещение», 1979, 175с.
9. *Вербицкий А.А.* Активное обучение в высшей школе: контекстный подход: Метод. пособие. М.: «Высшая школа», 1991, 207с.
10. *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. СС. 273–275.

INTERRELATIONSHIP BETWEEN TEACHING COMMUNICATION STYLES AND STUDENT ENGAGEMENT IN THE LEARNING PROCESS AT THE UNIVERSITY

A.S. Berberyan[1], A.R. Nazmutdinova[2]

[1]Russian-Armenian University
[2]Institute of International Relations and Socio-Political Sciences

ABSTRACT

The article is devoted to studying the relationship between teacher's pedagogical communication styles and student's academic engagement. The relevance of the study is determined by the fact that issues related to teaching communication styles and student engagement directly affect the quality of the educational process. The paper examines the characteristics of various pedagogical communication styles that influence student's motivation, emotional state, and level of academic activity.

Keywords: pedagogical communication styles, student engagement, interactive methods, facilitative methods.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-483-498

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ СУБЪЕКТИВНОГО КОНТРОЛЯ И СКЛОННОСТИ К ПРОКРАСТИНАЦИИ У СТУДЕНТОВ

А.С. Берберян, Э.А. Сафарян

Российско-Армянский университет
Институт международных отношений и общественно-политических наук
Кафедра психологии
aspsy@inbox.ru, elina.safaryan.05@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается проблема взаимосвязи уровня субъективного контроля и склонности к прокрастинации у студентов, представляющая значительный интерес для современной образовательной психологии. Был проведен теоретический анализ на основе положения о субъективном контроле, разработанные Дж. Роттером, Е. Ф. Бажиным, Е.А. Голынкиным, а также подходы к изучению прокрастинации, представленные в работах Е.А. Климова, Д. Перри и Н. Милграма. Эти концепции позволяют рассматривать уровень субъективного контроля и пракрастинацию, как взаимосвязанные психологические характеристики уровня субъективного контроля. Было осуществлено эмпирическое исследование для выявления взаимосвязи между отдельными уровнями субъективного контроля и склонностью к прокрастинации у студентов. На основе полученных данных даны рекомендации, направленные на снижение прокрастинации и развитие навыков саморегуляции у студентов, склонных откладывать выполнение учебных задач. На основании полученных данных представлены практические рекомендации для студентов, имеющих склонность к прокрастинации.

Ключевые слова: субъективный контроль, склонность к прокрастинации, студенты.

Введение

Актуальность темы обусловлена распространенностью прокрастинации среди студентов, что затрудняет реализацию их учебного потенциала, снижает успеваемость и влияет на формирование навыков саморегуляции

и профессионально важных качеств. В условиях возрастающих учебных требований, необходимости самостоятельной организации времени и высокой информационной нагрузки прокрастинация становится серьезным препятствием для эффективного обучения. Изучение связи прокрастинации с уровнем субъективного контроля позволяет глубже понять особенности ответственности, мотивации и поведения студентов в современных образовательных условиях.

Цель работы: выявить взаимосвязь уровня субъективного контроля и склонности к прокрастинации у студентов.

Гипотеза: предполагается, что существует взаимосвязь между уровнями субъективного контроля и некоторыми факторами, влияющими на прокрастинацию у студентов.

Использованные методики: Шкала оценки академической прокрастинации PASS Методика УСК (уровень субъективного контроля) Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, Л.М. Эткинд.

Теоретическая часть

Характеристика субъективного контроля его видов и уровней

Субъективный контроль рассматривается в психологии как фундаментальная характеристика личности, определяющая степень ее участия в регулировании собственных действий и прогнозировании результатов поведения. Согласно ряду научных подходов, личность обладает способностью самостоятельно направлять свое поведение, опираясь на усвоенные нормы, ценности и установки, несмотря на влияние внешних обстоятельств или социальных ожиданий. Этот взгляд подчеркивает активную роль субъекта в процессе взаимодействия с окружающей средой и объясняет, почему люди по-разному интерпретируют причины собственных успехов и неудач. Разработкой проблемы локуса контроля наиболее полно занимался американский психолог Дж. Роттер, чья концепция является фундаментальной в современной психологии личности. Однако у Роттера были свои последователи, среди которых можно назвать Дж. Роттера, Д. Рисмена, Р. Уайта, К. Муздыбаева, Болалева, Бажина, Эдкинд. Теория Роттера рассматривает локус контроля как устойчивую характеристику личности, определяющую, насколько индивид воспринимает результаты своих действий как зависимые от собственных усилий (интернальный локус контроля)

или от внешних обстоятельств, случайности, действий других людей (экстернальный локус контроля).

Концепция локуса контроля Роттера является частью теории социального научения. Он исходил из предположения, что люди формируют ожидания относительно контроля над событиями на основе опыта взаимодействия с окружающей средой. В первоначальном варианте теории выделялись два глобальных типа локуса контроля - интернальный и экстернальный, которые рассматривались как глобальные, относительно стабильные характеристики личности [1].

Позднее была разработана более детализированная модель, включающая трехмерную шкалу локуса контроля (К. Уоллстон), где экстернальность подразделялась на «приписывание контроля другим людям» и «приписывание контроля судьбе». Эмпирические исследования показали, что проявление локуса контроля может варьироваться в зависимости от конкретной ситуации, однако общий тип остается относительно стабильным для личности. Таким образом, теория Роттера рассматривает локус контроля как ключевой фактор, влияющий на мотивацию, ответственность и поведение человека, позволяющий понять, каким образом индивид интерпретирует свои успехи и неудачи и как строит стратегию достижения целей.

Психологи выделяют два основных типа локализации субъективного контроля: **интернальный** (внутренний локус контроля) **и экстернальный** (внешний локус контроля). На основе прошлого опыта у человека складывается определенная система ценностей и ожиданий относительно вероятности получения подкрепления. Проявление интернальности и экстернальности наиболее ярко выражено в особенностях атрибуции социальной ответственности.

- **Экстерналы** склонны объяснять результаты деятельности воздействием внешних факторов, нередко доходя до фаталистичных представлений. В случае неуспеха они приписывают ответственность ситуации: трудности задания, нехватке времени, внешним помехам. У экстерналов уровень притязаний может быть либо завышенным, либо заниженным, так как они ориентированы на внешнюю оценку. Они обычно активизируются после неуспеха и становятся менее деятельными после успеха. Кроме того, экстерналы часто недостаточно верят в собственные возможности, намечают цели, не соответствующие своим ресурсам, и склонны довольствоваться незначительными, близкими результатами.

- **Интерналы**, напротив, берут ответственность за происходящее преимущественно на себя, иногда даже чрезмерно, объясняя неудачи собственными недостатками. Для них характерен средний, более стабильный уровень притязаний, мало зависящий от внешних оценок. Интерналы повышают активность после успеха, тогда как неудача приводит к временной дезорганизации и снижению мотивации. Они стремятся к решению сложных задач, а достижения вызывают у них положительные самооценочные эмоции, которые усиливают внутреннюю мотивацию.Следует отметить, что в чистом виде интернальный или экстернальный тип практически не встречаются. У большинства людей наблюдается индивидуальное сочетание элементов обеих направленностей, формирующее общее «поле» локуса контроля [8].

Бажин и Голынкиным в своей методике подчеркивают, что локус контроля не сводится к отдельной привычке или ситуативной реакции, а является **структурной характеристикой личности**, интегрированной с ее ценностными ориентациями, мотивацией и когнитивными способностями. Они также отмечают, что степень интернальности или экстернальности может изменяться под влиянием воспитания, образовательного опыта, жизненных трудностей и формирования навыков саморегуляции. Особое внимание уделяется **связи локуса контроля с личностной ответственностью**: индивиды с интернальным локусом контроля чаще проявляют инициативу, планируют свои действия и способны предвидеть последствия, тогда как обладатели экстернального локуса контроля склонны переносить ответственность на внешние силы и проявляют более пассивное поведение в ситуациях, требующих самостоятельного решения. Сравнивая подход Бажина с теорией Дж. Роттера, можно выделить как сходства, так и отличия. Оба автора выделяют интернальный и экстернальный типы локуса контроля, а также рассматривают его как фактор, определяющий поведение и мотивацию индивида. Однако Роттер акцентировал внимание на эмпирическом измерении локуса контроля, разработав шкалу, позволяющую количественно оценивать тип контроля и его проявление в различных ситуациях. Бажин, в свою очередь, делает упор на структурный и личностный характер локуса контроля, его связь с ценностями, саморегуляцией и образовательной средой

Предикторы проявления склонности к прокрастинации у студентов

Прокрастинация – это систематическая тенденция откладывать выполнение значимых и приоритетных задач, сопровождающаяся субъективным ощущением эмоционального дискомфорта, тревоги или вины, что в итоге негативно сказывается на продуктивности, личной эффективности и качестве жизни индивида [5]. С психологической точки зрения прокрастинация рассматривается как результат несовершенства механизмов саморегуляции, включающих планирование, мотивацию, контроль за временем и управление эмоциями, и выступает индикатором потенциальных трудностей в организации деятельности и поддержании адаптивного поведения.

Студент – это формирующийся субъект развития, объединяющий в себе природные характеристики индивида и психосоциальные свойства личности. Находясь в переходном периоде от юности к зрелости, студент выступает целостным субъектом учебной и профессиональной деятельности, в котором интегрируются биологические, индивидуально-типологические и социальные особенности. В этом возрасте активно формируются личностные качества, профессиональные компетенции и индивидуальный стиль деятельности, а все свойства человека проявляются во взаимосвязи, определяя специфику его поведения, мотивации и освоения образовательных задач [4].

Предикторы проявления склонности к прокрастинации у студентов

Когнитивно-личностные факторы включают: изучение склонности к прокрастинации у студентов как важное направление психологических исследований. Необходимо отметить, что она тесно связана с дефицитом саморегуляции, проявляющимся в трудностях организации и контроля собственного поведения в учебной деятельности. Также необходимо подчеркнуть, что неуверенность в себе и низкая самооценка снижают мотивацию и способствуют откладыванию выполнения задач. Следует отметить, что отсутствие навыков планирования затрудняет эффективное распределение времени и структурирование учебного процесса. Кроме того, склонность к амотивации, выражающаяся в недостаточной внутренней заинтересован-

ности в учебе, вместе с высокой степенью проявления лени и наличием внутриличностных проблем или проблем со здоровьем, дополнительно ограничивает способность студентов концентрироваться и выполнять учебные задания вовремя [3].

Социально-средовые факторы

Нужно выделить также влияние внешних и социально-средовых факторов на проявление склонности к прокрастинации у студентов. Отмечаем, что интернет-зависимость, проявляющаяся в чрезмерном времени, проведенном в социальных сетях, играх и других отвлекающих ресурсах, тесно связана с академической прокрастинацией. Кроме того, неправильная оценка времени, когда студенты недооценивают реальные временные ресурсы или переоценивают собственные возможности, также способствует откладыванию выполнения учебных заданий. Следует учитывать, что бытовые обязанности и необходимость выполнять большое количество домашних дел отвлекают студентов от учебного процесса. Также нельзя не отметить влияние финансовой нестабильности, которая требует совмещения работы с учебой, снижает продуктивность и увеличивает вероятность прокрастинации.

Факторы, связанные с учебным процессом

Мы выделяем также факторы, связанные непосредственно с учебным процессом. Отмечаем, что особенности заданий, особенно письменных и требующих высокой концентрации и значительных усилий, чаще приводят к откладыванию их выполнения студентами. Кроме того, недостаточная поддержка со стороны преподавателей и родителей, отсутствие обратной связи и помощи снижает мотивацию и способствует проявлению прокрастинации [6].

Основные виды прокрастинации

Изучая вопрос прокрастинации, следует отметить, что Милграм выделяет пять основных типов данного явления. Первым является *бытовая прокрастинация*, которая проявляется в откладывании регулярных повседневных дел – таких, как уборка, стирка, выполнение домашних обязанностей и рутинных задач. Второй тип – *прокрастинация принятия решений*,

характеризующаяся постоянным затягиванием выбора, даже если вся необходимая информация для принятия решения уже имеется. *Невротическая прокрастинация* проявляется в отсрочке жизненно важных решений, имеющих долговременные последствия, таких как выбор учебного заведения, профессии, партнера, согласие или отказ от брака. *Академическая прокрастинация* связана с откладыванием выполнения учебных заданий, подготовки курсовых работ и экзаменов, что проявляется, например, через интенсивное изучение материала в «ночь перед экзаменом». *Компульсивная прокрастинация* сочетает откладывание выполнения задач с откладыванием принятия решений, формируя устойчивый поведенческий паттерн, который становится повторяющимся и стабильным. нельзя не упомянуть и самих прокрастинаторов [2]. Прокрастинатор – это человек, систематически откладывающий выполнение задач, несмотря на понимание их значимости и имеющуюся возможность их своевременного выполнения. Чу и Чой в своих исследованиях выделяли два основных типа прокрастинаторов: пассивных и активных. Пассивные прокрастинаторы откладывают выполнение задач под влиянием негативных эмоций и тревоги, испытывают трудности с организацией времени и часто не могут выполнить задачи своевременно. Активные прокрастинаторы сознательно откладывают задачи, создавая дефицит времени (цейтнот), что стимулирует их концентрацию, мобилизует психические ресурсы и позволяет эффективно справляться с учебными и рабочими нагрузками.

Методологические основы

Выборка исследования включала 30 студентов в возрасте от 18 до 24 лет. В нее вошли представители двух национальностей – русские и армяне (по 15 человек). Участники различались по полу (12 мужчин и 18 женщин) и обучались в разных вузах на различных направлениях подготовки. В данном исследовании использовались следующие методики:

1. Шкала оценки академической прокрастинации PASS (Procrastination Assessment Scale for Students by L. Solomon & E. Rothblum) в адаптации М.В. Зверевой

Опросник “Procrastination Assessment Scale for Students (PASS)” направлен на выявление частоты академической прокрастинации, ее причин и личностных характеристик «прокрастинатора». Современные исследова-

ния изучают ее причины, последствия, индивидуальные особенности и личностные корреляты. Академическая прокрастинация особенно распространена среди студентов и связана с откладыванием учебных заданий и тревогой, часто обусловленной перфекционизмом. Для ее изучения был адаптирован опросник PASS, позволяющий оценить частоту откладывания, причины поведения и личностные особенности, влияющие на прокрастинацию. Оригинальная методика состоит из трех частей: частота прокрастинации в шести учебных областях; причины прокрастинации; личностные характеристики (самоконтроль, импульсивность, организованность, отвлекаемость, мотивация достижения).

Факторный анализ позволил выделить основные показатели PASS: частота прокрастинации (по первой части), факторы-причины: социальная тревожность, лень, стремление к вызову, плохой перфекционизм, личностные характеристики: самоконтроль, импульсивность, организованность, избегание неудач.

2. Методика УСК (уровень субъективного контроля): Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, Л.М. Эткинд

Методика представляет собой адаптированный вариант опросника Дж. Роттера и предназначена для оценки **субъективного контроля** – того, где человек «размещает» ответственность за происходящее в его жизни. Выделяют два полюса: **экстернальный локус** – убеждение, что события определяются внешними силами (случаем, другими людьми); **интернальный локус** – ощущение, что результаты зависят от собственных действий.

Уровень интернальности у каждого индивидуален, но обычно проявляется во всех сферах жизни – при успехах и неудачах. Экстерналы чаще пассивны, зависимы, тревожны, склонны к конформности. Интерналы более самостоятельны, активны, уверены в себе и склонны брать ответственность, что связано с их ориентацией на развитие. Опросник УСК содержит **44 утверждения**, оценивающих локус контроля в межличностной, рабочей, семейной сферах и в отношении здоровья [7].

Анализ результатов исследования

При анализе нашего первого исследования, разделяем полученные шкалы на 3 основные части:

- ✓ частота прокрастинации (она вычислялась по первой части опросника);

- ✓ факторы прокрастинации (социальная тревожность, лень, вызов, плохой перфекционизм) – или причины прокрастинации;
- ✓ личностные факторы «прокрастинатора» (самоконтроль, импульсивность, организованность, избегание неудач) – или личностные характеристики.

На основе данных первой части опросника «Шкала оценки прокрастинации PASS» можно отметить, что показатель «Частота прокрастинации» выступает как относительно независимая шкала, отражающая субъективное восприятие студентами собственной склонности откладывать выполнение учебных задач. Данная шкала не зависит от отдельных ситуационных факторов и фиксирует именно то, насколько часто сам испытуемый сталкивается с проявлениями прокрастинации в повседневной деятельности.

Анализ полученных значений (19,9) и их распределения показал, что усредненный показатель частоты прокрастинации в выборке соответствует среднему уровню выраженности данного феномена. Это свидетельствует о том, что студенты периодически сталкиваются с откладыванием дел, однако данная склонность не достигает критических значений и проявляется в рамках умеренной нормы, что некоторые показатели сильно доминируют над другими. К высоким показателям относится прежде всего частота прокрастинации -19,9, что значительно превышает остальные значения и отражает выраженную склонность откладывать задачи. Это доминирующий фактор, определяющий общую структуру поведения.

Во второй части нашего исследования можно выделить данные значения:

- ✓ **Вызов 3,4** показывает особую форму так называемой активной прокрастинации. Такие студенты сознательно переносят выполнение задания на последний момент, потому что именно в условиях дефицита времени они чувствуют прилив энергии, собранность и способность работать максимально эффективно. Для них отсрочка выполнения — это способ создать ситуацию, которая стимулирует их активность.
- ✓ **Лень 3,2** включает вопросы, описывающие откладывание задач из-за отсутствия энергии, мотивации или желания выполнять работу. В данном контексте прокрастинация проявляется как поведение, продиктованное низкой вовлеченностью и субъективным ощущением, что задание требует слишком много усилий. Этот тип про-

крастинации связан скорее с утомлением и нежеланием прилагать усилия, чем с эмоциональным напряжением.

- ✓ **Плохой перфекционизм 3,1** связан с переживаниями, характерными для невротического перфекционизма: стремлением все сделать идеально, страхом ошибок, постоянным недовольством результатом и завышенными требованиями к себе. Прокрастинация в данном случае возникает как следствие чрезмерного давления, когда студент избегает работы из-за убеждения, что не справится достаточно хорошо.
- ✓ **Социальная тревожность 3,1** отражает внутреннее напряжение, связанное с возможной оценкой со стороны окружающих. Студенты, набравшие более высокие показатели по этому фактору, склонны откладывать задания из-за страха критики, опасения ошибиться или выглядеть некомпетентными. Таким образом, прокрастинация здесь выступает как защитный механизм, позволяющий временно избежать социальной оценки.

Переходя к третьей части, можно выделить данные значения:

- ✓ **Избегание неудач 3,7** связан с защитной мотивацией, когда студент стремится минимизировать риск ошибок, негативной оценки или разочарования в собственных результатах. Такой студент может откладывать выполнение задания не из-за лени, а из-за страха не справиться. Прокрастинация здесь становится способом эмоциональной защиты – временным уходом от ситуации, которая потенциально может вызвать чувство неуспеха.
- ✓ **Самоконтроль 3,7** отражает способность студента управлять собственным поведением, распределять усилия и удерживать внимание на задаче. Студенты с более низким уровнем самоконтроля чаще откладывают выполнение дел, поскольку им труднее сопротивляться отвлекающим стимулам и требующим немедленного удовлетворения действиям. В контексте прокрастинации недостаточный самоконтроль выступает как один из ключевых внутренних барьеров.
- ✓ **Импульсивность 3,4** обозначает склонность действовать спонтанно и под воздействием момента, без продуманного анализа. Для таких студентов характерно переключение между делами, быстрая потеря фокуса и стремление немедленно удовлетворить текущие

желания. В связи с этим прокрастинация возникает как следствие неспособности удерживать концентрацию и следовать намеченной задаче.

- ✓ **Организованность 3,2** показывает, насколько эффективно студент способен выстраивать собственную деятельность: планировать задачи, соблюдать сроки, структурировать учебную нагрузку. Низкая организованность напрямую связана с прокрастинацией, так как отсутствие ясного плана и последовательности действий приводит к откладыванию даже относительно простых заданий.

График 1.

Рассматривая результаты второго опросника, мы можем заметить, что некоторые показатели значительно выделяются на фоне остальных. К наиболее высоким относятся интернальность в области достижений – 6,3 и интернальность в области межличностных отношений – 6,2. Эти результаты отражают устойчивое убеждение человека в том, что его успехи и качество отношений с другими напрямую зависят от собственных решений, усилий и поведения. Высокая интернальность в достижениях говорит о выраженной мотивации и вере в собственные возможности: человек уверен, что способен влиять на исход значимых событий. Интернальность в межличност-

ной сфере показывает способность брать на себя ответственность за динамику общения, воспринимать отношения как зону, где многое зависит от личной инициативы и поведения.

Переходя к средним значениям, можно отметить показатели, которые располагаются ближе к середине шкалы: общая интернальность – 5,4, интернальность в области неудач =5,6, интернальность в семейных отношениях – 5,6, интернальность в отношении здоровья – 5,8. Эти данные указывают на сбалансированное восприятие контроля: человек не перекладывает ответственность на обстоятельства, но и не считает себя единственным источником всего происходящего. Общая интернальность 5,4 говорит о сформированной, но умеренной позиции активного участника собственной жизни. Интернальность в неудачах 5,6 показывает способность признавать собственный вклад в трудности, что является важным условием личностного роста. Интернальность в семейных отношениях 5,6 демонстрирует понимание того, что гармония или напряжение в семье во многом зависит от собственных действий. Интернальность в отношении здоровья 5,8 отражает осознание связи между образом жизни, привычками и самочувствием, однако допускает роль внешних факторов.

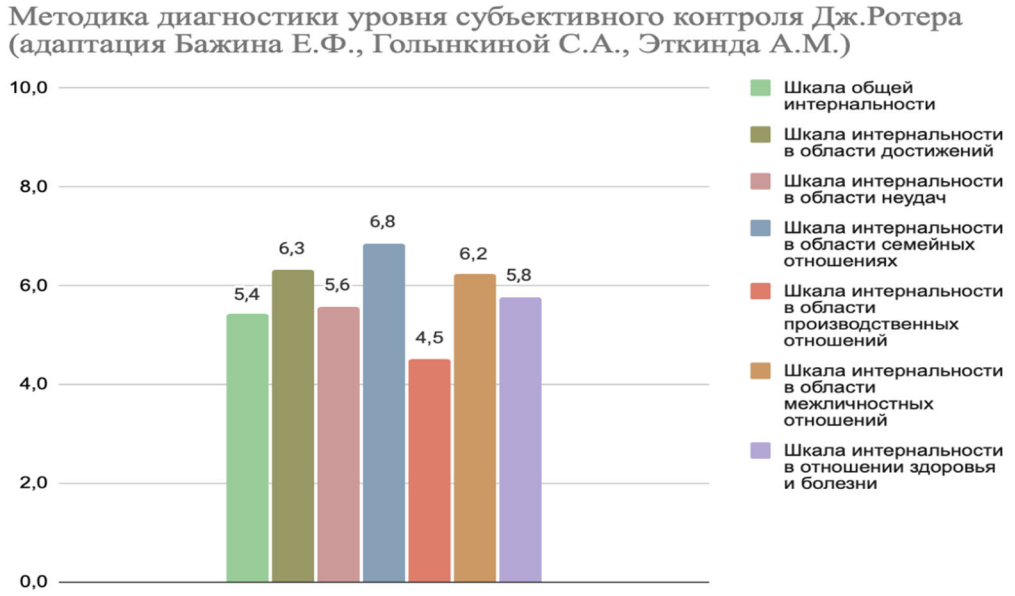

График 2.

На фоне этих данных особо выделяется низкое значение – интернальность в области производственных отношений – 4,5. Это самый низкий показатель в профиле. Он указывает на ощущение меньшего влияния на события, происходящие в профессиональной среде. Человек может воспринимать успехи или трудности на работе как результат внешних обстоятельств: требований системы, руководства, структуры коллектива или обстоятельств, которые находятся вне личного контроля. Это не свидетельствует о пассивности, но отражает область, где чувство влияния на ситуацию выражено слабее. Так, общая картина интернальности показывает сильную ориентированность на личную ответственность в достижениях и межличностных отношениях, достаточно устойчивую, но умеренную интернальность в большинстве жизненных сфер и пониженный уровень контроля, воспринимаемый в профессиональной области.

Корреляция результатов

Для подтверждения наших гипотез мы провели корреляционный анализ данных показателей трех методик. Была использована встроенная функция CORREL EXCEL.

Анализируя полученные результаты, **можно выделить несколько значимых взаимосвязей**. Прежде всего обращают на себя внимание показатели, выделенные розовым цветом – это высокие корреляции, указывающие на наиболее тесные связи между переменными.

К числу наиболее выраженных связей относится положительная корреляция между **социальной тревожностью и общей интернальностью (0,7)**, что показывает: повышение тревожности сопровождается ощущением большего внутреннего контроля над ситуациями, возможно, из-за стремления компенсировать внутреннее напряжение повышенной ответственностью. Сюда же относится высокая связь между **социальной тревожностью и интернальностью в семейных (0,5)** и **производственных отношениях (0,5)**, что отражает подобную динамику в разных сферах.

Также ярко проявляется высокая связь между **импульсивностью и общей интернальностью (0,7)**, а также с **интернальностью в производственных отношениях (0,7)**. Это может свидетельствовать о том, что люди с повышенной импульсивностью одновременно склонны воспринимать себя как основной источник происходящих событий. Среди других

сильных связей можно отметить **плохой перфекционизм и интернальность в области здоровья (0,7)**, что отражает стремление контролировать состояние своего организма, даже если этот контроль сопровождается излишней самокритикой.

Средние корреляции, выделенные желтым цветом, указывают на умеренные взаимосвязи, которые не столь выражены, как высокие, но все же имеют значимую роль. Среди них можно отметить связь **интернальности в области достижений и организованности (0,4)**, что логично отражает тенденцию: чем выше ориентация на собственные усилия, тем выше стремление к структурированным действиям. Умеренная корреляция наблюдается также между **интернальностью в области здоровья и организованностью (0,6)**, подчеркивая важность самодисциплины для поддержания благополучия. Кроме того, средние связи проявляются между **интернальностью в области межличностных отношений и ленью (-0,4)**, что может указывать на обратную зависимость между пассивностью и готовностью брать ответственность за качество контактов с другими.

Показатели, не выделенные цветом, относятся к низким корреляциям. Они свидетельствуют о слабых или практически отсутствующих взаимосвязях между переменными, что означает большую автономность данных характеристик и их минимальное влияние друг на друга.

Наш коэффициент корреляции ровняется 0,7, что показывает довольно высокую корреляцию между субъективным контролем и склонности к прокрастинации личности. Наша гипотеза частично подтвердилась.

Таблица 1.

	Частота прокрастинации	Социальная тревожность	Лень	Вызов	Плохой перфекционизм	Организованность	Избегание неудач	Импульсивность	Самоконтроль
Шкала общей интернальности	-0,4	**0,7**	-0,1	-0,2	**0,5**	0,4	0,0	**0,7**	0,1
Шкала интернальности в области достижений	-0,3	0,3	-0,4	0,0	0,2	0,4	-0,4	0,3	-0,1
Шкала интернальности в области неудач	-0,1	0,4	-0,2	-0,4	0,2	0,1	-0,1	**0,5**	0,1
Шкала интернальности в области семейных отношениях	0,0	**0,5**	-0,3	0,4	0,1	**0,5**	0,0	0,3	-0,1
Шкала интернальности в области производственных отношений	-0,4	**0,5**	-0,1	-0,1	0,4	0,1	-0,2	**0,7**	0,0
Шкала интернальности в области межличностных отношений	0,1	0,3	-0,4	0,0	0,2	0,1	-0,1	0,2	0,1
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни	0,1	**0,6**	0,3	0,0	**0,7**	**0,6**	0,4	**0,5**	0,0

Выводы

Вывод 1.

Теоретический анализ показал, что уровень субъективного контроля тесно связан со склонностью студентов к прокрастинации. Интернальный локус контроля способствует ответственности, саморегуляции и активному подходу к учебным задачам, тогда как экстернальный локус связан с пассивностью, переносом ответственности на внешние обстоятельства и повышенной склонностью к откладыванию. Прокрастинация у студентов формируется под влиянием когнитивных, эмоциональных и социальных факторов, включая низкую мотивацию, недостаток навыков планирования, особенности учебных заданий и внешние отвлекающие факторы. Понимание этой взаимосвязи позволяет разрабатывать стратегии, направленные на повышение личной ответственности, улучшение саморегуляции и повышение эффективности учебной деятельности.

Вывод 2.

Эмпирическое исследование подтвердило гипотезу о существовании взаимосвязи между уровнем субъективного контроля и склонностью к прокрастинации у студентов. Высокая интернальность в достижениях и межличностных отношениях отражает ответственность за результаты своей деятельности и снижает откладывание задач, тогда как умеренные показатели самоконтроля и низкая интернальность в профессиональной сфере показывают влияние внешних обстоятельств. Корреляционный анализ выявил значимые связи между личностными и эмоциональными характеристиками и субъективным контролем. В целом, высокий уровень субъективного контроля способствует развитию саморегуляции и уменьшению прокрастинации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Локус контроля – более полувека исследований: монография / Под ред. Г. Ксенофонтовой. М.: «Проспект», 2021, 112с. ISBN 978-5-392-34154-2
2. *Майерс Д.* Социальная психология [Текст]: учебник / пер. с англ. СПб.: «Питер Ком», 1998. 688с.: ил.
3. *Френкин Р.* Мотивация поведения [Текст]: биологические, когнитивные и социальные аспекты. СПб.: «Питер», 2003. 651с.: ил.

4. *Ананьев Б Г.* Человек как предмет познания. СПб.: «Питер», 2001. 288с. (Сер.: «Мастера психологии») ISBN 5-272-00315-2
5. *Барабанщикова В.В., Каминская Е.О.* Феномен прокрастинации в деятельности членов виртуальных проектных групп // «Национальный психологический журнал», № 2 (10), 2013. СС. 43–51.
6. *Варваричева Я.И.* Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования // «Вопросы психологии», № 3, 2010. СС. 121–131.
7. *Зверева М.В.* Адаптация опросника PASS на российской выборке // «Психологическая наука и образование». Т. 20, № 1, 2015. СС. 79–84.
8. *Огородова, Т.В., Токарева В.Б.* Локус контроля и эмоциональный интеллект у спортсменов командных видов спорта // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» [Текст] / Т.В. Огородова, В.Б. Токарева; отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. М.: «МАКС-Пресс», 2013.

THE RELATIONSHIP BETWEEN LOCUS OF CONTROL AND PROCRASTINATION TENDENCY AMONG STUDENTS

A. Berberyan, E. Safaryan

Russian-Armenian University
Institute of International Relations and Socio-Political Sciences
Department of Psychology

ABSTRACT

This article examines the problem of the relationship between the level of subjective control (locus of control) and the tendency toward procrastination among students, which is of significant interest in contemporary educational psychology. A theoretical analysis was conducted based on the concept of subjective control developed by J. Rotter, E.F. Bazhin, and E.A. Golynkin, as well as approaches to the study of procrastination presented in the works of E.A. Klimov, D. Perry, and N. Milgram. These concepts make it possible to consider locus of control and procrastination as interrelated psychological characteristics.

An empirical study was carried out to identify the relationship between different levels of subjective control and the tendency toward procrastination among students. Based on the obtained data, recommendations were developed aimed at reducing procrastination and enhancing self-regulation skills among students who tend to delay the completion of academic tasks. Practical recommendations for students prone to procrastination are also presented.

Keywords: locus of control, procrastination tendency, students.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-499-512

ՇԱՐՈՒՆԱԿԱԿԱՆ ՍԹՐԵՍԻ ԱԶԴԵՑՈՒԹՅՈՒՆԸ ԱՐՑԱԽԻՑ ԲՌՆԻ ՏԵՂԱՀԱՆՎԱԾ ԱՆՁԱՆՑ ԷԹՆԻԿ ԻՆՔՆՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ՍՈՑԻԱԼ-ՀՈԳԵԲԱՆԱԿԱՆ ՀԱՐՄԱՐՄԱՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑԻ ՎՐԱ

Ա.Ս. Բերբերյան, Վ.Բ. Յարամիշյան

Ռուս-հայկական համալսարան
Երևանի պետական համալսարան
aspsy@inbox.ru, vityayaramishyan@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Վերջին տարիներին աշխարհում տեղի ունեցող մեծամասշտաբ միգրացիոն գործընթացները տեղահանվածների կյանքում առաջ են բերում նշանակալի սոցիալական փոփոխություններ, ինչն իր հերթին հումանիտար գիտության հետազոտողների շրջանում զգալի հետաքրքրություն է առաջացնում՝ սոցիալական և սոցիալ-հոգեբանական *հարմարման գործընթացի* տեսության ու պրակտիկայի զարգացման տեսանկյունից: Գիտակիրառական առումով միգրացիոն գործընթացների հետազոտումը արդիական և կարևոր է՝ վերաբնակների համար արդյունավետ աջակցության համակարգի մշակման, նրանց լիարժեք սոցիալականացման և որպես հասարակության լիիրավ անդամ՝ հանրային կյանքի բոլոր ոլորտներում ներգրավման տեսանկյունից: Հոգեբանական առումով դրան խոչընդոտում է այն, որ ինքնիրացման դժվարությունների պատճառով առաջ են գալիս հոգեվնասող իրավիճակներ, որոնք արտահայտվում են վարքային շեղումներով, դրական ակտիվության իջեցմամբ, հոգեհուզական վիճակների անցանկալի փոփոխություններով: Դրան զուգահեռ կյանքի նոր միջավայրում վերաբնակների հոգեկանի վրա բացասական ազդեցությունները չեն դադարում: Մարդիկ անխուսափելիորեն առերեսվում են բնակարան և աշխատանք գտնելու, սոցիալական նոր կապեր ձևավորելու, մշակութային նոր միջավային ինտեգրվելու, բնակլիմայական միջավայրի ու կյանքի ռիթմի փոփոխության և այլ բազում խնդիրների հետ: Սույն հոդվածի հեղինակները Արցախից բռնի տեղահանված անձանց հետ ունեցած բազմաթիվ խմբային և

անհատական թերապևտիկ հանդիպումների, քննարկումների, հարցումների արդյունքում փորձել են առանձնացնել այն հիմնական սթրես-գործոնները, որոնք նպաստում կամ խոչընդոտում են նոր կենսապայմաններին տեղահանվածների արդյունավետ հարմարման գործընթացին, հոգեկան ներդաշնակության ու ամբողջականության վերականգնմանը, գոյաբանական խնդիրների վերաիմաստավորմանը: Ուսումնասիրության արդյունքները վկայում են, որ Արցախից բռնի տեղահանված անձանց համար հիմնական սթրես-գործոնն ապագայի անորոշությունն է, հետվերադարձի հեռանկարի բացակայությունը:

Հիմնաբառեր՝ բռնի տեղահանված անձ, սոցիալ-հոգեբանական հարմարում, էթնիկ ինքնություն, շարունակական սթրես, ինտեգրում:

Վերջին տարիների բազմաթիվ բացասական փորձառությունները, որոնց առնչվել էին Արցախի բնակիչները, ավելին էին, քան պարզապես շարունակական սթրեսը[1]: Բռնի տեղահանությունից հետո, հայտնվելով Հայաստանի Հանրապետությունում և արժանանալով հայրենակիցների ջերմ ընդունելությանը, թվում էր, թե վերջ կդրվի արցախցիների շարունակական տառապանքներին, բայց՝ ոչ: Հայտնվելով մեծ հայրենիքում, մարդիկ առնչվեցին գոյաբանական արժեքով ոչ պակաս սթրեսային ազդեցությունների՝ քաղաքացիության ճանաչման, գլխավերևում տանիք ունենալու, արժանապատիվ աշխատանք գտնելու դժվարություններին, հին սոցիալական կապերի փոխարեն նոր կապերի ստեղծման անհրաժեշտությանը, տարածքային հիմքով մարդկանց տարբերակելու և պիտակավորելու երևույթներին, այլ խնդիրների: Առաջ եկավ իր կամքից անկախ նոր միջավայրում հայտնվելու պարագայում տնական սթրեսը հաղթահարելու ծանրագույն խնդիրը:

[1] Օրինակ, 2014–2015թթ. սահմանային սրացումները (դիվերսիոն-հետախուզական խմբերի ներթափանցումները երկրի խորք), 2016թ. քառօրյա պատերազմը, 2020թ. 44-օրյա պատերազմը՝ տարածքային կորուստներրով և մեծաքանակ զոհերով, 2022–2023թթ. դաժան շրջափակումը, վառելանյութի պահեստի մահաբեր պայթյունը, վերջապես, Արցախի լիակատար հայաթափումը:

Արդիականությունը: Ժամանակակից գիտական գրականության մեջ նոր սոցիալական միջավայրում հայտնված անձանց *հարմարման* հիմնախնդիրը դասվում է առավել լայնորեն քննարկվող թեմաների շարքին: Անձի սոցիալական հարմարման գործընթացի ուսումնասիրմանն են նվիրված Ֆ.Զ. Մեերսոնի, Լ.Դ. Ստոլյարենկոյի, Բ.Գ. Անանևի, Ի.Կ. Կրյաժևայի, Ֆ.Բ. Բերեզինի և այլոց աշխատանքները, սակայն, առայսօր չկա հասկացության այնպիսի լիարժեք ձևակերպում, որը հաշվի կառներ տվյալ եզրույթի բոլոր հակասական միտումները: Լուրջ խնդիր է մնում «անձի հարմարում» եզրույթի կոնցեպտուալացումը, անձի կառույցում բազային համոզմունքների և էթնիկական ինքնության փոխազդեցության մոդելի ստեղծումը, հարմարման գործընթացի վրա տևական սթրեսի ազդեցության փորձարարական հետազոտության իրականացումը, արտակարգ իրավիճակներում, մասնավորապես՝ բռնի տեղահանման դեպքում, սոցիոմշակութային հարմարման հիմնախնդրի հոգեբանական լուծումների առաջադրումը:

Թվարկված խնդիրների լուծման համար, որպես մեթոդաբանական համակարգ, կարող է ծառայել է ստորև բերված գործիքակազմը:

Տեսական՝ վերլուծություն, էմպիրիկ արդյունքների համադրում և ընդհանրացում, հոգեբանական աշխատանքների մեկնաբանություն:

Փորձարարական-հետազոտական՝ խմբային և անհատական դիտարկումմներ, թերապևտիկ զրույցներ, հարցումներ, անկետավորում և թեստավորում: Գործուն մեթոդիկաներ են Կ. Ռոջերսի և Ռ. Դայմոնդի «Սոցիալ-հոգեբանական հարմարման ախտորոշման մեթոդիկան», Ռ. Յանով-Բուլմանի բազային համոզմունքների սանդղակը (ադապտացումը Օ. Կրավցովայի):

Արդյունքերի մշակման մեթոդներ՝ կոնտենտ-վերլուծություն, միջինի վերլուծության մեթոդ, դիսպերսիոն վերլուծություն, ռեգրեսիոն վերլուծություն:

Մոտեցման նորարարությունն այն է, որ հարմարման գործընթացը դիտարկվում է շարունակական սթրեսի չդադարող ազդեցության, ինչպես նաև անձի բազային համոզմունքների և էթնիկական ինքնության համատեքստում: Ենթադրվում է, որ անձի հարմարման կառույցը զուգորդված է գոյաբանական ցուցիչներով, բացահայտվում է որպես անձնային փորձի

մեկնաբանություն՝ ինչպես իր էթնիկ խմբի հավաքական փորձի, այնպես էլ անհատական բացասական փորձառությունների խորապատկերում, ուստի անձի բազային համոզմունքները դիտարկվում են որպես հարմարման ռեսուրս, քանի որ դրականորեն են անդրադառնում սոցիալական հարմարումն ապահովող հոգեհուզական ֆոնի վրա:

Ապագայում հնարավոր կլինի ձեռք բերել որակական ցուցանիշներ. «անձի հարմարում» երևույթի կոնցեպտուալացում, շարունակական սթրես-գործոնների ազդեցության գնահատում, անձի սոցիալ-հոգեբանական կառուցվածքում բազային համոզմունքների և էթնիկական ինքնության փոխազդեցության մոդելի ստեղծում, գործնական երաշխավորությունների մշակում:

Հարկ է նշել, որ հարմարման խնդիրը տարբեր կերպ են մեկնաբանում նաև հոգեբանական գիտության տարբեր տեսությունները:

Ըստ բիհեյվիորիստների, հարմարումը սոցիալական հարաբերություններում արտահայտվող գործընթաց է՝ հավասարակշռության ձեռքբերման նպատակով:

Նեոբիհեյվիորիստները հարմարումը բնորոշում են որպես 1. վիճակ, որում լիարժեքորեն բավարարված են ինչպես անհատի բոլոր պահանջմունքները, այնպես էլ միջավայրի պահանջները, 2. գործընթաց, որը հանգեցնում է ներդաշնակ վիճակին:

Ինտերակցիոնիստական բնորոշմամբ (Լ.Ֆիլիպս) հարմարումը համապատասխանությունն է սոցիալական սպասումներին:

Ինտրոսպեկտիվ հոգեբանության ներկայացուցիչներն առանձնացնում են սոցիալական հարմարման չափանիշները. արտաանձնային՝ որոնք ձևավորում են միջանձնային փոխահարաբերությունների հմտությունները, և ներանձնային, որոնք օգնում են հուզական կապի ձեռքբերմանը:

Հոգեվերլուծական տեսությունը (Ն.Գարտման, Աննա Ֆրոյդ) սոցիալական հարմարումը մեկնաբանում է որպես բարոյական համակարգ՝ «Գեր-Ես»-ի տեսքով, որպես իմացական մոդել՝ «Ես»-ի տեսքով, որպես հակասություն՝ «Իդ»-ի տեսքով [1]:

Սոցիալ-հոգեբանական հարմարումը մենք բնորոշում ենք որպես անձի և խմբի փոխհարաբերությունների համակարգ, որը բերում է հիմնական սոցիալական պահանջմունքների բավարարման, ստեղծագործական

ընդունակությունների զարգացման՝ ռեֆերենտային խմբի դերային սպասումներին համապատասխան [1]:

Հարմարման գործընթացի հաջողությունը որոշվում է աֆեկտիվ-հուզական, կոգնիտիվ-ճանաչողական և վարքային բաղադրիչներով:

Բուն հարմարման գործընթացն ընթանում է հետևյալ 4 տեսակներից մեկով. միջավայրի վրա ակտիվ ներգործություն (միջավայրի հարմարեցում), անձի վարքային ձևերի ակտիվ փոփոխություն (ընտելացում միջավայրին), նոր միջավայրի ակտիվ որոնում, որն ունի նշանակալի «հարմարվողական հնարավորություն» և, վերջապես, բոլոր ձևերի վրա հենված՝ հավանական-համակցված [1]: Վերջինը առավել տարածված և արդյունավետ տիպն է:

Ներկայումս հասունացել է արագ փոփոխվող սոցիումի պայմաններում արտակարգ իրավիճակներում հայտնված անձանց, մասնավորապես՝ տեղահանվածների, արագ հարմարման ու ներգրավման ուղիների որոնման անհրաժեշտությունը: Ավելի ու ավելի արդիական է դառնում հարմարվողական ռեսուրսի ուսումնասիրումը, որը կարող է օգնել կատարելագործելու և արդյունավետ դարձնելու սոցիալական հարմարումը: Գրականության մեջ կան տարբեր մոտեցումներ: Առաջին մոտեցումը անձի այն հատկանիշների պարզ թվարկումն է, որոնք առկա են հարմարվողի մոտ. *ընկերականություն, լավատեսություն, շփվողականություն, կոռեկտություն, հանդուրժողականություն, պատասխանատվություն և այլն:* Երկրորդ մոտեցումը դիտարկում է հարմարվողականությունը որպես ձևերի համակարգ, որը թույլ է տալիս հաղթահարել խնդրահարույց իրավիճակները, մասնավորապես, արագ ու նպատակահարմար որոշումներ կայացնելու կարողությունը, կամային որակները, հուզական հավասարակշռվածությունը և այլն [8]:

Գ. Տրիանդիսը նկատում է, որ «անորոշության նկատմամբ ցածր հանդուրժողանությամբ հեղինակավոր, ռիգիդ անհատները վատ են հարմարվում նոր իրավիճակին: Հարմարմանը նպաստում է *բարձր ինքնագնահատականը, ապրումակցումը, կարծրատիպերի նկատմամբ քննադատական վերաբերմունքը, տարբեր կարծիքների նկատմամբ բաց լինելը, հետաքրքրասիրությունը* [8]:

Կ. Ուորդը նշում է հարմարման ընթացքն արագացնող մի քանի անձնային հատկանիշներ՝ *սուբյեկտիվ ինքնավերահսկման մակարդակը,*

ճկունությունը, համբերատարությունը, անորոշության նկատմամբ հանդուրժողականությունը, ինքնատիրապետումը, տոկունությունը, ինքնավերահսկման մակարդակը: Նաև կա վարկած, որով նոր սոցիոմշակութային միջավայրին ներգաբվման համար առաջարկվում է դիտարկել ոչ թե անձի անհատական առանձնահատկությունները, այլ համապատասխանությունը նոր միջավայրի առանձնահատկություններին [12]:

Հարմարման ընթացքի և արդյունքի վրա էականորեն ազդում են կոգնիտիվ տեսություններում օգտագործվող «անձի բազային համոզմունքները»: Տարբերում են բազային համոզմունքների հիմնական տեսակները.

1. հավատը մարդկանց ու աշխարհի բարյացակամության նկատմամբ,

2. համոզմունքն առ այն, որ աշխարհը լցված է իմաստով,

3. համոզվածությունը սեփական Ես-ի արժեքավորության նկատմամբ [3, 4, 5]:

Հնում մարդիկ փորձել են գտնել ռացիոնալ բացատրություններ՝ իռացիոնալ և տեսիլքային երևույթների համար, այսինքն՝ «հավատալիքը» նույնպես սոցիալական երևույթ է: Իրականությունը մարդկանց գիտակցության մեջ ձևափոխվել է հավատալիքի, պատրանքի, ծեսերի ու ծիսակատարությունների տեսքով՝ աղավաղելով իրական աշխարհը և այն դարձնելով մետաֆիզիկական կառույց: Կարծում ենք, որ հավատալիքները կապակցվում են հոգեբանական ռեսուրսների հետ, որոնք ապահովում են անձի պաշտպանվածությունը [6]:

Աշխարհի բարյացակամության, մարդկանց բարության նկատմամբ հավատ ունենալու դեպքում մարդն ավելի բաց է լինում, նրա համար դյուրին է լինում նոր սոցիոմշակութային միջավայրին հարմարվելը: Սակայն, հավատալիքների կազմում առկա են ոչ միայն բացասական կողմեր: Մի կողմից հավատալիքները սոցիալական երևույթ են, մյուս կողմից դրանք մարդու անհատական սուբյեկտիվ վիճակներ են (11):

Գլոբալ փոփոխությունների համատեքստում ինքնության հիմնախնդրի նկատմամբ հումանիտար գիտությունների հետաքրքրությունը նույնպես օրինաչափ է: Բազում ազգեր ժամանակակից աշխարհում ապրում են ոչ միայն պատմական հայրենիքում, այլ նաև սփյուռքում: Էթնոմշակութային ինքնության բովանդակությունն իրենից ներկայացնում է յու-

րատիպությունն ապահովող հիմքերի միահյուսման և տարրալուծման գործընթաց, ինչը պայմանավորված է շրջապատող աշխարհին միավորվելու ձգտմամբ՝ մշակութային-խորհրդանշական ոլորտին ինտեգրվելու ճանապարհով:

Արցախի հայաթափումը տեղի է ունեցել հին և նոր միջավայրերի էթնոմշակութային նույնության պայմաններում: Պատկերավոր ասած՝ մարդիկ, կորցնելով հայրենիքը՝ հայտնվել են հայրենիքում: Էթնիկական ինքնությունը, առաջին հերթին, սուբյեկտի կողմից ինքն իրեն տվյալ էթնոսի մաս գիտակցելու կոգնիտիվ-հուզական գործընթացի արդյունքն է, նրա հետ նույնականանալու և այլ էթնոսներից տարբերվելու որոշակի աստիճան [3]:

Կարելի է առանձնացնել էթնիկ ինքնության արտահայտման տարբեր աստիճաններ. մոնոէթնիկ, մարգինալ, բիէթնիկ, բազմաէթնիկ և այլն: Մոնոէթնիկ ինքնությունը համընկնում է պաշտոնական ազգային պատկանելիության հետ: Խմբի կողմից քաջալերվելու, նրանում տարրալուծվելու պարագայում օտար խմբի հետ նույնականալու հետևանքը կլինի ասիմիլյացիան: Բազմակի ինքնությունը մարդու համար գերադասելի է, քանի որ հնարավորություն է տալիս կիրառելու մեկ էթնիկ խմբի փորձը՝ մեկ այլ խմբում հարմարվելու, նրա հարստություններին տիրապետելու համար՝ առանց իր համար նշանակալի կորուստների: Սակայն կա ինչպես սեփական, այնպես էլ մեկ այլ էթնիկ խմբին թույլ արտահայտված պատկանելիության գիտակցման տարբերակ, որը կոչվում է սահմանային (մարգինալ) ինքնություն: Նման դեպքերում մարդը պետք է ընտրություն կատարի մշակույթների միջև, քանի որ չի կարող միաժամանակ տիրապետել երկու խմբերին միաժամանակ [5]:

Էթնիկական ինքնության բացակայության կամ նվազ արտահայտվածության դեպքում, գիտակցական մակարդակում, անձի բարեկեցության պահպանման ռազմավարության տեսքով, այն արտահայտվում է էթնիկական գործոնի կարևորության ժխտմամբ, և՛ իր կյանքում, և հանրության կյանքում: Այսպիսի ռազմավարության շնորհիվ փոքրամասնությունների խմբերի անդամները կարող են պահպանել դրական ինքնությունը, այդ ընթացքում բացառելով էթնիկական ինքնությունը, որը հարուցում է որոշակի անհանգստություն: Հնարավոր է սոցիալական ինքնու-

թյան կողմից էթնիկական ինքնության դուրս մղում: Սոցիալական ինքնության զարգացման դեպքում անհատը կարող է հենվել իր քաղաքացիական ինքնության վրա կամ էլ իրեն դասել ավելի լայն ազգային միավորների կազմում: Սոցիալական ինքնության կառույցից նրա կարևորագույն բաղադրիչի՝ էթնիկական ինքնության, բացառման դեպքում, կարող է տեղի ունենալ Ես-պատկերի ամբողջականության խաթարում, ինչպես նաև որևէ մշակույթի հետ կապերի խզման, ինչը բացասական հետևանքներ կունենա անձի համար [5]:

Հարմարման գործընթացի տեսանկյունից կարևոր է կուտակային սթրեսի ազդեցության ուսումնասիրությունը: Մասնագետները, ուսումնասիրելով կուտակային սթրեսի առանձնահատկությունները, մատնանշում են բազմաթիվ սոցիալական գործոններ, առօրյա և քրոնիկական սթրեսորների փոխազդեցություն, ինչպես նաև սթրեսորների կուտակումը կյանքի տարբեր փուլերում [4, 10, 13]:

Հարմարման գործընթացի վրա շարունակական կամ տևական սթրեսի ուսումնասիրություն են կատարել հայրենական մասնագետները՝ Covid-19-ի տևական ֆոնի և Արցախում պատերազմի հետևանքների համատեքստում: Նկարագրվել է հոգեբանական առաջին օգնության և PTSD-ի կանխարգելման ու բուժման երկքայլ ծրագրի մշակման գործընթացը, ուսումնասիրվել են անորոշության և սթրեսի իրավիճակները հոգեբանական տեսանկյունից և այդ պայմաններին հարմարվելու մեխանիզմները: Հոգեբանական բարեկեցության ապահովման գործընթացում հատուկ ուշադրություն է դարձվում անհատի պաշտպանիչ ռեսուրսներին և դրանց փոխազդեցությանը, որի ալգորիթմը տրված է ուսումնասիրության մեջ [2]:

Կումուլյատիվ կամ կուտակային սթրեսի առանձնահատկությունները կապվում են սթրեսածին ազդեցության տարբեր գործոնների հետ՝

- ✓ մասնագիտական գործունեության հետ [4],
- ✓ կենսահոգեբանական տարիքով, ծայրահեղ իրավիճակներով (պատերազմ, բնական աղետներ), անձնային առանձնահատկություններով [10],
- ✓ սոցիալ-հոգեբանական պայմաններով, առօրյա և տրավմատիկ սթրեսի առանձնահատկություններով [8]:

Շատ կարևոր է հաշվի առնել այն փաստը, որ կումուլյատիվ սթրեսը խորացնում է առօրյա սթրեսորների ազդեցության և առօրյա բացասական

արձագանքների միջև կապը, թեև դեռևս ստուգված չէ այն աստիճանը, որով կումուլյատիվ սթրեսը և առօրյա սթրեսորները փոխազդում են՝ կանխատեսելու համար առօրյա ախտանշանները [13]:

Մեր ուսումնասիրությունը իրականացվել է 2023թ. նոյեմբերին ՀՀ Արարատի մարզի համայնքներում ժամանակավոր բնակություն հաստատած արցախցիների շրջանում, հարցաթերթիկների կիրառմամբ, որը ներառում է հոգեհուզական վիճակների և դեպրեսիայի մակարդակի գնահատման հարցարան: Հարցման է ենթարկվել թվով 176 անձ՝ անհատական զրույցների ձևաչափով, որոնց ընթացքում լրացվել են հարցաթերթիկները և կատարվել են նպատակային դիտարկումներ:

Հետաքրքիր էր արձանագրել, որ բռնատեղահանված արցախցիների ստվար զանգվածը հրաժարվում էր իրեն փախստական դիտարկելուց՝ գտնելով, որ իրենք գտնվում են մայր հայրենիքում, սեփական երկրում: Նրանցից շատերը խճճվել էին քաղաքացիության և նպաստների, թոշակների հետ կապված հարցերում, ուստի հարցազրույցների ժամանակ նրանց մոտ առաջ էին գալիս երկիմաստ իրավիճակներ՝ կապված ապագա կարգավիճակի ու ճակատագրի անորոշության հետ: Մարդկանց զգալի մասը շարունակում էր տագնապել, դիսթրես ապրել, հուսահատ մնալ: Քիչ չէին նաև հակառակ դրսևորումները, երբ հարցվողները, հիմնականում՝ երիտասարդները, շարունակում էին պահպանել տոկունությունն ու ոգու կորովը:

Մասնակիորեն նկատելի էր հետևյալ օրինաչությունը. մեծահասակ մարդկանց բացարձակ մեծամասնությունն իրենց հետ կատարվածը համարում էր ծանրագույն փորձություն, որի արդյունքում հայտնվել էին փլուզվածության և գոյութենական ճգնաժամի առջև, թեև համեմատաբար երիտասարդ մարդիկ և հատկապես դեռահասներն ու պատանիները, ընդհակառակը, հակված էին տեղի ունեցածը գնահատելու որպես նոր կյանքի սկիզբ և հնարավորություն:

Տպավորություն կար, որ տղամարդիկ ավելի, քան կանայք, հոգեբանորեն կոտրված են, հուսահատ ու թևաթափ: Առավել խոցելի խումբը կազմում էին տարեց տղամարդիկ, հատկապես նրանք, ովքեր իրենց երիտասարդ տարիներին մասնակից կամ ականատես էին եղել Արցախի անկախության հռչակման, կայացման և հետագա զարգացման պատմությանը:

Հարցվածների մոտ նկատելի էին տեղեկատվական-հոգեբանական ճնշումների և մանիպուլյացիաների հետևանք հանդիսացող տարբեր իրաբամերժ հոգեվիճակներ՝ ֆրուստրացվածության, ապաթիայի, մոտիվացիայի կորստի, հուսահատության, անկարողության զգացումների խառը դրսևորումները, որոնք, սոցիալական (կեցություն, զբաղվածություն, ֆինանսական խնդիրներ) դժվարությունների համապատկերում, դրանց ազդեցությամբ, էլ ավելի ցայտուն էին արտահայտվում: Այդ է պատճառը, որ հարցվածների զգալի մասի մոտ դիտարկելի էին ընկճվածության և դեպրեսիայի ակնհայտ ախտանիշներ: Շատերին անհանգստացնում էին ինքնամեղադրանքի ու խղճի խայթի, ծանր, սևեռուն մտքերի առկայությունը:

2025թ. հոկտեմբերին մեր խմբի կողմից կատարվել է կրկնակի ուսումնասիրություն՝ պարզելու համար տևական սթրեսի հաղթահարման գործում ժամանակի գործոնի ազդեցությունը: Հարցվածների քանակն անցնում էր հինգ տասնյակը: Մասնակցել են ինչպես 70-ի շեմն անցած թոշակառուներ (մեկ մասնակից նույնիսկ տարիքը նշել էր 81), միջին տարիքի ներկայացուցիչներ, երիտասարդներ: Մասնակիցների միջին տարիքը 49 էր: Տարբեր էր նաև մասնակիցների կրթական ցենզը՝ միջնակարգ, միջնակարգ-մասնագիտական, բարձրագույն: Հարցմանը զուգահեռ իրականացվել է ռացիոնալ թերապիայի մի քանի սեանսներ, որի մասնակիցները, որպես անձնային աճ և ձեռքբերում, նշել են հոգեկան հանգստությունը, լավատեսությունը, հոգեբանական գիտելիքը, հույսը, վերադարձի հավատը, երևույթների նկատմամբ նոր, դրական հայեցակետը, ինքնակառավարման հնարքների, վշտի հաղթահարման հմտությունների տիրապետումը:

Այսպիսով, հետազոտության շնորհիվ որոշակիորեն հստակեցվեց աշխատանքը «անձի հարմարում», «էթնիկական ինքնություն» և «շարունակական սթրես» կոնցեպտների փոխկապակցվածության վերաբերյալ տեսական վերլուծություն կատարելու ուղղությամբ, կատարվեց բռնատեղահանված անձանց հարմարվողական հնարավորությունների գնահատում, որոնք օգնում են նպատակահարմար դարձնել սոցիալական հարմարման գործընթացը, նպաստում են անկայուն, արագ փոփոխվող սոցիումի միջավայրում տեղահանվածների ներգրավմանը և հարմարմանը միտված ուղիների որոնմանը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Յարամիշյան Վ.Բ.* Զինվորական ծառայությանը դժվար հարմարվելու հոգեբանական պատճառները. ԱրՊՀ գիտական տեղեկագիր, Հաս. գիտ-ներ, պրակ 1/2022թ., էջ 291–298:
2. *Аванесян Г., Асриян Э., Папоян С.* Защитные ресурсы психологического благополучия личности в условиях стресса и неопределенности. Сборник трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции (9–10 ноября 2022). Ставрополь, 2022. СС. 10–15.
3. *Берберян А.С., Берберян Э.С.* Этнопсихологические аспекты смысложизненных и ценностных ориентаций студенческой молодежи // «Вопросы психологии», № 1, 2017. СС. 103–116. (Social Sciences Citation Index).
4. *Гридчин А.А.* Кумулятивный стресс как источник возникновения утомленности или усталости // «Общество: социология, психология, педагогика», № 6, 2020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kumulyativnyy-stress-kak-istochnik-vozniknoveniya-utomlennosti-ili-ustalosti (дата обращения: 10.05.2024).
5. *Маслова О.В.* Базовые убеждения личности как ресурс межкультурной адаптации // «Вестник РУДН. Сер.: Психология и педагогика», № 3, 2011. СС. 12–18.
6. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М*. Разработка и апробация сокращенной версии методики «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга // «Культурно-историческая психология». Т. 16, № 1, 2020. СС. 96–110.
7. *Тарабрина Н.В., Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А., Харламенкова Н.Е.* Повседневный и травматический стресс: современные направления исследований. paper_30670150.chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://lib.ipran.ru/upload/papers/paper_30670150.pdf
8. *Триандис Г.К.* Культура и социальное поведение. М.: «Форум», 2007. «Вестник РУДН. Сер.: Психология и педагогика», № 3, 2011.
9. *Финогенова Т.А., Березина Т.Н., Литвинова А.В., Рыбцов С.А*. Влияние разных видов стресса на биопсихологический возраст [Эл. ресурс] // «Современная зарубежная психология». Т. 12, № 3, 2023. СС. 41–51. DOI: 10.17759/jmfp.2023120304)
10. *Haight B., Peddie L., Crosswell A. , Hives B., Almeida D., & Puterman E.* (2023). Combined effects of cumulative stress and daily stressors on daily health // “Health Psychology”, № 42 (5). СС. 325–334. https://doi.org/10.1037 /hea0001281
11. Culture-level dimensions of social axioms and their correlations across 41 cultures / M.H. Bond [et al.] // “Journal of Cross-Cultural Psychology”, № 5 (35), 2004. PP. 548–570. DOI:10.1177/0022022104268388.

12. *Ward C., Kennedy A.* Crossing cultures: The relationship between psychological and socio-cultural dimensions of cross-cultural adjustment. In J. Pandey, D. Sinha., & D.P.S. Bhawuk., (Eds.) // "Asian contributions to cross-cultural psychology". PP. 289–306. New Delhi: "Sage Publications", 1996.
13. *Slopen N., Meyer C., Williams D.-R.* Cumulative Stress and Health // "The Oxford Handbook of Integrative Health Science", edited by Carol D. Ryff and Robert F. Krueger, Online Publication Date: Oct 2018.
DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190676384.013.

ВЛИЯНИЕ ХРОНИЧЕСКОГО СТРЕССА НА ПРОЦЕСС ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЦ, НАСИЛЬСТВЕННО ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ИЗ АРЦАХА

А.С. Берберян, В.Б. Ярамишян

Российско-Армянский университет
Ереванский государственный университет

АННОТАЦИЯ

В последние годы масштабные миграционные процессы, происходящие по всему миру, вызывают значительные социальные изменения в жизни перемещенных лиц. Это, в свою очередь, вызывает большой интерес у исследователей гуманитарных наук с точки зрения развития теории и практики социального и социально-психологического адаптационного процесса.

С прикладной точки зрения изучение миграционных процессов является актуальным и важным для разработки эффективной системы поддержки переселенцев, их полноценной социализации и вовлечения во все сферы общественной жизни как полноправных членов общества.

С психологической точки зрения этому препятствует то, что трудности самореализации приводят к психотравмирующим ситуациям, проявляющимся в отклонениях поведения, снижении позитивной активности, нежелательных изменениях эмоциональных состояний.

Одновременно с этим не прекращается негативное воздействие новой жизненной среды на психику переселенцев. Люди неизбежно сталкиваются с проблемами поиска жилья и работы, формирования новых социальных связей, интеграции в новую культурную среду, адаптации к изменившимся климатическим условиям и жизненному ритму, а также с множеством других трудностей.

Авторы данной статьи, опираясь на результаты многочисленных групповых и индивидуальных терапевтических встреч, обсуждений и опросов, проведенных с насильственно перемещенными из Арцаха лицами, попытались выделить основные стресс-факторы, которые способствуют или препятствуют эффективному процессу адаптации переселенцев к новым жизненным условиям, восстановлению их психической гармонии и целостности, а также переосмыслению экзистенциальных проблем.

Результаты исследования показывают, что для насильственно перемещенных из Арцаха лиц основным стресс-фактором является неопределенность будущего и отсутствие перспективы возвращения.

Ключевые слова: вынужденно перемещенное лицо, социально-психологическая адаптация, этническая идентичность, хронический стресс, интеграция.

THE IMPACT OF CHRONIC STRESS ON THE PROCESS OF ETHNIC IDENTITY AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF INDIVIDUALS FORCIBLY DISPLACED FROM ARTSAKH

A. Berberyan, V. Yaramishyan

Russian-Armenian University
Yerevan State University

ABSTRACT

In recent years, large-scale migration processes taking place around the world have brought about significant social changes in the lives of displaced persons. This, in turn, has generated considerable interest among researchers in the humanities, particularly from the perspective of developing the theory and practice of social and socio-psychological adaptation.

From an applied standpoint, the study of migration processes is both relevant and important for designing an effective system of support for resettled individuals, promoting their full social integration, and ensuring their participation in all spheres of public life as equal members of society.

From a psychological perspective, this process is hindered by difficulties in self-realization, which often lead to psychologically traumatic situations manifested through behavioral deviations, decreased positive activity, and undesirable changes in emotional states.

At the same time, the negative impact of the new living environment on the psyche of resettled individuals persists. People inevitably face challenges such as finding

housing and employment, forming new social connections, integrating into a new cultural environment, adapting to different climatic conditions and life rhythms, and dealing with numerous other issues.

Based on multiple group and individual therapeutic meetings, discussions, and surveys conducted with forcibly displaced persons from Artsakh, the authors of this article sought to identify the main stress factors that either facilitate or hinder the effective adaptation of displaced persons to new living conditions, the restoration of their psychological harmony and integrity, and the re-evaluation of existential issues.

The results of the study indicate that for forcibly displaced persons from Artsakh, the primary stress factor is the uncertainty of the future and the absence of any prospect of return.

Keywords: forcibly displaced person, socio-psychological adaptation, ethnic identity, chronic stress, integration.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-513-518

ԽԱՂԱՄՈԼՈՒԹՅԱՆ ԴՐՍԵՎՈՐՈՒՄՆԵՐՈՎ ԱՆՁԱՆՑ ԱՆՀԱՏԱՀՈԳԵԲԱՆԱԿԱՆ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

Տ.Լ. Վարդանյան

Վանաձորի պետական համալսարան
tatevvardanyan1988@mail.ru

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հետազոտությունը վերաբերում է խաղամոլության կապի բացահայտմանը ինտրա- էքստրավերսիայի և նեյրոտիզմի միջև:

Վերջին տարիներին բուքմեյքերների տարածվածության հետ մեկտեղ մարդկանց կյանքում նկատելի են դարձել նրանց ներգրավվածությունը և բուքմեյքերական ընկերություններում խաղադրույքների կատարումը: Սույն հոդվածի նպատակն է հետազոտել խաղամոլության դրսևորումները և խաղամոլության դրսևորումներով անձանց:

Հետազոտության վարկածն է եղել այն ենթադրությունը, որ խաղամոլության հակվածությունը առվել պայմանավորված է լինելու նեյրոտիզմով և ինտրովերսիայով:

Հիմնաբառեր՝ նեյրոտիզմ, ինտրա- էքստրավերսիա, հիպերթիմիկ, հիպոթիմիկ:

Ներածություն

Վերջին տարիներին մարդկության շրջանում աճել են խաղային կայքերը, բուքմեյքերները: Մեր օրերում մարդկանց կյանքում նկատելի են դարձել նրանց կողմից խաղադրույքների կատարումը և ներգրավվածությունը տարբեր խաղային կայքերին: Ըստ ցուցանիշների, մեծահասակների մոտ մոլախաղերից կախվածության տարածվածությունը կազմում է մոտ 1,6%, դեռահասների և երիտասարդների շրջանում՝ մինչև 5,77%: Ուշադրության է արժանի նաև այն, որ խաղամոլությունը հանգեցնում է

սոցիալական բացասական հետևանքների, ընտանեկան և մասնագիտական հարաբերությունների քայքայման: Ըստ ուսումնասիրությունների խաղամոլության հակված են 20–40 տարեկան տղամարդիկ: Իգական սեռի ներկայացուցիչների մոտ գերակշռում են հասուն տարիքի կանայք՝ տրամադրության խանգարումներով և դեպրեսիաներով:

Ցանկացած կախվածություն ձևավորվում է մի շարք հոգեբանական վիճակների փոփոխության հիման վրա, որի դեպքում հոգեկան ցավի զգացումը ժամանակավորապես փոխարինվում է ուժեղ դրական զգացողությամբ: Ուղեղը հիշում է դժվարությունները վերացնելու ձեռք բերման ուղին: Հետևաբար նշանակալից է ինտենսիվ ապրումների և հուզական փոփոխման ձևը, և որքան ուժգին է դրսևորվում հույզը, այնքան ուժեղ է ձևաորվում կախվածությունը: [2]

Ազարտը տարբերվում է մարդկային մյուս զգացումներից նրանով, որ դրա հիմքում դրական էմոցիաներն են: Էնդորֆինը էական դեր է խաղում մոլախաղային վարքագծի ծագման հարցում: [3] Խաղային կախվածությունները ձևավորվում են զուգակցվելով այլ հոգեբանական խնդիրների հետ: Բոլոր կախվածությունների ձևավորման մեխանիզմները հիմնականում նման են:

Խաղամոլները բաժանվում են երկու տիպի անհատականությունների.

- Հիպերթիմիկ անհատները ինքնավստահ և եռանդուն են, հակված են շռայլության, հատկապես անհանգստության և դեպրեսիայի ժամանակաշրջաններում:

- Հիպոթիմիկ մարդիկ ընկճված են, անվստահ և հեշտությամբ հուսահատվում են, երբ ձախողվում են: [4]

Նյութեր և մեթոդներ

Սույն հոդվածի նպատակն է հետազոտել խաղամոլության դրսևորումները և խաղամոլության դրսևորումներով անձանց անհատահոգեբանական առանձնահատկությունները:

Սույն հոդվածում ներկայացված են խաղամոլության անհատահոգեբանական դրսևորումներով անձանց առանձնահատկությունների ուսումնասիրությունների արդյունքները: Նպատակն է եղել բացահայտել խաղա-

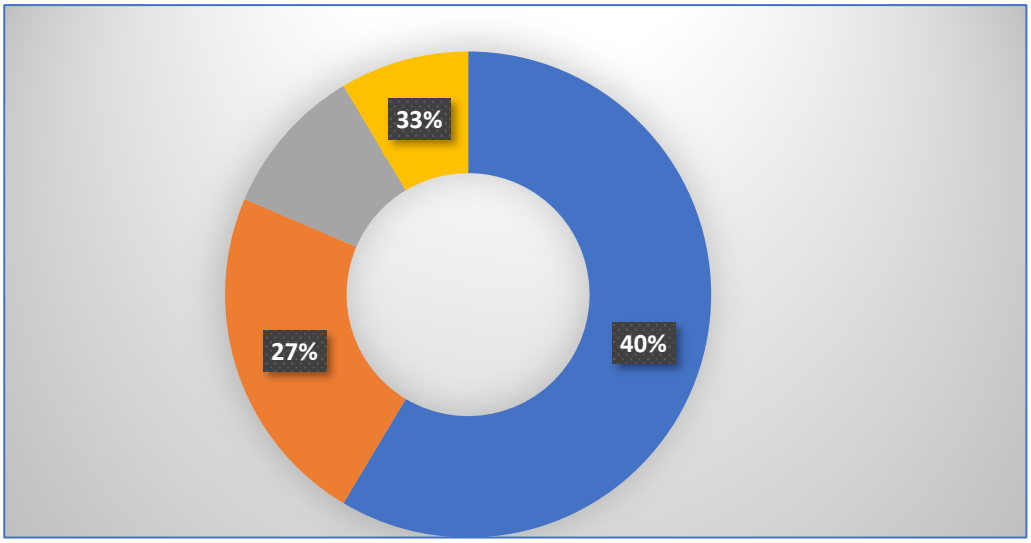
մոլության կապը նեյրոտիզմի և էքստրա-ինտրովերսիայի հետ: Հետազոտության վարկածն է եղել այն ենթադրությունը, որ խաղամոլության հակվածությունը առավել պայմանավորված է լինելու նեյրոտիզմով և ինտրովերսիայով:

1. Կիրառվել է Թոմաս Տակերի խաղամոլության ախտորոշման թեստը;
2. Այզենկի անձնային հարցարանը;
3. Դիտման մեթոդ;
4. Զրույցի մեթոդ;
5. Սպիրմենի համահարաբերակցական վերլուծություն:

Հետազոտմանը մասնակցել են 20–50 տարեկան 40 անձինք:

Աղյուսակ 1.

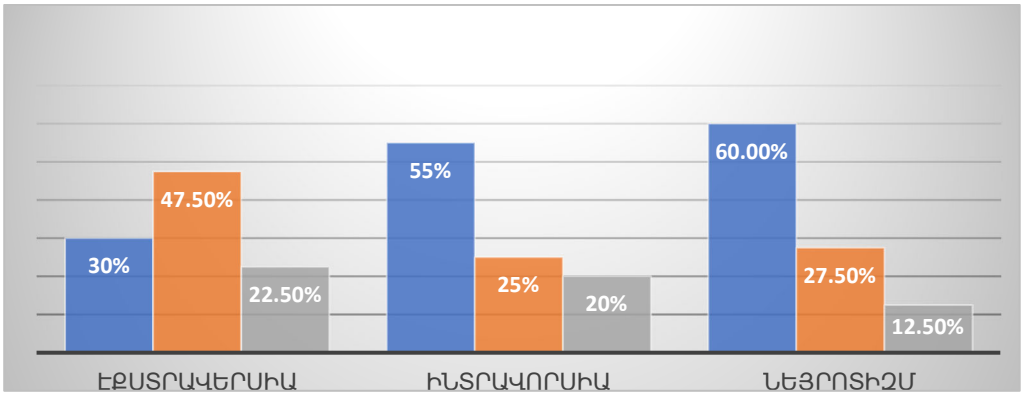
Թ. Տակերի թեստի արդյունքների վերլուծություն

Թ. Տակերի թեստի վերլուծության արդյունքում գրանցվեցին հետևյալ ցուցանիշները՝ հետազոտվողների 27%-ը ունի խաղամոլության ցածր ցուցանիշ, 33%-ի մոտ ըստ արդյունքների՝ վիրտուալ խաղերի նկատմամբ տարվածությունը կարող է հետևանքային լինել, 40%-ի մոտ նկատվում է մոլախաղերից կախվածության վտանգ:

Աղյուսակ 2.

Ներկայացված են Հ.Այզենկի անձնային հարցարանի՝ էքստրա-ինտրավերսիայի և նեյրոտիզմի մակարդակը հետազոտվողների մոտ

Էքստրավերսիայի բարձր ցուցանիշ գրանցվել է հետազոտվողների 30%-ի մոտ, միջին՝ 47.5%, ցածր՝ 22.5%-ի: ***Ինտրավերսիայի*** բարձր ցուցանիշ գրանցվեց 55%-ի մոտ, միջին՝ 25%, ցածր՝ 20%-ի մոտ: ***Նեյրոտիզմի*** բարձր ցուցանիշ գրանցվեց 60%-ի մոտ, միջին՝ 27.5%, ցածր՝ 12.5%-ի մոտ:

Աղյուսակ 3.

Կորելյացիոն վերլուծության տվյալներն ըստ բարձր մակարդակների ցուցանիշների [1]

ԽԱՂԱՄՈԼՈՒԹՅՈՒՆ	
Էքստրավերսիա	-0.414***
Ինտրավերսիա	0.449***
Նեյրոտիզմ	-0.670****

Վերլուծության արդյունքները ցույց տվեցին, որ ուսումնասիրված բարձր մակարդակների ցուցանիշների միջև կարող են լինել վիճակագրորեն նշանակալի կապեր: Մասնավորապես էքստրավերսիայի և խաղամո-

լության միջև գրանցվեց **r = -0.414, p < 0.001**, ինչը վկայում է փոփոխականների միջև բացասական կապ: Սա նշանակում է, որ որքան բարձր է էքստրավերսիայի մակարդակը, այնքան հավանական է, որ արտաքին ակտիվությունը, շփումները և բազմաթիվ այլ խթաններ կարող են նվազեցնել խաղի նկատմամբ հետաքրքրությունը:

Ինտրավերսիայի և խաղամոլության միջև գրանցվեց **r = 0.449, p < 0.001**, ինչը վկայում է փոփոխականների միջև միջին ուժգնության փոխկապվածության մասին: Սա նշանակում է, որ խաղալու նկատմամբ հակվածություն ունեցող վարքը կարող է հանդես գալ որպես փոխարինող միջոց սոցիալական ներգրավվածությանը:

Նեյրոտիզմի և խաղամոլության միջև գրանցվեց ուժեղ բացասական կապ **r = -0.670, p < 0.001**, որը կարող է հանդես գալ որպես պաշտպանիչ գործոն՝ պայմանավորված բարձր անհանգստությամբ կամ պարտության վախով:

Ելնելով վերոգրյալից՝ վարկածն առ այն, որ խաղամոլության հակվածությունը առվել պայմանավորված է նեյրոտիզմով՝ հերքվեց, սակայան վարկածն առ այն, որ խաղամոլության հակվածությունը առվել պայմանավորված է ինտրավերսիայով՝ հաստատվեց:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Փորձարարական հոգեբանություն. ուսումնական ձեռնարկ / Հ.Մ. Ավանեսյան, 2-րդ վերամշակված հրատ., Եր., ԵՊՀ հրատ., 2021, 370 էջ: Աղյուսակ 15, էջ 308:
2. *Кутбиддинова Р.А.* Психология зависимости: учебное пособие. Казань: КФУ, 2017, 8с.
3. *Старшенбаум Г.В*. Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей. М.: «Академический проект», 2013, 146с.
4. *Старшенбаум Г.В*. Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей. М.: «Академический проект», 2017.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЮДЕЙ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ ИГРОВОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Т.Л. Варданян

Ванадзорский государственный университет

АННОТАЦИЯ

Данное исследование посвящено выявлению взаимосвязи между интроверсией и невротизмом в контексте азартных игр.

В последние годы, наряду с распространением букмекерских контор, стало заметным их участие в жизни людей: размещение большого количества ставок в букмекерских компаниях. Цель данной статьи – исследовать влияние азартных игр на людей с проявлениями игровой зависимости.

Гипотеза исследования заключалась в предположении, что склонность к азартным играм будет в первую очередь определяться невротизмом и интроверсией.

Ключевые слова: нейротизм, интроверсия, гипертимный, гипотимный.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PEOPLE WITH MANIFESTATIONS OF GAMBLING ADDICTION

T. Vardanyan

Vanadzor State University

ABSTRACT

This study examines the relationship between introversion and neuroticism in the context of gambling.

In recent years, along with the proliferation of bookmakers, their influence on people's lives and the placement of bets through bookmakers has become noticeable. The purpose of this article is to examine the manifestations of gambling and individuals with these manifestations.

The study's hypothesis was that a tendency toward gambling would be primarily determined by neuroticism and introversion.

Keywords: neuroticism, introversion, hyperthymic, hypothymic.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-519-530

ՄԵՏԱՖՈՐԻԿ ԱՍՈՑԻԱՏԻՎ ՔԱՐՏԵՐԻ ԿԻՐԱՌՈՒՄԸ ԴԵՌԱՀԱՍՆԵՐԻ ՀԵՏ ՀՈԳԵԲԱՆԱԿԱՆ ԱՇԽԱՏԱՆՔՆԵՐՈՒՄ

Մ.Մ. Գևորգյան

Խ. Աբովյանի անվան ՀՊՄՀ
Գործնական հոգեբանության և սոցիոլոգիայի «Ուրարտու» համալսարան
m.gevorgyan.psy@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում ներկայացված է դեռահասների հետ հոգեբանական աշխատանքներում մետաֆորիկ ասոցիատիվ քարտերի կիրառման առանձնահատկությունները, դժվարությունները: Նշված է, որ մետաֆորիկ քարտերը հոգեբանական հայելի են, որոնք արտահայտում են մարդկանց հոգեվիճակը և խնդիրները, որոնք միշտ հրավիրում են անհատին պատմելու: Յուրաքանչյուր քարտ տեսողական ազդակ է, որը թույլ է տալիս խորասուզվել հիշողությունների, կենսափորձի, անցյալ կամ ներկա կերպարների, նշանակալի կամ, գուցե, արտամղված, մոռացված իրադարձությունների մեջ, առաջ բերել այն ինֆորմացիան, այն կերպարները, որոնք ակտուալ են հենց տվյալ մարդու համար, արտացոլել իր հոգեկանի համար կարևոր վիճակը: Մետաֆորիկ քարտերը անփոխարինելի աշխատանքային գործիք են հատկապես դեռահասների հետ իրականացվող անհատական և խմբային աշխատանքներում, քանի որ դեռահասությունը տարիքային բարդ, ճգնաժամային փուլ է:

Աշխատանքի ընթացքում կարևոր նշանակություն է ձեռք բերում ճիշտ և տեղին ընտրված քարտերի կապոցը: Ներկայացված են դեռահասների հետ աշխատող մետաֆորիկ ասոցիատիվ քարտերի կապոցները:

Հաշվի առնելով դեռահասության տարիքին բնորոշ հիմնական խնդիրները և պրակտիկ աշխատանքի փորձառությունը, ներկայացվել են դեռահասների հետ քարտերի կիրառման մի քանի տեխնիկաներ. «Ինչպիսինն եմ ես», «Իմ գաղտնիքը», «Ո՞ր քարտն է քո մասին», «Կյանքի իմաստը և առաքելությունը»:

Առանձնացված են մետաֆորիկ ասոցիատիվ քարտերի հետ աշխատանքի երկու կարևոր առանձնահատկություն։ քարտերի ճիշտ տարբերակի ընտրությունը և *այցելուի ասածները* լսելու, ականջալուր լինելու կարողությունը։

Հիմնաբառեր՝ մետաֆորիկ ասոցիատիվ քարտեր, դեռահաս, պրոյեկցիա։

Մետաֆորիկ ասոցիատիվ քարտերը հոգեբանական աշխատանքի ժամանակակից բազմակողմանի գործիք են, որոնք օգնում են յուրաքանչյուր մարդու գիտակցության մեջ առաջացնել, արթնացնել օբյեկտիվ իրականության սուբյեկտիվ ընկալման կոնկրետ մոդելներ:

Յուրաքանչյուր քարտ տեսողական ազդակ է, որը թույլ է տալիս խորասուզվել հիշողությունների, կենսափորձի, անցյալ կամ ներկա կերպարների, նշանակալի կամ, գուցե, արտամղված, մոռացված իրադարձությունների մեջ, առաջ բերել այն ինֆորմացիան, այն կերպարները, որոնք ակտուալ են հենց տվյալ մարդու համար, արտացոլել իր հոգեկանի համար կարևոր վիճակը:

Մետաֆորիկ քարտերը անփոխարինելի աշխատանքային գործիք են հատկապես դեռահասների հետ իրականացվող անհատական և խմբային աշխատանքներում, քանի որ դեռահասությունը տարիքային բարդ, ճգնաժամային փուլ է և այս տարիքում առանձնահատուկ նշանակություն ունի երկու հանգամանք՝ սեռական հասունացում և ինքնագիտակցության արթնացում [2, էջ 47]: Ինչպես ցույց է տալիս դեռահասների հետ աշխատանքի պրակտիկ փորձը, դեռահասներն ունեն ինքնարտահայտման, վստահության, ինչպես նաև մեծահասակների կողմից հասկացված և չքննադատված լինելու խնդիրներ: Ս. Խուդյանը համապարփակ ներկայացրել է դեռահասության ճգնաժամին բնորոշ ախտանշանները. անլիարժեքության զգացում, ընկճվածություն, հիպոխոնդրիկ տագնապներ, դիսմորֆոֆոբիա, օրինազանց վարք, սևեռուն կենտրոնացում այնպիսի հարցերի վրա, ինչպիսիք են «ո՞վ եմ ես», «ինչու՞ եմ ծնվել», «գեղեցիկ եմ, թե՞ տգեղ» [2, էջ 56]:

Լ.Ս. Վիգոդսկին կարծում է, որ ինքնագիտակցության ձևավորումը դեռահասության հիմնական արդյունքն է: Դեռահասը սկսում է նայել ինքն իրեն, կարծես բացահայտելով իր «ես»-ը, ձգտում է իմանալ իր անձի ուժեղ

և թույլ կողմերը: Նա զարգացնում է հետաքրքրություն իր, սեփական անձի որակների նկատմամբ, իրեն այլ մարդկանց հետ համեմատելու անհրաժեշտություն, ինքնագնահատականի կարիք: Գաղափարները, որոնց հիման վրա դեռահասները ձևավորում են ինքնագնահատականի չափանիշներ, ձեռք են բերվում հատուկ գործունեության՝ ինքնաճանաչման ընթացքում [3]:

Դեռահասության շրջանում հոգեբանական աջակցության դիմելու դրդապատճառները պայմանավորված են այդ առանձնահատկություններով և ախտանշաններով:

Մետաֆորիկ ասոցիատիվ քարտերը արտթերապևտիկ մեթոդ է, որը թույլ է տալիս մարդու գիտակցություն բերել նրա անգիտակցականում թաքնված կամ արտամղված մտքերը, հույզերը, հարաբերությունները և աշխատել դրանց հետ: Քարտը կարծես մի դուռ լինի, որի հետևում գտնվում է իրադարձությունը, զգացողությունը, վերաբերմունքը, պատմությունը: Դռները կարող են փակ լինել, անգամ կողպված հին ժանգոտած փականով: Քարտերը հենց այն բանալին են, որոնք պետք է բացեն այդ դռները:

Ինչպես նշում է Ի. Օրդանը, շատ մարդկանց դժվար է տրվում մտքերի և զգացողությունների վերբալիզացիան (բառերով արտահայտելը), որոշ մարդկանց դժվար է կոնտակտ հաստատել զրուցակցի հետ, հաճախ այցելուն, պատմելով իր ներքին զգացողությունների, խնդիրների մասին, իրեն չպաշտպանված է զգում: Այս դեպքում մետաֆորիկ ասոցիատիվ քարտերը անփոխարինելի են և օգնուն են վերացարկվել սեփական պատմությունից և կենտրոնանալ պատկերի սյուժեի վրա [5, էջ 6]:

Մետաֆորիկ քարտերը հոգեբանական հայելի են, որոնք արտահայտում են մարդկանց հոգեվիճակը և խնդիրները, որոնք միշտ հրավիրում են անհատին պատմելու: Կարևոր է լսել այդ պատմությունները և պատմությունների մեջ բացահայտել այցելուի խնդիրները: Աշխատանքի ընթացքում կարևոր դեր կատարում պրոյեկտումը, որի արդյունքում մարդը այլ մարդկանց կամ կենդանի օրգանիզմներին (այս պարագայում նկարում պատկերված) վերագրում է իր համար կարևոր, նշանակալի մտքերը, զգացողությունները, դրդապատճառները, գործողությունները և դրանք տեսնում է այնպիսի կյանքի իրավիճակներում, որոնք ակտուալ են իր կենսա-

փորձի համար: Այսինքն, նկարում պատկերված առարկաներին, կերպարներին մենք պրոյեկտում ենք այն, ինչ ակտուալ է մեզ համար:

Դեռահասների հետ աշխատանքում պրոյեկցիաներ առաջացնելու համար ուղղորդող հարցեր ենք տալիս.

- ✓ Ովքե՞ր են պատկերված:
- ✓ Ի՞նչ է տեղի ունենում:
- ✓ Ի՞նչ է տեղի ունեցել նախկինում, որը բերել է այս իրավիճակի: Ինչ տեղի կունենա: Ինչով ամեն ինչ կավարտվի:
- ✓ Ի՞նչ են զգում պատկերված մարդիկ: Ի՞նչ զգացողություններ են առաջանում նրանց մոտ:

Պրոյեկտումը աշխատում է երկու տարբերակով.

- ✓ Այցելուն խոսում է քարտում պատկերված կերպարի մտքերի, զգացմունքների, դրդապատճառների, ցանկությունների մասին:
- ✓ Այցելուն խոսում է անորոշ, անհասկանալի ինչ որ երևույթի մասին, որը հստակ պատկերված չէ, բայց իր հիշողության խորքերում նշանակություն և իմաստ ունի:

Աշխատանքի ընթացքում կարևոր նշանակություն է ձեռք բերում ճիշտ և տեղին ընտրված քարտերի կապոցը: Ներկայումս մետաֆորիկ ասոցիատիվ քարտերի բազմազանությունը սկսնակ մասնագետի մոտ կարող է շփոթ առաջացնել, այդ պատճառով ներկայացնենք քարտերի դասակարգման մեր մոտեցումը.

- ✓ ըստ տարիքի. երեխաների (նախադպրոցական և կրտսեր դպրոցական), դեռահասների և մեծահասակների:
- ✓ ըստ բովանդակության. սյուժետային-իրավիճակային, մեկ կերպարի շուրջ կառուցվող, կոնկրետ խնդրի հետ աշխատող:

Դեռահասների հետ աշխատող քարտերը շատ քիչ են: Առանձնացնենք երեքը՝ «Դեռահասներ» («Teenagers»), «Ես դեռահաս եմ» («Я – подросток»), «Ծառը որպես մարդու կերպար» («Дерево как образ человека»): Վերջինս չափահաս մարդկանց հետ աշխատող կապոց է, որը արդյունավետ է նաև դեռահասների համար: Դեռահասների հետ նաև աշխատում են երեխաների համար նախատեսված որոշ կախոցներ. «Իմ երեխան» («Мой ребено к»), «Ռոբոտներ» («Роботы»), «Մետաֆորիկ (փոխաբերական) կենդանիներ» («Метафорические животные»):

Դեռահասների հետ մետաֆորիկ աղոցիատիվ քարտերն ունեն կիրառման առավելություններ.

- ✓ Քարտերն ընկալվում են որպես խաղ, այլ ոչ թե որպես հոգեբանական աշխատանք:
- ✓ Քարտերի միջոցով հեշտ է կոնտակտ հաստատել դեռահասի հետ:
- ✓ Ստեղծում են վստահություն և մտերմություն:
- ✓ Պատմությունը պատմում է ոչ թե իր, այլ քարտում պատկերված հերոսի անունից:
- ✓ Հեշտացնում են խնդրի բացահայտումը և հետագա աշխատանքը:
- ✓ Թերապևտիկ ազդեցություն են ունենում, աշխատում են տարբեր հոգեբանական խնդիրների հետ:

ՄԱՔ-ը հնարավորություն է տալիս շրջանցել ռացիոնալ, ճշգրիտ, տրամաբանական մտածողությունը: Ռացիոնալիզացիան շատ հզոր հոգեբանական պաշտպանական մեխանիզմ է, որը թույլ է տալիս արտամղել մեզ խանգարող գաղափարները: Տրամաբանորեն, հիմնավորված ներկայացնել գաղափարները:

Մ. Ինգերլեյբը մետաֆորիկ ասոցիատիվ քարտերիկ հետ աշխատանքի ընթացքը հետևյալ կերպ է ներկայացնում. «Հոգեբանը կարծես կամուրջ է հաստատում քննարկվող խնդրի, իրավիճակի և ընտրված քարտի միջև: Ապա կենտրոնանալ քարտի և դրա ընկալման բոլոր մակարդակների վրա: Որից հետո, կամուրջի միջոցով պրոյեկտիաներից հետ վերադառնալ դեպի անհատի խնդիր» [4, էջ 40]:

Գոյություն ունեն մետաֆորիկ ասոցիատիվ քարտերի հետ աշխատանքի հիմնական սկզբունքներ և կանոններ, որոնք կարևոր է պահպանել աշխատանքի ընթացքում:

Առաջինը, քարտի մեր ընկալումը, մեր մեկնաբանումը որևէ դեր չի խաղում աշխատանքում: Պետք է թույլ տալ այցելուին պատմել այն, ինչ նա է տեսնում: Հնարավորինս ազատ թողնել, չհուշել, նրա փոխարեն մտքեր չձևակերպել, չպարտադրել, չօգնել «տեսնել այն, ինչ նա չի տեսնում, կամ չի ուզում տեսնել»:

Քարտի տերը նաև պատմության տերն է: *Չկա քարտի ճիշտ կամ սխալ մեկնաբանում, չկան «ստնդարտի, նորմայի մեջ» կամ «նորմայից դուրս» պատասխաններ:* Կա քարտի տարբեր մեկնաբանումներ՝ կախված այդ պահին այցելուի համար կարևոր վիճակից:

Մարդը միշտ կարող է և վաղ թե ուշ կգտնի իր խնդրի լուծումը: Եթե նա դեռ չի գտել, ուրեմն ժամանակը չի, միտքը պետք է հասունանա, ռեսուրսները պետք է աշխատեն, իսկ քարտերը կարող են ուղղորդել, կարող են ցույց տալ ճիշտ ուղին:

Խնդրի լուծումը միշտ ծնվում է մարդու փորձից, գիտելիքներից, ունեցած ռեսուրսներից: Երբ այցելուն խոսում է ցավի մասին, մենք սովորեցնում ենք նրան այլ կերպ պատասխանել ցավին: Շատ կարևոր է նաև հոգեբանի կարծիքը, մոտեցումը, արձագանքը:

Քարտը կարող է փոխել վարքը կամ ընկալումը: Շատ կարևոր է հանդիպումը ավարտել դրական նոտայի վրա, ցույց տալ դրական ելքերը, արթնացնել թաքնված կամ արտամղված ռեսուրսները: Մետաֆորիկ քարտերն առհասարակ կարող են ակտիվացնել անձնային ռեսուրսները, հնարավորությունները, ներուժը, ուշադրությունը սևեռելով քարտի ուժեղ, ռեսուրսային կողմերի վրա: Օրինակ քարտի բովանդակությունը ինքնին կարող է խնդրի լուծման համար բարենպաստ լինի, քարտի դրական էներգետիկան, գունային երանգը կարող է համապատասխան տրամադրություն հաղորդել: *ՄԱՔ-ը թույլ են տալիս ակտիվացնել մինչ այդ թաքնված, արտամղված կամ չգիտակցված ներուժը,* ինչի շնորհիվ խնդրի լուծումն ինքնաբերաբար է ի հայտ գալիս:

Կան որոշ դեպքեր, երբ մետաֆորիկ քարտերը պետք է կիրառել զգուշությամբ կամ ընդհանրապես խուսափել դրանց կիրառումից:

Առաջին հերթին, չպետք է մոռանալ, որ մետաֆորիկ ասոցիատիվ քարտերը հոգեբանի աշխատանքային գործիք են, ոչ թե զվարճանքի, գուշակության կամ անմեղ խաղի միջոցներ, և դրանք կարող են խաղը կամ կատակը վերածել սուր հոգեկան սթրեսի, եթե կիրառվեն ոչ մասնագիտորեն: Հետևաբար, եթե դուք չեք տիրապետում քարտերի հետ աշխատանքի մոտեցումներին, պետք է անչափ զգույշ լինել քարտերը կիրառելիս:

Երկրորդ, պետք է հիշել հոգեբանի էթիկական նորմերը՝ հոգեբանական խորհրդատվությունը հարազատի, բարեկամի, ծանոթների հետ արգելվում է: Շփվելով իր ընկերների և ծանոթների հետ, հոգեբանը վտանգում է իրենց հարաբերությունները: Իսկ մետաֆորիկ քարտերն այն գործիքն են, որոնք կարող են անգամ խաղային, ոչ լուրջ միջավայրում շատ խորքային ինֆորմացիա բացահայտել միմյանց մասին: Հետևապես, անմեղ խաղի ար-

դյունքում կարող են վտանգված լինել ընկերական կամ բարեկամական հարաբերությունները, խախտված լինեն բարոյական նորմերը և անձնային սահմանները։

Երրորդ, քարտերը կարող են չհամապատասխանել նրանց, ում ստեղծագործական մտածողությունն ու երևակայությունը թույլ են զարգացած, չունեն ասոցիատիվ մտածողություն, քարտերին չեն վերաբերվում որպես լուրջ աշխատանքային գործիքների, այլ խոսքով՝ նման այցելուները, երբ նայում են սև քառակուսուն, տեսնում են միայն սև քառակուսի և ոչինչ ավելին։

Չորրորդ, խորհուրդ չի տրվում աշխատել քարտերով սուր սթրեսային խանգարման, հոգեբանական տրավմայի ժամանակ, դեպրեսիայի, կորստի և վշտի վաղ փուլում, հետտրավմատիկ սթրեսային խանգարման, ֆոբիաների և մղձավանջների ժամանակ, քանի որ այցելուի վիճակը կարող է ավելի վատթարանալ և աշխատանքի ընթացքը կարող է դառնել ոչ վերահսկելի և անարդյունավետ։

Հինգերորդ, խորհուրդ չի տրվում քարտերը կիրառել տարբեր կախվածություններ ունեցող մարդկանց հետ։

Վեցերորդ, մետաֆորիկ քարտերն արգելվում է կիրառել հոգեկան հիվանդությունների սրացման շրջանում։ Ռեմիսիայի փուլում կարելի է, բայց միայն հոգեբույժի խիստ վերահսկողության ներքո՝ հաշվի առնելով հիվանդության կամ խանգարման հնարավոր ռիսկերն ու օգուտները։

Դեռահասների հետ աշխատանքի տեխնիկաներ և մեթոդներ

Դեռահասի ինքնաճանաչմանն, ինքնաբացահայտմանն է ուղղված «Ինչպիսինն եմ ես» տեխնիկան, որը տարբեր մոդիֆիկացիաներով կարող է կիրառվել և անհատական և խմբային աշխատանքներում։ Խնդրում ենք բաց ընտրությամբ գտնել քարտեր, որոնք կպատասխանեն հետևյալ հարցերին.

- ✓ Ինչպիսի՞նն եմ ես։
- ✓ Ես ինձ այսպիսին դուր եմ գալիս։
- ✓ Ես ինձ այսպիսին դուր չեմ գալիս։
- ✓ Ինչպիսի՞ն կցանկանայի լինել։

Հարցերը կարելի է շարունակել, դիտարկել դեռահասին տարբեր հարաբերություններում.

- ✓ Ինչպիսի՞նն եմ ես ընկերներիս հետ:
- ✓ Ինչպիսի՞նն եմ ես դպրոցում:
- ✓ Ինչպիսի՞նն եմ ես տանը:

Այս տեխնիկան ինքնաճանաչման, ինքնաբացահայտման, սեփական անձին տարբեր տեսանկյուններից դիտարկելու համար է:

«Ո՞ր քարտն է քո մասին»: Նպատակը՝ վերլուծել ինքն իր հանդեպ ունեցած վերաբերմունքը: Առաջարկում ենք այցելուին վերցնել մի քարտ, որը կնկարագրի իրեն և պատասխանել հետևյալ հարցերին.

- ✓ Ինչպիսի՞ն եմ ես (արտաքինը, բնավորության առանձնահատկությունները, անձնային որակները):
- ✓ Ինչո՞վ եմ տարբերվում ուրիշներից:
- ✓ Ինչպե՞ս եմ վերաբերվում ինքս ինձ: Քննարկում ենք մտքերը, հույզերը, ցանկությունները, մղումները:

Վերլուծության ընթացքում որոշում ենք ինքն իր հանդեպ ունեցած վերաբերմունքը, ինքնագնահատականը:

Դեռահասության տարիքը նաև կյանքի իմաստի, սեփական տեղն ու դերը բացահայտելու, իր առաքելությունը այս կյանքում գտնելու ժամանակահատված է: Որպեսզի դեռահասը հասկանա իր կյանքի իմաստը, կարողանա իր տեղը գտնել կյանքում, նա պետք է պատկերացնի իր դերը, իր առաքելությունը: Երբ մարդ հասկանում է իր առաքելությունը, նա ավելի հստակ է կարողանում քայլեր ձեռնարկել, նպատակներ դնել, իր կյանքի ուղին կառուցել: Երբ հասկանում է «ինչի համար», առավել հեշտ է գտնում «ինչպես դա անել» հարցի պատասխանները»:

Այս նպատակին է ծառայում «Կյանքի իմաստը և առաքելությունը» տեխնիկան:

1. Բաց կամ փակ ընտրել երկու քարտ: Ուշադիր զննելով դրանք գրել 15 ասոցիացիաներ, որոնք առաջացան քարտերը նայելուց:

2. Այդ բառերից առանձնացնել 5–7 բառ, որոնք առավել արձագանքեցին, դրական լիցքեր հաղորդեցին: Որոնք ձեզ ինչ-որ բան անելու, գործելու ցանկություն առաջացրեցին:

3. Այդ բառերից նախադասություններ կամ պատմություն կազմել՝ որոնք ցույց կտան ձեր առաքելությունը:

4. Ավարտին առաջարկում ենք բարձրաձայն կարդալ այդ նախադասությունները, քննարկել ինչ զգացողություններ, ինչ մտքեր, գաղափարներ առաջացան:

Դեռահասության տարիքը լի տարաբնույթ փոփոխություններով, դեռահասը ձգտում է առանձնանալ մեծահասակներևից, ձևավորում է նոր շրջապատ, ինչու միշտ չէ, որ անվտանգ և ապահով կարող է լինել: «Իմ գաղտնիքը» տեխնիկայի նպատակը փոխվստահության մթնոլորտի ստեղծումն է: Առաջարկում ենք դեռահասին սյուժետային կապոցից փակ կամ բաց տարբերակով վերցնել մի քարտ և փորձել պատկերացնել, որ դա իր գաղտնիքի նկարագրությունն է:

Հարցեր.

1. Ի՞նչ գաղտնիք է:
2. Ինչի՞ մասին է իմ գաղտնիքը:
3. Ի՞նչ իրավիճակի հետ է այն կապված:
4. Ինչի՞ արդյունքում է այդ իրավիճակը դարձել գաղտնի:
5. Ի՞նչ է զգում, երբ հիշում է այդ իրավիճակի մասին:
6. Ինչի՞ կարիք ունի հերոսը՝ հայտվելով այդ իրավիճակում:
7. Ի՞նչ / ինչպես է նա զգում իրեն, երբ խոսում է այդ իրավիճակի մասին:
8. Ի՞նչն է օգնել լուծել այդ խնդիրը, հաղթահարել այդ իրավիճակից առաջացած զգացողությունները:
9. Ինչպե՞ս կվարվեր, եթե իրավիճակը կրկնվեր:
10. Ու՞մ կարող է դիմել օգնության համար:

Վերջում քննարկում ենք ընդհանուր զգացողությունները, հույզերը:

Ամփոփելով հոդվածը, առանձնացնենք մետաֆորիկ ասոցիատիվ քարտերի հետ աշխատանքի երկու կարևոր առանձնահատկություն:

Առաջինը, կարևոր է քարտերի ճիշտ տարբեակի ընտրությունը: Իհարկե, հոգեբանը պետք է ունենա քարտերի մի քանի տարբերակներ / հիմնական-ունիվերսալ, ռեսուրսային, նաև տարբեր խնդիրների հետ աշխատող քարտեր, երեխաների, դեռահասների, հասուն անձանց համար նախատեսված կապոցներ/: Դեռահասների հետ աշխատանքի ընթացքում պետք է հատկապես ուշադիր լինել քարտերի ընտրությանը: Մանկական քարտերը, երեխաների կամ կենդանիների պատկերներով, կարող են մերժում առաջացնել, բացասական տրամադրվածություն ստեղծել:

Երկրորդը, այցելուի ասածները լսելու, ականջալուր լինելու կարողությունը: Շատ հաճախ այցելուն պատմում է այն, ինչի մասին նախապես չի էլ մտածել, կամ որոշել: Ասում է մանրուքներ, որոնք առաջին հայացքից կարևոր չեն, սակայն կարող են փոխել աշխատանքի ողջ ընթացքը: Կարևոր է շատ ուշադիր լինել, լսել, խորանալ ամեն ասած «մանրուքի» մեջ: Պետք է միշտ հիշել, որ քարտերի միջոցով խոսում է անգիտակցականը: Քարտերին խորությամբ նայելով կարծես գիտակցությունը հետին պլան է մղվում: Անգամ քարտի ընտրության կամ քարտը մերժելու պահը կարող է ինֆորմատիվ լինել: Քարտերը թույլ են տալիս գտնել իրական հայցը, մատնանշել իրական ցավոտ կետերը:

Այդ իսկ պատճառով, ինչպես ցանկացած հոգեբանական պրոյեկտիվ մեթոդին, այնպես էլ մետաֆորիկ ասոցիատիվ քարտերին պետք է մոտենալ որոշակի զգուշավորությամբ՝ անպայմանորեն ունենալով հոգեթերապևտիկ, հոգեշտկողական աշխատանք իրականացնելու պրակտիկ փորձառություն և գիտելիքներ: Հակառակ պարագայում ստացված արդյունքները կարող են մեկնաբանվել ոչ ադեկվատ, սուբյեկտիվ իմաստ կարող է հաղորդվել ոչ փորձառու հոգեբանի կողմից [1, էջ 4]:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Գևորգյան Մ.* Մետաֆորիկ ասոցիատիվ քարտեր. տեսություն և պրակտիկա: Եր.: Գործնական հոգեբանության և սոցիոլոգիայի «Ուրարտու» համալսարան, 2025, 118 էջ:
2. *Խտուրյան Ս.* Անձի զարգացման ճգնաժամային տարիքները. Եր., 2004:
3. *Выготский Л.С.* Психология развития ребенка. М.: Изд-во «Смысл», 2006.
4. *Ингерлейб М.* Метафорические ассоциативные карты. Полный курс для практики. СПб.: «Питер», 2020, 137с.
5. *Орда И.* Метафорические ассоциативные карты. Методика работы. Внутренний ребенок. М.: АСТ, 2021, 160с.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ АССОЦИАТИВНЫХ КАРТ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ С ПОДРОСТКАМИ

М.М. Геворкян

АГПУ им. Х. Абовяна
Университет практической психологии и социологии «Урарту»

АННОТАЦИЯ

В статье представлены особенности и трудности применения метафорических ассоциативных карт в психологической работе с подростками. Отмечается, что метафорические карты являются своеобразным **психологическим зеркалом**, отражающим внутреннее состояние человека и его проблемы, и всегда побуждают личность к самораскрытию и рассказу. Каждая карта представляет собой **визуальный стимул**, который позволяет погрузиться в воспоминания, жизненный опыт, образы прошлого или настоящего, значимые либо вытесненные, забытые события. Она помогает вызвать ту информацию и те образы, которые актуальны именно для данного человека, и отразить важное для его психики состояние. Метафорические карты являются **незаменимым инструментом** в работе, особенно при проведении индивидуальных и групповых занятий с подростками, поскольку подростковый возраст – это сложный и кризисный этап развития личности. В процессе работы особое значение имеет **правильный и уместный выбор колоды карт**. В статье представлены наборы метафорических ассоциативных карт, используемых в работе с подростками. Учитывая характерные для подросткового возраста основные проблемы и практический опыт специалистов, описаны несколько техник применения карт: **«Какой я», «Моя тайна», «Какая карта про тебя», «Смысл и миссия жизни»**.

Выделены два важных аспекта работы с метафорическими ассоциативными картами: правильный выбор подходящей колоды; умение слушать и быть внимательным к словам клиента.

Ключевые слова: метафорические ассоциативные карты, подросток, проекция.

THE USE OF METAPHORIC ASSOCIATIVE CARDS IN PSYCHOLOGICAL WORK WITH ADOLESCENTS

M. Gevorgyan

Armenian State Pedagogical University named after Kh. Abovian
"Urartu" University of Practical Psychology and Sociology

ABSTRACT

The article presents the features and challenges of using **metaphoric associative cards** in psychological work with adolescents. It is noted that these cards serve as a kind of **psychological mirror**, reflecting a person's inner state and problems, and always encouraging self-disclosure and storytelling. Each card functions as a **visual stimulus**, allowing individuals to immerse themselves in memories, life experiences, and images from the past or present – whether significant, repressed, or forgotten events. It helps to bring forth the information and images that are most relevant to the individual and to reflect the psychological state that is important to them at that moment. Metaphoric cards are an **indispensable tool** in psychological practice, especially in individual and group work with adolescents, since adolescence is a complex and crisis-prone stage of personal development. During the work process, the **appropriate and well-timed selection of the card deck** plays a particularly important role. The article presents sets of metaphoric associative cards used in work with adolescents. Taking into account the main issues characteristic of adolescence and the practical experience of specialists, several techniques for using the cards are described: **"What Am I Like?", "My Secret", "Which Card Represents You?", "The Meaning and Mission of Life."**

Two key aspects of working with metaphoric associative cards are highlighted: the correct selection of the appropriate deck; the ability to listen attentively and be receptive to the client's words.

Keywords: metaphoric associative cards, adolescent, projection.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-531-536

STRENGTHENING STUDENTS' PROBLEM-SOLVING SKILLS THROUGH PISA RESEARCH IN UZBEKISTAN

N. Umarov

Navoi State University, Uzbekistan
Independent Researcher
nodirbek4848umar@gmail.com

ABSTRACT

This article analyzes the essence of the PISA international assessment program and the importance of assessing students' problem-solving competence in it. The content of problem-solving competence, its role in the student's practical activities and decision-making in life situations are highlighted. Also, the existing opportunities and problems for the development of this competence in the education system of Uzbekistan based on the requirements of PISA are indicated.

Keywords: PISA, international assessment program, problem-solving competence, student literacy, critical thinking, real-life situations, quality of education, competency-based approach, STEAM, innovative methods, OECD, mathematical literacy, functional literacy, creative thinking.

Introduction

In today's era of globalization and rapid development of information technologies, one of the most important results expected from the education system is the formation of students' competence to make independent decisions in real-life situations, think in new ways, and approach problems creatively. The future development of each country directly depends on the knowledge, skills, and qualifications of the younger generation. From this point of view, the international assessment systems of students' educational outcomes, in particular, the PISA (Programme for International Student Assessment) study, are of great importance. The PISA assessment program determines not only how much knowledge students have, but also the level of their ability to apply this knowledge in real life. Problem-solving competence is studied as a separate area

in it. This article analyzes the content of the PISA study, the essence of problem-solving competence, and the possibilities for its development in the education system of Uzbekistan.

Main part. PISA is an international study conducted by the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) to assess the reading, mathematical and scientific literacy of 15-year-old students, as well as their problem-solving and creative thinking skills.

PISA tests focus on:

- the ability to apply knowledge,
- logical reasoning,
- real-life application through situational problems,
- critical thinking and complex problem analysis.

This is how the effectiveness of a country's education system is measured globally.

The content of problem-solving competence. Problem-solving competence refers to the level of student mastery of the following skills:

1. Correctly defining the problem.
2. Developing various solution options.
3. Analyzing, comparing and selecting the most appropriate one.
4. Applying the solution in practice.
5. Evaluating the result and drawing conclusions.

This competence is directly integrated with 21st century skills and is a key criterion for students' success in further education and the labor market.

Uzbekistan began full participation in the PISA study in 2022. Preliminary analyses show the following:

- Students have difficulty applying knowledge to practice,
- Independent thinking skills are not yet fully developed,
- Textbooks are more focused on providing theoretical knowledge,
- There are few tasks requiring quick decision-making in a short time.

This indicates the need to pay special attention to the development of problem-solving competence. Effective methods are of great importance in the development of problem-solving competence.

In the modern educational process, it is important for students not only to acquire knowledge, but also to be able to apply it in various life situations. For this, traditional lecture and reproductive methods are not enough, on the contrary, it is necessary to use methods that increase student activity, direct them to

research and activate thought processes. The use of effective methods in the formation of problem-solving competence includes a number of pedagogical, psychological and social aspects.

Firstly, effective methods involve students in the active process of cognition, they develop the ability to independently analyze the problem, compare different solution options and choose the most optimal one. This strengthens the student's thinking operations - such processes as analysis, synthesis, abstraction, generalization.

Secondly, learning tasks that meet the requirements of the PISA study form students' functional literacy, that is, the ability to apply knowledge in real life. Thus, students learn to apply the scientific concepts learned in the educational process to real-life issues, which in the future will serve to effectively make everyday life decisions.

Thirdly, education organized on the basis of problem situations forms in students the skills of preparation for social activity, teamwork, communication, substantiation of views and tolerance of diversity of opinions. This is an important factor for the competent development of a person.

Fourthly, creative thinking, initiative and innovative approaches formed through effective methods create the foundation for future professional development. In the labor market of the 21st century, it is precisely the ability to adapt to problems and quickly solve them that is considered one of the most important indicators.

The following pedagogical approaches are highly effective:

Problematic learning – students are given tasks arising from situations close to real life.

STEAM approach – creative and logical thinking is developed through interdisciplinary integration.

Game technologies – intellectual games that require strategic thinking are used.

Cluster, “Brainstorming”, debates – strengthen the ability to justify one's opinion and a critical approach.

Digital educational resources – gain practical experience through simulation, interactive platforms.

The possibilities for applying PISA approaches in Uzbek education are growing somewhat. In recent years, in our country: competency-based state educational standards are being introduced, updated textbooks are being

developed, and teacher training programs have been launched. These reforms are consistent with PISA requirements and create the basis for the development of problem-solving competence. Also, issues such as expanding the network of laboratories and STEAM centers, improving technological infrastructure, and integrating PISA-format tasks into the educational process are among the necessary priorities.

When we studied the following examples of PISA-format tasks, it became possible to develop some specific mechanisms.

In the example of analyzing graphs and tables using real data, real statistical data in the form of graphs and tables is widely used in PISA-format tasks. This helps students develop mathematical and logical assessment skills in life situations. Graph and table analysis based on real data is one of the most effective tools for problem-solving competence. It develops functional literacy, critical analysis, creative approach, and the ability to evaluate various solutions in students.

In the example of logical situational tasks on the number of cars in a parking lot, logical situational tasks based on real life, in particular, tasks related to the number of cars in a parking lot, play an important role in developing functional literacy and problem-solving competence in students. Because through such tasks, students learn to apply mathematical knowledge in everyday life, analyze real situations, and make independent decisions.

In the example of proposing solutions to environmental problems, discussing and proposing solutions to environmental problems in the educational process not only forms a conscious attitude towards nature in students, but also serves as an important pedagogical method that strengthens functional literacy. In the PISA study, tasks on environmental topics assess students' skills in understanding, analyzing, and developing practical solutions to urgent problems encountered in real life.

In the case of dialogic tasks that require critical decision-making, an important competency in the modern educational process is the ability of students to think independently, make informed decisions in a given situation, and defend their point of view. The PISA assessment system determines the level of critical thinking of students through such situational tasks. Dialogic tasks, on the other hand, organize a decision-making process based on dialogue between students. Such tasks and examples develop the skills of observation, prediction, analysis, and finding practical solutions in students.

Conclusion. The assessment of students' problem-solving competence in PISA studies also serves to improve the quality of education, prepare students for life, develop a culture of thinking, and strengthen problem-solving competence.

The most important task facing the education system of Uzbekistan is to educate young people who are able to apply knowledge in practice, think independently, be creative, and responsible. The use of innovative methods and technologies in the educational process based on PISA requirements creates a solid foundation for the success of the future generation.

REFERENCES

1. *Nosirov B.* Professional competence and professional competence of a teacher (2024).
2. *Kholikov I.* Development of the main competencies of a future teacher // "Pedagogical acmeology", 2022.
3. *Kenjabayev A.* Pedagogical deontology and competence: theoretical and practical aspects of improving the professional competence of a higher education teacher.
4. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). PISA 2022 Assessment and Analytical Framework. OECD Publishing.
5. OECD. (2024). Problem solving skills. OECD.
6. OECD. (2014). PISA 2012 Results: Creative Problem Solving – Students' skills in tackling real-life problems (Volume V). OECD Publishing.
7. *Graesser A.* (2017). Complex Problem Solving in Assessments of Collaborative. Frontiers in Psychology.
8. *Hopfenbeck T.* (2018). Lessons Learned from PISA: A Systematic Review of Peer-Reviewed Articles. Research in Comparative and International Education.
9. *Robertson S.* (2021). Provincializing the OECD-PISA global competencies project. Globalization, Societies and Education.
10. *Polya G.* (1945). How to Solve It. Princeton University Press.

ЗАКРЕПЛЕНИЕ НАВЫКОВ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ У УЧАЩИХСЯ НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЙ PISA

Н.Н. Умаров

Навоийский государственный университет, Узбекистан

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается сущность международной программы оценки PISA и подчеркивается важность оценки компетенции решения проблем у учащихся в ее рамках. Исследуется структура и содержание данной компетенции, а также ее ключевая роль в практической деятельности учащихся и их способности принимать эффективные решения в жизненных ситуациях. Кроме того, в работе анализируются существующие возможности и проблемы развития данной компетенции в системе образования Узбекистана в соответствии с требованиями PISA. Особое внимание уделяется внедрению компетентностного подхода, инновационных методов обучения и STEAM-образования для развития функциональной, математической и креативной грамотности учащихся, что в конечном итоге способствует повышению качества образования.

Ключевые слова: PISA, международная программа оценки, компетенция решения проблем, грамотность учащихся, критическое мышление, жизненные ситуации, качество образования, компетентностный подход, STEAM, инновационные методы, ОЭСР, математическая грамотность, функциональная грамотность, креативное мышление.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-537-547

ԴԵՌԱՀԱՍՆԵՐԻ ԻՆՔՆԻՐԱՑՄԱՆ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ԿՈՆԳՐՈՒԵՆՏՈՒԹՅԱՆ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ

Տ. Ջ. Մալումյան, Մ.Ա. Ոսկանյան

Վանաձորի պետական համալսարան
malumyant@gmail.com, voskanyanm88@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ժամանակակից հասարակությունը բնութագրվում է մշակութային բազմազանությամբ, որը պահանջում է դեռահասներից տարբեր սոցիալական և մշակութային համատեքստերին ադապտացվելու կարողություն: Մշակութային կոնգրուենտությունը, որն արտացոլում է անհատական արժեքների և նորմերի համապատասխանության աստիճանը շրջակա միջավայրի մշակութային չափանիշներին, կարող է ազդել դեռահասների ինքնիրացման մակարդակի վրա: Այս փոխկապվածության ուսումնասիրությունը կբացահայտի, թե ինչ գործոններ են նպաստում մշակութային փոխազդեցության պայմաններում դեռահասների անձնային աճին, ինչպես նաև, թե ինչ գործոններ կարող են խոչընդոտել նրանց ինքնիրացմանը: Աշխատանքի նպատակն է ուսումնասիրել և վերլուծել դեռահասների ինքնիրացման և մշակութային կոնգրուենտության փոխկապվածությունը: Իրականացվել է համահարաբերակցական կապի ուսումնասիրություն, որի արդյունքները փաստում են վերոնշյալ երևույթների միջև հակադարձ համեմատական կապի առկայությունը:

Հիմնաբառեր՝ մշակույթ, կոնգրուենտություն, նորմ, դեռահաս, ինքնիրացում:

Ներածություն

Մշակութային կոնգրուենտությունը հոգեբանական հասկացություն է, որն արտացոլում է անձի և մշակույթի միջև ներդաշնակությունը՝ կոգնի-

տիվ, հուզական կամ վարքային մակարդակներում [1, 2]: Այն ավանդաբար դիտարկվում է որպես ադապտացիայի դրական ռեսուրս: Այնուամենայնիվ, հատկապես դեռահասության շրջանում բարձր կոնգրուենտությունը կապված է անձի ճնշման հետ՝ հօգուտ սոցիալական սպասումներին հետևելու, ինչը խոչընդոտում է ինքնիրացումը [5]: Դեռահասների դեպքում այն կապված է ինքնավարության, ներքին ազատության, ինքնության և յուրահատուկ «ես»-ի իրացման ձգտման հետ: Նման ձգտումները հաճախ կարող են հակասել մշակույթի պահանջներին [6]:

Մեթոդիկաների և ընտրանքի նկարագրություն

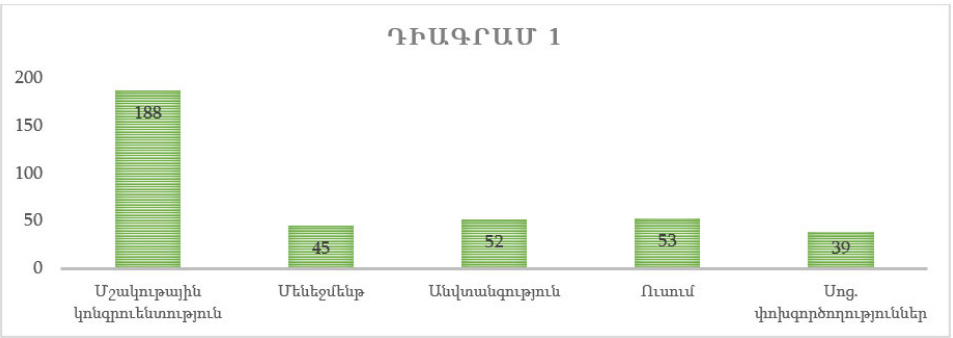
Փորձարարական հետազոտության ընթացքում կիրառվել են հետևյալ մեթոդիկաները. դեռահասների մշակութային կոնգրուենտության մակարդակի ախտորոշման մեթոդիկա՝ ըստ Լ.Ֆ. Բայանովայի և Օ.Գ. Մինյաևի, (2016թ.): Այն թույլ է տալիս ախտորոշել դեռահասի վարքի համապատասխանությունը այն մշակութային նորմերին, որոնք բնորոշ են նրա տարիքին և սահմանված են հասարակության կողմից: Կանոնները, որոնք սահմանում են վարքային պատտերնները, խմբավորված են չորս սանդղակի մեջ՝ «մենեջմենթ», «անվտանգություն», «ուսում», «սոցիալական փոխգործողություններ» [3]:

Է. Շոստրոմի ինքնիրացման թեստ (CAT) (1963թ.)՝ Լ.Յա. Գոզմանի, Մ.Վ. Կրոզի և Մ.Վ. Լատինսկայայի ադապտացիայով (1987թ.): Մեթոդիկան հնարավորություն է տալիս ախտորոշել ինքնիրացման մակարդակը տասնչորս սանդղակների սահմաններում՝ «աջակցություն», «ժամանակային կողմնորոշում», «արժեքային կողմնորոշում», «վարքի ճկունություն», «սեփական անձի նկատմամբ սենզիտիվություն», «սպոնտանություն», «ինքնահարգանք», «ինքնաընդունում», «մարդու բնույթի մասին պատկերացում», «սիներգիա», «ագրեսիայի ընդունում», «կոնտակտայնություն», «ճանաչողական պահանջմունքներ», «կրեատիվություն» [4]:

Հետազոտական ընտրանքն են կազմել 15–16 տարեկան 35 դեռահասներ:

Փորձարարական հետազոտության արդյունքներ և վերլուծություն

Այսպիսով, Լ.Ֆ. Բայանովայի և Օ.Գ. Մինյաևի՝ դեռահասների մշակութային կոնգրուենտության մակարդակի ախտորոշման մեթոդիկայի միջոցով ստացված տվյալները հետևյալն են.

Դիագրամ 1. Դեռահասների մշակութային կոնգրուենտության և նրա բաղադրիչների մակարդակի թվային ցուցանիշներ դիագրամի տեսքով:

Ընդհանուր մշակութային կոնգրուենտության (188) միջինացված թվային ցուցանիշը միջին մակարդակի վրա է: Մենեջմենթի (45), անվտանգության (52), ուսման (53) և սոցիալական փոխգործողությունների (39) միջինացված ցուցանիշները միջին մակարդակի վրա են:

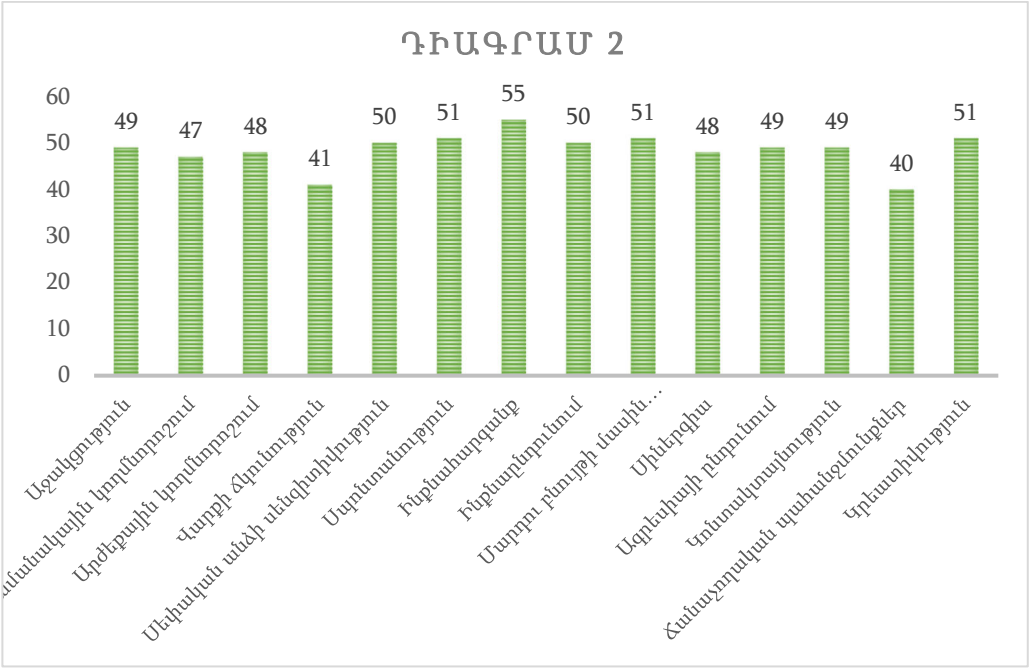
Աղյուսակ 1.

Դեռահասների մշակութային կոնգրուենտության և նրա բաղադրիչների մակարդակի տոկոսային ցուցանիշներ

	Ցածր	Միջին	Բարձր
Մշակութային կոնգրուենտություն	37,14%	57,14%	5,72%
Մենեջմենթ	31,43%	62,86%	5,71%
Անվտանգություն	51,43%	34,29%	14,28%
Ուսում	31,43%	57,14%	11,43%
Սոց. փոխգործողություններ	14,29%	45,71%	40%

Ընդհանուր մշակութային կոնգրուենտությունը (57,14%) առավել արտահայտված է միջին մակարդակով: Մենեջմենթը (62,86%), ուսումը (57,14%) և սոցիալական փոխգործողություններն (45,71%) առավել արտահայտված են միջին մակարդակով՝ ըստ տոկոսային ցուցանիշերի, իսկ անվտանգության (51,43%) սանդղակում առավել արտահայտված տոկոսային ցուցանիշը ցածր մակարդակում է:

Է. Շոստրոմի ինքնիրացման թեստի (Լ.Յա. Գոզմանի, Մ.Վ. Կրոզի և Մ.Վ. Լատինսկայայի ադապտացիայով) միջոցով ստացված տվյալները հետևյալն են.

Դիագրամ 2. Դեռահասների ինքնիրացման բաղադրիչների մակարդակի թվային ցուցանիշներ դիագրամի տեսքով:

Շատ բարձր և բարձր մակարդակի միջինացված ցուցանիշներ չեն գրանցվել: Միջին մակարդակի ցուցանիշների մասին են վկայում աջակցության (49), ժամանակային կողմնորոշման (47), արժեքային կողմնորոշման (48), սեփական անձի սենզիտիվության (50), սպոնտանության (51), ինքնահարգանքի (55), ինքնաընդունման (50), մարդու բնույթի մասին

պատկերացման (51), սիներգիայի (48), ագրեսիայի ընդունման (49), կոնտակտայնության (49) և կրեատիվության (51) սանդղակներում: Վարքի ճկունության (41) և ճանաչողական պահանջմունքների (40) սանդղակներում գրանցված արդյունքները ցածր մակարդակում են:

Աղյուսակ 2.

Դեռահասների ինքնիրացման մակարդակի տոկոսային ցուցանիշներ

	Ցածր	Միջին	Բարձր	Շատ բարձր
Աջակցություն	22,86%	62,86%	14,28%	0%
Ժամանակային կողմնորոշում	25,71%	60%	14,29%	0%
Արժեքային կողմնորոշում	22,86%	65,71%	11,43%	0%
Վարքի ճկունություն	68,57%	25,71%	5,72%	0%
Սեփական անձի նկ. սենզիտիվություն	25,71%	48,58%	25,71%	0%
Սպոնտանություն	11,43%	74,29%	14,28%	0%
Ինքնահարգանք	5,72%	54,29%	39,99%	0%
Ինքնաընդունում	17,14%	65,72%	17,14%	0%
Մարդու բնույթի մասին պատկերացում	14,28%	71,44%	14,28%	0%
Սիներգիա	37,14%	40%	22,86%	0%
Ագրեսիայի ընդունում	25,71%	51,43%	22,86%	0%
Կոնտակտայնություն	20%	54,29%	25,71%	0%
Ճանաչողական պահանջմունքներ	65,72%	25,71%	8,57%	0%
Կրեատիվություն	8,57%	80%	11,43%	0%

Այսպիսով, աջակցության (62,86%), ժամանակային կողմնորոշման (60%), արժեքային կողմնորոշման (65,71%), սեփական անձի սենզիտիվության (48,58%), սպոնտանության (48,58%), ինքնահարգանքի (54,29%), ինքնաընդունման (65,72%), մարդու բնույթի մասին պատկերացման (71,44%),

սիներգիայի (40%), ագրեսիայի ընդունման (51,43%), կոնտակտայնության (54,29%) և կրեատիվության (54,29%) սանդղակներում տոկոսային ցուցանիշներն առավել արտահայտված են միջին մակարդակում, իսկ վարքի ճկունության (68,57%) և ճանաչողական պահանջմունքների (65,72%) տոկոսային ցուցանիշները՝ ցածր մակարդակում: Շատ բարձր մակարդակի ցուցանիշներ առհասարակ չեն գրանցվել:

Իրականացվել է համահարաբերակցական կապի ուսումնասիրություն Սպիրմենի բանաձևով, որի արդյունքում գրանցվել են հետևյալ տվյալները.

Աղյուսակ 3.

Դեռահասների մշակութային կոնգրուենտության և ինքնիրացման միջև համահարաբերակցական կապեր

	Մշ. կոնգր.	Մենեջմենթ	Անվտանգութ.	Ուսում	Սոց. փոխգ.
Աջակցություն	-0,42	-0,33	-0,61	-0,26	-0,25
Ժամանակային կողմնորոշում	0,26	0,19	0,09	0,3	0,25
Արժեքային կողմնորոշում	0,04	0,12	-0,06	-0,03	0,17
Վարքի ճկունություն	-0,47	-0,43	-0,49	-0,36	-0,27
Սեփական անձի նկատմամբ սենզիտիվություն	-0,12	-0,09	-0,09	-0,08	-0,21
Սպոնտանություն	-0,35	-0,29	-0,62	-0,21	-0,09
Ինքնահարգանք	-0,06	0,04	-0,36	0,1	0
Ինքնաընդունում	-0,05	-0,03	-0,2	0,06	0,01
Մարդու բնույթի մասին պատկերացում	-0,15	-0,21	-0,09	-0,1	0,01

Սիներգիա	0,16	0,06	0,14	0,16	0,16
Ագրեսիայի ընդունում	-0,18	-0,13	-0,24	-0,09	-0,06
Կոնտակտայնություն	-0,14	-0,15	-0,19	-0,04	-0,17
Ճանաչողական պահանջմունքներ	-0,01	-0,08	0,25	-0,05	-0,13
Կրեատիվություն	0,21	0,22	0,08	0,32	0,14

Աղյուսակ 4.

Ուղիղ և հակադարձ համեմատական ուժեղ համահարաբերակցական կապեր

Ուղիղ համեմատական ուժեղ կապեր	Հակադարձ համեմատական ուժեղ կապեր
Չկան	Աջակցություն և անվտանգություն
	Սպոնտանություն և անվտանգություն

Աջակցության և անվտանգության միջև հակադարձ համեմատական ուժեղ կապը կարող է պայմանավորված լինել նրանով, որ անձը, համեմատաբար անկախ լինելով իր գործողություններում, կյանքում սեփական նպատակներով, համոզմունքներով, վերաբերմունքով և սկզբունքներով առաջնորդվելով, իր ընտրությունների մեջ ազատ լինելով, հնարավորինս քիչ է ենթարկվում արտաքին ազդեցության, ինչը կարող է հակասել մշակութային այն նորմերին, որոնք վերաբերում են անձի անվտանգությանը: Սպոնտանության և անվտանգության միջև հակադարձ համեմատական ուժեղ կապը կարող է պայմանավորված լինել նրանով, որ անձի՝ իր զգացմունքներն ինքնաբուխ և անմիջական կերպով արտահայտելու հակումը կարող է անվտանգությանը վերաբերող նորմերին հակասել, քանի որ այն իրենից ենթադրում է նաև հակում վարքի նախապես չպլանավորված ձևերին:

Աղյուսակ 5.

Ուղիղ և հակադարձ համեմատական միջին համահարաբերակցական կապեր

Ուղիղ համեմատական միջին կապեր	Հակադարձ համեմատական միջին կապեր
Ժամանակային կողմնորոշում և ուսում	Աջակցություն և մշակութային կոնգրուենտություն
Կրեատիվություն և ուսում	Աջակցություն և մենեջմենթ
	Վարքի ճկունություն և մշ. կոնգրուենտություն
	Վարքի ճկունություն և մենեջմենթ
	Վարքի ճկունություն և անվտանգություն
	Վարքի ճկունություն և ուսում Սպոնտանություն և մշ. կոնգրուենտություն
	Ինքնահարգանք և անվտանգություն

Ժամանակային կողմնորոշման և ուսման միջև միջին ինտենսիվության ուղիղ համեմատական կապը պայմանավորված է նրանով, որ սուբյեկտի՝ ներկայում ապրելու կարողությունը անցյալի, ներկայի և ապագայի ըմբռնումը որպես անբաժանելի ամբողջություն, կարող է խթանել ուսման վերաբերյալ սահմանված նորմերի պահպանումը՝ որպես ներկայում իրագործվող անհրաժեշտ գործունեություն, որն ուղղված է ապագա հաջողություններին: Կրեատիվության և ուսման միջև միջին ինտենսիվության ուղիղ համեմատական կապը ցույց է տալիս գիտելիքի և առհասարակ նորի նկատմամբ վերաբերմունքի և բուն ուսումնական նորմերին հակվածության միջև փոխկապվածությունը: Աջակցության և մշակութային կոնգրուենտության միջև միջին ինտենսիվության հակադարձ համեմատական կապը պայմանավորված է նրանով, որ սեփական արժեհամակարգով առաջնորդվող անձը, որը հարաբերականորեն անկախ է շրջապատող միջավայրից, ավելի քիչ է դրսևորում հակվածություն դեպի ընդհանուր մշակութային նորմերը, որոնք սահմանված են հասարակության կողմից: Աջակցության և մենեջմենթի միջև միջին ինտենսիվության հակա-

դարձ համեմատական կապը պայմանավորված է նրանով, որ սեփական արժեհամակարգով առաջնորդվող անձը դրսևորում է ավելի քիչ հակվածություն սոցիալական նորմերին, որոնք վերաբերում են առօրյայի կազմակերպմանը և պլանավորմանը և ժամանակի վերահսկմանը: Միջին ինտենսիվության հակադարձ համեմատական կապեր են հաստատվել վարքի ճկունության և համապատասխանաբար մշակութային կոնգրուենտության, մենեջմենթի, անվտանգության, ուսման միջև, ինչը կարող է վկայել այն մասին, որ սուբյեկտի՝ փոփոխվող իրավիճակին արագ և համարժեք արձագանքելու ունակությունը չի կաղապարում նրան այն նորմատիվային համակարգի մեջ, որը ներառում է առօրյայի պլանավորման, կազմակերպման և վերահսկման, անձի անվտանգության և ուսման ոլորտի վերաբերյալ կանոններ: Սպոնտանության և մշակութային կոնգրուենտության միջև միջին ինտենսիվության հակադարձ համեմատական կապը փաստում է, որ ինքնաբուխ և պատահական հուզական և վարքային դրսևորումներ ցուցաբերող անձը մշակութային առումով քիչ կոնգրուենտ է: Ինքնահարգանքի և անվտանգության միջև միջին ինտենսիվության հակադարձ համեմատական կապը ցույց է տալիս, որ սուբյեկտի՝ իր առավելությունները գնահատելու և սեփական անձը դրանց համար հարգելու կարողությունը նվազեցնում է պատրաստակամությունը հետևելու անվտանգության վերաբերյալ սոցիալական նորմերին և անվտանգության կանոններին:

Եզրակացություն

Հետազոտության արդյունքները փաստում են դեռահասների մշակութային կոնգրուենտության և ինքնիրացման բաղադրիչների գերակշռող մեծամասնության միջև հակադարձ համեմատական կապի առկայությունը: Այն դեռահասների մոտ, որոնք մշակութային տեսանկյունից առավել կոնգրուենտ են, գրանցվել է ինքնիրացման որոշ ասպեկտների ցածր մակարդակ և հակառակը ը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Баянова Л.Ф., Ганиева А.М.* Креативность и культурная конгруэнтность подростков // «Национальный психологический журнал». Т. 18, № 4. 2023. СС. 16–24.
2. *Баянова Л.Ф., Миняев О.Г.* Влияние культурной конгруэнтности на личностные свойства подростков // «Казанский педагогический журнал», № 6 (131), 2018. СС. 192–195.
3. *Ганиева А.М.* Культурная конгруэнтность и дивергентное мышление подростков: обзор научных исследований // «Мир науки. Педагогика и психология». Т. 10, № 3, 2022.
4. *Гозман Л.Я., Кроз М.В., Латинская М.В.* Самоактуализационный тест. М.: «Роспед агентство», 1995, 44с.
5. *Abouelleil M.* Culture, salience, and psychiatric diagnosis: exploring the concept of cultural congruence & its practical application // “Philosophy, Ethics, and Humanities in Medicine”. Vol. 8, Article 5, 2013.
6. *Yang Qu.* Stereotypes of adolescence: Cultural differences, consequences, and intervention // “Child Development Perspectives”. Vol. 17, Issues 3–4, 2023. PP. 136–141.

ОСОБЕННОСТИ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ КОНГРУЭНТНОСТИ

Т.З. Малумян, М.А. Восканян

Ванадзорский государственный университет

АННОТАЦИЯ

Современное общество характеризуется культурным многообразием, что требует от подростков способности адаптироваться к различным социальным и культурным контекстам. Культурная конгруэнтность, отражающая степень соответствия индивидуальных ценностей и норм культурным стандартам окружающей среды, может влиять на уровень самоактуализации подростков. Изучение данной взаимосвязи позволит выявить, какие факторы способствуют личностному росту подростков в условиях культурного взаимодействия, а также какие факторы могут препятствовать их самоактуализации. Цель работы – исследовать и проанализировать взаимосвязь между самоактуализацией и культурной конгруэнтностью под-

ростков. Результаты исследования подтверждают наличие обратной взаимозависимости между указанными явлениями.

Ключевые слова: культура, конгруэнтность, норма, подросток, самоактуализация.

CHARACTERISTICS OF ADOLESCENTS' SELF-ACTUALIZATION IN THE CONTEXT OF CULTURAL CONGRUENCE

T. Malumyan, M. Voskanyan

Vanadzor State University,

ABSTRACT

Modern society is characterized by cultural diversity, which requires adolescents to develop the ability to adapt to various social and cultural contexts. Cultural congruence, reflecting the degree of alignment between individual values and norms and the cultural standards of the surrounding environment, can influence the level of adolescents' self-actualization. Studying this interrelation will help identify the factors that promote adolescents' personal growth in conditions of cultural interaction, as well as those that may hinder their self-actualization. The aim of this study is to examine and analyze the relationship between adolescents' self-actualization and cultural congruence. The results of the research indicate the presence of an inverse correlation between these phenomena.

Keywords: culture, congruence, norm, adolescent, self-actualization.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-548-562

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ КАЧЕСТВ, СВОЙСТВЕННЫХ СОВРЕМЕННОМУ РУКОВОДИТЕЛЮ

Г.С. Мадумарова

Ташкентский университет экономики и педагогики
gulnoram980@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается психологический процесс приобретения качеств, необходимых будущему лидеру для успешного руководства в эпоху глобальных изменений и цифрового прогресса. Мы настаиваем на том, что успешные лидеры должны обладать не только профессиональным опытом, но и личными и эмоциональными навыками. На основе анализа исследований и практики выделяются шесть ключевых качеств, необходимых для эффективного лидерства: эмоциональный интеллект, адаптивность, когнитивная гибкость, этика, социальная ответственность и способность работать с удаленными командами. Особое внимание уделяется тому, как эмоциональный интеллект влияет на эффективность лидеров, мотивацию сотрудников, управление конфликтами и изменениями и т.д. Рассматриваются современные подходы к развитию лидерских качеств – коучинг, наставничество, ролевые игры, метод кейсов, цифровое обучение. Автор делает вывод, что создание лидерских компетенций требует структурированных стратегий, основанных на психологической подготовке, аналитическом мышлении и укреплении эмоциональной устойчивости. Эти качества развиваются для повышения организационной эффективности и создания среды устойчивого лидерства.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, лидерство, адаптивность, психологический подход, этическое управление, коучинг, управление изменениями.

Введение

Область психологии управления рассматривает формирование лидерских качеств как сложный процесс, включающий личные характеристики, навыки саморегуляции и развитие коммуникативных навыков. Исследования показывают, что для того, чтобы лидеры процветали, они не рождают-

ся, а становятся таковыми – через целенаправленное развитие, обучение и практику. Значимость психологических аспектов лидерства в контексте цифровизации и глобальной конкуренции, таких как эмоциональный интеллект, адаптивность, этика и способность к стратегическому мышлению, возрастает. Эти качества помогают лидерам сохранять устойчивость в нестабильной обстановке, вдохновлять сотрудников и принимать взвешенные решения.

Материалы и методы

Мы опираемся на междисциплинарный анализ научных источников в областях психологии, менеджмента и организационного поведения. Основные теоретические источники: Д. Гоулман (Goleman, 1998) – концепция эмоционального интеллекта; Д.К. Макклелланд – теория мотивации и компетенций лидера; “Harvard Business Review”; “Leadership Quarterly”; “Journal of Organizational Behavior” (2023–2025); отчеты исследовательских организаций (“Deloitte Insights”, “McKinsey & Company”, “Gallup”, “PwC” и др.).

Эмпирическая база включает сравнительный анализ современных практик управления в ведущих международных компаниях (Google, Microsoft, Amazon, Patagonia, IBM, GitLab), которые используют программы развития лидерских компетенций. Для достижения целей исследования применялся комплексный психологический подход, сочетающий качественные и количественные методы анализа.

Таблица 1.

Примененные методы исследования

№	Метод	Цель применения	Ожидаемый результат
1	Теоретико-аналитический	Обзор психологических и управленческих концепций	Определение ключевых лидерских качеств современного руководителя
2	Сравнительно-сопоставительный	Анализ программ развития лидерства в различных организациях	Выявление общих тенденций и успешных стратегий формирования качеств

3	Контент-анализ	Обработка научных публикаций и корпоративных отчетов	Установление влияния эмоционального интеллекта, адаптивности и этичности
4	Кейс-анализ	Изучение реальных примеров (Google, IBM, Microsoft)	Практическое подтверждение эффективности психологических методов
5	Системно-структурный анализ	Построение модели формирования лидерских качеств	Разработка концептуальной схемы формирования современного руководителя

Личностные ресурсы (самосознание, саморегуляция, мотивация)
↓
Эмоциональный интеллект (распознавание и управление эмоциями)
↓
Психологические компетенции лидера (коммуникация, эмпатия, принятие решений)
↓
Управленческая эффективность (мотивация команды, разрешение конфликтов, этичность)
↓
Организационные результаты (рост производительности, инновационность, устойчивое развитие)

График 1. Психологическая модель формирования качеств современного руководителя.

Этап	**Содержание**	**Методы**
I. Теоретико-аналитический	Анализ психолого-управленческих концепций	Аналитический, контент-анализ
II. Эмпирический	Сравнение практик компаний и программ лидерства	Кейс-анализ, сравнительный метод

III. Моделирующий	Построение системы взаимосвязей между качествами лидера и эффективностью управления	Системно-структурный, моделирование
IV. Обобщающий	Интерпретация результатов и формулировка выводов	Индуктивно-дедуктивный анализ

График 2. Этапы исследования и методы анализа.

Таблица 2.

Психологические показатели эффективности

Группа качеств	**Основные индикаторы**	**Методы диагностики**
Эмоциональный интеллект	Самосознание, саморегуляция, эмпатия	Тест EQ (Goleman), наблюдение, самооценка
Адаптивность и гибкость	Реакция на изменения, стрессоустойчивость	Психологическое интервью, шкала адаптивности
Этичность и ответственность	Ориентация на ценности, моральная устойчивость	Этический опросник, кейс-анализ
Коммуникативная компетентность	Эффективность взаимодействия, лидерское влияние	Социометрия, 360° обратная связь
Стратегическое мышление	Принятие решений, ориентация на цели	Тест на когнитивную гибкость, анализ кейсов

Современный мир бизнеса и управления предъявляет высокие требования к личностным и профессиональным качествам руководителей. В условиях глобализации, цифровизации и постоянных изменений на рынке руководитель становится не только стратегом, но и лидером, способным вдохновлять, мотивировать и эффективно взаимодействовать с командой. Формирование качеств, необходимых для успешного руководства, являет-

ся одной из ключевых задач как для самих лидеров, так и для организаций, стремящихся к устойчивому развитию.

С точки зрения психологии, развитие качеств современного руководителя требует комплексного подхода, включающего как работу над личностными характеристиками, так и освоение навыков управления. Исследования показывают, что успешные лидеры обладают такими чертами, как эмоциональный интеллект, адаптивность, способность к стратегическому мышлению и навыки эффективной коммуникации (“Harvard Business Review”). Эти качества не являются врожденными, а могут быть развиты через целенаправленное обучение, коучинг и практику.

Особое внимание уделяется развитию эмоционального интеллекта, который включает в себя умение распознавать и управлять своими эмоциями, а также понимать чувства других людей. Согласно исследованиям Дэниела Гоулмана, эмоциональный интеллект является одним из ключевых факторов, определяющих эффективность руководителя (Daniel Goleman’s Emotional Intelligence Research). Кроме того, в условиях цифровой трансформации важным становится развитие цифровых компетенций и гибкости мышления, что позволяет лидерам адаптироваться к новым технологиям и быстро меняющимся условиям.

Таким образом, формирование качеств современного руководителя – это процесс, требующий систематического подхода, основанного на научных данных и практических инструментах. В данном отчете будут рассмотрены основные пути и методы развития этих качеств, а также их значение для успешного управления в условиях современного мира.

Анализ ключевых качеств современного руководителя в контексте психологии

1. *Эмоциональный интеллект как основа лидерства*

Современные исследования в области психологии подчеркивают важность эмоционального интеллекта (EI) для успешного руководства. Эмоциональный интеллект включает способность осознавать, понимать и управлять как своими эмоциями, так и эмоциями окружающих. Согласно данным исследования Дэниела Гоулмана, руководители с высоким уровнем EI достигают на 20% более высоких показателей эффективности в управлении командами (Goleman, 1998).

Развитие самосознания. Самосознание является ключевым компонентом EI. Руководители, осознающие свои сильные и слабые стороны, лучше адаптируются к изменениям и принимают более взвешенные решения. Например, исследование, проведенное в 2023г., показало, что 78% успешных руководителей регулярно используют методы рефлексии, такие как ведение дневника или обратная связь от коллег (source).

Управление эмоциями. Умение контролировать свои эмоции помогает руководителям сохранять спокойствие в стрессовых ситуациях. Это качество особенно важно в условиях кризиса, когда от руководителя требуется принятие быстрых и точных решений. Например, в исследовании, опубликованном в журнале “Leadership Quarterly”, было установлено, что руководители с высоким уровнем саморегуляции на 30% реже совершают ошибки в условиях стресса (source).

Эмпатия и социальные навыки. Эмпатия позволяет руководителям лучше понимать потребности и мотивацию сотрудников, что способствует созданию доверительной атмосферы в коллективе. Руководители, проявляющие эмпатию, на 40% чаще получают положительные отзывы от своих команд (source).

2. ***Адаптивность и гибкость в условиях изменений***

Современный мир характеризуется высокой степенью неопределенности и быстрыми изменениями, что требует от руководителей способности быстро адаптироваться к новым условиям. Адаптивность включает в себя как когнитивную гибкость, так и эмоциональную устойчивость.

Когнитивная гибкость. Когнитивная гибкость подразумевает способность руководителя быстро переключаться между различными задачами и подходами. Например, исследование 2024г. показало, что руководители с высоким уровнем когнитивной гибкости на 25% эффективнее справляются с многозадачностью (source).

Эмоциональная устойчивость. Эмоциональная устойчивость помогает руководителям сохранять мотивацию и продуктивность даже в условиях давления. Согласно данным исследования, проведенного в 2025г., руководители с высокой эмоциональной устойчивостью на 35% реже испытывают профессиональное выгорание (source).

Пример из практики. Компании, такие как Google, активно обучают своих руководителей адаптивным навыкам через программы, включающие

тренинги по управлению изменениями и стрессом. Это позволяет им быстрее реагировать на изменения в рынке и сохранять конкурентоспособность (source).

3. ***Навыки принятия решений на основе данных***

Современные руководители должны уметь использовать данные для обоснования своих решений. Это требует как аналитических способностей, так и понимания основ статистики и работы с большими данными.

Аналитическое мышление. Аналитическое мышление позволяет руководителям выявлять ключевые тенденции и принимать стратегические решения. Например, исследование, опубликованное в журнале "Harvard Business Review", показало, что руководители, активно использующие аналитические инструменты, на 50% чаще достигают поставленных целей (source).

Использование технологий. Современные технологии, такие как Искусственный интеллект и машинное обучение, помогают руководителям анализировать большие объемы данных. Например, компании, внедрившие AI-решения для управления проектами, увеличили свою производительность на 30% (source).

Пример успешного применения. Amazon активно использует аналитику для оптимизации своих процессов. Руководители компании принимают решения, основанные на данных, что позволяет им минимизировать риски и повышать эффективность работы (source).

4. ***Этичность и социальная ответственность***

Этичность становится все более важным качеством для современных руководителей. Сотрудники и клиенты ожидают от лидеров не только профессионализма, но и соблюдения высоких моральных стандартов.

Прозрачность в управлении. Прозрачность помогает укрепить доверие сотрудников и клиентов. Согласно исследованию "Deloitte", 85% сотрудников предпочитают работать в компаниях с прозрачной политикой управления (source).

Социальная ответственность. Руководители, активно участвующие в социальных инициативах, способствуют укреплению корпоративной культуры и улучшению репутации компании. Например, компании, инвестирующие в экологические проекты, на 20% чаще получают положительные отзывы от клиентов (source).

Пример из практики. “Patagonia”, известная своими инициативами в области устойчивого развития, активно продвигает идеи социальной ответственности среди своих руководителей. Это позволяет компании сохранять лояльность клиентов и сотрудников (source).

5. ***Навыки управления командами в условиях удаленной работы***

С развитием технологий и увеличением числа удаленных сотрудников, руководители сталкиваются с новыми вызовами в управлении командами. Это требует от них новых подходов и навыков.

Построение доверия в виртуальных командах. Доверие является основой эффективной работы удаленных команд. Руководители, которые регулярно проводят виртуальные встречи и обеспечивают прозрачность процессов, на 30% чаще достигают высоких результатов (source).

Использование цифровых инструментов. Современные платформы, такие как “Slack” и “Microsoft Teams”, помогают руководителям поддерживать связь с удаленными сотрудниками. Согласно исследованию 2025г., использование таких инструментов увеличивает продуктивность команд на 25% (source).

Пример из практики. “GitLab”, компания с полностью удаленной структурой, активно обучает своих руководителей навыкам управления виртуальными командами. Это позволяет компании сохранять высокий уровень производительности и вовлеченности сотрудников (source).

Каждый из перечисленных аспектов подчеркивает важность комплексного подхода к развитию качеств современного руководителя. Успешное лидерство требует сочетания эмоционального интеллекта, адаптивности, аналитических навыков, этичности и умения управлять удаленными командами.

Методы и подходы к развитию лидерских качеств у руководителей

1. ***Коучинг и менторство как инструменты развития лидерских навыков***

Коучинг и менторство являются одними из наиболее эффективных методов развития лидерских качеств у руководителей. В отличие от традиционных тренингов, коучинг направлен на индивидуальную работу с руководителем, что позволяет учитывать его уникальные потребности и цели.

Коучинг. Согласно исследованию Международной федерации коучинга (ICF), 86% организаций, использующих коучинг, отмечают повышение производительности и улучшение лидерских навыков у своих сотрудников (ICF Global Coaching Study). Коучинг помогает руководителям развивать такие качества, как стратегическое мышление, управление конфликтами и эмоциональная устойчивость. Например, использование коучинговых техник, таких как постановка открытых вопросов и активное слушание, способствует улучшению самосознания и способности принимать взвешенные решения.

Менторство. Менторство, в отличие от коучинга, предполагает передачу опыта и знаний от более опытного руководителя к менее опытному. Исследование 2024г., проведенное консалтинговой компанией “Deloitte”, показало, что 71% руководителей, участвующих в программах менторства, демонстрируют улучшение в управлении командами и повышении мотивации сотрудников (Deloitte Insights).

2. ***Использование ролевых игр и симуляций***

Ролевые игры и симуляции – это интерактивные методы, которые позволяют руководителям развивать лидерские качества в условиях, максимально приближенных к реальным.

Ролевые игры. Этот метод позволяет моделировать различные управленческие ситуации, такие как проведение переговоров, управление конфликтами или принятие решений в условиях неопределенности. Например, исследование Гарвардской школы бизнеса показало, что 68% руководителей, участвующих в ролевых играх, демонстрируют улучшение навыков межличностного взаимодействия (“Harvard Business Review”).

Симуляции. Технологические симуляции, такие как виртуальная реальность (VR), становятся все более популярными. Они позволяют руководителям отрабатывать навыки управления в безопасной среде. Например, компания PwC внедрила VR-симуляции для обучения своих руководителей, что привело к увеличению эффективности обучения на 40% по сравнению с традиционными методами (PwC Report).

3. ***Программы развития лидерства на основе обратной связи***

Обратная связь от коллег, подчиненных и руководства является важным инструментом для развития лидерских качеств.

Метод 360-градусной обратной связи. Этот метод включает сбор отзывов от всех уровней взаимодействия руководителя: коллег, подчиненных и вышестоящего руководства. Согласно исследованию Gallup, руководители, использующие 360-градусную обратную связь, демонстрируют рост производительности на 14% (Gallup).

Рефлексивные практики. Руководители, регулярно анализирующие полученную обратную связь, лучше понимают свои сильные и слабые стороны. Например, использование дневников рефлексии помогает выявить повторяющиеся паттерны поведения и улучшить навыки управления.

4. ***Обучение через решение реальных бизнес-кейсов***

Решение реальных бизнес-кейсов является практическим методом, который позволяет руководителям развивать стратегическое мышление и навыки принятия решений.

Кейсовый метод: подход, который активно используется в ведущих бизнес-школах, таких как “INSEAD” и “Harvard Business School”. Руководители анализируют реальные ситуации, с которыми сталкивались компании, и предлагают свои решения. Например, исследование 2025г. показало, что 82% участников программ, основанных на кейсовом методе, улучшили свои навыки анализа данных и стратегического планирования (INSEAD Case Study).

Групповая работа над кейсами: работа в командах над решением кейсов способствует развитию навыков сотрудничества и коммуникации. Например, в рамках программы MBA в “Wharton School” участники работают над групповыми проектами, что помогает им развивать лидерские качества в условиях командной работы (Wharton MBA Program).

5. ***Использование цифровых технологий и онлайн-обучения***

Современные технологии предоставляют широкий спектр инструментов для развития лидерских качеств у руководителей.

Онлайн-курсы и платформы: платформы, такие как “Coursera”, “Udemy” и “LinkedIn Learning”, предлагают специализированные курсы по лидерству. Например, курс “Leadership in the Digital Age” на Coursera, разработанный Лондонской школой экономики, помогает руководителям развивать навыки управления в условиях цифровой трансформации (Coursera).

Искусственный интеллект (ИИ) в обучении используется для персонализации обучения. Например, платформы на основе ИИ анализируют

прогресс обучающегося и предлагают индивидуальные рекомендации. Исследование McKinsey показало, что использование ИИ в обучении увеличивает эффективность программ на 30% (McKinsey & Company).

Геймификация: внедрение игровых элементов в обучение делает процесс более увлекательным и эффективным. Например, компания SAP использует геймифицированные платформы для обучения своих руководителей, что увеличило вовлеченность участников на 25% (SAP Case Study).

Каждый из перечисленных методов и подходов подчеркивает важность индивидуального и комплексного подхода к развитию лидерских качеств у руководителей. Использование современных технологий, интерактивных методов и обратной связи позволяет руководителям не только развивать свои навыки, но и адаптироваться к быстро меняющимся условиям современного мира.

Роль эмоционального интеллекта в формировании успешного руководителя

1. *Эмоциональный интеллект и стратегическое управление*

Эмоциональный интеллект (EI) играет ключевую роль в способности руководителя эффективно управлять стратегическими процессами, особенно в условиях неопределенности. В отличие от ранее рассмотренных аспектов EI, таких как управление эмоциями и эмпатия, здесь акцент делается на способности лидера использовать эмоциональные данные для принятия стратегических решений. Например, исследование, проведенное в 2024г. Гарвардской школой бизнеса, показало, что руководители с высоким уровнем EI на 25% чаще принимают решения, которые учитывают долгосрочные интересы организации, избегая эмоциональных ловушек и когнитивных искажений (“Harvard Business Review”).

Кроме того, стратегическое управление требует от лидера способности предвидеть эмоциональные реакции сотрудников и заинтересованных сторон на изменения. Это позволяет минимизировать сопротивление и повысить вовлеченность команды. Например, компании, где руководители активно используют EI в стратегическом управлении, демонстрируют на 18% более высокую устойчивость к кризисам (McKinsey).

2. *Роль эмоционального интеллекта в управлении конфликтами*

Хотя эмпатия и социальные навыки уже обсуждались в предыдущих отчетах, управление конфликтами требует более глубокого понимания эмо-

циональной динамики. Руководители с высоким уровнем EI способны не только распознавать скрытые причины конфликтов, но и использовать их как возможность для укрепления команды. В исследовании, опубликованном в журнале “Journal of Organizational Behavior” в 2023 году, было установлено, что руководители, эффективно управляющие конфликтами, на 32% чаще достигают позитивных результатов, таких как улучшение коммуникации и повышение производительности (“Journal of Organizational Behavior”).

Эффективное управление конфликтами включает в себя использование таких техник, как активное слушание, переформулирование проблем и создание условий для открытого диалога. Например, в одной из крупнейших мировых корпораций, Google, внедрение программ по развитию EI помогло снизить уровень конфликтов на 23% (Google Case Study).

3. *Эмоциональный интеллект и мотивация команды*

Ранее обсуждалась роль эмпатии в понимании потребностей сотрудников, однако мотивация команды требует более комплексного подхода. Руководители с высоким уровнем EI способны адаптировать свои мотивационные стратегии в зависимости от эмоционального состояния команды. Например, исследование Gallup, проведенное в 2025г., показало, что сотрудники, чьи руководители активно используют EI для мотивации, на 21% чаще демонстрируют высокий уровень вовлеченности (Gallup).

Одним из эффективных методов является использование эмоционального резонанса, когда лидер передает позитивные эмоции, которые стимулируют сотрудников к достижению целей. Например, в компании Microsoft внедрение программ по развитию EI у руководителей привело к увеличению производительности на 15% (Microsoft Case Study).

4. *Влияние эмоционального интеллекта на корпоративную культуру*

Эмоциональный интеллект лидера оказывает значительное влияние на формирование корпоративной культуры. В отличие от ранее рассмотренных аспектов, таких как этичность и социальная ответственность, здесь акцент делается на способности лидера создавать эмоционально безопасную среду. Согласно исследованию, проведенному “Deloitte” в 2024 году, компании с эмоционально интеллигентными руководителями на 30% чаще демонстрируют высокую степень удовлетворенности сотрудников корпоративной культурой (“Deloitte”).

Эмоционально безопасная среда позволяет сотрудникам свободно выражать свои идеи и предлагать инновации. Например, в компании Adobe внедрение программ по развитию EI у руководителей способствовало увеличению числа инновационных предложений от сотрудников на 28% (Adobe Case Study).

5. *Эмоциональный интеллект и управление изменениями*

Ранее обсуждалась адаптивность руководителей в условиях изменений, однако управление изменениями требует не только когнитивной, но и эмоциональной гибкости. Руководители с высоким уровнем EI способны эффективно управлять эмоциональными реакциями сотрудников на изменения, такие как страх, сопротивление или неуверенность. Исследование, опубликованное в Leadership Quarterly в 2025 году, показало, что руководители с высоким уровнем EI на 35% успешнее внедряют изменения в организациях (Leadership Quarterly).

Примером может служить компания IBM, где программы по развитию EI помогли снизить уровень сопротивления изменениям на 20%, что позволило успешно внедрить цифровую трансформацию (IBM Case Study).

Каждый из представленных аспектов подчеркивает уникальную роль эмоционального интеллекта в формировании успешного руководителя. Использование EI позволяет не только повышать эффективность управления, но и создавать условия для устойчивого развития организации.

Заключение

В исследовании выделены важнейшие качества, необходимые современному лидеру, подчеркивается важность эмоционального интеллекта (ЭИ), адаптивности, принятия решений на основе данных, этического лидерства и умения управлять удаленными командами. Эмоциональный интеллект выступает в качестве основополагающей компетенции, включающей самосознание, регулирование эмоций, эмпатию и социальные навыки, которые в совокупности повышают эффективность работы команды, принятие решений и разрешение конфликтов. Лидеры с высоким уровнем ЭИ демонстрируют на 20–40% более высокую эффективность в управлении командой и урегулировании кризисных ситуаций (“Harvard Business Review”). Кроме того, адаптивность и когнитивная гибкость необходимы для ориентации в сложностях быстро меняющегося мира, и лидеры, де-

монстрирующие эти качества, достигают на 25–30% большего успеха в многозадачности и управлении кризисными ситуациями (Frontiers in Psychology).

Результаты исследования также подчеркивают растущую значимость этического лидерства и социальной ответственности в укреплении доверия и лояльности среди сотрудников и заинтересованных сторон. Прозрачные методы управления и активное участие в социальных инициативах не только укрепляют корпоративную культуру, но и повышают репутацию организации (Deloitte Insights). Кроме того, умение использовать цифровые инструменты и аналитику данных имеет решающее значение для принятия стратегических решений: лидеры, использующие такие технологии, достигают целей на 50% чаще (“Forbes”). Переход к удаленной работе также потребовал новых подходов к управлению командой, при этом укрепление доверия и эффективное использование цифровых платформ оказались необходимыми для поддержания производительности и вовлеченности (Microsoft).

Эти выводы свидетельствуют о том, что программы развития лидерских качеств должны использовать многогранный подход, объединяющий коучинг, ролевые игры, механизмы обратной связи и цифровые инструменты обучения для развития этих компетенций. В будущих исследованиях можно было бы изучить долгосрочное влияние этих качеств на устойчивость и инновационность организации. Уделяя приоритетное внимание развитию эмоционального интеллекта, адаптивности и этического принятия решений, организации могут подготовить лидеров к успешной работе в условиях все более динамичной и сложной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Goleman D.* Working with Emotional Intelligence. New York: “Bantam Books”, 1998.
2. Harvard Business Review. Leadership and Emotional Intelligence: The Key to Leading People. “Harvard Business Publishing”, 2024.
3. McKinsey & Company. Leadership in the Age of Transformation: Emotional Intelligence and Adaptability // “McKinsey Insights Report”, 2025.
4. Deloitte Insights. Ethical Leadership and Organizational Trust: Global Human Capital Trends. “Deloitte University Press”, 2024.
5. Gallup. The State of the Global Workplace Report. “Gallup Inc.”, 2025.

6. Leadership Quarterly. Emotional Intelligence and Change Management: A Quantitative Study of Global Leaders // “Elsevier”, 2025.
7. Journal of Organizational Behavior. Conflict Resolution and Emotional Awareness in Modern Leadership // “Wiley Online Library”, 2023.
8. PwC. Virtual Reality and Leadership Training Effectiveness // “PwC Research Report”, 2024.
9. INSEAD. Case-Based Learning for Executive Development // “INSEAD Publishing”, 2025.
10. Wharton School. Collaborative Leadership and Team-Based Case Studies. University of Pennsylvania, 2025.

PATHS FOR DEVELOPING QUALITIES CHARACTERISTIC OF THE MODERN MANAGER

G. Madumarova

UNIEP “University of Economics and Pedagogy”

ABSTRACT

The article examines the psychological process of acquiring the qualities necessary for a future leader to successfully lead in an era of global change and digital progress. The author argues that successful leaders must possess not only professional expertise but also personal and emotional skills. Based on an analysis of research and practice, six key qualities essential for effective leadership are identified: emotional intelligence, adaptability, cognitive flexibility, ethics, social responsibility, and the ability to work with remote teams. Special attention is paid to how emotional intelligence influences leader effectiveness, employee motivation, conflict and change management, and other areas. Contemporary approaches to developing leadership qualities – coaching, mentoring, role-playing, the case method, and digital learning – are examined. The author concludes that building leadership competencies requires structured strategies grounded in psychological preparation, analytical thinking, and the strengthening of emotional resilience. These qualities are developed to enhance organizational effectiveness and create an environment of sustainable leadership.

Keywords: emotional intelligence, leadership, adaptability, psychological approach, ethical management, coaching, change management.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-563-571

РАБОТА С УЧЕБНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИМ СЛОВАРЕМ КАК КОГНИТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ПСИХОЛОГИИ

М.М. Мазманян, М.С. Шахвердян

Ванадзорский государственный университет
marianna.mazmanyan@mail.ru, aravott@yahoo.com

АННОТАЦИЯ

В условиях динамичных изменений современного образовательного пространства особую роль приобретает использование когнитивных стратегий в процессе обучения в высшей школе. Современная система образования направлена не только на передачу знаний, но и на развитие у студентов способности к самостоятельному мышлению, критическому анализу, планированию и контролю собственной познавательной деятельности, а также формирование навыков самоорганизации и самообразования. В связи с этим применение когнитивных стратегий выступает эффективным средством повышения качества образования, способствует развитию метакогнитивных умений и расширяет возможности осознанного и самостоятельного усвоения учебного материала.

В данной статье в качестве одной из когнитивных стратегий обучения студентов рассматривается ведение учебно-терминологического словаря. Описан опыт применения данного метода в процессе преподавания основных дисциплин профессионального цикла по направлению подготовки бакалавров «Психология». Проведенный опрос, направленный на получение обратной связи от студентов относительно целесообразности применения данной когнитивной стратегии в процессе обучения психологии, позволил сделать вывод о том, что работа с учебно-терминологическим словарем может рассматриваться не только как вспомогательный дидактический инструмент, но и как эффективная когнитивная стратегия. Она направлена на развитие познавательной самостоятельности, осознанности обучения и способности к саморегуляции познавательной деятельности. Применение учебно-терминологического словаря в этом контексте способствует также формированию метакогнитивных умений – планированию, контролю и оценке собственного процесса усвоения учебного материала.

Ключевые слова: терминологическая лексика, когнитивные навыки, метакогнитивные навыки, познавательная деятельность, учебный материал.

Введение

В условиях динамичных изменений современного образовательного пространства особую роль приобретает использование когнитивных стратегий в процессе обучения в высшей школе. Современная система образования направлена не только на передачу знаний, но и на развитие у студентов способности к самостоятельному мышлению, критическому анализу, планированию и контролю собственной познавательной деятельности, а также формирование навыков самоорганизации и самообразования. В связи с этим применение когнитивных стратегий выступает эффективным средством повышения качества образования, способствует развитию метакогнитивных умений и расширяет возможности осознанного и самостоятельного усвоения учебного материала.

Когнитивные стратегии предполагают активное взаимодействие с изучаемым материалом, его преобразование и использование различных техник и приемов обучения. По мнению Е.В. Королевой и Ю.Р. Конышевой, опирающихся на исследования А. Вендена, Д. Рубина, Дж.О'Мел и А. Чамота, когнитивные стратегии представляют собой «совокупность действий, шагов, планов и рутин, используемых студентом для получения, хранения, осмысления, извлечения и применения информации». Они направлены на установление связей между мыслительными операциями с целью анализа и закрепления информации в кратковременной и долговременной памяти. Применение когнитивных стратегий способствует активизации познавательной деятельности обучающихся, развитию метакогнитивных навыков – планирования, контроля и рефлексии собственной учебной деятельности. Их использование повышает эффективность усвоения знаний, формирует умения самообразования и обеспечивает готовность студентов к профессиональному и личностному развитию [2].

Среди когнитивных стратегий, выделяемых указанными авторами, можно назвать индукцию, дедукцию, сопоставительный анализ, подражание, группировку, непосредственную двигательную реакцию, контекстуализацию, перенос (трансфер), слуховое воспроизведение, умозаключение, обработку и систематизацию информации, поиск ключевых слов и догадку по контексту [2].

Материалы и методы

В данной статье в качестве одной из когнитивных стратегий обучения студентов рассматривается ведение учебно-терминологического словаря. Описан опыт применения данного метода в процессе преподавания основных дисциплин профессионального цикла по направлению подготовки бакалавров «Психология». Представлены результаты опроса студентов первых и вторых курсов, проведенного с целью оценки эффективности и целесообразности использования учебно-терминологического словаря в процессе изучения психологических дисциплин.

Работа с терминами и понятиями является важнейшей составляющей образовательного процесса в вузе и должна осуществляться последовательно на всех этапах обучения. Известно, что усвоение терминологической и понятийной системы конкретной науки является основой овладения специальностью. Именно терминологическая работа способствует формированию профессионального языка и развитию коммуникативных компетенций в профессиональной сфере. По мнению А.В. Киселевой, терминология выступает наиболее универсальным средством хранения, передачи и обработки информации [3].

Учебно-терминологический словарь представляет собой лексикографическое издание, содержащее совокупность терминов и понятий, отобранных и структурированных в соответствии с целями обучения и методическими требованиями. Он одновременно выполняет учебную, систематизирующую, справочную и нормативную функции. Подобный словарь удовлетворяет потребности как лексикографии – науки, занимающейся описанием языковых единиц в словарях, так и теории обучения, которая отвечает на вопросы о содержании и методах образовательного процесса [1].

В процессе обучения студентов первого и второго курсов по направлению подготовки «Психология» в рамках дисциплин «Психология перцептивных процессов» и «Психология когнитивных процессов» студентам предлагалась работа по составлению учебно-терминологических словарей. Предполагалось, что глубокое изучение ключевых понятий данных дисциплин способствует более основательному усвоению учебного материала. Такая деятельность включает элементы, способствующие эффективному запоминанию, пониманию, систематизации и структурированию информации, что, в свою очередь, обеспечивает не только прочное овладение содер-

жанием курсов, но и развитие у студентов навыков самообучения и самоорганизации.

Ведение учебно-терминологического словаря осуществлялось в форме индивидуального словаря понятий. Каждый студент создавал собственный терминологический словарь по изучаемой дисциплине, включающий ключевые тематические понятия, их определения, примеры применения и указание межпредметных связей. Такой подход способствует развитию умений самостоятельно структурировать знания, выделять главное, понимать внутреннюю логику учебного материала, а также проводить аналогии между изучаемыми явлениями. Подобная работа углубляет знание профессионального языка и способствует формированию когнитивных стратегий анализа, сравнения и систематизации информации.

В словарь студенты включали не только специальные термины, относящиеся к психологии, но и общенаучные понятия, используемые в различных областях человеческого знания, что способствовало развитию научного стиля речи. Кроме того, в составленных словарях присутствовали как собственно психологические, так и «сопутствующие» термины из философии, биологии, физики и социологии.

Каждый термин подвергался анализу с точки зрения его структуры, семантики, происхождения, наличия синонимов и трактовки в смежных науках. Это способствовало глубокому осмыслению изучаемого явления, формированию умений воспринимать и интерпретировать понятия в разных контекстах с использованием таких мыслительных операций, как анализ, синтез, сравнение и обобщение. Ознакомление с латинскими корнями терминов и их этимологией помогало устанавливать ассоциативные связи и облегчало процесс запоминания.

Особое внимание уделялось использованию научно обоснованных и рекомендованных источников, а также разнообразию их подбора. Так, термин «перцепция» имеет различное толкование в терминологических словарях по психологии, философии, социологии и медицине. Сравнительный анализ значений этого термина, рассмотрение феномена с разных научных позиций и выявление взаимосвязей между его основными характеристиками позволяют глубже понять сущность понятия через индукцию и самостоятельные умозаключения. Такой подход способствует развитию широты, гибкости и масштабности мышления студентов.

Ведение учебно-терминологического словаря может также рассматриваться как элемент самостоятельной подготовки к практическим и семи-

нарским занятиям, а также к экзаменам. При оценке успешности выполнения данного вида работы учитывались следующие критерии:

- ✓ разнообразие использованных источников для каждого термина;
- ✓ толкование термина с учетом его структуры, происхождения, семантики и наличия синонимов;
- ✓ формулировка собственного определения на основе анализа и обобщения, особенно в случаях расхождений в трактовке термина в словарях смежных наук.

Работа с учебно-терминологическим словарем способствует разнообразию образовательного процесса, повышает интерес студентов к изучаемому материалу, усиливает их учебную мотивацию и стимулирует поисково-исследовательскую активность. Регулярное пополнение и расширение словаря формирует у них навык непрерывного обучения, развивает самостоятельность и умение организовывать собственную познавательную деятельность.

С целью получения обратной связи и выявления целесообразности ведения учебно-терминологического словаря в процессе преподавания дисциплин «Психология перцептивных процессов», «Психология когнитивных процессов» был проведен опрос среди студентов бакалавриата первых и вторых курсов направления подготовки «Психология» (N=52). Анкета включала семь вопросов, в которых предлагалось по пятибалльной шкале оценить значимость работы по составлению учебно-терминологического словаря для развития различных аспектов познавательной деятельности. Результаты опроса представлены в Диаграмме.

Результаты анкетирования показали следующие средние значения:

- ✓ по вопросу «Насколько ведение учебно-терминологического словаря способствует запоминанию учебного материала?» – 4,2 балла;
- ✓ по вопросу «Насколько ведение учебно-терминологического словаря способствует повышению интереса к предмету и учебной мотивации?» – 4,1 балла;
- ✓ по вопросу «Насколько ведение учебно-терминологического словаря способствует совершенствованию устной речи?» – 4,3 балла;
- ✓ по вопросу «Насколько ведение учебно-терминологического словаря способствует пониманию учебного материала?» – 4,4 балла;
- ✓ по вопросу «Насколько ведение учебно-терминологического словаря целесообразно применять на занятиях по психологии?» – 4,3 балла;

- ✓ по вопросу «Насколько ведение учебно-терминологического словаря способствуетразвитию широты мышления (способности охватывать широкий круг вопросов, видеть картину в целом)?» – 4,2 балла;
- ✓ по вопросу «Насколько ведение учебно-терминологического словаря способствует развитию глубины мышления(способности вникать в суть явлений, анализировать, находить причинно-следственные связи)?» – 4,3 балла.

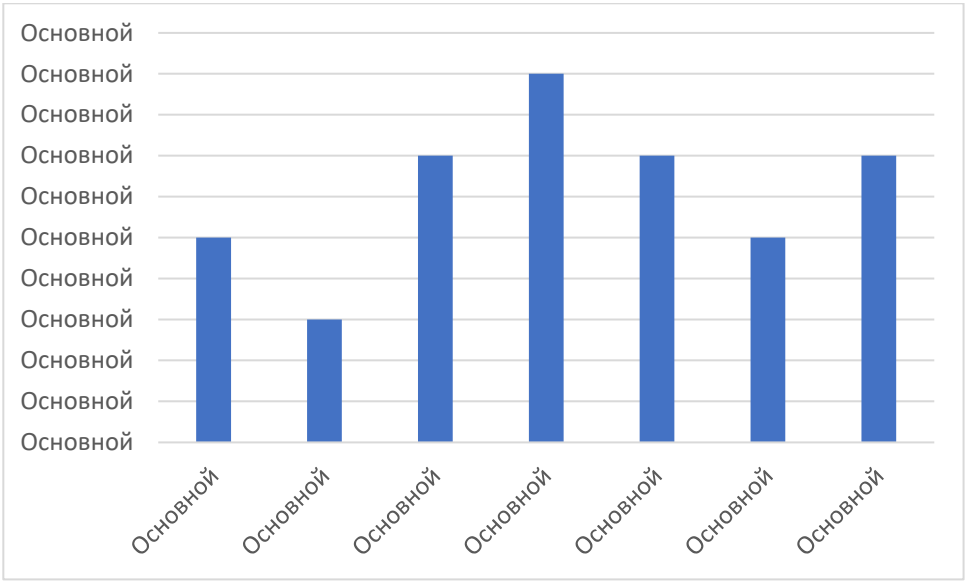

Диаграмма 1. Результаты письменного опроса студентов.

Полученные данные свидетельствуют о высокой оценке студентами эффективности данной формы учебной деятельности, подтверждая ее значимость для формирования познавательных навыков, а также для повышения качества усвоения учебного материала.

Таким образом, теоретический анализ литературы позволяет определить когнитивные стратегии как все те ментальные операции, которые обеспечивают взаимодействие с учебным материалом с целью осмысления, эффективного запоминания и дальнейшего извлечения информации из долговременной памяти для решения различных профессиональных и жизненных задач.

В ходе нашей преподавательской деятельности одним из эффективных видов практических заданий, направленных на осознанное усвоение учебного материала, стала работа с учебно-терминологическим словарем. Формирование и использование такого словаря позволяет студентам не только систематизировать и закреплять изучаемые понятия, но и устанавливать между ними логико-семантические связи, что способствует развитию аналитического и критического мышления. Учебно-терминологический словарь выступает инструментом активного познания, поскольку требует от обучающегося осмысления содержания термина, его функций в профессиональном контексте, а также сопоставления с другими понятиями в рамках дисциплины.

Создание личного глоссария способствует формированию у студентов навыков структурирования знаний, анализа, синтеза, умозаключений и индукции, умений работать с различными источниками информации, интерпретировать и применять термины в разнообразных контекстах. Кроме того, данный прием активизирует познавательную деятельность, обеспечивает долговременное запоминание материала и способствует формированию устойчивой профессионально-терминологической лексики.

Проведенный опрос, направленный на получение обратной связи от студентов относительно целесообразности применения данной когнитивной стратегии в процессе обучения психологии, позволил сделать вывод о том, что работа с учебно-терминологическим словарем может рассматриваться не только как вспомогательный дидактический инструмент, но и как эффективная когнитивная стратегия. Она направлена на развитие познавательной самостоятельности, осознанности обучения и способности к саморегуляции познавательной деятельности. Применение учебно-терминологического словаря в этом контексте способствует также формированию метакогнитивных умений – планированию, контролю и оценке собственного процесса усвоения учебного материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артюшкин С.* Систематизированный учебно-терминологический словарь в профессиональной подготовке специалиста в вузе [Эл. ресурс] // «Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова», № 2, 2015. Режим доступа: [https://cyberleninka.ru/article/n/sistematizirovannyy-uchebno-terminologicheskiy-slovar-v-professionalnoy-podgotovke-spetsialista-v-

vuze](https://cyberleninka.ru/article/n/sistematizirovannyy-uchebno-terminologicheskiy-slovar-v-professionalnoy-podgotovke-spetsialista-v-vuze) (дата обращения: 31.10.2025).
2. *Галкина Е. В.,* Применение когнитивных стратегий при обучении аудированию на уроках по иностранному языку [Эл. ресурс] // «Современные проблемы науки и образования», № 4, 2017. Режим доступа: [https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-kognitivnyh-strategiy-pri-obuchenii-audirovaniyu-na-urokah-po-inostrannomu-yazyku] (https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-kognitivnyh-strategiy-pri-obuchenii-audirovaniyu-na-urokah-po-inostrannomu-yazyku) (дата обращения: 31.10.2025).
3. *Киселева А.В.* Необходимость формирования терминологического словаря изучаемой дисциплины в профессиональном обучении // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании: материалы 26-й Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 20–21 апреля 2021г.). Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2021. Т. 1. СС. 41–43.

WORKING WITH AN EDUCATIONAL TERMINOLOGICAL DICTIONARY AS A COGNITIVE STRATEGY IN TEACHING PSYCHOLOGY

M. Mazmanyan, M. Shahverdyan

Vanadzor State University

ABSTRACT

In the context of dynamic changes within the modern educational environment, the use of cognitive strategies in higher education teaching acquires particular importance. The contemporary education system is aimed not only at the transmission of knowledge but also at developing students' ability for independent thinking, critical analysis, planning, and self-monitoring of their cognitive activity, as well as forming skills of self-organization and self-education. In this regard, the application of cognitive strategies serves as an effective means of improving the quality of education, fostering the development of metacognitive skills, and expanding opportunities for conscious and independent learning of educational material.

This article examines the use of a student academic terminology dictionary as one of the cognitive learning strategies. The paper describes the experience of implementing this method in teaching core professional courses for undergraduate psychology students. A survey aimed at obtaining feedback from students regarding the

appropriateness of using this cognitive strategy in psychology education has shown that working with an academic terminology dictionary can be viewed not only as an auxiliary didactic tool but also as an effective cognitive strategy. It is directed toward developing cognitive independence, learning awareness, and the ability to self-regulate cognitive activity. In this context, the use of an academic terminology dictionary also contributes to the formation of metacognitive skills — planning, monitoring, and evaluating one's own process of mastering educational material.

Keywords: terminological vocabulary, cognitive skills, metacognitive skills, cognitive activity, educational material.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-572-582

ՎԵՐԱՀՍԿՈՂՈՒԹՅԱՆ ԼՈԿՈՒՍԻ ԵՎ ԻՆՔՆԱԳՆԱՀԱՏԱԿԱՆԻ ԱԶԴԵՑՈՒԹՅՈՒՆԸ ՈՐՈՇՈՒՄՆԵՐԻ ԸՆԴՈՒՆՄԱՆ ՈՃԻ ՎՐԱ

Տ.Զ. Մալումյան , Ա.Կ. Ղանադյան, Լ.Ա. Մատինյան

Վանաձորի պետական համալսարան
malumyant@gmail.com, aghanadyan@inbox.ru, lilit.matinyan.2020@gmail.com

ԱՄՓՈՓԱԳԻՐ

Հոդվածում քննարկվում է երիտասարդների շրջանում որոշումների ընդունման ոճի վրա վերահսկողության լոկուսի և ինքնագնահատականի ազդեցությունը: Հոդվածի նպատակն է պարզել, թե ինչքանով են վերահսկողության լուկուսը և ինքնագնահատականը ազդում որոշումների ընդունման ոճի ընտրության վրա: Վերահսկողության լոկուսը և ինքնագնահատականը հանդիսանում են անձի կարևորագույն բնութագրեր և կարող են ազդել մարդու կյանքի տարբեր ոլորտների, այդ թվում նաև որոշումների ընդունման վրա: Հետազոտության շրջանակներում իրականացվել է երկգործոն դիսպերսիոն վերլուծության, որի արդյունքում պարզ է դարձել, որ վերահսկողության լոկուսը մեծապես ազդում է որոշումների ընդունման կախյալ և խուսափող ոճերի վրա: Ինքնագնահատականը առավել մեծ ազդեցություն ունի որոշումների ընդունման ռացիոնալ, ինտուիտիվ և խուսափող ոճերի վրա: Այս երկու գործոնների՝ ինքնագնահատականի և վերահսկողության լուկուսի ազդեցությունները համադրելու դեպքում կտեսնենք, որ նրանց համադրումը առավել ուժեղ ձևով ազդում է որոշումների ընդունման կախյալ ոճի վրա:

Հիմնաբառեր՝ վերահսկողության լոկուս, ինքնագնահատական, որոշումների ընդունման ոճ:

Ներածություն

Հոդվածի նպատակն է՝ պարզել, թե ինչքանով են վերահսկողության լուկուսը և ինքնագնահատականը ազդում որոշումների ընդունման ոճի ընտրության վրա: Աշխատանքի խնդիրներն են՝

1. Պարզել, թե վերահսկողության լոկուսը որոշումների ընդունման որ ոճերի վրա է առավելապես ազդում:

2. Պարզել, թե ինքնագնահատականը որոշումների ընդունման որ ոճերի վրա է առավելապես ազդում:

3. Պարզել, թե ինքնագնահատականը և վերահսկողության լոկուսը միասին որոշումների ընդունման որ ոճերի վրա են առավելապես ազդում:

Հետազոտության վարկածն է՝ ենթադրվում է, որ վերահսկողության լոկուսը և ինքնագնահատականը ազդում են որոշումների ընդունման ոճի վրա:

Հետազոտության ընթացքում ստացված արդյունքները ունեն մեծ կիրառական նշանակություն: Դրանք կարող են կիրառվել հատկապես կազմակերպչական և կառավարման հոգեբանության ոլորտներում աշխատակիցների աշխատանքային արդյունավետության հետ կապված հարցերում:

Հետազոտության նորույթը կայանում է նրանում, որ հոդվածում ուսումնասիրվել են միանգամից 2 կարևորագույն գործոնների՝ ինքնագնահատականի և վերահսկողության լոկուսի ազդեցությունները որոշումների ընդունման ոճի վրա, ինչպես առանձին, այնպես էլ միասին:

Վերահսկողության լոկուսը և ինքնագնահատականը պայմանավորում են մարդու ինքնավստահության աստիճանը որոշումների ընդունման ժամանակ, ինչպես նաև ազդում են որոշումների ընդունման գործընթացի էֆեկտիվության վրա: Վերահսկողության լոկուսը և ինքնագնահատականը այն կարևորագույն անձնային հատկություններից են, որոնք այս կամ այն չափով նպաստում են որոշումների ընդունման ոճի ընտրությանը:

Թեմային ավելի մանրամասն ծանոթանալու և հետազոտության առջև դրված նպատակը բավարարելու համար ուսումնասիրել ենք թեմայի վերաբերյալ առկա տեսական և փորձարարական գրականությունը և առանձնացրել առանցքային գաղափարները, որոնք շարադրված են ստորև:

Տեսական ուսումնասիրություն

«Վերահսկողության լոկուս» հասկացությունը հոգեբանության մեջ ներմուծվել է 20-րդ դարի 60-ականների կեսերին: Այս հասկացությունը նկարագրվում է որպես մարդու որոշակի ընդհանրացված գաղափար այն

մասին, թե որն է իր կյանքի իրադարձությունների պատճառը և ով է պատասխանատու դրանց համար [2]: Ինչպես նշված է «Հոգեբանական հասկացությունների համակարգի համառոտ բառարանում», վերահսկողության լոկուսը որակ է, որը բնութագրում է անձի հակվածությունը իր գործունեության արդյունքների պատասխանատվությունը վերագրելու արտաքին ուժերին կամ սեփական կարողություններին ու ջանքերին [5]:

Ինքնագնահատականը անձի ինքնագիտակցության կարևորագույն բաղադրիչներից մեկն է: Ինքնագնահատականը սեփական ֆիզիկական ուժերին ու առանձնահատկություններին, բնավորության և խառնվածքի գծերին, նպատակներին տրվող գիտակցված գնահատականն է: Անձի ինքնագնահատականը կարող է լինել адեկվատ կամ ոչ адեկվատ, ինչպես նաև պայմանականորեն առանձնացվում են բարձր, միջին և ցածր տեսակները: Ինքնագնահատականը լուրջ ազդեցություն է գործում մարդու վարքի և այլ անձանց հետ նրա փոխհարաբերությունների վրա [1]: Ինքնագնահատականը այն արժեքն է կամ նշանակությունը, որը անձը վերագրում է իրեն որպես ամբողջություն: Ինքնագնահատականը հանդես է գալիս որպես համեմատաբար կայուն կառուցվածքային կազմավորում, ինքնագիտակցության և ինքնաճանաչման բաղադրիչ: Ինքնագնահատականը, լինելով սոցիալապես պայմանավորված կազմավորում, իր զարգացման մեջ ենթադրում է որոշակի տարիքային դինամիկա [3]:

Որոշումների ընդունման գործընթացը շատ կարևոր է մարդու կյանքում: Որոշումների կայացման գործընթացը կախված է, ինչպես ներքին, այնպես էլ արտաքին գործոններից [4]: Ընդհանուր առմամբ, որոշումների կայացման գործընթացը իրենից ներկայացնում է հաջորդական քայլերից կազմված գործընթաց, որտեղ այդ քայլերն ուղղված են սահմանված նպատակին հասնելուն կամ պահանջմունքի բավարարմանը: Որոշում կայացնելիս պետք է հաշվի առնել պայմանները, որոնք կարող են ներառել սոցիալական առանձնահատկությունները, միջավայրը, անհատի պահանջմունքամոտիվացիոն ոլորտը [6]:

Մեթոդիկաների և ընտրակազմի նկարագրություն

Հետազոտության իրականացման համար օգտագործվել են 3 մեթոդիկաներ: Վերահսկողության լոկուսի ուսումնասիրության համար օգտա-

գործվել է Ջ. Ռոտտերի «Վերահսկողության լոկուսի սանդղակ» մեթոդիկան, որը բաղկացած է 29 զույգ հարցապնդումներից: Հետազոտվողի խնդիրն է ամեն զույգից ընտրել մեկը: Ինքնագնահատականի ուսումնասիրության համար օգտագործվել է Պ. Ռոբսոնի «Ինքնագնահատականի սանդղակ» մեթոդիկան: Այն բաղկացած է 30 հարցապնդումներից, որոնցից յուրաքանչյուրը պետք է գնահատել 0-ից մինչև 7 միավորներով, որտեղ 0-ն լիրվ անհամաձայնությունն է պնդման հետ, իսկ 7-ը լրիվ համաձայնությունը: Որոշումների ընդունման ոճերի ուսումնասիրության համար կիրառվել է Ս. Գ. Սքոթի և Ռ. Ա. Բրյուսի «Որոշումների ընդունման ընդհանուր ոճեր» մեթոդիկան Տ. Կորնիլովայի ադապտացմամբ: Մեթոդիկան բաղկացած է 25 հարցապնդումներից, որոնցից յուրաքանչյուրի համար առաջարկվում են պատասխանի հնարավոր 5 տարբերակներ, դրանք են՝ 1. համաձայն չեմ, 2. ավելի շուտ համաձայն չեմ, 3. ոչ մեկը, ոչ մյուսը, 4. ավելի շուտ համաձայն եմ և 5. համաձայն եմ տարբերակները:

Հետազոտությունն իրականացվել է 20-25 տարեկան 120 երիտասարդների հետ: Հետազոտվողների տարիքային խմբի առանձնացման համար որպես հիմք հանդիսացել է Է. Էրիքսոնի ստեղծած տարիքային բաժանումը, որի համաձայն 20-25 տարեկանը համապատասխանում է երիտասարդության տարիքին:

Էմպիրիկ հետազոտություն եվ արդյունքների վերլուծություն

Ստորև աղյուսակի տեսքով ներկայացված են փորձարարական հետազոտության միջոցով ստացված արդյունքները:

Աղյուսակ 1.

Վերահսկողություն լոկուսի ուսումնասիրության արդյունքներ

	Էքստերնալ	Ինտերնալ
Արդյունք	50%	50%

Ներկայացված աղյուսակից պարզ է դառնում, որ հետազոտվողների 50%-ը (60 հետազոտվող) ունի վերահսկողույան արտաքին լոկուս, իսկ

մյուս 50%-ը (60 հետազոտվող) վերահսկողության ներքին լոկուս: Վերահսկողության արտաքին լոկուս ունեցողները կամ էքստերնալներն ավելի լավ են տեղեկացված և ավելի ադեկվատ են գնահատում ինչպես իրենց հոգեբանական բնութագրերը, այնպես էլ ֆիզիկական առողջությունը: Էքստերնալներին բնորոշ գծերն են՝ տագնապայնությունը, կախվածությունը շրջապատի գնահատականից, հակվածությունը կոնֆորմիզմի, պատասխանատվությունից խուսափումը և այլն: Վերահսկողության ներքին լոկուս ունեցողները կամ ինտերնալները ունեն արտահայտված անկախություն, նրանք ցավոտ են արձագանքում մանիպուլյացիայի փորձերին, խուսափում են հարաբերությունների, հակամարտությունների պարզաբանումից, կենտրոնացած են իրենց կարողությունների իրացման վրա և առավելագույնս գիտակցում են իրենց ստեղծագործական ներուժը: Ինտերնալներին բնորոշ գծերն են՝ հուզական կայունությունը, բարոյական նորմերի կայունությունը, վստահելիությունը, կամքի ուժը և այլն:

Աղյուսակ 2.

Ինքնագնահատականի ուսումնասիրության արդյունքներ

	Բարձր	Միջին	Ցածր
Արդյունք	10,83%	57,5%	31,67%

Ներկայացված աղյուսակից պարզ է դառնում, որ հետազոտվողների 57,5%-ը (69 հետազոտվող) ունի միջին ինքնագնահատական, 31,67%-ը (38 հետազոտվող) ցածր ինքնագնահատական, իսկ 10,83%-ը (13 հետազոտվող) բարձր ինքնագնահատական: Ներկայումս գիտության շրջանակներում առանձնացնում ենք համարժեք և ոչ համարժեք ինքնագնահատականներ: Համարժեք ինքնագնահատականը համապատասխանում է միջին և միջինից փոքր-ինչ բարձր ցուցանիներին: Ոչ համարժեք ինքնագնահատականը լինում է չափազանց բարձր և չափազանց ցածր, որոնք համապատասխանում են բարձր և ցածր ցուցանիշներին: Համարժեք ինքնագնահատականը ճիշտ կերպով արտացոլում է անձի ընդունակությունները, գիտելիքները և որակները, ինչը տեղի չի ունենում ոչ համարժեք ինքնագնահատականի դեպքում:

Աղյուսակ 3.

Որոշումների ընդունման ոճերի ուսումնասիրության արդյունքներ

	Ռացիոնալ ոճ	Ինտուիտիվ ոճ	Կախյալ ոճ	Խուսափող ոճ	Սպոնտան ոճ
Միջինացված ցուցանիշներ	19,8	18,5	16,4	13,6	14,8

Աղյուսակում ներկայացված տվյալներից պարզ է դառնում, որ հետազոտվողների մոտ հիմնականում գերակայում է որոշումների ընդունման ռացիոնալ ոճը (19,8), այնուհետև ինտուիտիվ (18,5) և կախյալ (16,4) ոճերը համապատասխանաբար: Հետազոտվողների մոտ համեմատաբար ավելի թույլ են դրսևորված որոշումների ընդունման խուսափող (13,6) և սպոնտան ոճերը (14,8): Որոշումների ընդունման ռացիոնալ ոճը հիմնվում է վերլուծական և տրամաբանական մտածողության վրա, ինտուիտիվ ոճը հիմնվում է մարդու ներքին զգացողությունների և ինտուիցիայի վրա, իսկ կախյալ ոճի համար հիմք են հանդիսանում հարազատների, բարեկամների, շրջապատի մարդկանց և հեղինակություն վայելող անձանց կարծիքները: Որոշումների ընդունման խուսափող ոճի համար հիմք են հանդիսանում պատասխանատվությունից և ընտրությունից խուսափելու ցանկությունը, իսկ սպոնտան ոճի համար հիմք են հանդիսանում պահի ազդեցությունը և արագ ու իմպուլսիվ ընտրությունը:

Երկգործոն դիսպերսիոն վերլուծության արդյունքում ստացված տվյալների համաձայն վերահսկողության լոկուսի ազդեցությունը առավել մեծ է որոշումների ընդունման խուսափող (SS=131.882) և կախյալ (SS=70.988) ոճերի վրա: Այս երկու դեպքում էլ F փոփոխականի արժեքը բավականին մեծ է համապատասխան գործոնի դեպքում գրանցված F կրիտիկականի արժեքից (խուսափող ոճի դեպքում F=5.7715, կախյալ ոճի դեպքում F=4.4234), որը խոսում է այն մասին, որ անկախ փոփոխականը ազդում է որոշումների ընդունման նշված ոճերի վրա: Հարկավոր է նշել նաև, որ խուսափող և կախյալ ոճերի դեպքում P-ի արժեքը փոքր է 0.05-ից:

Աղյուսակ 4.

Երկգործոն դիսպերսիոն վերլուծության արդյունքներ

	Կախյալ փոփոխականի մակարդակներ	Քառակուսինեերի գումարը (SS)	Ազատության աստիճաններ (df)	Միջին քառակուսի (MS)	F ստատիստիկա	P
Վեր. լոկ.	Ռացիոնալ	35,871	1	35,871	2,3797	0,126
	Ինտուիտիվ	38,486	1	38,486	2,7145	0,102
	Կախյալ	70,988	1	70,988	4,4234	0,038
	Խուսափող	131,882	1	131,882	5,7715	0,018
	Սպոնտան	0,99	1	0,99	0,0435	0,835
Ինքնագն.	Ռացիոնալ	108,348	2	54,174	3,5939	0,031
	Ինտուիտիվ	92,197	2	46,099	3,2514	0,042
	Կախյալ	56,031	2	28,015	1,7457	0,179
	Խուսափող	338,579	2	169,29	7,4086	<0,001
	Սպոնտան	49,18	2	24,59	1,0799	0,343
Վեր. լոկ. և ինքնագն.	Ռացիոնալ	70,576	2	35,288	2,341	0,101
	Ինտուիտիվ	1,491	2	0,745	0,0526	0,949
	Կախյալ	143,068	2	71,534	4,4574	0,014
	Խուսափող	63,172	2	31,586	1,3823	0,255
	Սպոնտան	20,39	2	10,195	0,4477	0,64

✓ A գործոնի (վերահսկողության լոկուս) դեպքում F կրիտիկական=3,9243

- ✓ B գործոնի (ինքնագնահատական) դեպքում F կրիտիկական=3,0759
- ✓ A×B գործոնների (վերահսկողության լոկուս × ինքնագնահատական) դեպքում F կրիտիկական=3,0759

P-ի արժեքի փոքր լինելը խոսում է այն մասին, որ ստացված տվյալները չեն կարող պատահական լինել և որ անկախ փոփոխականի ազդեցությունը կախյալ փոփոխականի վրա վիճակագրորեն նշանակալի է: Ստացված արդյունքներից տեսնում ենք, որ ինքնագնահատականի ազդեցությունը առավել մեծ է որոշումների ընդունման խուսափող (SS=338.579), ռացիոնալ (SS=108.348) և ինտուիտիվ (SS=92.197) ոճերի վրա: F փոփոխականի արժեքը այս 3 ոճերի դեպքում էլ բավականին մեծ է F կրիտիկականի արժեքից (խուսափող ոճի դեպքում F=7.4086, ռացիոնալ ոճի դեպքում F=3.5939, ինտուիտիվ ոճի դեպքում F=3.2514): F փոփոխականի ստացված արժեքները խոսում են ինքնագնահատականի զգալի ազդեցության մասին որոշումների ընդունման նշված ոճերի վրա: Նշված 3 ցուցանիշների դեպքում էլ P փոփոխականի արժեքը փոքր է 0.05-ից, որը խոսում է այն մասին, որ ստացված ցուցանիշները չեն կարող պատահական լինել կամ այլ կերպ ասած դրանց պատահական լինելու հավանականությունը չնչին է: Մենք առանձին դիտարկեցինք մեր կողմից ընտրված երկու անխախ փոփոխականներից յուրաքանչյուրի՝ վերահսկողության լոկուսի և ինքնագնահատականի ազդեցությունը որոշումների ընդունման ոճերի վրա, իսկ հիմա անցնենք այս երկու փոփոխականների համատեղ ազդեցության քննարկմանը որոշումների ընդունման ոճերի վրա: Արդյունքների համաձայն վերահսկողության լոկուսի և ինքնագնահատականի, որպես երկու անկախ փոփոխականների համադրման դեպքում դրանց ազդեցությունը բավականին մեծ է որոշումների ընդունման կախյալ ոճի վրա (SS=143.068), հետևաբար նաև մեծ է F փոփոխականի արժեքը (F=4.4574): P փոփոխականը այս դեպքում ցուցաբերում է բավականին փոքր արժեք, որը խոսում է անկախ փոփոխականների ազդեցության մասին որոշումների ընդունման կախյալ ոճի վրա: Ինչը վերաբերվում է ազատության աստիճաններին (df), պետք է նշենք, որ դրանք տվյալ դեպքում կախված են անկախ փոփոխականների ունեցած մակարդակներից, որոնք վերահսկողության լոկուսի դեպքում երկուսն են, իսկ ինքնագնահատականի դեպքում երեքը: Միջին

քառակուսին (MS) ստանում ենք քառակուսիների գումարը (SS) բաժանելով ազատության աստիճանների թվին (df): Միջին քառակուսին (MS) ցույց է տալիս տվյալների միջին վարիացիան, որը կարող է բացատրվել անկախ փոփոխականի ազդեցությամբ: Մեր կողմից իրականացված հետազոտության արդյունքները թույլ են տալիս հաստատել մեր կողմից առաջ քաշված վարկածը

Եզրակացություն

Այսպիսով, հիմնվելով արդյունքների վերլուծության ընթացքում ստացված տվյալների վրա կարող ենք հաստատել մեր կողմից առաջ քաշված վարկածը և ասել, որ վերահսկողության լոկուսը և ինքնագնահատականը ազդում են որոշումների ընդունման ոճի վրա: Այդ ազդեցությունը երևում է ինչպես գործոնների առանձին դիտարկման դեպքում, այնպես էլ դրանց համադրությունը դիտարկելու դեպքում: Վերահսկողության լոկուսի ազդեցությունը հատկապես մեծ է որոշումների ընդունման խուսափող և կախյալ ոճերի վրա: Ինքնագնահատականը առավելագույնս ազդում է խուսափող, ռացիոնալ և ինտուիտիվ ոճերի վրա: Այս երկու գործոնների համադրման դեպքում տեսնում ենք, որ իր վրա առավելագույն ազդեցությունը կրում է որոշումների ընդունման կախյալ ոճը: Հիմնվելով մեր կողմից ստացված տվյալների վրա կարող ենք եզրակացնել, որ վերահսկողության լոկուսը և ինքնագնահատականը հանդիսանում են անձի այն կարևորագույն բնութագրերից, որոնք նպաստում և ազդում են որոշումների ընդունման առավել արդյունավետ ոճերի ընտրության վրա:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Նալչաջյան Ա.Ա.* Հոգեբանական բառարան (240 էջ). Եր., «Լույս» հրատարակչություն, 1984.
2. *Бажин Е.Ф., Голынкина Е.И., Эткинд А.М.* Опросник уровня субъективного контроля. М.: «Смысл», 1993, 16с.
3. *Кропачева М.Н.* Развитие самооценки как компонента самоотношения младших школьников с задержкой психического развития) // «Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика», № 14 (2), 2008. СС. 190–195.

4. *Лаврова Н.А.* Психологические особенности принятия решений: влияние контекста // «Педагогика и психология образования». М., 2011. СС. 99–104.
5. *Платонов К.К.* Краткий словарь системы психологических понятий. М.: «Высшая школа», 2004, 175с.
6. *Сунцова Я.С., Мешков И.Ю.* Феномены выбора и принятия решения в психологической науке // «Вестник Удмуртского университета», № 32 (4), 2022. СС. 395–404.

ВЛИЯНИЕ ЛОКУСА КОНТРОЛЯ И САМООЦЕНКИ НА СТИЛЬ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Т.З. Малумян, А.К. Ганадян, Л.А. Матинян

Ванадзорский государственный университет

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается влияние локуса контроля и самооценки на стиль принятия решений среди молодежи. Цель статьи – определить степень влияния локуса контроля и самооценки на выбор стиля принятия решений. Локус контроля и самооценка являются важными характеристиками личности и могут влиять на различные аспекты жизни человека, включая принятие решений. В рамках исследования был проведен многомерный дисперсионный анализ, который показал, что локус контроля существенно влияет на зависимые и избегающие стили принятия решений. Самооценка оказывает наибольшее влияние на рациональный, интуитивный и избегающий стили принятия решений. Объединяя влияние этих двух факторов (самооценки и локуса контроля), мы видим, что их сочетание оказывает наибольшее влияние на зависимый стиль принятия решений.

Ключевые слова: локус контроля, самооценка, стиль принятия решений.

THE INFLUENCE OF THE LOCUS OF CONTROL AND SELF ESTEEM ON THE STYLE OF DECISION MAKING

T. Malumyan, A. Ghanadyan, L. Matinyan

Vanadzor State University

ABSTRACT

This study investigates the impact of locus of control and self-esteem on the decision-making styles of young individuals. The central aim is to determine the extent to which these two psychological factors influence the selection of specific decision-making approaches. Both locus of control and self-esteem are core personality constructs that play a critical role in shaping behavior across various domains of life, including cognitive and emotional processes involved in decision-making. A multifactorial analysis of variance (ANOVA) was conducted as part of the research methodology. The results reveal that locus of control significantly influences the adoption of dependent and avoidant decision-making styles. Self-esteem, on the other hand, exhibits a stronger predictive relationship with rational, intuitive, and avoidant styles. Importantly, the interaction between locus of control and self-esteem demonstrated the greatest effect on the dependent decision-making style.

Keywords: locus of control, self-esteem, decision-making style.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-583-595

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА СЕМЕЙНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Е.С. Мартинкевич

ФГБОУ ВО «Херсонский технический университет»
Кафедра психологии и социологии
arinasolomatina1@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу семейного взаимодействия как многоуровневого процесса, включающего разнообразные отношения между членами семьи, основанные на совместной деятельности, общении и выполнении социальных, эмоциональных и психологических функций. Подчеркивается роль коммуникации, адаптации и баланса между стабильностью и изменениями для устойчивости семьи. Статья интегрирует отечественные и зарубежные исследования, подчеркивая системность и социальное конструирование семейной реальности.

Ключевые слова: семейное взаимодействие, системный подход, ролевые ожидания, семейные роли, межпоколенная передача.

Введение

Семейное взаимодействие представляет собой сложный процесс, который включает в себя разнообразные отношения между членами семьи, основанные на их совместной деятельности, общении и выполнении различных социальных и эмоциональных функций. Как отмечает В.П. Соловьев, семейные отношения можно разделить на семь типов: социально-биологические, хозяйственно-экономические, юридические, нравственные, психологические, педагогические и эстетические [19, с. 5]. Эти типы характеризуют разные аспекты семейной жизни и отражают ее многоуровневую структуру.

Социально-биологические отношения охватывают вопросы половозрастной структуры семьи, численности ее членов, рождаемости и гигиены. Эти аспекты создают основу для физического и демографического благополучия семьи. Хозяйственно-экономические отношения включают веде-

ние домашнего хозяйства, распределение обязанностей и управление семейным бюджетом, что обеспечивает устойчивость и стабильность семейной системы.

Юридические отношения касаются правового регулирования брака и развода, а также личных и имущественных прав супругов. Они играют важную роль в формировании правовых основ взаимодействия членов семьи. Нравственные отношения акцентируют внимание на таких аспектах, как любовь, долг и воспитание нравственных ценностей, создавая базу для духовного развития семьи.

Психологические отношения формируются на уровне межличностного взаимодействия, которое включает совместимость, психологический климат и развитие личности ребенка. Педагогические отношения определяют выполнение воспитательных функций семьи, способствуя обучению детей необходимым социальным навыкам и нормам. Эстетические отношения направлены на развитие эстетического вкуса и культуры, включая оформление жилья, стиль поведения и использование достижений искусства.

Структура семейного взаимодействия включает три основные сферы: хозяйственно-экономическую, нравственно-психологическую и интимную. Эти сферы наиболее существенно определяют существование и стабильность семьи, а также создают условия для воспитания детей.

В рамках современной психологии семья рассматривается как сложная система, функционирование которой обусловлено множеством внутренних и внешних факторов. Один из ключевых подходов к изучению семьи основан на системном мышлении, которое, по мнению К. Людевига, отвергает линейную причинность и редукционизм, рассматривая семью как совокупность элементов и их взаимосвязей [13, с. 170]. Это позволяет учитывать как внутреннюю логику развития семейной системы, так и влияние внешней среды.

В.В. Родь отмечает, что семейное взаимодействие представляет собой шаблоны общения и поведения между членами семьи, которые определяют их отношения и роли внутри семейной системы. Эти взаимодействия зависят от личных качеств, культурных традиций и общественных норм. Семейное общение связано с совместным формированием идентичности, ролей и моделей взаимодействия, что подчеркивает значимость коммуникации в формировании семейной динамики [21].

По мнению О.В. Рыбаковой ожидания ролей в браке являются центральным элементом, определяющим динамику взаимодействий между суп-

ругами. Ролевое поведение супругов формируется как сочетание ролевых ожиданий и ролевых притязаний, что обеспечивает реализацию функций семьи [22, с. 87].

А.П. Малыгина и Д.В. Иванов, акцентируют внимание на том, что ролевые ожидания включают установки на активное выполнение партнером определенных семейных обязанностей, будь то материальное обеспечение, воспитание детей или поддержание психологического климата в семье. Важно, чтобы ожидания партнеров соответствовали их ролевым притязаниям, поскольку такая согласованность определяет ролевую адекватность в браке [14, с. 390].

И.Н. Трошкина и В.Н. Тугужекова рассматривают, что на ролевые ожидания влияют несколько факторов: прошлый опыт, качество родительского брака, социальное окружение, а также ценностные ориентации супругов [25]. А.Г. Харчев и М.С. Мацковский приводят пример, где супруги, для которых важны профессиональные амбиции, как правило, ожидают от партнера большей гибкости в распределении обязанностей [27, с. 46].

Современные исследования показывают, что традиционная полоролевая система распределения обязанностей претерпевает изменения. В «двухкарьерных» браках, где оба супруга активно занимаются профессиональной деятельностью, наблюдается неопределенность нормативных ожиданий. А.И. Тащева и Л.Е. Киреева подчеркивают, что супруги адаптируются к новым условиям, разделяя обязанности в зависимости от обстоятельств, что позволяет избегать ролевых конфликтов [23, с. 44].

Несоответствие ожиданий между супругами может стать причиной стресса и напряжения в браке. О.В. Рыбакова приводит пример о том, что в семьях, где распределение ролей строго традиционно, уровень удовлетворенности браком ниже, чем в парах с более гибкими моделями взаимодействия [22, с. 88]. А.К. Берсирова обращает внимание на то, удовлетворенность браком часто связана с совпадением представлений супругов о значимости различных ролей [2, с. 75].

Г.С. Кожухарь выделяет, что в системной парадигме семья анализируется на нескольких уровнях: индивидуальном, микросистемном, макросистемном и мегасистемном. Каждый из этих уровней характеризуется специфическими показателями, включая структурные, процессуальные и исторические параметры. Например, микросистемный уровень описывает взаимодействия внутри нуклеарной семьи, включая семейные роли, иерар-

хию и сплоченность, в то время как макросистемный уровень охватывает взаимоотношения между поколениями и характер их взаимодействия [11, с. 150].

Дж. Готтман считает, что одним из ключевых принципов системного подхода является холизм – понимание семьи как целостной структуры, в которой изменение одного элемента неизбежно влияет на всю систему. Это подтверждается исследованиями, показывающими, что динамическое равновесие в семье предполагает постоянное взаимодействие тенденций к стабильности (гомеостаз) и изменениям (развитие) [8, с. 170]. В частности, важным становится учет процессов адаптации семейной системы к кризисам, будь то экономические, социальные или личные проблемы.

Структурные параметры – такие, как границы, роли и иерархия, играют важную роль в описании семейной системы. В свою очередь, процессуальные параметры отражают текущие изменения в семье, включая коммуникацию и соблюдение семейных ритуалов. Исторические параметры, например, семейные мифы и сценарии, описывают длительные изменения, происходящие в рамках нескольких поколений [8, с. 173].

Наиболее сложным аспектом изучения семьи как системы является необходимость учета ее открытости. Это означает, что семья постоянно взаимодействует с окружающим социальным окружением, что делает невозможным анализ семьи без учета влияния внешних факторов, таких как культурные и экономические условия [8, с. 172].

Семейное взаимодействие представляет собой сложный процесс, который охватывает отношения между членами семьи, направленные на выполнение ими своих социальных, эмоциональных и психологических ролей. Т.В. Андреева делает вывод, о том, что в рамках системного подхода семья рассматривается как единая система, в которой все элементы взаимосвязаны и образуют целостную структуру [1, с. 13]. Это означает, что изменения в одной части семейной системы неизбежно отражаются на всех остальных ее компонентах.

Основной характеристикой семейного взаимодействия является его системность. Как отмечает М. Боуэн, семья представляет собой эмоциональное «поле», где взаимодействие членов происходит на разных уровнях, включая чувственный и поведенческий. Он подчеркивает, что корни многих проблем семейного взаимодействия кроются в нарушении эмоциональной системы, что делает невозможным поддержание оптимальной атмосферы в семье [24, с. 3].

Теория семейных систем М. Боуэна представляет собой одну из ключевых концепций современной семейной психотерапии. Она была разработана между 1963 и 1967 годами и основана на системном подходе к анализу семьи как единой эмоциональной системы. Согласно М. Боуэну, семья функционирует как взаимосвязанная структура, где поведение одного члена влияет на остальных. Его теория включает восемь основных концепций, каждая из которых раскрывает уникальные аспекты семейного взаимодействия [24, с. 103].

Дифференциация «Я» отражает способность индивида сохранять баланс между эмоциональным и интеллектуальным функционированием. Чем ниже уровень дифференциации, тем больше человек подвержен влиянию эмоций, что может приводить к импульсивному поведению и повышенной зависимости от окружающих. М. Боуэн утверждал, что высокий уровень дифференциации позволяет человеку лучше справляться со стрессовыми ситуациями и избегать конфликтов в семейной системе.

Триангуляция описывает процесс, при котором для снижения эмоционального напряжения между двумя членами семьи в их отношения вовлекается третий. Это может быть другой член семьи, объект или ситуация. М. Боуэн подчеркивал, что триангуляция временно снижает уровень тревожности, но не устраняет проблему, а лишь переводит ее на новый уровень [24, с. 205].

Эта концепция основывается на идее, что семья как эмоциональная система стремится к равновесию, отмечает Е.А. Контылева. Однако в «слитных» семьях, где члены излишне эмоционально зависимы друг от друга, равновесие может быть нарушено. Такие семьи подвержены повышенной нестабильности, что требует особых стратегий для поддержания функциональности [12, с. 203].

Н.И. Олифирович акцентирует внимание на том, то семейная проекция описывает процесс, при котором родители передают свои эмоциональные проблемы или ожидания на одного из детей. Это может привести к снижению уровня дифференциации у ребенка, что затрудняет его развитие и автономию [17, с. 170]. Дети, вовлеченные в этот процесс, часто испытывают сложности с отделением от семьи и построением независимых отношений.

Межпоколенная передача объясняет, как низкий уровень дифференциации передается от поколения к поколению, усиливая эмоциональную зависимость и конфликтность в семейной системе. Этот процесс особенно

заметен в семьях, где дети воспроизводят эмоциональные паттерны своих родителей.

Эта концепция подчеркивает, что порядок рождения в семье может влиять на динамику взаимодействия между партнерами. Например, старшие дети склонны брать на себя ответственность, в то время как младшие могут занимать более пассивную позицию. Эти паттерны могут продолжаться во взрослой жизни и влиять на выбор партнера.

Социумная регрессия описывает снижение уровня дифференциации в обществе в периоды кризиса. М. Боуэн отмечал, что такие процессы приводят к росту конфликтов и усиливают тенденции к слиянию в семьях, что снижает их устойчивость [24, с. 204].

Эмоциональная функция семейного взаимодействия заключается в создании благоприятной атмосферы, которая обеспечивает уважение, признание и поддержку. В семьях, где данная функция нарушена, члены часто сталкиваются с трудностями в выражении эмоций и поддержании взаимопонимания. А.А. Бибикова замечает, что такие дисфункции могут усугубляться повышенным уровнем тревожности, который передается от одного члена семьи к другому, создавая «заразительный» эффект [3, с. 15].

Системный подход также подчеркивает важность понимания семейных ролей, границ и механизмов взаимодействия. Границы определяют, насколько семья открыта или закрыта для внешних влияний. При этом стабильность семейной системы достигается за счет гибкости и способности адаптироваться к изменениям.

Таким образом, семейное взаимодействие – это многоуровневый процесс, в основе которого лежат системные принципы. Его успешность зависит от способности семьи поддерживать баланс между стабильностью и изменениями, эмоциональной близостью и автономией.

Социальное конструирование реальности является ключевым подходом в изучении семейных отношений. Этот методологический подход раскрывает семью как микросоциальную систему, развивающуюся под воздействием социальных, экономических и культурных факторов. К.В. Вишневская и Ю.М. Гришаева отмечают, что основной целью социального конструирования является создание условий, способствующих оптимальному развитию семьи и ее интеграции в общество [5, с. 23].

Символический интеракционизм как подход к изучению семьи акцентирует внимание на том, как значения, которые члены семьи придают своим действиям, формируют их роли и взаимодействия. Л.А. Турчин и

Т.Г. Шатюк говорят о том, что, основываясь на этой теории, можно выделить три ключевых аспекта, которые помогают раскрыть динамику семейных отношений [26].

Семейные роли, такие как «лидер», «опекун» или «поддерживающий», формируются через взаимодействие и коммуникацию внутри семьи. Этот процесс включает в себя обмен языковыми символами, которые помогают каждому члену осознать свои обязанности и место в семейной структуре. По мнению А.Н. Волковой и Т.М. Трапезниковой, в рамках символического интеракционизма важным считается осознание каждым членом семьи своей роли как части единой системы, что способствует сплоченности и гармонии [6, с.113].

Ф.М. Осипов уделяет внимание коммуникации, которая играет центральную роль в формировании семейных символов и смыслов. В ходе общения члены семьи обмениваются не только информацией, но и эмоциональными посылами, которые укрепляют взаимные связи. Именно через коммуникацию формируются общие ценности и представления, позволяющие семье функционировать как единое целое [18, с. 203].

Роли в семье не остаются статичными; они меняются в зависимости от обстоятельств и этапов жизненного цикла. У.Н. Раимжанова приводит пример, где роль родителя может измениться с возрастом ребенка, а роль супругов может трансформироваться в зависимости от изменений в их профессиональной или социальной жизни. Эта гибкость позволяет семье адаптироваться к новым условиям, сохраняя при этом свою целостность [20, с. 42].

Теория межгрупповой коммуникации рассматривает взаимодействие между членами семьи как процесс, формирующийся под влиянием социальных идентичностей, ролей и культурных особенностей. Основные идеи теории включают создание ролей, ключевую роль общения и изменчивость ролей в зависимости от обстоятельств.

Роли в семье формируются через взаимодействие и коммуникацию между ее членами. Согласно В.Н. Настенко, процесс формирования ролей основан на адаптации членов группы к ожиданиям и ценностям, преобладающим в их окружении [16, с. 260]. Например, роль «лидера» в семье может возникать в результате последовательного подтверждения действий и решений, принимаемых одним из ее членов.

Семья создает символы и смыслы через процесс общения. В.Н. Настенко подчеркивает, что коммуникация позволяет членам семьи обмениваться не только информацией, но и ценностями, эмоциональными

сигналами и культурными нормами. Это способствует укреплению семейных связей и созданию общей идентичности [16, с. 261]. Более того, через общение происходит адаптация к культурным и личным особенностям каждого члена, что делает взаимодействие более эффективным.

Динамика ролей обусловлена внутренними и внешними контекстами общения, включая временные рамки и условия взаимодействия [16, с. 262]. Например, роль родителя может трансформироваться с взрослением детей, что требует новых подходов к воспитанию и взаимодействию.

Теория привязанности Джона Боулби предлагает фундаментальный взгляд на то, как ранние детско-родительские отношения формируют основу для будущих романтических связей и брака. По мнению Дж. Боулби, привязанность является ключевым фактором, определяющим, как человек взаимодействует с партнерами во взрослом возрасте [4, с. 96].

Дж. Боулби выделяет четыре основных типа привязанности: надежный, тревожно-устойчивый, тревожно-избегающий и дезорганизующий. Надежный тип привязанности формируется у детей, которые получают достаточно любви и поддержки от родителей. Такие люди во взрослом возрасте способны доверять партнерам, открыто выражать свои чувства и эффективно справляться с конфликтами. Они легко идут на компромиссы и строят крепкие семейные отношения.

В отличие от этого, тревожно-устойчивый тип привязанности связан с ощущением неуверенности и страха потери. Люди с таким типом привязанности стремятся к близости, но одновременно испытывают сильное беспокойство относительно надежности партнера. Это может приводить к зависимому поведению и потребности в постоянном подтверждении любви.

Тревожно-избегающий тип характеризуется стремлением к эмоциональной независимости и нежеланием сближаться с другими. Такие люди часто избегают глубоких отношений, считая их обременительными. В браке это может выражаться в эмоциональной холодности и затруднении в выражении чувств.

Дезорганизующий тип привязанности развивается в условиях деструктивного воспитания, например, при жестоком обращении или манипуляции. Люди с этим типом привязанности демонстрируют противоречивое поведение: они одновременно стремятся к близости и избегают ее, что может создавать значительные трудности в брачных отношениях [4, с. 97].

Исследования, проведенные в разных культурах, показывают, что привязанность формируется под влиянием социальных и культурных особенностей. Например, японские матери поощряют тесный физический и эмоциональный контакт со своими детьми, что приводит к формированию привязанности, ориентированной на взаимозависимость. Это отличается от американского подхода, где акцент делается на развитие автономии ребенка [4, с. 98].

А.В. Гришина и А.Н. Прудник делают вывод о том, что экологический подход в семейной социологии предлагает рассматривать семью как экосистему, в которой взаимодействие между ее членами и окружающей средой играет ключевую роль. Такой подход позволяет глубже понять, как различные элементы внешней среды влияют на структуру и функционирование семьи [9, с. 73].

Семья, согласно экологической теории, состоит из подсистем, каждая из которых выполняет определенные функции и адаптируется к внешним изменениям. Например, взаимодействие в семье включает не только внутренние аспекты, но и реакцию на внешние вызовы, такие как социально-экономические изменения или культурные трансформации [9, с. 76].

Рефлексивное взаимодействие в контексте семейной экосистемы подразумевает постоянное влияние среды на членов семьи и их обратное воздействие на окружение. Этот процесс обеспечивает баланс и адаптацию к изменениям. В своей статье я привожу пример, где изменение экономических условий семьи может стимулировать перераспределение ролей между ее членами для сохранения устойчивости [15, с. 266].

Адаптация семейных подсистем к изменениям внешней среды является необходимым условием для ее выживания. Е.А. Володарская и Л.В. Бухаренко замечают, что включение новых членов в семью, переезд в другую культурную среду или изменение экономической ситуации требуют изменений в поведении и распределении обязанностей внутри семьи. Это позволяет поддерживать гармонию и стабильность в отношениях [7, с. 65].

Теория привязанности Дж.Боулби подчеркивает важность ранних детско-родительских отношений для формирования моделей поведения в браке. Люди с надежным типом привязанности, как правило, строят более устойчивые брачные отношения, тогда как другие типы могут стать причиной конфликтов и нестабильности. Однако, как отмечается в исследованиях, тип привязанности не является неизменным. Развивая осознанность и

навыки эмоциональной регуляции, человек может улучшить свои взаимоотношения [24, с. 98].

Теория привязанности Дж. Боулби предоставляет важный инструмент для понимания того, как ранние отношения формируют поведение в браке. Она подчеркивает необходимость работы над собой для создания гармоничных и устойчивых брачных отношений. Важно продолжать исследования в этой области, чтобы разрабатывать эффективные стратегии для коррекции привязанности и улучшения качества семейной жизни.

Семья как система взаимодействующих элементов подвержена различным внутренним и внешним воздействиям, которые могут порождать конфликты. Важность этого аспекта в контексте конфликтологии заключается в том, что семейные конфликты часто имеют глубокие психологические и социальные корни, что требует специализированных подходов к их разрешению.

Одним из основных теоретических подходов к пониманию семейных конфликтов является системная теория. Семья рассматривается как замкнутая система, где каждый член играет свою роль, и изменения в одном элементе могут влиять на весь механизм. Системный подход был развит такими учеными, как Мюррей Боуэн и Вирджиния Сатир, которые рассматривали семью как сложную динамическую систему, в которой важно учитывать как индивидуальные, так и общесемейные аспекты [24, с. 250]. Семейные конфликты, согласно системной теории, не являются случайными, а являются результатом дисфункций в системе взаимодействий между членами семьи.

Конфликтология, как раздел психологии и социологии, изучает конфликты и методы их разрешения. В контексте семейных отношений конфликты могут быть вызваны множеством факторов, включая различия в ценностях, целях, эмоциональных потребностях и ролях, выполняемых членами семьи. Е.А. Данилова говорит, что важное значение в семейных конфликтах имеет их динамика: конфликты могут накапливаться и перерастать в хронические, что угрожает стабильности семейных отношений [10, с.15].

Основной целью конфликтологии в рамках семейной системы является поиск путей разрешения конфликтов, которые сохраняли бы целостность и гармонию семейных отношений. Здесь на первый план выходят методы коммуникации и переговоров, развитие эмпатии и взаимопонимания. Психологическая работа с конфликтами внутри семьи направлена на улучше-

ние взаимодействия и укрепление эмоциональной связи между членами семьи.

Теория привязанности Джона Боулби также оказывает влияние на понимание семейных конфликтов. Привязанность между родителями и детьми, а также между супругами, является важным фактором, определяющим, как семья будет реагировать на внешние и внутренние стрессы. Негативные типы привязанности, такие как тревожно-устойчивый или тревожно-избегающий, могут значительно усложнять процесс разрешения семейных конфликтов, так как эти типы привязанности связаны с высоким уровнем тревожности и нестабильностью в отношениях [4, с. 96].

Родители, чьи дети развивают неблагоприятные типы привязанности, могут столкнуться с трудностями в установлении доверительных отношений, что приводит к усугублению конфликта. В случае тревожно-устойчивых или дезорганизующих типов привязанности взрослые могут испытывать проблемы с выражением своих эмоций, что приводит к непониманию и увеличению конфликта в отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Т.В.* Психология современной семьи. СПб.: «Речь», 2005, 215с.
2. *Берсирова А.К.* Ролевые отношения в семье: характеристика представлений юношей и девушек в период матримониального выбора // «Инновационная наука: Психология, Педагогика, Дефектология», 2023. СС. 70–77.
3. *Бибикова А.А*. Семья как система и ее возможные дисфункции // Социально-психологические проблемы современной семьи: ценность материнства и детства: сб. материалов X Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых с междунар. Участием. Армавир. 30 сент. 2022г. СС. 12–16.
4. *Боулби Дж.* Привязанность. М.: «Гардарики», 2003, 477с.
5. *Вишневская К.В., Гришаева Ю.М.* К вопросу об экологическом подходе в семейной социологии: теоретический и социальный контекст развития // “Artium Magister”, № 3. 2022. СС. 22–25.
6. *Волкова А.Н., Трапезникова Т.М.* Методические приемы диагностики супружеских отношений // «Вопросы психологии», № 5. 2007. СС. 110–116.
7. *Володарская Е.А., Бухаренко Л.В*. Социально-психологические факторы удовлетворенности супругов межличностными отношениями в браке // «Человеческий капитал», № 5 (137). 2020. СС. 60–70.
8. *Готтман Дж*. 7 принципов счастливого брака. М.: ОДРИ, 2020, 352с.

9. *Гришина А.В., Прудник А.Н.* Уровень удовлетворенности брачно-семейными отношениями во взаимосвязи со спецификой ценностно-смысловой сферы супружеских пар // «Инновационная наука: Психология, Педагогика, Дефектология», № 2, 2022. СС. 70–83.
10. *Данилова Е.А.* Психология семьи и семейное консультирование: учеб.-метод. пособие. Ижевск, 2022, 68с.
11. *Кожухарь Г.С.* Качество межличностных отношений и удовлетворенность браком молодых людей // «Социальная психология и общество», Т. 12. № 1. 2021. СС. 143–161.
12. *Контылева Е.А.* Удовлетворенность браком и профессиональной самореализацией у современных мужчин и женщин // «Современные научные исследования и инновации», № 5, 2017. СС. 200–205.
13. *Людевиг К*. Системная терапия: основы клинической теории и практики М.: VERTE, 2004, 280с.
14. *Малыгина А.П., Иванов Д.В.* Взаимосвязь ролевых ожиданий и притязаний супругов с удовлетворенностью браком // «Бюллетень науки и практики», № 12, 2020. СС. 386–392.
15. *Мартинкевич Е.С.* Факторы удовлетворенности браком в семьях с разным стажем супружеских отношений // Современная наука: вызовы, перспективы и возможности: тезисы докл. I Всерос. науч. студ. конф. ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2024. С. 266.
16. *Настенко В.Н.* Теории межкультурных коммуникаций: разнообразие и применение // Молодежь и системная модернизация страны: сб. науч. ст. 4-й Междунар. науч. конф. студентов и молодых ученых. Курск. Юго-Западный гос. ун-т, 2019. СС. 260–263.
17. *Олифирович Н.И.* Принципы и уровни анализа семейных систем // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. № 15–2. 2015. СС. 167–174.
18. *Осипов Ф.М.* Теория семейных систем Мюррея Боуэна // Труды международного симпозиума «Надежность и качество», Т. 1, 2024. СС. 203–204.
19. Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы. М.: МГУ, 2020, 240с.
20. *Раимжанова У.Н.* Теории семьи и современные тенденции семейных отношений в обществе // «Социология и право», № 4 (46), 2019. СС. 40–44.
21. *Родь В.В.* Взаимосвязь эмоциональной близости между супругами и удовлетворенностью браком // «Методология современной психологии», № 16, 2022. СС. 292–300.
22. *Рыбакова О.В*. Влияние выбора ролевого поведения на взаимодействие супругов в ситуации семейного конфликта // Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения: сб. ст. по итогам Междунар.

науч.-практ. конф. Стерлитамак, 24 нояб. 2021г. СС. 87–89.
23. *Тащева А.И., Киреева Л.Е.* Ролевое поведение супругов «двухкарьерного» брака // «Российский психологический журнал», № , 2011. СС. 44–53.
24. Теория семейных систем Мюррея Боуэна / Под ред. К. Бейкер, А.Я. Варга. М.: «Когито-Центр», 2005, 496с.
25. *Трошкина И.Н., Тугужекова В.Н.* Основные направления современных научных исследований семьи (на примере Республики Хакасия) // «Социодинамика», № 12, 2019. СС. 51–64.
26. *Турчин Л.А., Шатюк Т.Г.* Половые особенности ролевых ожиданий и притязаний у молодых супругов // Молодежь и государство: науч.-методол., соц.-пед. и психол. аспекты развития современного образования. Тверь. Тверской гос. ун-т.2022. СС. 140–145.
27. *Харчев А.Г., Мацковский М.С.* Современная семья и ее проблемы // М.: «Статистика», 1978, 200с.

CONCEPT AND STRUCTURE OF FAMILY INTERACTION

E. Martinkevich

FGVU «Kherson Technical University»
Department of psychology and sociology

ABSTRACT

The article focuses on the analysis of family interaction as a multi-level process, including diverse relationships between family members based on joint activities, communication and social, emotional and psychological functions. Emphasizes the role of communication, adaptation and balance between stability and change for family resilience. The article integrates domestic and foreign research, emphasizing the systemic and social construction of family reality.

Keywords: Family interaction, system approach, role expectations, family roles, intergenerational transfer.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-596-606

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ

А.Р. Мурадян, Л.А. Арутюнян

Институт международных отношений и общественно политических наук
Кафедра психологии
armine_43@mail.ru , lyubharut@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются психологические факторы, определяющие склонность подростков к виктимному поведению. Исследование направлено на изучение личностных и социально-психологических особенностей, способствующих формированию уязвимости в поведении и взаимодействии со средой. Особое внимание уделяется роли инфантильности, эмоциональной незрелости и низкого уровня волевой регуляции как внутренним предпосылкам дезадаптации. Важным аспектом анализа является соотношение личностной зрелости и способности к конструктивному преодолению трудных жизненных ситуаций. Отдельно рассматриваются характеристики социальной адаптации, самопринятия и уровня внутреннего контроля как психологических механизмов, связанных с проявлениями ведомости, агрессивности, а также склонностью к зависимому и самоповреждающему поведению. Представленные материалы могут быть полезны при разработке профилактических программ, направленных на формирование психологической устойчивости и повышение уровня адаптации у подростков.

Ключевые слова: виктимность, дезадаптивность, инфантилизм, девиантное поведение, ведомость.

Введение

Актуальность. Проблема виктимного поведения подростков приобретает особую значимость в современных условиях, поскольку именно в этом возрасте формируются ключевые личностные и социально-психологические механизмы, определяющие способность защищать свои границы, противостоять рисковым ситуациям и выстраивать безопасное взаимо-

действие с окружающими. Исследователи отмечают, что подростковая уязвимость усиливается под влиянием таких факторов, как эмоциональная незрелость, зависимость от внешних оценок, недостаточность рефлексии и слабость волевой регуляции. Эти особенности создают благоприятную почву для формирования различных типов виктимного поведения – от зависимого и пассивного до агрессивного и самоповреждающего [2; 3].

Современные исследования подчеркивают многокомпонентный характер виктимности, связывая ее не только с индивидуальными чертами, но и с особенностями межличностных отношений, уровнем социальной адаптации и способностью подростка ориентироваться в сложных ситуациях [1; 4]. В условиях социальной нестабильности, информационной перегрузки и возросшего давления со стороны сверстников подростки нередко сталкиваются с повышенными требованиями к эмоциональной устойчивости и самостоятельности, что при наличии личностных дефицитов может приводить к развитию виктимных стратегий поведения.

Определение психологических факторов, способствующих возникновению виктимности, имеет важное практическое значение. Понимание роли инфантильности, уровня самопринятия, внутреннего контроля и особенностей девиантного поведения позволяет глубже раскрыть механизмы формирования уязвимости и определить ключевые направления профилактической работы с подростками. Это особенно актуально в связи с возрастающей потребностью образовательных и социально-психологических служб в научно обоснованных подходах к поддержке подростков, находящихся в зоне риска.

Объект исследования: личностные особенности и поведение подростков в процессе социальной адаптации.

Предмет исследования: психологические факторы, включая особенности инфантильности и социальной адаптации, способствующие формированию виктимного поведения у подростков.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть социальные и психологические факторы, влияющие на состояние и поведение подростков.

2. Выделить психологические отличительные особенности подростков, склонных к виктимному поведению.

3. Провести эмпирическое исследование с использованием четырех методик, осуществить сравнительный и корреляционный анализ полученных результатов.

Цель исследования: выявление взаимосвязи между уровнем виктимности, личностными особенностями и показателями социальной адаптации подростков.

Гипотезы исследования:

- **Генеральная гипотеза** – существует взаимосвязь между склонностью к виктимному поведению и уровнем инфантилизма у подростков.
- **Гипотеза № 1** – существует взаимосвязь между социально-психологической адаптацией и склонностью к виктимному поведению у подростков.
- **Гипотеза № 2** – существует взаимосвязь между склонностью к девиантному поведению и склонностью к виктимному поведению у подростков.

Использованные методики: Методика исследования склонности к виктимному поведению О.О. Андронниковой, методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) А.Н. Орел, «Уровень инфантилизма» А.А. Серегиной, методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд в адаптации А.К. Осницкого (опросник СПА).

Теоретическая значимость заключается в обобщении теоретических данных и углублении знаний о взаимосвязи личностных особенностей, инфантильности и социальной адаптации подростков, склонных к виктимному поведению.

Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов для совершенствования профилактической и коррекционной работы с подростками, проявляющими склонность к виктимному и девиантному поведению.

Обработка результатов

Для исследования были использованы четыре методики: опросник О.О. Андронниковой для оценки склонности к виктимному поведению, методика А.Н. Орел для выявления склонности к отклоняющемуся поведению, методика «Уровень инфантилизма» А.А. Серегиной, а также опросник социально-психологической адаптации Роджерса–Даймонд в адаптации А.К. Осницкого. Каждая методика включает ряд шкал, отражающих особенности виктимности, девиантности, инфантильности и адаптации под-

ростков, что обеспечило последующее проведение сравнительного и корреляционного анализа. В исследовании приняло участие 25 подростков – 14 мальчиков и 11 девочек. Средний возраст респондентов составил 16 лет.

Методика исследования склонности к виктимному поведению О.О. Андронниковой

Здесь представлены обобщенные результаты по семи шкалам методики, полученные на общей выборке из 25 подростков. Все показатели отражают средние арифметические значения (Рис. 1).

Рисунок 1. Данные методики исследования склонности к виктимному поведению О.О. Андронниковой.

Наиболее высокие значения были получены по шкале гиперсоциального виктимного поведения (7,6), что указывает на выраженную склонность к инициативному, социально одобряемому реагированию в потенциально конфликтных ситуациях. Показатели по шкале зависимого и беспомощного поведения также оказались повышенными (6,5), отражая наличие пассивных стратегий и ролевой установки жертвы. Средние значения по шкале самоповреждающего поведения составили 5,5, по некритичному – 5,0, что соответствует умеренной выраженности активного и некритичного типов виктимного поведения. Реализованная виктимность получила среднее значение 4,7, а склонность к агрессивному виктимному поведению – 4,3, что свидетельствует о менее выраженных тенденциях данных моде-

лей по сравнению с другими шкалами. Показатель социальной желательности ответов составил 4,1.

Итоговые значения демонстрируют неоднородный профиль виктимного поведения, включающий как инициативные, так и пассивные формы реагирования.

Полученная картина может быть связана с сочетанием повышенной готовности подростков вмешиваться в социальные ситуации и, одновременно, выраженной потребностью в поддержке, осторожности и избегании прямых конфликтов.

Методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд в адаптации А.К. Осницкого

Методика предназначена для оценки особенностей социально-психологической адаптации подростков и связанных с ней личностных характеристик. Ниже представлены средние значения по интегральным показателям (Рис. 2), а также результаты факторного анализа и контрольных шкал (Рис. 3).

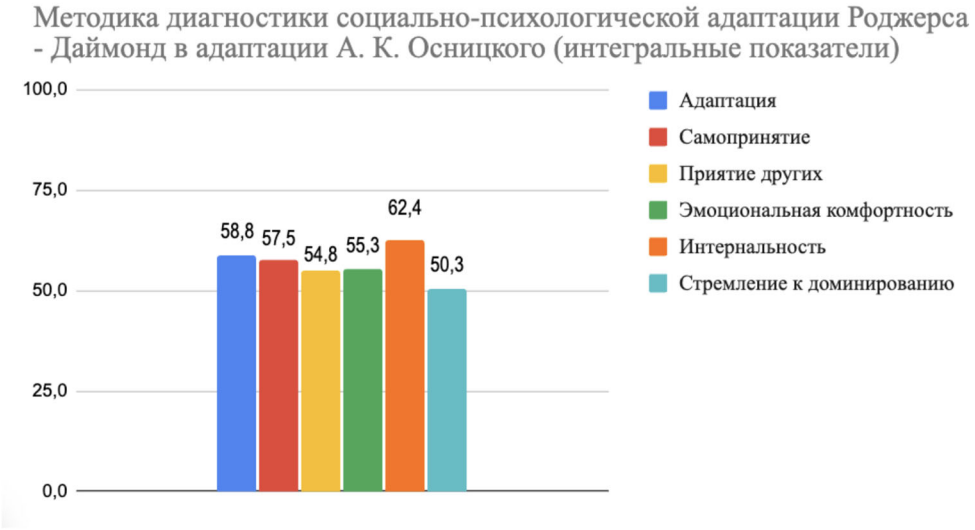

Рисунок 2. Методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд в адаптации А.К. Осницкого (интегральные показатели).

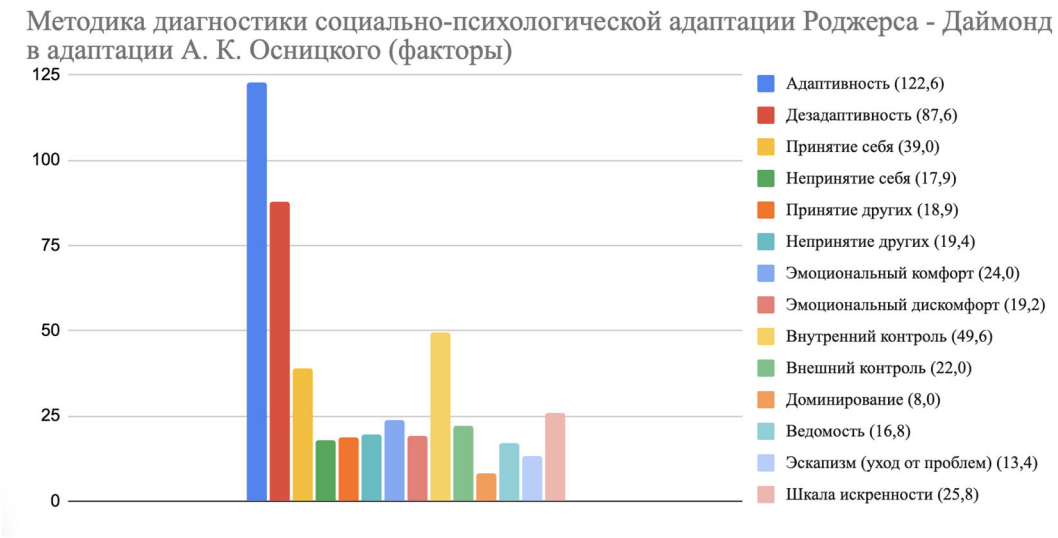

Рисунок 3. Методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд в адаптации А.К. Осницкого (факторы).

Интегральные показатели у подростков в целом находятся в пределах зоны неопределенности: адаптация составила 58,8, самопринятие – 57,5, принятие других – 54,8, эмоциональная комфортность – 55,3. Эти значения отражают промежуточный уровень психологической устойчивости, при котором адаптационные механизмы работают непоследовательно. Показатель интернальности оказался выше порога зоны неопределенности (62,4), что может говорить о выраженной склонности подростков приписывать ответственность за происходящее собственным решениям. Стремление к доминированию (50,3) держится в средней зоне и не выражено как устойчиво высокое.

В факторной части методики адаптивность получила значение 122,6, что соответствует среднему уровню, а дезадаптивность – 87,6, также располагаясь в средней зоне. Принятие себя (39,0) и принятие других (18,9) находятся на нижней границе среднего диапазона, что может указывать на неустойчивое самоотношение и осторожность в межличностных контактах. Показатели эмоционального комфорта (24,0) и эмоционального дискомфорта (19,2) находятся на среднем уровне, что подтверждает неоднородность эмоционального фона подростков. Внутренний контроль (49,6) выражен умеренно и сочетается с невысокими показателями внешнего контроля (22,0), что может указывать на частичное ощущение ответственности при

сохранении зависимости от внешних обстоятельств. Показатели доминирования (8,0) и ведомости (16,8) также близки к средним значениям, а выраженность эскапизма (13,4) лежит в средней зоне и может отражать склонность некоторых подростков уйти от решения проблем при повышенной эмоциональной нагрузке. Шкала искренности (25,8) указывает на достоверность полученных данных.

В совокупности профиль результатов демонстрирует средний, неоднородный уровень адаптации: возможно, подростки сталкиваются с противоречивыми требованиями среды, имеют неустойчивую самооценку и повышенную эмоциональную чувствительность, что может приводить к колебаниям между самостоятельностью и потребностью в поддержке.

Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) А.Н. Орел

Направлена на диагностику склонности подростков к отклоняющемуся поведению, измеряя готовность к различным девиантным действиям. Данные респондентов представлены на Рис. 4.

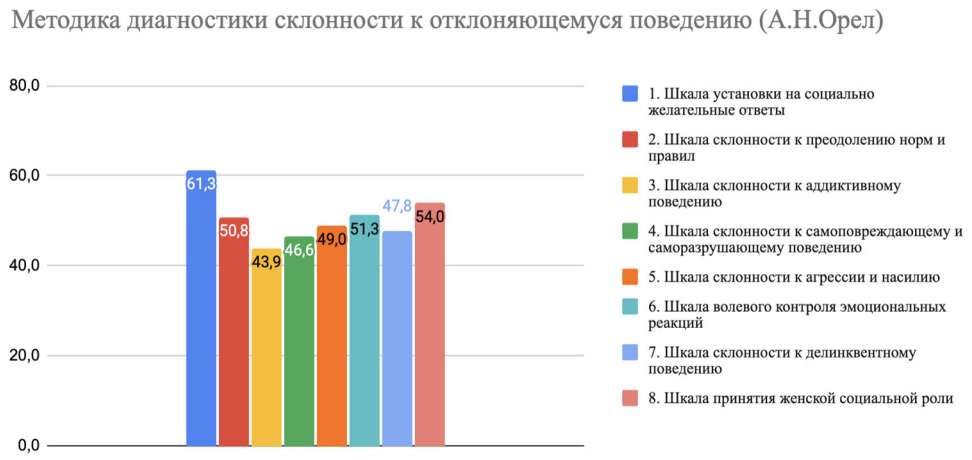

Рисунок 4. Данные методики А. Н. Орел диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП).

По всем шкалам методики значения находятся в пределах нормы (50–59 Т-баллов), за исключением шкалы социальной желательности, которая получила повышенный показатель (61,3). Это может отражать стремле-

ние части подростков демонстрировать социально одобряемый образ. Показатели по шкале преодоления норм и правил (50,8), аддиктивных тенденций (43,9), самоповреждающего поведения (46,6), агрессии (49,0), делинквентности (47,8) и волевого контроля эмоциональных реакций (51,3) находятся в среднем диапазоне и не выходят за пределы нормативных значений.

В целом профиль отражает умеренную выраженность различных поведенческих тенденций без ярко выраженных отклонений; возможно, такие результаты связаны с общей ситуативной нестабильностью подросткового возраста и стремлением сохранять социально приемлемые формы поведения.

Методика «Уровень инфантилизма» (А.А. Серегина)

Методика «Уровень инфантилизма» А.А. Серегиной применялась для оценки выраженности инфантильных черт личности у подростков; результаты представлены на Рис. 5.

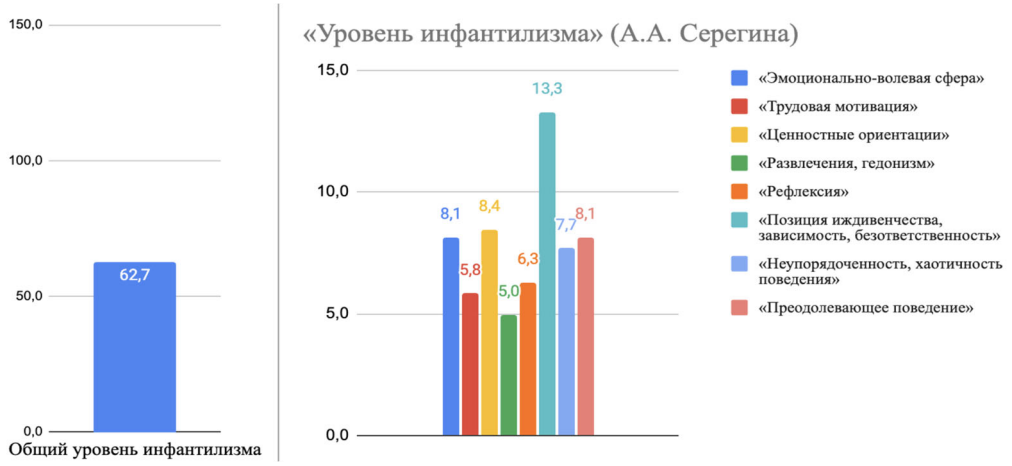

Рисунок 5. Данные методики «Уровень инфантилизма» (А.А. Серегина).

Общий показатель инфантилизма составил 62,7 балла, что соответствует уровню средне инфантильной личности в заданных нормах. Наиболее выраженными оказались позиция иждивенчества, зависимости и безответственности (13,3 из 16 возможных баллов), а также неупорядоченность и хаотичность поведения (7,7 из 15), что может указывать на потребность в опоре на других и затруднения в самостоятельной организации деятельнос-

ти. Показатели по эмоционально-волевой сфере, трудовой мотивации, ценностным ориентациям, ориентации на развлечения и рефлексии находятся в среднем диапазоне. В целом можно предположить, что у части подростков сохраняется зависимая позиция и недостаточная структурированность поведения при относительно умеренной выраженности других компонентов инфантильности.

Для вычисления корреляции была использована базовая функция программы Microsoft Excel. Ниже приложены таблицы корреляций (Табл. 1, 2, 3, 4).

Таблица 1.

		Методика исследования склонности к виктимному поведению					
		Агрессивное п.	Склонность к самоповр-му п.	Склонность к гиперсоц-му п.	Склонность к завис. и бесп. п.	Склонность к некритичному п.	Реализованная виктимность
Методика «Уровень инфантилизма»	«Эмоционально-волевая сфера»	0,4	0,6	0,5	0,4	0,4	0,2
	«Трудовая мотивация»	0,2	0,3	0,3	-0,2	0,2	-0,1
	«Ценностные ориентации»	0,8	0,7	0,1	0,0	0,6	0,3
	«Развлечения, гедонизм»	0,8	0,8	-0,1	0,0	0,4	0,5
	«Рефлексия»	0,9	0,9	0,1	0,3	0,8	0,5
	«Позиция иждивенчества, зависимость, безответств»	0,6	0,5	0,0	0,8	0,7	0,7
	«Неупорядоченность, хаотичность поведения»	0,7	0,6	0,2	0,3	0,8	0,4
	«Преодолевающее поведение»	0,4	0,5	0,2	0,2	0,3	0,2
	Общий уровень инфантилизма	0,9	0,9	0,2	0,3	0,8	0,5

Таблица 2.

		Методика исследования склонности к виктимному поведению					
		Агрессивное п.	Склонность к самоповр-му п.	Склонность к гиперсоц-му п.	Склонность к завис. и бесп. п.	Склонность к некритичному п.	Реализованная виктимность
Методика диагностики социально-психологической адаптации	ИП адаптации	-0,8	-0,9	-0,1	-0,6	-0,8	-0,7
	ИП самопринятия	-0,8	-0,9	-0,1	-0,4	-0,6	-0,6
	ИП принятия других	-0,8	-0,9	-0,2	-0,2	-0,7	-0,4
	ИП эмоциональной комфортности	0,6	0,6	-0,4	0,1	0,1	0,3
	ИП интернальности	-0,7	-0,8	0,0	-0,7	-0,8	-0,7
	ИП стремления к доминированию	0,1	0,0	0,5	-0,4	-0,3	-0,6
	Адаптивность	-0,8	-0,8	-0,3	-0,1	-0,6	-0,3
	Дезадаптивность	0,6	0,7	0,0	0,7	0,8	0,8
	Принятие себя	-0,9	-0,9	0,1	-0,4	-0,6	-0,6
	Непринятие себя	0,4	0,7	0,2	0,3	0,4	0,4
	Принятие других	-0,6	-0,6	-0,3	0,4	-0,3	0,1
	Непринятие других	0,6	0,7	0,1	0,5	0,7	0,5
	Эмоциональный комфорт	0,7	0,7	-0,2	0,4	0,7	0,6
	Эмоциональный дискомфорт	0,2	0,2	0,2	0,4	0,8	0,3
	Внутренний контроль	-0,7	-0,6	-0,3	-0,2	-0,6	-0,3
	Внешний контроль	0,6	0,7	0,0	0,8	0,7	0,7
	Доминирование	0,7	0,8	0,2	0,1	0,4	0,2
	Ведомость	0,2	0,3	-0,4	0,4	0,4	0,7
	Эскапизм	-0,3	-0,2	-0,5	0,2	0,0	0,5

Таблица 3.

		Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению					
		Преодоление норм и правил	Скл. к аддиктивному поведению	Скл. к самоповр. и самораз. пов.	Скл. к агрессии и насилию	Волевой контроль эм. реакций	Склонность к делинквент. пов.
Методика исследования склонности к виктимному поведению	Агрессивное поведение	-0,4	-0,2	-0,3	-0,2	0,0	0,0
	Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	-0,4	-0,3	-0,4	-0,3	0,0	0,0
	Склонность к гиперсоциальному поведению	0,1	0,2	0,1	0,3	0,2	0,3
	Склонность к зависимому и беспомощному поведению	-0,3	-0,2	-0,3	-0,2	-0,1	-0,1
	Склонность к некритичному поведению	-0,3	-0,1	-0,3	0,0	0,2	0,2
	Реализованная виктимность	-0,5	-0,3	-0,4	-0,3	-0,1	-0,2

Корреляционный анализ показал выраженные связи между виктимным поведением и уровнем инфантилизма: наиболее высокие коэффициенты отмечены для агрессивного, самоповреждающего, некритичного и зависимого типов виктимности (r=0,8–0,9). Наибольший вклад в эти связи вносят такие компоненты инфантильности, как слабая рефлексия, гедонистическая ориентация, позиция иждивенчества и неупорядоченность поведения, что подтверждает ***генеральную гипотезу***.

Показатели социально-психологической адаптации имеют преимущественно отрицательные корреляции с виктимностью (r=–0,6…–0,9): более низкое самопринятие, принятие других, эмоциональный комфорт и адаптивность связаны с более высокой уязвимостью. Это согласуется с ***гипотезой № 1***.

Связи между девиантностью и виктимностью выражены слабее и в основном отрицательны (r=–0,1…–0,5), что указывает на различие направленности этих форм поведения; таким образом, ***гипотеза № 2*** подтверждается частично.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бобровская А.А.* Виктимность как форма девиантного поведения: критический подход // Виктимность и виктимологическая профилактика: Материалы круглого стола по дисциплине «Психология отклоняющегося поведения». Тверь: Твер. гос. ун-т. 2019. СС. 7–10.

2. *Малкина-Пых И.Г.* Психология поведения жертвы. М.: «Эксмо», 2006. 1008 с.: ил. (Справочник практического психолога).
3. *Одинцова М.А.* Многоликость «жертвы», или немного о великой манипуляции // «Флинта»: НОУ ВПО «МПСИ», 2010.
4. *Сахаутдинова Н.Н.* Виктимность как предпосылка проявления буллинга у подростков // «Теория и практика современной науки», № 6 (48). 2019. СС. 627–630.
5. *Шпаковская Е.Ю., Токарь О.В.* Социально-психологические особенности подростков, склонных к виктимному поведению // «Мир науки. Педагогика и психология», № 1, 2025. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-osobennosti-podrostkov-sklonnyh-k-viktimnomu-povedeniyu (дата обращения: 26.11.2025).

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF THE EMERGENCE OF VICTIM BEHAVIOR IN ADOLESCENTS

A. Muradyan, L. Harutyunyan

ABSTRACT

This article explores the psychological factors underlying adolescents' predisposition to victim behavior. The study focuses on identifying personal and socio-psychological characteristics that contribute to behavioral vulnerability and difficulties in interaction with the social environment. Particular attention is given to infantilism, emotional immaturity, and low volitional regulation as internal prerequisites for maladaptation. An important aspect of the analysis concerns the relationship between personal maturity and the ability to cope constructively with challenging life situations. The paper also examines social adaptation, self-acceptance, and the level of internal control as psychological mechanisms associated with submissiveness, aggressiveness, and tendencies toward dependent or self-destructive behavior. The theoretical and empirical framework of the study allows victimization to be viewed not as an isolated phenomenon, but as the outcome of the interaction between personal deficits and the social environment. The findings may be useful for developing preventive programs aimed at strengthening adolescents' psychological resilience and enhancing their adaptive functioning.

Keywords: victimization, maladaptation, infantilism, deviant behavior, submissiveness.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-607-620

МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И КОНЦЕПЦИИ

В.Х. Мирзоян

Ванадзорский государственный университет
mirzoyan900@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Креативность является важнейшим компонентом современного общества, поскольку именно она лежит в основе инновационных процессов, способствует решению сложных задач и развитию новых подходов в различных областях человеческой деятельности. В условиях быстро меняющегося мира, глобализации и технологических изменений способность генерировать новые идеи и адаптировать существующие концепции становится необходимым навыком как для отдельных личностей, так и для организаций.

Актуальность изучения креативности обусловлена необходимостью более глубокого понимания механизмов и условий развития креативности, так как она является важным компонентом интеллектуального и личностного развития личности. Анализ моделей позволит лучше понять природу креативности, ее роль в жизни, в учебе и в работе человека. Изучение динамики креативности и факторов, которые способствуют или, наоборот, препятствуют ее развитию, откроет возможности для улучшения способности людей создавать инновационные идеи и эффективно решать сложные задачи.

Целью исследования является теоретическое обоснование и разработка авторской интегративной трехэтапной модели развития креативности личности. Научная новизна исследования заключается в создании интегративной трехуровневой модели креативности, объединяющей когнитивно-подготовительный, эвристико-интуитивный и реализационно-социальный уровни в единую динамическую систему.

Ключевые слова: креативность, модели креативности, инсайт, конвергентное и дивергентное мышление.

Введение

История изучения креативности как психологического феномена началась во второй половине XXв. Большую роль в ее изучении сыграли

Д.П. Гилфорд, П. Торренс, А. Маслоу, Д. Фелдман, М. Боден, К. Роджерс, Ф. Баррон М.А. Холодная, Е.Е. Туник и другие.

Понятие «креативность» (от лат. “creatio” – созидание) рассматривается как способность привносить нечто новое в опыт (Ф. Баррон), способность порождать оригинальные идеи в условиях разрешения и постановки новых проблем (М. Валлах), способность осознавать пробелы и противоречия, а также формулировать гипотезы относительно недостающих элементов ситуации (Е. Торренс), способность отказываться от стереотипных способов мышления (Дж. Гилфорд), спонтанное проявление внесознательно регулируемых процессов (А.В. Либин), способность получать ценные результаты нестандартным способом (Х. Гейвин), способность обнаруживать новые способы решения проблем и новые способы выражения (К. Роджерс, 1994), потребность в исследовательской деятельности (В.Н. Козленко, 1990) [1].

Креативное мышление помогает справляться с неожиданными трудностями, позволяет находить решения там, где традиционные подходы оказываются бессильными. Это – способность комбинировать противоположные или кажущиеся несовместимыми идеи [3].

Суммируя вышепредставленные определения, можно сделать вывод, что креативность – сложный, многогранный феномен, который проявляется в умении генерировать новые идеи, создавать нечто новое и неповторимое, находить нестандартные решения в проблемных ситуациях.

Для более глубокого понимания феномена креативности целесообразно рассмотреть основные концепции и модели, раскрывающие механизмы ее развития. Существующие модели креативности условно можно разделить на 4 основные группы:

1. классические модели;
2. многоуровневые и типологические модели;
3. системные и контекстуальные модели;
4. интегративные и авторские модели.

Классическими моделями креативности являются структурированная модель Грэма Уоллеса, ассоциативная модель Д.П. Гилфорда, Торренсова модель оценки креативности и трехкомпонентная модель Терезы Амабай.

Одна из первых моделей креативности была предложена Грэмом Уоллесом в 1926г. Уоллес выделяет четыре фазы креативной деятельности:

1) *подготовк*а: на этом этапе происходит сбор информации, формулировка задачи, планирование ее выполнения;

2) *инкубация*: отстранение от задачи, во время которого не совершается прямых усилий для решения проблемы: в это время в сфере бессознательного происходят непроизвольные ментальные процессы, дается возможность работать бессознательным процессам;

3) *озарение* – появление интуитивного решения зачастую в совершенно случайной ситуации;

4) *проверка* правильности возникших решений и их реализация [6].

Грэм Уоллес рассматривает креативность как поэтапный процесс, акцентируя внимание на его последовательной структуре. Он подчеркивает, что создание нового не является мгновенным или спонтанным актом – оно требует времени и включает в себя как сознательные, так и бессознательные ментальные процессы. О роли бессознательного в креативности отмечали также Медник, Н. Дружинин, К. Юнг, П. Ленгли и Р. Джонс [1].

Возвращаясь к модели Грэма Уоллеса, следует также отметить важную роль интуитивных процессов и феномена инсайта. Именно в фазе озарения, по его мнению, происходит внезапное интуитивное осознание решения, которое является результатом как предшествующей сознательной работы, так и бессознательной переработки информации.

Ассоциативная модель креативности, разработанная Д.П. Гилфордом, рассматривает креативность как результат дивергентного мышления. Хотя конвергентное мышление не менее важно для креативности. Конвергентное мышление – способность рассуждать логически и решать задачи с единственно верным ответом. Дивергентное – нестандартный взгляд на ситуацию и умение придумать множество решений для одной и той же проблемы. Он выделил четыре основных параметра креативности:

1) оригинальность – способность продуцировать отдаленные ассоциации, необычные ответы;

2) семантическая гибкость – способность выявить основное свойство объекта и предложить новый способ его использования;

3) образная адаптивная гибкость – способность изменить форму стимула таким образом, чтобы увидеть в нем новые признаки и возможности для использования;

4) семантическая спонтанная гибкость – способность продуцировать разнообразные идеи в нерегламентированной ситуации [5].

Э. Торренс утверждал, что креативность состоит из нескольких компонентов, которые можно измерить. Эти компоненты включают:

- оригинальность – способность генерировать уникальные идеи;
- гибкость – способность мыслить в разных направлениях и находить различные решения;
- развернутость – способность развивать идеи и добавлять к ним детали;
- идеи, соответствующие цели – способность предлагать идеи, которые решают поставленные задачи [5].

Как и Гилфорд, Э. Торренс акцентировал внимание на роли когнитивных компонентов в структуре креативности, что позволяет заключить: развитие когнитивных способностей является важным условием формирования и совершенствования креативного потенциала личности.

Тереза Амабай представила креативность как совокупность трех компонентов.

1. *Компетентность* (технические, методические и общие знания). Чем обширнее знания сотрудника, тем больше у него интеллектуальных возможностей для исследования и решения проблем.

2. *Умение творчески мыслить*. Эта способность, зависящая от конкретных свойств личности, определяет степень гибкости и нестандартности подхода к решению задач.

3. *Мотивация*. Компетентность и навыки творческого мышления – это предпосылки творческого подхода; воплощение же его в жизнь обуславливает мотивация [2].

Из данной модели можно заключить, что для реализации творческого потенциала недостаточно лишь наличие когнитивных навыков. Ключевым условием становится внутренняя мотивация, которая направляет и активизирует креативную активность. К вопросу мотивации в модели креативности М. Чиксентмихайи мы обратимся ниже.

Многоуровневыми и типологическими моделями являются модель «4 С» Кауфмана и Бегетто и модель Хартмана.

В 2009г. Джеймс К. Кауфман и Рональд Бегетто представили свою модель творчества, «четырехмерную». Модель креативности «4 С» состоит из 4 уровней:

- mini-C («трансформационное обучение», включающее «личностно-значимые интерпретации переживаний, действий и прозрений»),

- little-C (повседневное решение проблем и творческое выражение),
- Pro-C (профессиональная или профессионально-творческая реализация, не обязательно выдающаяся),
- Big-C (серьезное открытие в определенной области, чаще всего значимость которого трудно недооценить) [7].

Модель «4 С» подчеркивает, что творчество не ограничивается только великими открытиями, а включает в себя широкий спектр проявлений, от личных инсайтов до профессиональных и общественно значимых достижений. Это позволяет рассматривать творчество как динамичный процесс, развивающийся на разных уровнях и в разных контекстах жизни. Схожую модель в 2014г. разработал Грегори С. Хартман. Данная модель также состоит из 4 уровней креативности.

1. *Конвергентная креативность* (“Convergent Creativity”) – это способность человека находить один или несколько правильных ответов на поставленный вопрос или задачу. Это уровень, на котором человек использует уже имеющиеся знания и навыки для решения проблемы.

2. *Дивергентная креативность* (“Divergent Creativity”) – это способность создавать множество различных идей или решений для одной и той же проблемы. Это уровень, где человек использует свой творческий потенциал и воображение для создания новых идей.

3. *Конвергентно-дивергентная* (“Converge-Diverge”) креативность – это способность объединять два или более уровня креативности для создания более сложных и оригинальных идей. Это – уровень, который требует от человека умения использовать свои знания и навыки в сочетании с творческим мышлением.

4. *Трансцендентная креативность* (“Transcendent Creativity”) – это уровень, на котором человек выходит за рамки обычных идей и концепций, создавая новые и неожиданные решения для проблем. Это – высший уровень креативности, который требует от человека способности к творческому мышлению и интуиции [8].

Если сравнить модель «4 С» и модель типов креативного мышления Хартмана, то можно рассматривать их как взаимодополняющие.

- На уровне mini-C чаще всего проявляется дивергентное мышление, когда человек впервые формирует личностно значимые идеи или открытия.
- Little-C включает как дивергентную, так и конвергентную креативность – например, в решении бытовых задач.

- На уровне Pro-C требуется комбинированный тип мышления (diverge-converge) – специалист должен не только придумывать идеи, но и оценивать их применимость.
- Big-C часто связано с трансцендентной креативностью, когда гениальные идеи выходят за рамки существующего мышления и создают качественно новое.

К системным и контекстуальным подходам относятся модель креативности, которая была создана М. Чиксентмихайи, модели по Стернбергу и Любарту, а также модель Вудмана и Шенфельдта.

Системную модель креативности М. Чиксентмихайи составляют три элемента:

- домен (культуры), состоящий из набора символических правил и процедур;
- поле, которое включает в себя всех людей, выступающих в роли привратников домена, эти эксперты распознают и утверждают инновации, решают, может ли быть принята новая идея или продукт, решают, какие новые произведения искусства должны быть признаны, сохранены и запомнены;
- индивидуум (личности), который, используя символы данной области, выдвигает новую идею или видит новый образец, он привносит новизну в символическую область. Его или ее мысли или действия изменяют область или создают новую область.

Чиксентмихайи центральным элементом считал мотивацию. По его мнению, именно внутренняя мотивация служит движущей силой креативности. Он и его коллеги обнаружили, что люди с внутренней мотивацией чаще ориентируются на достижение целей и любят решать задачи, что приводит к повышению общего уровня счастья [9].

По Стернбергу и Любарту (“Sternberg & Lubart”, 1995), для креативности необходимо шесть типов ресурсов. Это те аспекты интеллекта, знаний, когнитивных стилей, личности, мотивации и среды, которые обеспечивают физическую и социальную стимуляцию, помогающую порождать и разрабатывать идеи [2].

В отличие от многих других моделей, которые сосредоточены преимущественно на индивидуальных характеристиках, модель Стернберга и Любарта акцентирует внимание на влиянии среды и ценностей, что позволяет лучше понять, как социокультурные и организационные условия могут способствовать или препятствовать проявлению креативности.

Вудман и Шенфельдт (“Woodman & Schoenfeldt”, 1990) выдвигают идею, что креативность является результатом сложного взаимодействия трех главных компонентов: антецедентов, индивидуальных характеристик и характеристик ситуации. Под антецедентами понимаются предшествующие условия, влияющие на текущее состояние человека, ситуации и их взаимодействия. Индивидуальные характеристики включают способности и когнитивные стили, личностные черты и аттитюды, ценности и мотивацию. Характеристики ситуации включают социальные воздействия (вознаграждения, социальные оценки и пр.) и контекстуальные воздействия (физическое окружение, климат, культура) [2].

Эта модель подчеркивает, что креативность – это не только результат индивидуальных способностей, но и взаимосвязь внешних и внутренних факторов, что позволяет рассматривать творчество как динамичный процесс, включающий множество переменных.

К интегративным и авторским моделям относятся модель Л.А. Китаев-Смыка, Т.А. Барышева и Ю.А. Жигалова, Д. Фелдман и Б. Лукаса.

Л.А. Китаев-Смык предложил **интегральную модель креативности**, в которой креативность рассматривается как **результат взаимодействия трех основных компонентов:** компилятивном, проективном и инсайтно-креативном. Компилятивный уровень связан с собиранием, классификацией, рубрикацией, ранжированием уже известных разрозненных знаний и фактов. Проективный уровень имеет место, когда создаются обобщенные новые суждения на основании собранных знаний. Инсайтно-креативный уровень связан с озарением, когда творец неожиданно постигает что-то новое, неожиданное для него [1, с. 21].

Разделение на уровни помогает лучше понять, как креативность развивается и формируется. Каждый из этапов важен для перехода от собранных знаний к новым идеям и, наконец, к инсайту, который может привести к настоящему открытию. Разделение на этапы помогает выделить, где именно может быть задержка в процессе творчества и что необходимо развивать на каждом из уровней.

В теоретической модели Т.А. Барышева и Ю.А. Жигалов креативность включает семь симптомокомплексов: мотивационный, эмоциональный, интеллектуальный, эстетический, экзистенциальный, коммуникативный, компетентностный. Каждый из этих симптомокомплексов является подсистемой креативности и включает ряд психологических параметров (субэлементов) [1, с. 161].

Модель подтверждает, что креативность не является статичным состоянием, а представляет собой динамичный процесс, в котором взаимодействуют различные факторы.

Д. Фелдман предлагает трехчастную модель креативного процесса, имеющую три связанные между собой составляющие:

1) рефлективность как основной процесс, отличающий человека от животных, позволяющий формировать самосознание, самооценку, посредством языка планировать, отражать и анализировать мир;
2) целенаправленность, или интенциональность, позволяющую организовать переживаемый опыт «внутри и снаружи организма», вместе с верой в возможность изменений к лучшему позволяет реально изменять среду;
3) владение способами трансформации и реорганизации, которые предлагаются культурой и обусловливают индивидуальные различия (Feldman et al., 1994) [1, с. 180].

Эта модель позволяет более точно охарактеризовать внутренние и внешние условия, способствующие креативности, а также подчеркивает важность взаимодействия этих компонентов в процессе творческой деятельности.

Модель Б. Лукаса включает три компонента: любознательность, создание идей, развитие предложенных идей. Любознательность подразумевает активный интерес к заданию, к окружающему миру, создание идей включает оригинальность, гибкость и подвижность, развитие предложенных идей предполагает оценка предложенных идей с разных позиций и умение быстро перестраивать свою деятельность в изменившихся условиях [4].

В данной модели указывается способность быстро адаптировать и развивать идеи в условиях изменений. Такая модель подходит для профессиональной деятельности и практик, ориентированных на постоянное обновление и внедрение инноваций в условиях динамичных изменений.

В большинстве моделей прослеживается сходство в том, что креативность рассматривается как результат взаимодействия когнитивных, мотивационных, эмоциональных и контекстуальных факторов. В Табл. 1 представим компоненты моделей креативности.

Таблица 1.

Основные модели креативности и их ключевые компоненты.

Модель / Автор	Процессуальность (этапы)	Когнитивные и личностные факторы	Уровни или типы креативности	Роль среды / культуры	Новизна / преобразование
Грэм Уоллес	Подготовка Инкубация Озарение Проверка	В контексте процесса	Не выделяет уровней	Не акцентируется	Идеи рождаются и проверяются
Дж. Гилфорд	Неявно (через мышление)	Дивергентное и конвергентное мышление	Нет	Нет	Генерация новых идей
Элизабета Торренс	Неявно (через тесты, задачи)	Оригинальность, гибкость, развернутость, идеи, соответствующие цели	Нет	Нет	Генерация и развитие идей через тренировки и оценку
Кауфман и Бегетто (4C)	Нет	Личностная значимость, мотивация	Mini-C → Big-C	Не акцентировано	От повседневного до гениального
Грегори Хартман	Нет	Разные типы мышления	4 типа креативности	Нет	От обычного до трансцендентного
Чиксентмихайи	Предполагается через вклад	Индивид с личными способностями	Не выделяет уровней	Домен + Поле	Изменение культурного поля
Тереза Амабай	Процесс реализации через мотивацию	Компетентность, творческое мышление, мотивация	Нет	Нет	Решение задач
Стернберг и Любарт	Нет	6 ресурсов (интеллект, мотивация, стиль и пр.)	Нет	Среда как ресурс	Условие генерации

Модель / Автор	Процессуальность (этапы)	Когнитивные и личностные факторы	Уровни или типы креативности	Роль среды / культуры	Новизна / преобразование
Вудман и Шенфельдт	Нет	Личностные характеристики	Нет	Характеристики среды и ситуации	Плод взаимодействия
Китаев-Смык	Компиляция → Проекция → Инсайт	Мышление, опыт	3 уровня	Не акцентировано	Качественный сдвиг
Барышев и Жигалов	Нет	7 симптомокомплексов	Нет	Нет	Широкий психол. потенциал
Фелдман	Рефлексия → Интенция → Трансформация	Самоанализ, целеполагание	Нет	Культурные способы трансформации	Изменение среды
Билл Лукас	Любознательность → Идеи → Развитие	Мышление и мотивация	Нет	Нет	Нет

Таким образом, анализ моделей позволил сделать несколько важных выводов:

1. Большинство моделей (Уоллес, Амабай, Фелдман, Китаев-Смык и др.) подчеркивают, что креативность – это процесс, а не одноразовый акт. В нем почти всегда выделяются:
   - подготовка/сбор информации (Уоллес, Китаев-Смык, Амабай);
   - инкубация/созревание идей (Уоллес, Фелдман);
   - озарение/инсайт (Уоллес, Китаев-Смык, Чиксентмихайи);
   - проверка и реализация (Уоллес, Амабай, Хартман).
2. В развитии креативности важная роль отводится мышлению и личностным качествам:
   - интеллектуальные способности (Гилфорд, Стернберг и Любарт);
   - когнитивные стили (Вудман и Шенфельдт);

- интуиция, гибкость, любознательность (Б. Лукас, Барышев и Жигалов);
- мотивация (Амабай, Стернберг, Кауфман и Бегетто).

3. Незаменимо влияние социального окружения и среды:

- У Чиксентмихайи: «домен-поле-индивид»;
- У Вудмана: «ситуационные характеристики»;
- У Стернберга: важность условий среды и стимулов;
- У Фелдмана: культурные способы трансформации.

На основе анализа моделей креативности, мы создали интегративную трехуровневую модель развития креативности личности.

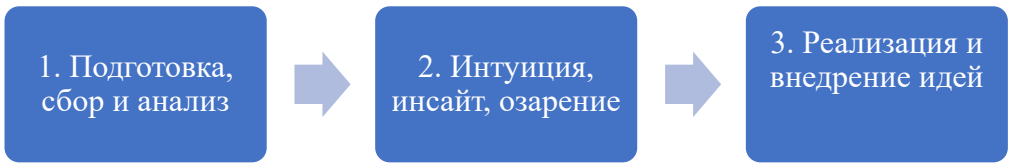

Рис.1. Интегративная трехэтапная модель развития креативности

Разработанная модель развития креативности личности включает три ключевые фазы:

1) подготовка, сбор и анализ,

2) интуиция, инсайт, озарение,

3) реализация и внедрение идей.

Каждая из этих фаз реализуется на разных уровнях, которые отражают глубину и специфику творческого процесса. Уровни формируют структурную основу модели и позволяют описать, каким образом протекает развитие креативности на разных уровнях личности. Эти уровни последовательно сменяют друг друга, но при этом могут частично перекрываться и взаимно усиливаться, образуя динамическую систему.

I. *Когнитивно-подготовительный уровень*. Этот уровень формирует основу всего креативного процесса. Здесь ключевую роль играет когнитивная база – совокупность знаний, умений, представлений и опыта, накопленного личностью. На этом этапе происходит:

- ✓ активное восприятие информации из внешней среды,

- ✓ анализ и систематизация полученных данных,
- ✓ выдвижение начальных гипотез и формулировка задач.

Значение когнитивной базы подчеркивается во многих теориях креативности (например, у Амабай и Чиксентмихайи). Без определенного уровня осведомленности в домене креативная активность невозможна – оригинальность возникает на пересечении новизны и усвоенного знания.

II. *Эвристико-интуитивный уровень*. Этот этап характеризуется внутренней переработкой информации, часто бессознательной. Основной процесс здесь – инкубация, когда сознательная работа приостанавливается, но активность бессознательного сохраняется. Это позволяет личности:

- ✓ неожиданно находить новые смысловые связи,
- ✓ переживать феномен инсайта – внезапного понимания сути задачи,
- ✓ выдвигать нестандартные решения благодаря действию интуитивного мышления.

На данном уровне значимыми становятся гибкость мышления, ассоциативные механизмы, способность отходить от шаблонов. Дивергентное мышление и эмоциональная восприимчивость активно участвуют в формировании озарения.

Также здесь проявляется мотивационный компонент – внутренняя заинтересованность, любопытство, «интеллектуальный азарт», который поддерживает активность в отсутствие немедленного результата. Мотивация обеспечивает продолжение работы над идеей даже после временных неудач.

III. *Реализационно-социальный уровень*. После возникновения идеи наступает этап ее развития и воплощения. Это требует возвращения к конвергентному мышлению – способности логически обосновывать, проверять, адаптировать идеи к реальным условиям. На этом уровне происходит оценка жизнеспособности идеи, доработка деталей, внедрение в конкретный контекст (социальный, профессиональный, культурный).

Таким образом, креативность является многокомпонентным и изменчивым процессом, который требует комплексного подхода и учета как личностных, так и внешних факторов, что позволяет оптимизировать процесс ее развития и применять на практике для создания инновационных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильин Е.П.* Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: «Питер», 2012.
2. *Любарт Т.* Психология креативности / Т. Любарт: «Когито-Центр» // «Университетское психологическое образование», 2003.
3. *Миллиардов А.* Креативное мышление. Искусство создавать и воплощать идеи / А. Миллиардов: «Автор», 2024.
4. Компетенции «4К»: формирование и оценка на уроке. Практические рекомендации / авт.-сост. М.А. Пинская, А.М. Михайлова. М.: «Российский учебник», 2019.
5. Психология. Учебник для вузов: https://bibliotekar.ru/psihologia-2-1/142.htm
6. EduTech. № 5 (36), Креативное мышление: как научиться мыслить нестандартно. 2020.
7. *Kaufman C. James, Beghetto A.* Ronald Beyond Big and Little: The Four C Model of Creativity https://creativity.vetas.ru/four-c-model-of-creativity/
8. https://shedevrum.ai/post/ab256a44bfaa11eea1635ecfffa0c489/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F\ (12.06.2025).
9. https://www.cossa.ru/152/74060/ (20.05.2025).

MODELS OF THE DEVELOPMENT OF INDIVIDUAL CREATIVITY: THEORETICAL APPROACHES AND CONCEPTS

V. Mirzoyan

Vanadzor State University

ABSTRACT

Creativity represents one of the most essential components of contemporary society, as it serves as the foundation for innovation, enables the resolution of complex problems, and fosters the development of new approaches across diverse domains of human activity. In the context of an increasingly dynamic world marked by globalization and technological transformation, the ability to generate novel ideas and to adapt existing concepts has become a vital competency for both individuals and organizations.

The relevance of exploring creativity is determined by the necessity to gain a deeper understanding of the mechanisms and conditions underlying its development, given that creativity constitutes a crucial element of intellectual and personal growth. The analysis of creativity models provides valuable insights into its nature, its role in

human life, education, and professional performance. Examining the dynamics of creativity, along with the factors that facilitate or impede its development, opens new possibilities for enhancing individuals' capacity to generate innovative ideas and to effectively address complex challenges.

The aim of the study is the theoretical justification and development of an original integrative three-stage model of creativity development in personality. The scientific novelty of the study lies in the creation of an integrative three-level model of creativity that unites the cognitive-preparatory, heuristic-intuitive, and implementation-social levels into a single dynamic system.

Keywords: creativity, creativity models, insight, convergent and divergent thinking.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-621-628

МОТИВАЦИЯ К ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Т.А. Нам

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Гуманитарный институт
nam_ta@spbstu.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена психолого-педагогическому анализу мотивации волонтерской деятельности в студенческой среде. В условиях растущего значения гражданской активности и социальной ответственности молодежи, понимание факторов, побуждающих студентов к добровольчеству, является ключевым для развития эффективных программ как поддержки самого института волонтерства, так и воспитательной работы в образовательной организации высшего образования. Работа сфокусирована на выявлении мотивов и стимулов учащихся к участию в социально направленной, проектной деятельности в университете, а также на роли ценностных ориентаций и образовательной среды в формировании положительной мотивации. Методология включала теоретико-методологический анализ существующих подходов и эмпирическое изучение мотивационных паттернов студентов СПбПУ. Полученные результаты демонстрируют, что мотивация к волонтерству представляет собой комплексное взаимодействие ценностных установок, стремления к личностному росту, получению практического опыта и потребности в социальном признании. Выделены основные факторы, способствующие усилению волонтерской активности. Статья предлагает научно обоснованные практические рекомендации для университетов по стимулированию и развитию студенческого волонтерского движения, опираясь на выявленные мотивационные основы.

Ключевые слова: мотивация, волонтерство, студент, ценностные ориентации, университетская среда, обучение служением.

Волонтерская деятельность в университете является мощным инструментом решения общественных проблем, укрепления гражданского общества и развития личностного потенциала молодежи. Современные вызо-

вы требуют активного вовлечения молодежи в социально полезную деятельность, однако для этого необходимо понимать их мотивы и ценностные ориентации. Воспитательная среда университета – пространство формирования ценностей, мотивов и гибких навыков всех участников образовательного процесса. Образованию отводится место во всех так называемых «национальных целях», но безусловным приоритетом является реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности [1].

Университеты играют ключевую роль в поддержке и развитии студенческого волонтерства, но для этого им необходимы научно обоснованные подходы, основанные на понимании мотивации к деятельности. Несмотря на высокую значимость волонтерства, наблюдается низкая устойчивость мотивации у части студентов, что требует глубокого психолого-педагогического анализа факторов. Изучение мотивации помогает разрабатывать более эффективные психолого-педагогические программы, способствующие устойчивой волонтерской активности.

Цель исследования – выявить и проанализировать ключевые психолого-педагогические факторы, определяющие мотивацию студентов высших учебных организаций к волонтерской деятельности, включая основные мотивы и стимулы.

Данное исследование проводилось с применением преимущественно качественных методов: теоретико-методологический анализ (изучение научной и методической литературы по психологии мотивации, социологии волонтерства, педагогическим аспектам гражданского воспитания); сравнительный анализ; систематизация; полуструктурированные индивидуальные интервью – проведение глубинных интервью с волонтерами-студентами (8 чел.) и студенческими лидерами волонтерского движения (4 чел.) в университете для более детального изучения их мотивационных паттернов, жизненного опыта, ценностей и представлений о роли волонтерства; фокус-группы – сбор качественных данных о мнениях, восприятии и опыте участников в отношении формирования ценностных ориентиров во время обучения в университете, мотивов к участию студентов в социально направленной деятельности в молодежной среде через обсуждение в 4 группах из 5–10 участников; включенное наблюдение – отслеживание индивидуальной и групповой динамики, взаимного влияния участников волонтерской деятельности во время организации и проведения Проекта «Школа волонтеров».

Полученные результаты демонстрируют, что, согласно данным Всероссийского студенческого проекта «Твой ход» (2024), более 30% студентов мотивированы к волонтерству ради участия в интересной деятельности, приобретения полезных знакомств, развития коммуникативных навыков, тогда как менее 15% ставят целью изменение мира или получение материальных поощрений. Наше исследование определило доминирование мотивов саморазвития, идентификации, эмоций, принадлежности к сообществу, признания, самореализации и формирования портфолио.

Также нами были выявлены прочные связи между мотивацией к волонтерству и некоторыми факторами:

- ✓ ценностные ориентации студентов – например, просоциальные ценности, межличностное общение, профессиональная самореализация в рамках probono-волонтерства;
- ✓ личностные качества – например, самостоятельность, стремление к саморазвитию, командная работа, эмоциональный и социальный интеллект;
- ✓ условия университетской среды – например, наличие волонтерского центра, программ наставничества, разнообразие направлений волонтерской деятельности, поддержка администрации, интеграция в образовательный процесс через подход «Обучение служением» и участие студентов в социальном проектировании.

Следует отметить, что несмотря на сложности, связанные с интеграцией подхода «Обучение служением» в образовательный процесс в системе высшего образования, нами отмечены тенденции в сторону положительных изменений в сфере осознанного понимания и участия студентов в социально направленной деятельности при условии грамотной фасилитации и бесшовности процессов. «Обучение служением» (далее – ОС) – это такой подход, при котором студенты реализовывают образовательный проект по своей специальности с пользой для общества [3]. При этом, ОС не приравнивается к волонтерству. Волонтерство выступает как инструмент реализации ОС, как ресурс и технология профессионально-личностного роста и общественного развития.

В СПбПУ данный подход реализовывается через проектную деятельность и дисциплину в рамках модуля саморазвития «Социальное проектирование и обучение служением». В качестве примеров ОС, хотелось бы отметить несколько студенческих проектов: создание информационного чатбота для профилактики кибербезопасности; разработка летательного аппа-

рата для поиска потерявшихся грибников в лесу; создание онлайн приложения для измерения уровня загрязненности воздуха; разработка серии адаптационных мероприятий для иностранных студентов 1 курса; проведение серии психологических тренингов для детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации; разработка программы «АБВГДейка» для подготовки к школе детей, состоящих на учете в социальных службах Калининского района Санкт-Петербурга и др.

В качестве успешной практики хотелось бы представить опыт реализации международного волонтерства, под которым мы понимаем участие иностранных студентов, обучающихся в университете, в общественной и волонтерской деятельности. В Стратегии развития образования Российской Федерации на период до 2036 года и на перспективу до 2040 года в целях развития системы высшего образования прописан курс не только на технологическое, но и на гуманитарное лидерство страны. Это способствует укреплению международного авторитета страны. Например, формирование объективного восприятия страны за рубежом, продвижение традиционных ценностей (приоритет духовного над материальным, защита прав и свобод человека и др.). В то же время иностранные студенты отмечают, что главные мотивы их участия в социально значимой деятельности: более легкая адаптация в новой среде; быстрое изучение русского языка; больше общения и помощи от других студентов и однокурсников; непосредственное знакомство с культурой и традициями страны; осознание собственного вклада и значимости; опыт и развитие гибких навыков; новые друзья; чувство сопричастности и поддержки сообщества; эмоции и полезный досуг; признание со стороны руководства университета. В качестве примера рассмотрим участие студентов из СНГ в патриотическом направлении волонтерства. Сохранение исторической памяти, уважение к подвигу советского народа в победе над фашизмом важно для современной молодежи. Студенты на мероприятиях охотно читают стихотворения, посвященные событиям и героям Великой Отечественной войны, с уважением и почетом относятся к ветеранам ВОВ, выступают в праздничных концертах, символизирующих единство и дружбу народов, принимают участие в волонтерских десантах оказания помощи в мытье окон людям серебряного возраста, организовывают чаепития для совместного просмотра добрых советских фильмов вместе со студентами из других университетов и землячеств Санкт-Петербурга.

Изучение роли цифровых платформ и анализ влияния социальных сетей на мотивацию и вовлеченность студентов в волонтерство показали, что существует несколько категорий, поддерживающих волонтерскую деятельность в университетской среде: активисты и пассивные наблюдатели, которые при создании определенных стимулирующих условий готовы принимать более активное участие. В тренде то, что чаще студенты видят в медиасреде. Это формирует их подсознание, мировоззрение, пассивное участие в деятельности, и в какой-то момент времени определяет выбор. С развитием информационных технологий существует иллюзия свободного выбора действий молодежи. В действительности, студент выбирает то, что ему в течение определенного времени подкидывали алгоритмы искусственного интеллекта, предлагая к просмотру то, что по мнению сети может быть в сфере интересов молодежи. Даже первоначальное сопротивление увиденной новости или информации постепенно перерастает в насмотренность, а впоследствии может способствовать принятию решения в соответствии с узнаваемостью явления или факта. Так, развитие медиаволонтерства имеет критическую важность в университетской среде, когда студенты, обучающиеся по направлениям: «дизайн», «маркетинг», «менеджмент», «связи с общественностью», развивают профессиональные компетенции и надпрофессиональные навыки (аналитическое и критическое мышление, креативность), одновременно продвигая и участвуя в волонтерских проектах, помогая благотворительным фондам, социальным учреждениям, некоммерческим организациям [4].

В рамках данного исследования была разработана система тренинговых программ, направленных на развитие просоциальных ценностей и формирование долгосрочно-перспективной мотивации к социально направленной деятельности у студентов. Так, в октябре 2025г. была апробирована данная система и проведена серия образовательных, мотивационных мероприятий в рамках ежегодного проекта «Школа волонтеров в Политехе». В течение 6 дней освоили программу 296 студентов, обучающихся по техническим и гуманитарным специальностям (всего через федеральную платформу «Добро.рф» было подано 346 заявок). На площадке Школы волонтеров выступили 22 спикера: ветераны СВО; члены Ассоциации ветеранов СВО и Фонда защитников Отечества; руководители и представители НКО, благотворительных фондов, Ресурсного центра Санкт-Петербурга, Дома молодежи Санкт-Петербурга, Центра городских волонтеров; бизнес-тренеры; эксперты «Росмолодежь», «Гранты», «Гранты Первых», Агентства

стратегических инициатив, Международной премии #МЫВМЕСТЕ и амбассадоры молодежной политики Санкт-Петербурга. Каждый день был тематическим. Познакомились с экосистемой добровольчества, прикоснулись к вопросу важности поддержки развития донорства крови и костного мозга. Приобрели первичные навыки оказания первой помощи и психологической поддержки, разобрали гранты и медиапроекты, рассмотрели «в деталях» 15 направлений волонтерства, поговорили о молодежных инициативах, мотивации, развили креативность и финансовую грамотность, поделились настроением через культуру и творчество. Участники Проекта получили сертификаты о посещении лекций и практических занятий, а «выпускники», которые успешно освоили программу всех дней обучения, были награждены дипломами с указанием часов обучения по волонтерской программе. VIII Школа волонтеров показала в действии экосистему добровольчества в Политехе, которая объединяет студентов разных институтов и направлений, помогает раскрывать таланты и учит работать вместе ради общего блага. Проведение рефлексии и сбор обратной связи выявил высокую степень удовлетворенности (92%), заинтересованность студентов (70%) и востребованность проекта в студенческой среде (83%). Установлено, что внутренняя мотивация (саморазвитие, самореализация, потребность в общении) имеет более выраженное влияние на устойчивость волонтерской активности студентов по сравнению с внешней. Обнаружена корреляция между участием в проектном волонтерстве и уровнем самоэффективности студентов. Студенты технических направлений обучения чаще мотивированы приобретением практического опыта (причем, необязательно по своей специальности), тогда как студенты гуманитарных направлений – желанием внести вклад в общество через применение своих профессиональных знаний и умений.

Одним из ценных выводов является определение запроса молодежи на равенство не «потолка», а возможностей старта, создания условий для саморазвития, самореализации, построения траектории личностного роста, карьеры и трудоустройства, что возможно через социальное проектирование и участие в общественной, волонтерской деятельности в учебно-воспитательном процессе университета [2].

В качестве рекомендаций предлагаем университетам акцентировать внимание на развитии внутренней мотивации студентов через повышение значимости их вклада и предоставление возможностей для самореализаци-

и, а также внедрить систему психолого-педагогического сопровождения и рефлексии социальной проектной деятельности для осознания студентами личного роста и ценности их работы.

Для эффективного привлечения студентов к волонтерской деятельности, поддержания и развития их мотивации, формирования устойчивой волонтерской культуры необходимо помнить о выделенных категориях потенциальных участников волонтерской деятельности (активных и пассивных), об основных мотивах, движущих стимулах молодежи и факторах, влияющих на осознанный выбор студентов, а также о роли цифровой среды и информационных технологий, преимуществах интеграции педагогического подхода «Обучение служением» в образовательный процесс в университете. Мы научили кукол плакать, нейросеть создавать картины, роботов мыть окна, но при этом важно в погоне за технологическим лидерством не потерять человека и его мотивацию к созиданию через волонтерские практики, обучение служением на благо людей и развитие общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».
2. Research of Students' Self-Actualization and Psychological Welfare (Using the Example of the Multidisciplinary University) / N. Chicherina, A. Tabolina, N. Smolskaia, A. Fedyukovsky // Navigating Digital Transformation: Original Research Across Smart Cities, Sustainable Development and Beyond. New York: “Nova Science Publishers”, 2024. PP. 421–434.
3. *Никольский В.С.* «Обучение служением» или «Service Learning»? Дискуссия о концептуальных основаниях педагогического подхода // «Высшее образование в России». Т. 33, № 8–9, 2024. СС. 84–94.
4. *Нам Т.А*. Технологии социально значимых инициатив и личностное развитие в профессиональном образовании / Т.А. Нам. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого». СПб., 2023, 131с.

MOTIVATION FOR VOLUNTEER ACTIVITIES IN THE STUDENT ENVIRONMENT: PSYCHO-PEDAGOGICAL ASPECTS

T. Nam

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Institute of Humanities

ABSTRACT

This article presents a psychological and pedagogical analysis of volunteer motivation within the student environment. Given the increasing importance of civic engagement and social responsibility among youth, understanding the factors that drive students toward volunteering is crucial for developing effective programs to support both the institution of volunteering and educational initiatives within higher education institutions (HEIs). The research focuses on identifying student motives and incentives for participating in socially oriented project activities at universities, as well as examining the role of value orientations and the educational environment in fostering positive motivation. The methodology includes a theoretical and methodological analysis of existing approaches alongside an empirical study of motivational patterns among students at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU). The findings demonstrate that volunteer motivation is a complex interplay of value attitudes, a desire for personal growth, the acquisition of practical experience, and the need for social recognition. The study highlights the primary factors contributing to the increase in volunteer engagement. Based on the identified motivational drivers, the article offers evidence-based practical recommendations for universities to stimulate and further develop the student volunteer movement.

Keywords: motivation, volunteerism, students, value orientations, university environment, service-learning.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-629-646

ПСИХИЧЕСКИЙ ИНФАНТИЛИЗМ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

А.В. Оганесян, Н.А. Неркарарян

Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна, Республика Армения
anarobaren@mail.ru, nelly.nerkararyan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что в современном обществе наблюдается рост числа людей, демонстрирующих признаки эмоциональной и психической незрелости. Это часто связано с понижением требований к самостоятельности детей, нарушениями в воспитании (гипоопека и гиперопека), а также затянувшимся процессом социализации в подростковом возрасте. В статье рассматриваются причины формирования психического инфантилизма и его негативное влияние на развитие полноценной личности.

Диагностика психического инфантилизма проводилась среди 50 подростков в возрасте 10–13 лет в основной школе № 6 им. Степана Шаумяна города Ванадзор (Республика Армения). В исследовании анализировалось поведение подростков, выделялись ключевые признаки инфантилизма, а также оценивались уровни проявления по следующим направлениям: уровень самостоятельности; реакция в социальных ситуациях; эмоциональная зрелость; навыки самообслуживания.

Основные признаки психического инфантилизма: эмоциональная незрелость, недостаточная самостоятельность, трудности социальной адаптации. В условиях глобализации такие особенности подростков препятствуют их личностному и профессиональному развитию, ограничивают успешность социальной интеграции. Также в статье предлагаются пути минимизации последствий и практические рекомендации для родителей инфантильных детей.

Ключевые слова: эгоцентризм, безответственное поведение, гиперопека, поверхностное мышление, незрелость эмоционально-волевой сферы.

Введение

Актуальность изучения психического инфантилизма обусловлена его влиянием на личностное становление, социальную адаптацию и форми-

рование зрелой, ответственной личности. В последние годы специалисты отмечают увеличение числа подростков, демонстрирующих инфантильные черты характера. Это связано с рядом факторов, включая родительскую гиперопеку, дефицит самостоятельности в воспитании, а также обострение проблем социализации.

В свете обозначенных тенденций возросла необходимость в научном анализе причин, форм проявления и возможных способов коррекции психического инфантилизма у подростков.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе проблем психического инфантилизма у подростков в условиях армянской образовательной среды. Диагностические процедуры позволили выделить основные признаки психического инфантилизма и оценить уровень их выраженности по ключевым поведенческим параметрам.

Гипотеза исследования. Предполагается, что комплексная диагностика психического инфантилизма, основанная на анализе поведения и выделении основных признаков, позволит разработать эффективные программы коррекции, направленные на формирование эмоциональной зрелости, развитие самостоятельности и успешную социализацию подростков.

Цель исследования – выявить основные признаки психического инфантилизма у подростков. *Задачи*: диагностировать психический инфантилизм через анализ поведенческих проявлений; выделить ключевые признаки: эмоциональную незрелость, низкий уровень самостоятельности, сложности в социальной адаптации; оценить степень выраженности указанных признаков по основным направлениям.

В качестве методологической базы были использованы: анализ научной литературы по теме исследования; анкетирование и наблюдение; математическая обработка результатов. Диагностика проводилась среди учащихся 10–13 лет. Анализ данных позволил установить взаимосвязь между уровнем психической зрелости подростков и факторами их воспитательной среды.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы педагогами, школьными психологами и родителями при разработке и реализации программ, направленных на: повышение уровня эмоциональной зрелости; развитие навыков самообслуживания и самостоятельного принятия решений; формирование устойчивых социальных навыков у подростков.

Основная часть

Проблема психического инфантилизма у подростков давно привлекает внимание как психологов, так и педагогов. Под психическим инфантилизмом понимается несоответствие уровня психического развития возрастным нормативам, проявляющееся в эмоционально-волевой незрелости, особенностях поведения, мышления и социальной адаптации. Особенно остро эти особенности проявляются в подростковом возрасте (10–13 лет), когда активизируются процессы личностной идентификации и возрастает значимость социальной зрелости. Одним из первых феномен инфантилизма подробно изучил Л.С. Выготский, который отмечал, что в детском развитии существует явление дисгармонии, когда отдельные сферы психики развиваются с разной скоростью. В контексте психического инфантилизма у подростков Л.С. Выготский говорил о так называемом «социальном недоразвитии», когда подросток биологически приближен к взрослости, но его личностные качества и социальные навыки остаются на уровне младшего возраста [1, сс. 251–253]. Теория психосоциального развития Э. Эриксона помогает понять, как задержка в прохождении ключевых кризисов может привести к инфантильности [7, с. 25]. Например, нерешенный кризис доверия (первая стадия) или идентичности (пятая стадия). «Если человек не решает свои внутренние конфликты в соответствии с этапами развития, он остается застрявшим в прошлом» [7, с. 17]. Э. Эриксон считал, что инфантилизм возникает в результате неразрешенных возрастных кризисов, которые мешают формированию целостной идентичности [6, сс. 128–131]. Понятие инфантилизма в детском и подростковом возрасте З. Фрейд связывал с фиксацией на определенной стадии психосексуального развития (например, при незавершенной фазе эдипового комплекса) [8, сс. 34–36]. Д.Б. Эльконин и Д.И. Фельдштейн связывают инфантилизм с нарушениями в формировании ведущей деятельности и социальной ответственности подростка. Д.Б. Эльконин отмечал, что инфантилизм часто связан с особенностями семейного воспитания – гиперопекой, а также с эмоциональным дефицитом – гипоопекой. Он выделял важную роль возрастных кризисов и подчеркивал, что несформированность новых социальных потребностей может задерживать развитие подростка, сохраняя у него черты более младшего возраста [5, сс. 102–104; 6, сс. 147–149].

Инфантилизм (лат. infantilis – детский) – состояние, при котором у человека во взрослом возрасте сохраняются инфантильные черты физичес-

кого и психического развития. Причинами являются инфекционные заболевания (туберкулез, сифилис, малярия), общая интоксикация организма, заболевания головного мозга, сердечно-сосудистой системы, желудочно-кишечного тракта, почек, неполноценное питание, авитаминозы, неблагоприятные условия жизни, а также поражения эндокринных желез и врожденные пороки развития, нарушения конституциональных особенностей организма [2, с. 188]. Различают общий инфантилизм (остановка развития всего организма) и частичный инфантилизм (недоразвитие отдельных органов и систем). При общем инфантилизме сохраняются детские пропорции тела, структура тела нежная, гибкая, грудная клетка узкая, длинная, кости тонкие, сердце маленькое, аорта узкая, артериальное давление низкое. Вторичные половые признаки выражены слабо. В работах А.Е. Личко по акцентуациям характера у подростков подробно описаны формы парциального инфантилизма, чаще всего встречаются психический и сексуальный инфантилизм. Психический инфантилизм выражается в крайней неустойчивости настроения и внимания, склонности к изобретательству. У таких подростков суждения поверхностны и поспешны. Они беззаботны, раздражительны, легкомысленны, эгоистичны и требовательны [4]. Половой инфантилизм характеризуется скудным лобковым и подмышечным оволосением, недоразвитием молочных желез и матки у женщин, узким тазом, нерегулярными менструациями, бесплодием или частыми выкидышами, а также склонностью к внематочной беременности. Мужской половой инфантилизм встречается реже и проявляется недоразвитием наружных и внутренних половых органов, расстройствами половых влечений и функций [4].

Психический инфантилизм или «Взрослые дети»

Формулировка о школьной дезадаптации и эмоционально-волевой незрелости особенно часто встречается у А.Е. Личко в работах о подростках с акцентуациями характера и психическими девиациями. Психический инфантилизм – незрелость личности, выражающаяся в несоответствии психического развития определенным возрастным требованиям. Очень часто психический инфантилизм проявляется в неспособности принимать решения и поверхностном мышлении. Но это не единственная черта инфантильного человека. Для инфантильных подростков характерны стремление к

развлечениям, преобладание игры в ущерб образованию, необычная привязанность к матери, неприятие школьных ситуаций и связанных с ними обстоятельств. Все это приводит к школьной дезадаптации, а также способствует возникновению ряда социальных проблем. Такая дезадаптация возникает прежде всего из-за незрелости эмоционально-волевой сферы [4].

Характерные черты лиц с психическим инфантилизмом

1. **Эгоцентризм**. Под эгоцентризмом понимается неспособность человека поставить себя на место другого и считаться с мнением окружающих. Если вы заметили это в себе, избавиться от этого очень просто. Например, можно вспомнить недавнюю напряженную или конфликтную ситуацию, в которой вы были, и попытаться взглянуть на нее с точки зрения другого человека. Важно понимать, что вы не одиноки и другие люди могут воспринимать и понимать ситуацию по-разному.

2. **Упрямство**. Это тенденция к нестабильности. Непредсказуемые изменения желаний и требований являются одной из черт психического инфантилизма. Конечно, человек меняется, как и его желания и требования, но необходимо отличать адекватные логические изменения от спонтанных и неадекватных. Такое поведение не свойственно зрелому человеку.

3. **Незрелость эмоциональной сферы**. Одной из ярких черт психического инфантилизма является неумение контролировать эмоции. Например, инфантильный человек может плакать или злиться по пустякам, после чего очень быстро успокаивается, что свидетельствует о неустойчивости эмоционального состояния. Сюда же относится чрезмерная впечатлительность и склонность походить на кого-либо.

4. **Неспособность принимать решения самостоятельно**. Очень часто инфантильные люди испытывают трудности с принятием решений, в результате чего регулярно уходят от ответственности. Они просто не умеют этого делать, так как не могут опираться на собственные убеждения.

5. **Основные причины психического инфантилизма**. Одним из существенных факторов возникновения психического инфантилизма является чрезмерная опека родителей в детстве, ограничение свободы ребенка. Например, если ребенку не предоставляют возможности самостоятельно принимать решения, он столкнется с этой проблемой и во взрослой жизни. Поэтому дайте ребенку свободу, возможность выбора и научите его принимать мудрые решения. Однако инфантильные дети сильно отличаются от

умственно отсталых или аутичных. Они отличаются более высоким уровнем абстрактного логического мышления, способны переносить изученные концепции в новую область применения и более продуктивны.

6. **Правовой инфантилизм**. Правовой инфантилизм – низкий уровень правосознания, отсутствие ответственности за свое поведение, незнание правовых норм и правил при высоком стремлении к результату (без осознания последствий).

7. **Социальный инфантилизм**. Состояние, выражающееся между биологическим и социально-культурным развитием человека. Характеризуется нарушением механизма социализации и отказом от социальных обязанностей и обязательств.

1. Откуда берется инфантилизм и что с ним делать?

Психологическая незрелость означает незрелую личность. Другими словами, человек не готов функционировать во взрослом мире. Его поведенческие модели, привычки и образ жизни не соответствуют таковым у нормально развивающихся людей. Здесь необходимо сделать поправку на то, что такое норма. Общественные нормы различаются: например, в некоторых культурах принято, что ребенок должен покинуть дом сразу после того, как станет взрослым, в то время как в других считается нормальным, что сын или дочь живут со своими родителями всю жизнь и имеют собственную семью под одной крышей. Когда мы говорим об инфантилизме, мы имеем в виду, что взрослый человек выглядит незрелым, безответственным «ребенком» в контексте общества, частью которого он является.

2. Как распознать инфантилизм?

Инфантилизм можно заподозрить, если у человека одновременно проявляются несколько из следующих черт.

- **Безответственное поведение**: проезд на красный свет, потеря важного документа, заработок по минимальной расценке в течение многих лет. Такими действиями человек фактически перекладывает ответственность с себя на «взрослых» вокруг него. Именно они должны заботиться о его безопасности, восстановить его документы и сделать что-нибудь со сроками выполнения задания, оплатить продукты и коммунальные услуги.

- **Перепады настроения**: люди с инфантилизмом часто испытывают резкие перепады настроения.
- **Постановка целей и нереализация долгосрочных планов**: проще говоря, человек живет, не думая о завтрашнем дне.
- **Неумение управлять деньгами**: либо тратят все деньги на свои желания, либо откладывают все на «черный день».
- **Склонность к рискованному поведению**: примерами такого поведения являются чрезмерная азартная игра, экстремальные виды спорта, опасное вождение и наркомания.
- **Чувство превосходства над другими**: все вокруг глупо, кроме него самого.
- **Желание обесценить близких**: люди с детскими расстройствами подчеркивают собственную значимость за счет обесценивания близких.
- **Низкий уровень эмпатии**: для человека существуют только его собственные переживания, он равнодушен к чувствам и эмоциям других.

3. Каковы признаки развития инфантилизма по третьей версии?

- Физически ребенок развивается абсолютно нормально, но ведет себя как ребенок.
- Он может прерывать учителя, бесконечно отпрашиваться в туалет или домой; дома он хочет только играть и не выполняет никаких домашних дел.
- Он не принимает отвержения со стороны родителей и родственников и игнорирует состояние своих родителей.
- Он капризен, требователен и истеричен; его ребячливость уже никому не нравится.

Приведем несколько примеров.

1. Типично психически инфантильный подросток (13 лет), мать которого растит его одна, целый день работает – торгует на рынке. Она боится отпускать сына общаться со сверстниками, чтобы он не начал курить, не пристрастился к наркотикам и не приобрел бы других вредных привычек. Мама внушила сыну, что в 25 лет он женится на богатой девушке и будет

жить безбедно. Сын поставил перед матерью условие: «Если ты не разрешишь мне дружить со сверстниками, то я потребую от тебя денег – каждый день ты должна давать мне 50 долларов. Я хочу вкусно есть, красиво одеваться и т.д.».

2. В Армении родители ребенка боготворят, он для них кумир, ему разрешено все, что бы он ни захотел. Распространены такие выражения: «Пока жив твой дядя, ты всегда будешь есть шоколад».

3. Спрашивают маму: «Почему ты делаешь работу на кухне с 2-летним мальчиком на руках?», на что она отвечает: «Он наш кормилец…»

4. Отец подростка работает за рубежом. Под Новый год приезжает домой. Просит сына помочь по хозяйству, тот отказывается. Удивленный отец говорит ему: «Я работал на чужбине, отморозил руки, отправлял деньги семье, чтобы вы ни в чем не нуждались, а ты…». «Не поехал бы, не отправлял бы…», – отвечает сын.

Диагностика психического инфантилизма проводилась среди 50 подростков в возрасте 10–13 лет в основной школе № 6 им. С. Шаумяна в городе Ванадзор РА.

Целью исследования является выявить основные признаки инфантилизма у подростков: эмоциональная незрелость; трудности социальной адаптации; недостаточная самостоятельность; уровень ответственности; оценка уровней проявлений по ключевым направлениям.

Нами составлен перечень вопросов для диагностики психического инфантилизма среди 50 подростков 10–13 лет через исследование поведения и выделение основных признаков, а также оценку уровней проявлений по ключевым направлениям.

Направления диагностики психического инфантилизма в виде таблицы (Табл. 1).

Таблица 1.

Уровни диагностики и количество баллов

Показатель	**Низкий уровень**	**Средний уровень**	**Высокий уровень**	**Итого**
Эмоциональная зрелость	22 человека (44%)	10 человек (20%)	18 человек (36%)	**50**
Самостоятельность (независимость)	24 человека (48%)	18 человек (36%)	8 человек (16%)	**50**

Реакция в социальных ситуациях (социальная адаптация)	26 человек (52%)	18 человек (36%)	6 человек (12%)	**50**
Навыки самообслуживания (на основе самостоятельности)	24 человека (48%)	18 человек (36%)	8 человек (16%)	**50**

Пояснения к Табл. 1.

- ✓ **Эмоциональная зрелость**: у 44% подростков наблюдается эмоциональная незрелость.
- ✓ **Самостоятельность**: почти у половины подростков (48%) недостаточно развита самостоятельность.
- ✓ **Реакция в социальных ситуациях**: 52% подростков испытывают трудности с социальной адаптацией.
- ✓ **Навыки самообслуживания**: аналогично самостоятельности, у 48% подростков навыки самообслуживания развиты слабо.

Вопросы родителям для диагностики психического инфантилизма у подростков 10–13 лет

Нами составленные вопросы помогли выявить основные признаки инфантилизма у подростков, такие как: недостаточная самостоятельность, эмоциональная незрелость, трудности социальной адаптации, уровень ответственности, а также оценка уровней проявлений по ключевым направлениям.

I. Эмоциональная зрелость

1. Как ваш подросток реагирует на критику? Склонен ли он выражать недовольство или проявлять вспышки гнева?
2. Часто ли он действует импульсивно, игнорируя последствия своих поступков?
3. Есть ли у подростка склонность перекладывать ответственность на других, обвиняя их в своих ошибках?
4. В какой степени ваш ребенок проявляет сочувствие? Замечает ли он чувства и эмоции окружающих?

II. Самостоятельность

5. Может ли ваш подросток самостоятельно организовать свой день, например: подготовить уроки, собрать портфель?

6. Просит ли он помощи в ситуациях, с которыми, по возрасту, уже должен справляться сам?

7. Способен ли ваш ребенок самостоятельно принимать решения относительно учебы или своих увлечений?

III. Социальная адаптация

8. Как подросток общается с одноклассниками? Есть ли у него стабильный круг друзей?

9. Предпочитает ли ваш подросток дружить с детьми младшего возраста или вообще избегает общения?

10. Легко ли он адаптируется к новым социальным условиям, например, при смене школы?

IV. Уровень ответственности

11. Готов ли ваш подросток выполнять работу по дому без напоминаний?

12. Умеет ли он планировать свои дела и выполнять их вовремя?

13. Часто ли ваш ребенок уклоняется от выполнения заданий, придумывая оправдания?

V. Поведение в конфликтных ситуациях

14. Как подросток реагирует на конфликты с друзьями или учителями? Умеет ли он искать компромиссы?

15. Часто ли он жалуется на других вместо того, чтобы попытаться решить проблему самостоятельно?

VI. Хобби и интересы

16. Какие хобби есть у вашего подростка? Соответствуют ли они его возрасту или больше похожи на интересы младших детей?

17. Любит ли он фантазировать и «уходить в свой мир», избегая реальности?

VII. Отношение к учебе

18. В какой степени подросток осознает важность образования? Способен ли он контролировать собственный прогресс?

19. Часто ли он пренебрегает школьными обязанностями, ожидая, что кто-нибудь напомнит ему или сделает все за него?

20. Есть ли у вашего подростка трудности с пониманием и соблюдением школьных правил?

Анализ диагностики изучения поведения подростков, проявляющих инфантильность представлена в виде диаграммы (Диагр. 1).

Диаграмма 1. Анализ диагностики изучения поведения подростков, проявляющих инфантильность.

Целью исследования является выявить основные признаки психического инфантилизма у подростков:

- ✓ эмоциональная незрелость;
- ✓ трудности социальной адаптации;
- ✓ недостаточная самостоятельность;
- ✓ уровень ответственности;
- ✓ оценка уровней проявлений по ключевым направлениям.

Анализ данных

Наиболее выраженными признаками инфантилизма являются:

- ➢ **низкий уровень ответственности** – 46% – **23** подростка;
- ➢ **низкая учебная мотивация** – 44% – **12** подростков;
- ➢ **сложности с социальной адаптацией** – 40% – **20** подростков;

- более, чем у **60%** подростков наблюдаются от одного до трех признаков инфантилизма;
- у **11 подростков (22%)** выявлено **четыре** и **более признаков**, что может свидетельствовать о выраженной инфантильной позиции.

Положительная динамика прослеживается по параметрам *«Хобби и интересы»* (высокий интерес – у **24** человек) и *«Поведение в конфликтных ситуациях»* (**25** подростков демонстрируют высокий уровень навыков).

Выводы

Результаты обследования позволяют сделать вывод о достаточно широком распространении признаков психического инфантилизма у подростков.

Наибольшее количество проблем зафиксировано в следующих сферах:

- формирование ответственности;
- мотивация к обучению;
- социальная адаптация.

Эти особенности могут затруднять: процесс социализации; выстраивание устойчивых межличностных отношений; успешное выполнение возрастных задач подросткового периода.

Для определения **весового коэффициента** для каждого параметра, учитываем смысловую значимость параметров в контексте цели исследования.

Весовой коэффициент показывает, насколько сильно данный параметр отражает проявления психического инфантилизма у подростков (Табл. 2).

Таблица 2.

Весовой коэффициент проявления психического инфантилизма у подростков

Параметры	**Низкий**	**Средний**	**Высокий**	**Весовой коэффициент**
Эмоциональная зрелость	17	17	16	**0.25**
Самостоятельность	16	12	22	**0.20**
Социальная адаптация	20	17	13	**0.20**

Параметры	**Низкий**	**Средний**	**Высокий**	**Весовой коэффициент**
Уровень ответственности	23	12	15	**0.15**
Поведение в конфликтных ситуациях	15	10	25	**0.10**
Хобби и интересы	10	24	16	**0.05**
Отношение к учебе	12	18	20	**0.05**
Итого:				**1.00**

Пояснение к Табл. 2.

- ✓ Наибольший вес **(0.25)** присвоен *эмоциональной зрелости*, так как это главный показатель психического инфантилизма.
- ✓ *Самостоятельность* и *Социальная адаптация* также ключевые – по **(0.20)**.
- ✓ *Ответственность* **(0.15)** тесно связана с предыдущими и является вторичным проявлением.
- ✓ *Поведение в конфликтных ситуациях* **(0.10)** – показатель эмоциональной регуляции.
- ✓ *Хобби и интересы* и *Отношение к учебе* **(по 0.05)** отражают дополнительные признаки, но не являются определяющими.

Эти особенности могут затруднять процессы социализации; выстраивание устойчивых межличностных отношений; успешное выполнение возрастных задач подросткового периода.

Для минимизации проявлений инфантилизма рекомендуется: проведение коррекционно-развивающей работы; укрепление навыков саморегуляции; создание условий для формирования ответственности и позитивной учебной мотивации; активное вовлечение подростков в социально значимую деятельность.

Практическая значимость: полученные данные могут быть использованы для разработки корректирующих программ, направленных на развитие: эмоциональной зрелости; социальной адаптации; самостоятельности у подростков.

Инфантилизм у подростков в условиях глобализации может иметь серьезные последствия, влияющие на личностное развитие, социальные навыки, профессиональную реализацию (Табл. 3).

Таблица 3.

Психический инфантилизм у подростков в условиях глобализации: ключевые аспекты и последствия.

Аспект	Проблемы и последствия
1. Социальная и эмоциональная незрелость	✓ **Проблемы в отношениях**: трудности в построении устойчивых связей в личной и профессиональной сферах ✓ **Зависимость от окружения**: уязвимость к влиянию и манипуляциям ✓ **Пассивность**: отсутствие инициативы, ограниченность в общественной и глобальной активности
2. Трудности профессиональной адаптации	✓ **Низкая конкурентоспособность**: отсутствие инициативы и гибкости в условиях глобального рынка ✓ **Отставание в навыках**: слабая самостоятельность, нехватка цифровой грамотности, креативности
3. Воздействие технологий	✓ **Цифровая зависимость**: склонность к чрезмерному использованию гаджетов, что усиливает изоляцию ✓ **Отрыв от реальности**: снижение навыков общения и критического мышления
4. Неспособность справляться с вызовами глобализации	✓ **Экологическая пассивность**: равнодушие к глобальным проблемам ✓ **Культурная неадаптированность**: сложности в принятии культурного многообразия
5. Повышенный риск девиантного поведения	✓ **Избегание проблем**: склонность к асоциальному поведению при трудностях ✓ **Уязвимость к влиянию**: подверженность экстремистским и деструктивным воздействиям

Рассмотрим ключевые аспекты.

1. Социальная и эмоциональная незрелость

- **Проблемы в отношениях**: трудности в построении глубоких и устойчивых социальных связей как в личной, так и в профессиональной сферах.
- **Зависимость от окружения**: инфантильные подростки часто ищут поддержку во внешней среде, что делает их уязвимыми для манипуляций.
- **Пассивность**: отсутствие инициативности ограничивает их участие в общественной жизни и в решении глобальных вызовов.

2. Трудности профессиональной адаптации

- **Сложности в выборе карьеры**: неуверенность, низкий уровень ответственности и страх принятия решений затрудняют профессиональное самоопределение.
- **Низкая конкурентоспособность**: отсутствие инициативности и адаптивности ставит их в невыгодное положение на глобальном рынке труда.
- **Отставание в развитии навыков**: недостаток самостоятельности мешает овладению необходимыми навыками (например, цифровой грамотностью, креативным мышлением).

3. Воздействие технологий

- **Цифровая зависимость**: склонность к чрезмерному использованию гаджетов и социальных сетей усиливает изоляцию и снижает способность к живому общению.
- **Отрыв от реальности**: уход в виртуальный мир может привести к утрате навыков реального взаимодействия и критического мышления.

4. Неспособность справляться с вызовами глобализации

- **Экологическая пассивность**: отсутствие осознанности и чувства ответственности делает подростков равнодушными к экологическим проблемам.
- **Культурная адаптация:** трудности в принятии культурного многообразия и социальных норм затрудняют интеграцию в глобальное сообщество.

5. Повышенный риск девиантного поведения

- **Склонность к избеганию проблем**: при столкновении с трудностями подростки могут уходить в асоциальные формы поведения.
- **Уязвимость к влиянию**: эмоциональная незрелость делает их восприимчивыми к манипуляциям и влиянию деструктивных групп.

Пути минимизации последствий

1. **Развитие ответственности**: постепенное вовлечение подростков в принятие решений и выполнение обязательств.
2. **Поддержка социальной адаптации**: реализация программ, направленных на развитие коммуникативных навыков и критического мышления.
3. **Образование**: акцент на формирование гибких навыков (*soft skills*) и устойчивости к изменениям.
4. **Психологическая помощь**: проведение индивидуальной и групповой терапии, направленной на проработку эмоциональной незрелости и формирование адекватных реакций на стресс.

Глобализация требует высокой адаптивности и самостоятельности. Без своевременного вмешательства инфантильные подростки рискуют остаться на периферии современного общества, что ведет к личностной и профессиональной стагнации (Табл. 4).

Таблица 4.

Пути минимизации последствий

Категория	**Советы**
Родителям	✓Формировать ответственность через бытовые обязанности и самостоятельность ✓Избегать гиперопеки, позволяя делать ошибки ✓Устанавливать четкие и стабильные правила ✓Развивать эмоциональный интеллект (называть, распознавать эмоции) ✓Поддерживать даже малые достижения, чтобы укрепить самооценку
Педагогам	✓Создавать доброжелательную и поддерживающую атмосферу

Категория	Советы
	✓Использовать наглядность и игровые методы в обучении ✓Взаимодействовать с семьей для согласованности подходов ✓Развивать учебную мотивацию и социальные навыки ✓Помогать овладевать навыками саморегуляции и общения
Психологам	✓Проводить диагностику причин инфантилизма ✓Использовать индивидуальные и групповые формы коррекции (тренинги, арт-терапия и др.) ✓Работать с самооценкой и личностной зрелостью ✓Развивать волевую сферу через практические задания ✓Использовать метафорические и биографические методы

Предлагаем несколько советов по преодолению подросткового психического инфантилизма.

1. **Занятия спортом**

Доказано, что у подростков, регулярно занимающихся спортом, значительно меньше проблем с зависимостями. Спорт развивает ответственность, настойчивость и целеустремленность.

2. **Общественная деятельность**

Поощряйте как девочек, так и мальчиков к участию в волонтерской и общественно полезной деятельности, особенно если она связана с заботой о других. Позвольте подростку самостоятельно выбрать интересующее направление. Это может быть помощь животным, участие в социальных проектах или стремление решать важные проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Выготский Л.С.* Проблемы детской психологии. М.: «Педагогика», 1984. СС. 251–253.
2. *Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П.* Большой психологический словарь. 3-е изд. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2002, 633с.

3. *Ковалев В.В.* Психические расстройства у детей и подростков. М.: «Медицина», 1985.
4. *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л.: «Медицина», 1977.
5. *Эльконин Д.Б. Психология игры*. М.: «Педагогика», 1971. СС. 102–104.
6. *Фельдштейн Д.И.* Психология возрастных кризисов: становление личности. М.: «ПЕР СЭ», 2004. СС. 147–149.
7. *Erikson E. Identity:* Youth and Crisis. New York: "W.W. Norton & Company", 1968. PP. 128–131.
8. *Freud S.* Das Ich und das Es. Leipzig, Vienna, Zurich: "Internationaler Psychoanalytischer Verlag", 1923. PP. 34–36.

MENTAL INFANTILISM AND ITS CONSEQUENCES

A. Hovhannisyan, N. Nerkararyan

Vanadzor State University named after H. Tumanyan
Vanadzor, Republic of Armenia

ABSTRACT

In modern society, there is a growing number of individuals exhibiting signs of emotional and psychological immaturity. This phenomenon is often associated with reduced expectations for children's independence, excessive parental overprotection, and a prolonged process of socialization during early adolescence. The article explores the causes of mental infantilism and its negative impact on the formation of a fully developed personality. A diagnostic study was conducted among adolescents aged 10–13 at Stepan Shahumyan Basic School No. 6 in Vanadzor, Republic of Armenia. The study focused on analyzing behavior and identifying key signs of infantilism, as well as evaluating the level of its manifestations in several key domains: independence, social behavior, emotional maturity, and self-care skills. The main signs identified include emotional immaturity, lack of independence, and difficulties in social adaptation. The article also outlines serious consequences of infantilism among adolescents in the context of globalization, particularly with regard to personal development, acquisition of social skills, and professional realization. Recommendations are provided on ways to minimize these effects, along with practical advice for parents raising children with signs of infantilism.

Keywords: egocentrism, irresponsible behavior, excessive parental care, superficial thinking, emotional-volitional immaturity.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-647-655

ФОРМИРОВАНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ДИАЛОГА: РОЛЬ ЦЕНТРА МЕДИАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

А.В. Рубцова[1], А.С. Берберян[2], М.Д. Кукушкина[1]

[1]Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
[2]Российско-Армянский университет
rubtsova_av@spbstu.ru, aspsy@inbox.ru, kukushkina_md@spbstu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье обосновывается необходимость целенаправленного формирования личности педагога высшей школы как педагога-медиатора, который становится ключевой фигурой в создании конструктивной образовательной среды и гармоничной корпоративной культуры. В качестве стратегического решения предлагается создание центра коммуникативной медиации. Его деятельность направлена на развитие гибких навыков преподавателей через интегративную программу психолого-педагогической поддержки, которая обеспечивает эмоциональное благополучие, профилактику профессионального выгорания и формирование медиативных компетенций. Доказывается, что данный подход способствует созданию инновационного образовательного кластера, который оказывает значимое влияние на региональном и национальном уровнях, продвигая восстановительные практики и культуру диалога в системе высшего образования.

Ключевые слова: медиативная компетенция, корпоративная культура университета, культура диалога, центр медиации, гибкие навыки, медиация в образовании.

Введение

В современной образовательной среде университета все большее внимание уделяется вопросам психологической комфортности и качества межличностных взаимодействий, которые становятся ключевым фактором эффективного функционирования и устойчивого развития высшей школы [6; 10]. Конфликты, неизбежно возникающие в академическом сообществе, зачастую воспринимаются как деструктивное явление, что приводит к их подавлению, а не конструктивному разрешению.

В научной литературе феномен медиации получает междисциплинарное осмысление, находясь на стыке психологии, социологии, юриспруденции и педагогики.

С психологической точки зрения, медиация трактуется как опосредованный метод регулирования разногласий между сторонами, имеющими различные позиции, но заинтересованными в достижении консенсуса [9]. В данном ракурсе она выступает формой психологической поддержки, нацеленной на нормализацию эмоционального состояния участников и поиск взаимоприемлемых решений. Ключевая роль в этом процессе отводится медиатору – нейтральному посреднику, обладающему специальными личностными и профессиональными качествами для ведения переговоров [7; 9].

В социологическом дискурсе медиация рассматривается в качестве социально-культурного ресурса, направленного на снижение уровня конфликтности как в обществе в целом, так и внутри отдельных институтов [9]. Здесь она предстает как социальный институт, созданный для урегулирования споров и коррекции социального поведения индивидов в условиях конфликта.

Юридический подход определяет медиацию как регламентированную законом примирительную процедуру, которая используется на досудебной стадии разрешения споров при участии независимого лица-медиатора [6].

В сфере педагогики медиация анализируется в двух основных аспектах. С одной стороны, она понимается как социальная практика, нацеленная на создание психологически комфортной атмосферы в образовательном учреждении [1; 7]. В этом ключе речь идет о социальной медиации, которая включает в себя разрешение конфликтов, формирование «культуры медиации», основанной на принципах социальной справедливости, признания прав личности и коллективной ответственности, а также разработку обучающих программ, направленных на формирование такой среды [6].

Учитывая междисциплинарность медиации и ее направленность на поиск консенсуса, важно рассмотреть и ее кросс-культурный аспект, выходящий за рамки конфликтных ситуаций.

Наиболее продуктивное личностное и профессиональное развитие специалистов в создании конструктивной образовательной среды и гармоничной корпоративной культуры возможно благодаря обеспечению личностно-развивающей парадигмы образования. Система категорий и понятий, которые отражают современный парадигмальный строй психологии и ее личностно-развивающий потенциал, должна быть кардинально видоиз-

менена. В концептуальном понимании гуманизация образовательной системы направлена на создание условий для саморазвития личности; в то же время любые императивные воздействия на личность в гуманистической психологии трактуются как искусственное ограничение свободы выбора, экзистенциального осмысления, торможения развития творческих, креативных возможностей личности. Так как личностно-центрированный подход К. Роджерса к развитию личности выступает как внутренняя система саморегуляции, то она представляется как наиболее фундаментальная и конструктивная концепция и методологическая база предлагаемого нами центра коммуникативной медиации [3; 4].

Реализация образовательного сценария модели личностно-центрированного образования России и Армении является оптимальной. Многие знатоки психологии человека отмечали, что принадлежность к христианству обусловили мировосприятие и душевные устремления русских и армян. Такие понятия, как милосердие, гуманизм, принятие человека, любовь к ближнему, являющиеся истинно христианскими ценностями, изначально являются ключевыми для русской и армянской ментальности.

Важно также иметь в виду, что для культуры и России, и Армении категория развития понимается иначе, чем в других культурах. Русские и армяне в профессиональных и личных отношениях, как правило, придерживаются стиля, который отличается большим дружелюбием и доброжелательностью, что является критерием констуктивного диалога.

Современная модель корпоративной культуры диалога должна базироваться на принципах этнокультурной идентификации и интеграции в мировое образовательное сообщество. Одной из основных предпосылок формирования медиативных компетенций в едином образовательном пространстве России и Армении является взаимное признание базовых принципов в системе образования. Армения активно сотрудничает с РФ, с которой подписано двустороннее соглашение о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании. Лучшим доказательством стремления к сотрудничеству может свидетельствовать функционирование в Армении Российско-Армянского университета (РАУ). Как межгосударственный вуз, РАУ является оптимальной моделью эффективного взаимодействия двух культур: армянской и российской. Перевод образовательной системы на субъектную форму с установкой на саморазвитие личности потребует от субъектов образовательной деятельности высокой внутренней активности, рост которой возможен лишь при использовании личностно-центрирован-

ных технологий, которые способствуют обеспечению удовлетворения их наличных потребностей, очевидно, при учете индивидуальных особенностей [5; 6].

Образовательный процесс, к сожалению, иногда рассматривается как безличностное начало, которое ориентировано на фиксирование одностороннего вектора учения, как феномена, в котором не присутствуют регуляторно-личностные аспекты профессионально-личностного развития. В системе высшего образования большое значение имеют регуляторно-личностные предпосылки субъектного развития, это позволяет рассмотреть личностные особенности с позиции ее структурно-функциональной организации, а именно: изучения личностных образований, таких как «Я»-концепция, «Я»-образ, система ценностей, самооценка, самоактуализация. Такой категориальный аппарат используется при интерпретации феномена самореализации личности, детерминации ее активности. В функциональном контексте данные структурные компоненты реализуются в теоретической модели активности личности в форме как взаимодействующих, так и взаимно обусловленных. Но в таком раскладе возникают вопросы, являющиеся дискуссионными: они связаны с принципами детерминации конкретных структурных компонентов личности, с теми параметрами, которые возможно отнести к функционированию системы самореализации [2; 3].

В качестве искомой модели медиации могут выступать принятая субъектом цель деятельности, субъективная модель значимых условий, система критериев, определяющих успешность, представление об ожидаемых результатах преобразований, опосредованный метод регулирования разногласий между сторонами, стоящими на различных позициях, но заинтересованными в достижении консенсуса, сличение наличных результатов с предвосхищенными и желаемыми.

В межкультурном контексте медиация выходит за рамки урегулирования конфликтов, утверждая себя в качестве платформы для конструктивного диалога и углубления взаимопонимания.

Таким образом, учет культурного контекста и ценностных ориентиров становится важным ресурсом для формирования медиативной компетенции в международном образовательном пространстве, где диалог культур является не исключением, а повседневной практикой.

В этой связи особую актуальность приобретает целенаправленное развитие корпоративной культуры диалога, основанной на принципах медиации и конструктивной коммуникации. Ключевой фигурой в создании

такой среды становится педагог-медиатор, способный не только транслировать знания, но и моделировать практики диалога, управлять конфликтами и способствовать созданию атмосферы доверия. Однако становление преподавателя в этой роли требует системной поддержки и развития соответствующих компетенций [4]. В качестве стратегического решения данной проблемы предлагается создание в университете централизованной структуры – Центра развития медиативной культуры. Его деятельность была бы направлена на формирование единой образовательной экосистемы, обеспечивающей многоуровневую поддержку всех субъектов университетского сообщества: администрации, научно-педагогических работников и студентов.

Целью данной статьи является теоретическое обоснование и описание модели Центра медиации как системного инструмента формирования корпоративной культуры диалога в современном инженерном университете.

Таким образом, миссия Центра развития медиативной культуры заключается в формировании образовательной среды инженерного вуза как психологически безопасной, удовлетворяющей потребности всех участников в личностно-доверительном общении, где каждый важен и значим, где конфликтов не избегают, а умеют их эффективно разрешать.

Нам представляется, что данный подход способствует не только профилактике и конструктивному разрешению конфликтов, но и созданию инновационного образовательного кластера, оказывающего значимое влияние на повышение привлекательности бренда университета и качества корпоративной культуры в целом.

Методы

Методологическую основу деятельности Центра развития медиативной культуры составляет трековая модель, базирующаяся на принципах проактивности, обучающей функции, многоуровневости и практико-ориентированности. Данная модель, направленная на формирование корпоративной культуры диалога в инженерном вузе, реализуется через три ключевых направления: два академических трека для преподавателей и один просветительский трек для студентов.

Трек 1. «Искусство медиации в образовании»

Данный трек для преподавателей реализуется с помощью многоуровневой системы, обеспечивающей дифференцированный подход к развитию

компетенций. Каждый уровень включает комплекс мероприятий: тренинги, мастер-классы и программы повышения квалификации, что позволяет педагогам поэтапно формировать и совершенствовать медиативные навыки.

Базовый уровень ориентирован на формирование фундаментальных компетенций и включает тренинг «Эмоциональный интеллект и саморегуляция в работе преподавателя», а также программу повышения квалификации «Этика и психология делового общения в университете» (36 часов).

Средний уровень направлен на углубленное освоение медиативных практик с помощью программы повышения квалификации «Медиация в образовательной среде вуза» (72 часа) и адаптированных под задачи системы образования тренингов, таких как «Медиация академических конфликтов».

Продвинутый уровень завершает подготовку внутренних тренеров, которые получают квалификацию, достаточную для самостоятельной реализации образовательных программ по медиации в своих структурных подразделениях.

Основными технологиями на всех уровнях являются кейс-метод и проблемно-ориентированное обучение, обеспечивающие анализ реальных конфликтных ситуаций академической среды и формирование практических навыков их конструктивного разрешения.

Трек 2. «Инженерно-педагогический»

Это направление для преподавателей структурировано в два модуля: «Инженерная педагогика» и «Инженерная психология». Оба модуля реализуются через программы повышения квалификации, направленные на интеграцию психолого-педагогических компетенций в инженерное образование. В обучении применяются рефлексивные методы и супервизия, обеспечивающие анализ современных педагогических реалий, а также обмен профессиональным опытом.

Трек 3. «Медиация в студенческой среде»

Данное направление ориентировано на студентов и сочетает тренинговые форматы («Конфликт? Решаю!», интенсивы по командообразованию), дисциплины по выбору (soft skills) и массовый онлайн-курс (МООК) «Основы медиации для жизни и работы». Для формирования практических навыков используются дидактические и деловые игры, моделирующие ти-

пичные конфликтные сценарии в студенческой среде, а для популяризации идей медиации цифровые технологии и событийные форматы.

Результаты

Реализация трековой модели Центра развития медиативной культуры, основанной на принципах проактивности, многоуровневости и практико-ориентированности, позволит достичь системных результатов на различных уровнях.

На университетском уровне ключевым результатом станет качественное преобразование корпоративной культуры вуза. Внедрение академического трека для преподавателей, включающего уровневое обучение и программы повышения квалификации, будет способствовать формированию кадрового резерва внутренних тренеров-медиаторов, что, в свою очередь, обеспечит профилактику стрессовых ситуаций за счет развития у участников образовательных отношений навыков конструктивной коммуникации, эмоциональной саморегуляции и медиации споров.

На региональном уровне модель позволит создать на базе СПбПУ инновационный образовательный кластер «Медиация в современном университете», консолидирующий усилия вузов региона по внедрению восстановительных практик, что будет способствовать тиражированию успешного опыта и созданию сообщества профессионалов, продвигающих культуру диалога.

На национальном уровне значимым результатом станет развитие медиативного подхода в системе высшего образования. Разработанная и апробированная модель Центра может быть адаптирована для других университетов, способствуя созданию системы медиативной поддержки как инструмента формирования гармоничной личности обучающихся и развития профессионально-педагогической компетентности преподавателей. Это окажет существенное влияние на трансформацию корпоративной культуры российских вузов в сторону большей психологической безопасности и конструктивного взаимодействия.

Уникальность разработанной модели Центра заключается в создании целостной медиативно-адаптивной среды, которая трансформирует образовательное пространство университета в активный ресурс для личностного и профессионального развития. Среда перестает быть пассивным фоном и становится культуротворческим инструментом, где конфликт рассматрива-

ется не как угроза, а как возможность для роста. Реализация комплексного средового подхода, объединяющего образовательные программы разного уровня и целевые аудитории, демонстрирует потенциал системы высшего образования как инновационной площадки по формированию корпоративной культуры нового типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баева И.А*. Психологическая безопасность в образовании / “Psychological Safety in Education”. СПб.: Издательство «Союз», 2002.
2. *Берберян А.С., Берберян Э.С., Георгян С.Р.* Self-actualization: Methodological and Practical Aspects of Studying the Personality of Students in the Process of Distance Learning. Yer.: “Wisdom”, 2021, 14p.
3. *Берберян А.С., Корнилова О.А.* Экзистенциально-гуманистическая психология как фундаментальное основание развития личности и позитивного мышления // Методология современной психологии. Вып. 13 / Сб. под ред. Козлова В.В., Карпова А.В., Мазилова В.А., Петренко В.Ф. М.; Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2021. СС. 39–50.
4. *Berberyan A., Berberyan H., Gevorgyan S.* Self-Actualization and Stress Resistance: Methodological and Practical Aspects of Studying the Personality of Students in the Process of Distance Learning // “Wisdom”. Vol. 21, № 1, 2022. PP. 44–59.
5. *Berberyan A., Berberyan H., Abakumova I.* Psychological characteristics of the value orientation system of Armenians in title ethnos and Russian diaspora // “International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education”, № 7 (3), 2019. PP. 11–17.
6. *Герасимова А.С., Кац Н.Г., Рубцова А.В.* Роль медиации в обучении иноязычному академическому дискурсу студентов многопрофильного вуза / The Role of Mediation in Teaching Foreign Language Academic Discourse to Students of a Multidisciplinary University // «Вестник Томского государственного университета», № 501, 2024. СС. 173–181.
7. *Кукушкина М.Д., Савина А.Д., Соловьева Н.С.* Цифровой психолого-педагогический навигатор как инструмент формирования медиативной компетенции субъектов образовательной среды / “Digital Psychological and Pedagogical Navigator as a Tool for Developing Mediation Competence of Subjects in the Educational Environment” // Устойчивое развитие общества: новые научные подходы и исследования. М.: АНО ДПО «Центр развития образования и науки», 2025. СС. 256–261.

8. *Лактионова Е.Б.* Структурно-функциональная модель образовательной среды как объекта психологической экспертизы / Structural and Functional Model of the Educational Environment as an Object of Psychological Examination // «Известия РГПУ им. А.И. Герцена», № 148, 2012. СС. 69–80.
9. Медиация: теория, практика, перспективы развития / Mediation: Theory, Practice, Development Prospects: Сборник материалов Второй всероссийской научно-практической конференции. М.: ФИМ, 2017, 178с.
10. *Пугачева Н.Б.* Приоритетные задачи высшего профессионального образования в современной теории и практике / Priority Tasks of Higher Professional Education in Modern Theory and Practice // «Социосфера», № 1, 2011. СС. 42–46.

FORMATION OF A DIALOGUE CORPORATE CULTURE: THE ROLE OF THE MEDIATION CENTER IN A MODERN UNIVERSITY

A. Rubsova[1], A. Berberyan[2], M. Kukushkina [1]

[1]Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
[2]Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article substantiates the necessity of purposeful development of a higher school teacher as a teacher-mediator, who becomes a key figure in creating a constructive educational environment and a harmonious corporate culture. The establishment of a communicative mediation center is proposed as a strategic solution. Its activities are aimed at developing teachers' soft skills through an integrative program of psychological and pedagogical support, which ensures emotional well-being, prevention of professional burnout, and the formation of mediation competencies. It is proven that this approach contributes to the creation of an innovative educational cluster that has a significant impact at the regional and national levels, promoting restorative practices and a culture of dialogue in the higher education system.

Keywords: mediation competence, university corporate culture, culture of dialogue, mediation center, soft skills, mediation in education.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-656-662

НАНО-МАКЕТНАЯ ТЕОРИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЕНОМА И ЭПИГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПАМЯТИ У ЧЕЛОВЕКА

В.Р. Саркисян

Институт физиологии НАН РА им. акад. Л.А. Орбели
Российско-Армянский Университет
Международная Академия Нейронаук
Армянский медицинский институт
Ереванский Медицинский колледж им. Меграбяна
sargsyan.vahram@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В научной работе представлены фундаментальные принципы, по которым осуществляются эпигенетические механизмы формирования и функционирования памяти у человека. Приводится реабилитированная классическая клеточная теория и авторское представление о тотипотентности зиготы. В результате, появилась возможность, для создания новой классификации генома и двух новых генетических теорий – нано-макетной теории функционирования генома, и генетической теории о пластичности генома. Нано-макетная теория функционирования генома стала основной теорией современной эпигенетики, которая объясняет научные механизмы функционирования высшей нервной деятельности на макромолекулярном уровне организации биологической системы. Целью исследования стало понимание механизмов формирования и функционирования мозга человека и его памяти. Таким образом, работа может иметь большую практическую ценность и будет способствовать созданию новой, более эффективной системы образования и здравоохранения.

Ключевые слова: память, нано-макетная теория, нейрогенетика, эпигенетика, нейропластичность.

Введение

Память – процесс, характеризующийся приобретением, хранением и воспроизведением заученного. Энграмма – след памяти, сформированный в результате обучения [5]. Изучение памяти с научной точки зрения предполагает понимание механизмов формирования и функционирования высшей нервной деятельности человека, а также выявления молекулярных но-

сителей памяти. Благодаря пересмотру и реабилитации классической клеточной теории и новому пониманию гипотезы о тотипотентности зиготы, была предложена современная классификация генома и созданы две авторские генетические теории (нано-макетная теория функционирования генома, генетическая теория о пластичности генома). В результате, именно эти теории стали основой современной генетики и эпигенетики, которая объясняет научные механизмы функционирования высшей нервной деятельности на макромолекулярном уровне организации биологической системы. Изучение памяти человека является сложной и мультидисциплинарной задачей, для которой необходимо было пересмотреть основные положения фундаментальной науки. Нам удалось совершить научный прорыв в этой области, поскольку мы опирались на свои предыдущие работы [6], связанные с пониманием истинного статуса вирусов в природе (их функций и места в системе органического мира), новой классификацией генома и двух авторских генетических теорий.

Целью исследования явилось стремление понять фундаментальные основы формирования и функционирования мозга человека и его памяти и тем самым способствовать созданию новой, более эффективной системы образования и здравоохранения. Методом для данного теоретического научного исследования стал метод научного метаанализа.

Реабилитированная классическая клеточная теория и представление о тотипотентности зиготы

Согласно авторским вирусным теориям [6] можно заключить, что вирусы – мигрирующие органеллы эукариотических клеток. Они фактически являются частью нас (клеточных форм жизни) и выполняют многочисленные функции. Вирусы не являются самостоятельными формами жизни, и об этом свидетельствует первоначально созданная клеточная теория. Ниже описаны три принципа клеточной теории:

- ✓ все живые организмы состоят из одной или множества клеток;
- ✓ клетка является структурной и организационной единицей в организмах;
- ✓ клетки возникают из ранее существовавших клеток.

Первый из вышеприведенных принципов часто оспаривается, т.к. неклеточные объекты – такие, как вирусы, иногда считались жизненными

формами. Однако согласно вирусным теориям, клеточная теория научно состоятельна.

Согласно дополнительному положению клеточной теории, клетки многоклеточных организмов (например, зигота) тотипотентны, т.е. обладают генетическими потенциями всех клеток данного организма, равнозначны по генетической информации, однако отличаются друг от друга разной экспрессией различных генов; это приводит к дифференцировке (морфофункциональному разнообразию). Наше мнение отличается от приведенного выше дополнительного положения клеточной теории, так как есть приобретенный геном (кроме основного). Клетки в процессе онтогенеза организма уже становятся не равнозначными по генетической информации и, следовательно, отличаются друг от друга не только разной экспрессией различных генов, но и различным генным набором приобретенного генома. Это имеет большое значение при морфофункциональном разнообразии клеток и является необходимым условием для появления высокоспециализированных клеток многоклеточных организмов. В сложно функционирующих органах, например, в головном мозге ключевую роль играет именно горизонтальный перенос генов.

Классификации генома

Геном – совокупность наследственного материала, заключенного в клетке организма. Геном содержит биологическую информацию, необходимую для построения и развития биологической системы. Геномы всех клеточных форм жизни состоят из нуклеиновых кислот. Существует и другое определение термина «геном»: это совокупность генетического материала гаплоидного набора хромосом данного вида [4].

Ниже представим новую классификацию генома.

Основной геном – это совокупность всех генов, полученных организмом от яйцеклетки и сперматозоида в результате оплодотворения. *Это – вертикальная передача генов.*

Приобретенный геном – это совокупность всех генов, полученных организмом в процессе эмбрионального и постэмбрионального периодов от мигрирующих органелл клеток (биокоммуникаторов) и других мобильных генетических элементов – в виде молекул ДНК и РНК. Все изменения, происходящие во внешней и внутренней среде организма, вызывают изменения в приобретенном геноме. Те, которые имеют значимость, сохраняются

в резервах долговременной памяти организма. *Это – горизонтальная передача генов.* Приобретенный геном является уникальным для каждой соматической клетки.

Генетическая теория пластичности генома

Пластичность генома обусловлена обогащением или разрушением генома организма на протяжении всего периода индивидуального развития за счет доли приобретенного генома.

Генетическая теория пластичности генома основывается на новой классификации генома по В. Саркисяну. Пластичность генома является основой для нейропластичности и поэтому является фундаментальной теорией для создания новой системы здравоохранения, образования, для развития психологических и педагогических наук, социологии и др. прикладных областей.

Нано-макетная теория функционирования генома

Согласно нано-макетной теории функционирования генома, *молекула ДНК/РНК хранит биологическую информацию не только в виде генетического кода, состоящего из последовательности нуклеотидов, но и в виде структурно-пространственной организации.* Фактически информационная компонента кроется не только в I структуре организации молекул ДНК/РНК, а также во II и III структурах. Это фактически своеобразные биологические нано-макеты. Аналогичную функцию в природе могут осуществлять и некоторые молекулы белков.

ДНК содержит информацию о структуре различных видов РНК и белков [1], но это не означает, что молекула ДНК не имеет возможности самостоятельно осуществлять многочисленные биологические функции, обеспечивающие жизнедеятельность биологических систем, в том числе, формирование и функционирование кратковременной и долговременной памяти у человека.

Почти все гены функционируют по принципу нано-макетов. Однако, исходя из того, что многие гены основного генома локализованы в клеточном ядре, а должны функционировать в цитоплазме или за пределами клетки, природа создала известные современной биологии процессы транскрипции и трансляции.

Обсудим вопросы эпигенетики, которые стали прекрасным подтверждением нашей теории. Наиболее часто использующееся в настоящее время определение эпигенетики было введено А. Риггсом в 1990-х гг. и формулируется следующим образом: «изучение митотически и/или мейотически наследуемых изменений в функции генов, которые не могут быть объяснены изменениями в последовательности нуклеотидов ДНК».

Нано-макетная теория функционирования генома напрямую отражает многочисленные процессы, протекающие как на клеточном, так и на организменном уровнях. Гены, функционирующие по принципу «нано-макетов», фактически являются своеобразной копией макромира. В зависимости от адекватности отражения макромира на клеточном уровне можно судить об уровне качества восприятия информации со стороны организма.

Механизмы формирования и функционирования мозга человека

Если учесть, что клетка имеет основной и приобретенный геномы, то этот факт проливает свет на множество не решенных в настоящее время научных вопросов и, в первую очередь, на аспекты генетического уровня развития организма. В свою очередь, становится понятным, по каким молекулярным механизмам осуществляется дифференциация клеток у многоклеточных организмов в процессе индивидуального развития. Полностью научно обосновывается, например, появление высокоспециализированных функций нейронов и проявление уже на организменном уровне различных функций высшей нервной деятельности (в том числе – памяти).

Для функционирования высокоспециализированных клеток (таких, как нейроны ЦНС) – тех генов, которые были получены от родителей вертикальным путем передачи, не будет достаточно. Согласно нашим вирусным теориям, для полноценного восприятия информации, формирования долговременной памяти и функционирования нервной системы организм в процессе онтогенеза должен дополнительно получить определенный набор генов путем их горизонтальной передачи. Этот процесс имеет место в перинатальном и постнатальном периодах индивидуального развития. Для того, чтобы большинство из высокоспециализированных клеток в организме человека начали полноценно исполнять предначертанные им функции, недостаточно лишь «включение» определенных групп генов и «отключение» других групп генов из основного генома. Основной геном человека

создает лишь предпосылки или иначе говоря благоприятные условия для реализации этого важнейшего процесса.

Вирусная теория формирования памяти

Процесс постоянной электрической активности в ЦНС (центральной нервной системе) в ходе реверберации приводит к образованию структурных изменений биокоммуникаторов организма человека и/или животных. Все эти изменения, происходящие в нейронных реакциях, получили название «консолидации», а вирусы/биокоммуникаторы являются материальными носителями информации, поступающей в долговременную память. Таким образом, имеет место формирование и дальнейшее хранение биологических нано-макетов. Далее экспрессия этих генов ведет к извлечению информации из долговременной памяти. В организме человека функцию носителя информации в долговременной памяти могут выполнять герпесвирусы. Герпесвирусы – большое семейство ДНК-содержащих вирусов, которыми «заражено» большинство населения нашей планеты [3], [2]. Отличительным признаком вирусов этого семейства является нахождение вируса в клетках латентно и часто без клинических проявлений. Следовательно, они в это время выполняют важнейшие функции ВНД (высшей нервной деятельности) человека.

Стало известно, что память не локализуется в определенных участках ЦНС, а распределяется по всему телу организма. Мозг играет ключевую роль в процессе хранения памяти и является местом ее хранения.

Заключение

В заключение отметим, что биологической системе, наряду с основным геномом, присуще наличие приобретенного генома. Следовательно, геном пластичен, и его пластичность является основой для пластичности мозга (нейропластичности). Функционирование генома в подавляющем большинстве случаев осуществляется на основе деятельности биологических нано-макетов. Согласно нано-макетной теории функционирования генома, макромолекула ДНК или РНК хранит биологическую информацию не только в виде генетического кода, но и в виде структурно-пространственной организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Alberts B., Johnson A., Lewis J. et al.* Molecular biology of the cell. 5th ed. New York: “Garvard Science”, 2008.
2. *Arvin A., Campadelli-Fiume G., Mocarski E.* et al. Human Herpesviruses: Biology, Therapy, and Immunoprophylaxis. “Cambridge University Press”, 2007.
3. *Воробьев А.А., Быков А.С.* Атлас по медицинской микробиологии, вирусологии и иммунологии: Уч. пособие для студентов медицинских вузов / М.: «Медицинское информационное агентство», 2003. С. 109. ISBN 5-89481-136-8
4. *Инге-Вечтомов С.Г.* Генетика с основами селекции. СПб.: Изд-во «Невский Лексикон», 2010, 718с.
5. Психофизиология. Под ред. Ю.И. Александрова. Уч. для вузов. 4-е изд. СПб.: «Питер», 2014, 464с.: ил. ISBN 978-5-496-00756-6
6. *Саркисян В.Р.* Фундаментальная наука XXI века. 5-е изд. Ер.: Авт. изд., 2024, 144с. ISBN 978-9939-0-4960-1.

NANO-MODEL THEORY OF GENOME FUNCTIONING AND EPIGENETIC BASIS OF HUMAN MEMORY

V. Sargsyan

Institute of Physiology of the National Academy of Sciences
of the Republic of Armenia named after Academician L. Orbeli
Russian-Armenian University
International Academy of Neurosciences
Armenian Medical Institute
Yerevan Medical College named after Mehrabyan

ABSTRACT

This scientific work presents the fundamental principles underlying the epigenetic mechanisms of memory formation and function in humans. It rehabilitates classical cell theory and the author's concept of zygote totipotency. This work paves the way for a new genome classification and two new genetic theories: the nano-model theory of genome function and the genetic theory of genome plasticity. The nano-model theory of genome function has become the foundational theory of modern epigenetics, explaining the scientific mechanisms underlying higher nervous activity at the macromolecular level of biological system organization. The aim of the study was to understand the mechanisms of the formation and function of the human brain and its memory. Thus, the work has significant practical value and will contribute to the creation of a new, more effective education and healthcare system.

Keywords: memory, nano-model theory, neurogenetics, epigenetics, neuroplasticity.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-663-670

ԳԻՏԱՄԱՆԿԱՎԱՐԺԱԿԱՆ ՀԱՄԱԳՈՐԾԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆԸ ՈՐՊԵՍ ՈՒՍԱՆՈՂՆԵՐԻ ՀՈԳԵԿԱՆ ԱՌՈՂՋՈՒԹՅԱՆ ՊԱՀՊԱՆՄԱՆ ԳՈՐԾՈՆ

Ա. Ստեփանյան

Վանաձորի պետական համալսարան
petrosyan.anahit@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

21-րդ դարում բուհական դասավանդման գործընթացում անընդհատ են մեթոդների և հնարների որոնումները, որոնց նպատակը ոչ միայն գիտելիքների և կարողությունների, այլ նաև անձնական որակների և ընդունակությունների ձևավորումն է: Հիմքում ունենալով դասավանդման ավանդական ձևերի դրականը, փորձն ու փորձառությունը՝ դասախոսը ժամանակակից համակարգչային դարում անընդհատ զարգացող տեխնոլոգիաների միջոցով համակարգում է իր գիտելիքները՝ դրանք նորովի մատուցելով ուսանողներին: Այս գործընթացում ամրապնդվում է դասախոսների և ուսանողների համագործակցությունը՝ հիմնված հավասարության, վստահության և հարգանքի վրա, քանի որ նորագույն տեխնոլոգիաներին ավելի հմտորեն են տիրապետում երիտասարդները, և փոխգործակցության արդյունքում ուսումնառության նրանց առաջարկած ձևերը երբեմն ավելի նորաձև են լինում: Ժամանակակից դասախոսը չի խուսափում նման իրավիճակներից և խրախուսում է խորհրդատու ուսանողին՝ զուգահեռաբար զարգացնելով մասնագիտական հաջողությունների նրա ձգտումը: Այսպիսով ձևավորվում է գիտամանկավարժական մթնոլորտ, որտեղ ձևավորվում են ուսանողի կարողությունները, արժեքները, և ստեղծվում են բարենպաստ պայմաններ նրանց հոգեկան առողջության պահպանման համար:

Սույն հոդվածի նպատակն է դիտարկելդասախոս-ուսանողարդյունավետ համագործակցության համար անհրաժեշտ մանկավարժական ընդունակություններն ու դասախոսի մոտեցումները՝որպես նորարարական գործունեության ձև և ուսանողի հոգեկան առողջության ապահովման գործոն:

Հիմնաբառեր՝ արդյունավետ համագործակցություն, ինտերակտիվ մեթոդներ, հոգեկան առողջություն, առողջ կրթական միջավայր, զարգացում, ինտերակտիվ մեթոդներ:

21-րդ դարի առաջին քառորդում հասարակական կյանքի բոլոր ոլորտներում՝ տնտեսական, հոգևոր, քաղաքական, տեղի են ունենում փոփոխություններ և ի հայտ են գալիս նորարարական տեխնոլոգիաներով պայմանավորված մի շարք գործընթացներ, որոնցից անհատը չի կարող մեկուսանալ, քանի որ դրանք շրջապատում են ամենուր՝ որպես ժամանակակից մարդկային կյանքի ամենօրյա պահանջմունք, որ բավարարում ու լուծում է ինչպես առօրեական, այնպես էլ նպատակային խնդիրներ:

Այս ամենին առաջինն արձագանքողներից են հոգեբանական և մանկավարժական գիտությունները, որոնց զարգացումը տեղի է ունենում շատ ինտենսիվ՝ իր արտացոլումն ունենալով կրթական գործունեության մեջ. վերջինիս արդյունքում անընդհատ են լույս տեսնում նոր դասագրքերը, ձեռնարկները, որոնք խթանում են արդիական գիտությունների դասավանդման գործընթացի ուղղությունները: Այս ամենը ստիպում է դասավանդող մանկավարժին՝ անընդմեջ կատարելագործել մանկավարժական վարպետությունն ու բարձրացնել մակարդակը՝ զարգացնելով ոչ միայն գիտելիքների բազան, այլ նաև դրանց դասավանդման եղանակներն ու միջոցները:

Ունենալով ընդհանրություններ հանրակրթության ոլորտում աշխատող մանկավարժների հետ՝ բուհական մակադրակում գործող մանկավարժը բնութագրվում է նաև գիտական ղեկավար լինելու շնորհով, որի համար էլ կարող ենք նրան անվանել գիտամանկավարժական գործունեություն իրականացնող, դասավանդող, մանկավարժ, դասախոս:

Դասավանդող յուրաքանչյուր մասնագետ պետք է տիրապետի ոչ միայն մանկավարժական, այլ նաև հոգեբանական գիտելիքներին, որոնք արդիական են բոլոր ժամանակների համար և միտված են ուսանողների հոգեբանական զարգացմանը և անձնային փոփոխությունների ապահովմանը:

Այս առումով հատուկ նշանակություն ունեն դասավանդման նոր մեթոդները և եղանակները, որոնց միջոցով ուսումնական նյութի յուրացումը

կիրականացվի դասախոսի և ուսանողի միջև փոխգործակցության և երկխոսության դաշտում [3,3]:

Բուհում դասավանդող դասախոսները նույնպես ուսուցման գործընթացում կիրառում են նորարարական մեթոդներ՝ խաղային մոդելավորում, ստեղծագործում, նախագծում, ծրագրավորում, խնդրահարուցում, ստեղծարար ուսուցում և այլն [6, 126]:

Բուհական դասավանդման ուսանողակենտրոն մոտեցումը նորարարական է և ունի էական առավելություններ ավանդական ձևերի նկատմամբ: Այս իրավիճակում ոչ դպրոցի ուսուցիչը, ոչ էլ համալսարանի դասախոսը չեն կարող մնալ միայն տեղեկատվության և պատրաստի գիտելիքների կրողներ:

Լինելով ուսանողների հետ գործընկերային հարաբերությունների հարթությունում՝ դասավանդողը կիրառում է ինտերակտիվ մեթոդներ, կազմակերպում անհատական և խմբային խորհրդատվություններ, դիդակտիկ կամ գործնական խաղեր,երբեմն՝ սոցիալական ցանցերի միջոցով [5,10]:

Գիտամանկավարժական գործունեության հաջողությունը որոշվում է ոչ միայն դասավանդողի մասնագիտական պատրաստվածության աստիճանով, այլ նաևկրթական գործընթացում ուսանողների հոգեբանական բարեկեցության ապահովման հմտություններով:

Մեր կողմից դասավանդվող առարկաների շրջանակում մեծ կարևորություն է տրվում այն հանգամանքին, որ սթրեսը, անհանգստությունը և այլ հոգեբանական դժվարությունները կարող են նվազեցնել ուսման առաջադիմությունը: Հաշվի առնելով այդ հանգամանքը՝ դասերն անց են կացվում այնպիսի մեթոդների կիրառմամբ, որոնք օգնում են ուսանողներին՝ տիրապետել ինքնակարգավորման և հույզերի կառավարման տեխնիկային: Այննպաստում է ուսման համար բարենպաստ պայմանների ստեղծմանը նուսանողների ընդհանուր առողջության պահպանմանը [2, 613]:

Դասավանդումը էական ազդեցություն ունի ուսանողների այն հմտությունների ձևավորման վրա, որոնք օգնում են պահպանել ոչ միայն ֆիզիկական, այլև հոգեկան առողջությունը: Օրինակ՝ սթրեսի կառավարման և հուզական կայունության տեխնիկայի ուսուցումը օգնում է ուսանողներին հաղթահարել ուսմնական սթրեսը՝ կանխելով կամ նվազեցնելով հոգեսոմատիկ հիվանդությունների զարգացման ռիսկը: Մյուս պայմանը

կապված է դասավանդման ինտերակտիվ մեթոդների օգտագործման հետ, ինչպիսիք են խմբային քննարկումները, դերախաղերը և այլն: Այս մեթոդները ուսանողների շրջանում ստեղծում են համագործակցության և աջակցության մթնոլորտ, ինչը նվազեցնում է անհանգստության և սթրեսի մակարդակը ուսումնական միջավայրում: Սա նպաստում է ոչ միայն հոգեհուզական վիճակի բարելավմանը, այլև ուսանողների սոցիալական առողջության ամրապնդմանը: Կարելի է նաև նշել, որդասընթացներում ներառված հոգեբանությանն առընչվող թեմաները նույնպես կարող են կապված լինել հոգեկան առողջության խնամքի հետ:

Ձեռք բերելով մանկավարժական փորձ և կատարելագործվելով՝ դասախոսը ավանդական իրողությունների հիմքի վրա ստեղծում է այնպիսի պայմաններ, որոնց միջոցով կկարողանա ներգրավել ուսանողներին ուսումնական ակտիվ գործունեության մեջ, այսինքն կիրականացնի «ուսումնական համագործակցություն» ուսանողների հետ: «Դասախոս-ուսանող» համագործակցության դաշտի ստեղծումը համարվում է նորարարական մոտեցում, աշխատանքի կազմակերպման նոր ձև [5, 11]:

Դասախոսը և ուսանողը՝ որպես համագործակցության սուբյեկտներ, կարիք են զգում այնպիսիկապերի հաստատման և ընդլայնման, որոնք ենթադրում են փոխադարձ հետաքրքրվածություն՝ վերջնարդյունքում լավ մասնագետ պատրաստելու նպատակով: Ուսուցման որակը կախված է դասախոսի և ուսանողի համագործակցության և փոխհարաբերություններ ի որակից: Համագործակցությունը կառուցելու համար, կիրառելով կողմնորոշման (ֆասիլիտացիայի) տեխնոլոգիան՝ ուսանողները ձեռք են բերում ինքնուրույն աշխատելու ազատություն: Հանձնարարված թեմաների ինքնուրույն որոնումների արդյունքում նյութի բովանդակությունը ընկալում են ըստ էության՝ այն դարձնելով իրենց մտավոր կարողունակությունը [4,353] :

Հենվելով սեփական դասավանդման («Հոգեբանության դասավանդման մեթոդիկա») փորձի վրա՝ ինտեռակտիվ, փոխգործուն մեթոդների կիրառմամբ, ակնհայտ էդառնում համատեղ աշխատանքի արդյունավետությունը՝ յուրաքանչյուր ուսանողի ակտիվ և շահագոգիռ մասնակցությամբ: Ստեղծվում է «ուսանողակենտրոն» կրթական միջավայր, բարենպաստ պայմաններ, գործընկերային հարաբերություններ, բարյացակամ տրամադրվածություն ինքնադրսևորման համար: Ուսուցման ինտերակտիվ

մեթոդները նպաստում են ուսման արտաքինն ներքին դիրքորոշումների ակտիվացմանը, մասնագիտական գործունեության դրդապատճառների (իմացական ակտիվություն, ինքնուրույնություն, ինքնաճանաչում, ինքնաիրացում, հնարավորությունների արդիականացում, ինքնազարգացում) ձևավորմանը:

Ուսանողները հնարավորություն են ձեռք բերում սեփական մտքերը անկաշկանդ արտահայտելու, որոշումներ կայացնելու, խնդիրներ լուծելու, միմյանց հետ ակտիվ հաղորդակցվելու, համագործակցելու և զարգանալու:

Այսպիսով, հոգեբանության դասավանդման մեթոդաբանությունը և ուսանողների առողջության թեման սերտորեն փոխկապակցված են: Դասախոսները կարող են օգտագործել այս ներուժը՝ ստեղծելու ավելի առողջ ուսումնական միջավայր, որը նպաստում է ոչ միայն ակադեմիական հաջողությանը, այլև ուսանողների առողջության պահպանմանը և ամրապնդմանը:

Ուսումնական գործընթացը ընթանում է գործողությունների հաջորդական՝ փոխանակման, փոխներգործության որոշակի փուլերի միջոցով: Դա նշանակում է, որ համագործակցությունը փոխներգործության փուլերի հաջորդականություն է:Առանձնացվում են փոխներգործությունննիմաստավորող և նպատակամղող ցիկլեր կամ կողմնորոշող և պլանավորող փուլեր, ստուգող ու գնահատող փուլեր: Համագործակցության բոլոր ձևերը ենթադրում են փոխներգործության բազմագործառնական փուլերի տարբերակված կիրառում:

Համագործակցության զարգացման շարժընթացը (դինամիկան) իր տրամաբանությամբև նպատակաուղղվածությամբ գրեթե չի տարբերվում ուսուցման ընթացքում անձի զարգացման գործընթացից: Անձնավորության զարգացումն ընթանում էնրա հոգեկանում տեղի ունեցող փոփոխությունների շնորհիվ [1,112]:

Եզրակացություն

Վերլուծելով դասախոսի և ուսանողների համագործակցության ազդեցությունը դասավանդման որակի վրա՝ կարելի է եզրակացնել, որ այս գործոնը առանցքային դեր է խաղում արդյունավետ կրթական միջավայր ստեղծելու գործում: Երկխոսության, վստահության և փոխադարձ աջակ-

ցության վրա հիմնված փոխգործակցությունը նպաստում է ուսանողների մոտիվացիայի բարձրացմանը, ուսումնական գործընթացում նրանց ներգրավվածությանը և նյութի ավելի խորը յուրացմանը: Բացի այդ, կրթական գործընթացում համագործակցությունը դրականորեն է ազդում առողջության պահպանման ասպեկտների վրա: Դասախոսի և ուսանողների միջև բաց հաղորդակցությունը թույլ է տալիս ժամանակին հայտնաբերել և լուծել ծագող հոգեհուզական խնդիրները, նվազեցնում է սթրեսի մակարդակը և նպաստում կրթական դժվարությունների հաղթահարման կայուն ռազմավարությունների ձևավորմանը: Այս մոտեցումը օգնում է ոչ միայն պահպանել ուսանողների հոգեկան առողջությունը, այլև բարելավել նրանց ֆիզիկականև հոգեկան վիճակը՝ օպտիմալ ուսումնական ծանրաբեռնվածության և թիմում բարենպաստ մթնոլորտի շնորհիվ: Միևնույն ժամանակ, կրթական գործունեության մեջ համագործակցությունը ամրապնդում է կարևոր արժեքներ՝ փոխադարձ հարգանք, պատասխանատվություն, ապրումակցում, կարեկցանք և աջակցություն: Այս արժեքները ներդաշնակորեն զարգացած անհատականության ձևավորման գործընթացի անբաժանելի մասն են և նպաստում են ուսանողների բարոյական և էթիկական որակների դաստիարակությանը, որոնք անհրաժեշտ են հաջող մասնագիտական գործունեության և հասարակության մեջ կյանքի համար:

Այսպիսով, դասախոսի և ուսանողների համակարգված համագործակցությունը ոչ միայն նպաստում է կրթության որակի բարձրացմանը, այլև հիմք է ստեղծում առողջության պահպանման և բարոյական ուղեցույցների ձևավորման համար: Այս ուղղության հետագա զարգացման համար անհրաժեշտ է ակտիվորեն ներդնել ուսուցման ինտերակտիվ մեթոդներ, զարգացնել հաղորդակցման մշակույթ և հաշվի առնել յուրաքանչյուր ուսանողի անհատական առանձնահատկությունները, նպաստելով նրանց մասնագիտական և անձնային աճին:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Գևորգյան Ս., Վարդանյան Կ.,Դալլաքյան Ա.* Հոգեբանության դասավանդման մեթոդիկա, ուսումնամեթոդական ձեռնարկ, Եր., «Զանգակ-97», 2011,140 էջ:
2. *Джалолова Д.Ф.* Мастерство, компетентность и профессионализм педагога // Журнал «Молодой ученый», № 14 (148), 2017. СС. 613–615.

3. *Никишина И.В.* Инновационные педагогические технологии и организация учебно-воспитательногои методического процессов в школе: использование интерактивных форм и методов в процессе обучения учащихся и педагогов. Волгоград: «Учитель», 2007. https://www.studmed.ru/nikishina-iv-innovacionnye-pedagogicheskie-tehnologii-i-organizaciya-uchebno-vospitatelnogo-i-metodicheskih-processov-v-shkole_5a1b01e31b4.html
4. *Николаева Л.В., Савинова Р.В.* Взаимодействие преподавателя и студента как условие эффективности профессиональной подготовки будущих специалистов // «Современные наукоемкие технологии», № 12, 2015. Якутск, ГОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова». СС. 351–354.
5. *Николаенко Е.А.* Педагогика сотрудничества – новое направление в развитии педагогики. 1–14.
6. *Черкасов М.Н.* Инновационные методы обучения студентов // XIV Международная заочная научно-практическая конференция «Инновации в науке». Новосибирск, № 14–2, 2012. СС. 124–129. https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-metody-obucheniya-studentov

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ

А. Степанян

Ванадзорский государственный университет им. Ов. Туманяна

В XXI веке в вузовском педагогическом процессе постоянно ведутся поиски методов и приемов, целью которых является не только передача знаний и умений, но и формирование личностных качеств.

В современный компьютерный век преподаватели, основываясь на положительных сторонах традиционных форм обучения, совершенствуя свои знания с помощью постоянно развивающихся технологий, преподносят их студентам по-новому. В данном процессе сотрудничество между преподавателем и студентами становится более тесным, основанным на равенстве, доверии и уважении.

В результате использования преподавателем новых форм обучения взаимодействие становится более интерактивным и актуальными. Современный преподаватель поощряет активность студента, параллельно развивая его стремление к профессиональному успеху. Таким образом, формируется научно-педагогическая атмосфера, в которой акцентируется не только раскрытие способностей, ценнос-

тей студента, но и обеспечение его психического здоровья, изучение этого аспекта обучения стало основой для данного исследования. Цель статьи – рассмотрение инновационных педагогических подходов в преподавании, необходимых для эффективного, сберегающего психическое здоровье студентов сотрудничества.

Ключевые слова: эффективное сотрудничество, интерактивные методы, психическое здоровье, здоровая образовательная среда, развитие, интерактивные методы.

SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL COOPERATION AS A FACTOR IN PRESERVING STUDENTS' MENTAL HEALTH

A. Stepanyan

Vanadzor State University after Hovh. Tumanyan

ABSTRACT

In the 21st century, the pedagogical processes in higher education arecontinuously adopting methods and techniques aimed at developing knowledge and skills as well as personal and professional qualities. In the modern digital era, the teacher, while building on effective traditional forms of education, has the potential to improve their knowledge and teaching practice through the use of new technologies. The adoption of new technologies can be facilitated through collaboration with students.

In this process, the cooperation between teachers and students becomes closer, based on equality, trust, and respect. As a result of this interaction, the teaching methods used by the teacher become more relevant to students.

The modern teacher encourages student initiative, simultaneously fostering their aspiration for professional success. Thus, a scientific and pedagogical atmosphere is created, where the focus is not only on the development of students' abilities and values but also on ensuring better mental health, which is the main premise of this article. The purpose of the article is to examine innovative pedagogical approaches that are necessary for effective and health-preserving cooperation between teachers and students.

Keywords: effective collaboration, interactive methods, mental health, healthy educational environment, development, interactive methods.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-671-679

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПРОЯВЛЕНИЕ ТРЕВОЖНОСТИ У СТУДЕНТОВ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

А. Степанян

Ванадзорский государственный университет им. Ов. Туманяна, Ванадзор, Республика Армения
petrosyan.anahit@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются психологические, социальные и учебно-профессиональные факторы, влияющие на возникновение и проявление тревожности у студентов. Особое внимание уделено роли образовательной среды и межличностных отношений в формировании тревожных состояний. Представлены пути преодоления тревожности с помощью психологической поддержки, саморегуляции и оптимизации учебной деятельности.

Ключевые слова: тревожность, студенты, психологические факторы, адаптация, саморегуляция.

Введение

Личность человека проявляется в различных аспектах человеческой деятельности, особенно ярко – в кризисных ситуациях. В подобных обстоятельствах часто возникает состояние тревожности, которое характерно и для студентов, поскольку современная система высшего образования предъявляет к ним высокие требования, связанные не только с академической успеваемостью, но и с адаптацией к новым социальным условиям, самоорганизацией и эмоциональной устойчивостью.

В современной действительности тревожность рассматривается как одна из наиболее актуальных психологических проблем. Ее возникновение обусловлено множеством факторов: природными особенностями человека (в первую очередь свойствами нервной системы), социальными изменениями, личностными качествами, мировоззрением, низкой самооценкой, внутренними конфликтами и другими обстоятельствами.

У каждого члена общества существует свой уровень тревожности, отражающий индивидуальную склонность к переживаниям и эмоциональному напряжению.

Цель исследования – выявление факторов, вызывающих чувство тревожности у студентов, а также определение возможных путей преодоления тревожного состояния.

Теоретическая часть

Получение высшего образования – это процесс, который способен вызывать стрессовые ситуации. Какие трудности возникают (страх перед будущим, давление со стороны социума, требование и внушение родителей, что человек должен быть образованным и успешным). Как студенты преодолевают трудности учебного процесса –это зависит от их социальных и личностных ресурсов. Этой проблеме уделялось внимание со стороны многих психологов (А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев и многие другие). Несмотря на достаточную разработку проблемы, вопрос остается актуальным, поскольку социальные изменения и другие факторы способствуют попаданию человека в трудную ситуацию, со всеми вытекающими последствиями. Стрессовая ситуация (тревожность) способствует потере личностных ресурсов, т.е. способности преодолевать трудности [2, с. 80].

Студенты, войдя в университет, меняют привычную школьную обстановку на новую, значительно отличающуюся, систему обучения в вузе. Эти новые требования, обстановка, правила, режим- вызывают повышенный уровень тревожности [4, с. 242].

Новые требования, предъявляемые к организации обучения, также обуславливают актуальность темы исследования, поскольку обучение часто формирует неправильное представление у студентов (чувство неопределенности) о будущей специальности, о дальнейших планах, целях и трудностях формирования волевых качеств, формировании активной жизненной позиции. Не все умеют адекватно реагировать на изменения в окружающем мире и это вызывает неблагоприятные реакции – тревожность.

Теоретические подходы к изучению тревожности студентов

Проблема тревожности традиционно занимает важное место в психологии личности. Первые систематические исследования тревожности при-

надлежат З. Фрейду, который рассматривал ее как внутренний конфликт между бессознательными влечениями и требованиями внешнего мира. В дальнейшем понятие тревожности было развернуто в трудах К. Хорни, Р. Мэя, Э. Фромма и других представителей гуманистической и экзистенциальной психологии.

К. Хорни трактовала тревожность как «основное чувство изолированности и беспомощности в потенциально враждебном мире». По мнению Р. Мэя, тревожность – это неотъемлемое свойство человеческого существования, отражающее столкновение человека с неопределенностью будущего.

В отечественной психологии тревожность изучалась Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном, Б.Г. Ананьевым, А.М. Прихожан, Ч.Д. Спилбергером и др. А.М. Прихожан отмечала, что тревожность может выступать как ситуативная реакция, так и как личностная характеристика. С точки зрения Ч. Спилбергера, тревожность делится на ситуативную (СТ) и личностную (ЛТ).

Факторы, влияющие на развитие тревожности у студентов

Тревожность студентов имеет многофакторную природу. Среди внутренних факторов выделяются: индивидуально-психологические особенности личности (эмоциональная возбудимость, низкая самооценка, неуверенность, перфекционизм); особенности темперамента (по И.П. Павлову – сила, уравновешенность и подвижность нервных процессов); наличие внутренних конфликтов; уровень саморегуляции и стрессоустойчивости.

К внешним факторам относятся: условия обучения (объем учебной нагрузки, организация образовательного процесса); взаимоотношения в группе и с преподавателями; социальное давление со стороны родителей и окружения; материальные трудности и профессиональная неопределенность.

Психологические последствия повышенной тревожности

Повышенный уровень тревожности негативно отражается на когнитивных процессах. При высоком уровне тревожности снижается концентрация внимания, нарушается память, ухудшается способность к аналитическому мышлению. Эмоциональные проявления тревожности включают раздражительность, чувство внутреннего беспокойства, неуверенность. На

физиологическом уровне возможны головные боли, бессонница, тахикардия, повышенное потоотделение.

Пути профилактики и преодоления тревожности

Эффективными средствами снижения тревожности являются: релаксационные и дыхательные упражнения; когнитивно-поведенческие техники; тренинги уверенности; поддерживающая психологическая среда; развитие позитивного мышления. Важно, чтобы студенты ощущали поддержку и имели возможность обращаться за помощью к психологу.

Тревожность рассматривается в психологии как эмоциональное состояние, характеризующееся чувством неопределенности, ожиданием неблагоприятных событий и внутренним напряжением. Различают тревожность и как устойчивое личностное свойство, черту темперамента.

А.М. Прихожан рассматривает тревожность как переживание эмоционального дискомфорта, предчувствие грозящей опасности. Тревожность – устойчивое личностное образование, сохраняющееся на протяжении достаточно длительного периода времени [5, с. 4].

В последнее время большое внимание уделяется индивидуальным и личностным качествам студентов в процессе обучения и адаптации в вузе [1, с. 156].

Организация и результаты исследования

Цель исследования – выявление факторов напряженности и тревожности, а также характера их влияния на психическое состояние студентов разных специальностей.

В исследовании приняли участие 30 студентов I-го курса Ванадзорского государственного университета имени Ов. Туманяна:

- *10 студентов психологического направления* (будущие психологи);
- 10 студентов направленности физического воспитания (будущие преподаватели физического воспитания);
- 10 студентов специальностей социально-педагогической направленности.

Для выявления факторов, влияющих на проявление тревожности у студентов, была использована анкета-интервью, для предварительного обследования всех студентов, принявших участие в исследовании. Анкета состоит из 16 утверждений. В нее включены смысловые блоки, отражаю-

щие следующие аспекты тревожности: эмоциональные (1–5); поведенческие (6–9); физиологические (10–11); личностные (12–14); социальные (15–16).

После интерпретации результатов опроса были выявлены основные факторы, способствующие проявлению тревожности.

***Интерпретация результатов**:*

15–25 баллов – низкий уровень тревожности;

26–45 баллов – умеренный уровень тревожности;

46–75 баллов – повышенный уровень тревожности, рекомендуется консультация психолога.

Основными причинам возникновения тревожности студенты назвали:

- учебная перегрузка;
- экзаменационный стресс;
- страх неудачи и несоответствия ожиданиям преподавателей или родителей;
- трудности адаптации к новым условиям обучения;
- недостаток уверенности в себе и низкая самооценка.

Тревожность в умеренной степени может выполнять «адаптивную функцию», стимулируя активность и мобилизуя ресурсы личности. Однако при высоком уровне она ведет к «эмоциональному выгоранию, снижению успеваемости, нарушению сна и концентрации внимания».

Таким образом, тревожность студентов является многопричинным явлением, которое формируется под влиянием комплекса внутренних и внешних факторов, и требует комплексного подхода к ее профилактике и преодолению.

Была проведена диагностика уровня тревожности проводилась с использованием теста Спилбергера–Ханина, который измеряет ситуативную (СТ) и личностную (ЛТ) тревожности. Шкала тревожности по Спилбергеру, уровень стресса, информативный метод диагностики тревожных состояний на текущий момент (при реактивном возбуждении) и колебаний личностной тревожности человека.

Участникам предлагалось ответить на 40 утверждений, оценивая свое состояние по шкале от 1 до 4 баллов.

Всего в исследовании приняли участие 30 студентов I-го курса Ванадзорского государственного университета имени Ов. Туманяна: 10 студентов психологического направления, 10 студентов направления «Физическое воспитание» и 10 студентов социально-педагогического направления.

Результаты исследования

Результаты показали, что у студентов психологического направления наблюдается высокий уровень личностной тревожности, у студентов социально-педагогического направления – средний уровень, а у студентов физического воспитания – низкий уровень тревожности.

Таблица 1.

Средние показатели тревожности (СТ и ЛТ) по специальностям

Специальность	Средний показатель СТ	Средний показатель ЛТ	Уровень тревожности
Психологи	48	52	Высокий
Социальные педагоги	44	46	Средний
Физическое воспитание	38	40	Низкий

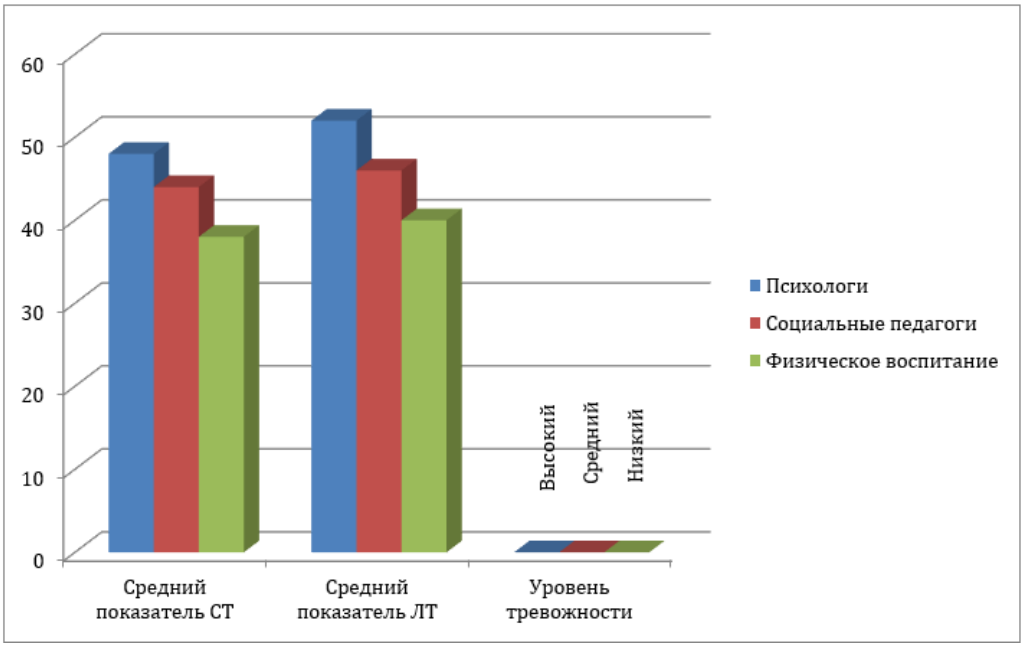

Диаграмма.1. Средние показатели тревожности (СТ и ЛТ) по специальностям.

Интерпретация результатов

15–25 баллов – низкий уровень тревожности;

26–45 баллов – умеренный уровень тревожности;

46–75 баллов – повышенный уровень тревожности, рекомендуется консультация психолога;

76–80 баллов – высокий уровень (пограничный), ярко выраженные признаки тревожности, эмоциональная неустойчивость, трудности концентрации, частые физиологические проявления (сердцебиение, потливость, бессонница). Необходима индивидуальная психологическая консультация.

Таблица 2.

Основные пути преодоления тревожности

Пути преодоления	**Доля студентов (%)**	**Мероприятия**
Саморегуляция и дыхательные упражнения	40%	Проведение релаксационных и дыхательных упражнений по саморегуляции
Поддержка друзей, семьи и преподавателей	35%	Индивидуальная или групповая работа преподавателей по созданию поддерживающей среды
Консультация с психологом	15%	1. Организация психологической помощи (консультации, тренинги). 2. Внедрение тренингов уверенности в себе и коммуникативных навыков
Рациональная организация времени	10%	Формирование позитивного отношения к трудностям обучения

Проведенное исследование подтвердило, что уровень тревожности у студентов зависит от профессиональной направленности, личностных особенностей и условий образовательной среды. Наиболее подвержены тревожным состояниям студенты гуманитарных специальностей.

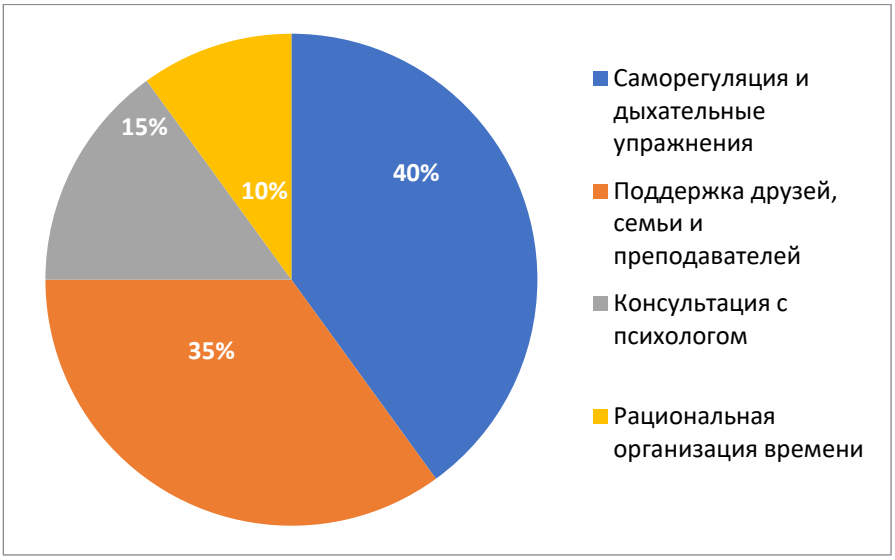

Диаграмма 2. Основные пути преодоления тревожности.

Наиболее эффективными способами преодоления тревожности и формирования умений преодолевать тревожные состояния – это методы самовнушения, релаксация, которые снижают уровень тревожности, активная жизнь (экскурсии, частое пребывание на природе, физическая активность – плавание, занятия спортом) и конечно – оптимизм, позитивное восприятие жизни, окружающего мира [3, с. 171].

Выводы

Таким образом, процесс обучения в вузе для многих студентов может считаться источником тревожности: причиной тому является несоответствие между способностями, умениями студентов и требованиями вуза, которые способствуют низкой успеваемости, адаптивности, нарушение режима, распорядка дня, нарушению эмоциональной устойчивости.

Тревожность, которая характеризуется как физическими, так и психическими симптомами, часто характеризуется интенсивным чувством беспокойства, страха и напряжения и может негативно влиять на повседневную жизнь человека, а также на его социальную и профессиональную жизнь.

Разработка и внедрение программ психологической поддержки, саморегуляции и развития личности, стрессоустойчивости позволят повысить

эмоциональную стабильность студентов и снизить уровень тревожности, что положительно скажется на качестве их обучения и профессиональном становлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Величковская С.Б., Гребенникова Т.О.* Особенности проявлений стресса в период сессии у студентов с разным уровнем личностной тревожности // «Вестник МГЛУ». Вып. 3 (802), 2018. СС. 150–165.
2. *Данилова Н.Д., Багичева Ж.Б., Умариева С.З.* Специфика эмоциональных состояний студентов в процессе обучения в вузе. М.: «Педагогика». СС. 79–82.
3. *Джилеева Б.П. Бадмаева* Проблемы формирования стрессоустойчивости у студентов // «Инновационная наука», № 5, 2020. СС. 170–172.
4. *Перевозчикова Ю.С., Соломатина Л.М.* Факторы учебной тревожности студентов // «Вопросы студенческой науки», № 8 (84), 2023. СС. 241–245.
5. *Прихожан А.М.* Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2000, 304с.
6. *Роджерс К., Бандура А., Фрейд З., Хорни К., Мэй Р.* Психологические основы тревожности: https://library.asue.am/open/2282.pdf
7. *Спилбергер Ч.Д., Ханин Ю.Л.* Измерение тревожности как состояния и свойства: https://www.nekrasovspb.ru/doc/18spilberg.pdf

FACTORS INFLUENCING THE OCCURRENCE AND MANIFESTATION OF ANXIETY IN STUDENTS, AND WAYS TO OVERCOME THEM

A. Stepanyan

Vanadzor State University after H. Tumanyan, Republic of Armenia

ABSTRACT

The article examines the psychological, social, and educational-professional factors influencing the development and manifestation of anxiety among students. Special attention is given to the role of the educational environment and interpersonal relationships in shaping anxiety states. The study presents effective ways to overcome anxiety through psychological support, self-regulation, and optimization of learning activities.

Keywords: anxiety, students, psychological factors, adaptation, self-regulation.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-680-687

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ПОСТРОЕНИЯ В ПРАКТИКЕ ОБУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГОВ

А.А. Согомонян

Российско-Армянский университет
Кафедра психологии РАУ
arthur.soghomonyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

Помимо методик, объединенных общим названием «метафорические карты», раскрытие когнитивного потенциала переносных значений и образных выражений можно рассматривать как материал учебных заданий, вполне адекватно встроенных в процесс вузовского обучения психологов благодаря содержательным пересечениям со многими внутренне противоречивыми аспектами изучаемых явлений психики.

Ключевые слова: метафора, метафорические модели, визуализация, ассоциативные связи.

Введение

Использование метафор в контексте психотерапии и обслуживающих ее психодиагностических процедур стало особенно популярным в связи с методикой «метафорические карты». Индивидуальная интерпретация многозначных символических образов позволяет проникнуть в сферу глубинных личностных установок. Предполагается, что расшифровка переносных значений в духе свободных ассоциаций и фантазирования по мотивам визуальных образов способствует снятию внутреннего контроля и раскрытию малодоступных подсознательных уровней.

Однако, предлагаемый нами подход рассчитан на иное, не столь экзотическое применение. В процессе преподавания нескольких дисциплин, смежных по характеру проблематики (психология труда, социальная психология) естественным образом вырабатывались приемы, позволяющие развивать определенные мыслительные способности из разряда профессионально важных качеств, полезных, впрочем, любому студенту. Умение и постоянная готовность выстраивать по необходимости логические цепочки

на основе ассоциативных связей во многом определяют учебно-познавательную эффективность и вполне согласуются с обиходными требованиями вузовского обучения, независимо от специализации студентов.

Методы

Можно считать вполне обоснованным мнение, связывающее обращение к метафорам не только с «обслуживанием» эмоциональной выразительности сообщений, но и с раскрытием познавательного потенциала метафорических построений. Это подтверждается и на уровне доказательных теоретических рассуждений серьезных исследователей [1, 2, 4], и при осмыслении постоянно наблюдаемых ситуаций и факторов, действующих в повседневной практике.

Как правило, в процессе любого информационного обмена участники рассчитывают на смысловое взаимопонимание в отношении функциональной нагрузки применяемых метафор как средства образной наглядности, которое упрощает объяснение или описание сложных проблем и ситуаций. Многозначность образов позволяет использовать одно из переносных значений, в зависимости от содержательного контекста, а также показать обсуждаемые предметы с новой стороны, изменить установочные подходы к определенным вопросам, обходить барьеры инерционного мышления при анализе. Картинная и образная наглядность служит не только для иллюстративного сопровождения сообщений, но и для конкретизации анализируемых ситуаций в процессе собственных познавательных действий. Степень содержательной доступности для объяснения и понимания некоторых абстрактных объектов может повышаться именно за счет раскрытия дополнительных сторон материально представленных и опредмеченных явлений, удобных для рассматривания в различных ракурсах [3]. На основе метафорических моделей легко проводятся заданные аналогии. Стали классическими метафоры ***парового котла*** (о взрывоопасности накопления негатива), ***кругов на воде*** (о распространении влияния трагических событий), ***бутылка газировки*** (о переполнении эмоциями).

Сама по себе метафоризация – явление более масштабное, чем принято считать. Не только фразеология, но и лексический состав любого языка эмоционально заряжены за счет дополнительных смыслов и вовлеченности в интеллектуальную «игру слов». Кстати, именно привязка к реальным игровым ситуациям и соответствующим системам правил лежит в основе об-

разных высказываний вроде «чувствует себя пешкой» или «сделал ход конем». Даже весьма приблизительных знаний о шахматах достаточно, чтобы представить себе иерархически несамостоятельного рядового персонажа или хитроумный двусмысленный маневр «с вывертом». Вполне адекватное представление о некоторых особенностях разбираемых ситуаций межличностного взаимодействия можно создать средствами, так сказать, игрового происхождения. В конфликтном противостоянии игроков видим признаки узнаваемых моделей поведения различной степени агрессивности. Отвлекающие действия, тихий ход, выжидательная тактика, ложная угроза, невыгодная позиция, временные уступки, рассчитанный эффект, взвесить шансы, предугадать ответную реакцию, подставиться под удар. Объяснительный заряд таких понятий в социально-психологическом контексте слишком очевиден.

Проблематика, обсуждаемая на занятиях по психологии, в силу своего универсального характера вполне предсказуемо соприкасается с различными сферами жизненной практики. Естественно, происходит постоянное обращение к заимствованным понятиям, переосмысление и перенос значений из привычных терминологических привязок [5]. Особенно «плодотворными» в этом отношении оказываются области, по определению обладающие интригующим потенциалом: военная тактика, методы секретных служб, конкурентная борьба, политические манипуляции. Отсюда применяемые к другим условиям: запасные позиции, опорный пункт, минное поле, марш-бросок, план Б, ковровая бомбардировка, стрельба по площадям, двойной агент, война компроматов, мягкая сила, политика невмешательства. Например, «точечные удары» – это и о высокоточном оружии избирательного действия за счет особой системы наведения, но и вообще о методах прицельного, индивидуально направленного воздействия. Актуальная в современной геополитике формула сводит, казалось бы, чисто военные действия – к войне экономик, и это перекликается с суждением о Второй мировой как о войне моторов. Следовательно, можно говорить и о войне ГСМ (горюче-смазочных материалов), от которых зависят эти моторы. То есть, расширительно – о значимости регулярного ресурсного обеспечения любых затяжных и затратных процессов. Вообще, полезным оказывается содержательный разбор внешне риторического материала, с последовательным анализом на различных уровнях рассмотрения. Афористически звучащий девиз ВДВ «Сбили с ног – сражайся на коленях, идти не можешь – лежа наступай!» – метафора стойкости, которую военный спецназ великодушно

предоставил для применения в гражданском обиходе. ***Горизонт чист*** – заимствовано у подводников, ***сбитый прицел*** – у снайперов, ***прикрывать хвост ведущего*** – у летчиков, ***ложная версия*** – у следователей, ***верный провал*** – у разведчиков-нелегалов.

Не только популярностью детективных схем и захватывающих конспирологических материалов мотивируется активное использование и метафоризация «чужих» терминов в новых обстоятельствах. Повсеместная распространенность даже не специальных научно-технических знаний, а базовых представлений школьного уровня создает возможность такого заимствования. Экологическая ниша, закон бумеранга, комплекс Наполеона, первый ученик, схватывает на лету, отложенный эффект, домашняя заготовка, неустойчивое равновесие, возобновляемый ресурс, подготовка почвы, смена декораций… Знакомые образы легко встраиваются в новые контексты для уточнения смысловых оттенков. На слуху: нулевой цикл (о подготовительных этапах при создании новых структур), прорывная технология (метафорическое обозначение перспективных разработок).

В свою очередь, только на базе вузовской подготовки реально правильное расширительное понимание образного содержания таких формул, как ***Перевернутая пирамида Маслоу*** (о навязываемой подмене в иерархии жизненных потребностей), ***Нулевая мировая война*** (оказывается, не только о Крымской), ***Новое Средневековье*** (о предсказанном еще Новалисом и Бердяевым регрессе, который реализовался в XXI веке кризисом национальных государств и возвращением к религиозным ценностям в идеологии). Например, о возрождении утраченного было уровня прикладной науки в стране: Сколково – «российская Кремниевая долина» (исходный образ – та самая, легендарная Силиконовая в Калифорнии). Иронические выражения на тему абсурдных псевдонаучных инициатив: средняя температура по больнице, ***британские ученые*** как фольклорный интернет-мем. Своеобразный служебный юмор допускает намеренно нарушенную грамматическую норму: его ушли (то есть уволили), кто девушку ужинает, тот ее и танцует (в основе – своего рода эвфемизм), меня улыбает (вызывает ироническую улыбку или откровенно радует).

Объектами двойного назначения принято условно называть нечто внешне безобидное и гражданское, но со скрытыми боевыми функциями. Подаренная российскому летчику на авиашоу в Дубае трость – по-восточному двусмысленный символ опоры и оружия самообороны. Это подталкивает к осознанию идеи: все, что тебя способно поддержать, может служить

тебе надежной защитой и «встроенным» личным оружием. Можно присмотреться к случаям вроде простой мотивирующей поддержки «Держись!» – и задать тему для предметного обсуждения: за что, собственно, предлагается держаться? Поощрительное «Так держать!» – явно опирается на капитанский приказ рулевому не отклоняться от установленного курса. Принимая как вызов своему творческому мышлению, студенты пробуют расшифровать исходные, корневые обоснования странных выражений типа **выкаблучиваться** (потребуется вспомнить народное ***выделывать каблуками***, то есть отбивать дробь, чтобы отличиться в лихой пляске), **присобачить** (догадаться по подсказке о приспо**соб**лении). Зато **насобачиться** порождает версии о результативной выучке-дрессировке, а также наводит на связь с поговоркой, полузабытой в буквальном смысле, наполовину: ***Собаку съел, (а хвостом подавился)***, – то есть приобрести опыт трудных достижений и при этом не быть свободным от ошибок. Полезным оказывается каждый повод обсудить случаи, когда в обиходном употреблении пословицы и поговорки утрачивают исходный смысл именно за счет сокращения остроумных окончаний. Вырванные из контекста афористические фразы изначально имели несколько другой смысл: Истина в вине, а здоровье – в воде (Плиний Старший); Век живи – век учись тому, как следует жить (Сенека); Жизнь коротка, искусство вечно (на основе сокращенного и неточного латинского перевода фразы грека Гиппократа о сложности медицинской науки – как особого ремесла и искусства в тогдашнем понимании, на освоение которой одной жизни не хватит). Обсуждение подобных парадоксальных ситуаций естественным образом встраивается в материал тематических лекций и практикумов, направленных на развитие критического мышления.

Результаты

Имеющийся опыт обсуждений со студентами-психологами позволяет делать определенные выводы относительно метафорических конструкций, которые способствуют разъяснению предмета не только за счет наглядно-образного заряда, но и благодаря особому, нарочито интригующему построению фраз. Знаменитое «Если нельзя, но очень хочется, то можно» не содержит никаких средств выразительности, кроме столкновения смыслов. И вдруг оказывается, что это – удачная метафора для трактовки поведения известных персонажей актуальной политики.

Некоторые изобретательные формулировки из современных кроссвордов и сканвордов являют собой примеры намеренного столкновения минимум двух смысловых планов. Заданный лаконичный формат приводит составителей к построениям, основанным на использовании фразеологически закрепленных связей, провоцирующих быструю ассоциацию. Познавательный эффект от «озарений» очевиден: удачное решение очередного задания не только содержит эмоционально мотивируюшие поводы порадоваться своей сообразительности и компетентности, но и способствует «узнаванию» предметов с необычной стороны. Следуя удачным образцам, студенты предлагают и свои заготовки: «Серый беглец с корабля» (крыса), «Место отдыха кинжала» (ножны).

Сами по себе узнаваемые схемы построения знаменитых, ставших классическими выражений обладают заразительным эффектом. Явно по одному образцу строятся совершенно различные высказывания типа: Уголовный розыск – не работа, а образ жизни. Весь наш мир – это математика. От Мэрилин Монро: ***Красота – это свобода***. От матери Терезы: ***Жизнь – возможность, используйте ее***. Это почти всегда парадоксальные, неочевидные утверждения с заложенным противоречием. Могут подхватываться и буквальные формулировки по схемам, подсказанным известной цитатой, например: птенцы гнезда Петрова – «Птенцы гнезда МГИМО'ва» (журнал), «птенцы гнезда Собчака из мэрии Петербурга правят в России до сих пор» (в стилистике сетевых сообщений).

Прямое воспроизведение или творческая переработка афористических высказываний и цитат подсказывают студентам общую схему, ключевую формулу или направление поиска оригинальных решений. Способность рассуждать и высказываться на уровне афоризмов в обиходе и в научном дискурсе принято считать свидетельством о таких личностно значимых интеллектуальных характеристиках, как семантическое пространство и креативность. Как своеобразные метафоры проблемных ситуаций воспринимаются логические задания, требующие владения приемами латерального (бокового) мышления. Построениями геометрического свойства моделируются не только пространственные, но и чисто логические решения, в которых реализуется общая сообразительность, обучаемость. Матричное построение заданий в интеллектуальном тесте Равена моделирует и содержательную, и структурную формулу, которая, собственно, присуща любой метафоре, в совокупности ее наглядного образа и зашифрованного смысла.

Перехват удачных, остроумных изобретений из практики политической журналистики предоставляет богатый материал для использования по образцам. Откровенно сатирические заголовки в рубрике «Что русскому смешно…» на телеканале «Звезда»: *Замороженные пассивы; Воры в законе; План Барбоса; Бес царя в голове; Еда не приходит одна; Дурманный Альбион*. Достаточный, видимо, повод убедиться в том, что намеренное обыгрывание искаженных фразеологизмов может быть одновременно и содержательным, и выразительным средством при условии талантливого и уместного исполнения. Реклама телеканала «Кинокомедия» концентрированно использует заимствованные формулы в непривычном контексте: «Два в одном. Кино и комедия. Без рецепта. Без ГМО. Без побочных эффектов». Не упуская поводов обсудить такого рода материалы, «случайно» попадающие в поле зрения, студенты обретают навык, позволяющий не только обнаруживать и прослеживать ассоциативные связи, но и самостоятельно их выстраивать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория метафоры: Сборник статей. Пер. с англ. / Сост. и вст. ст. Н.Д. Арутюновой. М.: «Прогресс», 1990, 512с.
2. *Арбиб М*. Метафорический мозг: Монография. Пер. с англ. Э.Л. Наппельбаума. М.: «Мир», 1976, 296с.
3. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики: Учебник. Изд. 3-е. М.: «Эксмо», 2010, 480с.
4. *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания: Монография. М.: Изд-во МГУ, 1988, 208с.
5. Психология личности: Учеб. пос. / Под ред. П.Н. Ермакова и В.А. Лабунской. М.: «Эксмо», 2007, 656с.

METAPHORIC CONSTRUCTIONS IN PROFESSIONAL STUDIES ON PSYCHOLOGY

A. Soghomonyan

Russian-Armenian University
Chair of Psychology

ABSTRACT

Besides so called metaphoric charts in psychotherapy use, there are many other possible applications of metaphors as a cognitive matter in professional studies, especially for psychologists. Figurative meaning and visual objectivity at the same time work directly with imagination. This allows you to consider underlying causes and aspects of any phenomenons.

Keywords: metaphor, metaphoric models, visualization, associative connections.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-688-698

КАТЕГОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Н.В. Чичерина, М.В. Смирнов

Санкт–Петербургский политехнический университет Петра Великого
chicherina_nv@spbstu.ru, smirnov_mv2@spbstu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье представлен компаративный анализ психологических и педагогических подходов к изучению социально–профессиональной ответственности как междисциплинарной категории. Рассматриваются когнитивный, деятельностный, гуманистический, ролевой, культурно-исторический и поведенческий подходы в психологии, а также компетентностный, личностно-ориентированный, системно-деятельностный, аксиологический, средовой и социокультурный подходы в педагогике. Выявлены особенности понимания ответственности в рамках каждого подхода, определены механизмы ее формирования и установлена взаимосвязь между психологическими и педагогическими основаниями социально-профессиональной ответственности. Результаты исследования создают теоретическую базу для развития методологии и технологии развития социально–профессиональной ответственности.

Ключевые слова: социально-профессиональная ответственность, ответственность, психология, высшее образование, педагогика.

Введение

В XXI веке вопросы исследования человеческой ответственности в различных ее проявлениях представляются актуальными и востребованными. Это связано, с одной стороны, как отмечает И.Д. Осипов, с дефицитом ответственности, необходимой для обеспечения устойчивости социального порядка [1, с. 52], с другой стороны, с высокой скоростью социальных изменений, и, наконец, с растущим в обществе плюрализмом мнений и представлений о порядке и ответственности.

Анализ современных научных публикаций показывает, что проблема социально–профессиональной ответственности находится на пересечении

различных научных дисциплин: философии, психологии, педагогики, социологии и этики. Если ранее ответственность выступала преимущественно инструментом регуляции морально-этических и политических вопросов, то сегодня сама ответственность, ее содержание и границы являются объектом междисциплинарного исследования.

Актуальность исследования обусловлена тем, что современная образовательная практика испытывает потребность в научно обоснованных методологических основаниях для целенаправленного формирования социально-профессиональной ответственности у студентов, что требует систематизации разрозненных теоретических подходов и выявления их педагогического потенциала.

Материал и методы

Цель работы – провести системный анализ психологических и педагогических подходов к изучению социально-профессиональной ответственности, выявить их сущностные характеристики и определить возможности интеграции различных методологических оснований для создания целостной концепции формирования ответственности в образовательном процессе высшей школы.

Задачи исследования заключаются в проведении систематического анализа основных психологических и педагогических подходов к пониманию социально-профессиональной ответственности с целью выявления их методологических оснований, структурных характеристик и практического потенциала для образовательного процесса.

В психологии можно выделить ряд подходов, в рамках которых ставилась проблема ответственности: когнитивный и когнитивно-генетический, деятельностный, гуманистический, ролевой, культурно-исторический и поведенческий подходы.

Когнитивный подход, разработанный Ж. Пиаже и Л. Кольбергом [2], а в дальнейшем получивший развитие в **когнитивно-генетическом подходе** К. Хелкама [3], постулирует прямую зависимость уровня развития морального суждения от уровня развития мышления, а также выдвигает принцип справедливости, который, как отмечает Кольберг [2], является механизмом уравновешивания общественной жизни.

Когнитивный подход предлагает рассматривать ответственность в аспекте **морально-нравственного развития**. Пиаже выделил две стадии

развития ответственности: на объективной стадии человек оценивает поступки по их последствиям, на субъективной – учитывает мотивы действия. С морально-нравственной точки зрения ответственность исследовали Н.А. Головко [4], А.И. Ореховский [5], В.Л. Сухомлинский [6] и А.А. Гусейнов [7]. В работах Н.А. Головко [4] ответственность трактуется как способность субъекта отвечать за свои поступки перед обществом и нравственными нормами.

В рамках **теории каузальной атрибуции** Ф. Хайдер [8] размышлял о степени ответственности человека за поступки (намеренные и ненамеренные) и способности, а также задавался вопросом влияния внешних факторов на уровень ответственности индивида. Развивая атрибутивную теорию, Х. Хекзаузен [9, с. 52] ввел понятия «субъективные факторы (личностные особенности и усилия наблюдаемого) и ситуационные факторы (конкретные условия и общая обстановка, в которых проходит акт поведения)», тем самым определяя социальный контекст и его влияние на формирование социально-профессиональной ответственности.

На основе данного конструкта возникла **Теория локуса контроля**, развиваемая в исследованиях С. Розенцвейга, Дж. Роттера и Д. Мак-Клелланда [10, с. 126]. Понятие «локус контроля» означает свойство личности определять в качестве источников результатов своей деятельности внутренние (интернальные) или внешние (экстернальные) факторы.

С развитием когнитивного подхода особенно остро встает вопрос причинности в изучении ответственности. На основе теории каузальной атрибуции и теории локуса контроля Б. Вайнер предложил **многомерную модель каузальной атрибуции** [11], включающую три основных измерения: локализация причины (внутренняя/внешняя), стабильность причины (стабильная/нестабильная), контролируемость причины (контролируемая/неконтролируемая). В рамках модели каузальной атрибуции Б. Вайнера социально-профессиональная ответственность выступает контролируемой, стабильной внутренней причиной, побуждающей индивида к действию или бездействию.

В рамках **деятельностного подхода** социальную и личную (в том числе, профессиональную) ответственность рассматривали С.Л. Рубинштейн [12], А.Н. Леонтьев [13] и К.А. Абульханова-Славская [14]. С.Л. Рубинштейн разделял внутреннюю и внешнюю детерминацию человеческого поведения. Именно внутренне детерминированная позиция «Я сам» является

источником личной и социальной ответственности человека, формируя небезразличное отношение к своей жизни и миру вокруг.

Особого внимания заслуживает теория ответственности К.А. Абульхановой-Славской [14], которая гласит, что сущностью ответственности выступает способность к саморегуляции на основе предвидения результатов деятельности и, как следствие, способность эффективно, целесообразно и осознанно действовать.

Гуманистический подход, в основе которого лежат работы А. Маслоу и К. Роджерса [15], предлагает рассматривать ответственность в контексте самоактуализации и развития личности. В то время как Маслоу приписывает самоактуализирующейся личности принятие ответственности за свои действия и решения, Роджерс исследует ответственность через призму тенденции актуализации – стремления максимально развить лучшие качества личности.

Экзистенциальные основания гуманистического подхода в вопросах изучения проблемы социально-профессиональной ответственности можно найти в работах В. Франкла, К. Роджерса, Р. Мэя, Ж.-П. Сартра [15]. Ж.-П. Сартр пишет, что «человек, будучи осужденным на свободу, несет весь груз мира на своих плечах; он ответственен за мир и за самого себя в качестве способа бытия» [15, сс. 35–41]. Так, профессионал не может ссылаться исключительно на внешние обстоятельства, традиции или давление среды; он ответственен за все, что произвел в профессии, каким бы ни был его выбор. Социально ответственный профессионал готов искать и воплощать смысл своей профессии, смысл бытия как профессионала.

Особый интерес при рассмотрении социально-профессиональной ответственности вызывает **ролевой подход**, в рамках которого работали С.Ф. Анисимов [16], А.И. Грядунова, Н.Д. Табунов [17] и др. С.Ф. Анисимов [16] рассматривал ответственность в контексте социальных ролей и функций, которые выполняет личность в обществе. Ответственность понимается как соответствие поведения индивида требованиям его социальной роли, в частности, профессиональной.

Культурно–исторический подход, возникший на основе работ Л.С. Выготского [18], определяет ответственность как высшую психическую функцию, развивающуюся через социальное взаимодействие.

Согласно Выготскому, ответственность имеет социальную природу и формируется в процессе интериоризации культурных образцов. Развитие

ответственности проходит путь от коллективной к индивидуальной через механизм интериоризации. Мораль выступает психическим орудием, контролирующим поведение человека.

Поведенческий подход к изучению понятия социально–профессиональная ответственность связан с теорией социального научения А. Бандура [19], которая определяет ответственность как регулятор поведения через систему внутренних и внешних санкций. По мнению А.И. Ореховского [5], существует два подхода к пониманию ответственности:

– ответственность как мера санкций, налагаемых извне за совершенные проступки;

– ответственность как чувство морального долга, осознанное отношение к общечеловеческим ценностям и своему профессиональному и личностному предназначению.

В.Л. Сухомлинский [6] относился к сторонникам второго подхода и был убежден в педагогическом потенциале воспитания ответственности, построенной на морально–нравственных установках. В свою очередь, А.А. Гусейнов [7] отмечал, что при постоянном проявлении у учащихся ответственного отношения к различным видам деятельности, отношения постепенно превращаются в ответственность как черту характера, качество личности.

Каждый из рассмотренных выше подходов вносит специфический вклад в понимание природы, механизмов формирования и функционирования социально-профессиональной ответственности. Большинство подходов сводятся к возможности формирования и развития социально-профессиональной ответственности, что обнажает запрос на педагогические инструменты, способствующие воспитательной работе в этой области.

С педагогической точки зрения областью приложения усилий по воспитанию выступает именно субъективная ответственность, те установки, ценности и модели поведения, которые возможно закладывать в детском, юношеском возрасте, а также в контексте средне-профессионального и высшего образования. В то же время заслуживает внимания и объективная ответственность.

Исследование ответственности в педагогической науке базируется на разнообразных методологических основаниях, которые определяют специфику понимания этого феномена и стратегии его формирования у обучающихся. Основными подходами к исследованию социально-профессиональ-

ной ответственности в педагогике можно считать компетентностный, личностно-ориентированный, системно-деятельностный, средовой и социокультурный.

Компетентностный подход (И.А. Зимняя [20], А.В. Хуторской [21], Э.Ф. Зеер [22] и др.) в педагогике рассматривает ответственность как ключевую компетенцию, необходимую для успешной жизнедеятельности человека в современном обществе. Согласно данному подходу, ответственность включает не только когнитивные знания о нормах поведения, но и операционально-деятельностные умения и мотивационно-ценностные установки. М.В. Муконина [23] определяет три уровня сформированности профессиональной ответственности: базовый (следование инструкциям), исполнительский (умеренно положительное отношение к своим обязанностям) и сверхнормативный (добросовестность).

В рамках компетентностного подхода ответственность представлена как совокупность взаимосвязанных компонентов: знаний о социальных нормах, умений принимать решения и нести последствия своих действий, а также ценностных ориентаций.

Личностно-ориентированный подход (Е.В. Бондаревская [24], В.В. Сериков [25] и др.) рассматривает способность к осознанному и ответственному поведению как важную характеристику обучающегося, являющегося уникальной целостной личностью.

Личностно-ориентированный подход подразумевает образование, построенное на принципах на основе уважения к личности обучающегося, учета его личностных особенностей, отношения к нему как к сознательному и ответственному участнику образовательного и воспитательного процесса.

Системно–деятельностный подход (А.Г. Асмолов [26], А.Н. Леонтьев [13] и др.) предполагает систему универсальных учебных действий (УУД), обеспечивающих обучение и воспитание. В рамках данного подхода рассматривает ответственность в контексте активной деятельности обучающегося. Ученик становится не пассивным слушателем, а активным участником образовательного процесса, самостоятельно прокладывающим путь к знаниям.

Практикоориентированность системно-деятельностного подхода активизирует учебную деятельность студентов, помогает им осознать личную ответственность за результаты своего обучения. Ученик ставит цели, реша-

ет задачи и несет ответственность за процесс и результат. При этом педагог делит с учениками ответственность за обучение.

Средовой подход (Ю.С. Мануйлов [27], В.А. Ясвин [28], Ю.Н. Кулюткин [29] и др.) представляет собой теорию опосредованного управления (через среду) образовательными процессами, направленными на формирование личностных качеств, включая ответственность. Среда выполняет инструментальную функцию и становится средством диагностики, проектирования и продуцирования образовательного результата.

Н.Д. Табунов [17] исследовал, как социальные отношения и общественные структуры определяют характер и степень ответственности индивида. Положение личности в системе социальных отношений определяет круг обязанностей и сферу ответственности, поэтому справедливо говорить о том, что ответственность не может формироваться изолированно от объекта ответственности, коим могут выступать окружающие индивиды, определенные группы или общество в целом.

Изучая влияние социокультурных факторов внешней среды на формирование личности человека, **социокультурный подход** (Н.М. Борытко [30], Н.А. Соколова [31] и др.) выдвигает тезис о жизненном разнообразии как важнейшем ресурсе для анализа образовательных проблем и их решения. Согласно данному подходу, освоение знаний вытекает из освоения культуры человеческих отношений.

Воспитание социально-профессиональной ответственности предполагает целенаправленное формирование личности будущего профессионала, обладающего внутренней свободой и способной принимать решения с осознанием их социальной значимости. Реализация социокультурного подхода требует взаимодействия между всеми субъектами образовательных отношений – семьей, образовательной организацией и обучающимся [32].

Современная педагогическая наука располагает значительным арсеналом методологических оснований, каждое из которых предлагает специфическое видение сущности ответственности, механизмов ее развития и педагогических условий формирования данного качества личности.

Результаты и выводы

Проведенный психолого-педагогический анализ понятия «социально-профессиональная ответственность» позволяет сформулировать ряд выводов:

Во-первых, анализ зарубежных и отечественных психологических подходов выявил многомерность феномена социально-профессиональной ответственности. Когнитивный подход связывает ответственность с уровнем морально-нравственного развития и каузальной атрибуцией; деятельностный – с внутренней детерминацией поведения и саморегуляцией; гуманистический – с самоактуализацией личности; ролевой – с выполнением социальных и профессиональных функций; культурно-исторический – с интериоризацией культурных образцов; поведенческий – с системой внутренних и внешних санкций.

Во-вторых, в педагогическом аспекте выявлены шесть основных методологических подходов к формированию социально-профессиональной ответственности, отражающих различные взгляды на сущностные, установочные, объектно-субъектные и средовые особенности, определяющие условия, скорость и глубину развития социально-профессиональной ответственности.

В-третьих, социально-профессиональная ответственность представляет собой сложное междисциплинарное явление. Ее сущность заключается в осознанном, добровольном принятии на себя обязательств за последствия профессиональной деятельности перед обществом, будущими поколениями и профессиональным сообществом.

Таким образом, формирование социально-профессиональной ответственности требует интеграции различных методологических подходов, основанных на широком круге научно обоснованных материалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Осипов И.Д.* Парадигма ответственности в европейской философии // «Вестник Санкт–Петербургского университета. Философия и конфликтология», № 30 (2), 2018. СС. 52–63.
2. *Kohlberg L.* Essays on Moral Development. Vol. 2: The Psychology of Moral Development / Eds.by L.Kolhberg. San–Francisco: “HarperandRow”, 1984, 580p.
3. *Флейвелл Дж.* Генетическая психология Жана Пиаже. М.: «Просвещение», 1967, 623с.
4. *Голованова Н.Ф.* Социализация и воспитание ребенка / Н.Ф. Голованова. СПб.: «Речь», 2004, 272с.

5. *Ореховский А.И.* Методологический анализ проблемы ответственности // «Философские науки», № 11, 1983. СС. 17–23.
6. *Сухомлинский В.А.* Мудрая власть коллектива: методика воспитания коллектива / В.А. Сухомлинский; пер. с укр. Н. Драгуловой. М.: «Молодая гвардия», 1975, 240с.
7. *Гусейнов А.А.* Философия между наукой и религией // «Вопросы философии», № 8, 2010. СС. 4–10.
8. *Schmitt J.* Attribution Theory // "Wiley Encyclopedia of Management". Vol. 9, 2015. DOI: 10.1002/9781118785317.weom090014.
9. *Шаповаленко И.В*. Возрастная психология. М.: «Гардарики», 2005, 352с.
10. *Архиреева Т.В.* Самооценка академической компетентности младших школьников // Электронный журнал «Психологическая наука и образование», № 2, 2009. СС. 1–10.
11. *Weiner B.* A theory of motivation for some classroom experience // "Journal of Educational Psychology". Vol. 71, 1979. PP.3–25.
12. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: в 2–х т. // Акад. пед. наук СССР. М.: «Педагогика», 1989, 488с.
13. *Леонтьев А.Н*. Деятельность. Сознание. Личность: учебное пособие. 2-е изд. М.: «Смысл: Академия», 2005, 352с.
14. *Абульханова-Славская К.А*. Стратегия жизни. М.: «Мысль», 1991, 299с.
15. *Сатонина Н.Н.* Теоретические аспекты проблемы ответственности // «Известия Самарского научного центра РАН / Актуальные проблемы психологии». Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2004. СС. 35–41.
16. *Анисимов С.Ф.* Мораль и поведение / С.Ф. Анисимов. М.: «Мысль», 1985, 158с.
17. *Табунов Н.Д.* К вопросу о социальной ответственности человека [Текст] / Н.Д. Табунов. М, 1968. СС. 244–259.
18. *Смирнова А.Р.* Ответственность как высшая психическая функция личности (на примере концепции Л.С. Выготского) // «Мир науки. Педагогика и психология». Т. 8, № 2, 2020.
19. *Бандура А.* Теория социального научения. СПб: «Евразия», 2000, 320с.
20. *Зимняя И.А.* Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // «Высшее образование сегодня», № 5, 2003. СС. 34–42.
21. *Хуторской А.В.* Методологические основания применения компетентностного подхода к проектированию образования // «Высшее образование в России», № 12, 2017. СС. 85–91.
22. *Долганова Н.Ф.* Анализ тенденций развития педагогического образования в России в первой четверти XXI века // «Научно–педагогическое обозрение» (Pedagogical Review). Вып. 6 (58), 2024. СС. 38–49. DOI:10.23951/2307–6127–2024–6–38–49

23. *Муконина М.В.* Организационно–экономические регуляторы профессионально ответственного отношения: методология и результаты исследования // «Сибирский психологический журнал», № 53, 2014. СС. 148–166.
24. *Бондаревская Е.В.* Смыслы и стратегии личностно–ориентированного воспитания // «Педагогика», № 1, 2001. СС. 17–24.
25. *Сериков В.В.* Личностный подход в образовании: концепции и технологии: Монография. Волгоград: «Перемена», 1994, 152с.
26. *Асмолов А.Г.* Системно–деятельностный подход к разработке стандартов нового поколения // «Педагогика», № 4, 2009. СС. 18–22.
27. *Мануйлов Ю.С.* Концептуальные основы средового подхода в воспитании // «Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика», № 4, 2008. СС. 21–27
28. *Ясвин В.А.* Школьная среда как предмет измерения: экспертиза, проектирование, управление / М.: «Народное образование», 2019, 448с.
29. *Кулюткин Ю.Н., Тарасов С.В.* Образовательная среда и развитие личности // «Новые знания», № 1, 2001. СС. 6–7.
30. *Борытко Н.М.* В пространстве воспитательной деятельности: Монография / Науч. ред. Н.К. Сергеев. Волгоград: «Перемена», 2001.
31. *Соколова Н.А.* Педагогика дополнительного образования детей: Учеб. пособие для студ. пед. вузов / Под ред. Р.С. Димухаметова. Челябинск: ЧГПУ, 2014.
32. *Антипова Е.И., Литвак Р.А.* Формирование социальной ответственности студентов в условиях быстро меняющегося общества // «Вестник Северо-Кавказского федерального университета», № 3 (96), 2023. СС. 184–192. DOI 10.37493/2307–907X.2023.3.21

THE CATEGORY OF SOCIO-PROFESSIONAL RESPONSIBILITY IN PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL RESEARCH

N. Chicherina, M. Smirnov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

ABSTRACT

The article presents a comparative analysis of psychological and pedagogical approaches to the study of socio-professional responsibility as an interdisciplinary category. The cognitive, activity-based, humanistic, role-based, cultural-historical, and

behavioral approaches in psychology are examined, as well as the competence-based, person-centered, system-activity, axiological, environmental, and sociocultural approaches in pedagogy. The specific features of understanding responsibility within each approach are identified, mechanisms of its formation are determined, and the relationship between psychological and pedagogical foundations of socio-professional responsibility is established. The research results create a theoretical basis for the development of methodology and technology for cultivating socio-professional responsibility.

Keywords: social and professional responsibility, responsibility, psychology, higher education, pedagogy.

DOI 10.24412/cl-37521-2026-1-699-709

ВОСПРИЯТИЕ СТУДЕНТООРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТАМИ И ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ

М.С. Шахвердян, М.М. Мазманян

Ванадзорский государственный университет
shahverdyanm@gmail.com, marianna.mazmanyan@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Взаимоотношения студент-преподаватель в современной образовательной системе в связи с требованиями Болонского процесса со стороны субъектов данного процесса воспринимается по-разному. В данной статье рассматриваются особенности смещения акцентов обучения от преподавания к обучению, как активному образовательному процессу, то есть студентоориентированному обучению и особенностям его восприятия со стороны студентов и преподавателей. В частности, на основе исследований, проведенных в Ванадзорском государственном университете среди преподавателей и студентов с целью выявления факторов, влияющих на процесс восприятия студентоориентированного обучения, было проведено анкетирование, исследованы фокус-группы со студентами и преподавателями с применением опросника MLSQ. Результаты свидетельствуют, что на процесс восприятия студентоцентрированного образования влияют такие факторы, как адаптация студентов, мотивация обучения, применяемые стратегии обучения, установки субъектов образовательного процесса, степень информированности, условия развития творческой стороны личности, а также наличие ресурсов (как материальных, так и человеческих).

Ключевые слова: студентоориентированное и педагогоориентированное обучение, восприятие, адаптация, удовлетворенность преподаванием, мотивация.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления традиционных методов преподавания и поиска новых стратегий взаимодействия между студентами и преподавателями. Несмотря на активное продвижение идей СОО, практика показывает наличие существенных различий в восприятии этой модели разными участниками образовательного процесса.

Цель данного исследования – выявить факторы, влияющие на восприятие СОО студентами и преподавателями, а также определить факторы, способствующие или препятствующие его эффективному внедрению в образовательный процесс.

Задачи исследования:

- ✓ сопоставить представления студентов и преподавателей о роли субъекта в образовательном процессе;
- ✓ проанализировать преимущества и трудности внедрения СОО в вузовской практике.

Объект исследования – процесс реализации студентоориентированного обучения в вузовской практике.

Предмет исследования – особенности восприятия и отношение к СОО студентов и преподавателей.

Теоретические основы

Если рассматривать образовательный процесс как процесс, направленный на удовлетворение требований рынка, то можно заметить, что акцент сместился с программы (чему следует учить) на конечный результат (что обучающийся должен знать и уметь в данной области, исходя из потребностей профессии и требований окружающей среды) или от теории – к практике. Организация образования на основе вышеуказанных принципов предполагает разработку инновационных программ с учетом потребностей работодателей и формирования компетенций обучающихся. Первый подход, чему следует учить, подразумевает ПОО, передачу знаний, основная цель которого – воспроизведение теории, а во втором случае (СОО) – то, что следует знать, акцент делается на возможности применения знаний обучающими. В этом случае расширяется поле студенческой автономии за счет того, чего хочет сам студент. Обучение, ориентированное на преподавателя, представляется традиционной формой обучения, имеющей множество преимуществ, которые мы, конечно, не отрицаем. Однако, по мнению Дж. Дьюи, основным путем совершенствования общества является трансформация школьного обучения в социальном контексте – трансформация опыта и его предоставление в проблемной ситуации, что делает возможным реконструкцию всех форм человеческого поведения (социальная реконструкция) [5]. А, по мнению А. Бине, образовательная программа должна

разрабатываться исходя из запросов общества, что дает возможность ее модернизировать [2]. Идеи СОО получили развитие в рамках теорий обучения (Ж. Пиаже, Л.С. Выготский, Дж. Брунер), согласно которым знание конструируется самим обучающимся в процессе активного взаимодействия с окружающей средой [4, 5, 8].

Современные исследования в данной области рассматривают эффективность применения индуктивных и дедуктивных методов обучения [10], включая исследовательское, проектное, проблемно-ориентированное обучение, обучение на основе анализа кейсов, а также конструирование и др. виды [1, 3, 12].

Если принципом организации ПОО, является подача преподавателем материала программы, то СОО дает учащимся возможность самостоятельно решать проблемы, возникающие в связи с их профессией, в результате чего их ответственность возрастает и становится потенцианалом для «преобразованния опыта».

Отношения «студент–преподаватель», «студент–студент» в университетском образовании постоянно меняются вследствие адаптации студента к образовательному процессу и реализации своей роли преподавателем. Между участниками образовательного процесса часто возникают конфликты, которые связаны с несоответствием восприятия преподносимого материала, его проверкой (оценки, предоставления обратной связи, подхода обучающегося и т.д.).

Современные трактовки СОО фиксируют такие ключевые характеристики, как ориентация на интересы обучающихся, индивидуализация образовательных траекторий, развитие навыков самообразования и когнитивных стратегий, применение активных методов обучения [11, 12, 13].

В традиционной системе преподаватель выступает в роли носителя и транслятора знаний, студент же занимает пассивную позицию слушателя. СОО модель предполагает перераспределение ролей: преподаватель становится фасилитатором, модератором учебного процесса, а студент – его активным участником и соавтором [3].

Эмпирические работы показывают, что успешность внедрения СОО напрямую зависит от уровня готовности обеих сторон к новому формату. Европейские проекты в рамках Болонского процесса демонстрируют рост академической мотивации и успеваемости студентов при переходе к активным методам обучения [11].

Таблица 1.

Сравнительная характеристика традиционной и СОО моделей

Характеристика	Традиционная модель	СОО модель
Роль преподавателя	Лектор, источник знаний	Наставник, фасилитатор
Роль студента	Пассивный слушатель	Активный участник, исследователь
Методы	Лекции, контроль знаний	Дискуссии, проекты, совместное обучение
Оценивание	Итоговое, внешнее	Формирующее, совместное

Методика исследования

База исследования: ВГУ. Выборка: n – 30 преподавателей, N – 120 студентов (I курс – 40, II курс – 44, III курс – 36).

Инструменты: опросник по мотивированным стратегиям обучения (Motivated Strategies for Learning Questionnaire), шкалы оценки удовлетворенности, адаптации и восприятия обучения, мотивации и стратегий обучения.

Методы обработки: описательная статистика, корреляционный анализ.

Результаты исследования показали, что большинство первокурсников готовы к новым условиям

Несмотря на высокий уровень заявленной готовности, большинство студентов испытывают трудности в осознании своей новой роли и требуют сопровождения.

Опрос также был направлен на то, чтобы выяснить, как студенты первого курса воспринимают СОО.

Таблица 2.

Восприятие первокурсниками вузовского обучения

Шкала	n	%
готовы к новым условиям	34	85
считают программы доступными		75

ожидания оправдались	18	45
довольны преподавателями	25	62,5
воспринимают обучение как школьное	22	58
нуждаются в поддержке	28	70

Студент-первокурсник часто отождествляет обучение, ориентированное на учащихся, со школьными занятиями и обучением, ориентированным на учителя. Он хочет, чтобы лектор объяснил материал, поставил оценку, указал конкретный учебник, страницу, проверил знания на следующем уроке с расчетом на поощрение. Однако на втором месяце обучения он «устает» от характера лекций. Адаптация к вузу и отношение к личностно-ориентированному обучению в данном случае взаимосвязаны (Таб. 3).

Таблица 3.

Изменение восприятия вузовского обучения – I–III курсы

Курс	**Как школьный процесс**	**Как управляемое самостоятельное обучение**	**Как совместное обобщение знаний**
	58 %	31 %	11 %
II–III	18 %	65 %	28 %

Результаты опроса студентов II и III курсов представлены в Табл. 3. Большинство опрошенных выделяют некоторые факторы, влияющие на ориентацию студентов, и считают, что ориентация студентов определяется мастерством преподавателя (от схожести структуры лекций, пассивности студентов во время лекции, стремление к поощрению и стереотипы в отношении оценки, новые обязанности, отсутствие навыков самостоятельной работы, установки и т.д.)

Вопросы и анализ анкеты, разработанной на основе принципов организации СОО, показали:

- ✓ большинство первокурсников в рейтинговой шкале оценки преподавателя отдают приоритет изложению преподаваемого материала, написанию эссе, использованию разных когнитивных стратегий:

актуальность (срочность, значимость) преподаваемого материала и степень его усвоения вторичны;

- ✓ для старшекурсников важно, насколько преподаваемый материал стимулирует их самостоятельную работу, насколько эффективно организован курс, как проявляется доброжелательное отношение к студентам, объективно оцениваются их достижения, успешно реализуется взаимная связь с другими предметами.

А в какой степени преподаватель вовлечен во внеучебный процесс, насколько он отвечает потребностям личностного развития студента и т.д., остаются второстепенными факторами.

Сравнительный анализ восприятия обучения II–III курсов показал, что восприятие СОО кардинально меняется.

С ростом курса студенты склонны воспринимать обучение как более автономный и совместный процесс.

Результаты анализа показывают, что лекционно-ориентированное обучение воспринимается студентами как процесс, в котором преподаватель решает содержание материала, способ преподавания и оценки, иными словами, он передает знания через лекцию.

В процессе обучения по принципу ПОО, преподаватель выступает в роли субъекта обучения, а студент – в качестве объекта. Если студент не знает своих обязанностей и не видит своей перспективы, то такая форма обучения его устраивает. Большинство опрошенных учащихся с низкой успеваемостью (около 76%, из 42 студентов, у кого средний балл ниже 70) предпочитают обучение, ориентированное на преподавателя, но хотят, чтобы преподавание было интересным. 23% успешных учащихся выступают за ПОО, мотивируя это тем, что так легче усвоить (воспроизвести) преподаваемый материал.

Таблица 4.

Факторы, выделенные студентами

Фактор	**Значимость (средний балл по 5-балльной шкале)**
Стиль и структура лекции	4.4
Пассивность студентов	4.1
Стремление к поощрению	4.0

Отсутствие навыков самостоятельной работы	4.3
Неопределенность профессиональных перспектив	4.2

В таблице представлены данные, свидетельствующие о том, что их ожидания не оправдались и препятствуют адаптации.

Таблица 5.

Корреляция между основными показателями (коэффициентов Пирсона)

Переменные	**r (Пирсон)**	**p**
Адаптация – академическая успешность	+0.61	<0.01
Адаптация – предпочтение личностно-ориентированного подхода	+0.54	<0.01
Академическая успешность – ориентация на лекционный формат	−0.47	<0.05
Академическая успешность – готовность к самостоятельной работе	+0.69	<0.001

Как видно из Табл. 5, между адаптацией и академической успешностью обнаружена сильная положительная связь ($r = +0.61$, $p < 0.01$), что свидетельствует о том, что по мере повышения степени адаптации существенно возрастает и результативность в учебе.

Студенты, демонстрирующие более высокий уровень адаптации ($r = +0.54$, $p < 0.01$), в большей степени предпочитают образовательные модели, учитывающие их индивидуальные особенности, автономию и активную роль в обучении.

Академическая успешность и ориентация на лекционный формат ($r = −0.47$, $p < 0.05$) – умеренная отрицательная корреляция. То есть, чем выше академическая успешность студентов, тем меньше они ориентированы на традиционный лекционный формат.

Очень сильная положительная связь выявлена ($r = +0.69$, $p < 0.001$) в паре «Академическая успешность и готовность к самостоятельной работе». Это подтверждает то, что готовность к самостоятельной работе тесно свя-

зана с высокими академическими результатами. Студент готов взять ответственность за собственное обучение.

Для изучения восприятия и отношения преподавателей к СОО использовался опросник, включающий пять блоков: понимание и ценность СОО; практическая готовность и применение; восприятие эффективности; препятствия и барьеры; отношение и готовность к изменениям.

Было опрошено 30 преподавателей со стажем работы не менее 5 лет. Средние значения по отношению к эффективности восприятия СОО равно 3.85, а среднее отклонение – 0.618.

Таблица 6.

Среднее значение и отклонение факторов, воздействующих на восприятие и отношение преподавателей к СОО

Факторы	**Ср. отклон.**	**Ср. знач.**
Понимание и ценность СОО	0,736	4.125
Практическая готовность и применение	1,123	3.532
Восприятие эффективности	0,618	3.85
Препятствия и барьеры	1,143	3.417
Отношение и готовность к изменениям	0,860	4.09

Из Табл. 6 видно что, проблемными зонами для преподавателей относительно других факторов являются «Препятствия и барьеры» (3.417) и «Практическая готовность и применение» (3,532). Сильными сторонами являются «Понимание и ценность» (4.125), и «Отношение и готовность к изменениям» (4.09). Восприятие эффективности занимает среднее положение, что может свидетельствовать о недостаточном доверии к СОО, как более продуктивной форме обучения. Результаты показывают, что преподаватели в основном готовы к СОО, но уровни информированности, подготовленности к переменам недостаточно мотивированы.

Опираясь только на данные корреляционного анализа, мы можем сделать некоторые выводы:

- ✓ понимание и ценность СОО с практической готовностью (*r = 0,339)*, готовностью к изменениям (*r* = -0,28), восприятие эффективности (*r = 0,273*) могут помочь применению СОО на практике, но не являются условием и гарантией его внедрения;

- ✓ коррелянты практической готовности и применения (связи почти отсутствуют) больше говорят о том, что реализация СОО формируется скорее через опыт и преодоление барьеров, чем через установки и ожидания;
- ✓ восприятие эффективности СОО более реалистично, в то время как взгляды на процесс внедрения оптимистичны, но не подкреплены;
- ✓ барьеры воспринимаются не как аргумент против СОО, а как объективное условие его реализации, особенно у респондентов с более высоким уровнем профессиональной рефлексии;
- ✓ отношение к готовности к изменениям выступает как относительно слабый фактор, который слабо связан с пониманием СОО.

Таблица 7.

Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена, выражающие степень связи восприятия СОО преподавателями

Факторы / признаки	**Понимание и ценность СОО**	**Практическая готовность и применение**	**Восприятие эффективности**	**Препятствия и барьеры**	**Отношение и готовность к изменениям**
Понимание и ценность СОО	1,00				
Практическая готовность и применение	0,339	1,00			
Восприятие эффективности	0,273	-0,14	1,00		
Препятствия и барьеры	0,125	-0,28	0,334	1,00	
Отношение и готовность к изменениям	-0,28	0,077	0,019	0,083	1,00

Выводы

Более адаптированные и успешные студенты чаще предпочитают СОО и демонстрируют готовность к самостоятельной работе; студенты с низкой успеваемостью склонны выбирать лекционно-ориентированную модель.

Первокурсники не готовы к новым формам обучения: высокая роль адаптации. Здесь преобладают *репродуктивные стратегии* (запоминание, повторение).

Старшекурсники более восприимчивы к самостоятельности, но все еще нуждаются в руководстве. Они чаще начинают применять *метакогнитивные стратегии*: планирование, постановка целей, оценка своего прогресса.

Преподавателями СОО воспринимается как педагогически эффективный подход, не уступающий традиционным методам.

- ✓ Ключевые факторы успеха – гибкость программ, адекватное оценивание, ресурсная обеспеченность и управленческая поддержка.
- ✓ Основные барьеры носят организационно-технический характер, а не педагогический.
- ✓ Преподаватели, видящие поддержку и результаты, демонстрируют высокую готовность к развитию и обучению.

Преподаватели, которые практически избегают СОО, объясняют это:

- ✓ трудоемкостью подготовки, требующей концентрации, времени,
- ✓ низкой мотивацией,
- ✓ низкой информированностью,
- ✓ слабой готовностью студентов к ответственности.

Как видно из вышесказанного, СОО воспринимается неоднозначно: студенты и преподаватели оценивают его через призму собственных ожиданий и опыта. Кроме того, внедрение СОО – это не простой процесс понимания, принятия и реализации, а многокомпонентная система.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барышева Т.А.* Студентоориентированное обучение: современные подходы и практики // «Высшее образование в России», № 27 (6), 2018. СС. 47–56.
2. *Бине А.* Измерение умственных способностей (сборник). М.: «Союз», 1998, 432с.
3. Болонский процесс: результаты обучения и компетентностный подход (книга-приложение 1) / Под науч. ред. д-ра пед. наук, проф. В.И. Байденко. М.: «Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов», Российский Новый Университет, 2009, 536с.
4. *Брунер Дж.* Процесс обучения. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962, 82с.
5. *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. М.: «Педагогика», 1983, 368с.
6. *Дьюи Дж.* Демократия и образование. М.: «Педагогика-Пресс», 2000, 384с.

7. *Носко И.В.* Студентоориентированное образование как основополагающий принцип болонских реформ в высшей школе Носко // «Вектор науки ТГУ», № 1 (4), 2011. СС. 136–138.
http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media60299/37
8. *Пиаже Ж.* Психология интеллекта (Серия «Психология-классика»). СПб.: «Питер», 2004, 192с.
9. *Роджерс К., Фрейберг Д.* Свобода учиться. М.: «Смысл», 2002, 527с.
10. *Рубцов В.В.* Конструктивистские подходы в образовании и студентоориентированное обучение // «Психологическая наука и образование», № 22 (3), 2017. СС. 5–15.
11. *Attard A., Di Ioio E., Geven K., & Santa R.* Student-Centred Learning: An Insight into Theory and Practice. Bucharest: European Students' Union, 2010.
12. *Prince M., Felder R.* Inductive Teaching and Learning Methods: Definitions, Comparisons, and Research // "Bases Journal of Engineering Education", 2006. DOI:10.1002/j.2168-9830.2006.tb00884.x, 29 p
13. *Maslow A*. Motivation and Personality. New York: "Harper & Row", 1970.

STUDENT-CENTERED LEARNING FROM THE PERSPECTIVES OF STUDENTS AND TEACHERS

M. Shahverdyan, M. Mazmanyan

Vanadzor State University

ABSTRACT

In the modern educational system, student-teacher relationships are perceived differently by participants in the process, due to the requirements of the Bologna Process. This article examines the shift in emphasis from teaching to learning as an active educational process, that is, student-centered learning, and how students and teachers perceive it. Specifically, based on research conducted at Vanadzor State University, a survey and focus groups with students and teachers using the Multilevel Self-Report Questionnaire (MLSQ) were conducted among faculty and students to identify factors influencing their perceptions of student-centered learning.

The results indicate that the perception of student-centered education is influenced by factors such as student adaptation, learning motivation, teaching strategies, the attitudes of participants in the educational process, awareness, conditions for creative development, and the availability of resources (both material and human).

Keywords: student-centered and teacher-centered learning, perception, adaptation, satisfaction with teaching, motivation.

Տասնիներորդ միջազգային տարեկան գիտաժողով
2025 թ. դեկտեմբերի 1–5
Գիտական հոդվածների ժողովածու՝
հումանիտար և հասարակական գիտություններ

The nineteenth International Annual Scientific Conference
(December 1-5, 2025)
Collection of scientific articles: humanities and social sciences

ԳՀԻՄ գլխավոր խմբագիր – Մ.Է. Ավագյան
Խմբագիրներ – Ա.Ս. Եսայան,
Ն.Բ. Բադալյան
Համակարգչային էջադրում – Ա.Հ. Անտոնյան

Editor-in-Chief of the RNI – M. Avakyan
Editors – A. Yesayan, N. Badalyan
Computer layout – A. Antonyan

Ռուս-Հայկական
համալսարանի Գիտական
հրապարակումների խմբագրության հասցե՝
0051, ք. Երևան, փող. Հովսեփ Էմին, 123
հեռ./ֆաքս՝ (+374 12) 77-57-75 (ներքին՝ 392)
էլ.փոստ՝ *maria.avakian@rau.am*

Address of the Editorial Board
of Scientific Publications of
the Russian-Armenian University*:*
0051, Yerevan, st. Hovsep Emin, 123
tel./fax: (+374 12) 77-57-75 (ext. 392)
e-mail: maria.avakian@rau.am

Պատվեր № 7
Ստորագրվել է տպագրության 27.04.2026
Չափսափ՝ 70x100$^{1}/_{16}$
Ծավալ՝ 44,5 պայմ.տ.թ.
Տպաքանակ՝ 100 օրինակ

Order № 7
Signed for publication on 27.04.2026
Format 70x100$^{1}/_{16}$.
Volume 44,5 conv. p.l.
Circulation 100 copies

Девятнадцатая международная годичная научная конференция (1–5 декабря 2025г.)
Сборник научных статей:
гуманитарные и общественные науки

Главный редактор РНИ – М.Э. Авакян
Редакторы – А.С. Есаян, Н.Б. Бадалян
Компьютерная верстка – А.Г. Антонян

Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского университета:
0051, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123
тел./факс: (+374 12) 77-57-75 (внутр. 392)
e-mail maria.avakian@rau.am

Заказ № 7
Подписано к печати 27.04.2026
Формат 70x100 1/16.
Объем 44,5 усл. п.л. Тираж 100 экз.

ISBN 978-9939-67-408-7

